

ДНЕВНИКИ
КАЗАЧЬИХ
ОФИЦЕРОВ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ

ДНЕВНИКИ
КАЗАЧЬИХ
ОФИЦЕРОВ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

ББК 63.3(2)-8
Д54

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

Д54 **Дневники казачьих офицеров / Составление, научная редакция, предисловие, приложения, комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянова (Калабухова).** — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 362 с.

ISBN 5-9524-0731-5

Книга рассказывает об участии казачьих соединений в двух войнах начала XX века — Великой и Гражданской.

Дневники генерал-лейтенанта М.А. Фостикова — взгляд на события Гражданской войны на Юге России начальника казачьей дивизии, в 1920 году — командующего «Армией возрождения России», ведущей на Кубани и Кавказе партизанскую, а затем открытую войну с регулярными частями Красной армии. Заключают дневники описания последних боев Русской Армии в Крыму.

В цикл вошли также записки полковника П.М. Маслова о боевой работе 1-го Хоперского полка на Западном и Кавказском фронтах Великой войны.

Завершают цикл воспоминания военного историка русского зарубежья полковника Ф.И. Елисеева — командира хоперцев в Гражданской войне.

Включенные в книгу дневники и мемуары издаются в России впервые.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей и ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

- © П.Н. Стрелянов (Калабухов),
составление, научная редакция,
предисловие, приложения, коммен-
тарии, подбор иллюстраций, 2004
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-0731-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается книга, составленная из дневников и воспоминаний казачьих офицеров Русской Императорской армии, участников Белого движения на Юге России — генерал-лейтенанта М.А. Фостикова, полковников Ф.И. Елисеева и П.М. Маслова.

Событиями трех войн XX века судьба сводила их вместе, затем разбрасывала по фронтам и странам, чтобы вновь соединить в эмиграции через континенты.

Открывают книгу дневники генерала Фостикова, начатые им весной 1918 года в России и законченные в 1921 году в городе Вранье Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, сокращенно СХС (будущей Югославии).

Последний год Великой войны 1914—1917 годов застал Фостикова в должности командира конного отряда — конвоя Великого Князя Димитрия Павловича, находящегося в Персии в ссылке по указу Императора Николая II.

В Гражданскую войну М.А. Фостиков — один из самых доблестных командиров казачьих полков, с 1919 года — активно действующий военачальник дивизионного и корпусного уровня. Только в Гражданской он был более десяти раз ранен и контужен (не считая ранений, полученных в Великой войне). Так, в боях под Царицыном с 9 по 13 сентября, командуя дивизией в чине генерал-майора, ранен четырежды, причем последний раз тяжело.

«Казачи любовно смотрели на своего «генерала Х в о с т и к а», как они называли его и, видимо, совершенно не боялись, а только любили и готовы были слушаться его беспрекословно. С ними он провел всю Гражданскую войну, много раз раненный», — вспоми-

нал полковник Ф.И. Елисеев, командир полка во 2-й Кубанской казачьей дивизии Фостикова, а затем ее командующий¹.

Несомненный интерес представляет и та часть дневников генерала, в которой скрупулезно, по дням, фиксируются все перипетии документально малоизвестного восстания кубанских казаков против большевиков конца весны—осени 1920 года. В это время Русская Армия уже действовала в Крыму, а отошедшая к Адлеру и Сочи Кубанская армия осталась без своих старших начальников, отозванных к генералу Врангелю (генералы Шкуро, Улагай, Науменко, Бабиев, Муравьев). В апреле большая часть ее капитулировала перед красными.

В последующие месяцы генерал Фостиков, объединив под своим командованием до 25 тысяч человек², ведет в горах и лесах юго-восточной части Кубани, в Теберде и Карачае партизанскую, а затем и открытую войну с регулярными частями Красной армии.

Прекрасно вооруженным и снабженным красноармейцам противостояли казаки, одетые и вооруженные «как они были» на момент ухода в горы. Начав борьбу в июне месяце в одном только Баталпашинском отделе, к началу августа Фостиков переносит боевые действия своих частей на территорию еще двух отделов — Лабинского и Майкопского. Таким образом, восстание охватило три из семи отделов Кубанского войска.

О том, что генерал Фостиков старался организационно и структурно превратить отряды своей «Армии возрождения России» в регулярные воинские части, говорит тот факт, что сами казаки постановили «нашить всем погоны по цветам частей». (Эти редкие свидетельства того времени представлены в иллюстрациях книги.) А ведь случайное попадание в плен в погонах заканчивалось одним — пулей.

Против большевиков в армии повстанцев вместе с казаками воевали белые офицеры, горцы, учащаяся молодежь, участвовавшая в боях наравне со взрослыми. «Летом 1920 года части армии генерала Фостикова под давлением красных отступали в горы. Взвод пеших казачат, состоявший из воспитанников Майкопского технического училища, не обученный строю, случайно оторвавшийся от своей части и попавший в безлесую полосу фронта, спешно отходил под давлением эскадрона красной конницы. Считавший свою жизнь минутами — этот взвод, под командованием испытанного подхорунжего, сгрудился вокруг него и, отступая широким шагом,

с предсмертным пением казачьего гимна «Ты Кубань, ты наша Родина», он, в моменты близкие к роковому концу, поворачивался резко кругом, давал 4—5 сметающих залпов наседающих красных, валил из строя их и вновь, подавляя в душе чувство страха смерти, продолжал спешно отходить к лесу...»³

В сентябре более 5 тысяч бойцов повстанческой армии и беженцы под непрерывным натиском превосходящего противника с боями, в тяжелейших условиях, отошли через горные перевалы в Грузию. Фостикову удалось установить связь с генералом Врангелем и получить заверения в скором прибытии кораблей для переброски частей в Крым. На Черноморском побережье казаки были интернированы. Показательно здесь разное отношение к белым казакам со стороны местных властей и военных: если кадровые грузинские офицеры Императорской армии сочувствовали и старались помочь, то «начальствующие» лица и действующие по их приказу солдаты, пользуясь бесправным положением разоруженных людей, измывались над ними, обирали их и морили голодом.

К началу октября советская Россия и правительство Грузии договорились о выдаче казаков большевикам. В Гагры уже направлялась «совместная миссия». В то же время транспортом, пришедшим от генерала Врангеля, грузинским командованием не дозволялось пристать к берегу. И генерал Фостиков провел блестящую «сухопутно-морскую» операцию: хитростью и силой, с высадкой десанта и применением оружия ему удалось завершить ночную погрузку казаков на корабли для перехода в Крым.

Дневники заканчиваются описанием завершающих боев Русской Армии под командованием генерала Врангеля на Перекопе, содержат особый взгляд автора на Крымскую эвакуацию ноября 1920 года. Его характеристики некоторых известных генералов и штаб-офицеров Белого движения остаются конечно же выражением личного мнения Фостикова.

Поскольку военная биография генерала Фостикова документально отражена в его послужном списке (см. приложение 1), мы сочли нужным остановиться на тех важных эпизодах его военной службы и жизни в эмиграции, которые там не раскрыты.

Михаил Архипович Фостиков — сын вахмистра и внук офицера Кубанского казачьего войска (ККВ). После окончания военного училища в 1908 году вышел хорунжим в 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ. С 1909-го по 1912 год участвовал с полком в во-

енной экспедиции в Персии⁴, с началом Великой войны 1914 года он — на Кавказском фронте полковой адъютант⁵. Весной 1915 года сотник Фостиков отозван в войско и переведен в формируемую Сводную Кубанскую (3-ю Кубанскую казачью) дивизию на Персидский фронт. Командир 3-й сотни 4-го Сводного Кубанского (Ставропольского) полка⁶ и конного отряда особого назначения до осени 1917 года.

После эвакуации 1920 года из Крыма Сводный Кубанский корпус под командованием генерал-лейтенанта Фостикова был размещен на острове Лемнос, откуда через Солоники 1 июня 1921 года прибывает в город Вранье (Королевство СХС). Сдав командование, на протяжении многих лет генерал преподает в сербских гимназиях. После вступления Красной армии в Белград в 1945 году его вызывают в особый отдел, где допрашивают в течение трех суток, но затем отпускают⁷. Умер М.А. Фостиков 29 июля 1966 года в Белграде, похоронен в городе Стара Пазова (Югославия).

Второй цикл книги — «С Хоперцами» — начинают записки полковника П.М. Маслова, родового казака-хоперца, чья судьба событиями Великой войны и Белой борьбы оказалась тесно связанной с генералом Фостиковым.

Записки Маслова — это короткие рассказы офицера 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ о неизвестных эпизодах боевой работы старейших казачьего и драгунских полков Кавказской кавалерийской дивизии, проводивших всю войну 1914—1917 годов на Западном и Кавказском (и его Персидском направлении) фронтах. По возвращении с войны в Батапашинский отдел Кубанского войска, весной 1918 года, казаки начинают борьбу против большевиков и продолжают ее в отрядах Шкуро в первых боях с красными на Юге России.

Павел Максимович Маслов родился 6 ноября 1880 года в станице Кардоникской Кубанского казачьего войска. Подхорунжий 1-го Хоперского полка ККВ мирного времени, в Великой войне георгиевский кавалер, за боевые отличия в 1914 году произведен в офицеры, к концу войны подъесаул родного полка. В Гражданской — командир полка в дивизии Шкуро, командир бригады (2-й и 3-й Хоперские полки) в «Армии возрождения России» генерала Фостикова в августе 1920 года, войсковой старшина, в Русской Армии командующий 2-м Хоперским полком, награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2-й степени.

В эмиграции с 1922 года, служил со своим полком в отрядах сербской жандармерии и пограничной стражи в горах Македонии. По расформировании русских воинских частей — организатор и участник выступлений казаков-джигитов вместе с Ф. Елисеевым, работает техником-испытателем на фабрике авионосов (самолетов) в городе Кральево. С оккупацией немецкими войсками Югославии в 1941 году в группе русских летчиков-испытателей перелетел в Алжир и воевал в «Бельгийской Легии». В 1944 году попал в плен, находился в лагере в Австрии. Как белый офицер, он не имел возможности вернуться после войны в титовскую Югославию. Получив пенсию от правительства Бельгии, жил в старческом доме в Брюсселе и умер 1 мая 1974 года.

Продолжают цикл «С Хоперцами» воспоминания полковника Ф.И. Елисеева.

«Федор Иванович Елисеев — не только боевой офицер, но один из наиболее крупных военных историков и мемуаристов русского зарубежья. Он оставил тысячи страниц произведений, посвященных истории полков Кубанского казачьего войска, начиная с предвоенного времени. Собственно, большую часть того, что было написано в эмиграции по истории кубанских частей, составляют именно труды Ф.И. Елисеева. Да и за исключением ряда высших руководителей Белого движения и профессиональных военных историков, пожалуй, никто другой среди русской военной эмиграции не оставил такого обширного наследия.

Свод воспоминаний Ф.И. Елисеева о полках Кубанского казачьего войска, в которых ему довелось служить, по объему, степени подробности и насыщенности фактическим материалом практически не имеет себе равных в такого рода литературе и является ценнейшим источником по истории Первой мировой и Гражданской войн...» (С.В. Волков, доктор исторических наук).

В данную книгу вошли пять тетрадей-брошюр Елисеева — хронологически продолжающие его более ранние воспоминания (Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917 гг. М.: Воениздат, Редкая книга, 2001; С Корниловским конным. М.: АСТ, Астрель, 2003).

В них командир Хоперских полков в 1919 году повествует о лихих, сокрушающих рейдах прославленных казачьих корпусов Мамантова и Шкуро; об отступлении с тяжелыми боями от Воронежа до Кубани; приводит боевые расписания казачьих частей; ярко выписывает образы старших военачальников — А.Г. Шкуро,

К.К. Мамантова, Н.Г. Бабиева, В.Г. Науменко, А.М. Шифнер-Маркевича, Н.П. Калинина, офицеров и рядовых казаков.

Генерал Шкуро был первым героем и любимым начальником для казаков. Но вот как описывает освобождение от красных Екатеринослава местный житель:

«Легкой рысью проносились по проспекту сотни казаков; добродушные улыбки кубанцев, загорелые лица офицеров, часто мелькающие беленькие Георгиевские крестики на груди и бесконечный восторг, неимоверное счастье освобожденных людей...

Увидев молодого генерала, идущего впереди бесконечной ленты конных войск — толпа забыла печаль прошлой ночи... Прилив твердой веры и новые надежды охватили исстрадавшихся людей. Генерала забрасывали цветами; молодые и старые женщины, крича и плача, целовали стремяна принесшего освобождение генерала. И впервые, после трехнедельного молчания, зазвонили церковные колокола.

...Еще вчера неизвестная фамилия Шкуро сегодня стала ореолом освобождения и надеждой на восстановление Родины».

Отобразив документально ход ожесточенных сабельных сражений в центральных губерниях России, сам непосредственный участник тяжелых боев под Касторной Елисеев приводит численное соотношение белых и красных соединений, тем самым «изнутри» оппонирует Буденному, восхваляющему победы красной конницы в книге «Пройденный путь». Впрочем, красный маршал не раз ставит себя в курьезное положение, описывая гибель «зарубленных конноармейцами белых генералов» (оказавшихся потом живыми и невредимыми и проживавших в эмиграции) или многократно преувеличивая силы и вооружение белых частей — видимо, для вящей славы.

Конечно, хватало среди казаков и тех, кто воевал на стороне большевиков; по словам донского урядника, сказанным Елисееву, «и наших сволочей-донцов немало у красных». Были ли это уже казаки?!

Хватало и таких, кто, вернувшись к нормальной, зажиточной жизни при белой власти, жизни *по законам*, не желали терять нажитое поколениями и отступать по Кубани с армией — «ведь всего не унесешь с собою?.. а одному бежать — какой смысл?» — предпочли мириться с большевиками. Что с ними стало?!

Большевики все брали бесплатно и под угрозой. «Мы — народная армия!.. Нашим лошадям нужен фураж. Давайте его нам не-

медленно же!.. А нет — сами возьмем! А когда прогоним золотопогонников — всем вам будет легче жить. А пока — делайте жер-тву!» — говорили они крестьянам, и те, ненавидя их и боясь, давали все, что требовали.

«Должен подчеркнуть, — пишет Елисеев, — что воронежские крестьяне были настроены исключительно активно против красных. Как жаль, что эта сила не была использована».

И как трагический эпилог к уничтожению русского мужика еще в годы Гражданской войны, как жуткое горе Ф. Елисеев приводит слова-стон простого старого солдата при отступлении белых. «Э-эх, господин полковник! — чисто по-крестьянски выдавил он из себя. — Проп-пала Рас-сея... проп-пало все... хрестьяне... семья!» — как-то особенно, с надрывом выкрикнул он, прапорщик из крестьян».

Тогда казалось, что «это есть наши временные неудачи»...

Кадровый офицер, блестящий знаток казачьей формы и оружия, структуры и истории казачьих полков, Елисеев в своих работах всегда обращает внимание на эти детали. Любовь к форме и привычка носить ее «нарядно» даже в смутное время Гражданской чуть не сыграли с ним злую шутку при встрече с донскими казаками, не поверившими ему.

Он дает довольно редкое описание и боевую работу «Волчьего дивизиона» — любимого детища и личного конвоя генерала Шкуро.

Вступив в должность командира хоперцев и столкнувшись с полным неведением молодыми офицерами военного времени и офицерами неказаками полковых традиций и песен (см. приложение 3), Елисеев рассказывает им «историю хоперцев», старается воспитать в офицерах гордость за свой полк.

Уезжая через несколько месяцев по переформированию кубанских частей на фронт, провожаемый всеми офицерами-хоперцами, «часть своей души он оставлял в этом полку...».

Федор Иванович Елисеев родился 11 (24) ноября 1892 года в станице Кавказской Кубанского войска в казачьей семье. Семнадцати лет от роду вступает в службу вольноопределяющимся в 1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк ККВ. В 1910 году поступает в Оренбургское казачье училище и оканчивает его взводным портупей-юнкером с двумя золотыми жетонами за джигитовку и гимнастику. В 1913 году выходит хорунжим

в 1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ в Туркестанский военный округ (город Мерв). С началом Великой войны на Кавказском фронте (19 октября 1914 года) Елисеев непрерывно в строю: младший офицер сотни, полковой адъютант, командир сотни на Западном фронте (Финляндия), награжден шестью боевыми орденами до ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом включительно.

По возвращении казачьих частей на Кубань — активный участник восстания против большевиков в Кавказском отделе в марте 1918 года, командир конного отряда. Летом того же года вступает в отряд полковника А.Г. Шкуро и начинает свою боевую работу в Белом движении.

С сентября 1918-го и по май 1919-го он в Корниловском конном полку: командир сотни, затем командир полка, четыре раза ранен.

После командования Хоперскими полками (о чем рассказано в этой книге), с января 1920-го, командир 1-го Лабинского полка и командующий 2-й Кубанской казачьей дивизией (Улагаевской) при отступлении с боями к Черному морю и капитуляции Кубанской армии под Адлером и Сочи в апреле 1920 года.

Плен, лагеря и тюрьмы в Екатеринодаре, Костроме, Москве и Екатеринбурге, откуда Елисеев бежит в Олонецкую губернию и летом 1921 года переходит границу с Финляндией.

Атаман Финляндско-Кубанской станицы, работал на лесопильной фабрике. В октябре 1924 года, получив визы, вместе со своими казаками отбывает во Францию. В 1925—1926 годах он — организатор и главный участник джигитовки под руководством генерал-лейтенанта Шкуро в Париже и в турне по странам Европы.

В городе Виши полковник Елисеев назначается представителем Кубанского войскового атамана генерал-майора В.Г. Науменко начальником армейской рабочей группы РОВС, активно помогает Русскому зарубежному союзу военных инвалидов генерала от кавалерии Н.Н. Баратова.

С 1933-го по 1939 год Елисеев — руководитель группы джигитов в «кругосветном турне» по Индии, на островах Ява, Борнео, Филиппинах, в Индокитае, Бирме, Сиаме, Малайе, Сингапуре и других странах.

В 1937—1938 годах, проживая в Шанхае, он назначен представителем Кубанского атамана на Дальнем Востоке для установления и поддержания связи с возглавителем дальневосточной эмиграции атаманом Г.М. Семеновым.

В 1939 году на острове Суматра Ф.И. Елисеева застают Вторая мировая война. Как офицер союзной армии по Первой мировой войне, он вступает офицером во французский Иностранский легион в Индокитае, участвует в боях с японцами. В 1945 году, прикрывая отход батальона легионеров в арьергарде и спасая раненого товарища, сам дважды раненный, попадает в плен. Ему шел 53-й год, это была его третья война. После освобождения в 1946 году возвращается во Францию. За службу и боевые отличия в Легионе Елисеев награждался девять раз, в том числе орденом Круа де Герр (Военного Креста) 2-й степени с золотой звездой на ленте.

В 1947—1948 годах работал с группой джигитов в Голландии, Швейцарии и Бельгии. Когда он слез с седла, ему было 56 лет.

Еще во время поездок по странам Юго-Восточной Азии Ф.И. Елисеев закончил писать свой труд (5000 страниц), посвященный истории полков ККВ и военной истории казачества.

Перебравшись в 1949 году в США, он публикует основные свои работы. Всего было выпущено на ротаторе более девяноста брошюр (2500 страниц), так и не изданных в виде книг. Брошюры рассылались по подписке, а старикам в богадельни — бесплатно.

Умер Федор Иванович Елисеев 3 марта 1987 года в Нью-Йорке на 95-м году жизни.

* * *

Первая обработка рукописных дневников генерала Фостикова была осуществлена его сыном Борисом Михайловичем и внуками. Один экземпляр дневников передан сыном генерала составителю этой книги в Белграде в декабре 2001 года для публикации в России.

Записки полковника Маслова были также подарены составителю сыном полковника — Александром Павловичем. Обоим дарителям приношу сердечную благодарность.

Дневники М.А. Фостикова и П.М. Маслова никогда не публиковались. Брошюры Ф.И. Елисеева «С Хоперцами от Воронежа и

до Кубани. 1919—1920» выходили в США на ротаторе в 1961—1962 годах и представляют собой библиографическую редкость.

Необходимо отметить, что как в обработанных, так и в рукописных записках наличествовало не всегда верное (по объективным причинам) написание многих географических названий и имен участников боевых действий. Это потребовало привлечения дополнительных архивных источников, и очевидные ошибки были исправлены. При этом датировка событий авторов и их стиль сохранены.

Практически все фотографии, вошедшие в книгу, публикуются впервые. Большая их часть передана нам сыновьями авторов; снимки с Кавказского и Персидского фронтов Великой войны — из семейного архива составителя.

В комментарии включены краткие биографические сведения о лицах, упоминаемых в дневниках и воспоминаниях. Данные о старших офицерах Белого движения, неказаках, любезно предоставлены составителю доктором исторических наук С.В. Волковым.

В приложении 2 приведено военно-административное деление Кубанского казачьего войска на 1920 год и перечислены населенные пункты тех отделов, на территории которых вела боевые действия армия генерала М.А. Фостикова.

В приложении 4 представлены секретные документы Кавказского фронта красных из Российского государственного военного архива (РГВА), содержащие сведения о применении репрессий в казачьих станицах, поддержавших «Армию возрождения России».

П. Стрелянов (Калабухов)

ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА М.А. ФОСТИКОВА

Глава 1

МОЕ УЧАСТИЕ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

(1 марта 1918-го — 1 марта 1920 года)

БЕГСТВО ИЗ ПЕТЕРБУРГА НА КУБАНЬ

Революция в России застала меня в рядах Кубанского конного отряда в Персии, на Пенджвинском направлении, в должности временного командующего отрядом⁸. Отряд, по существу, являлся конвоем Великого Князя Димитрия Павловича⁹, который находился в ссылке в Персии по указу Императора Николая II. По возвращении в Россию в 1917 году я был командирован на курсы Николаевской военной академии Генерального штаба, где пробыл до марта 1918 года, перейдя на ее старший курс.

Жить в Петербурге, переполненном отрядами большевиков, красными матросами, видеть расстрелы жителей города, грабежи и т. д. стало невозможно, а между тем с юга доходили до меня слухи, все яснее и яснее, о генерале Корнилове¹⁰ и об организации им Добровольческой армии.

Пустив в ход все способы и средства, вместе с 30—40 слушателями академии, достав кое-какие документы для поездки домой на Кавказ, получив отдельный вагон четвертого класса, мы 1 марта 1918 года пустились в неизвестный путь. Ехали недолго, под видом, конечно, «товарищей», так что наш вагон охранялся красноармейцами. Нас повезли сначала на Царицын, а оттуда через Лиски в Ростов-на-Дону. В Донской области, по слухам, уже происходили восстания. По пути я так и не выяснил, где происходят формирования добровольческих частей. Остаться же в Донской области у меня не было в планах, так как я спешил в Ставрополь для устройства моей матери и сестры с детьми, после чего и намерен был принять, как офицер, участие в борьбе с большевиками.

В Ростове наш поезд продержали сутки, так как комендант (красный) станции боялся выпустить его в район станции Уман-

ская, где, видимо, происходили бои (как потом я узнал, между донцами и большевиками). Проезжая на другой день станцию Кушевская, я слышал орудийную стрельбу. Несколько офицеров из нашего вагона в районе станции Кушевская ночью на ходу спрыгнули с поезда, участь их мне неизвестна.

12 марта на станции Кавказская, где я решил перейти на ставропольский поезд, большевиками был произведен обыск в багажном отделении. (Мои вещи находились там, а в вещах неосторожно оставлено было все мое офицерское обмундирование и несколько пар погон.) Открыт был и мой чемодан, достали погонны, и толпа заревела от радости. Я оставался на перроне станции зрителем и, когда толпа начала облаву, разыскивая хозяина багажа, распрощался со своими вещами. В рабочей куртке, пешком, я перебрался с Кавказской на станцию Темижбекская, откуда зайцем доехал до Ставрополя, сохранив ручную сумку.

Прибыл в Ставрополь 14 марта и скромно поселился на квартире моей матери и сестры в глухой части города с садами, скрывшись таким образом от пытливых глаз большевиков. Довольно спокойно в кругу своих родных я прожил до первых чисел мая 1918 года. В станицах ближайших к Ставрополю некоторые казаки узнали о моем прибытии и начали скрытно, ночью, приезжать ко мне — узнать обстановку и поделиться со мной мыслями о происходящем в станицах Баталпашинского отдела.

В средних числах апреля приехали ко мне казаки станицы Барсуковской и увезли к себе. У них пробыл восемь дней, за это время я рассказал станичникам о событиях в России и из казаков, ярых противников большевиков и совдепов, организовал «сидящими» две сотни конного состава (250 шашек).

Большевики, узнав о моей агитации в станице, выслали карательный отряд для поисков, это заставило меня возвратиться в Ставрополь. До этого из Барсуковской я выслал своих агентов в станицы Николаевскую, Екатериненскую, Сенгилеевскую и по хуторам для формирования отрядов. Уже в Ставрополе к 5 мая я получил донесение о том, что по станицам у меня собралось до полутора тысяч казаков, готовых выступить под моей командой при благоприятной для нас обстановке. Я был тогда в чине войскового старшины.

В мае месяце в Ставрополе настали тревожные дни, говорили о боях в районе Торговой; большевики заволновались, спешно при-

ступили к сбору и мобилизации бойцов. Прибывшими с севера матросами во главе с товарищем Яшкиным был сформирован «Горно-морской» матросский батальон (своим знаменем эти матросы считали Андреевский стяг, который носился в голове батальона).

Всем белым офицерам (о моем чине красные все-таки узнали) было объявлено о явке в штаб для регистрации. Долго я уклонялся от явки, но по настоянию моей матери и сестры решил для их успокоения зарегистрироваться и 10 мая явился в штаб красных, где приняли меня удивительно любезно.

Узнав, что я был слушателем академии Генштаба, предложили вступить в Красную армию; все мои отговорки и ссылки на ранения в Первой мировой войне во внимание приняты не были. На размышление мне дано было три дня. Скрыться я уже не мог, так как подверг бы преследованию родных, а единственным выходом выбрал освобождение от воинской повинности по состоянию здоровья (в Европейскую войну я был ранен несколько раз). В этом мне была обещана поддержка со стороны генерала Рослякова¹¹, бывшего по принуждению на службе у красных в качестве военспеца.

13 мая меня вызвали в красный штаб и предложили поехать на автомобиле в район станицы Торговой, где тогда происходили бои с отрядами повстанцев. 15 мая красные под Торговой разбиты, и я, вместе с «товарищами», бегу в Ставрополь. 17 мая меня, слава богу, отпускают, а 18 мая получаю, посредством генерала Рослякова, разрешение выехать в Пятигорск для лечения.

Меняю квартиру. Узнав, что я остался в городе, большевики начинают преследование: раза три в одном белье, поднятый облавой и обысками, перебегаю почти весь город к своим родственникам и обратно. Наконец, не выдержав больше, скрываюсь из Ставрополя на хутора Егорлыцкие, где начинаю готовить казаков к восстанию.

Связываюсь с двадцатью станицами, налаживаю почту и ожидаю подхода поближе добровольцев или полковника Шкуро¹², который, по слухам, оперировал в районе станицы Бекешевской. Под давлением карательных отрядов в первых числах июня переезжаю в станицу Сенгилеевскую и связываюсь со ставропольской офицерской подпольной организацией, которая ставит себе целью захват города.

Организация просит помощи казаков. Для того чтобы стовориться и условиться с организацией, 10 июня тайно еду в Ставрополь.

Знакомлюсь с полковником Ртищевым Павлом (расстрелян во время восстания) и, условившись с ним, что о дне и часе восстания он предупредит, уезжаю на хутор Кавказский и по станицам Барсуковской, Темнолесской, Николаевской и Сентиглеевской, где я уже был, всюду предупреждая о готовности казаков к выступлению. Набираю около тысячи самых надежных казаков, организовываю их в сотни, переезжаю на хутор Кавказский и устанавливаю связь с упомянутыми станицами и Ставрополем. Выжидаю.

Кроме моей организации и организации в Ставрополе, в городе Армавире существовала организация Лабинского отдела, которая 15 июня раскрывается большевиками, и начинаются расстрелы.

Казаки станицы Барсуковской, по собственному усмотрению, нападают на станицу Невинномысскую, терпят неудачу и рассеиваются. В станицах начинается террор красных.

26 июня семья спешно вызывает меня в Ставрополь, здесь узнаю о появлении полковника Шкуро под городом.

Вечером того же дня полковник Ртищев оповещает, что ночью по случаю выхода из Ставрополя некоторых красноармейских частей он начинает восстание. Казаков, конечно, из-за спешки предупредить не представлялось возможным, и я принял участие в нем в качестве рядового. Восстание не удалось, участвовало 270 человек офицеров и молодежи. Больше половины участников погибло. Я чудом спасся и в погоне отсиживался сутки в парниковой печи в саду Глущенко на Гимназической улице, а 28 июня бегу на хутор Кавказский.

К 9 июля с частью казаков под Ставрополем присоединяюсь к полковнику Шкуро, который подходит к городу с полком (1-й Кубанский полк в 1200 шашек).

Из всех этих частей 9 июля 1918 года сформирована под его командой 2-я Кубанская казачья дивизия, в состав которой я вошел с полком из собранных мною казаков, назначенный его командиром.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Большевики, по существу, не защищали Ставрополь, они просто испугались Шкуро, разбитые им прежде у села Птичьего. Бросив Ставрополь, они бежали к Невинномысской. Преследовать их наши

части высланы не были, что дало им возможность прийти в себя и 9—10 июля занять село Татарка в 12 верстах от Ставрополя.

10 июля красные под командой «товарища» Шпака ведут наступление на Ставрополь (два полка пехоты, десять эскадронов конницы, две батареи и четыре вооруженных автомобиля). Наши части это наступление захватило врасплох, так что пришлось выехать по тревоге.

Дивизия в это время была многочисленная, но 60 процентов ее почти не имело вооружения; правда, было 20 орудий и 4 пулемета; части бойцов были неорганизованны и не сбиты в строю. Первый наш натиск красные не выдержали, «товарищи» бегут, Шпак зарублен, а потом, видя наше расстройство (ошибка командования), снова оправляются, переходят в контратаку, и мы бежим в сам город. Остатки наших частей задерживаются у околицы города и удерживают противника до темноты. Ночью у нас энергичная подготовка, и к утру части в сборе (я легко ранен в правую ногу, остаюсь в строю).

11—12 июля красные безуспешно наступают, берут часть старого форштадта, а в ночь с 12 на 13 июля отходят в Невинномысскую, ибо им в тыл подходит наша конная бригада со стороны Егорлыцкого хутора. Я с полком при одном орудии, 13-го и 14-го, преследую большевиков, занимаю станицу Барсуковскую — в этот день мои разъезды доходят до самой станицы Невинномысской, где после бегства сосредоточились почти все ставропольские большевики. К ним подходит около 3 тысяч человек пехоты и 500 конницы, таким образом, в Невинномысской сосредоточилось около 9 тысяч большевиков всех родов войск.

17 июля красные ведут наступление, занимают Барсуковскую и подходят по Ставропольскому шоссе на гору Недреманную.

Мы занимаем позиции: Лопатинский лес и Острый Курган (1-й Лабинский полк); я с полком — от хутора Польского на Ставропольском шоссе до станицы Темнолесской. При мне одно горное орудие с десятью снарядами.

С 20 по 24 июля ночными атаками и тревогами мы удерживаем красных от дневных операций. Лично я, руководя охотниками в ночных атаках, заставляя красных целыми ночами вести оружейный и пулеметный огонь, а раза два, пользуясь замешательством «товарищей», вскакивал на верхнее плато Недреманной, где немало порубил противника. С отходом нашего левого фланга через Хо-

лодную гору противник заставляет нас бросить позиции и перейти на высоты у села Татарка.

27 июля мы прижаты противником к самому городу. Красные наступают по следующим направлениям: село Татарка—Ставрополь, станица Темнолесская—Ставрополь, Золотая гора—Ставрополь — и вводят в бои до 30 тысяч бойцов, много артиллерии и броневиков.

Наши силы: четыре конных полка, два пластунских батальона, Кавказский офицерский полк, три батареи и около тридцати пулеметов. Пополненной дивизией командует полковник Шкуро.

28 июля я остаюсь с полком при двух орудиях защищать город у Мамайского леса со стороны села Татарка, Темнолесской и Золотой горы. К 14 часам красные группируют главные силы на горе Базовой и переходят в энергичное наступление. Конницу противника на правом его фланге, перешедшую на меня в атаку, я с двумя сотнями обращаю в бегство, но под давлением цепи красной пехоты мы постепенно отходим и к 16 часам задерживаемся на опушке Мамайского леса в очень тяжелом положении.

Вдруг замечаем за моим левым флангом пыль, посылаю узнать, кто подходит, и с моим посыльным на рысях подъезжают конные разведчики корниловцев. Радости нет конца. Предупреждаю свои цепи о подходе к нам помощи корниловцев, храбрость казаков удесятеряется, и натиск противника отбивается. Корниловцы разворачиваются, вливаются в мои цепи, атака бегом (не ложась), и враг, бросив все свое имущество, стал поспешно отходить.

С четырьмя сотнями в конном строю я преследую красных до станицы Темнолесской, противник в панике бежит, при преследовании был загнан на Темнолесские кручи, с которых около сотни бросилось вниз и разбилось. Группа красных у села Татарка отступила на гору Недреманную.

С 29 июля до 9 августа я с полком снова занимаю старую позицию у хутора Польского. 9 августа мой полк, утомленный до последних сил, сменяется Кавказским полком; я отхожу в Татарку, отдыхаю, а 11 августа утром выступаю для преследования противника, разбитого 9—10 августа у Старо-Моравской.

К этому времени дивизию принимает полковник Улагай¹³, а полковник Шкуро, с набранными из части дивизии партизанами (главным образом казаками Баталпашинского отдела), уходит к станице Баталпашинской и далее на Кисловодск.

11 и 12 августа мой полк преследует красных до села Сергеевского, получая задачу взять село Александровское. 14 августа на рассвете беру его, а к ночи того же дня отрываюсь в штаб дивизии, находившийся в Сергеевском, где получаю вновь задачу с полком (1200 человек) идти через Ставрополь—Сенгилеевскую на станицу Прочноокопскую.

В это время красные, заняв и разграбив станицу Сенгилеевскую со стороны Армавира, а позже выбитые из этой станицы, с большим трудом медленно отходили на станицы Прочноокопскую и Убеженскую.

14 августа ночью, выступив из Сергеевского, я 17 августа под вечер был в станице Сенгилеевской, пройдя 100 верст. Станица была полностью разграблена, много домов сожжено, и трупы убитых жителей-казаков еще не были убраны.

Мой 1-й Кубанский полк я воспитывал в строгой дисциплине. Грабежей не было, а отучил от них поркой: так, 16 августа перед выстроенным полком были наказаны восемь казаков по 50 плетей за пьянство и грабеж в селе Сергеевском, за то же в Сенгилеевской было выпорото шесть казаков. После этих порок на глазах у всех, во время Гражданской войны до переброски под Новый Оскол, в полку грабеж и пьянство (самогон) совершенно отсутствовали.

Александровский уезд Ставропольской губернии хорошо знал полк, жители всегда с охотой кормили казаков и никогда мне на них не жаловались. Таковое отношение к жителям было заведено не только у меня в полку, а во всех частях дивизии, а главным противником грабежей был начальник дивизии генерал-майор Улагай.

За время пребывания большевиков в станице Сенгилеевской они натворили массу бед, все было разграблено до кухонной посуды, женщины и девушки изнасилованы. В церкви устроили гульбище и разврат, сгоняя туда днем и ночью женщин. По словам местного священника, на кобылице в церкви, надев на обоих облачение, водили его вокруг амвона, поливая из ведра водой. В станице, где сохраняли в цистернах дождевую воду, как питьевую, цистерны были забиты трупами людей и животных.

18 августа я уже был у Прочноокопской крепости, где получил участок для полка — 5 верст, вверх по реке Кубани. С 18 по 23 августа, занимая участок, я имел три боя, неудачных для красных, два раза мы переправлялись через Кубань и устраивали тревоги в Армавире.

20 августа я, пробираясь со своими охотниками по лесу, наткнулся на двухсот большевиков, купающихся у левого берега реки. Подкравшись ближе, нами был открыт бешеный огонь из 60 винтовок, спаслось человек двадцать красных, да и те были загнаны в город голыми.

26 августа я прибыл в село Сергеевское, а 28-го, внезапным ночным налетом, изрубив до пятидесяти человек красных, занял село Александровское. Сентябрь месяц прошел в боях у сел Петровского, Ореховского и Благодарного.

Заняв Александровское и передохнув, познакомился с жителями этих сел: это все бывшие казаки с казачьими укладом жизни и взглядами, кормили и относились они к нам отлично и всегда помогали в боях.

К 1 октября вся дивизия была переброшена под село Кугульта, здесь произошел 4 октября бой с противником, наступающим от Петровска, — противник разбит. 5 октября красные занимают со стороны Медвежинского уезда село Терновка.

6 октября мы снова разбиваем противника наголову. С полком захожу в тыл, рублю со своими казаками резерв около пятисот человек пехоты, и вся группа красных бежит; преследуем их до села Безопасного (я уже полковник, произведен за боевые заслуги под Ставрополем).

7—8 октября бои происходят в районе Черноморского хутора, а 9 октября красные предпринимают грандиозное наступление со стороны Кевсалы и теснят нас. Я с полком выслан в обход правого фланга красных, выполняю задачу, сбивая противника, начинается сплошная рубка, изрублено 380 «товарищей», взято в плен 900, винтовок 2 тысячи, восемь пулеметов. Поле на 3 версты у села Кевсала усеяно трупами; у меня потеря — убитыми 8, ранеными 22 человека, выбито из строя 25 лошадей, подо мною две лошади убиты и одна ранена.

Беру село Кевсала, забираю огромные склады, запасы и отхожу по приказанию в хутор Черноморский.

Бригадным у меня был полковник Говорущенко¹⁴, человек храбрый, но неуч в военном деле и совершенно неспособный ориентироваться в бою. Командиры полков всегда работали по собственному образу и опыту, а наш комбриг все ездил за полками свидетелем и только мешал работе своими неуместными замечаниями и заданиями.

10 октября к Джалге выходят наши группы, которые преследуют противника от села Терновка, через село Безопасное. У Джалги идут упорные бои, и под натиском численно преобладающего противника начинается отход.

В помощь им 12 октября высылается наша бригада из Кевсалы с комбригом Говорущенко (1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки); 14 октября заняты Малая и Большая Джалга. Я с 1-м Кубанским полком заскакиваю под село Киевское в тыл красных, разбиваю резервы и соединяюсь с 78-м Донским конным полком, наступавшим на село Киевское со стороны реки Маньч. Весь тыл красных попадает в руки донцов, противник бежит к селу Дивному.

15 октября наша бригада спешно отзывается в Кевсалу. Оказалось, что за время, когда мы боролись у Джалги, наши кубанские и добровольческие части, давя Таманскую красную армию по левому берегу реки Кубани, победами вынудили ее спешно отойти на линию станиц Барсуковская—Невинномысская. Оттуда она (до 60 тысяч отборных бойцов) нападает на Ставрополь, занятый прежде слабыми по численности частями под командой генерала Боровского¹⁵, и Ставрополь 14 октября пал.

Предпринимается операция для взятия Ставрополя из рук красных: со стороны Армавира, станиц Кавказской и Невинномысской наступают генерал Врангель¹⁶ с Конной (Кубанской) дивизией и добровольцы, а для действий с севера подтягивается наша 2-я Кубанская казачья дивизия.

Кубанская область в то время была почти полностью очищена от большевиков, бои продолжались только у полковника Шкуро в районе станиц Бекешевской и Воровсколесской.

Таманская красная армия, обладая большим количеством артиллерии и пулеметов, отличалась в боевом отношении. Состояла она главным образом из иногородних Кубанской области и мобилизованных казаков, но, обремененная огромными обозами с награбленным имуществом и семьями чинов армии, была малоподвижная.

Заняв Ставрополь, Таманская армия окопалась, построив на некоторых участках по четыре ряда окопов и забаррикадировав улицы. До подхода нашей дивизии красные начали распространяться из города до села Михайловского, а своим продвижением на Сергиевское—Александровское части красных выходили в тыл наше-

му 1-му Полтавскому полку, занимающему участок сел Круговесное—Калиновка.

С большими трудностями мой полк пробивается через село Северное по реке Калаус и присоединяется к дивизии. На марше 20 октября наша дивизия (четыре конных полка, две батареи и батальон пластунов) без боя занимает село Дубовка и разведкой устанавливает присутствие красных в селе Михайловском.

21 октября с рассветом дивизия наступает на Михайловское, командует сам генерал Улагай. Я с полком в авангарде занимаю налетом хутор Пшеничный, гоню конницу противника (около 200—250 сабель) и на их плечах врываюсь на курганы между Пшеничным и Михайловским, но нарываюсь на сильную пехоту противника, занимающую кручи севернее села Михайловского.

Огнем пехоты, артиллерии и пулеметов мой полк отбивается, я получаю контузию артиллерийским снарядом, три пулевые царапины в грудь и теряю убитым коня. Меня подбирают на коня казаки, передовые сотни приходят в замешательство и отступают под натиском присланного в помощь пехоте конного полка красных. Скачу, несмотря на ранение, к своим двум резервным сотням, перехожу с ними в контратаку, задерживаю конницу красных и укрепляюсь на курганах.

К этому времени подходит вся наша дивизия и маневром на правом фланге противника очищает Михайловское. С полком, под вечер, занимаю Ставропольские хутора на реке Ташле. Красные, однако, удерживают южную часть села Михайловского. На ночлег меня отзывают на хутор Пшеничный, иду через Михайловское, думая, что оно очищено полностью, и ночью на улицах села в течение часа веду бой с пехотой красных.

Еще интереснее был случай с моим разездом при этом наступлении. Взвод под командой подхорунжего Аспидова¹⁷, возвращаясь из-под самого Ставрополя в полк по моему приказанию, в селе Михайловском ужинал в одном доме с полуротой красных, назвав себя бойцами 3-го Кубанского полка, который был у красных, а после ужина, сев на коней и уничтожив половину полуроты красных, присоединился к полку. В эту же ночь сотня 1-го Полтавского полка, оторвавшись от дивизии, забрела в Михайловское и расположилась на ночлег в северной части села; переночевали благополучно, а утром, собирая по селу хлеб, столкнулись в центре села с красными сборщиками хлеба, завязалась

перестрелка. Полтавцы, отбив три подводы собранного хлеба у красных, присоединились к своему полку.

22 октября дивизия с рассветом, наступая на Ставрополь, обходит восточнее село Михайловское, которое берется нашей сотней пластунов. Я с полком наступаю в авангарде дивизии, занимаю хутор Нижняя Ташла и выхожу на высоту вокзала города. Дивизия останавливается накоротке и снова продвигается к Ставрополю. Части противника, действующие против добровольческих частей вдоль железной дороги в районе села и станции Палагиада, отбиваются, красные спешно очищают этот район и прячутся в городе; добровольцы подходят к монастырю и реке Ташле.

В частях дивизии большие потери и много заболевших «испанкой». Чувствую себя очень плохо, тревожит контузия под Михайловским, начинается «испанка», но я пока держусь. Хочется ворваться в Ставрополь, чтобы узнать, что с матерью и сестрой, не подозревая, что они пешком выбрались и сидят на станции Кавказская.

23 и 24 октября дивизия ведет усиленный бой у северной окраины города, занимает вокзал. Село Надежда я с полком занимаю дважды, и это село остается за нами; я ваюсь с ног, «испанка» берет меня все больше.

27 октября противник усиливается против вокзала и выбивает наших пластунов. 5-й пластунский батальон отступает и бросает вокзал, только лишь потому, что погибают два ведущих офицера батальона — оба убиты. Дивизия постепенно распространяется от вокзала, я, находясь с полком в центре, продвигаюсь вперед к Ставрополю. Занимаю будки железной дороги (Пияненская), атакой спешенных частей полка продвигаюсь к садам северной окраины города. Здесь получаю пулевую рану в правую часть груди — обморок, меня спешно увозят в тыл в село Михайловское, а оттуда в станицу Ново-Троицкую, где я лечусь до 10 ноября.

За это время нахожу мать и сестру с семьей и поселяю их в станице Ново-Троицкой, а сам 11 ноября прибываю в дивизию в село Дубовка, где вступаю в командование своим полком (1-й Кубанский полк к этому времени сошел на состав в 500 казаков).

За время моего отсутствия произошло следующее: с 26 октября по 2 ноября дивизия ведет бои в районе вокзал—Новофорштадт, входит в тесную связь с дивизией генерала Врангеля (1-я Конная Кубанская), действующего на Ставрополь со стороны села Татарка и станицы Сенгилеевской. Части генерала Покровского¹⁸ (1-я Кубан-

ская дивизия) действовали в направлении на Минеральные Воды, а генерал Шкуро (1-я Кавказская казачья дивизия) действовал у Пятигорска и Кисловодска.

29 октября бригада 2-й Кубанской дивизии (1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки) врывается в Новофорштадт, но, не поддержанная другими частями, покидает его. Все внимание противника приковывается на участок дивизии, а участок против монастыря (направление добровольцев) усиливается красными за счет других их участков. Бесперывные, настойчивые попытки дивизии овладеть городом совершенно вымотали противника, но не без ущерба для нас — наша дивизия выбилась из сил, много потеряла убитыми и ранеными.

Как я потом узнал, участок от Новофорштадта до Ставропольского вокзала был главным участком противника, так как направление на село Надежда у них было единственным для отхода. Поэтому он здесь сгруппировал большие части своих войск с артиллерией, а все их обозы находились в нижней части города. Южная и юго-восточная окраины города считались противником второстепенными, хотя и там у них было много частей, но менее устойчивых.

Тревоги и сборы у большевиков бывали ежедневные, а под конец они к 5—6 ноября (взятие города) дошли до полного замешательства. По документам противник решил бросить город, так как, защищая его, понес бы громадные потери. Кроме того, численность противника уменьшалась из-за начала сыпняка и «испанки» — поэтому цель его была группой пробиваться с ярмарочной площади по направлению на село Надежда.

5—6 ноября части генерала Врангеля (бригада под командованием полковника Бабиева¹⁹) ворвались в город. Тогда весь противник обрушился на нашу 2-ю Кубанскую дивизию и прорвался на село Надежда и Ташла. Дивизия отошла к селам Михайловскому и Дубовскому. Город Ставрополь взят целиком. Противник сгруппировался в селениях Надежда, Старо-Мариевское, хутора по реке Ташле, Спицевское и ведет наступление на села Михайловское, Палагиада, Дубовка, защищаясь в то же время со стороны Ставрополя. Главный натиск красные производят в своем отступлении на нашу дивизию, происходят упорные бои.

11 ноября я из госпиталя (село Ново-Троицкое) прибываю под Дубовку. Выехал в дивизию через станцию Раздвижная, где тогда

находился штаб генерала Боровского (2-я пехотная дивизия), но в этом штабе мне не могли указать места, где пребывает генерал Улагай. Генерал Улагай — это единственный в своем стиле человек: Строг, справедлив, до беззаветности храбр, добр, с недюжинным военным талантом. Дивизия под его руководством, по существу, ни разу не терпела поражения, были небольшие неудачи, но по вине его помощников (комбриги генерал Говорущенко и генерал Шапринский²⁰) — ошибка генерала Улагая в их выборе. Сам же генерал Улагай безупречен.

ОПЕРАЦИИ У СЕЛА ПЕТРОВСКОГО

12 ноября со стороны Ставрополя на красных произведен натиск, и они отходят, как я указал выше, на нас. Дивизия вначале отходит на село Палагиада, а потом на село Московское, где до 18 ноября идут упорные бои.

18 и 19 ноября мы переходим в энергичное наступление с обходом правого фланга красных, разбиваем их и занимаем село Тугулук, одновременно с частями 1-й Конной дивизии, наступающей со стороны Ставрополя. В Тугулуке набираем много трофеев и массу пленных. Противник бежит на села Кугульта—Благодатное и к 20 ноября занимает фронт: села Кугульта—Благодатное—Константиновское—Спицевское—Бешпагирское.

С 20 ноября я командую бригадой; с бригадой наступаю от села Кугульта, конной атакой занимаю село Кугуты (или Константиновское). Рядом со мной на Константиновское наступают части 1-й Конной дивизии генерала Врангеля. Ночь застает меня на позиции севернее села. 1-я Конная дивизия ночует южнее села.

21 ноября с рассветом, по заданию начдива генерала Улагая, я с бригадой перехожу в энергичное наступление в направлении села Николина Балка, конной атакой сбиваю противника, короткая рубка, и он бежит главными силами на село Петровское. С бригадой преследую красных до самого села, у них паника, обозы бросаются вверх по реке Калаус. Их части, защищающие село Константиновское, бросают позиции и бегут в горы, между Петровским и Донской Балкой. 1-я Конная дивизия занимает село Константиновское, а я, оставляя наблюдение по реке Калаус, отхожу к своей дивизии.

22 ноября 1-я Конная и 2-я Кубанская дивизии сводятся в Конный корпус, комкором назначается генерал Врангель. Штаб корпуса в селе Константиновском. Противник с рассветом ведет наступление и занимает хребет к северу, где останавливается. Обе наши дивизии наступают: 1-я в направлении на горы между селами Донская Балка—Петровское, а 2-я — на село Николина Балка. Наша дивизия, поравнявшись с хребтом, занятым противником, поворачивается тремя полками направо; из Кугуты ночью к нам подошел 2-й Офицерский полк полковника Шинкаренко²¹ в направлении на Николину Балку.

Продолжаем свое движение по реке Калаус, наша артиллерия (три батареи) выезжает на позицию и открывает огонь, три полка бросаются в конную атаку, имея два полка в боевой линии в резерве. Противник не выдерживает, бежит, и мы к вечеру этого же дня занимаем село Петровское и высоты на север от села. За противником все же остается восточная часть Петровского и хребты к югу от села. 1-я Конная дивизия занимает хутора на реке Калаус, между селами Донская Балка и Петровское, штаб комкора остается в селе Константиновском.

Наступает ночь. Противник был предыдущего дня совершенно потрепан, а начальник их штаба потерял всякую связь с частями, так что ночью в мое сторожевое охранение прибыл эскадрон красных, разыскивая штаб своей бригады. Из эскадрона успело уйти несколько человек, а остальные с командным составом были перебиты. В эту же ночь большевистский ординарец из села Донская Балка привез донесение в штаб дивизии о неустойке противника на левом фланге.

С 22 на 23 ноября красные нам наделали много хлопот. В селе Константиновском на широких началах был размещен штаб корпуса и находился комкор генерал Врангель. Все это охранялось одной сотней казаков. Конечно, после наших совместных успехов все спокойно спали, без особого наблюдения. Этой оплошностью воспользовался противник.

Перед рассветом на Константиновское, со стороны села Спицевского, напал «товарищ» Кочергин с полком. Сотня сбежала, красные похозяйничали в селе часа два, уничтожили обозы, лазарет, порубили человек шестьдесят из охраны штаба корпуса, но по тревоге были отбиты одним из полков Конной дивизии.

23 ноября мы, наконец, занимаем все село Петровское. В этот день мне с бригадой пришлось много поработать. На рассвете

было получено донесение от моих разъездов о движении пехоты противника (численностью около дивизии) со стороны села Большие Айгуры на Петровское. Я с бригадой был выслан на высоты севернее села, где, выбрав позицию, скрыто разместил людей.

К 11 часам правофланговый пехотный полк красных (8-й Таманский) проходил мимо меня, частью спустившись к селу Петровскому. Выведя бригаду, я атаковал с фланга и тыла противника, атака была неожиданна для красных, рубка «накоротке», и весь полк с командным составом (всего 1580 штыков) я беру в плен, 21 пулемет и все их имущество достается нам. Вся остальная пехота красных, увидев это, бежит, я преследую и захожу в тыл красным, занимающим позиции против 1-й дивизии, и здесь «товарищи» бегут.

К ночи наше сторожевое охранение занимает линию в 2 верстах восточнее Петровского. Главные силы противника отходят в район сел Благодарного, Медведского, а перед нами к востоку остаются лишь небольшие их конные части. На ночь моя бригада оттянута в село Петровское.

24 ноября, со дня взятия нами Петровского, в селе Николина Балка стоял 2-й Офицерский полк. В боевом отношении полк хорош, но грабеж процветал как нигде, грабили все и у всех. Это и есть главная причина гибели полка — награбили и расплозились в разные стороны; по своему составу этот полк был интернациональным — люди всех наций, званий и профессий²². На нашем фронте он был бельмом, но просьбы убрать его подальше не удавались.

К 23 ноября Ставропольская группа красных (три пеших и один конный полк), прятаясь до сих пор в селах Дивном, Воздвиженском, подошлась к селу Предтеча, а 24 ноября с рассвета повела наступление на село Николина Балка. 2-й Офицерский полк отошел к Петровскому.

23 ноября я контужен (свален вместе с лошадью двумя снарядами в правый бок и голову), и у меня начали отниматься правая рука и нога. Целый день 24 ноября я, как и вся дивизия, кроме передовых сотен, отдыхал, а 25 ноября с рассветом я получил приказание с одним полком (1-й Кубанский полк) наступать по правому берегу реки Калаус и занять село Николина Балка, что мною было выполнено. Весь день провели в бою. Оказалось, что противник в Николиной Балке оставил лишь один пехотный полк, а главные силы его ночью отошли в село Предтеча.

В этот день я воевал лежа на линейке — верхом было не по силам, отнималась вся правая часть тела. Захватил же я село Николина Балка уже ночью при интересной обстановке.

Противник к югу от села занимал позицию с двумя батальонами на правом берегу реки Калаус и с одним по левому берегу. Под вечер под моим натиском два батальона красных побежали на восток, на село Камбулат, не предупредив батальон по ту сторону реки. Бой затих, я остановился в версте от села следить за оставшимся батальоном. С темнотой их батальон снимается с позиции, собирается в колонну и идет в село. Останавливаясь на церковной площади, высылает роту сторожевого охранения в мою сторону, а в это время я с полком уже стоял у крайних дворов на главной улице. Их рота, подойдя к этим дворам, остановилась, и вперед выехал «товарищ» на серой лошади. Подъехал к нам шагов на двенадцать и спрашивает: «Это 13-я рота?» Я отвечаю: «Да, тринадцатая!» — «А что пропуск?» — спрашивает. «Курук!» — отвечаю (пропуск узнал у пленного). «Да, это 13-я рота», — говорит «товарищ» и смело подъезжает ко мне. Около меня стояло человек пять офицеров и казаков. Подъехав к нам, «товарищ» совершенно растерялся, увидев на мне белую папаху, и хотел ударить, но в два счета был окружен, а рота моментально была перебита спешенной сотней нашего полка. Две наши сотни в конном строю бросились на площадь села, «товарищи» не выдержали и после беспорядочной минутной стрельбы бежали в направлении на село Камбулат. Нам достались их обозы, много винтовок на подводах, брошенных на площади. «Товарищ» на серой лошади оказался комбатом, пытался ударить и был убит.

26 ноября нашу дивизию сменяют части 1-й Конной дивизии. Весь фронт сокращается, так как добровольческие части занимают села Сергеевское и Ореховское, а Таманская армия красных главными силами сгруппировалась от Александровского до Благодарного, имея передовые части на линии сел Северного, Калиновского, Грушевского, Медведского.

Ставропольская группа красных имела штаб фронта в селе Дивном, около дивизии пехоты и бригада конницы — в селах Предтеча и Винодельном, меньшая часть у села Киевского. 2-я Кубанская дивизия получает задачу разбить противника у Предтечи и Винодельного и занять село Дербетовка вблизи Дивного, где у них стоял штаб.

Произвожу боевую разведку полком вниз по реке Калаус с целью выяснить силы противника у села Предтеча. Из допроса пленного выясняется, что в селе Предтеча находятся три пехотных полка, два полка конницы, три артиллерийские батареи (12 орудий) и до 80 пулеметов. Красные хотели 27 ноября перейти в наступление на село Николина Балка, занятое прежде нами, но я расстроил их планы.

28—29 ноября наша дивизия в составе пяти конных полков (1-й Кубанский, 1-й Лабинский, 1-й Полтавский, 2-й Кубанский и 1-й Черноморский), 5-го пластунского батальона, при трех батареях, разбивает Ставропольскую группу красных и занимает села Предтеча и Винодельное. Здесь остается штаб дивизии и все части, а я с бригадой преследую противника, занимаю село Дербетовка, где спокойно стою два дня, так как «товарищи» бежали на Дивное и Вознесенское.

2 декабря пехотная бригада противника ведет наступление на Дербетовку с целью отобрать его у нас, между тем их пехоту обходом мы разбиваем и гоним до самого села Воздвиженского.

3 декабря возвращаюсь в Дербетовку, 4 декабря меня сменяет 2-я бригада и я отхожу на отдых в штаб дивизии (в село Винодельное).

5 декабря красные выбивают из села Дербетовка нашу 2-ю бригаду и за ночь подходят к штабу дивизии в Винодельном.

6 декабря на рассвете вся наша группа атакует противника, разбивает его и берет много пленного и трофеев. Я со своей бригадой преследую красных, арьергардные части противника задерживаются восточнее Дербетовки, но конной атакой мы их сбиваем (пленные, масса изрубленных, пулеметы, орудия и несколько подвод трофеев), и я вновь прохожу село; один полк продолжает преследование до ночи, а с другим полком располагаюсь в селении.

6—7 декабря «товарищи» приводят себя в порядок, а 8 декабря наступают на мою бригаду. Встречным боем я их сбиваю и загоняю в село Воздвиженское на реке Калаус, которое они бросают, а одна сотня лабинцев спокойно ночует на их месте и ест ужин, приготовленный «товарищами».

10 декабря моя бригада сменена 2-й бригадой (полковник Шапринский), а уже 11 декабря ее выбивают из Дербетовки и красные по второму разу подходят к селу Винодельному. Все наши части покидают село, выходят на версту южнее, выстраиваются в

боевой порядок; я с бригадой на левом фланге с задачей обойти правый фланг противника и зайти им в тыл.

12 декабря с рассветом красные открывают огонь по селу Винодельному и после получасовой стрельбы с криками «ура» атакуют его и берут. Они поражены, что нас там нет, два их батальона проходят село на нашу окраину, а один полк, обходящий селение с запада, подставляет мне свой правый фланг. По условленному сигналу (залп батарей) моя бригада переходит в атаку, происходит рукопашная схватка (спешенным боем) с пехотой противника; их центр бежит, наголову разбитый. Трофеи — 1200 пленных, 6 орудий, 30 пулеметов, много винтовок, убитых до тысячи и масса раненых. Село окружается частями моей бригады. Вырвавшись из окружения, остаток красных бежит на Дербетовку, которую я с бригадой к вечеру, по третьему разу, занимаю. Во всей нашей группе убито 25 человек, раненых 120, но много лошадей выбито из строя от штыковых ранений.

Все эти операции окончательно расшатали мое здоровье, а от прошлой контузии правая сторона плохо действовала, лекарств не было. Погода была ужасная, начались морозы, снег с метелями.

До 14 декабря противник бездействует, мы отдыхаем. Вперед двигаться нам нельзя, так как мы зависели от центра нашего фронта, который, в свою очередь, зависел от добровольческого участка фронта (его правого фланга), а там, по-моему, топтались на месте.

15 декабря, по приказанию, отхожу с бригадой в село Винодельное. 16, 17 и 18 декабря противник, получив подкрепление, ведет энергичное наступление (полторы дивизии пехоты, три полка конницы), но снова наголову разбит нашими конными полками между Винодельным и Дербетовкой и бежит на Дивное.

Наша группа располагается: 1-й конный полк в селе Вознесенском и на хуторе по дороге на Дивное, два полка в селе Дербетовка, а остальные в селе Винодельном. За это время устанавливается связь с Кубанской бригадой, действующей у села Киевского, она вместе с нами занимает его и подходит к Дивному.

19 декабря я совершенно сваливаюсь и по приказу еду в отпуск для лечения, где пребываю до 19 января 1919 года.

1919 год. Во время моего отпуска произошло следующее: по всему фронту наши части переходят в наступление на северо-восток, это отталкивает противника, и он отходит по всему фронту. Упорные бои происходят у сел Елисаветинского и Александрийс-

кого. Отлично работает наша конница: Таманская армия красных теряет самообладание и в беспорядке уходит на север. Южнее казачьи части берут станцию Минеральные Воды. Из-под села Дивного Ставропольская группа красных разбита и спешно отходит за реку Маныч. У красных развивается страшная эпидемия сыпного тифа, который, к несчастью, переходит и в наши ряды.

В январе 1919 года с боем занимается Святой Крест, громадные трофеи попадают нам в руки. Со взятием Святого Креста этот район поручается 2-й Кубанской дивизии, а 1-я Конная дивизия идет к городу Гергиевску, для операций в Терской области. Ставропольская группа красных, получившая пополнения, начинает проявлять энергию в районе Маныча, происходят бои, где мы снова разбиваем ставропольцев и гоним их за реку Маныч.

19 января я приезжаю из отпуска, а 21-го прибываю в село Прасковья; сюда же прибывает после разведок по селам Святокрестовского уезда 1-й Кубанский полк, и я его принимаю.

Во время предыдущих операций, до моего отпуска, я командовал временно конной бригадой, оставаясь командиром полка. Со взятием Святого Креста генерал Улагай уезжает в отпуск, дивизию принимает прибывший в моем отсутствии генерал Репников²³ и остается один утвержденный комбриг полковник Говорущенко. Во время операций на город Святой Крест генерал Улагай командовал конной группой.

22 января приказанием по дивизии полки размещаются так: 1-й Кубанский полк в селе Покойном, 1-й Лабинский в селе Урожайном, 2-й Кубанский, пластуны, стрелки и артиллерия в городе Святой Крест при штабе дивизии.

В Святокрестовском районе развивается повальная эпидемия сыпного тифа, казаки сотнями эвакуируются, и никакие пополнения не в состоянии покрыть убыль в частях. Смертность среди местного населения громадная. В селе Покойном тогда умирало по 60—80 человек в день (70 процентов приходилось на мужское население). В наших частях, к счастью, умирало мало, за это время были три смертных случая.

Население сел Покойное, Прасковья, Урожайное и других очень доброжелательно к нам, состоятельное в материальном отношении, собственники больших виноградников и почти все виноделы, всюду отличные фруктовые сады. Жители гостеприимные и хлебосольные, так что, если бы не было эпидемии сыпного тифа, время на-

шего пребывания в этом районе можно было считать за отдых и сплошное удовольствие. Но присутствие массы вина подрывает дисциплину, части расшатаются, тем более казакам вина дают бесплатно и сколько угодно. Строевые занятия не представлялись возможными, так как грязь, доходившая кое-где и до брюха лошадей, вовсе мешала передвигаться (грязи такой я не видел никогда больше в жизни).

В феврале месяце мне так наскучила эта мирная и безалаберная обстановка, что я просил телеграммой и письмом генерала Улагая, бывшего тогда в отпуску в Екатеринодаре, походатайствовать о переводе меня с полком на фронт; это было почти общее желание всех командных чинов полка. В средних числах февраля моими разъездами в районе селения Солдатского были обнаружены красные. Предпринятая сюда операция удалась на славу, захвачен «товарищ» Кочубей²⁴ с остатками своей дивизии и штаб 11-й большевистской армии. Взято две сотни конных, две роты пехоты и 20 пулеметов.

Как потом выяснилось, Кочубей (командовавший в Таманской армии конной бригадой) отошел со своими частями на Астрахань, где поссорился с коммунистами и вернулся обратно, но заблудился в астраханских песках. У него погибло до 95 процентов симпатизеров-бойцов, и с жалкими остатками он был мною взят в плен. Сам Кочубей был болен сыпным тифом.

5 февраля спешно был посажен на поезд 1-й Лабинский полк и увезен от нас. Как оказалось позже, он принимал участие в усмирении восстания в Медвеженском уезде Ставропольской губернии. В это время Донская армия защищает область от красных и ведет упорные бои на своих границах, донцы слабеют, и у них начинается отход (1-я Донская армия генерала Мамантова²⁵).

ТЯЖЕЛЫЕ БОИ У РЕКИ МАНЫЧ (1)

20 февраля 1919 года я получил приказание спешно собрать полк и грузиться на железнодорожной станции Святой Крест. Состав полка: казаков 400 человек, лошадей 895, пулеметов 40. Имея в полку массу заводных лошадей, я был в критическом положении, так как при такой обстановке я мог вывести в бой не больше двухсот человек конных. О возможности такого состоя-

ния полка я неоднократно доносил начдиву, но за весь февраль я не получил ни одного казака с лошадью в пополнение.

Узнав, что я с полком буду командирован на Царицынское направление, поджидал пополнение, предварительно выслав шесть офицеров и казаков по станицам, которые подобрали в станицах Невинномысской, Тихорецкой и в Армавире человек пятьсот эвакуированных раньше из-за тифа. Таким образом, полк у меня пополнился до 900 шашек.

2 марта мой головной эшелон в две сотни прибыл, ничего не зная о боевой обстановке, в станицу Великокняжескую, где были размещены тыловые части 1-й Донской армии и астраханцы.

Станица Платовская, станция Ельмут, экономия Пишванова и станица Шаблиевка были забиты тылами и частями донцов и астраханцев, прибывших сюда на отдых. В это же время части нашей армии уже отошли до станицы Двойной, в их аррьергарде оставались 2-й Кавказский казачий полк и 9-й Кубанский пластунский батальон. Эти две части кубанцев были отправлены в помощь донцам и первыми прибыли на Царицынское направление, как раз к отходу донцов. Свежие и боеспособные, эти части отходили все время в аррьергарде, начиная от Котельникова. Донские части 1-й армии почти что перестали существовать на этом участке, казаки частью разошлись по домам, а частью дезертировали в тыл. Боеспособной была, единственно, дивизия полковника Калинина²⁶.

4 марта красная конница «товарища» Думенко²⁷, преследовавшая 1-ю Донскую армию от Царицына, отрывается от донцов у станицы Жутово. Конным рейдом обходит левый фланг Донской армии и, пройдя через станицу Платовскую, захватывает Великокняжескую врасплох. Мои части, сгрузившись 3 марта ночью с поезда и принимая участие в отражении противника, конечно, не могли помочь делу, так как все бежало, а в самой Великокняжеской, кроме бесчисленных тыловых частей, находилась Астраханская дивизия и масса артиллерии. Все думали, что аррьергард нашей армии под станицей Двойной обеспечивает их полное благополучие. Все бежали постыдно за реку Маныч, а я с дивизионом отошел к Ново-Манычскому.

Противник забрал все обозы, разбросанные вокруг Великокняжеской, почти все перепортил в самой станице, выбил командный состав и команды двух бронепоездов, захваченных на станции, а кроме того, изрубил до трехсот воинских чинов.

Я был задержан по пути у штаба фронта на станции Белая Глина. Командующим фронтом тогда только что был назначен генерал Кутепов²⁸. Только к 5 марта я прибыл на станцию Маньч.

В станицах Торговой и Шаблиевке было скопление воинских частей и обозов, признаки неуспеха были налицо, но узнать что-либо подробней и вправду не представлялось возможным, так как каждый передавал такие небылицы, которым трудно было верить. Подъезжая к разъезду Маньч, я наблюдал массу частей и чинов, спешно уходящих в сторону Шаблиевки, и многих, которые прямо брали направление на Ростов.

Между Шаблиевкой и разъездом Маньч поезд остановился; выйдя из вагона, я увидел группу донских штабных офицеров и генерал-лейтенанта, очень пожилого человека с грузинской фамилией, которую не припоминаю²⁹. Я подошел к ним, чтобы узнать обстановку. Оказалось, что этот генерал — командующий фронтом со своим штабом. Мне было сказано, что штаб идет в Шаблиевку, что фронта нет, а в Великокняжеской противник.

У разъезда Маньч я высадив прямо на пути оба своих эшелона (четыре сотни и команды, около пятисот человек) и спешно выдвинулся к железнодорожному Маньчскому мосту. Встречаю по дороге к мосту бегущих офицеров-донцов, срывающих погоны. Казаки испуганно спрашивали, куда я иду, и, узнав, что иду на Великокняжескую, обрекали меня на гибель. Со стороны некоторых казаков-донцов даже почувствовалась к нам, кубанцам, враждебность. Они говорили: «Пойдите, пойдите — это вам не у себя драться с большевиками, наши вас посекут». С говорившими так мои разделялись, отбирая их оружие.

Выслав от моста разъезды, под вечер я получил донесение, что от моста на 8—10 верст по направлению к Великокняжеской все свободно и боя нигде не слышно. Переправившись через мост и заняв позиции возле железнодорожной будки, я заночевал. На рассвете 5 марта от Великокняжеской начали подходить одиночные казаки-донцы, от которых я узнал, что эта станица занята нашим, прорвавшимся ночью со стороны хуторов Атаманского и Ельмутинского арьергардом 2-й дивизии.

На рассвете со стороны Великокняжеской к нам подошли два бронепоезда с пластунами 9-го Кубанского батальона; на платформах бронепоезда были сложены трупы наших, изрубленных красными. По проходе бронепоезда я двинулся на станицу. В 5 верстах от

нее встретил 2-й Кавказский казачий полк (временно командующий полковник Просвирина³⁰), отходящий на отдых за реку Маньч. Проходят еще какие-то донские полки от 50 до 100 шашек; дико как-то было смотреть на всех, стремящихся ударить за Маньч. В порядке прошел только 2-й Кавказский полк и две донские батареи.

К 9 часам утра 5 марта я прибыл в Великокняжескую, где познакомился с полковником Калининым на вокзале, забитом трупами; здесь же на столе спал их начдив.

Узнав обстановку, что «товарищ» Думенко отошел на станицу Мартыновку на реке Сал и подходил к станице Орловской, у станции Двойная, я расположился по квартирам у старой церкви. На всех направлениях от Великокняжеской было наблюдение и охранение частей 2-й Кубанской дивизии. Стояли холодные дни, морозы, иногда срывался снег.

До 7 марта я с частью своего полка отдыхал в станице, а за это время подошел ко мне целый дивизион. Прибыл 1-й Лабинский полк с полковником Шапринским и вновь назначенный начальник Великокняжеской группы генерал Глазенап³¹ (группа — Карачаевский полк, 2-й Осетинский полк, два Кабардинских полка). Подходит 9-й Кубанский пластунский батальон и стрелковая бригада, набранная из жителей Таганрогского округа, а дня через два подошел 6-й Гренадерский полк. Всего с донцами: 11 тысяч конных, около десяти батальонов пехоты, четыре батареи, два бронепоезда — всеми этими частями командует генерал Глазенап с огромным штабом (в штабе весело, танцы, откуда-то появилось много дам из Ставрополя, дым коромыслом).

8 марта получен приказ, по которому 1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки должны выйти вперед и закрыть Великокняжескую следующим образом: мой 1-й Кубанский полк — участок от реки Маньч через зимовник Пишванова — зимовник Безуголова до станции Ельмут (включительно) — восточная оборона станицы. 1-й Лабинский полк — участок станции Ельмут (включительно), слияние двух речек в реку Мокрая Караичева, хутор Каменский, хутор Атаманский, станица Платовская с разведкой до станции Двойная.

8 марта к вечеру участки заняты, а 9-го утром получено донесение о скоплении противника — около полка конницы в зимовнике Греково, пехоты (около двух полков) с полком конницы у станицы Орловской.

Ночью 9 марта от станции Ельмут прибывает батальон стрелков-донцов. Погода стоит ужасная, мокрый снег днем, ночью мороз, а утром туман. Мой полк находился на открытом воздухе, кто смог — ночевал в яслях и водопойных корытах, позамерзали, условия для боевых действий отвратительные.

10 марта противник ведет наступление конницей на зимовник Безуглова и станцию Ельмут. Своими резервами мы разбиваем красных. Я у зимовника Безуглова, лабинцы у Ельмута; красные поворачиваются и бегут на Двойную.

11 марта мои разъезды обнаруживают переброску противника от Двойной на зимовник Безуглова. В высылке мне в резерв батальона пехоты генерал Глазенап отказывает.

12 марта завязывается встречный бой, так как к рассвету я с резервом выхожу в направлении на зимовник Безуглова. Оставив две сотни перед фронтом с двумя орудиями, с четырьмя сотнями захожу в тыл противника, атакую его, и в результате изрублено около двухсот красных, взято одно орудие, 8 пулеметов и 50 лошадей. «Товарищи» бегут на зимовник Пишванова. Я приостанавливаю преследование, так как со стороны Двойной на зимовник Безуглова наступают батальон пехоты и два эскадрона конницы противника. Выжидаю, пока наступающие не заняли зимовник, окружаю их, красные бегут, оставив 90 человек убитыми и 4 пулемета. Мой полк за день теряет одного убитым и пять человек ранеными.

13 марта перестрелка моей разведки с разъездами красных у зимовников Пишвановых. 14 марта обнаруживается передвижение полка пехоты при двух орудиях и трех эскадронов конницы красных от Двойной к зимовнику Ф. Лисицкого. К полночи по моей просьбе прибывает ко мне батальон стрелков 3-го стрелкового полка и сотня карачаевцев знакомиться с участком.

Наш полк совершенно вымотан, казаки и лошади голодные и неузнаваемы от голода и холода. Трижды прошу дать полку день-другой передохнуть, тем более части в Великокняжеской ничего не делали; и только после того, как я донес, что еще немного такой работы и полк станет совершенно небоеспособным, начдив Глазенап высылает вышеуказанный полк и карачаевцев.

15 марта к 10 часам утра, ввиду того что противник занял зимовник братьев Михайликовых, занимая и хребет, который тянется между зимовником Пишванова и речкой Бекетная, — я с баталь-

оном стрелков, с двумя сотнями карачаевцев, с двумя орудиями и двадцатью пулеметами на линейках и тачанках обошел противника справа, зашел ему в тыл и стремительной конной атакой опрокинул два эскадрона, высланные против меня. Забираю два орудия и вбиваюсь в их пехоту, но в это самое время батальон моих стрелков сдается противнику и открывает огонь по мне и по сотням около меня.

Красные приводят себя в порядок и переходят в атаку. Быстро отведя часть к зимовнику Безуглова и присоединив к себе все сотни полка, атакую снова противника, и он окончательно бежит, оставив около 60 человек убитыми и ранеными и пять пулеметов. Взято в плен 12 стрелков, перешедших к противнику (расстреливаются).

Противник терпит неудачу и у станции Ельмут, и его части, наступающие по всему фронту, отходят к станции Двойная.

16 марта меня сменяют карачаевцы, а 1-й Лабинский полк — кабардинцы, мы размещаемся в Великокняжеской. 2-я Донская конная дивизия получает приказание идти к Новочеркасску; пехота и конница 1-й армии действуют между реками Сал и Маныч, в районе хуторов Николаевский, В. Соленый и курорта Три Брата.

17 марта к вечеру высланная разведка доносит, что со стороны зимовников Пишвановых* на Великокняжескую наступают от Двойной два батальона пехоты и эскадрон конницы, обе группы имеют артиллерию. Приняты меры: вся наша пехота и артиллерия выводятся на окраины Великокняжеской и занимают позицию.

Подготовлены окопы у кирпичных заводов. Между тем наши сотни из разведки не возвращаются: получено донесение, что они под давлением наступающего противника отходят к станице. Карачаевцы и кабардинцы, почти все, ночью с 17-го на 18-е отходят тоже в станицу.

В Великокняжеской, переполненной войсками, происходит столпотворение, так как частям даже не отводятся строго районы и все перепутано. Спешно уходит бригада 2-й дивизии на Торговую, жители станицы принимают отход за общий и начинают бежать.

На рассвете 18 марта красные наступают главным образом со стороны зимовника Безуглова. В 13 часов получаю донесение от ко-

*К сожалению, текст не дает четкого ответа, сколько было зимовников и сколько там было Пишвановых. (Примеч. ред.)

мандира разведывательной сотни (есаул Савченко), что он отступает и находится в 5 верстах от Великокняжеской. Получив это донесение и не имея никаких приказаний, посылаю адъютанта с донесением в штаб генерала Глазенапа, чтобы узнать, имеется ли у него такое донесение. Адъютант возвратился и доложил, что донесение есаула Савченко получено в штабе, но там еще играют «на пианино» и выделяют «па». Послав донесение есаула Савченко командиру 1-го Лабинского полка, я предупреждаю, что вывожу мой полк с квартир.

Точно в 15 часов начался бой у кирпичных заводов, слышна была пулеметная, ружейная и артиллерийская стрельба, а снаряды красных рвались уже в самой станице. В 15.30 получил приказание спешно прибыть в штаб группы. В штабе полное замешательство, все встревожены. Отдано приказание всей коннице выходить из станицы (моему полку в голове колонны) за высоты, в направлении вдоль полотна железной дороги между Великокняжеской и Двойной. К 16 часам мы рысью высккиваем из станицы под ружейным огнем противника, чей правый фланг уже доходил до железной дороги у разъезда. Перейдя в намет, я почти достигаю разъезда и занимаю фланговое положение к пехотным частям противника, который осаживает и останавливается.

Я посылаю спешно донесение, в котором прошу усилить меня лабинцами, для действия во фланг и тыл противника. Ответа не получаю.

В это время, по приказанию штаба, лабинцы и Сводно-Горская дивизия (не совсем подготовленная к боевым действиям) растягиваются в цепь вдоль полотна железной дороги и начинают ружейный и артиллерийский бой. Через некоторое время из-за нашей цепи вырываются две сотни карачаевцев, бросаются на пехоту красных, почти доскакивая до нее, цепь начинает волноваться, но горсти карачаевцев, никем не поддержанные и потерявшие многих при встречной борьбе, начинают поспешно отходить назад. На этом замирает все на нашем участке до самой ночи.

Противник, пользуясь этим, энергично наступает на нашу пехоту. Он отбит, снова атакует, и так до самого вечера, а с темнотою на сторону красных перебегают наш батальон Гренадерского полка.

Ночной бой пугает начальника нашей пехоты (генерала, чье имя не помню), который думает, что все погибло, снимает связи с по-

зиции и уезжает за Маныч. Ночью пошел проливной дождь. Я получил приказание прибыть на сборное место конницы на 4 версты позади центра нашей дневной позиции, но дождь и полная темнота заставляют меня остановиться. За ночь почти вся пехота уходит с позиций, и остаются только 9-й Кубанский пластунский батальон и малая часть гренадер.

С рассветом начался бой, и остатки нашей пехоты, выброшенной далеко вперед, чуть не попадают в плен, что принуждает их отступить бегом.

19 марта в 9 часов утра из Великокняжеской отступала на Торговую 2-я бригада 11-й дивизии донцов и по пути случайно обнаружила бригаду красных, которая направлялась к реке Маныч в тыл станице Великокняжеской. Бригада донцов по собственному почину атакует и разбивает конницу противника, гонит ее на зимовник Пишванова, забирает два орудия и восемь пулеметов, возвращается и уходит на Торговую.

Мы отступаем с приказанием отходить за Маныч через Казенный мост (дорога эта идет из Великокняжеской через зимовник Михайликовых, а далее на зимовник Янова). Части сворачиваются и рысью начинают отход, артиллерия отстает по страшной грязи и начинает бросать орудия. Мой полк остается в аррьергарде, выделяю три сотни к Торговой для прикрытия пехоты, а с остальными медленно отхожу, подбирая кое-где брошенные пулеметы.

Противник почему-то замешкался, не преследует и только изредка постреливает артиллерией. Пехота красных сворачивается в колонны и идет в Торговую.

Я лично от стыда сгорал и не мог смотреть своим подчиненным в глаза, но все видели, что происходит у нас. Закрыв свою пехоту, подобрав отдельных отставших и прихватив гурты скота и лошадей из зимовников, я переправился через Маныч, где застал все наши части на отдыхе-привале.

Во время всей операции у Великокняжеской с 5 по 19 марта Астраханская дивизия закрывала переправу через Маныч и вела себя так тихо, что все забыли о ее существовании. Переночевав в зимовнике Супрунова, наша бригада (1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки) прибыла в село Шаблиевка и в тот же день (20 марта) назначена в резерв фронта. Расквартировалась в селе Екатерининском, где уже стояли гренадеры (около 400 человек) и стрелковая бригада донцов в 350 человек.

20 марта наш фронт занимается следующим образом:

1) правый фланг — Астраханская дивизия, обороняет Новомамычскую переправу и наблюдает реку вверх до железнодорожного моста;

2) центр — 9-й Кубанский пластунский батальон, две батареи и один бронепоезд занимают высоты левого берега реки Маныч у моста, впереди моста команда разведчиков;

3) левый фланг — от железнодорожного моста до Казенного моста 2-й Кавказский полк с батареей, от Казенного моста до устья Маныча часть 1-й Донской армии, уменьшенная в своем составе на 50 процентов (сведена в корпус);

4) наш резерв — 1-й Кубанский полк, 1-й Лабинский полк (к этому времени прибыл наш комбриг, вновь произведенный генерал-майор Говорущенко), Саратовский конный дивизион из набранных крестьян Саратовской губернии, сводный Гренадерский полк (400 штыков) и 3-я стрелковая бригада (350 человек).

Эти части располагаются в селах Шаблиевка и Екатериненское, Сводная горская дивизия отводится в село Торговое на отдых; туда же идет и генерал Глазенап, который через несколько дней отзывается с фронта. Фронтом начинает непосредственно командовать генерал Кутепов.

Противник группируется, подтянув все свои части к 22 марта таким образом:

против нашего правого фланга — бригада пехоты и два конных полка, в Великокняжеской — полторы дивизии пехоты и бригада конницы;

против Казенного моста — один полк пехоты и полк конницы с 40 орудиями.

Несколько слов о других кубанских частях. В Терской области предпринимается поход на Кизляр в направлении к Астрахани. В Ставропольской губернии собирается группа генерала Улагая, который, возвратившись из отпуска, назначен ее командиром (группа состояла из частей 3-й Кубанской казачьей дивизии, бригады 2-й Кубанской дивизии, пяти пластунских батальонов и около 20 орудий). Против генерала Улагая действует Ставропольская группа красных и несколько частей Таманской армии, всего около двух с половиной дивизий пехоты с 10 орудиями и дивизия конницы.

Кубанские части здесь занимают переправу через Маныч на село Приютное и села Кистинское и Дивное. Происходят упорные бои.

Несколько раз генерал Улагай дает возможность красным переправиться через Маныч и наголову разбивает их; по его плану бои разыгрываются до второй половины апреля месяца.

На нашем фронте до апреля месяца без изменений — происходят стычки разведывательных частей, бои бронепоездов, артиллерийские перестрелки. Правда, раза два противник имел желание захватить мосты и переправы через Маныч, но всякий раз терпел неудачи и отходил на исходное положение.

К 1 апреля мы отдохнули, лошади подправились и решено было предпринять наступление на Великокняжескую: переправиться через железнодорожный мост и наступать пехотой дальше вдоль полотна железной дороги, а конницей, переправившись там же, обойти станицу с востока.

2 апреля перешли в наступление: пехота по обе стороны полотна, конница на правом фланге — Сводно-Горская дивизия в боевой линии, а моя бригада — 1-й Кубанский полк и 1-й Лабинский полк (назначен временно ее комбригом) с 9-м Пластунским батальоном в резерве.

Вначале наступление шло для нас удачно, но после того, как Сводно-Горская дивизия, попав под артиллерийский огонь красных во фланг, побежала и переправилась в панике снова за Маныч, для нас настал перелом к худшему. Противник по всему фронту перешел в энергичное наступление, наша пехота, не выдержав большого натиска, начала тоже отступать. Обстановка для нас складывалась критическая, так как в тылу у нас единственной переправой назад был мост на Маныче, а красные, преследуя отступающую нашу пехоту, могли подойти к мосту раньше, чем части нашего правого фланга.

Спасено все это было нашей бригадой и 9-м Кубанским пластунским батальоном. В момент, когда пехота (гренадеры, стрелки и саратовцы) начала отступать, пластуны развернулись и пошли неожиданно для противника в атаку на их центр; правее пластунов пехота красных атакована лабинцами. Вместе с пластунами в атаку бросилась конная сотня 3-го Осетинского полка, наша отступающая бегом пехота, увидев атаку, перешла частично в контратаку. Противник не выдерживает натиска и, попадая под ураганный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь, приходит в замешательство и спешно начинает отходить. День уже клонился к вечеру.

Замешательством красных мы воспользовались: конница благополучно переправилась по мосту через Маныч, а пехота задержала «tete de pont» (вход на мост). Противник к ночи, оставив свои передовые части (бригаду пехоты), отошел на Великокняжескую.

В этом бою 1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки потеряли: убитыми 55 человек (12 офицеров), ранеными 120 человек (15 офицеров) и 200 лошадей убитыми или ранеными. Потери же всей нашей группы после этой неудачной атаки были: 150 человек убитыми, около 300 ранеными и около 300 лошадей убитыми и обеспопобленными.

Во время нашего боя фланговые части у Новоманычского и Казенного мостов демонстрировали переправу, но неудачно. 3 апреля части расходятся по местам их расположения.

С 4 на 5 апреля у железнодорожного моста спокойно, у Казенного моста разъезды красных и их один батальон пробует переправиться, но отклоняется нашим огнем, у села Новоманычского пехота противника сбивает астраханцев и 6 апреля занимает хутор Платовский. Бригада кубанцев, высланная туда, совместными действиями с астраханцами восстанавливает положение — красные уходят снова за Маныч, а кубанцы возвращаются в село Екатериненское.

10 апреля получили задачу, объединив 1-й Кубанский полк, Саратовский конный дивизион (140 человек), 183-й пехотный полк (250 человек) и две конные батареи, занять участок от железнодорожного моста до Казенного моста (включительно).

11 апреля, сменив 2-й Кавказский полк, занимаю участок: от железнодорожного моста до зимовника Кузнецова — саратовцы, их батарея и 183-й пехотный полк, а дальше до Казенного моста — 1-й Кубанский полк и одна конная батарея. В день занятия участка в Донском корпусе слышен бой (как я потом узнал, красные наступали на зимовник Орлова, но были отбиты донской конницей).

12 апреля противник переходит снова в наступление по всему фронту, атакой занимает село Новоманычское и железнодорожный мост. Наши части отходят: астраханцы в село Баранниковское (генерал Зыков³²), другие от моста в село Шаблиевка, резерв в Торговую.

Несмотря на яростные атаки красных, я с частью конницы удерживаю Казенный мост, а Донской корпус тоже удерживается на месте, хотя у хутора Веселого красные прорывают фронт.

13 апреля центр и правый фланг наших отступают под сильным огнем и давлением красных, которые занимают села Баранниковское и Шаблиевское (Шаблиевка). От меня самовольно уходят саратовцы, пехота 183-го полка, батарея, а конный дивизион отзывается из Торговой. Никаких приказаний не получаю, несмотря на запросы, отбиваю три атаки на Казенный мост. Донцы начинают отход, отдав после упорных боев зимовник Янова и зимовник Орлова, удерживаясь в 5 верстах южнее (Баклановский Донской казачий полк).

14 апреля красные сбивают баклановцев, наступают на меня с севера, атакуют Казенный мост, и я, не удержав позицию, отхожу ночью на высоты к зимовнику Супрунова. Наша пехота отходит в Торговую, а правый фланг красных занимает Новый Егорлык, выбив оттуда астраханцев.

16 апреля в 7 часов утра прибыл ко мне офицер из штаба с приказанием спешно идти в Торговую.

В ночь с 15 на 16 апреля астраханцы и лабинцы наступают на Новый Егорлык, но безуспешно, хотя лабинцам удается забрать в бою две гаубицы и четыре пулемета. С утра красные переходят в наступление и занимают Торговую. Наша пехота совершенно теряет устойчивость, отступает на 10 верст от Торговой, оседлав полотно железной дороги.

Около полудня я подхожу к Торговой с юго-запада, не подозревая, что станица занята противником. Выдвинув вперед головную и левую пехотные заставы (у меня были 1-й Кубанский полк, конная батарея, около 500 лошадей и тысяча голов рогатого скота, взятых мною из камышей реки Маныч), медленно продвигался вперед. Мою колонну, из-за огромного числа лошадей и рогатого скота, большевики издали приняли за большую конную группу и приостановили наступление от Торговой на нашу пехоту, выслав против меня два пехотных полка.

За это время, пользуясь замешательством противника, я сбиваю их сторожевой батальон. С боем отходим к станице Крученской и зимовнику Поздеева, где оставляем под надзором весь рогатый скот. В неравной борьбе вынуждены отойти на высоты правого берега реки Большой Сенной. Красная пехота пробует (неуспешно) меня сбить с высот за полотно железной дороги станции Торговая—Целина. На ночь остаюсь на занимаемых высотах, связываюсь со штабом в селе Крученвалковском, откуда

получаю приказание отойти в села Сысоевка и Александровка, куда и прибываю к 12 часам 17 апреля.

17-го и 18-го я с частями отдыхал. Перестрелку вел мой передовой дивизион по реке Большой Сенной. На правом фланге противник занимает село Березовское.

К этому времени группа генерала Улагая в южных течениях реки Маныч разбивает красных и занимает село Приютное, действуя на село Кормовое. Донской корпус отходит к станицам Мечетинской и Хомутовской. Красные свою сильную группу направляют от Маныча на станицу Егорлыкскую в район Торговая—Целина, и туда спешным порядком перебрасывается 1-й Кубанский корпус (генерал Покровский).

Терская область в это время была совершенно освобождена от красных, и там армию принимает генерал Эрдели³³, который продолжает продвижение к Астрахани. Из Терской области движется к нам 1-я Конная (Кубанская) дивизия.

Организационные формирования Кубанского войска складываются так: генерал Шатилов назначается командиром 4-го корпуса, в этот корпус входят 1-я Конная (Кубанская) дивизия — начдив генерал Говорущенко — и Сводная бригада (1-й Кубанский, 1-й Лабинский и 2-й Кавказский полки) с моим назначением ее комбригом.

Генерал Улагай назначается командиром 2-го Кубанского корпуса. Генерал Покровский командует 1-м Кубанским корпусом, а генерал Шкуро 3-м Кубанским корпусом.

ОПЕРАЦИИ У РЕКИ МАНЫЧ (2)

18 апреля в села Сысоевка, Александровское прибыла Черкесская дивизия, сведенная в один полк, и в тот же день мой передовой дивизион сменен и я получаю приказание идти в село Сандата (Сандатовское) для присоединения к конной группе. Выступив 19 апреля и имея ночлег в селе Ивановка, я к 12 часам 20 апреля прибываю в Сандату, куда уже подходила 1-я Конная (Кубанская) дивизия (1-й Екатеринодарский, 1-й Линейный, 1-й Уманский и 1-й Запорожский полки с четырьмя батареями).

Вечером был собран военный совет для выработки плана наступления на Новый Егорлык и далее на Маныч. Всю группу (1-я Кон-

ная дивизия, 1-й Кубанский, 1-й Лабинский, 2-й Кавказский полки и Астраханскую дивизию — числом не больше пяти полков) принимает генерал Шатилов.

С рассвета 21 апреля части повели наступление: 1-я Конная дивизия на Новый Егорлык, 1-й Лабинский и 2-й Кавказский полки по берегу реки Егорлык на то же селение, астраханцы и 1-й Кубанский полк оставлены в резерве.

1-я Конная дивизия обходом слева и атакой в лоб спешными цепями сбивает противника, завязывается в селении уличный бой, но противник переходит в наступление на правом берегу реки Егорлык и теснит дивизию. Меня с полком высылают туда, бросаемся в атаку, красные бегут, очищают село Новый Егорлык и отступают к Манычу, занимая по пути села Баранниковское и Новоманычское. С полком преследую красных, ночью возвращаю Баранниковское, красные отходят на хутор Полтавский и на переправу.

22 апреля красные подступают по реке Егорлык и подходят к переправе через Маныч. На рассвете 23 апреля мои разъезды доложили, что с востока на село Баранниковское идет в колонне батальон пехоты противника. Подпустив его ближе, атакую, больше половины уничтожаю, а остальных забираю в плен.

Через час после этого в том же направлении (видимо, красные не знали, что Баранниковское за нами) показалась группа конных в четыре эскадрона; атакой опрокидываю их и сбиваю в Маныч. Конница теряет половину своего состава убитыми и утонувшими, бросает весь обоз, орудия и прочее. Забираю много пленных, 15 орудий и около 60 пулеметов.

К этому времени ко мне подходит 2-й Кавказский полк, и я с бригадой переправляюсь через Маныч. Оставив 2-й Кавказский полк к западу от зимовника Лисицких для прикрытия слева, я с двумя полками занимаю зимовник братьев Михайликовых и с боя беру зимовник Безуглова. Но, получив донесение от заставы, что под натиском двух полков конницы красных мой 2-й Кавказский полк отходит и переправляется назад через Маныч, возвращаюсь обратно. Перехожу в конную атаку встречным боем, с трудом отбиваю конницу красных, которая отходит на зимовник Пишванова, после чего, на всякий случай, не зная остальных сил красных, перехожу вместе с кавказцами назад через Маныч. Бригада ночует на левом берегу реки. Высылаю усиленные разведки на восток.

21 апреля наша пехота с боем занимает станицу Торговую, а 22 апреля Шаблиевку, но пехота красных остается у железнодорожного моста на левом берегу Маныча.

22 и 23 апреля перестрелка через Маныч. В село Баранниковское прибывает инженерная часть для постройки моста через Маныч напротив зимовника братьев Лисицких. У противника от Великокняжеской появляется аэростат.

24—25 апреля отдых. К нам прибывает большая группа, собираем: пятнадцать конных полков по 300—350 шашек, четыре конных полка астраханцев (около 900 человек), три терских батальона пластунов (около тысячи человек), 9-й Кубанский пластунский батальон (800 штыков), около 35 орудий и от 10 до 40 пулеметов в каждом полку.

Противник занимает участок левого берега Маныча от Нижне-Манычской переправы до Казенного моста.

В ночь на 26 апреля части подводятся к построенному мосту и с рассветом переправляются в трех местах. По переходе 1-й Кубанский корпус (генерал Покровский), который также направлен к нам, движется на северо-восток через зимовник Курочкина, 1-я Конная дивизия — в направлении к станице Великокняжеской, а я с бригадой на станцию Ельмут.

Противник оказывает упорное сопротивление, но начинает отход к Великокняжеской и дальше на север. Шаблиевская группа нашей пехоты занимает железнодорожный мост, 1-й Кубанский корпус занимает зимовник Лисицких, я с бригадой забираю станцию Ельмут, а Конная дивизия находится в 8 верстах от Великокняжеской. Под вечер 26 апреля энергичное наступление красных, и 1-я Конная дивизия (генерал Говорущенко) оттесняется назад. Пехота красных с бронепоездом принуждают меня отойти до зимовника Безуглова, 1-й корпус остается у зимовника Лисицких. У меня бои тянутся до темноты, потери большие — убитых и раненых в бригаде 128 человек.

К вечеру подтягивается наша пехота, 9-й пластунский батальон занимает участок на берегу реки Кардинной и становится фронтом к Великокняжеской, прикрывая Манычскую переправу, а три терских батальона выводятся до зимовника Пишванова.

Днем 27 апреля мною было обнаружено большое скопление конницы красных в верхьях реки Мокрая Караичева, а к вечеру она двинулась в нашем направлении. Об этом было послано спешное до-

несение в штаб корпуса. В ночь с 27 на 28 апреля наша конница заняла следующее положение: 1-й корпус у зимовника Лисицких, Астраханская дивизия (перешедшая за Маныч 25 апреля) у зимовника Курочкина, моя бригада от зимовника Безуглова на восток до верховьев реки Темленной, а левые части бригады до реки Караичевой, 1-я Конная — два полка в боевой линии и два полка в резерве.

С рассветом бой возобновился, пехота противника в три-четыре ряда цепей перешла в наступление, поддержанная броневыми автомобилями, но, не выдержав нашей контратаки, начала отступать. Я снова взял станции Ельмут и Двойная. Под вечер меня с двумя полками оттягивают в резерв. Мой участок занимают 1-я Конная дивизия с двумя полками и терские пластуны.

28 апреля наша пехота с конницей переходят в наступление, пехота красных отходит, но часов около 15, после обеда, появляется внезапно конница красных, атакует 1-й корпус, и он поспешно отходит к зимовнику братьев Михайликовых, а астраханцы бегут к Манычской переправе, но их останавливают. Моя бригада идет на поддержку правого фланга, приостанавливает противника, и я занимаю высоты к северу от зимовника Михайликовых. Ко мне присоединяются части 1-го Кубанского корпуса (2-й Уманский и 2-й Запорожский полки), и порядок водворяется.

Часам к 9 вечера я еду в штаб корпуса доложить положение на фронте. В штабе все спят! Когда я попросил сделать доклад комкору, на лицах у присутствующих «штабчиков» образовалась кислая и насмешливая мина, мне ответили, что комкор спит и его будить не положено. Едва нашли начальника штаба (генерала Генштаба, фамилию, жалко, не припоминаю), который, зевая и не выслушав меня, лег спать. Я спросил, когда у меня будет смена, так как имею приказание, как только приостановлю противника, возвратиться на свои позиции. В ответ генерал сквозь зубы выжевливает: «Надобно вам спать, полковник, а завтра там увидим, ну наверное, будет смена». Обиженный таким невниманием и халатностью, я уехал к бригаде.

На рассвете, узнав, что некоторые части 1-го Кубанского корпуса подошли и стоят в резерве, отправляюсь снова в штаб и требую немедленной моей смены, которую получаю через три часа, после неприятного разговора с комкором, видимо не осознающим нашего положения и своей непригодности к командованию. До обеда возвращаюсь в резерв на свое место.

Ночью на 29 апреля на участке 1-й Конной дивизии произошло следующее: конница противника внезапно напала на правый фланг дивизии (1-й Линейный полк), сбила его, полк спешно ушел, а за ним некоторые части других полков. Завязался бой с нашей 1-й Конной дивизией, которая с большими потерями отошла и открыла правый фланг терских пластунов; они были атакованы, и больше половины этих лихих казаков погибло. Атакованы были и части 1-го Конного корпуса, и, к довершению всего, по всем линиям фронта наши части начали отступать и самостоятельно переходить через Маныч назад!

По правую сторону Маныча остаются лишь моя бригада и 9-й пластунский батальон. Пластуны переходят в наступление к станице Великокняжеской, а я разворачиваю бригаду от зимовника Пишванова на север и немного задерживаю красных. Успеха на этом участке мы не ждали. Внезапно получаю приказ спешно отступить на переправу.

На реке творился беспорядок, артиллерия бросала орудия, многие переходили через реку вплавь и т. д. Вся наша группа, наконец, собралась в селе Баранниковском, а позже на всем этом участке не было никаких столкновений с красными. Они не переходили реку, видимо довольные, что нас, из-за бестолкового командования, так легко отогнали от Великокняжеской.

3-й Кубанский корпус, под командованием генерала Шкуро, в это время уже находился в Каменноугольном районе Донской области, и противник на всем участке отступал под натиском Шкуро на север.

2-й Кубанский корпус, под командованием генерала Улагая, разбив Ставропольскую группу, подходил к станице Граббевской, где в первых числах мая разбил конницу «товарища» Думенко, перебросившую с нашего фронта 29 апреля, и отобрал у нее почти всю артиллерию и много пулеметов. Думенко со своей конницей был выведен из строя и появился только на реке Сал в последующих событиях.

С 29 апреля по 4 мая на нашем фронте происходят мелкие стычки и огневая дуэль через Маныч. 3 мая мою бригаду сменяют с переправы, и я отхожу к другим частям, расположившимся в Баранниковском.

Части снова подготавливаются к переходу через Маныч и операции на Великокняжескую. Получаем пополнения. У переправы

остается пехота и Астраханская дивизия (пехота на Баранниковское, а астраханцы на Нижне-Манычской переправе), а все остальные намечаются для перехода реки.

В период этой подготовки нас навещает главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин³⁴ (с 30 апреля до 1 мая) и осматривает переправы на месте.

4 мая прибывает только что назначенный командующим Кавказской армией генерал Врангель. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й батальоны пластунов сведены в пластунскую бригаду и вместе с 1-й пехотной и Сводно-Горской дивизией входят в состав 4-го корпуса (комкор — генерал Шатилов).

5 мая наши части с боем переправляются через Маныч, занимают зимовники Безуглова, Михайликовых и Пишванова. Упорнейшие бои в течение целого дня с противником (две дивизии пехоты, три полка конницы, масса артиллерии и бесчисленное количество пулеметов). Мы все же сдерживаем контратаки красных и к полудню, пользуясь кратким перерывом у противника, переходим в наступление по всему фронту. В 10 верстах от Великокняжеской противник останавливается и занимает всей пехотой позиции фронтом на юго-восток.

4-й Кубанский корпус (без астраханцев) группируется у зимовников Михайликовых и Пишванова, а 1-й корпус занимает зимовники И. и П. Пишвановых, выбросив разведку по рекам Большая и Малая Куберле на восток.

6 мая проходит спокойно, наступления мы не предпринимаем, но ведется усиленная разведка. Противник беспокоится, как потом я узнал, из-за слухов о полном разгроме армии Думенко генералом Улагая. В это время Улагай уже подходил к станице Буровской, обходя с востока противника.

Прибывший к нам генерал Врангель, командующий Кавказской армией, решил конницей атаковать противника, для чего наши части (1-я Конная дивизия и моя бригада) по приказу комкора к 17 часам того же дня (6 мая) подвоятся к кургану в 4 верстах на восток от зимовника Пишванова, откуда до позиции красных оставалось не больше 3—3,5 версты. Здесь наша артиллерия занимает укрытые позиции, а конница выстраивается в две колонны: первая, боевая, состоящая из пяти полков (1-й Екатеринодарский, 1-й Линейный, 1-й Запорожский, 1-й Уманский и 2-й Кавказский), и вторая колонна, резервная, состоящая из бригады, которой командовал я.

Как только солнце стало скрываться, наша конница (командовал генерал Шатилов) начала наступление, сначала рысью, а потом наметом. Вся артиллерия открыла огонь по красным (из восьми орудий), и в ответ противник засыпал нас ураганным огнем не менее как из 30 орудий. Казалось, что наши не выдержат огня, но конница, перейдя в намет, проскочила эту огневую завесу, артиллерия противника начала стихать. Уже в темноте казаки начали теснить красных, которые спешно отошли к Великокняжеской.

С 6 на 7 мая, точно в 24 часа, я по приказу генерала Шатилова с пятью полками (1-й Кубанский, 1-й Лабинский, 1-й Линейный, 1-й Екатеринодарский и 2-й Кавказский) двинулся на взятие Великокняжеской. Около 4 часов 7 мая я подошел к станице, но наши разведы доложили, что пехота противника окопалась у кирпичных заводов, а кроме того, правее моей колонны обнаружена бригада красных, направляющаяся на железную дорогу Великокняжеская—Ельмут.

Одновременной атакой карьером с двумя полками на пехоту направо и с тремя полками на окопы была взята станица Великокняжеская, а противник наголову разбит (дивизия пехоты в окопах и бригада пехоты на марше). Взято у противника 20 орудий, 40 пулеметов и 4,5 тысячи пленных. Красные бежали на Ельмут, их преследуют 1-й Лабинский и 2-й Кавказский полки, которые занимают высоты между Великокняжеской и Ельмутом. К 5 часам занимаем всю станицу, достается богатая добыча в боевых припасах и питании.

В 6.30 все пять полков подошли к разъезду перед станцией Ельмут, а в 7.30 на железную дорогу между Ельмутом и Двойной, куда подошли части 1-го корпуса для моей смены, а я отошел в Великокняжескую на отдых.

8 мая через Казенный мост на Маныче перешла Донская конная дивизия и заняла станицу Платовскую (северо-западнее Великокняжеской); почти в то же время генерал Улагай занимает станицу Бурульскую на северо-востоке от Великокняжеской. Таким образом, у нас сложился фронт на большом протяжении: Платовская—Великокняжеская—Двойная—Бурульская.

Погода между тем не благоприятствовала нам, начался период ежедневных дождей, грунт раскис так, что наши обозы и артиллерия двигались не больше 8—12 верст в день, а противник бросал по пути все, уводя лишь живую силу.

После взятия Великокняжеской для нас настали перемены к лучшему; противник поспешно отходил на реку Сал к станице Ремонтной, где намерен был обороняться.

За время боев под Великокняжеской и на Маныче особенно выбилась из сил наша конница, которая, по существу, целую операцию вынесла на своих плечах. Предвиделся поход на Царицын, а кони шли плохо, дожди превратили дороги в сплошную грязь. Но подъем в армии был хорош, и все с нетерпением ожидали движения вперед. Глядя на бодрых своих казаков, после стольких трудных и неблагоприятных для нас условий Манычской операции, наш командный состав был очень доволен. Объяснялось все это общим желанием идти на Царицын.

Во время нашей операции на правом берегу Дона донские части разбивают красных, переходят реку Донец, красные отступают на северо-восток. Каменноугольный район после жестоких боев почти полностью занимается нашими частями (добровольцы и 3-й Кубанский корпус генерала Шкуро), и они идут к Екатеринославу, а еще левее успешно продвигается вперед группа генерала Слащева (7-я пехотная дивизия).

ПОХОД НА ЦАРИЦЫН

По взятии станицы Великокняжеской 7 мая наши части были направлены следующим образом:

1-й Кубанский корпус по железной дороге в направлении станция Двойная — станица Ремонтная;

Сводно-Горская дивизия — станица Иловайская до реки Сал;

1-я Конная и моя Сводно-Кубанская бригада в резерве, вдоль полотна железной дороги;

пехота перебрасывается за 1-м корпусом по железной дороге, где не было разрушения (до Сальского моста путь был цел, сам мост взорван, далее до станицы Котельниково полотно было цело);

донцы двигались в направлении станица Платовская — станица Мартиновская (река Сал) — станица Каргальская (река Дон).

Резерв, из-за задержки в Великокняжеской, слишком отстал от боевой линии и только 16 мая подошел к станице Котельниково.

Красные никакого сопротивления не оказывали и отступали по всему фронту. По железной дороге и вдоль реки Дон у Каргальс-

кой Великокняжеская группа боев не вела, но в это время происходили упорные бои у генерала Улагая (2-й Кубанский корпус), у которого из-за невероятно трудного перехода пехота отстала, а конница вырвалась вперед.

В районе станицы Атаманской — станицы Эркетинской (на реке Сал) конница генерала Улагая (генерал Бабиев) встретила упорное сопротивление красных, занявших правый берег реки Сал от Атаманской до хутора Нижне-Жиров.

16 мая генерал Бабиев атакой разбивает противника и занимает правый берег реки Сал в районе хуторов Гуреева и Плетнева. Красные отходят в Котельниково. Конница 1-го и 2-го корпусов в тот же день соединяется, занимает с боем станцию и станицу Котельниково. К этому времени подходит вся пехотная дивизия, и астраханцы занимают позиции по высотам в 5 верстах от станицы Гремячей, а 1-й корпус переходит к хутору Кудиновскому на реке Дон.

За время движения до 15 мая Сводно-Горская дивизия в районе хутора Комаров-Кривской наголову разбивает 39-ю пехотную дивизию и бригаду конницы красных, берет большие трофеи, пленных, а более 30 процентов красных, загнанных в реку Дон, тонет. Вся артиллерия и пулеметы забираются. Донцы успешно переправляются на правый берег Дона.

17 мая конница красных внезапно, на нашей половине, атакует 6-ю пехотную дивизию и разбивает ее, астраханцы спешно отходят в Котельниково, и красные забирают половину нашей пехоты, всю артиллерию и пулеметы в плен. На помощь пехоте спешно прибывает генерал Улагай (с генералом Бабиевым), небольшими конными частями 2-го корпуса подбирают астраханцев и жестоко атакуют конницу противника.

Красные не удерживаются, бросают взятых пленных, орудия и пулеметы и отходят назад. Этим положение восстанавливается, но не прочно, так как к станице Гремячей подходит пехота противника и прочно занимает позицию от Гремячей на 10 верст по обе стороны железнодорожного полотна.

17 мая спешно подтягивается в Котельниково наша 1-я Конная дивизия и моя бригада из хутора Семичного. Наша пехота кое-как приводится в порядок. Конница совершенно вымотана тяжелым и долгим переходом от Великокняжеской с проливными дождями и без правильного корма лошадей, обозы вечно отставали. Транспорт

отсутствовал, все обывательские подводы из населенных мест по пути были забраны 1-м корпусом, который поэтому был обеспечен продовольствием, а местное население еще раньше было обобрано отступающим противником. Я лично для своих людей и лошадей получил довольствие после четырех голодных дней, только 22 мая, и то из станицы Нагавской по ту сторону Дона! За продовольствием выслали сами почти две сотни фуражных.

Из-за лишений и неудач в частях начал замечаться упадок настроения. Это было заметно и у командного состава, и особенно при штабах. Настало какое-то зловещее затишье, противник стоял на месте, пехота их опуталась колючей проволокой, а конница сгруппировалась в хуторе В. Яблочный.

Наши части предпринимают наступление 19 мая с тем, чтобы занять хутор. Конница 1-го корпуса идет прямо на хутор В. Яблочный, а конница 2-го корпуса на хутора Дарганов и Пиманов. Между тем наступление красные отбивают, и сами переходят в контратаку, и наша конница сдерживает их с большим трудом.

20 мая от меня откомандирован в состав 1-й Конной дивизии 2-й Кавказский полк, а я с уменьшенной бригадой должен был присоединиться ко 2-й Кубанской дивизии (прибывает ее начдив генерал Репников и комкор генерал Улагай с одной бригадой). Комбригами в дивизии назначаются генерал Говорущенко и я.

В воздухе чувствуется что-то грозное — фронт наш непрочен, и при энергичном нажиме противника у нас начинается отступление. Обозы выводятся из села Котельникова в хутор Наголинский. Пехота противника усиливается подкреплением с Жутовских позиций, где красные по высотам правого берега реки Есауловский Аксай занимают прочную позицию с проволочными заграждениями для защиты от конницы. К вечеру получены сведения, что и в 1-м корпусе наступление окончилось неуспешно для нас. Атмосфера сгущается, настает период нервного напряжения.

Днем в Котельниково приезжает командующий армией генерал Врангель. Уже под вечер я получаю приказание начдива с бригадой спешно выступить в район Лог—Израихин и произвести усиленную разведку в сторону хутора В. Яблочный и станицы Гремячей. Выступив вечером, ночуем в Логе на прекрасном корму для лошадей и за ночь связываемся с астраханцами, занимающими позицию при схождении дорог от Котельникова и хутора Караичева. Также связываюсь с 1-м корпусом, правый фланг

которого занимает позицию в 5 верстах к северо-западу от хутора В. Яблочный.

Конница красных (вновь появился Думенко), занимая позицию против 1-го корпуса, левым флангом обращена ко мне, а позади их боевой линии за левым флангом прикрывает ее еще одна бригада конницы и батальон пехоты.

От моих частей до фланга красных не более 5 верст. Эта местность изрезана глубокими оврагами, а за версту до противника начинается пологий подъем. Ночью обо всем происходящем мною донесено начдиву, высказано предложение, что противника можно разбить ударом во фланг, если он будет предпринимать наступление на части нашего корпуса.

К рассвету 20 мая противник оттянул главные силы конницы к железной дороге позади своей пехоты, оставив на позиции и в хуторе В. Яблочный слабые передовые части. Видя это, наш 1-й корпус переходит в атаку, сбивает передовые части красных и почти обходит правый фланг противника, его пехоту.

Я в это время, спрятав бригаду в глубоком овраге и окружив себя одиночными караульными в скирдах оставшегося сена, наблюдал и ждал приказ из Котельникова, откуда его и получил с тем, чтобы ни в коем случае не снимать бригаду с теперешней позиции и не вводить ее в бой.

1-й корпус после короткого успеха чересчур развернулся и позволил массовую контратаку противника. Подошедшие главные силы конницы Думенко сбивают корпус, который отступает намотом, но потом задерживается на высотах верстах в трех—трех с половиной к северо-западу от хутора В. Яблочный.

Красные дальше медленно наступают на 1-й корпус с охватом его правого фланга, корпус медленно отходит, и противник, не замечая мои части (моя бригада имела боевой состав 1168 шашек), к 19 часам вечера подставляет мне фланг своего резерва (три полка) и открывает тыл боевой линии (два полка).

В 18 часов ко мне спешно по оврагу прибыли генералы Врангель, Улагай и Шатилов, а за ними вслед прибыла еще одна бригада (два полка) 1-й Конной дивизии.

Узнав от меня обстановку, командующий армией спросил, может ли моя бригада атаковать противника и надеюсь ли я на своих казаков, так как от исхода атаки зависит участь всего фронта. Получив от меня вполне определенный положительный ответ, ге-

нерал Врангель приказал готовиться к атаке по моему усмотрению. Бригада 1-й Конной дивизии была прислана для занятия моего места, а в случае неудачи я должен был отойти к ней (полковник Муравьев³⁵ с 1-м Екатеринодарским и 1-м Линейным полками).

Мои полки быстро выстроились, генерал Врангель приветствовал их и пожелал победы! Я объяснил перед строем нашу задачу, указал на строй в атаке и в 19 часов, по оврагам, выступил вперед, а к закату солнца подошел к противнику на версту. Развернув линию взводных колонн, имея лишь сотню впереди левой колонны, бросаюсь в бешеную конную атаку. Красные, спохватившись, открывают убийственный ружейный и пулеметный огонь, но бригада самоотверженно и доблестно налетает на противника, частично спешивается, завязывается рукопашный бой, разбивает красную пехоту на мелкие части, которые бросаются бежать во все стороны.

Я гнал противника почти до 24 часов ночи, зайдя в их глубокий тыл 1-м Лабинским полком, и там захватил полотно железной дороги на Жутово. Лабинцы забрали станицу Гремячую, противник бежал в село Жутово. Мною взято: 800 человек, 12 орудий, 48 пулеметов, изрублено около 300 красных бойцов, моя бригада потеряла в этой атаке убитыми и ранеными 52 человека.

На следующий день утром я закрепляю за собой прежде уже почти занятую лабинцами Гремячую, а к полудню получаю копию телеграммы командующего Кавказской армией генерала Врангеля следующего содержания:

«Екатеринодар Главком из Котельникова.

Б/Н. Б.З.С. Блестящей атакой бригады кубанцев под начальством полк. Фостикова разбита и рассеяна конница Думенко. Вновь ходатайствую о производстве полк. Фостикова, уже представленного за атаку под Великокняжеской, в Ген. Майоры. Котельниково 20 мая НР 053 Врангелю».

Ввиду подхода 2-го Кубанского корпуса (генерал Улагай), в составе которого находилась 2-я Кубанская дивизия, я с бригадой причисляюсь окончательно в свой корпус.

Для наступления на Царицын части были распределены таким образом:

1-й корпус (Покровский) западнее железной дороги, исключая последнюю;

2-й корпус (Улагай) восточнее железной дороги, включая последнюю, причем 1-я дивизия восточнее железной дороги, а 2-я дивизия по полотну — фронт шириной 8 верст;

4-й корпус (Шатиллов) — армейский резерв.

Пехота противника отступает исключительно по железной дороге под прикрытием броневиков, разрушая при отступлении железнодорожные мосты, будки, стрелки и станции. Борьба по полотну тяжела, броневики и пехота угрожают все время. Нам неоднократно приходилось атаковать их в конном строю, чтобы отогнать.

Дожди и дальше идут, ночуем под открытым небом, части наши не высыхают. Довольствие отвратительное, подвоз из тыла невозможен, все мокнет и гниет от вечной влаги. В частях, несмотря на лишения и потери, настроение еще бодрое — движемся на Царицын, и все уверены, что возьмем его, у всех порыв идти вперед и вперед.

Противник после моей атаки у Котельникова спешно отступил на Жутово, где красные подготавливали прочные укрепления своих позиций с проволочными заграждениями на правом берегу реки Есауловский Аксай. Центр в районах железнодорожных мостов заняла пехота, на флангах конница. К красным подошли подкрепления, пехота Жлобы³⁶ с артиллерией. Противник решил нам здесь преградить путь, так как это была их последняя позиция, с которой они могли удержать нас перед Царицыном.

21 мая к вечеру наши части подошли к селу Жутово по железной дороге, а фланговые — к реке Есауловский Аксай. 1-й корпус, переправившись через Аксай, подошел к хутору Кумскому.

21—22 мая напряженные бои с фронта и правого фланга на Жутово. 2-й корпус: 1-я дивизия с правого фланга и 2-я дивизия на Кумской, вместе с частями 1-го корпуса.

Противник очень устойчив, на своем правом фланге переходит в атаку, приходится частично отступать к хутору Сазонову. Чувствуется наша слабость в количестве, красные всюду превосходят в несколько раз. Для нас создается рискованное положение, так как противник, держась упорно на фронте, теснит наши фланги, особенно левый, где 1-й корпус совершенно теряет голову, и все это потому, что генерал Покровский (комкор) ведет бои, командуя конным корпусом спешным, к чему его части не подготовлены. Казаки вообще неохотно дерутся в спешном строю.

23 мая, ввиду наших неуспешных боев в предыдущие дни, были отданы распоряжения всем частям обрушиться во что бы то ни

стало на противника. Общее наступление должно начаться 23 мая. К вечеру 22 мая части были уже на своих местах согласно диспозиции. 1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки стали на ночлег в хуторе Наливном. Утром 23 мая сюда подошли 1-й Полтавский, 2-й Кубанский и 2-й Кавказский полки.

С рассветом начался бой на нашем правом фланге — пехота и конные части 2-го корпуса (генерал Улагай) и на левом — генерал Покровский. У противника было замечено передвижение конницы к хутору Кумскому.

Дивизия (1-й Кубанский, 1-й Лабинский, 1-й Полтавский, 2-й Кубанский, 2-й Кавказский полки) была выведена и сгруппирована в овраге к северу от хутора Наливного, противник это заметил и открыл артиллерийский огонь из полевых орудий с правого фланга своей пехоты и бронепоездов, находящихся между селом Жутовым и станцией Гнилоаксайская.

Дивизия была засыпана снарядами, из них два попали по 1-му Кубанскому полку, были убиты знаменщик полка подхорунжий Минин, два трубача, ранено два казака и десять лошадей. На дороге между упомянутыми поселками появился броневик, видимо, это был сигнал для атаки, так как после этого красные перешли в атаку по всему фронту.

Наша дивизия пошла в контратаку — 1-й Лабинский полк в обход правого фланга противника, а остальные части перед собой. Пять раз производились атаки и контратаки наших частей и противника. Конница перемешалась. 1-й Лабинский полк, попав под жестокий ружейный и артиллерийский огонь и атакованный затем конницей красных, не выдержал и поспешно отступил, что подействовало на остальные части нашей дивизии.

Перемешанные части начали отходить, противник обнаглел. Усилим командного состава наши части были приведены в порядок, и атака трех полков (1-го Кубанского, 1-го Лабинского и 2-го Кубанского под моей командой) решила участь боя. Около 14 часов противник смешался и спешно отошел на север.

Бой продолжался до самой темноты, наши заночевали биваком в поле. Частями 2-й Кубанской дивизии взято в плен 800 человек конницы противника, 8 орудий и 3 броневика. Дивизия потеряла убитыми 2 офицеров и 12 казаков, ранеными 4 офицеров и 20 казаков, из строя выбыло около 50 лошадей. Потери противника очень ощутимы!

25 мая к рассвету не вся пехота противника успела отойти от Жутова, и ее отход прикрывали два бронепоезда в районе Гнилоаксайская. Бригаде (1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки) было приказано взять станцию Гнилоаксайскую. Бригада разомкнуто подошла к курганам в 2 верстах от станции, по дороге от Кумской противник открыл ураганный огонь из бронепоездов, курганы были изрыты тяжелыми снарядами, и выйти из укрытия не представлялось физической возможности.

Дабы спасти положение, я, взяв с собой три правофланговые полусотни, лично бросился в атаку, противник весь огонь перенес на эту группу. Половина казаков не выдержала, повернула обратно, а остальные, около 50 человек, контуженные, ушибленные (ни одна лошадь не обошлась без падения от сотрясения воздуха от тяжелых снарядов, а сам комбриг три раза переворачивался с лошадей), все-таки захватили станцию, войдя в нее с юга. Здесь я полчаса лежал без сознания, но все прошло удачно, кроме трех офицеров и 25 казаков с поворотными контузиями.

Восемь казаков с подхорунжим при одном пулемете, проскакав станцию, захватили небольшой железнодорожный мост и подложили динамитные шашки в рельсы. Один бронепоезд противника успел проскочить, но другой попал на них, перевернулся, и половина его состава осталась у нас.

Около двух полков пехоты противника, не успевшие вовремя отойти, после занятия нами Гнилоаксайской бежали на северо-восток, но части бригады (1-й Кубанский и 1-й Лабинский полки) и конница 2-го конного корпуса атаками взяли всех в плен. Бригада двинулась вперед вдоль полотна железной дороги и около станции Тингута имела еще один успешный бой с противником, заняла станцию и взяла два орудия и пять пулеметов.

26—27 мая дневка и подход к станции Червленая. 28 мая 1-й Кубанский полк с боем занимает станцию Червленая. 29 мая марш на высоты к селу Ивановскому. Противник занял высоты у села: дивизия пехоты и три полка конницы, все остальные отошли на Сарепту.

С 30 на 31 мая упорные бои 2-й Кубанской дивизии за обладание селом Ивановским. У нас и у противника на этот раз участвовали и аэропланы. 2-й конный корпус после упорных боев занимает Сарепту, взяв большие трофеи.

1 июня упорные бои у станции и села Воропоново. 1-й Кубанский полк первым занимает это село, а позже с бригадой занимает высоты к западу от Царицына, не переходя железную дорогу Садовая—Гумрак. Подходим совсем близко к городу.

Операцией взятия Царицына руководит генерал Шатилов, штабной офицер, но, к сожалению, никакой распорядительности и плана у него нет, части действуют самостоятельно, связь хорошо не налажена, поэтому нет у нас положительных результатов.

1 и 2 июня по приказу командующего Царицынским фронтом генерала Шатилова моя бригада входит в железнодорожный треугольник Царицын—Садовая—Гумрак для разведки укрепленной позиции противника и возможности ее прорыва. Ночью, перейдя железную дорогу, бригада вошла в треугольник, охраняемый тремя бронепоездами у Садовой—Гумрак и Гумрак—Царицын.

Пешие разведчики к утру приблизительно определили силы противника, фронт был определен точно — он шел от железной дороги Царицын—Гумрак до станции Гумрак. Было выяснено, что конница не может прорвать сильную позицию противника с проволочными заграждениями и что для этого нужна пехота или спешенная конница. К утру 3 июня добытые сведения были доставлены в штаб командующего фронтом, который усиливает бригаду присылкой 1-го Запорожского полка, и ничего больше.

Противник между тем уже знал о нашем нахождении в треугольнике и с рассветом того же дня (3 июня) открыл по нам ураганный огонь с трех бронепоездов, который продолжался до темноты. Но, слава богу, он не причинил особого вреда, так как все три полка находились в глубоком овраге и снаряды не ложились в нем, перелетали, за целый день было ранено всего два казака и пять лошадей. (Это свидетельствует о том, что знаниями и умением вести артиллерийский огонь противник особо не овладел.)

В районе станицы Садовой в течение дня слышался бой, но, как потом выяснилось, без положительных для нас результатов. Противник удержал все свои позиции, а в некоторых пунктах переходил в контрнаступление.

В этот день генерал Шатилов показал свою нераспорядительность и полную растерянность. Не было никакой связи нашей группы с группой генерала Улагая, наступающего на Царицын со стороны Сарепты.

Под вечер 3 июня бригаде было приказано спешно отойти к высотам на юг, непосредственно у села Владычин, что и было выполнено.

4 июня генерал Шатилов приказал отступить от Царицына.

5 июня я, контуженный в предыдущих боях у Котельникова и Гнилоаксайской, был произведен в чин генерал-майора и эвакуирован. На фронт под Царицын снова прибыл 20 августа. Все боевые операции этого периода поэтому описываю со слов других очевидцев и участников, а частично из служебных сводок штаба дивизии. Это был скандальный период для Кавказской армии.

Для второго наступления на Царицын все части были подчинены генералу Улагаю, который победоносно вошел в Царицын 17 июня, отогнав красных на север. Были захвачены огромные трофеи.

После моего отъезда из-под Царицына командиром 1-го Кубанского полка был назначен полковник Логинов, раньше служивший в Варшавском дивизионе³⁷, человек вялый и теряющийся в боевой обстановке. Ему выпала доля командовать лихим полком лишь потому, что в ту пору других кандидатов на фронте не было.

По занятию Царицына Кавказская армия очень удачно и энергично продвигалась дальше на север по направлению к Саратову до тех пор, пока части вел генерал Улагай. С его отъездом по болезни в отпуск заменивший Улагаю генерал Покровский некоторое время по инерции продвигался вперед, но лишь один неудавшийся бой, по его вине, остановил продвижение Кавказской армии, а вскоре после этого она неудержимо покатила назад!

Сам Покровский перед отступлением тоже уехал с фронта. Части армии, очень расстроенные, 18 августа отошли до станции Котлубань. Во время этого отступления они понесли большие потери в живой силе, утратили почти все свои обозы, боевой состав выбился из сил и был доведен до минимума.

Логинов, командующий полком, несколько раз попадал в отчаянное положение. Однажды целый полк попал в окружение, заведенный полковником Логиновым в сторону от пути отступления, в овраги правого берега Волги. Сотни полка, каждая самостоятельно, спасались чудом. Заблудившись в лесу, сам Логинов был достигнут партией красных (12 человек) и зарублен сидящим в своей линейке. Кучер, бывший тогда с полковником Логиновым, схватив винтовку, бросился в овраг и, открыв огонь, убил несколько красных, а

остальные разбежались. Этот же казак через пару дней присоединился к полку, привезя зарубленного полковника Логинова.

В это же время началась утечка казаков из рядов Кавказской армии под Воронеж «партизанить», полное отсутствие дисциплины среди бойцов и командиров, и все это было следствием наших неудач в походе на Саратов. Царицынский фронт трещал по швам, забили тревогу, были вызваны из отпуска генералы Улагай, Баби-ев, Фостиков, Мамонов³⁸ и другие.

19 августа в Царицын прибыли вызванные генералы, а 20 августа они были уже на фронте. Я был назначен начальником 2-й Кубанской дивизии. Части дивизии я нашел у станции Котлубань, в 4 верстах севернее ее. Вид их был убийственный, казаки и лошади загнаны, голодны. Боевой состав четырех конных полков — всего 1200 казаков, полки превратились в дивизионы, сотни во взводы!

Противник приостановил свое наступление и, отдохнув, 21 августа с рассветом густыми цепями появился на горизонте. Держа направление на Царицын, группа пехоты (в дивизию) шла в обход станции Котлубань с северо-запада. Когда эта группа почти окружила Котлубань, 2-я Кубанская казачья дивизия совместно с 1-м и 2-м Осетинскими полками атаковали ее и уничтожили; взяли в плен 6 тысяч человек, около тысячи перебили, захватили 18 орудий, 30 пулеметов и один бронепоезд.

Этот день изменил обстановку на нашем фронте. На главном направлении противник тоже был разбит, и все его силы отхлынули на два перехода назад. Наши части получили заслуженный четырехдневный отдых, а противник за это время больше не показывался. От недоедания, переутомления и нехватки лекарств в частях появились болезни и цинга.

26—28 августа противник, получив, видимо, большое подкрепление пехотой, на всем фронте перешел в наступление. В это время наш фронт был усилен легкими и тяжелыми танками, и 2-я Кубанская дивизия получила из них три легких.

28 августа дивизия, блестящей атакой с обходом правого фланга противника, снова решила участь боя в нашу пользу. Левый фланг противника, наступающий очень энергично по правому берегу Волги от Камышина и поддержанный тяжелой артиллерией с Волги, дошел почти до самого предместья Царицына, где был разбит кубанскими пластунами.

Противник снова отхлынул назад, а наши конные части продвинулись вперед на север больше нежели на два перехода. В дивизию прибыли два поезда с продовольствием: мука, сухари, сало и другое. Казаки ожили!

29—31 августа противник, примерно наказанный, совершенно не подавал признаков жизни, но были получены сведения от пленных, что он усиливается за счет прибывающих с других фронтов по реке Волге (пехота и артиллерия), а с запада, из-за Дона, конницы.

1—2 сентября усиленная разведка боем 1-го Кубанского полка выяснила большое скопление пехоты, артиллерии и конницы. 2 сентября после полудня противник начал продвигаться вперед по трем направлениям: первое — по правому берегу Волги, второе — между Волгой и станцией Котлубань, третье — по левому берегу реки Дон в направлении села Калач.

Были собраны сведения о силах противника, которые раза в четыре превышали нашу Кавказскую армию. Противник всеми силами стремился взять обратно Царицын.

3—4 сентября удачными маневрами и атаками нашей конницы противник был задержан, его левый фланг остановился, а в некоторых пунктах и отошел на переход. 4 сентября противник все же подошел к Царицыну и начались упорные бои.

5—6 сентября противник решительно наступает на Котлубань, 6 сентября 2-й конный корпус (генерал Улагай) атакует правый фланг противника, отрезает его от центра и левого их фланга, а к вечеру того же дня разбивает целую группу, которая бежит. Улагаю достается большой плен.

Наша конница за эти дни произвела много атак с небольшими потерями, но все это нас вымотало, снова начали голодать, так как продовольствие из тыла не подходило, запасы местного населения все были исчерпаны или шли под Царицын. А там, под городом, происходили ожесточенные бои, но пока без успеха для противника, хотя он несколько раз высаживал десант по Волге в тыл нашей пехоте. Десанты были ликвидированы нашими пластунами.

7—9 сентября противник снова в наступлении своим правым флангом, наши части маневрами сдерживают его, так как сил собственных для решительного боя нет — много частей оттянуто в Царицын. Противник, видя нашу слабость и нерешительность, собрав свои силы, снова атакует с правого фланга (в тре-

тий раз!) станцию Котлубань, чем принуждает нас перейти к рискованной активности.

9 сентября в 16 часов Кубанская дивизия совместно с Ингушской бригадой и Осетинским полком беззаветно бросаются в контратаку — конечно, от безнадежности, так как противник превышал нас в десять раз (нас вместе было около 1500 шашек, а атаковали противника, в массе составляющего около 10 тысяч). Это было безрассудно с нашей стороны! Но «смелым Бог помогает»; наша атака была столь яростна и неожиданна для противника, что он не выдержал и всей своей массой побежал. Нам оставалось преследовать его, рубить и забирать в плен.

Противник был молниеносно сметен. Наши потери незначительны: я (начдив) ранен в правое плечо, три офицера, 18 казаков и 50 лошадей получили колотые раны штыками. Пехота противника была совершенно сбита, в плен попало свыше 4 тысяч, масса убитых, изрубленных. Успели убежать лишь остатки конных частей. Нам достались артиллерия, обозы с продовольствием, в котором мы так нуждались, и прочее.

Наша победа у Котлубани заставила противника приостановить свои операции у самого Царицына, а потом и отойти от него. В бою 9 сентября большую часть наших потерь понесла 1-я бригада с 1-м Кубанским и 1-м Лабинским полками, которые первыми врубались в пехоту и сломили ее.

10—13 сентября вторая группа противника начала движение на Царицын. Несмотря на потери, эта группа напрягла все свои силы, чтобы отогнать нас от главного направления на город. Моя дивизия отдыха вовсе не имела и все дни провела в непрерывных боях, блестяще выполняя поставленные перед нами командованием корпуса задачи. 10 сентября конной атакой тремя полками дивизии в лоб противника и обходом правого его фланга 1-м Кубанским полком разбита и рассеяна пехотная дивизия противника. В этом бою наша дивизия потеряла убитыми всего двух (!) казаков, а ранеными — начдива в ногу (остаюсь в строю), двух офицеров, 20 казаков и около сорока лошадей. Нами взято много пленных (некуда их было девать!), семь орудий, десять пулеметов.

11 сентября 2-я Кубанская дивизия разбивает уже вторую пехотную дивизию противника. С нашими частями действуют легкие танки, присланные из штаба корпуса. Я снова ранен в правую

руку, остаюсь в строю, но ходить больше не могу, к тому же начались у меня цинга и воспаление глаза.

12 сентября противник в центре готовится к общему наступлению, перебросив всю конницу на свой правый фланг, который после потери двух пехотных дивизий остался без прикрытия, и 13 сентября переходит в наступление.

Конный корпус под моей командой (времененно в бою я принял корпус генерала Мамонова, который был убит) принимает на себя всю массу конницы противника. Конная контратака (девять казачьих полков) расстраивает планы противника, он несет большие потери и отступает. Между тем я был тяжело ранен в живот и в 17 часов того же дня спешно эвакуирован в тыл на перевязочный пункт (спас меня, оказав помощь, доктор Степан Пархоменко, перевязав и приостановив кровотечение). После перевязки разорвавшийся около пункта снаряд перевернул линейку, в которой я лежал; она накрыла всей тяжестью, и нас подбирают контужеными казаки подоспевшего 1-го Полтавского полка. Я был эвакуирован в санитарном поезде в Екатеринодар.

С 13 сентября противник отошел за линию фронта, и Кавказская армия снова продвинулась больше чем на три перехода к северу.

В это время Добровольческая армия успешно продвигалась на север и уже начались разговоры о Москве, но в дальнейшем, заняв слишком широкий фронт наступления, она растянулась и все больше утрачивала свою боеспособность, чем воспользовалась Красная армия.

Противник остановил продвижение наших на север, сосредоточив массу конницы у Оскола. Обстановка на главном фронте заставила ослабить Царицынское направление и перебросить отсюда 2-й Кубанский конный корпус (генерал Улагай) под Оскол. К концу октября корпус прибыл под Оскол, но уже было поздно. На наш главный фронт вызван генерал Врангель, но делу это не помогло, так как все было окончательно испорчено предшественником (генерал Май-Маевский³⁹, который прославился пьянством, окруженный большевистскими шпионами под видом танцоров, цыганок и прочих⁴⁰). Красное командование знало все происходящее у нас!

В это время я находился на окончательном лечении в Ставрополе. 29 ноября телеграммой генерал Улагай спешно потребовал

меня на фронт. Местом прибытия была назначена станция Переездная на реке Донец. С большим трудом я прибыл 4 декабря на Переездную, не совсем еще оправившись от ранения и контузий, ходил с палочкой, так как правая нога как следует не действовала. По пути следования я всюду встречал группы пеших и конных, двигающихся в тыл, все станции железной дороги были забиты составами. От станции Попасная до намеченной мне станции все дороги были буквально усеяны одиночными людьми, повозками, обозами и группами пехоты и конницы. На станцию Камышиваха к тому времени подошли с Кубани пополнения (молодые казаки) для кубанских конных частей.

Эти пополнения, встретив волну самовольно отходящих групп казаков и пехоты, три дня простояли на станции Камышиваха, а потом потекли назад, втянутые в отступающую волну. На станции Переездная я встретил генерала Улагая, который ознакомил меня с положением на фронте и на другой день уехал в Кубанскую область.

НЕУДАЧИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ В ЗАДНЕПРОВСКОМ БАССЕЙНЕ, ОТСТУПЛЕНИЕ

Положение у нас было таково, что по переходе реки Донец фронт перестал существовать, так как части потеряли связь между собой и соседними группами. Части конной группы (2-й Кубанский, 3-й Кубанский конные корпуса, Терская дивизия, Гусарская дивизия генерала Чеснакова⁴¹, донцы генерала Мамантова), перейдя Донец в различных местах, благодаря сложившейся боевой обстановке уже перестали представлять собой конную массивную группу, а двигались самостоятельно без общего управления.

Я унаследовал почти все кубанские войсковые части (2-й, 3-й Кубанские конные корпуса), Терскую дивизию, остатки Гусарской дивизии генерала Чеснакова (один эскадрон), так как все части этой дивизии, которая почти два года формировалась и впервые была переброшена под Оскол, при отступлении предалась красным у реки Донец. Все казачьи части были малочисленны и истрепаны и состояли из подхорунжих и урядников с минимумом казаков.

Пополнения, шедшие в части, из-за отступления не могли влиться в состав моих частей и от станций Камышиваха и Попасная по-

вернули назад, увлеченные отступающим тылом и не получая никаких распоряжений. Сотен пять молодых казаков различных отделов были мной все же присоединены к моей группе в районе Алмазной. Все наши воинские части, даже истощенные и малочисленные, были отличны по своим боевым качествам и представляли собой твердый кулак.

Мне удалось связаться телеграфно с генералом Врангелем, который тогда находился на станции Матвеев Курган, и получить общую ориентировку и распоряжение: свести все пять кубанских дивизий и терцев в пять полков и медленно отступать на станцию Чернухино, где предполагалось быть правому флангу Добровольческой армии. На меня возлагалась задача — защита этого фланга и связь с конным Донским корпусом (генерал Мамантов), который должен был после отступления находиться в районе сел Ревеньки—Провалье.

Все кубанские и терские части, собранные мной в районе Рубежная—Лоскутовка, были спешно переформированы в дивизию. Это были сливки Кубанского войска, и я задался целью во что бы то ни стало уберечь этот кадр для будущего, так как в скором времени предполагались новые формирования на Кубани. При дивизии находилась кубанская артиллерия, сведенная в два конных дивизиона. Старшего командного состава корпусов и дивизий, вошедших в состав моей Сводной дивизии, не было, кроме командиров полков (не знаю, куда они делись).

Противник не наседал, и лишь изредка появлялись его разведывательные части на левом берегу Дона, на фронте Рубежная—Крымское. До 6 декабря Сводная дивизия была сформирована, состав ее был приблизительно около 2 тысяч бойцов. Разведки, высланные 5 декабря для связи с частями Добрармии в сторону Славянска и связи с частями в направлении на Луганск, возвратились 6 декабря, встретив противника в районе Славянска и Славяносербска, что заставило меня отойти с дивизией на станцию Камышиваху, выдвинув сильную разведку к Славянску, Рубежной и Луганску.

Холод стоял серьезный, полдня до того шел дождь, и все подморозило. Казаки дивизии не имели теплой одежды, а все имеющееся на них истрепано и изорвано в походах и отступлении.

Ночью на 7 декабря в Камышиваху прибыл генерал Калинин со своей 11-й Донской конной дивизией. Он последним отсту-

пал через город Славянск, откуда ему пришлось выбивать противника. Дивизия направлялась в Луганск.

Ночью снова шел дождь, под утро сильно морозило. Лошади скверно кормлены, казаки тоже полуголодные и без одежды. Не знаю, куда дать запрос по этому поводу, связь с главным штабом еще не восстановлена, да и вряд ли ответят!

На рассвете генерал Калинин двинулся на Луганск, а в 8 часов я с дивизией выступил на село Попасное, куда к полудню и прибыл. Железнодорожные пути забиты до отказа всевозможными составами. К 16 часам на этом участке появилась разведка красных, которая дошла до села Николаевка. Население настроено большевистски, смотрит на нас волком, его симпатии на стороне красных, от которых ожидают всех благ земных! Дабы уберечь казаков от холода, приходится реквизировать теплую верхнюю одежду, что еще больше озлобляет население против нас.

8 декабря утром под натиском противника отходят на Попасное мои разведывательные сотни, а противник занимает села Белогорье, Камышиваху и Орехово. Около дивизии конницы, двух дивизий пехоты с артиллерией сосредоточиваются в районе Рубежная—Камышиваху.

В течение дня противник ведет наступление на Попасное и город Бахмут с целью обойти мой левый фланг. Под вечер прибыли мои сотни, высланные для связи в Бахмут и Луганск, — наших других частей они нигде не видели. Город Бахмут свободен, население готовится встречать красных, и приход казаков поразил всех. Луганск занят противником, донцов там нет, большевики зверски расправляются с населением, сочувствовавшим белым.

Главная группа противника с утра 8 декабря движется вдоль полотна железной дороги на станцию Попасная, имея два бронепоезда, которые, дойдя до станции, начинают обстрел. Общая обстановка не позволяла мне ввязываться в бой с противником, тем более что противник сильнее меня, а помощи ждать неоткуда. Дабы показать противнику, что перед ним сильные духом казаки, мной были высланы два полка в направлении к станции, единственно с целью маневра. В то же время моя артиллерия, заняв позицию у леска северо-западнее Попасной, открыла огонь по противнику, который приостановился.

За это время у станции были наспех собраны около тридцати порожних товарных вагонов и пущены навстречу бронепоездам.

Ввиду уклона от станции на Камышиваху наш склепанный состав вагонов развил большую скорость, наскочил на их бронепоезд, совершенно исковеркал его, а в это же время два моих полка обозначили атаку в направлении на железнодорожный виадук у Камышиваху.

Противник растерянно отступил и занял позицию по насыпи железной дороги на Луганск, где и оставался до темноты. При обследовании места столкновения поездов выяснилось, что вся команда бронепоезда противника погибла под нагроможденными вагонами. Нашим разъездам удалось подобрать кое-какие товары, в том числе около 200 полушубков и валенок, патроны, сахар и др.

Не получая никаких новых приказаний и ориентировок и зная, что моя дивизия далеко в тылу всех наших частей, я решил отходить. Получено донесение, что противник движется от Славянска на Бахмут, поэтому вечером 11 декабря оставил Попасное и на ночь все части дивизии сосредоточились в селах Калиновском и Троицком. Дабы выполнить последний приказ главнокомандующего — прикрытие правого фланга Добрармии, дивизия утром 12 декабря перешла в Алмазную, где ко мне присоединились 1-й, 2-й и 3-й конные полки донцов, бывшие ранее на службе у большевиков под командой Миронова⁴².

Эти полки оторвались от Донского корпуса и совершенно не знали обстановки; полки я присоединил к себе, так как они не имели общего начальника.

Население, главным образом рабочие шахт района Алмазная—Антрацитовка, поголовно были враждебны к нам и верили только большевикам.

В этот день, 12 декабря, все время шел мокрый снег и дул сильный ветер, дивизия совершила очень трудный переход до села Мануиловка, куда мы подошли по густой темноте. Я шел в голове дивизии, и перед селом меня встретила депутация от населения, приняв за начальника большевистских частей, хлебом и солью. В своих приветствиях они проклинали белых, восхваляя красных (было темно, и под бурками не видны наши погоны). Я остановил словоохотливых и неосторожных представителей и заявил, что я белый командир, а не красный! Депутаты остоленели, начали метаться, но мы им ничего не сделали, а двоих представителей помоложе как следует выпороли.

13 декабря, оставив дивизию в Мануиловке, я с сотней 1-го Лабинского полка выехал в село Чернухино, откуда по телефону, наконец, связался с командиром корпуса генералом Кутеповым, который сообщил мне, что у него на левом фланге (приблизительно в районе станицы Железной) начались бои с наступающим противником со стороны Славянска.

По телеграфу донес генералу Врангелю о положении дел у меня и разговоре с генералом Кутеповым. От Врангеля получил приказ спешно идти к Слободе Ровеньки, где получу дополнительные приказания через генерала Мамантова, который с Донским корпусом находился в районе Провалье. Для усиления правого фланга Добрармии и разведки было приказано оставить в Чернухине в распоряжении генерала Кутепова один конный полк.

К утру 14 декабря я был уже в Мануиловке; возвратившаяся разведка донесла, что села Луганское, Троицкое и окрестности Дебальцева заняты красными, но в направлении на Луганск противник не обнаружен. Добытые сведения вечером сообщил генералу Кутепову, который находился на станции Дебальцево.

На ночь дивизия остановилась в селах Чернухине и Городище. Остатки 3-го корпуса — Партизанский полк под командой полковника Соломахины⁴³, был оставлен в Чернухине в распоряжении генерала Кутепова.

Утром 15 декабря дивизия по приказу, данному ранее генералом Врангелем, выступила из Чернухина и на другой день прибыла в Слободу Ровеньки. Стояли сильные ночные морозы, от них здорово страдали бойцы и лошади!

В Слободе Ровеньки я застал генерала Мамантова с частями Донского конного корпуса, которые занимали район Ровеньки—Провалье. Здесь я узнал, что Добрармия не выдержала натиска противника у Дебальцева и отошла от железной дороги Славянск—Дебальцево к югу. В тылу у нас полная разруха, а паника не дает возможности поправить положение, началось бегство тыла к Черному морю.

Генерал Мамантов имел задачу, отходя медленно, закрывать подступы к дорогам на Новочеркасск, а при удаче на главном фронте действовать в направлении на Луганск—Славиносербск. Настроение донцов было приличное, части почти полного состава. 1-й, 2-й, 3-й Донские полки мной были переданы генералу Мамантову.

Ночь прошла спокойно, но к утру донская разведка донесла, что противник силой до дивизии конницы движется на Слободу Ро-

веньки от Луганска. В течение дня конницу на этом направлении мы не заметили.

17 декабря утром части противника повели наступление на Слободу Ровеньки. Отбить это наступление были назначены от моей дивизии 1-й Уманский и 1-й Лабинский полки, а от донцов один конный полк. Три конных полка под моей командой атаковали противника, атака была доведена до удара холодным оружием, противник не выдержал нашего натиска и бежал, потеряв около 800 человек убитыми и ранеными. Наши части преследовали красных до Первозвановки.

18 декабря генерал Мамантов со своими частями перешел из Слободы Ровеньки к селу Провалье, но к вечеру того же дня ко мне прибыл урядник моего взвода для связи с Мамантовым и доложил, что весь Донской корпус сосредоточился в районе Гукова, то есть в 12 верстах от Провалья. Это мне показалось подозрительным, так как мы договорились, что я буду в Слободе Ровеньки, а генерал Мамантов в Провалье. Разведка же наша должна находиться, кроме фланговой, на линии Первозвановка — станция Каменская. Значит, Мамантов не предупредил меня о своем переходе дальше на юг к Гукову.

19 декабря я с дивизией отошел на хутор Верхне-Крепинский, о чем доложил генералу Мамантову перед выступлением из Ровенек. Придя в хутор, я с дивизией выступил на Александр-Грушевский с тем, чтобы уже безостановочно двигаться в Кубанскую область, где шло в это время формирование новой Кубанской армии. Кадры полков, находящиеся у меня, были необходимы на местах формирования кубанских частей.

На фронте, при наличии Донского корпуса, моя дивизия уже не имела определенной задачи, тем более что противник после боя у Слободы Ровеньки не показывался на нашем участке фронта.

21 декабря дивизия прибыла в Новочеркасск, где царила паника, темные силы начали разбивать магазины, красть товары, пьянство шло павальное, как у населения, так и у солдат, откуда-то появившихся в городе.

По прибытии в город я явился к командующему Донской армией генералу Сидорину⁴⁴, который был очень угнетен и ничего определенного мне не мог сказать; от меня первого он узнал, что Донской корпус тоже недалеко от Новочеркаска.

Дивизия расположилась на ночлег на улицах за неимением мест (город был забит донскими частями и беженцами). Ночью в районе расположения дивизии шайки пьяных воров нападали на конюшю наших частей с целью увести лошадей, но это им не удалось, так как казаки не спали, а к утру в районе дивизии насчитали около двадцати трупов из шаяк, нападавших ночью.

23 декабря дивизия прибыла в Ростов, имея ночлег по пути в станице Аксайской. Генерал Кутепов уже был в Ростове. Генерала Врангеля на фронте не было, не было его и в Ростове.

23 декабря, проходя через Нахичевань, я узнал, что там наши интендантские склады набиты английским обмундированием и продовольствием. По прибытии в Ростов я явился к генералу Кутепову, который тогда был назначен начальником обороны Ростова. У него я спросил разрешения одеть дивизию из складов, на что получил категорический отказ. Это меня очень удивило.

24 декабря по тревоге дивизия была вызвана на фронт севернее Нахичевани к Армянскому монастырю, куда в это время уже подошел без всякой борьбы противник, а за час до тревоги мной был получен приказ от главнокомандующего спешно направить части в свои отделы.

По тревоге дивизия все же выступила к Армянскому монастырю, где лихо атаковала, по собственному почину, пехоту и конницу противника, который поспешно отошел. Но соседние наши части — к западу 2-я стрелковая дивизия Добрармии, а к востоку Донской корпус — не помогли развить и увеличить успех, воспользовавшись отходом и задержкой противника, сами поспешно отошли дальше. Простояв с дивизией на месте боя до вечера, я остался один — все отошли!

Во исполнение приказа главкома дивизия с темнотой выступила в Ростов, куда прибыла ночью, а по дороге силой захватила обмундирование в Нахичевани (впервые отказался выполнить приказ высшего командования!).

25 декабря дивизия выступила из Ростова через Таганрогский мост, а к утру 26-го сосредоточилась на станции Батайск.

27 декабря к вечеру дивизия прибыла в станицу Куцевскую, откуда части были отправлены по своим отделам по железной дороге и походным порядком.

Местом для формирования 2-й Кубанской казачьей дивизии, начальником которой я был назначен, была указана станица Григоро-

полисская, куда я и направился со своим штабом. Дивизия вошла в состав 2-го Кубанского корпуса со штабом корпуса в Армавире, где он находился с первых чисел декабря. Во 2-й Кубанский корпус входили и части Кавказского отдела. Командиром корпуса был назначен походный атаман Кубанского войска генерал Науменко⁴⁵.

НОВЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННЫХ ЧАСТЕЙ НА КУБАНИ

(Формирование 2-го Кубанского конного корпуса)

В конце декабря 1919 года по роспуску частей, приведенных мной из-под Донца, я прибыл в станицу Григорополисскую.

В состав дивизии должны были войти 1-й, 2-й Лабинские и 1-й, 2-й Кубанские полки и Кубанская конная артиллерия во главе с полковником Расторгуевым⁴⁶.

Расположив штаб дивизии в станице, я предпринял поездки по станицам района дивизии для ознакомления и ускорения формирования. С этой целью посетил почти все станицы Лабинского отдела и всюду был принят воодушевленно и радостно. Население Лабинского отдела было настроено поголовно против красных.

Лабинский отдел Кубанского войска после революции быстрее всех других скинул с себя революционный угар, одним из первых поднялся против большевиков, и казаки этого отдела до конца не покидали своих частей.

В начале января 1920 года дивизия была уже сформирована и в составе 1-го Лабинского, 1-го Кубанского и 2-го Кубанского полков с артиллерией была сосредоточена в станице Ново-Покровской. Всего в трех полках, без артиллерии и обозных частей, состояло 3200 бойцов; полки имели прекрасный внешний вид и были хороши в боевом отношении, как это и выявилось в последующих боях. 2-й Лабинский полк в составе 1150 человек был задержан в отделе и до конца действий дивизии к ней не присоединился⁴⁷.

В состав 2-го Кубанского корпуса входила и 4-я Кубанская казачья дивизия (1-й, 2-й Кавказские и 1-й, 2-й Черноморские полки) с начдивом генералом Косиновым⁴⁸. Весь этот состав был в 1200 конных и 200 бойцов пеших, лошадей не хватало.

Вообще в Кавказском отделе, да и в других, кроме Лабинского и Баталпашинского, мобилизация шла слабо, частью оттого, что была сильная агитация против формирования, а частью от близости фронта и неуверенности в успехе этой акции. Да успеха и не могло быть против все более разрастающейся армии красных, благодаря переброшенным с Западного фронта частям!

Настроение в 4-й Кубанской дивизии было невоинственное и резко отличалось от настроения казаков в моей дивизии. На него сильно влияло и отношение к делу их начальства, а генерал Косинов имел вид растерянного человека и поднять настроение в своей дивизии не мог, так как сам был угнетен и пассивен. Не оправдал надежд и командир корпуса генерал Науменко, и, хотя его настроение было хорошее, командовать большими соединениями он был не способен и не подготовлен предыдущей службой (походный атаман Кубанского казачьего войска)⁴⁹.

Вообще корпус выступил на фронт как-то нехотя и медлительно. Погода не благоприятствовала нам, стояла сухая, очень морозная зима в январе 1920 года.

Из станицы Ново-Покровской корпус был передвинут в село Белая Глина, приблизительно в средних числах января. Напутствовать корпус для боевых действий в Белую Глину прибыл главнокомандующий генерал Деникин с начальником штаба генералом Романовским⁵⁰ и с частью штабных офицеров (поезд главкома). Утро в день смотра было очень морозное, сильная гололедица. Генерал Деникин смог объехать только несколько строевых частей, так как под ним оскользнулся конь. Главнокомандующий упал с него и сильно расшибся, особенно лицо. Остальные части поздравил с походом генерал Романовский. Падение Деникина не предвещало успеха, и настроение у всех было какое-то подавленное.

Вечером генерал Деникин пригласил к себе в вагон командира корпуса и начальников дивизий, которых принял лежа в постели, весь забинтованный. Пожелал нам успеха в бою с неприятелем, после чего отбыл в своем поезде в Екатеринодар. Я лично не суверенный человек, но на меня случай с главнокомандующим подействовал удручающе. Это действительно было предвестником падения вскоре всего Кубанского фронта и нашей полной неудачи.

17 января было получено сообщение о движении противника от села Екатериненского в направлении на села Торговое и Сандату (Сандатское). Корпус выдвинулся к селу Развильному. Вдоль полот-

на железной дороге на станцию Торговая противник обнаружен не был. Оказалось, что все свои силы (около двух полков пехоты и двух полков конницы) он сосредоточил в районе Егорлыцкого.

Это побудило генерала Науменко двинуть 2-й Кубанский корпус через село Николаевское, но по выступлении корпуса из Николаевского его же разведкой было получено донесение о движении противника на Сандату. Корпус, изменив свое направление, двинулся тоже, дул северо-восточный ветер, морозило серьезно. Движение корпуса было остановлено пехотой противника у Сандаты. Командир корпуса проявил нераспорядительность, не принял меры и не сделал никакого маневра.

Два полка 2-й Кубанской дивизии, назначенные для действий противнику в лоб, из-за глубокого снега вынуждены были спешиться и вести огневой бой с противником, который особенно не проявлял активности, а лишь оборонялся. Остальные части корпуса генерал Науменко держал около себя. Потерь в корпусе не было, но в полном бездействии он простоял до вечера.

19 января ветер начал крепчать и стало ясно, что ночью будет метель. Видно было, что Сандата останется за противником, это меня побудило спросить командира корпуса о месте предполагаемого ночлега. Было решено заночевать в селе Ивановском. Началась метель, и быстро надвигались сумерки. Дабы не сбиться с пути, я выслал к Ивановскому сотню 1-го Кубанского полка, которая должна была разведать положение и частыми пикетами поддерживать связь с дивизией. Разведка свою задачу выполнила за короткое время, и корпус двинулся на ночлег в село Ивановское.

Но ветер все усиливался, началась пурга, мороз крепчал, люди не видели друг друга. Пикеты от 2-й сотни 1-го Кубанского полка потеряли свое значение, так как их невозможно было увидеть. Штаб корпуса с 4-й дивизией и артиллерией от 2-й дивизии оторвались, все смешалось. После двухчасовых мучений я случайно наткнулся на штаб корпуса и части, находящиеся с ним. Все представляло собой толпу перемешавшихся людей, лежавших в снегу, имея в центре командира корпуса с его штабом. 2-я дивизия на мое приказание построилась, насколько это было возможно, и оказалось, что одной батарее не хватает — сотни 1-го Кубанского полка разыскали ее и подвели к дивизии.

Страшный мороз сковывал людей и лошадей. Командир корпуса не мог найти выход из создавшегося положения. Тогда я взял инициативу на себя: от 1-го Кубанского и 1-го Лабинского полков были высланы сильные разъезды, но они вскоре вернулись, ничего не найдя. После этого была выслана целая сотня казаков 1-го полка на розыски села Ивановского или другого. Небо как-то очистилось немного, показались звезды, но мороз крепчал и дальше. Я случайно услышал лай собак вдалеке и предложил командиру корпуса двигаться на лай, так как дальнейшее пребывание в поле грозило нам потерей людей и лошадей.

Посадив всех на коней, я двинулся с дивизией вперед, у меня конь сразу повернул против ветра и быстро пошел вперед, но ветер, бивший в лицо, заставлял меня уклонять коня в сторону. Животное инстинктивно почувствовало жилье, рвало против ветра, и через полчаса мой конь впереди всех довел нас до изгороди крайней избы Ивановского. Мой конь заслужил щедрую награду! В селе уже был один взвод 1-й сотни 1-го Кубанского полка, а остальные взводы были подобраны мной по пути следования в глубь села.

Утром следующего дня генерал Науменко приказал корпусу отойти в село Красная Поляна, оставив в Ивановском для разведки 1-й Лабинский полк из моей дивизии. В таком положении корпус простоял день, а на следующий противник повел наступление на село Ивановское и занял его. 1-й Лабинский полк, не получивший поддержки вопреки просьбам начальника дивизии командиру корпуса, отошел сам и расположился на ночь в двух верстах от села Красная Поляна.

Северо-восточную часть села занимала 4-я Кубанская дивизия, штаб корпуса занимал центр села, а моя дивизия — юго-западную окраину села.

Северо-восточную часть села занимала 4-я Кубанская дивизия, штаб корпуса занимал центр села, а моя дивизия — юго-западную окраину села.

На рассвете 6 февраля (простояли мы в Красной Поляне больше трех дней), пользуясь туманами, противник напал на село Красная Поляна. 4-я дивизия и штаб корпуса без боя ушли к селу Летницкому, не дав об этом знать начдиву 2-й Кубанской (мне). Узнав о появлении противника с северо-восточной окраины села, я бросился туда с двумя полками, атаковал его, и он поспешно начал отходить обратно, но в это время пулями я был ранен и принужден отъехать назад. По полкам прошел ложный слух, что начальник дивизии убит, и полки начали отходить. Этим воспользовался противник и энергично перешел в наступление.

Конная сотня противника бросилась на группу казаков (12 человек), находящихся у места моей перевязки, но я, оголенный до

пояса для перевязки, был спасен 1-й и 3-й сотнями 1-го Кубанского полка, которые атаковали сотню красных и в рукопашной схватке наполовину ее уничтожили (9 февраля).

10 февраля, после этого события, бригада 2-й Кубанской дивизии, собранная начдивом, медленно и с промежуточным боем начала отходить к селу Летницкому. Поручив части командиру 1-го Кубанского полка, я вынужден был сойти с коня и на фазтоне прибыл в Летницкое, где нашел на церковной колокольне командира корпуса генерала Науменко. На ночь все части корпуса собрались в Летницком, а на рассвете 11 февраля я был спешно эвакуирован в Армавир.

13 февраля от села Летницкого части 2-го Кубанского корпуса без особого отпора противнику отошли на побережье Черного моря в район Туапсе, где и произошла трагическая сдача Кубанской армии. Подробностей отхода корпуса и вообще всей армии и позорную сдачу ее красным я не знаю, так как там не присутствовал⁵¹.

Эвакуировавшись после ранения в селе Летницком в Армавир, я увидел и узнал, что наступил конец борьбы с красными и существования нашей армии на этом фронте, да и на севере, откуда доходили слухи, что красные теснят Добровольческую армию на юг к Крыму.

Уже тогда у меня зародилась мысль в случае краха армии уйти с единомышленниками в горы и организовать борьбу в защиту поруганной чести Родины, но головокружительные события на фронте и в тылу, развал армии и растерянность главноначальствующих (в то время главнокомандующим был еще генерал Деникин) путали планы.

Как снег на голову упал — свалился в Армавир 4-й корпус Донской армии, действующий в районе Ставрополя. Части корпуса (вместе с командующим) хлынули из Армавира на Туапсе.

Имея сведения, что в Баталпашинском отделе находятся целые казачьи и горские части, я поспешил туда. Проезжая с 15 казаками через свою родную станицу Баталпашинскую, я был арестован толпой казаков и иногородних этой станицы, но по выяснении моей личности толпа устыдилась, и я был освобожден.

Атаман Баталпашинского отдела генерал Абашкин⁵² оставил свой пост и скрылся на Теберде⁵³.

Его заместитель полковник Гречкин⁵⁴ был совершенно растерян и не знал, что делать. Я предложил ему присоединиться ко мне, но от моего предложения он уклонился — и я заключил,

что он намеревался сдать красным, что и случилось через несколько дней, по занятии станицы красными⁵⁵.

Противник в это время был еще у станицы Невинномысской. Почувствовав настроение жителей и их полную растерянность, я решил оставить мысль о продолжении борьбы и быстро двинулся на станицу Отрадную с тем, чтобы в Майкопском отделе нагнать отступающую армию. В ауле Тахтамышенском (на реке Зеленчук) я встретил Карачаевскую бригаду под командой полковника Мурза-Кулы Крым-Шамхалова⁵⁶, который совершенно не был ориентирован в общей обстановке на фронте. Им уже был выработан план отойти в горы и распустить своих всадников по домам; о самостоятельной борьбе с красными он и слышать не хотел.

Из Отрадной я двинулся на станицу Вознесенскую, где чуть было не попал в плен красным, занявшим уже эту станицу. Геройское поведение моего конвоя спасло положение, и я через станицы Упорную, Каладжинскую двинулся дальше, чтобы соединиться с отступающими.

В Упорной встретил казаков, бежавших из станицы Лабинской, которые сообщили мне, что наши части в районе этой станицы имели неуспешный бой с надвигающимися в большом количестве силами противника и отошли спешно дальше, в направлении станицы Белореченской. Передо мной для выполнения своей цели был свободный путь через горные станицы к Майкопу, но, прибыв с конвоем в станицу Каладжинскую, решил план переменить (не хотелось мне покидать свою землю и родную Кубань!) — уйти в горы и, временно скрывшись, начать борьбу с красными. Это решение я привел в исполнение.

Глава 2

МОЕ ВОССТАНИЕ НА КУБАНИ

(март—октябрь 1920 года)

КРАХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ В
КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

К концу борьбы с большевиками на Кубани в 1919—1920 годах, после занятия красными Ростова при генерале Деникине, последняя надежда возлагалась на формирование Кубанской армии (чьим командиром вначале назначался генерал Шкуро), которая бы, конечно, сыграла громадную роль, и фронт, возможно, был бы спасен. Казаки вовремя не отзывались на объявленную мобилизацию, да это было, видимо, и по вкусу правящим кубанским кругам — все взялись за ум только лишь в январе и феврале 1920 года, но уже было слишком поздно, так как борцы против большевиков неудержимо потекли к берегу Черного моря.

Из сформированных частей лучше других был 2-й Кубанский корпус, но и он держался одними только лабинцами (2-я Кубанская дивизия), так как кавказцы (4-я Кубанская дивизия) дали 30 процентов мобилизованных казаков.

Я в этом корпусе командовал 2-й дивизией и откровенно скажу, что если бы у нас в январе месяце было шесть таких дивизий, как это предполагалось, то красные не ступили бы своей ногой на кубанскую землю. «Один в поле не воин» — так было и с нами. Идеально продвинувшись почти до реки Маныч, казаки не увидели ни справа, ни слева ожидаемых частей, настроение понизилось — и достаточно было одного неудачного боя для 4-й дивизии, как казаки начали массами дезертировать. Оторванность корпуса, дезертирство казаков и наглость противника принудили нас к отступлению, хотя, правда, и медленному. Но отступление совершенно отняло надежду на успех!

При приближении фронта к Армавиру я по нездоровью и семейным обстоятельствам двинулся в Кисловодск, но большевики

уже были недалеко от него, и я повернул назад, из станицы Бекешевской обратно, имея цель присоединиться к отступающим частям в станице Лабинской.

Дальше еду к станице Упорной, где случайно соединяюсь с разъездом, высланным горским штабом для связи с правым флангом отступающей армии, и с ним проезжаю Упорную, совершенно замершую.

Ночью выезжаю в станицу Каладжинскую — слышны крики, пьяные песни и стрельба. Как выяснилось, это была Хоперская бригада, ушедшая из Лабинской. Не желая сталкиваться с пьяными, я переночевал на окраине станицы и, выехав с рассветом через Ахметовскую, на третий день прибыл уже совершенно измученный в Преображенский женский монастырь (в Карачае на реке Теберде).

По пути в станицах Преградной, Сторожевой и Зеленчукской наблюдал поголовное пьянство и заметил враждебность ко мне (здесь казаки меня не знали). Всюду ожидали большевиков, страх был приметен на лицах почти всех — поэтому, вероятно, и напивались! «Пропивали свою свободу» — как говорили.

Многие казаки из страха не оставались в станицах перед приходом «товарищей», а уходили в горы выжидать развязку. Прибыв в монастырь, я окончательно решил остаться на Кубани. Все это происходило в конце февраля — начале марта 1920 года.

Позже тронулся в Карачай (горный район в верховьях реки Кубани), главным образом потому, что этот район был труднодоступен для большевиков — ужасные скалы и дремучие леса, а кроме того, меня здесь знали пять-шесть карачаевцев; они были моими хорошими знакомыми с молодых лет. Отступали в горы и небольшие партии казаков. У меня была мысль приступить немедленно к организации борьбы, но, вспомнив пьяные гульбища в станицах и встречая целые партии пьяных, уходящих в леса, отогнал от себя эту мысль и решил выжидать.

Полковник Крым-Шамхалов отошел со своими горцами и представшими казаками в верховья Хасаута, в село Хасаут-Греческое. Уверенности в успехе у него не было, а уходить надо — Хасаутское ущелье одно из лучших для обороны. Думая, что на Хасауте что-либо выйдет, я предпринял поездку туда. Прodelав вместе с группой мне преданных казаков с трудом один переход (все было занесено сугробами снега), мы заночевали.

На ночлег ко мне в карачаевский кош (скотный двор в лесу) подъехал полковник Крым-Шамхалов, распутивший горцев и казаков. Группа его офицеров (70—80 человек) ушла горами через Лабинский перевал, некоторые прошли в Грузию, а многие разбрелись по кошам и горным хуторам. Передохнув, Крым-Шамхалов выехал к себе домой в верховья реки Теберды (Тебердинский курорт). Ночью ко мне прибыл офицер-карачаевец Бабла Кочкаров, который уговорил меня ехать к нему.

Рано утром я выехал (отпустив своих ординарцев и сказав им, что остаюсь в Карачае) и, преодолев огромные трудности, по тропе ночью пришел к Кочкарову в Верхнетебердинский аул. В Тебердинское ущелье начали стекаться многие офицеры, главным образом из добровольцев. Из Кисловодска пришел небольшой отряд офицеров под командой полковника князя Гагарина⁵⁷. Прибывшее офицерство было несорганизовано, взоры всех были обращены на Клухорский (Тебердинский) перевал для перехода в Грузию.

Перевал в это время был завален снегом, и несчастные попадали в ловушку, так как этим пользовался разбойничий элемент Карачая. Многие были ограблены или погибли от рук разбойников. Сохранились главным образом казаки, имевшие знакомых среди карачаевцев и знавшие местность.

В средних числах марта 1920 года в ауле стали ожидать большевиков, находившихся тогда в Преображенском монастыре. Офицеры начали разбегаться в лес и горы, где и погибали, так как грабители были настороже, а ответственности за то, что убил белогвардейского офицера, конечно, никакой не было. Решил и я переехать в самый отдаленный в горных тущобах аул Даутский, к родным Кочкарова.

День моего выезда из Большого Тебердинского аула совпал с прибытием туда «дорогих товарищей». Не доезжая половину пути до Сентинского (Преображенского) монастыря, нам надо было свернуть вправо, переправившись через реку Теберда. На переезде поехали с моей двуколкой Кочкаров и мой казак Василек⁵⁸. Я с женой⁵⁹, не доезжая полторы версты до переезда, переправились верхом вброд через Теберду и, отъехав с версту от реки, остановились на кургане возле леса поджидать своих. Вдруг вижу: по дороге, по левому берегу реки, мчится группа всадников и три тачанки. Нетрудно было догадаться, что это «товарищи», так как навстречу

им из Тебердинского аула выезжали на тачанках учитель Халилов, старшина Бельсеров и другие, а кроме того, из местных жителей никто так быстро не ездил по горным дорогам (большевики, боясь каждого куста, проскакивали ущелье наметом). Но где же мои попутчики с вещами? Ищу, взяв бинокль, и наконец обнаруживаю их в лесной балке, скачущих от реки в лес, а двуколку, самостоятельно, без казака двигающуюся по течению реки к нашему берегу. Подъезжают и мои попутчики. Оказывается, у переезда они почти столкнулись с красными, подумали, что красные их заметили, бросили двуколку и скрылись в лесу. Жеребец, запряженный в двуколку, переправился по реке за ними самостоятельно.

Нам предстоял очень трудный двухдневный переход по крутым и скалистым горным тропам, занесенным снегом, а от реки Теберда начинался крутой подъем (надо было переходить на выюки). Решили заночевать. Кочкаров с приехавшим своим другом с темнотой отправились в аул в 10 верстах от нас узнать новости.

Возвратившись ночью, Кочкаров рассказал нам, что «товарищи» в ауле ведут себя хорошо (действительно, эта партия под командой бывшего офицера Смирнова, расстрелянного потом большевиками за укрывательство офицеров и сочувствие контрреволюции, вела себя отлично) и этим подкупили некоторых офицеров, которые сдались. Многим Смирнов выдал пропуска, и они ушли к станции Батаалпашинской. Большое число сдавшихся офицеров после были расстреляны в Батаалпашинской, а между ними и генерал Абашкин — кубанец, атаман Батаалпашинского отдела⁶⁰.

С рассветом мы двинулись в путь и, преодолев трудности, не поддающиеся описанию, на второй день к вечеру были у места назначения. Аул Даутский — медвежий угол, оторванный от мира. Приняли нас новые покровители хорошо. Мне с женой отвели комнату, и мы зажили. Сами рубили дрова, готовили пищу, стирали. По вечерам собирал горцев (я назвал себя «Измаил Заурбеков»), и ко мне все относились как к мусульманину, но знали, что я генерал. Устраивал для молодежи всевозможные игры, меня с женой они полюбили. Часто горцы заходили ко мне выпить чая и покурить.

Сведения о том, что происходило вне Даута, доходили до нас редко, преувеличенные и в затейливых красках. Но о сдаче нашей армии на побережье и об эвакуации в Крым я узнал. Жизнь потекла у нас по мирному образцу, но оторванность, неизвестность

и безнадежность терзали сердце, а в скором времени к душевным переживаниям добавились и физические лишения.

По доходившим слухам большевики в Баталпашинской узнали, что я скрываюсь в Карачае, следили за мной, но вначале не тревожили, а потом поручили некоторым карачаевцам, предавшимся красным, изловить меня. С этого времени начинаются наши скитания по кошам, лесам и пещерам — сколько обид и лишений пережито нами!

Мы мечемся от подножья, из сараев, до горных пещер на громадных каменистых высотах, в которых я и жена проводили недели, получая пищу по ночам. Наконец, я не выдерживаю этой травли, и мы тайком переселяемся вновь в Верхнетебердинский аул.

ПОВЕДЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ НА КУБАНИ ДО ВОССТАНИЯ

15 марта 1920 года вся Кубанская область была уже в руках большевиков. Накануне ставка из Новороссийска перебралась в Крым. Администрация на Кубани сменилась, и в станицах атаманы были заменены председателями ревкомов. Большевики не мешали населению в выборе предревромков и обращались с жителями поначалу хорошо: никаких убийств, грабежей, реквизиций и даже оскорблений не было со стороны победителей, за все казакам щедро платили деньги.

В своих воззваниях большевики говорили, чтобы казаки бросали фронт и расходились по станицам; что они не варвары, которые были в 1918-м, а завоевывают Кубань для того, чтобы «освободить ее от ига добровольцев, чтобы дать мир, покой и свободу местному населению».

Не трогали вначале и офицеров, оставшихся в станицах. Отошедшая от Черноморского побережья (после эвакуации добровольцев и сдачи Кубанской армии) Красная армия разместила гарнизоны по станицам, а линия горных станиц вдоль Кавказских гор была занята кордонами, так как они знали, что в лесах скрывается много «контрреволюционеров» и «белых бандитов» (так называли они всех своих политических противников).

В апреле 1920 года части красных начали спешно уходить на Польский фронт, а из Центральной России в станицы понаехали

коммунисты. Предревромкомы начали заменяться по станицам прибывшими коммунистами, а секретарей (станичных писарей) вопреки их желанию, начали перемещать из одной станицы в другую. Новые предревромкомы приступили к организации местной милиции, набирая в нее самый низменный элемент (пьяниц, конокрадов, местных коммунистов и всех бездомных босяков), и им удалось создать команды, готовые убивать всякого, даже своих родных, за деньги.

Офицеров, зарегистрировав, отправляли в Центральную Россию или на север, а многих расстреливали при отделах и на попутных станциях. У жителей все взято на учет (хлеб в зерне, кормовое зерно и сено, лошади, рогатый скот, свиньи, овцы, домашняя птица, пчелы и другое), и, определив норму расходов для каждого двора, на расходование остального наложили строжайший запрет. Население, привыкшее без контроля пользоваться собственным, просто взвыло. Некоторые осторожные и не верившие заверениям большевиков с самого начала все попрятали.

В станицах начинает процветать сыск, отбирают строевых лошадей, седла и обмундирование (оружие было сдано уже раньше). В конце апреля было приступлено к насильственным реквизициям хлеба, рогатого скота, и население сразу поняло, в какую тряску оно попало — начинаются проклятия, вздохи, сожаления по утраченной свободе. Милиция беспощадна: грабит, убивает, расстреливает, многих выдают местные бездомные.

В мае население начинает открыто возмущаться, по ночам убивать милиционеров-коммунистов и бежать под покров леса в горы. Станицы, не выполнившие разверсток, хлебных или рогатого скота, подвергались террору. Население, обманутое большевиками, готово восстать.

ПОДГОТОВКА К ВОССТАНИЮ, ЖИЗНЬ В ГОРАХ КАРАЧАЯ

Скрываясь по медвежьим углам Карачая, я зорко следил за поведением населения и большевиков. Еще в ауле Даут карачаевцы мне говорили: «Твоя нюжна разбивать таварицу большевик». Но, попрятав в горные тущобы свой скот, они не чувствовали на себе большевистской руки — большевики очень побаивались проникать в глубь гор.

Перебравшись в Верхнетебердинский аул, куда из станиц часто приезжали жители за лесом, я подробно знал от казаков происходящее в станицах. Побывав несколько раз в монастыре, я через монашек связался с казаками из различных станиц, ближайших к горам, а в глубь Кубанской области посылал письма с казаками, приезжавшими за лесом. Они прятали мои письма в сосновые стволы, просверливая в дереве гнезда бурами, — всех едущих с гор обыскивали.

В Верхнетебердинском ауле я познакомился с полковником Старицким⁶¹, терским казаком. Он говорил о том, что надо начинать восстание, но сам ничего не предпринимал. Вначале, на его вопрос, что я думаю делать, я говорил, что намерен идти в Грузию, так как казаки еще не доросли для восстания, а он старался убедить меня остаться на Кубани.

Между тем распространялись слухи, что в лесах казаков «видимо-невидимо»: на Белом Ключе — две тысячи, в верховьях реки Кардоник — тысяча, реки Зеленчук — две тысячи, реки Лабы — пять тысяч и т. д. Веря слухам, можно было подумать, что под каждым кустом сидит казак с винтовкой. Этим слухам я не верил, так как знал численность мелких партий казаков, скрывающихся в лесах и время от времени нападающих на проезжавших комиссаров и разъезды красных.

Некоторые партии действительно вели борьбу, а многие просто занимались разбоем, грабя всех, кто попадался им под руку. Но казаки во всех этих (шайках) партиях были отборные в отношении храбрости и боеспособности. Это время на Кубани можно сравнить с «атаманщиной»: начальник одной партии ни в коем случае не хотел подчиняться другому, хотя и старшему, и более способному.

Связавшись письмами со многими станицами и получив ответы, я узнал о положении дел. Из всего было видно, что еще рано, но сами большевики помогли мне, объявив мобилизацию двум годам (призывным): подлежащие мобилизации казаки потекли в лес.

Покинув в конце мая Верхнетебердинский аул, я переселился в женский Преображенский монастырь, где, оставив жену и казака, с Баблой Кочкаровым выехал в район Белого Ключа — станицы Бекешевской. Проездив около девяти дней по лесам, нигде не встретил больших групп казаков, но отсюда связался со станицами Бекешевской, Беломечетской, Баталпашинской и Усть-Джегу-

тинской. Настроение казаков неважное — все угнетены и терроризированы. Мелкие партии казаков, кто этого пожелал, посылаю в верховья реки Кардоник, где уже имелась группа в 40 человек, с которой я связался из монастыря.

Поездка оздоровила меня, ездили открыто, встретились даже с разъездом красных, которые просили наши документы. Мы заявили им, что командированы горской охраной разыскивать пропавший скот и зарегистрировать его для выполнения разверстки (документы, конечно, фальшивые). Поговорили немного и разъехались. Большие сомнения у меня закрадываются относительно успешного набора казаков, но решаю бесповоротно начать дело.

Возвратившись в монастырь к 10 июня, с женой готовим воззвание и программы, и с этим еду с Кочкаровым в верховья реки Кардоник (Николинкин лес). Офицеры и казаки встретили меня радушно, мне было очень приятно увидеть некоторых моих бывших соратников, но порядка у них не было, не было даже старшего.

Дня за два до моего приезда сюда же прибыл взвод донцов, бежавших от Балахонова⁶² из города Пятигорска (35 человек). Офицеры и казаки жили в разных местах, я их собрал, объявил свое решение продолжать борьбу против большевиков и призвал их в ряды бойцов. Мое предложение принято криками «ура!». Назначив старшего, приказываю ему собрать все группы, находящиеся в районе реки и станицы Кардоникской, а также вызвать желающих из станицы. Рассылаю программы и воззвания.

На другой день выбрано место для бивака, построены шалаши и из станицы подвезено продовольствие. Набралось 98 человек (10 офицеров и 88 казаков), которых объединил в 1-й Хоперский полк. С этого же дня, 14 июня, выставляется наблюдение, в станице Кардоникской устанавливается постоянный пост и высылаются казаки в станицу Красногорскую и аул Хатажукаевский, дабы условиться с некоторыми жителями о предупреждении нас в случае появления противника. Рассылаю по лесам призыв офицерам и казакам вступить в ряды.

Заложив начало здесь, я выехал в монастырь, где у меня должно состояться свидание с влиятельными карачаевцами. В монастырь прибыл полковник Старицкий, предупрежденный мной за несколько дней до этого. Большевики из Баталпашинской подсылают в монастырь своего шпиона, бывшего белого офицера, которого мы открываем и расстреливаем.

В монастырь прибывают еще несколько офицеров-кубанцев, я эту группу (около 15 человек) подбираю и веду к себе на бивак, где остается старшим полковник Старицкий. Отдаю ему приказание, а сам с разъездом в 36 человек снова спускаюсь с гор вниз к станицам.

Во время моего последнего пребывания в монастыре ко мне на бивак прибывают остатки бургустанского терского отряда полковника Лиснюкова, прежде разбитого противником. Сам Лиснюков решил направиться через перевал Клухорский в Грузию, но я его уговариваю остаться у меня. Полковник с казаками остается, а некоторые офицеры под командой полковника Генштаба (фамилию не припомню), как я его ни уговаривал остаться, уходят в Грузию, и я, к сожалению, теряю офицера Генерального штаба.

Выбор начальника штаба затрудняется тем, что нет офицеров, подготовленных для этой службы, и я все пишу и делаю сам. Отряд полковника Лиснюкова получает наименование «Терский отряд» и располагается на бивак.

Спустившись с гор, я проезжаю станицы Кардоникскую и Зеленчукскую (в это время в станице Зеленчукской находился эскадрон 2-го советского конного полка, прибывший из станицы Исправной). Ко мне пристают малочисленные группы казаков. Население не верит глазам, радуется свободному моему движению, а красные, у которых около 150 человек, при моем появлении убегают.

Узнаю, что 2-й конный полк красных (34-й дивизии), находящийся в станице Исправной, на три четверти состоит из казаков — кубанцев и донцов, оставшихся на Черноморском побережье в период сдачи Кубанской армии. Высылаю разъезды из Зеленчукской собрать казаков в верховьях реки Большая Сторожевая. У меня была определенная цель — проехать верховья реки Кефарь (у станицы Сторожевой) и притоки реки Большой Зеленчук, где, по имеющимся у меня сведениям, находились остатки офицеров 2-й Кубанской дивизии, которой я командовал до ранения.

На рассвете, подходя своим разъездом к станице Сторожевой, я столкнулся с разъездом красных, которые после короткой перестрелки бежали к станице Исправной. В Сторожевой я встретил казаков из упомянутого отряда, с которыми послал приказание о прибытии отряда в станицу.

Отряд прибыл в количестве 150 казаков Лабинского отдела, а старшими начальниками были есаул Поперека⁶³ и есаул Ковалев⁶⁴. Есаул Ковалев — идеальный боевой офицер, авторитетный у казаков, беззаветно храбрый, нравственный, дисциплинированный. Есаул Поперека очень храбрый казак, но офицерского у него не было ничего: недисциплинированный, непокорный и какой-то «шалый», чтобы подчинить его своей воле, мне пришлось не раз прибегнуть к силе оружия.

Пробыв два дня в Сторожевой, где ко мне присоединилось еще немного казаков, я возвратился назад в Николинкин лес. Конечно, после такой открытой прогулки по станицам местные коммунисты и большевики бежали и в Батапашинске забили тревогу; но спешно власти, видимо, ничего не могли предпринять против меня, так как воинские части у них были разбросаны по станицам. В это время большевики, кроме милиции, железнодорожной охраны и коммунистических местных команд, имели на Кубани всего 22-ю дивизию в районе Екатеринодара и 34-ю дивизию в Майкопском отделе и в Черноморской губернии (на охрану городов и берега моря).

Чувствуя слабость красных, я все-таки не мог вступать с ними в открытую борьбу, так как сам был слишком слаб, но продолжал формирование своего отряда. Администрация отдела как-то притихла, повела агитацию против меня и допустила оплошность, оповестив в своих газетах, что «банда Фостикова» разбита «верными долгу» бойцами. Население, видевшее меня в станицах, всюду говорило о лжи большевиков.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОТРЯДА И ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ

18 июня, прибыв к себе на бивак, я принимаюсь за организацию частей:

казаков Батапашинского отдела свожу в одну часть и называю — 1-й Хоперский полк (135 человек с пятью пулеметами); казаков Лабинского отдела — в 1-й Лабинский полк (150 человек с двумя пулеметами);

формирую отдельный Терский отряд (95 человек) — все эти части конные;

всех пеших свожу в 6-й Кубанский пластунический батальон (48 человек).

Всего в составе частей набралось 428 человек и до 50 офицеров. Спешно организую тыл в поселке Хасаут-Греческий, где открываю лазарет.

Сформированные мною кадры частей дали первый отряд, который называю «Армия возрождения России» (название очень громкое, но для противника меткое). Конечно, организовываю штаб с отделениями: оперативным, административным и политическим. За неимением офицера Генштаба, беру на должность начальника штаба полковника Туполева, которого раньше не знал как следует, а лишь по словам других. В этом выборе сделал свою первую ошибку, так как в полковнике Туполеве я не нашел помощника — это был писарь и, как потом выяснилось, совершенно безавторитетный человек. Заведующим административно-политическим отделом я наметил полковника Проскурина, отличного офицера и работника.

Командирами полков назначены: 1-го Лабинского — есаул Ковалев, 1-го Хоперского — есаул Ларионов⁶⁵, храбрый, отличный офицер, 6-го батальона — есаул Балувев, достойный командир пехотной части, но очень строгий и резкий. Командиром конной бригады (1-й Лабинский и 1-й Хоперский полки) назначаю полковника Старицкого, он же и мой помощник.

С первых же шагов стало заметно отсутствие кадровых офицеров (на Кубани многие из них были арестованы, а те, кто оставался, скрывались). Вначале у меня было всего четыре кадровых офицера. Но усилием всех нас, чинов кадра, работа все же продвигалась вперед. Высылка разъездов, сторожевое охранение были налажены. По станицам шли приказы, призывы и наши программы борьбы против большевиков. Особенной нужды в политической программе не было (так это мне казалось), так как народ на Кубани жаждал освобождения от коммуны и большевиков. Борьба была провозглашена за изгнание большевиков-коммунистов, за твердую власть на местах, прекращение насилия, грабежей, охрану религии и Учредительное собрание как результат нашей борьбы.

Население к моему начинанию сначала отнеслось недоверчиво — живой силы у меня было слишком мало, особенно в начале восстания, но продовольствие моим сборщикам давали охотно, а зачастую станицы сами высылали необходимое для жизни.

Надо заметить, что горные станицы не испытывали всего гнета большевиков, так как охранялись присутствием небольших групп

в лесах. Большевики это учитывали и, чтобы не увеличивать «лагерь зеленых», относились к населению горной полосы предупредительно: особых реквизиций не производили, а когда объявляли реквизиции рогатого скота, которым население было богато, люди этой полосы были под моей защитой.

Большевики между тем начали засылать своих шпионов в мой район, но они вылавливались и предавались нашему суду. Население не горной полосы Кубани не могло пройти ко мне легко, и прорывались лишь отдельные бойцы. Скажем, в станице Кардоникской жители в массе относились ко мне отлично, но в боевые части шли немногие, говоря, что, мол, когда начнется борьба, то «мы выйдем к вам». Поэтому мне приходилось готовить население через офицеров — жителей этой или иной станицы. Работа была поручена начальнику гарнизона станицы Кардоникской, войсковому старшине Маслову⁶⁶, и коменданту станицы, хорунжему Нагубному. Действительно, в последующих событиях население станицы меня не обмануло.

В конце июня 1920 года я установил связь с отрядом войскового старшины Князева, действующего в районе станицы Надежной (90 человек), и есаула Лычева⁶⁷ у станицы Ахметовской (100 человек). Были посланы мелкие разъезды в горы Майкопского отдела, но они нашли там лишь небольшие группы по 10—15 казаков, которые из районов своих станиц уходивать не хотели.

Большевики забили тревогу, их разъезды после коротких перестрелок убегали, распространился слух, что у меня собрано 8—12 тысяч казаков, всюду мои силы преувеличивали и распространяли сказки о моих зеленых казаках. В горы большевики ехать боялись, и горный район (станицы Кардоникская, Зеленчукская, Сторожевая и Преградная) был фактически под моей властью. В станицах были выбраны атаманы и назначены мной коменданты.

Единственным притоном коммунистов был Тебердинский курорт, где они свили себе прочное гнездо под видом курортных лечебных заведений. Для ликвидации Тебердинского гнезда 29 июня мной была выслана сотня 1-го Лабинского полка под командой сотника Бара (не казак, но служил в Астраханских казачьих частях). Сотня в составе 85 человек выступила с приказанием пройти горной тропой к курорту, ночью окружить коммунистические общежития, арестовать всех и, забрав имущество, деньги и про-

довольствие, возвратиться по реке Теберде до селения Георгиевско-Осетинского, откуда напрямую горной дорогой прибыть на бивак.

Но первый блин вышел комом, главным образом потому, что офицеры после жизни в лесах отдельными группами, видимо, отвыкли выполнять точно приказания, да и я, назначая для исполнения заданий офицера, не знал его хорошо. Было же исполнено следующее: сотник Бар, выведя сотню с бивака по горной тропе, спустился раньше времени в Тебердинское ущелье, а именно у Верхнетебердинского аула, откуда по шоссе дошел до курорта (15 верст), так что некоторые коммунисты, узнав о приближении казаков, бежали. К сотне по дороге пристало много карачаевских «шакалов» — грабителей, и поэтому при захвате общежитий произошел грабеж и убийство ими всех большевиков, деньги были разграблены, были взяты запасы сахара, чая, муки, медикаментов, белья и прочего.

На обратном пути сотник Бар дошел до осетинского селения, где все перепились аракой (водкой собственного изготовления у горцев), и не свернул в горы, а прошел прямо в станицу Кардоникскую, где спьяну и заночевал. На рассвете на станицу было произведено нападение милиции Батаалпашинского отдела, сотня была захвачена врасплох, и хотя потом оправилась и прогнала милицию, но морально пострадала и потеряла 15 человек убитыми. Начало плохое, подрывающее наш авторитет и доверие у населения, которое потребовало от меня энергичных и строгих мер.

По прибытии сотни на бивак весь отряд по случаю дождей я перевел в покинутое жителями селение Лысогорка (жители — иногородние, присоединившиеся в 1918 году к большевикам, а при очищении Кубани от красных в 1919-м ушли с ними). В этот же день, 2 июля, ко мне прибыл хорунжий Маслюк⁶⁸ и офицер для связи с войсковым старшиной Князевым. Хорунжий Маслюк прибыл с несколькими бойцами из состава передавшихся казаков советского конного полка на нашу сторону (240 человек).

Дело было так. В станице Исправной стоял 2-й советский конный полк отдельной бригады 34-й пехотной дивизии. Состоял он исключительно из казаков, сдавшихся на Черноморском побережье, и управлялся 40—45 коммунистами. Этот полк имел задачу: разведка в горных станицах и лесах и вылавливание зеленых. Казаки полка имели связь с зелеными казаками, одиночным по-

рядком убегали в лес, а уже при мне из сдавшегося разъезда был послан урядник, с целью уговорить полк перейти к нам.

На положении рядовых в полку было и несколько белых офицеров (хорунжий в их числе), которые, узнав, что я уже начал восстание, условились с казаками о сдаче. Ночью, перебив нескольких коммунистов, в том числе политкома, забрали четыре пулемета и присоединились к войсковому старшине Князеву, как находящемуся ближе к ним.

Этой изменой большевикам был нанесен удар, и они начинают усиливать террор в отношении казаков. Зеленых же этот переход подбодрил. Через офицера связи был выслан Князеву приказ о подчинении мне и переименовании отряда во 2-й Лабинский полк, с назначением его командиром полка.

По устройстве на Лысогорке было созвано общее офицерское собрание. На нем я ознакомил всех с моими взглядами на приемы борьбы с большевиками, на вопросы пьянства, грабежа населения, насилия и что успеху в борьбе и агитации среди населения может помочь лишь присутствие в наших частях и у офицеров полного согласия с таковыми взглядами. Было написано постановление, которое подписали все офицеры, а потом и каждый офицер, вновь прибывающий, расписывался на постановлении.

В нем перечислялись преступления, за которые офицер подвергался смертной казни. Преступления эти следующие: побег с позиции, побег из отряда, неподчинение приказам, грабеж, пьянство, насилие и оскорбление религии. Затем на втором собрании я предложил казакам самим выработать для себя меры наказания, ознакомив их с содержанием постановления офицеров.

Мое предложение было встречено криками «ура!», казаки постановили:

казнь за все перечисленные преступления, кроме пьянства; за пьянство — в первый раз 25 плетей, в другой 75 плетей, а в третий — смертная казнь.

Местное население с обоими постановлениями было ознакомлено (нарочно). Приказом же было отдано запрещение выделки араки, прекращения грабежей, насилий и мести, помощи большевикам, какая бы она ни была. Виновные из населения в неисполнении постановлений были наказаны, а несколько расстреляны (позднее). Части переродились и походили на воинские части мирного времени, а местное население пошло мне навстречу, и

в станицах, которые занимал впоследствии, прекратилось пьянство, самодельная выделка водки, а грабежи, воровство и насилие совершенно исчезли.

3 июля от разъезда, высланного на Красногорскую, получено донесение, что станица занята пешими и конницей красных (два полка), прибывшими из Батапашинска, и что передовые части их выдвинулись в направлении на Кардоникскую и сбили наш ночной разъезд. К ночи этого же дня разъезд усиливается, и ему дается приказание: в случае движения противника отходить через Кардоникскую по дороге на Лысогорку; закрепляясь на каждом рубеже, заставить противника развернуться и через час прислать донесение на мое имя.

Ночь прошла тревожно, надо было решить — принять бой или нет. Вступив в открытый бой с красными, надо было разбить их во что бы то ни стало, так как это будет первый бой, а победа красных сулила бы мне полный провал начатого святого дела. Решаюсь принять бой и вырабатываю план действий.

На рассвете получаю донесение, что красные перешли в наступление и гонят мою передовую полусотню. Трогаясь в путь по хребту на Кардоникскую, успеваю вовремя. Красные с хребта разделились на две группы: первая небольшая, приблизительно около полутора эскадронов, преследует по хребту несколько казаков, оторвавшихся от полусотни, а вторая большая, около 800 человек, преследуя мою полусотню, заняла станицу. Из станицы бегут в разные стороны казаки, и партия их (от 30 до 40 человек), верхом отстреливаясь, направляется через реку Хасаут к хребту у реки Маруха. Их преследует эскадрон красных, а главная масса бросается за моей полусотней.

Через час после прибытия моих конных частей мокрые от пота прибежали пластуны, с которыми я редкой цепью занимаю позицию у хребта, передав им все четыре пулемета. Конные части выстраиваю развернутым фронтом с резервом в полусотню в изгибе дороги и даю по одному взводу на фланги позиции.

Отступающей полусотне, с присоединившимися к ней казаками станицы, даю приказ упорно задерживать противника и дать нам время организовать оборону пути и хребта вблизи кургана. Через короткое время на кургане появляется большой красный значок и красные, спешенными и конными частями, переходят в наступление на мою позицию. Даю приказ пластунам вести ред-

кий огонь, ибо патронов от 50 до 80 на человека. Противник стремительно идет вперед, пластуны усиливают огонь, но красные, густой цепью заняв хребет, начинают спускаться и подходят к пластунам на 500—700 шагов; начинается усиленная перестрелка на флангах. В моей коннице всего 180 человек.

Думаю: «Если за правое дело я дерусь — то красных разобьем, а нет — умрем все в атаке». Становлюсь перед строем, снимаю папаху, казаки, как один, следуют моему примеру, осеняют себя крестом. Пластуны открывают максимальный огонь, а я во главе конницы с криками «ура!» бросаюсь в атаку. Конные фланги делают так же, пластуны, оставшись позади, бросаются вперед.

Красные обомлели, не ожидая вообще отпора, начинается сплошная рубка противника, он в панике бежит, «товарищи» бросают все, вплоть до верхней одежды. До самой Кардоникской продолжается преследование врага с рубкой, в самой станице оставшиеся казаки, видя бегство красных, открывают стрельбу по бегущим. Противник совершенно теряет голову и в панике бежит на станицу Красногорскую. Преследовать дальше посылаю одну сотню, которая гонит их до самой Красногорской и возвращается. Противник разгромлен, несмотря на его многочисленность, взято 10 пулеметов, 300 винтовок, около 200 лошадей, много патронов. Потери в живой силе: у красных убито свыше ста человек, у меня (Бог помог нам!) всего пять человек ранеными, ни одного убитого.

Казаки в частях и жители ликуют, наш престиж поднимается. Бой закончился к 14 часам, а уже к вечеру слух о нашей победе распространился далеко в глубь Кубани, за 90—100 верст знали (как нам позже говорили) о разгроме красных. Этот бой, кроме морального подъема частей, признания жителей, дал мне новых бойцов-казаков кардоничан, которые, приняв в этом бою активное участие, не могли больше оставаться в станице. С этого дня в станице Кардоникской формируется сотня конницы в 150 шашек и сотня пластунов в 200 человек. Части устали, и я решаюсь в первый раз ночевать в станице.

4 июля ко мне под вечер явился казак Попов из станицы Удобной, прибывший через перевал из Сухума (Грузия), и доложил мне, что в Сухуме имеется представитель Кубанского правительства, находившегося в Крыму, полковник Налетов, который имеет связь с правительством и генералом Врангелем.

Получив такие сведения, я ночью же написал донесение Кубанскому атаману и генералу Врангелю о начале моей работы, о положении на Кубани и просил спешно, насколько возможно, прислать оружие, патроны и медикаменты. Кроме того, командировать ко мне представителей от Кубанского правительства и главнокомандующего, дабы ориентировать меня в обстановке, так как о происходящем в Крыму я ничего официально не знал.

С начала моего ухода в горы (прошло уже почти четыре месяца) я питался лишь слухами и известиями из большевистских газет, доходящих до передовых частей отряда. Донесение это было послано с поручиком Дибижевым (грек, житель аула Хасаут-Греческого).

5 июля части, пополнив свои ряды казаками станицы Кардоникской, перешли на бивак в Лысогорку, куда под вечер прибыл ко мне нарочный из Хасаут-Греческого и привез с собой мою родную сестру Александру Архиповну Орлову, чей муж-офицер был убит большевиками в 1918 году. (Перед моим отъездом из Армавира я перевез свою мать и сестру с шестью детьми в станицу Лабинскую, где их никто не знал, но из Лабинской, по занятии ее большевиками, семье пришлось переехать в Баталпашинск, где осталась жить моя сестра, а мать прибыла в родную станицу Кардоникскую.)

При свидании с сестрой я узнаю следующее: как только большевикам стало известно о моей работе в горах, был произведен обыск у всех моих родственников в Баталпашинской, у сестры нашли мою карточку и ее с детьми и некоторых родственников арестовали. Сестру ко мне прислали (оставив детей под арестом) уговорить меня прекратить восстание, после чего мне предлагалось уехать, куда я хочу, и даже предлагалось перейти на их сторону.

Сестра, зная абсурдность предложения моих врагов, была уверена, что я не пойду на соглашение, но под угрозой принуждена была ехать. Узнав мое твердое решение продолжать борьбу, благословила меня и спешно уехала.

Просьбе остаться у меня уступить не могла, так как ее дети были заложниками, и просила не беспокоиться за нее — она была уверена, что большевики не позволят насилия в отношении к ней. Зная проклятых, я не ожидал ничего хорошего, но помочь ей был не в силах, так как, дав клятву своим подчиненным продолжать борьбу, не мог изменить. Моя совесть, офицерская честь и долг

Генерал М.А. Фостиков. Стара Пазова (Хорватия), 1943 г.

Атака казаков на турецкую батарею. Кавказский фронт Великой войны. Рис. А. Панина

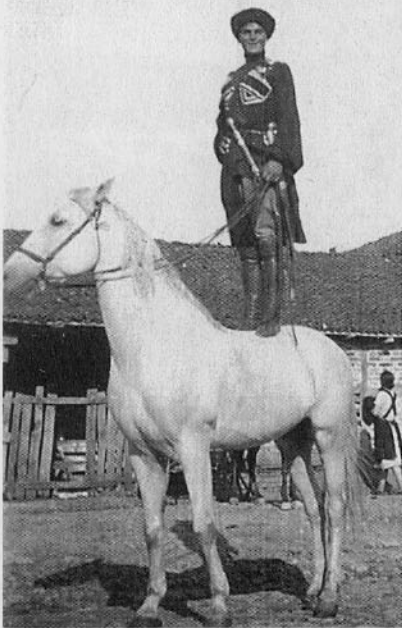
Походный Атаман Казачьих войск Великий князь Борис Владимирович с генералом Баратовым (слева от него, в белой папахе) на джигитовке 1-й Георгиевской сотни 1-го Уманского полка ККВ. За ними подьесаул Фостиков (в светло-серой папахе). Правее Великого Князя — начальник штаба Походного Атамана генерал Богаевский (в шинели). Персидский фронт, ноябрь 1916 г.

Хорунжий В.М. Сазонов (ст. Новотроицкой Лабинского отдела ККВ) — ординарец штаба генерала Фостикова в походе на Царицын. 1919 г.

Подхорунжие и вахмистры ст. Кармалиновской Лабинского отдела ККВ, прошедшие с генералом Фостиковым Гражданскую войну. Слева направо: Ефим Нартов, Василий Донсков, Иван Брежнев, Игнат Брежнев. Вранье (Сербия), 1921 г.

Казак Л.-Гв. Кубанских сотен. Сербия, 20-е годы

Г Р А Ж Д А Н Е

Кубани, Дона, Терек и Ставропольской губернии.

Седые горы Кавказа приютили десятки тысяч честных сынов РОДИНЫ, создавших собою крепкую духом и любовью к Родине «АРМИЮ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ». Цель армии уничтожить коммунизм и водворить на РУСИ строгий народный порядок через УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ.

Народная армия начала свои работы на западном и юго-западном фронтах и в средних губерниях России. Под ее натиском стонет жидовский приспешник коммунистов, он зовет себе на помощь Кубанскую молодежь, приказано мобилизовать ее, он влечет ее на верную гибель. Дорогие Кубанцы, не давайте своих сынов в красную армию, ибо их там ожидает сырая могила, шлите их под покровом леса в ряды НАРОДНОЙ АРМИИ. Наш долг, наша святая обязанность поднять могучую руку честного гражданина, пока она не связана цепями коммунистического рабства и освободить Родную КУБАНЬ от жидовского ига — коммуны. Мы призываем тех, кому ужасны суботники, кому страшно новое крепостное право — работа на коммунистов, кому страшна голодная смерть.

Все на защиту. Время не ждет. Проклятый коммунист слаб под ударом НАРОДНОЙ АРМИИ, он чувствует гибель и, огрызкаясь в свои предсмертные часы, градом посыплет ужасные беды на вольную голову КУБАНЦА, ДОНЦА и ТЕРЦА. Спешите в родные горы. Все за дело. Пора.

Избранный народом, Командующий
НАРОДНОЙ АРМИЕЙ, Генерал-Майор

Майор 1920 г.

Г Р А Ж Д А Н Е

Кубани, Дона, Терек и Ставропольской губернии

Седые горы Кавказа приютили десятки тысяч честных сынов РОДИНЫ, создавших собою крепкую духом и любовью к Родине «АРМИЮ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ». Цель армии уничтожить коммунизм и водворить на РУСИ строгий народный порядок через УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ.

Народная армия начала свои работы на западном и юго-западном фронтах и в средних губерниях России. Под ее натиском стонет жидовский приспешник коммунистов, он зовет себе на помощь Кубанскую молодежь, приказано мобилизовать ее, он влечет ее на верную гибель.

Дорогие Кубанцы, не давайте своих сынов в красную армию, ибо их там ожидает сырая могила, шлите их под покровом леса в ряды НАРОДНОЙ АРМИИ. Наш долг, наша святая обязанность поднять могучую руку честного гражданина, пока она не связана цепями коммунистического рабства, и освободить Родную КУБАНЬ от жидовского ига — коммуны. Мы призываем тех, кому ужасны суботники, кому страшно новое крепостное право — работа на коммунистов, кому страшна голодная смерть.

Все на защиту. Время не ждет. Проклятый коммунист слаб под ударом НАРОДНОЙ АРМИИ, он чувствует гибель и, огрызкаясь в свои предсмертные часы, градом посыплет ужасные беды на вольную голову КУБАНЦА, ДОНЦА и ТЕРЦА. Спешите в родные горы. Все за дело. Пора.

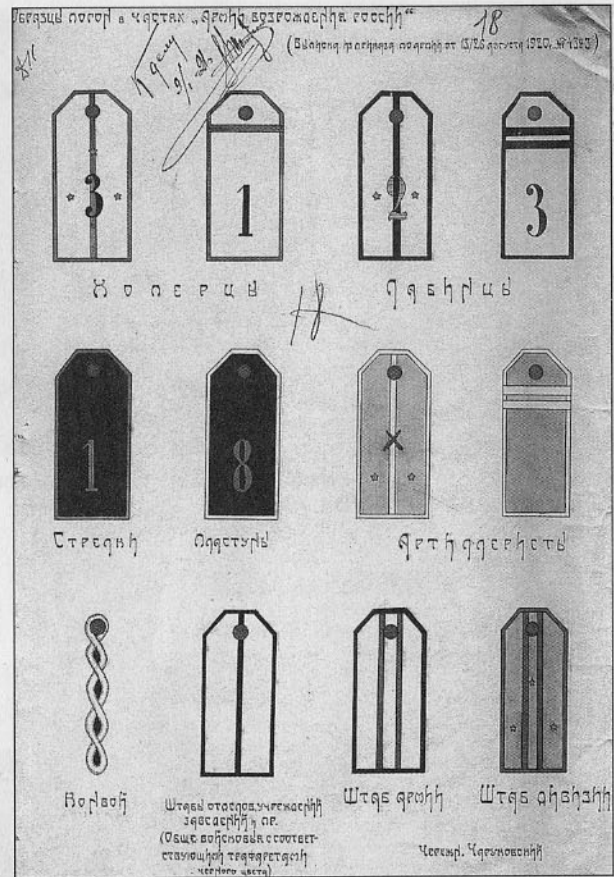
Избранный народом, Командующий
НАРОДНОЙ АРМИЕЙ, Генерал-Майор

[подпись М.Фостикова]
Анапа 1920 г.

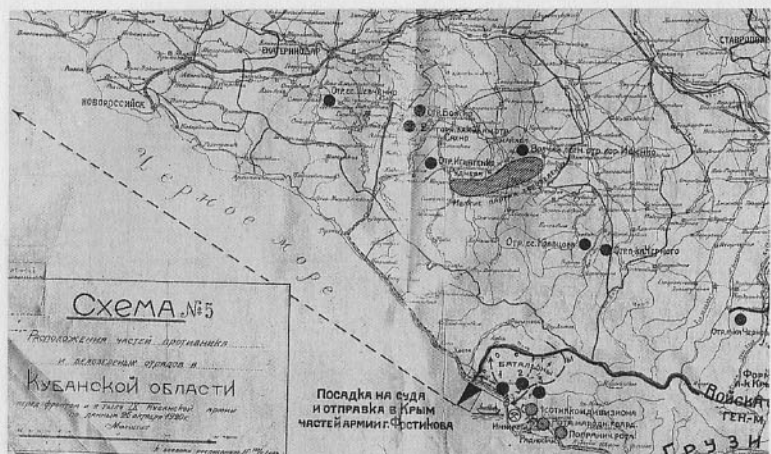

Баталпашинский и Лабинский отделы ККВ — территория боевых действий «Армии возрождения России» генерала Фостикова. 1920 г.

Образцы погон в частях «Армии возрождения России» генерала Фостикова. 13/26 августа 1920 г. (РГВА. Ф. 192, оп. 3, д. 1475, л. 18).

Слева направо. **1 ряд:** первые два — хоперцы, сотник и приказный (поле белое, вытушка, просвет и нашивки красные, звездочки серебряные, шифровка черная); третий и четвертый — лабинцы, хорунжий и мл. урядник (поле белое, вытушка, просвет и нашивки черные, звездочки серебряные, шифровка у хорунжего серебряная, у мл. урядника черная). **2 ряд:** первый — стрелки (поле черное, вытушка красная, шифровка желтая); второй — пластуны (поле черное, вытушка белая, шифровка желтая); третий и четвертый — артиллеристы (поле зеленое, вытушка, просвет и нашивки белые, звездочки серебряные, пушки черные). **3 ряд:** первый — конвой (жгут белый с черным); второй — штабы отделов и учреждений (поле белое, вытушка и просвет черные); третий — штаб армии (поле белое, вытушка черная, просветы зеленые); четвертый — штаб дивизии (поле зеленое, вытушка и просветы красные, звездочки серебряные). Описание погон выполнено составителем.

Посадка на морские суда и отправка в Крым частей армии генерала Фостикова, октябрь 1920 г. (РГВА. Ф. 192, оп. 3, д. 1438, л. 3)

Конвой командира Сводного Кубанского корпуса генерала Фостикова (в центре). Остров Лемнос, 12 декабря 1920 г.

«Старому соратнику Генерал-Лейтенанту Фостикову на добрую память. Ген. Врангель. 19 февраля 1921 г.» (надпись на фотографии)

Генерал-лейтенант М.А. Фостиков. Вранье (Сербия), 1921 г.

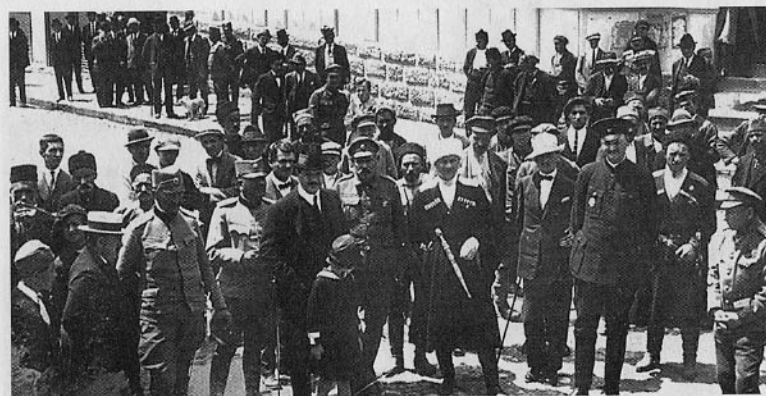
Кубанский Войсковой Атаман генерал В.Г. Науменко и генерал М.А. Фостиков. Остров Лемнос, 27 марта 1921 г.

Прибытие частей Сводного Кубанского корпуса в г. Вранье (Сербия). 1 июня 1921 г.

Смотр казачьим частям. Вранье (Сербия), июнь 1921 г.

Военная и гражданская администрация с командиром корпуса генералом Фостиковым. Вранье (Сербия), июнь 1921 г.

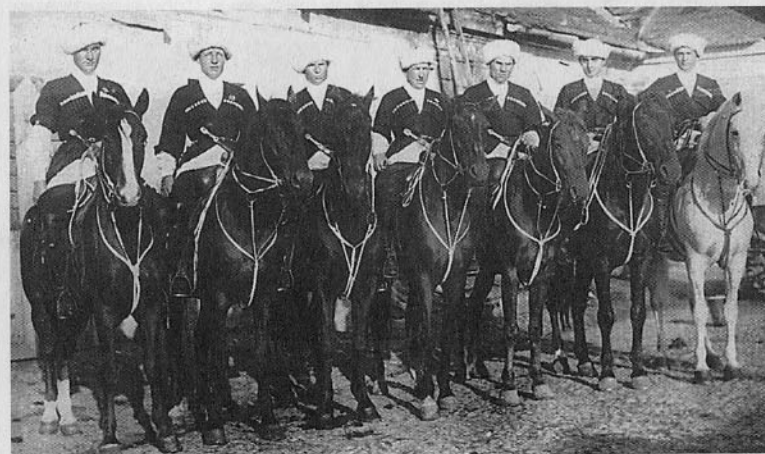
Генерал Фостиков с чинами Кубанской казачьей дивизии.
Сербия, 30 апреля 1923 г.

Казачи на работах, слева — генерал Фостиков. Южная Сербия, 20-е годы

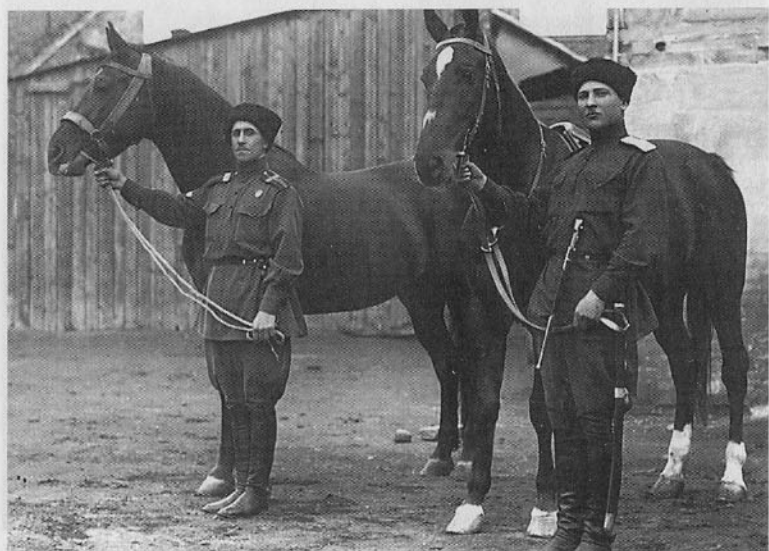

Генерал Врангель с офицерами Кубанской казачьей дивизии и сербской администрацией. Второй слева — генерал-майор В.К. Венков; в центре (за штатским) в черной папахе — генерал-майор Д.В. Репников; рядом в фуражке — начальник дивизии генерал-майор В.Э. Зборовский; четвертый справа (в защитной гимнастерке) — генерал-лейтенант М.А. Фостиков. Кочане (Сербия), август 1925 г.

«Его Превосходительству на долгую и добрую память от команды кубанских джигитов. Алексей Букреев» (надпись на обороте фотографии, адресованная генералу М.А. Фостикову)

Казачи, прошедшие с генералом Фостиковым Гражданскую войну. Справа – подхорунжий Степан Дзюба. Сербия, 20-е годы

Чины Кубанской казачьей дивизии на похоронах генерала Врангеля. Белград, 6 октября 1929 г.

Венки и памятные знаки к гробу генерала Врангеля. Белград, 6 октября 1929 г.

Генерал Фостиков с семьей и джигитами. Вранье (Югославия), 1932 г.

Сыновья генерала Фостикова: Борис (верхом в центре) и Георгий (верхом справа) с казаками. Вранье (Югославия), 1932 г.

Пирамида джигитов. Сербия, 1932 г.

Генерал Фостиков (слева) с джигитами. Сербия, 1932 г.

7 требовали от меня продолжать начатую работу. Сестра уехала — я чувствовал себя ее предателем.

Вечером 6 июля от моей полусотни, расположенной в Красногорской, получено донесение, что конница красных, выбив полусотню из станицы, заняла ее. Выслав на ночь усиленное охранение на полпути от Кардоникской к Красногорской, остальные части за ночь передвинул ближе к Кардоникской.

С рассветом 7 июля красные повели наступление конницей (два конных полка и конная милиция — всего до 900 шашек) на мой передовой заслон. Согласно приказанию он медленно отступал и, развернувшись на широком фронте, принудил противника разорваться на три группы и в таком виде подойти к Кардоникской, где и был атакован конницей станичного гарнизона (войсковой старшина Маслов) и пехотой 6-го пластунского батальона.

Противник не выдержал нашей атаки и начал поспешно отступать к Красногорской. В 6 верстах от станицы атакован моей обходящей конницей (1-й Лабинский, 1-й Хоперский полки и Терский отряд) под командой полковника Старицкого, бежал через Красногорскую на станицу Усть-Хомутинскую, где соединился с красной пехотой (306-й пехотный полк), идущей на помощь коннице. Наша конная бригада стала на отдых в станице Джегутинской.

Бой 7 июля дал мне небольшие трофеи: один пулемет, около 10 винтовок, четыре-пять тысяч патронов, несколько лошадей; потери красных 20—30 человек, у меня один раненый. Их конница была так сильно потрепана, что в последующих боях начала действовать осторожно и нерешительно. Мои же части воодушевились и осознали свою силу.

Преследование закончилось вечером, передовая сотня разместилась в Красногорской, а все остальные вернулись на бивак поближе к Кардоникской. Уже на биваке получено донесение от сотни из Красногорской, что около эскадрона конницы красных, поддержанной пехотой, сбilo охранение в Красногорской. Позже узнали, что станица с боем перешла в руки красных, а наша сотня отошла на высоты в 9 верстах от Кардоникской. Ночью красные продвинулись и заняли высоты, занимаемые моей сотней.

На рассвете 8 июля к войсковому старшине Маслову снова пришла со стороны Красногорской моя сестра, которую выслали ко мне для переговоров. Сестра привезла мне бумагу от комбрига 34-й советской дивизии и председателя ревкома с предложением

сдаться. Об условиях состоятся переговоры, по занятию их пехотой станицы Кардоникской, для чего я должен выбрать нейтральную зону, где и произойдет моя встреча с делегацией красных из Екатеринодара. Если я не соглашусь на это — никто из моих родственников, уже арестованных, не будет пощажен; в случае же моего согласия мне были обещаны все «блага земные».

Сестру на этот раз я не видел, но ответ написал, что ни в коем случае не пойду на сдачу, а если большевики будут насильствовать над семьей и родственниками моими и моих казаков, то мы при занятии станицы никого из советских служащих с семьями не пощадим. Ответ был отправлен до начала боя за станицу Кардоникскую.

Ввиду предполагаемого наступления красных ночью с 7 на 8 июля все части были подведены к кургану Веселому (назван казаками «курганом Фостикова»).

9 июля бой начался в 9 часов утра. Пехота красных (306-й пехотный полк 34-й дивизии) при 15 пулеметах, поддержанная конницей в два эскадрона, быстро продвинулась к станице и заняла ее окраину по реке Кардоник.

До этого момента бой с нашей стороны велся одной сотней, которая, отходя перед противником на довольно широком фронте, растянула красных, и они, не видя перед собой никого, кроме отходившей сотни, сосредоточили все силы, атаковали станицу и заняли ее.

Как только противник оказался в станице, я решил немедленно атаковать его, для чего конную бригаду направил в обход со стороны Красногорской, а остальные части (6-й батальон пластун и подготовленную пехоту станицы 300 бойцов и конных из станицы 200 человек) оставил при себе за курганом Веселым. К моменту занятия пехотой красных южной окраины станицы моя обходящая бригада заняла дорогу на Красногорскую, сбив резерв красных, состоящий из двух рот пехоты. Противник, занимающий станицу, заволновался, в это же время части, оставшиеся при мне за курганом, быстро подошли, атаковали и взяли станицу.

Большевики, поспешно отступая, были атакованы моей конной бригадой со стороны дороги Кардоникская—Красногорская и сбиты к горам Джангур, где были снова окружены с юга той же бригадой, от станицы Кардоникской пластунами, а с севера гарнизонной конницей. Противнику оставался открытым лишь путь на кручи горы Джангур, куда он и направился, подвергаясь

все время с фланга нашему огню и атакам. (Такая тактика — растянуть малыми силами противника, а потом атаковать его «облавой» внезапно и быстро — не раз спасала мои отряды во время восстания, когда наши силы численно были гораздо меньше противника.)

Отступление красных, наконец, перешло в сплошное бегство через крутизны, бросалось все, солдаты для облегчения стаскивали с себя форму, оставаясь в белье. Ночь спасла противника, и он ушел на станицу Джегутинскую, оставив мне 11 пулеметов, много винтовок, весь обоз с вещами солдат и командиров, потеряв убитыми 103 человека. Мои потери насчитывали 6 казаков убитых и 8 раненых (убит подьесаул Федосеев — лихой и разбитной казак).

Этот бой поднял особо высоко настроение всего состава, а население снова убедилось в силе нашей армии, как уже в то время называлась моя повстанческая группа. Большевики опять-таки уверились в наших быстрых победах среди гор и в опасностях, которые в дальнейшем их ожидают.

10 июля все части переведены на новый бивак в Широкую балку. Из района Баталпашинска и Белого Ключа прибыли ко мне около 150 казаков с лошадьми и оружием. Под вечер получил донесение от горцев аула Хасаутского о том, что аул Касаевский занят пехотой красных (около 600 человек) с двумя орудиями, которая наступает вверх по реке Малый Зеленчук на занятую нами станицу Кардоникскую. За два дня до этого я был предупрежден, что красные хотят во что бы то ни стало разбить меня наступлением именно со стороны реки и станицы Красногорской.

11 июля с рассветом в аул Хатажукаевский выслана полусотня с целью скрытой и детальной разведки аулов Касаевского и Тебердинского. Части снова пополнились прибывшими казаками станицы Зеленчукской (85 человек). Разъезд обнаружил движение противника из станицы Джегутинской на Красногорскую (400 человек пехоты, два конных эскадрона, три орудия, около десяти пулеметов). Также получено донесение, что красные имеют связь постами летучей почты между Джегутинской и аулом Касаевским. Вечером того же дня красные заняли без боя Красногорскую и аул Касаевский. Для встречного боя приказываю:

1. Конная бригада (1-й Лабинский и 1-й Хоперский полки) без двух сотен со мною должна на рассвете атаковать аул Касаевский и разбить красных.

2. Войсковой старшина Маслов с дивизионом 1-го Хоперского полка, конницей и пехотой станицы Кардоникской должен внезапно напасть на Красногорскую и разбить группу противника, находящуюся там.

3. 6-й пластунский батальон должен находиться в резерве у Кардоникской для защиты станицы.

Получил вторично донесение, что красные 12 июля поведут наступление на Кардоникскую со стороны Касаевского и Красногорской.

С темнотой я с группой выступил и за ночь прошел по дороге через гору Шисса до аула, на рассвете по плану атаковал аул Касаевский, где, к сожалению, ночевала лишь головная часть противника, а главные их силы ночевали в Ловско-Зеленчукском. Атакованный противник бежал частью на Ателжухинское, а частью через Эльбурган, потеряв десятка три убитыми.

Головные части моей бригады, переправившись через реку Зеленчук, преследовали противника, подобрав их обозы с патронами, оружием и питанием. Оставив две сотни для дальнейшего преследования, я с остальными частями отошел к аулу Хатажукаевскому, где получил снова донесение, что наш разъезд (сотня), высланный из Касаевского на Красногорскую через Джангур, уничтожил два поста летучей почты красных, а остальные бежали в Красногорскую и, окруженные частями войскового старшины Маслова, спешно отступили дальше.

Посты красной летучей почты, преследуемые нашим разъездом из Касаевского, добрались до своих и своим появлением и рассказами о бегстве Касаевской группы, видимо, внесли панику в ряды красных. Наши части двинулись на Красногорскую (задание Маслова) и атаковали противника около Кубанского моста у самой станицы. Совершенно потеряв голову, противник бежал на Джегутинскую, оставив нам у Кубанского моста три горных орудия (одно испорченное) со 120 снарядами, три пулемета, патроны и значительный обоз.

Между тем около Джегутинской бежавший противник подвергся внезапной атаке находившейся там группы казаков под командой сотника Попова, который преследовал его вплоть до станицы Баталпашинской. Сотник с казаками многих порубил, забрал у противника все оружие, снял с пленных обмундирование и подобрал остаток обозов. К 8 часам вечера мои части собрались на биваке Широкая балка для отдыха.

13—14 июля отдых, разведка. Прибывшие из Баталпашинской за лесом жители сообщили, что в Баталпашинск 12 июля из Пятигорска прибыл штаб 12-й советской Кавказской дивизии с тремя полками, а со станции Невинномысская курсанты Майкопского училища, 304-й пехотный полк с шестью орудиями и много боевых припасов.

Все эти части Баталпашинского района подчинены начальнику 12-й Кавказской дивизии (бывший генерал), который с 13 июля приказал наступать на Кардоникскую. Кроме того, два конных полка 12-й дивизии переведены в село Козлинское, а на станцию Невинномысская ожидался приезд штаба 9-й советской армии; в станице Беломечетской сосредоточены все тылы и инженерные части красных!

Казакам Красногорской станицы привезен приказ противника о наступлении красных полков, с целью разбить меня, сообщалась дислокация частей красных в Кубанской области. Также сообщалось, что со стороны станицы Надежной через Передовую и Исправную движется 305-й пехотный полк для соединения с Баталпашинской группой.

13 июля к нам на бивак из района станицы Усть-Джегутинской прибыл сотник Попов с 90 казаками, а из Красногорской станицы прибыло 15 казаков. Прибывшие доложили, что вся Баталпашинская группа красных двинулась на нас!

14 июля противник занимает Красногорскую. В станицах и хуторах от Баталпашинска до Красногорской красные грабят все, реквизируют, жгут дома, а население от террора разбегается во все стороны! К ночи точно выяснены силы наступающего противника: 304-й, 305-й пехотные полки (1200—1400 штыков), курсанты — 250 человек, конная бригада 34-й дивизии — 400 шашек, конная бригада 12-й дивизии — 900 шашек, 6 орудий, 25 пулеметов.

Мною решено разбить противника обходом с левого фланга в тыл всей конницей, а пехота должна действовать в лоб противника на Красногорскую. Послал осетинам приказание произвести нападение на Красногорский мост по правому берегу Кубани. Всю ночь собирали всех боеспособных из станицы Кардоникской — к утру собрали около 120 человек.

15 июля противник перешел в наступление от Красногорской, но лишь по дороге, так как вне дороги наступление было слиш-

ком трудным из-за больших яруг, балок и скал. Бригада под командой полковника Старицкого выслана в глубокий обход с тем, чтобы скрытно горами и лесом зайти противнику в тыл и атаковать его во время приближения к Кардоникской. На высоты горы Джангур выслан разведывательный взвод, вся пехота 6-го пластунского батальона — 750 человек при 12 пулеметах заняла позицию на вершинах в 8 верстах впереди Кардоникской. При пехоте 60 конных у самой станицы, а конница гарнизона станицы (150 человек) выслана на высоты аула Ателжухинского.

До 10 часов бой с противником ведет только головная сотня, отступающая согласно приказанию по главной дороге. Красные, перегруппировавшись, в 10.15 на высотах на полпути между Кардоникской и Красногорской повели на станицу Кардоникскую атаку двумя пехотными полками в лоб, конной бригадой (12-й дивизии) в обход моего правого фланга, конным полком (34-й дивизии) в обход моего левого фланга, а курсантов оставили в резерве на высотах у дороги; около резерва вся артиллерия.

Мертвая тишина с нашей стороны смущала противника, нигде не было видно наших частей, редкую стрельбу вели лишь казаки отходящей сотни. Атакующие силы красных стремительно перешли в наступление и, не встречая сопротивления, на расстоянии двух верст обнагтели и без всякой предосторожности уже ринулись вперед, артиллерия открыла стрельбу залпами по станице.

Пластуны без выстрела подпустили красных к себе приблизительно на 800 шагов и после короткой бешеной пулеметной и ружейной стрельбы перешли в контратаку. Противник не выдержал внезапного натиска пластунов и начал отступать, по наступающей коннице был открыт огонь из нашей пушки, и после удавшихся попаданий по ней она начала задерживаться и отступать.

Тогда слева перешла в атаку кардоникская конница и загнала конный полк красных за их пехоту, наши атаковали открытую пехоту и сбили ее. Отступая, пехота противника трижды переходила в контратаку и в третий раз сбита моих пластунов. Они начали отступать, но энергия командира батальона есаула Балуева и мое присутствие ликвидировали это временное замешательство, и красные опять сбиты и отступают. Несколькими удачными выстрелами из пушки сбита с позиции и артиллерия противника и разогнан резерв.

Когда пехота красных подходила к резерву, наша обходящая бригада атаковала их тыл и противник, после отчаянного сопротивления, начал в массе бежать. В это же самое время я дал приказ осетинам напасть на Красногорский мост. Красные, оставив в арьергарде курсантов в узком ущелье, начали панически отходить. К ночи мои головные конные части (две сотни) были под самой станицей Джегутинской.

Красные понесли большие потери, но задержались своим арьергардом в поселке Джеганасском (между станицами Джегутинской и Баталпашинской). Мои части за все время атак потеряли два человека убитыми и десять ранеными.

К ночи все, кроме двух сотен, посланных гнать противника, возвратились на бивак. На этот раз особых трофеев не было, так как красные в бою не имели обозов, и на bivаке выяснилось, что мы много патронов и снарядов расстреляли и истожили свои запасы, которые могли лишь завоевать у противника.

Полковник Старицкий начал убеждать идти в Терскую область, где якобы все есть — и боевые припасы, и хорошее питание из станиц и т. д. Но к этому времени мне достоверно было известно, что в Терской области действуют отряды полковников Федюшкина⁶⁹ и Кротова (в Терском восстании участвовали два брата Кротовы, Георгий и Иван Павловичи. — П. С.), поэтому от этого предложения я отказался.

Кроме того, что было самое важное, кубанцы не пошли бы далеко от своих станиц, не веря в рассказы полковника Старицкого. Были патроны у карачаевцев, но получить от них что-либо было почти невыполнимо, а сами они, подозрительные и лукавые люди, никак не присоединялись ко мне. В этом был виновен и их князь, полковник Крым-Шамхалов, которого народ слушал и по которому равнялся в это смутное время.

Патроны на исходе, а посему необходимо что-то спешно предпринять, и я, после раздумий, останавливаюсь на красной базе в станице Беломечетской.

16 июля отдых. После полудня получил донесение от зеленчукских черкесов о том, что в станице Исправной находится 305-й пехотный полк красных (850 человек) при двух орудиях и что 17 июля полк предполагает идти через аул Касаевский на присоединение к Баталпашинской группе. Дабы предупредить это соединение красных, я решил сделать ночной переход с частью конницы, занять дорогу из

станции Исправной на хребте горы Шисса и повернуть противника по реке Большой Зеленчук.

Под вечер прибыла ко мне связь от есаула Лычева, который с отрядом в 1220 человек занимает район станиц Ахметовская—Каладжинская; отряд удачными набегами держит в страхе большевиков в Лабинском отделе.

Есаулу Лычеву посылаю приказ о начале формирования им 3-го Лабинского полка. От казаков, присланных есаулом Лычевым, узнаю, что войсковой старшина Князев (2-й Лабинский полк) 15 июля между станицами Передовой и Исправной вел бой с тем же 305-м полком красных и после боя красные остановились в станице Исправной.

С темнотой, с частью конницы по 120 человек от полков (240 человек), выступил вниз по реке Малый Зеленчук, а к семи часам утра 17 июля занял дорогу к станице Исправной на хребте горы Шисса. Густой туман не давал возможности разведать противника, а яруги и кручи мешали разместить части для западни красным. Туман немного рассеялся, и дозорами было обнаружено движение противника на подводах при двух орудиях; на одну версту впереди колонны двигался конный взвод, который без стрельбы трудно было уничтожить. Туман опять спустился, слышалась ружейная стрельба со стороны станицы Исправной (разъезд 2-го Лабинского полка столкнулся с арьберггардом красных). Взвод красных был пропущен за наши засады и почти полностью уничтожен, но с выстрелами в колонне противника поднялась тревога, артиллерия открыла огонь, пехота цепями повела наступление по посевам подсолнечника, который совершенно скрывал пеших.

Цепи противника были встречены сильным огнем наших, но, поддержанная резервом, пехота красных двигалась вперед. Бой длился два часа, были произведены две конные атаки, но все-таки красные заставили меня отойти, после чего они прорвались на Касаевский аул, где, не задерживаясь, быстро прошли через Эльбурган в станицу Усть-Джегутинскую. К вечеру, потеряв одного убитым и двух ранеными казаков, я вернулся к себе на бивак Широкая балка.

Малый запас патронов еще больше истощен. Этим набегом потрясен 305-й полк красных, но удачи у нас не было, считаю это неудачей. Важно было то, что к началу моих боевых действий

под станицей Кардоникской большевики в Баталпашинской не имели покоя. Несколько раз они были вынуждены переселять свои учреждения, эвакуировать семьи коммунистов и т. д. Все учреждения и канцелярии, возвращаясь обратно в Баталпашинск, не разгружали свои подводы, а гарнизон станицы по ночам вовсе не спал и совершенно не раздевался до прибытия штаба и частей 12-й дивизии красных.

18 июля отдых. Усиленная разведка по реке Малый Зеленчук и по реке Кубани. К вечеру от разведывательной сотни по реке Кубани получено донесение, что Джегутинская снова занята красными (три пехотных полка, четыре конных полка, курсанты, 16 орудий и много пулеметов, всего 5 тысяч человек). Вечером на бивак прибыл из станицы Исправной войсковой старшина Князев со 2-м Лабинским полком — 480 конных и 8 пулеметов.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ

К этому времени мои части усилились: 1-й Лабинский полк — 500 человек, 1-й Хоперский полк — 650 человек, 2-й Лабинский полк — 480 человек, 6-й Кубанский пластунский батальон — 320 человек, гарнизон Кардоникской станицы — 300 пеших и 250 конных, 35 пулеметов, 2 орудия, патронов по 15—20 штук на человека.

19 июля красные от станицы Джегутинской двинулись так:

пехотный полк и один конный при двух орудиях по горе Джангур;

все остальные части красных двинулись на станицу Красногорскую.

К вечеру противник занял аул Ловско-Зеленчукский и Красногорскую, а по горе Джангур обнаружены его разъезды.

20 июля Красногорская группа красных предприняла наступление на Кардоникскую, но потерпела поражение и отошла к Красногорской, заняв высоты перед станицей, а части этой группы начали продвигаться по горе Джангур с артиллерией. Патронов у меня для боя не оставалось, но противник не наступал дальше. Передовые мои части ведут перестрелку под Красногорской. Необходимо достать патроны во что бы то ни стало и маневром отогнать противника от Кардоникской.

Решаюсь совершить набег на станицу Беломечетскую и с этой целью, 21 июля, собираю все разъезды от частей, заменив их гарнизонными казаками. После обеда выдвигаю 2-й Лабинский полк по дороге на Красногорскую, но ночью возвращаю его обратно. Все части и тыл с лазаретом сосредоточиваю в станице. Войсковой старшина Маслов получает задачу в течение 23 и 24 июля с гарнизоном производить усиленную разведку и перегруппировки. В план моих действий посвящены лишь некоторые начальники.

С темнотой отправляю тыл и обозы под прикрытием пластунов для размещения в станицу Преградную. В 23 часа с тремя конными полками, одним орудием и 25 пулеметами выступаю на станицу Зеленчукскую и до рассвета переваливаю за хребет к станице. Здесь части отдыхают полтора часа, подтягиваются, ко мне присоединяется есаул Поперека с 10 казаками из района станицы Сторожевой, которые вливаются во 2-й Лабинский полк.

В станице Зеленчукской ко мне являются подхорунжие Сакович и Желухин, которые докладывают, что на присоединение ко мне идет войсковой старшина Живцов⁷⁰ с казаками Кубанского полкового округа (500 человек, два орудия и два пулемета), что они восстали у себя, но не выдержали натиска большевиков. Казаки стоят в станице Надежной. С подхорунжими мной был выслан приказ о наименовании кубанцев — 1-м Кубанским полком, а полку оставаться в Надежной до дальнейших распоряжений, связавшись с 3-м Лабинским полком.

К вечеру дивизия была в станице Исправной, где стала на ночлег. В станице объявлена мобилизация, здесь же поймано несколько коммунистов, прибывших из Москвы. В Исправной наблюдалось полное запустение. Мобилизовать казаков приказал сотнику станицы так, чтобы через четыре дня дивизион был готов, а пехота послана в Преградную в 6-й батальон. Через шесть дней действительно в Исправной был готов конный дивизион в 250 казаков, который был оставлен мной в станице для защиты ущелья реки Большой Зеленчук и для глубоких разведок.

23 июля ночью получил донесение от войскового старшины Маслова, что красные в наступление не переходят, а группируются на горе Джангур, у Красногорской и аула Ловко-Зеленчукского. С рассветом выступаю вниз по реке Большой Зеленчук, к 10 часам прибываю в аул Тазартукин, где остаюсь до вечера. Горцы — зеленчукские кабардинцы — встречают меня хорошо,

но не присоединяются, обещая это сделать потом (до конца моего пребывания на Кубани присоединились ко мне немногие из них, не больше 20 человек).

В 18 часов из аула Тазартукина выступают:

1) 2-й Лабинский полк через аул Клиевский на Баталпашинскую с задачей к рассвету 24 июля подойти и атаковать станицу через реку Кубань, с целью разбить Баталпашинский гарнизон, внести панику и захватить станицу, если удастся; при неудаче захвата оставаться у Дударукинского аула до 11 часов, после чего отойти на Тазартукинский аул;

2) я с бригадой прямо на станицу Беломечетскую с тем, чтобы на рассвете атаковать ее со стороны Кубанского моста и со стороны Невинномысской.

Перед рассветом бригада подошла к левому берегу реки Кубани — напротив Беломечетской (1200 шагов от станицы). Отсюда части выступили — 1-й Хоперский полк через Кубань, откуда с рассветом должен был атаковать саму станицу через мост; 1-й Лабинский полк к аулу Ураковскому, но, не доходя до аула, должен был переправиться через Кубань и с рассветом тоже атаковать станицу со стороны Невинномысской. Все пулеметы и орудия заняли позиции на левом берегу реки Кубани, на высотах напротив станицы, им приказано огнем содействовать атаке.

Противник в станице спал мирным сном под защитой Баталпашинска и Кардоникской группы, имея лишь караул с пулеметом на мосту. Атака с рассветом произведена полками почти одновременно, запоздал лишь немного Лабинский полк, которому пришлось перейти вплавь через глубокое место реки. Мостовой караул не успел разобрать винтовки и был весь целиком сброшен с моста в реку Кубань.

В станице произошла короткая перестрелка, главным образом стреляли коммунисты, которые выскакивали из дворов на тачанках и верховых лошадях, убегающие из станицы попали под шашки лабинцев. В станице изрублено 200 человек коммунистов (коммунистический эскадрон при IX армии). Взят в плен целиком хоперский батальон в 550 человек (все казаки-донцы из плененных на Черноморском побережье), 4200 снарядов для трехдюймовых полевых пушек, 5 миллионов ружейных патронов и масса всевозможного груза (110 подвод), денежные ящики с 2,5 миллионами рублей, главным образом советских.

Жители станицы Беломечетской долго не верили, что мы действительно казаки, так как за несколько дней до нас в станицу прибыл отряд конных в погонах, ловили комиссаров, расспрашивали об угнетенных большевиками казаках, их отношении к советской власти и повстанцам.

Отрядом командовал человек, наряженный в черкеску с генеральскими погонами, в белой папахе и на серой лошади, который объявил населению, что он — генерал Фостиков, восставший против большевиков. Этот отряд позже устроил террор в станице, а все сознавшиеся в сочувствии ко мне и восстанию были расстреляны. Одежда и даже самозванец были похожи на меня и мое обмундирование; как потом я узнал, он оделся так, как я был снят на карточке, которую большевики нашли у моей сестры в Баталпашинской.

В станице Беломечетской я узнал о зверском убиении моих родных: бабка, отец, сестра с шестью детьми и несколько родственников были расстреляны. Этот гнусный и невиданный до тех пор террор и зверство над моими родными зажгли у меня такую бешеную месть, что я поклялся перед Богом в будущем не пощадить ни одного коммуниста.

Население убедилось, что мы действительно повстанцы, и выражало желание скорейшего избавления из большевистского «рая». К 11 часам операция закончилась и части со всеми трофеями и пленными сосредоточились на левом берегу реки Малый Зеленчук и Шебезовского аула, а позже выступили на хутор Японский (по реке Большой Зеленчук, напротив аула Тазартукинского).

2-й Лабинский полк выполнил свою задачу (нападение на Баталпашинскую) плохо, так как, наткнувшись на сильную заставу с пулеметами красных у моста через Кубань, до 11 часов вел перестрелку; большевики подвели свой резерв к мосту, и полк отошел. Но все же это вызвало панику в станице Баталпашинской, все ответственные работники-коммунисты и их учреждения бежали в станицу Новогеоргиевскую. Мое нападение на станицу Беломечетскую заставило штаб IX советской армии перейти из станицы Невинномысской за реку Кубань.

В 16 часов 24 июля вся конная дивизия подошла на хутор Японский, где разместилась на ночлег.

Что за это время происходило под станицей Кардоникской?

23 июля, в день ухода дивизии в набег на Беломечетскую, все было благополучно, большевики не наступали, а разъезды гарнизона были энергичны в его поисках и не давали красным возможности выйти с их позиций. До вечера 23 июля в станице не знали, куда я ушел, а вечером, узнав, что в набеге так далеко от Кардоникской, жители станицы начали разбегаться в горы и в лес.

25 июля, когда большевики попробовали перейти в наступление, то не встретили почти никакого сопротивления со стороны казаков. У войскового старшины Маслова, несмотря на его уговоры, осталось лишь десятка четыре вооруженных казаков, которые не могли оказать должного сопротивления, и большевики без боя заняли станицу. Наступали очень нерешительно, а получив через полтора часа сведения о разгроме Беломечетской, перестреляли нескольких казаков в станице и спешно ушли в Баталпашинск.

После ухода большевиков войсковой старшина Маслов пробовал собрать казаков и вновь создать гарнизон станицы, но это было невозможно, так как большинство населения из лесов и гор больше не выходило. 25 июля войсковой старшина Маслов присоединился с 40 казаками ко мне в станице Надежной.

Утром того же дня были выпороты два черкеса за клевету на некоторых горцев. Необходимые подводы для обозов (70) были взяты из Тазартукинского аула силой и прибыли только после моего заявления, что открою огонь по аулу, если через полчаса не будут присланы.

К 7 часам утра дивизия выступила с хутора Японского на станицу Удобную. К 10 часам голова дивизии втянулась в станицу. При подходе к станице на улицах было много народу, был праздник, но при входе в станицу молодежь попряталась. Настроение у казаков в станице было плохое, выступать со мной они не хотели под влиянием старика Гришай и подхорунжего Владимирова, которые, несомненно, были под влиянием большевиков.

Как только дивизия остановилась, было получено спешное донесение от разъезда, высланного на Надежную, что между станицами Надежной и Передовой идет бой. Высланный к станице Передовой разъезд донес, что красные заняли станицу, а 1-й Кубанский полк под натиском отошел к Исправной; красные втягивают в Передовую свои части и обозы. У меня созрел план окружения красных в Передовой, но для этого было нужно, чтобы противник сосредоточился в станице.

Для выполнения плана окружения мной предприняты следующие меры: весь 1-й Хоперский полк оставлен на участке между Передовой и Удобной с тем, чтобы не допустить противника вниз по реке Уруп, но активных действий самому не предпринимать. С остальными частями и обозами, поднявшись от Удобной на высоты между Исправной и Передовой, скрытно разместил части.

Дело клонилось к вечеру, красные вели наступление на позиции 1-го Кубанского полка, — видно было, что полк еле сдерживает противника. Помочь ему пока не было возможности, так как пришлось бы спускаться с большой высоты вниз. Для связи с 1-м Кубанским полком и предупреждения, что я здесь, выслан боевой разъезд, который связался с полком и подбодрил его.

Красные энергично наседали на кубанцев, и это заставило меня выслать для обхода противника в тыл 1-й Лабинский полк, который незаметно спустился с горы и атаковал его. Противник прекратил наступление на 1-й Кубанский полк, быстро отошел к Преградной, а его пехотные части разбежались по лесу вверх по реке Аргомит. Кубанцы с трудом сдерживали красных, потому что наши пушки бездействовали, не было снарядов, но в итоге бой был за нами, лабинцы гоняли противника по посевам, а к полуночи вернулись.

Приведенный пленный сообщил, что со стороны красных действуют 21-я пехотная дивизия и 1-я конная бригада с 10 орудиями. К утру патроны и снаряды были пополнены резервом из Беломечетской, а части разведены так:

1-й Хоперский полк занял позицию перед Передовой со стороны станицы Удобной, заняв также дорогу на Надежную;

1-й Кубанский полк вышел на речку Аргомит с тем, чтобы закрыть дорогу на станицу Преградную вверх по реке Уруп;

1-й Лабинский полк занял дорогу Передовая—Исправная;

2-й Лабинский полк при горном орудии занял высоты к востоку от станицы (приблизительно за тысячу шагов), так как с этих высот можно было легко обстреливать всю станицу.

26 июля с рассвета приказано всем полкам атаковать станицу. Я находился со 2-м Лабинским полком. Как только начало рассветать, перед нами как на ладони открылся весь бивак красных — пехота их вповалку спала на церковной площади, а по улицам около площади стояла запряжка артиллерии и конница.

Из 10 пулеметов и орудия с горы 2-й Лабинский полк открыл огонь. Противник, огорошенный бешеным огнем (красные не зна-

ли, что под Передовую я подошел с главными силами, а вечерний маневр 1-го Лабинского полка с войсковым старшиной Ковалевым приняли за маневр части конных кубанцев, выделенных от полка), заметался во все стороны в нестройной толпе и ринулся на станицу Удобную, но, встреченный огнем и атакой 1-го Хоперского полка (полковник Грибановский), бросился в сторону Исправной. Получив удар от 1-го Лабинского полка, красные направились вверх по реке Уруп, но им переградили путь кубанские части (войсковой старшина Живцов) и погнали назад в станицу, которая к тому времени была уже занята 2-м Лабинским полком (войсковой старшина Князев).

На реке Уруп, повыше станицы, противник был несколько раз атакован и сбит на левый берег. Дрались красные ожесточенно, артиллерия их, спешно перевезенная на высоты левого берега, вела залповую стрельбу на картечь до тех пор, пока не была забрана в плен. Красные бежали, а далее окружены и уничтожены в главной своей массе. Группы красных бежали на станицы Надежную, Спокойную, где были встречены казаками этих станиц, повернули и бежали на станицу Отрадную. Преследование велось передовыми сотнями до станицы Надежной.

К 18 часам в станице Передовой собрались все мои части со всеми трофеями. Трофеи: 10 орудий (из них 8 исправных с упряжками и лошадьми), 22 пулемета (18 исправных), 1200 пленных, противник потерял 600 человек и 150 лошадей убитыми, 300 человек ранеными. Потери моей дивизии: 6 человек убитых, 42 раненых. Красные, заняв раньше Передовую, изрубили 28 казаков и иногородних, не сочувствующих большевикам, а потому жители станицы встретили меня со слезами радости на глазах. Части все переутомились.

Ночью мной были отпущены пленные, направленные с разъездами вниз по реке Зеленчук. Пленные были предупреждены мной, что мои части не воюют с русскими крестьянами, а с коммунистами, от которых хотят освободить Кубань и жить свободно. Имел позже сведения, что пленные дошли до Невинномысской, где разложили резервную дивизию красных; когда их начали ловить, то они с дивизией разбежались по Ставропольской губернии.

27 июля, денька. Мобилизация в Преградной дала 28 человек конных и 240 человек пеших, а кроме того, организовался гарнизон станицы в 200 человек; казаки станицы Передовой пополнили

1-й Хоперский полк и 6-й Кубанский пластунский батальон. Ввиду того что казаки Баталпашинского отдела неохотно шли ко мне в части, станицы Зеленчукская, Сторожевая, Преградная и Удобная отказались принять участие в восстании, а горцы только обманывали (у меня горцы — главным образом терцы и карачаевцы), я решил перенести свои действия в Лабинский отдел, тем более уже имея сведения, что в Майкопском отделе казаки поднялись и дерутся с красными.

27 июля из станицы Передовой отправлены излишние трофеи и обозы в тыл в Преградную с приказанием тылу перейти на хутор Абсемен. За дневку казаки и лошади отдохнули, выкупались и сытно поели у хлебосольных казаков из Передовой. Объявленная мобилизация в Удобной не дала никаких результатов — старик Гришай и его сын войсковой старшина Гришай (на службе у большевиков в Баталпашинской) с подхорунжим Владимировым тайной агитацией портили все дело. Об этом я узнал позже, за агитацию в пользу коммунистов в станице Сторожевой были расстреляны двое.

28 июля переход из Передовой в станицы Надежную и Спокойную.

29 и 30 июля. Население встретило хорошо, но многие не решались вступить в мои ряды. Объявленная мобилизация дала всего 12 человек в строй и 12 человек в гарнизон станицы.

Для проведения мобилизации части размещены так: 1-й Лабинский полк — станица Надежная, 2-й Лабинский полк — станицы Подгорная, Бесстрашная, Отважная, 1-й Хоперский полк — станица Спокойная, 1-й Кубанский полк — станица Надежная. Высланы разведывательные сотни в станицу Удобную (в Передовой) и Исправной гарнизоны ведут разведку на Баталпашинск и вниз по реке Большой Зеленчук, держа тесную связь со мной). Станица Отрадная занимается дивизионом 1-го Хоперского полка с разведкой на Казминское и Попутную. Устанавливается тесная связь с 3-м Лабинским полком (войсковой старшина Лычев), который занимает станицу Каладжинскую, в его полк высылается горная пушка. Мобилизация проходит довольно хорошо, формируются до конца 2-й и 3-й Хоперские полки (войсковой старшина Маслов), 1-й Кубанский стрелковый полк (полковник Демьяненко).

В район станиц Баталпашинская—Бекешевская—Джегутинская высылается есаул Ильин с 20 офицерами для формирования

12-го Кубанского пластунского батальона и 4-го Хоперского полка. В районе поселка Георгиевско-Осетинского и станиц Красногорская—Кардоникская формируется отряд в 400 человек под командой полковника князя Крым-Шамхалова из казаков и горцев. К Крым-Шамхалову присоединяется со 100 казаками полковник Васильев, житель станицы Отрадной, позже выгнанный мной за пьянство из армии.

Красные сосредоточивают свои силы так: два конных полка 34-й дивизии, конная бригада 12-й дивизии — в селах Казминском и Ивановском, 304-й пехотный полк — в хуторе Елисаховском, тут же курсанты и дружина жителей упомянутых сел, 2-й конный полк 12-й дивизии, 302-й и 303-й пехотные полки — в станицах Вознесенской, Владимирской, Лабинской, два полка пехоты 22-й пехотной дивизии из Екатеринодара с курсантами.

Из Сухума прибыл ко мне для связи сотник (имя не запомнил), который доложил, что о моем движении донесено в Крым, помощь якобы будет в скором времени, но письменного сообщения он с собой не имел. Отправил его обратно в Сухум к полковнику Налетову, написав рапорты (вторично) в Крым главнокомандующему генералу Врангелю и Кубанскому войсковому атаману о ходе восстания, своих силах и просил скорее мне помочь высылкой оружия, боевых припасов и для расширения действий посылкой десанта на город Туапсе.

Из Грузии доходили слухи и газеты о действиях Русской Белой Армии в Крыму и ее успехах. Казаков по мобилизации является много, но оружия не хватает, и 30 процентов безоружных пополняют пехотные части.

Подробные сведения получены о Майкопском отделе: казаки отдела охотно восстают, сформированы части, но нет никакого порядка, так как глава восставших полковник Крыжановский, назвавший себя командиром Сводного Кубанского корпуса; сидит далеко от фронта, любит попьянствовать, а порядка навести в отделе и частях некому. Многие казаки и офицеры бросают фронт и уходят в тыл, где тоже пьянствуют. Лучшие его начальники были: войсковой старшина Фартухов⁷¹, войсковой старшина Гридин⁷², есаул Тимченко⁷³ — но работа у них как-то не клеилась.

Войсковой старшина Лычев, командир 3-го Лабинского полка, ведет бой с Лабинской группой красных очень умело, но красные оттесняют его к станице Ахметовской.

30 июля красные ведут наступление на станицу Отрадную из села Казминского, сбивают передовую сотню и занимают экономию Макеева. Силы противника, ведущего наступление: два пехотных полка, четыре конных с четырьмя орудиями (всадники частей 12-й дивизии красных в каких-то дурацких коммунистических колпаках).

31 июля выслана усиленная разведка из станицы Спокойной на станицу Вознесенскую — этот район еще свободен. Сама Вознесенская и Упорная заняты пехотой и конницей, красные ведут наступление на Отрадную и, вытеснив дивизион кубанцев, занимают ее, выдвинув передовые конные части к Спокойной.

1 августа с рассвета красные ведут наступление на Спокойную, имея два полка конницы за пехотой на дороге Отрадная—Спокойная и два конных полка на своем правом фланге, в обходе на станицу Подгорную. Противник подпускается мной к самой станице Спокойной, где по высотам расставлена вся наша артиллерия. Бригада обходит левый фланг красных, сбивает конницу, а части, наступающие на Спокойную, нарываюся на пехоту. Артиллерия открывает сильный перекрестный огонь, красные не выдерживают и спешно отходят в верховья Кунтимеса, так как дорога Спокойная—Отрадная занята нашей конницей. Противник у Кунтимеса окружен нашей конницей, несет большие потери и пробивается в Отрадную уже под вечер, а ночью того же дня Отрадная атакуется нашей бригадой, красные бегут из станицы.

Этого же дня Лабинская группа красных также предпринимает от Упорной обход моего левого фланга на станицу Бесстрашную, но, встретив упорное сопротивление со стороны 3-го Лабинского полка и обойденная справа, отступает в станицу Упорную.

Через 3-й Лабинский полк прибывает ко мне, по собственной инициативе, группа офицеров из Майкопского отдела для связи. Офицеры подтверждают имеющиеся у меня сведения о Майкопском отделе и полковнике Крыжановском и просят принять всю Майкопскую группу в состав моего движения. Я шлю приказ полковнику Крыжановскому о подчинении мне и вызываю его к себе для доклада и разработки планов операций на будущее. Приказ Крыжановскому о подчинении передан возвращающимися офицерами, из которых многие, по моему разрешению, не возвращались и были зачислены в части. За ночь в Отрадную переброшена бригада с артиллерией.

2 августа на рассвете противник выбит из экономии Макеева и из станицы Попутной и бежит на село Казминское и на Бесскорбную. Сильные разъезды высланы на фронт, закончено формирование 2-го и 3-го Хоперских полков (один полк в десять сотен), 1-го Кубанского стрелкового полка. Все части пополнены. Получено донесение, что формирование в районе станицы Бекешевской идет успешно, новые части уже начали боевые действия.

Послана задача этим частям (есаулу Ильину) начать действия против станицы Баталпашинской и в направлении на Владикавказскую железную дорогу (станции Курсавка—Кагут).

3 августа все конные части и штаб армии переведены в станицу Отрадную, пехота оставлена в станице Надежной. Станица Отрадная дает пополнение 450 человек конных. С темнотой все части отведены к экономии Макеева для операции против села Казминского. Станица Попутная занимается хоперским дивизионом.

4 августа, при наступлении на село Казминское, все передовые части красных сбиты в это селение, но взять его моим частям не удалось, красные упорно защищались, несмотря на полное окружение. Получено донесение о наступлении красных со стороны станиц Бесскорбной и Вознесенской. Ночью получено сообщение от разведки, что противник занимает высоты по обе стороны реки Уруп в районе станицы Попутной. Получил донесение от командира 3-го Лабинского полка о том, что красные в районе станиц Владимирской, Зассовской, Каладжинской, Упорной и Вознесенской (все Лабинского отдела. — П. С.) накапливаются.

Решил рейдом на станицу Бесскорбную сбить красных на этом направлении и нападением на Вознесенскую с тыла очистить от красных весь этот район до станицы Лабинской по направлению на Майкоп. Тыл армии, по приказанию, переходит в станицу Псебайскую (Майкопского отдела. — П. С.), где по просьбе населения станицы отведены помещения для лазарета. Во всех попутных станицах населением выбраны станичные атаманы при двух помощниках — один казак, второй из иногородних; в станицах заведена возможная дисциплина, прекратилась выработка араки, станичные суды начинают работу.

5 августа я с Лабинской дивизией (1-й, 2-й Лабинские полки, 1-й Кубанский и 1-й Хоперский полки) и артиллерией выступил из станицы Отрадной на станицу Попутную. В Отрадной оставлен

войсковой старшина Маслов со 2-м и 3-м Хоперскими полками (около тысячи бойцов) для действий в этом районе.

Марш по открытой дороге на Попутную и далее на Бесскорбную привел большевиков в сильное замешательство, и все части красных, занимающие высоты по обе стороны реки Уруп, по мере моего продвижения снимались и отходили, очищая этот район. Во время остановки в Попутной группа красных силой в два эскадрона конницы попробовала наступать на станицу со стороны Вознесенской (с хуторов Грязнушинских), но была очень быстро разбита и бежала. Перед Бесскорбной произошла перестрелка передовых частей с отрядом красных, усиленным регулярной конницей. Наш головной полк своим наступлением быстро рассеял эту группу, которая побежала на Урупскую.

В Бесскорбной красные, не ожидая меня так быстро, бросили все свои запасы и склады, которые были нами взяты; часть их роздана войскам, а часть населению. Само население встретило нас с радостью, но ввиду неуверенности в нашем долгом пребывании в станице казаки были сдержанны в отношении добровольческих акций.

В станицах Бесскорбной и Попутной объявлена мобилизация населения. Всего от этой акции получилось 22 присяги (возрастов. — П. С.) в войсковые части и 12 присяг для гарнизона станицы.

Мой маневр на Бесскорбную заставил всю группу красных по левую сторону реки Уруп отойти к селу Ивановскому, очистив село Казминское. В Бесскорбной от жителей впервые узнал о десанте кубанцев из Крыма у станицы Приморско-Ахтырской и у Анапы.

Было у меня желание совершить налет на железную дорогу, но это отняло бы много времени, а с рассвета 6 августа согласно диспозиции я должен наступать на Упорную—Каладжинскую, а группа Маслова на Ивановское—Казминское. До темноты дивизия отдыхала в станице, а с темнотой выступила на станицу Вознесенскую; на речке Синюха привал до 24 часов.

6 августа в полночь дивизия, имея впереди один лишь разъезд, выступила с привала и подошла к реке Казан-Бызган, где дождалась рассвета. Части выстроены в боевой порядок для атаки станицы в двух пунктах (Нижний мост и мост на старую церковную площадь).

С рассветом части дивизии перешли в атаку. Красные были предупреждены и подготовились к встрече, но это им не помогло, так как очень быстро были сметены и после непродолжитель-

ной перестрелки бежали в станицу. В станице на улицах произошла схватка рукопашную, противник покинул станицу, сосредоточившись по дороге на Лабинскую, и перешел в контратаку. Нашей атакой при поддержке всей артиллерии сопротивление красных было сломлено, и они начали поспешно отступать дальше на Лабинскую и Владимирскую, преследование велось до самой Лабинской.

Как только началось преследование этой группы красных, со стороны станицы Упорной, у Тамир-Казак, показалась пехота противника, которая повела было наступление на Вознесенскую, но выброшенный из дивизии полк сбил их наступление и преследовал до Владимирской, где противник задержался.

Население станицы Вознесенской было очень обрадовано моему приходу и избавлению от красных, которые их грабили, расстреливали непокорных и начали реквизицию хлеба и скота. Собранное население решило поголовно выступить против большевиков.

В это время 3-й Лабинский полк, наступая от станицы Ахметовской, занял станицы Каладжинскую и Зассовскую. К полуночи установлена связь с его командиром войсковым старшиной Лычевым. Отдано распоряжение о наступлении 7 августа с утра на станицу Владимирскую с целью занять ее, для чего были назначены следующие наши силы:

- 3-й Лабинский полк со стороны Зассовской,
- 1-й Лабинский полк со стороны Вознесенской,
- 1-й Кубанский полк со стороны Вознесенской на Лабинскую.
- 2-й Лабинский полк должен был вести усиленную разведку на станицы Урупскую, Чамлыкскую (в направлении к Армавиру) и поддерживать связь с гарнизоном станицы Бесскорбной.

В районе станицы Отрадной хоперцы вели наступление и загнали противника в село Ивановское; занят мост на реке Большой Зеленчук. У Эрмаконовского на левом берегу реки Лаба красные разбиты наголову линейцами (5 августа), у станицы Ярославской и Костромской много красных изрублено, а их остатки бежали на Лабинскую.

7 августа наступлением на Владимирскую противник выбит оттуда, и станица занята нашими войсками. 3-й Лабинский полк располагается в станице, выдвинув головную сотню к самой Лабинской. При дальнейшем наступлении на Лабинскую 1-й Кубанский полк ворвался в станицу, изрубив часть пехоты красных, но

был оттеснен бронированными автомобилями. Наши части переутомлены, лошади загнаны, отдых необходим!

8 августа — дневка, разведка. Ввиду поступления заявлений от офицеров и казаков с просьбой нашить погоны или какие-либо отличительные знаки, части запрошены мной на общих собраниях — что желательно нашить, погоны или знаки. До тех пор никто в моей армии погон не носил, чтобы не давать противнику козырь в руки, что мы, мол, деремся за погоны. Выработаны для частей отдельно и для родов оружия цвета погон, которые согласно моему приказу всем нашиваются в тот же день.

Из Майкопского отдела прибыли офицеры, которые доложили, что нет больше сил служить в отделе, что там нет крепкого управления и заботы, а полковник Крыжановский продолжает жить для собственного удовольствия (начальником штаба у него донец В.С. Миронов — пьяница и сомнительная личность), а подчиняться он не желает. Между тем мной уже был выработан план совместных действий с Майкопской группой. Ничего письменного от Крыжановского не получаю, и на основании этих докладов я отменяю план совместного наступления и решаю выждать. Вторично шлю приказ, но надежда моя работать всеми силами вместе не осуществляется.

Разведкой по всему фронту выяснены силы противника:

- 1) станица Баталпашинская — бригада пехоты и бригада конницы при орудиях, из Баталпашинска красные начали переброску своих частей к Армавиру;
- 2) станица Беломечетская — один батальон пехоты, два эскадрона конницы;
- 3) села Ивановское и Казминское — два с половиной полка пехоты, два конных полка при трех орудиях;
- 4) станица Урупская — один батальон пехоты, два эскадрона конницы;
- 5) к Армавиру подходят эшелоны с частями 14-й советской дивизии;
- 6) станица Чамлыкская — два батальона пехоты, три конных эскадрона, два орудия;
- 7) станица Лабинская — три пехотных полка, курсанты, шесть орудий, три броневых автомобиля и два броневика.

Также выяснено, что в Майкопе и по Армавиру-Туапсинской железной дороге сосредоточены три пехотных полка, два конных полка, четыре орудия. На этом фронте также имеются части 12-й кон-

ной дивизии, 14-й, 22-й и 34-й пехотных дивизий, а при дивизиях существует и конница. Эти силы красных, сосредоточенные в районе масштаба не больше 200 верст и, по существу, окружавшие нас со всех сторон, заставили меня спешно послать несколько храбрых курьеров-офицеров в сторону, по слухам, успешного десанта на Анапу и в Крым, к главнокомандующему.

Из Терской области и Закавказья по железной дороге через Армавир проходят частые эшелоны красных на станцию Кавказская. Слух о действиях десанта подтверждается, но точно неизвестно, где происходят упорные бои с Русской Армией.

9 августа. С рассвета противник повел наступление со стороны Лабинской и Чамлыкской на станицы Вознесенскую и Владимирскую. Бои под Вознесенской в двух направлениях продолжаются, но красные, обойденные с двух флангов, отступают, преследование нашими частями ведется до станиц Лабинской и Чамлыкской. Части, преследующие противника до Лабинской, атакуют красных, действующих на Владимирскую с тыла и левого фланга, красные бегут и несут большие потери.

Майкопская группа наших, находясь на левом берегу реки Лаба, ничего не делает, и лишь ее разъезды наблюдают происходящее под Лабинской. К вечеру получено донесение от атамана станицы Бескоробной, что красные (один батальон пехоты и два эскадрона конницы) наступали на станицу со стороны Урупской, были разбиты гарнизоном станицы и прогнаны, но в гарнизоне мало винтовок и патронов. На правом фланге, в районе станицы Отрадной, деятельность разъездов. В районе Баталпашинской — бои под станицами Бекешевской и Усть-Джегутинской.

К ночи все части, кроме разведывательных, собраны в Вознесенскую и Владимирскую. Сил у противника достаточно, но единственная задержка в разгроме Лабинской группы — это полное молчание частей полковника Крыжановского. У моих офицеров создается впечатление, что Крыжановский идет на измену. Патронов все меньше.

10 августа. Разведка донесла, что со стороны Казминки—Ивановки красные перешли тоже в наступление. В районе Баталпашинска происходят бои, у Соленого озера нашей группой совершенно уничтожен полк 12-й дивизии противника.

Из Сухума через Марухский перевал прибыл ко мне полковник Налетов с бумагами от Комитета спасения Кубани, самостоятельного

течения (только позже мне стало ясно, что полковник Налетов в лагере противников генерала Врангеля и действительного правления кубанских казаков в Крыму).

В Комитете спасения Кубани состояли: Тимошенко, Балашев, Гончаров, Горбушин, Султан-Гирей, сотник Сокол, войсковой старшина Родовец и другие; цель — спасти Кубань без помощи генерала Врангеля, при содействии иностранных государств. Не признавая генерала Врангеля, Комитет совершенно не соглашался с политическим течением в Крыму. У меня же и у всех моих подчиненных была единственная мысль и желание — как можно скорее связаться и соединиться с Русской Армией генерала Врангеля и с ней заодно бороться против общего противника.

На заданный мной вопрос, где мои донесения, посланные в Крым, и посланы ли они вообще, Налетов ответил: «Как только были получены Ваши донесения, я их переслал Балашеву, а последний в Крым». А на мой вопрос, не знает ли он, почему до сих пор из Крыма нет ответа, он сказал, что там заняты другим и их, наверное, не интересует, что творится на Кубани. Меня все это смущало, но в то же время я сомневался и подумал, что Комитет спасения Кубани меня обманывает (что оказалось точным). Мне высылают 4 миллиона рублей, донскими деньгами, но больше ничего из запрошенного мной, а главная нужда у меня была в оружии, боевых припасах и медикаментах.

Одновременно с полковником Налетовым, но через Лабинский перевал прибыл ко мне из Грузии генерал Муравьев, посланный генералом Врангелем для поднятия восстания на Черноморском побережье и Кубани. Генерал Муравьев предложил свои услуги в работе. Я его принял, решив назначить начальником Майкопской группы, для чего и выслал его на левый берег реки Лаба для ознакомления с обстановкой и пока неофициального руководства. К сожалению, время было уже потеряно, противник, потрепанный вначале, уже пришел в себя, окреп и начал наступление в этом районе. Через день по занятии станицы Вознесенской возможен был полный разгром красных, но полковник Крыжановский совершенно не шел мне навстречу и не отвечал на мои приказы.

Генерал Муравьев уже официально сообщил мне о десанте и месте высадки его, но предупредил также, что возможен десант небольшой группы около Туапсе. Кроме того, от Муравьева мне стало известно, что подробный план десанта и намеченных опера-

ций находится у генерала Султан-Келеча⁷⁴, которому все это передано официально, и что он командирован на Кубань (от кого?) для поднятия восстания.

О генерале Султан-Келече я слышал уже давно, что он прибыл в Сухум из Крыма и живет в Сухуме уже полтора месяца, ничего не предпринимая для связи с кубанскими повстанцами. Между прочим, о том, что я уже пять месяцев работаю, он знал, как передавал мне полковник Налетов, часто встречавшийся с Султан-Келечем в Сухуме. Промедление с его стороны мне не было понятно, до меня доходили слухи, что он не желает подчиниться мне, зная, что я все группы повстанцев объединяю и подчиняю себе. Возможно, что это задерживало выступление на нашей стороне горцев, которые поджидали Султан-Келеча.

11 августа. Для захвата оружия и патронов ночью было предпринято нападение на станицу Чамлыкскую, куда по донесению жителей на ночь прибыл обоз, направляющийся в Лабинскую. В набеге участвовал один полк и задачу выполнил отлично, но предполагаемых боевых припасов не было; забран продовольственный обоз и разогнан гарнизон красных в станице. Из гарнизона взято: 1 пулемет, 30 винтовок, 2—3 тысячи патронов. Утром наш разъезд наблюдал у Лабинской передвижение частей противника со стороны Армавира: прибыло три поезда, броневой поезд обстрелял нашу разведывательную сотню.

Наступление противника на Отрадную отбито хоперцами (войсковой старшина Маслов) и гарнизоном станицы. Красные снова потерпели неуспех и в беспорядке отступили. Пришла радостная весть, что наши части разбили красных под станицей Баталпашинской: 4-й Хоперский полк и 12-й пластунский батальон очистили станицу, и 4-й Хоперский полк занял ее, захватив большие трофеи. Красные здесь отошли быстро к станицам Беломечетской и Ново-Георгиевской, а части 4-го Хоперского полка захватили еще станицы Суворовскую и Воровсколескую.

12 августа. За предыдущий день прибыло в Чамлыкскую: полк пехоты, два конных полка с четырьмя орудиями. С рассвета противник повел наступление на Вознесенскую и Владимирскую, со следующими силами: от Лабинской 4-й полк пехоты с четырьмя орудиями и от Чамлыкской полк пехоты, два конных полка при четырех орудиях. Противник вел бой с разведывательными сотнями, наступал осторожно и к вечеру занял хутор Генеральский со

стороны Чамлыкской, хребет со стороны Лабинской (колония Телкова), его пехота подошла к Владимирской.

План действий у меня намечался следующий:

1) в ночь на 13 августа выслать к хутору Генеральскому одну сотню и две сотни к колонии Телкова с тем, чтобы они при наступлении противника медленно отходили на широком фронте к Вознесенской;

2) один полк переведен к Казан-Бызгану с тем, чтобы обойти левый фланг противника и атаковать его, когда он будет приближаться к станице;

3) в станице для прикрытия батареи оставить одну сотню;

4) все остальные части с артиллерией перед рассветом, выйдя из станицы по Владимирской дороге, должны сосредоточиться в глубокой балке, выслав разъезды к Владимирской и к колонии Телкова. Это главная ударная группа, которая при подходе противника к станице должна атаковать его с фланга и тыла, а кроме того, отбить красных от Владимирской.

О диспозиции посылаю сообщение правому флангу Майкопской группы (в 10—12 верстах севернее нас) и перед самым рассветом высылаю один конный полк в помощь 3-му Лабинскому полку для содействия в бою, действуя через реку Лаба почти в тылу красных.

13 августа. Рано утром противник повел энергичное наступление, главным образом на Вознесенскую, но, встретив упорное сопротивление наших передовых сотен на широком фронте при содействии пулеметов, остановился и задержался на час; после этого повел медленное наступление, сосредоточив огонь всей своей артиллерии. Какое число наших частей дралось, противник не мог хорошо видеть из-за того, что эта площадь была покрыта высокой кукурузой, которая скрывала всадника.

К полудню противник, увлекшись отступающими, подошел почти к самой станице, но был атакован с флангов и пришел в полное замешательство. Красные части растерялись и рассыпались по посевам, видимо, потеряли управление и все ринулись бежать; бегущие настигались и рубились. Единственно хорошо поступил его центр, который, видя гибель своих флангов, построил каре, имея пулеметы и артиллерию в центре, и так отступил в Лабинскую. За время преследования наши много раз бросались на каре, но всякий раз противник открывал ураганный огонь и останавливал атакующих.

Владимирская группа красных, встретив упорное сопротивление 3-го Лабинского полка и получив сведения о неудаче своих под Вознесенской, быстро отошла в Лабинскую. Мой правофланговый полк, преследуя красных, выбил их из станицы Чамлыкской. Противник в этом бою потерял 100—200 человек убитыми, 350—400 человек ранеными, 4 пулемета и 80 лошадей с седлами, взятых в плен. Наши потери: два офицера и один казак убиты и 18 человек ранены.

После этого боя у нас осталось по 20—25 снарядов на каждое орудие, а патронов в запасах почти не было. Необходимо пополнять, а неоткуда, да и противник начал избегать возить с собой запасы в обозах, а главные запасы у него были сосредоточены в станице Родниковской, в 40 верстах от Чамлыкской. Правда, можно было сделать туда набег во время боев с левого берега Лабы, но у меня совершенно нет свободных частей, а полковник Крыжановский все еще раздумывал, сидя в станице Царской.

В Царской творился беспорядок, разгул. Я был организационно не в силах подчинить их строго себе. Иногда мне удавалось получить от этой группы по несколько сотен, но все было ничтожно по отношению к тому, как я задумывал это взаимодействие.

К ночи наши части отошли в станицу Вознесенскую, кроме 3-го Лабинского полка, который сосредоточился во Владимирской.

В районе Отрадной и Баталпашинской перестрелки. Баталпашинская группа красных конницей забирает станцию Курсавка, взрывает полотно железной дороги и с подкреплением от Невинномысской снова захватывает Баталпашинскую.

Для пополнения боевых припасов я решаю с Лабинской дивизией произвести набег на Армавир, где у красных хранились большие запасы.

Под вечер получены удручающие сведения, что десант на побережье не удался и части на пароходах спешно ушли в Крым.

14 августа. День дан для отдыха частей и приготовления к набегу на Армавир. Противник пока спокойно сидит в станице Лабинской. На левом берегу Лабы перестрелка в разъездах. Для набега назначена Лабинская дивизия (1-й, 2-й Лабинские, 1-й Хоперский и 1-й Кубанский полки) при шести орудиях, под командованием полковника Старицкого. Сам полковник как-то изменился, опасался общего неуспеха, тянул меня то в горы, то на Терек, то в Ставропольскую губернию. Его настроение передавалось частично другим, а также частям, которыми он руководил в

бою, где зачастую совершенно терял решительность, оправдываясь в последнее время отсутствием патронов и т. д., но заменить его было некому, так как он все-таки был кадровый офицер высокого ранга, здоровый и молодой.

Для защиты Вознесенской и Владимирской у меня оставались 3-й Лабинский полк, конвойная сотня, гарнизоны станиц при четырех орудиях (на орудие по 10 снарядов), патронов на руках у казаков оставалось совсем мало. С темнотой дивизия выступила из станицы Вознесенской на станицу Урупскую. К станицам Лабинской и Чамлыкской высланы сильные разбегды из оставшихся.

15 августа. С рассвета красные повели наступление от Лабинской на Вознесенскую, выставив заслон на Владимирскую (наступали два пехотных полка и два конных при четырех орудиях). Противник медленно наступал на широком фронте и окружил станицу, откуда все казаки были выведены к Владимирской к 3-му Лабинскому полку. Я отошел с артиллерией и двумя сотнями к курганам по дороге на станицу Упорную, на юг от Вознесенской, и занял позицию приблизительно в двух верстах от станицы. 3-й Лабинский полк к этому времени был собран по отклону дороги на Владимирскую.

Красные, не встретив сопротивления, заняли Вознесенскую, рассыпались по дворам (наверное, грабить), а часть вышла на окраину станицы в сторону Упорной, где, попав под оружейный и артиллерийский огонь, не выдержала и бросилась назад к станице, которая уже была атакована со стороны Владимирской 3-м Лабинским полком. Противник заметался в станице и партиями начал выскакивать на Лабинскую дорогу, северо-западной станицы. С двумя сотнями, находящимися у меня, я атаковал станицу с юга, в центре станицы произошел рукопашный бой, противник бежал из станицы на Лабинскую дорогу, где, атакованный лабинцами, бросился куда мог и рассеялся с темнотой по полям; всю ночь лабинцы вылавливали их по посевам.

В этот же день линейцы (конница) под неофициальной командой генерала Муравьева вели наступление на Лабинскую и захватили мосты через реку Лаба.

16 августа. Лабинская дивизия, выступив вечером и не разведав разбегдами станицу Лабинскую, начала втягиваться в нее, но была обстреляна сильным огнем; в станице произошла рукопашная схватка, дивизия, расстроенная внезапностью, бросила

станцию и отошла от нее верст за пять, где остановилась ожидать рассвета. Взятый в плен красноармеец доложил, что в станице стоит конная бригада 14-й пехотной дивизии, прибывшая за день до этого с Армавирского вокзала, куда приехала из-под Екатеринодара. В ночном бою наша дивизия потеряла 6 человек убитыми и 14 человек ранеными, много лошадей ранено.

Красноармейцы, участвующие в бою, были пьяными, так как всю ночь пьянствовали, захватив домашние запасы казаков станицы. С рассветом предпринятым дивизией наступлением станица Урупская была взята, но о внезапном нападении на Армавир нельзя было и думать, так как в ночном ненужном бою расстреляны почти все патроны, а с оставшимися замысел был неисполним. Около полудня дивизия возвратилась в станицу Вознесенскую (16 августа).

В неуспехе этого рейда был виновен лишь полковник Старицкий, который с дивизией вошел в Лабинскую без всякой разведки, нарвался на противника, что для него, конечно, являлось неожиданностью, и отступил за станицу, выстрелив в переполохе почти весь резерв патронов. Действовал вяло и днем, вел себя нерешительно (по рассказам очевидцев, отставая все время от частей). Вот это-то и испортило дело и замысленный рейд свело к нулю. Тогда же говорили, что нужно было самому генералу идти в набег, была бы добыча, и все были бы уже в Армавире (ошибка ли моя?).

Настроение у полковника Старицкого было подавлено совершенно. Но дивизия была еще хорошо настроена и не потеряла дух!

Необходимо было выходить из трудного положения, а это было возможно при тесных связях с Майкопской группой, в районе которой были по станицам запасы оружия, брошенного нашей армией при ее отходе весной. Надежной связи с этой группой не было, единственным выходом оставалось перевести мой штаб ближе к Майкопу. Я решил переехать в станицу Зассовскую, куда и вышел 16 августа после обеда, вместе с штабармом, поручив район станицы Вознесенской полковнику Старицкому. Артиллерия без снарядов, кроме двух орудий, послана тоже в Зассовскую. Высылаю разбегды в Майкопский отдел к хутору Кубанскому, где, по слухам, зарыты снаряды. Послано приказание полковнику Крыжановскому прибыть в Зассовскую. К вечеру я прибыл в станицу Упорную.

Население Лабинского отдела особенно проявило готовность (как и вообще во всей борьбе против большевиков во время Гражданской войны), встретило меня радостно и шло навстречу моим желаниям. Атаманом Лабинского отдела с первых дней по занятии Вознесенской мной был назначен сотник Дьяченко⁷⁵, и проявил он себя прекрасным работником. Административная жизнь в занятых станицах Лабинского отдела особенно хорошо налаживалась. Выбраны дельные атаманы с двумя помощниками (один казак и один из иногородних), при отделе также выбрана комиссия, которая работала совместно с атаманом, решая жизненные вопросы по сборке зерна, муки, кормового зерна и продуктов для армии, и все свозилось без всяких задержек в тыл армии.

17 августа к 10 часам штаб армии прибыл в станицу Зассовскую. Через полчаса получено донесение из станицы Владимирской о том, что на левом берегу реки Лаба у 3-го Лабинского полка идет бой. Получив донесение, я с конвоем направился через Лабу, где под самой Лабинской нахожусь три линейных полка и два пластунских батальона, которые своей атакой под руководством генерала Муравьева опрокидывают красных, перешедших от станицы Лабинской в наступление. Я закрепляю эти части за собой и назначаю официально начальником этой группы генерал-майора Муравьева. В этот же день, 17 августа, мной командирован есаул Тимченко с пластунским батальоном по Армавиру-Туапсинской железной дороге на Туапсе, так как снова прошел слух, что Туапсе заняли части десанта из Крыма.

С есаулом Тимченко написал донесение генералу Врангелю о положении на Кубани с просьбой спешно помочь мне боевыми припасами, оружием и увеличением частей в Туапсе, а если еще Туапсе не занято, просил помочь скорейшему его занятию, так как я могу тогда базировать и иметь открытую линию до моря.

Но посланного есаула и батальон я с тех пор не видел. От него было одно донесение, что им занят перевал Индюк, где шел бой с красными, подошедшими из Туапсе, и что сам город занят красными. Значит, никакого десанта там не было.

Части Майкопского отдела совсем не походили на наши, порядка у них не было, дисциплина почти отсутствовала, учет людей тоже, начальники не знали, сколько подчиненных имеется в наличии (?). Вооружение распределено неправильно — некоторые части имели его полностью, а другие были без винтовок.

Большинство начальствующего состава барствовало, а сам полковник Крыжановский со своим штабом и не знал о происходящем на фронте. В общем, сплошной ералаш! Такое положение в частях и разгул были возмутительны, а поведение полковника Крыжановского и его командного состава были не похожи на поведение белых офицеров.

К вечеру я возвратился в станицу Зассовскую. В районе станиц Отрадной и Попутной в течение 17 августа шли бои у войскового старшины Маслова с группой красных, пытающихся отобрать станицы. Красные наступали со стороны Бесскорбной и вверх по реке Большой Зеленчук. Противник был остановлен и отеснен обратно. Здесь Маслову помог небольшой группой своих бойцов полковник князь Крым-Шамхалов, находясь вблизи станицы Исправной.

18 августа. На всем фронте боев не происходило, на реке Уруп красные производили усиленную рекогносцировку конным полком, но этот полк, не допущенный до станицы Попутной, повернул обратно. В Баталпашинском районе стычки разведок, Баталпашинск в руках красных, а станицы Суворовская, Бекешевская, Усть-Джегутинская заняты нашими частями Баталпашинской группы. В этом районе большевики слабы, перебросив часть своих сил к Армавиру. Утром выработан и разослан план операции на Лабинскую.

После полудня прибыл полковник Крыжановский, который, наконец, официально подчинился мне. Крыжановский доложил, что он может очень быстро взять Майкоп, который почти окружен его пластунами, но для операции против Майкопа ему нужен один конный полк и два полевых орудия. Два орудия и 1-й Кубанский полк посланы в распоряжение полковника Крыжановского, которому приказываю во что бы то ни стало взять Майкоп, где находился большой склад оружия и боевых припасов. Крыжановский, пробыв в Зассовской около двух часов, выехал.

От офицеров, прибывших из Вознесенской, узнаю (не в первый раз), что с полковником Старицким что-то творится, теряет самообладание, твердит, что нам не под силу бороться с большевиками (и все это перед казаками), что офицеры больше не доверяют полковнику в командовании частями, ему подчиненными.

19 августа. Был совершен неудачный поход на станицу Лабинскую с целью захвата их обозов и припасов, но прошел он вяло и неподготовленно. Кроме того, недостаток патронов не позволил

нашим линейцам укрепиться у мостов Лабинской, они были вытеснены из уже наполовину занятой станицы с помощью появившихся бронепоездов у красных (Лабинская находится на железной дороге). На ночь противник занял позиции вокруг станицы, а наши части отошли на исходное положение.

20 августа. Донесения от полковника Крыжановского еще нет. На участке станицы Вознесенской чувствуется наша слабость, относящаяся главным образом к начальнику дивизии полковнику Старицкому, который, по дошедшим до меня частным слухам, писал своей жене в станицу Псебайскую, чтобы она была готова к переезду в чащу леса. Дивизия совершенно перестала доверять своему начальнику. Масса беженцев прибыла из Вознесенской в Зассовскую. Получены донесения, что к Лабинской, Чамлыкской и Дундуковской подошли новые части красных из тыла.

Под вечер в районе хутора Генеральского завязался бой передовых частей, но к вечеру все утихло. До вечера и дальше никаких сведений от Крыжановского. Выслал ему предписание о немедленной присылке ориентировки левого фланга и обстановки под Майкопом.

21 августа. С рассветом красные вновь повели наступление на Вознесенскую и Владимирскую со стороны хутора Синюхинского и Чамлыкской. Получив это донесение, я спешно выехал к Владимирской, где противник к 12 часам был загнан обратно в Лабинскую и Чамлыкскую. В 12 часов получил донесение от полковника Старицкого, что он очистил Вознесенскую и отошел на высоты по дороге на Зассовскую. Это заставило меня выехать к Лабинской дивизии.

Обстановка там сложилась действительно тяжелая, так как начальник дивизии Старицкий, не выйдя навстречу красным за станицу Вознесенскую, принял бой с передовыми его частями у окраины станицы. Получив донесение, что его обходят справа (пехота от хутора Синюхинского), не маневрируя, очистил станицу и перешел на вышеупомянутые высоты, где я и встретился с ним, совершенно потерявшим самообладание до того, что он просто не знал, что делает противник и где тот находится.

Красные остановились на окраине Вознесенской, а его передовые части были отбиты 2-м Лабинским полком, высланным мной. Отсутствовал 1-й Лабинский полк. По докладу начальника видно было, что он не знал, где этот полк, и указывал, что он на правом флан-

ге дивизии, но станица Упорная, которая числилась правым флангом, была совершенно открыта для красных. Высланные разъезды связались с 1-м Лабинским полком, который находился на высотах у станицы Упорной. Он переведен в самую Упорную для прикрытия направления Упорная—Каладжинская—Ахметовская.

Красные, заняв Вознесенскую без сопротивления с нашей стороны, получили сильное подкрепление (два пехотных полка и одна конная дивизия) и, узнав о том, что у нас с боевыми припасами слабо, обнаглели. В рядах противника появилось больше броневых автомобилей и даже воздушный флот (три аппарата).

При наступлении красные не жалели снарядов и патронов, у нас же положение с припасами было все хуже и хуже, патронов кое-где оставалось по 10—15 штук на бойца, что очень понизило нашу боеспособность, а кроме того, в командном составе начались разговоры, что нам невозможно больше воевать против нарастающей Красной армии. Многие выражали недовольство вслух перед казаками и младшими офицерами! Пришлось мне сделать выговор полковнику Старицкому в присутствии офицеров за пропаганду, которая уничтожала боевой дух казаков.

Послано приказание войсковому старшине Маслову отойти к станице Надежной, так как было получено донесение о движении пехотной дивизии красных в разрез между станицами Упорной и Отрадной. Чувствовалась наша слабость, но необходимо было выждать до тех пор, пока не будет взят Майкоп.

На 22 августа мной был предположен маневр (движение всей конницы) в разрез между Лабинской и Вознесенской. На ночь части остались на правом возвышенном берегу реки Кукса, а резерв переведен на левый ее берег. При резерве остался и я. Ночью был захвачен разъезд противника, который вез приказание по фронту о наступлении 22 августа. Из приказа было видно, что противник получил большие подкрепления.

22 августа. С рассвета завязался бой между станицами Лабинской и Владимирской. Гул стрельбы был слышен оттуда. Сделав распоряжение проявить упорство при появлении красных и не допускать маневрами продвигаться противнику, я переменным аллюром перешел к Владимирской, к которой красные уже двигались от Лабинской; собрав резерв, я бросился в обход их левого фланга, чем снова заставил противника поспешно отступить к Лабинской. Но в это время начался бой в районе Лабинской дивизи-

зии (по Зассовской дороге) и было заметно, как наши части переходят в колоннах большой овраг реки Кукса.

Бросившись туда, я застал наши части на левом берегу реки, а противник занимал ее правый берег. Отход нашей дивизии повлял и на группу у станицы Владимирской, где обходная колонна не вполне выполнила свою задачу и возвратилась, а противник, видя это, перешел в наступление и после отчаянного боя занял Владимирскую. На правом берегу реки Лаба у нас уже не было позиции, а кроме того, противник, заняв сильную позицию по правому берегу реки Кукса, повел наступление на Упорную. Единственным выходом оставалось перебросить все наши части за Лабу, хотя и здесь уже шли бои под станицами Костромской и Кужорской. Для сосредоточения частей дан приказ: 1-й Лабинский полк занимает станицу Ахметовскую, а войсковому старшине Маслову и пехоте в станице Надежной послано приказание идти к Псебайской. Лабинской дивизии и Владимирской группе приказано занять села Бенаково и Мостовое.

Мной было решено переместиться всеми частями (оставив Баталпашинскую группу) в район станиц Прусская—Дагестанская—Нижегородская—Самурская и оттуда развивать партизанские действия на север. Переброску должен был обеспечить полковник Крыжановский, со своими частями занимавший станицы Костромскую, Махошевскую, Курджинскую и еще действующий против Майкопа с юга, для чего ему и послано приказание. Для выполнения этого плана тылу и беженцам приказано немедленно выступить из Псебайской через Даховскую в Нижегородскую.

23 августа. Тыл начал движение из Псебайской на Нижегородскую. 1-й Лабинский полк ведет бой с большевиками на высотах у станицы Каладжинской. Арьергард Лабинской дивизии ведет бои на высотах перед станицей Зассовской. На всем фронте правого берега Лабы противник пока наступает осторожно, незэнергично, между тем в районе станиц Ярославской и Махошевской ведет настойчивое наступление!

Для закрытия флангового движения на фронт Костромская—Махошевская переброшены два пластунских батальона и Линейная конная дивизия. К вечеру группа у станицы Отрадной (войсковой старшина Маслов) сосредоточивается в Ахметовской, части Лабинской дивизии переходят реку Лаба и занимают Мостовое и Бенаково. 1-й Лабинский полк задерживается в районе станицы

Каладжинской, части совершенно не имеют патронов. Настроение скверное.

24 августа. Установлен порядок постепенного перехода частей в новый район через станицы Царскую, Севастопольскую. Штаб к 10 часам прибыл в Царскую, и здесь в 12 часов получено донесение от полковника Крыжановского, в котором он сообщал:

- 1) станицы Курджинская и Тульская заняты красными из Майкопа, он отходит на станицу Царскую;
- 2) части его рассеиваются, и он не в силах их удержать на месте.

Сразу по прибытии в Царскую были получены сведения из района Махошевской, что там противник занял станицу и наши отступили в лес; сдержать противника не могут, так как имеют очень мало патронов. Кроме того, получено донесение, что пластуны уходят в тыл целыми группами!

Станица Царская была забита беженцами и лазаретами. Создавшаяся обстановка не позволяла продолжить намеченный план, а потому он мной отменен. Я решил собрать тыл и беженцев в районе Псебайской, закрыть частями ущелья рек Большая и Малая Лаба и реки Ходзь и, если части не устоят и здесь, уйти в Грузию или в верховья реки Кубани. Немедленно дано распоряжение о переходе тыла в станицу Псебайскую.

Отдан приказ, по которому:

- 1) Линейной дивизии сосредоточиться в станицах Беслинеевской и Баговской и защищать переходы к этим станицам;
- 2) Лабинской дивизии прибыть в станицу Ахметовскую; 2-му Хоперскому полку в составе 400 шашек — занять станицы Псебайскую и Андрюковскую и закрывать ущелье в районе хутора Шедок, имея позицию южнее хутора по обе стороны ущелья на высотах; всю пехоту свести в 1-й Кубанский стрелковый полк полковника Демьяненко (полк составил 500 штыков и размещен в станице Андрюковской);
- 3) 1-й Лабинский полк в районе Ахметовской должен закрыть ущелье реки Большая Лаба;
- 4) для разведки перевала Аишха и Красной Поляны (город Романовск) сформировать дивизион под командой есаула Попереки, который 25 августа должен выступить в путь из станицы Псебайской.

Перегруппировка частей начата в 18 часов дня. В станицу Царскую доставлено казаками 50 артиллерийских снарядов.

25 августа. К 10 часам штаб армии прибыл в Псебайскую, где уже были тыл, беженцы, 2-й Хоперский полк (Маслов) и части пехоты (Демьяненко). Есаул Поперека командирован с дивизионом на перевал. Лазареты переведены глубже в ущелье реки Малая Лаба в район Черноречья. Весь день происходят бои местного значения на всем фронте в нашем арьергарде.

К вечеру этого же дня части выполняют приказ и сосредотачиваются в указанных районах. Части заметно поредели. Из линейной дивизии осталось 450 человек, остальные разбрелись по своим станицам, а некоторые (казаки станицы Баговской) образовали собственные отрядики и попрятались в лесах.

25 августа появилось пять аэропланов со стороны Лабинской, которые сбросили до 30 бомб на станицы Андрюковскую и Псебайскую. Передовые части красных, направленные на Ахметовскую, разбиты наголову 1-м Лабинским полком (войсковой старшина Ковалев). Красные остановились на линии станиц Отважная—Каладжинская—Переправная—Губская—Баракаевская. От бежавших казаков получены сведения, что красные заняли станицы Спокойную и Даховскую.

Баталпашинская группа под давлением противника подошла к горам. Баталпашинск взят красными. Наша разведка по рекам Большая и Малая Лаба и Ходзь выброшена под Каладжинскую и Переправную. От Псебайской выслана разведка на Преградную, так как получены сведения о направлении на эту станицу колонны красных. Сама станица имела сильное большевистское течение, и из казаков ее большевики сформировали отряд «красно-зеленых» под командой некоего Чернова, бывшего офицера, с целью вылавливать белых офицеров и казаков-повстанцев.

В лазаретах отдано приказание делать носилки для переброски тяжелораненых.

26 августа. Красные с рассвета повели наступление на Ахметовскую и хутор Шедок. Ночью много казаков ушло в беженские таборы к хуторам на Черноречье. Красные вели наступление нерешительно, но большими силами, направляя главные из них на хутор Шедок и вразрез между хутором и станицей Беслинеевской.

В 11 часов шесть аэропланов противника обстреляли из пулеметов и сбросили около 45 бомб в районе хутора Шедок, станиц

Андрюковской и Псебайской, но части красных на ночь остановились в двух верстах к северу от хутора.

В районе станицы Ахметовской произошел бой, в котором 1-й Лабинский полк (войсковой старшина Ковалев) наголову разбил и отогнал два полка пехоты и взял их обозы. Красные побежали на станицу Отважную и хутор Черный.

Части Псебайской группы на ночь разместились в Андрюковской, вперед выдвинуто два полка. У станицы Беслинеевской противник был очень нерешителен, вял и труслив и остановился на ночь в верховьях реки Джебюк. Левый свой фланг я считал совершенно обеспеченным, так как высоты у Беслинеевской давали возможность небольшому отряду господствовать над противником. Опасен был правый фланг со стороны станицы Преградной. Вечером получено донесение, что к красным присоединился в Преградной «красно-зеленый» отряд этой станицы, скрывавшийся до тех пор в лесу (о нем писал раньше).

27 августа. С рассветом противник зашевелился, было видно, что красные готовятся к наступлению. Противник повел его двумя группами:

- 1) по дороге на Псебайскую три полка пехоты и два конных полка при трех орудиях и
- 2) два пехотных полка и один конный по буграм.

Со стороны противника появилось снова несколько аэропланов, которые в продолжение часа обстреливали наши части и сбросили до 30 бомб, но без результатов. Их наступление у хутора Шедок задерживается хоперцами свыше двух часов, после чего хоперцы отходят в резерв. Красные медленно продвигаются, но совместными силами 2-го Лабинского и 1-го Хоперского полков при помощи артиллерии (снаряды подарили нам казаки в станице Царской) красные были выбиты с занятых позиций и в панике побежали к станице Каладжинской. У Ахметовской противник тоже потерпел поражение, а настроение в наших частях, до того совершенно плохое, приподнялось.

Конечно, эти бои еще больше уменьшили наши запасы патронов и снарядов. Снарядов осталось всего десять штук. Положение для нас критическое, но необходимо было выждать результат разведки есаула Попереки. Несмотря на некоторые наши успехи последних дней, казаки постепенно, но непрерывно, по одному или малыми группами уходят из частей в леса и формируют беженс-

кие таборы или норовят сойти с гор и пытаются вернуться в свои станицы. Получены сведения, что линейцы тоже разбредаются. Полковника Крыжановского, который давно уже отошел из-под Майкопа (где ничего дельного не сделал), нет. Ходили слухи, что его видели у хуторов южнее станицы Баговской. Аэропланы красных снова обстреливали район Псебайской.

На рассвете получено донесение разъезда, что от Преградной высланы части красных на урочище Караныр. Получено донесение также о том, что красные формируют в районе станицы Даховской отряд из крестьян селения и, усилив его частями, высылают к перевалу по реке Белая.

К 10 часам получено сообщение, что линейцы из-под станицы Беслинеевской совсем разошлись. Противник, наблюдая уход казаков, немедленно занял Беслинеевскую и отсюда повел наступление на Псебайскую. Остановить красных на главном направлении ничего не стоило, но для этого необходимо было сосредоточить там части, которые нужны были у Псебайской.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТРЯДА ЧЕРЕЗ ГОРЫ В ГРУЗИЮ И ЭВАКУАЦИЯ В КРЫМ

Такое положение и заставило меня начать отступление, тем более что казаки и некоторые офицеры начали уходить за реку Малая Лаба. Выслав бригаду для задержки противника, я начал постепенный отход частей к Черноречью, а до этого послал приказ беженцам, чтобы они, бросив подводы, постанично продвигались тоже в Черноречье. Начальнику тыла приказано наладить движение беженцев дальше (на урочище Умпыр) и подготовить лазареты к подъему.

Приказано также разобраться в продуктах и подготовить их к выдаче по частям. В 13 часов подошли остатки линейцев и 1-й Кубанский полк с полковником Крыжановским, которого полк подобрал по дороге. Крыжановский остался лишь со своим конвоем, человек в сорок, а остальные от него ушли, как только они начали отступать. Оправданий я от него и не ожидал.

Верстах в шести-семи южнее Псебайской дорога входила в узкое ущелье, очень неприступное, для защиты которого был оставлен полковник Старицкий с бригадой, с приказанием держаться

здесь до утра 30 августа, так как необходимо было время для приведения в порядок тыла и выдвижения частей, лазарета и беженцев по дороге «в один конь». К темноте все, кроме арьергардной бригады, собрались в район Черноречья. Противник ограничился занятием Псебайской и дальше не пошел, не веря своему успеху, но предпринимать какой-либо маневр с нашей стороны не представлялось возможным.

Прибыв на Черноречье, я застал там полный хаос, никто ничего не мог сделать, и все потеряли голову. От есаула Попереки никаких донесений и сведений.

29 августа. Началась работа по поднятию лазаретов и тыла. Выслан рано утром авангард с полковником Демьяненко, с задачей идти вверх по реке Малая Лаба через перевал Аишха; на перевале разведать город Романовск и, если там нет крупных сил красных, взять его. Дальше движение его было бы на Адлер, от которого, продвигаясь до Сочи, захватить этот район и обеспечить главным силам, лазаретам и беженцам сосредоточение в районе Адлера. Если же Романовск занят большими силами красных (больше полка), то авангарду надлежит, не входя в соприкосновение с противником, оставаться скрытно и ожидать моего подхода с остальными частями. Авангард состоял из 1-го Кубанского стрелкового полка, 1-го Кубанского конного полка и 2-го Лабинского полка. Полковник Демьяненко был кадровый офицер, храбрый, отличный для самостоятельных действий, георгиевский кавалер.

Каждому казаку выдано по 10 фунтов муки, а части взяли с собой рогатый скот. За авангардом двинулись раненые, тыл и часть беженцев; мне самому приходилось устраивать раненых, сажать их на лошадей. Беженцев оказалось больше, нежели бойцов в частях, объяснялось это просто — казаки из частей присоединялись к беженцам.

В 12 часов полковник Старицкий, вопреки приказанию оставаться до 30 августа в районе села Бурного, прибыл в Черноречье, оправдываясь тем, что казаки не хотели оставаться в арьергарде. Утром к ущелью подходил разъезд красных, разогнанный нашими заставами.

Как ни больно и обидно было мне и многим, но необходимо было считаться с действительностью — пришлось отступать. Вся наша прекрасно задуманная и долго выполняющаяся работа све-

дена почти к нулю. А отступать необходимо через чрезвычайно трудные и опасные для жизни территории, которых мы не знали!

Всю артиллерию, разобрав по частям и испортив, сбросили с круч, та же участь постигла и пулеметы; небольшая их часть в разобранном виде была взята на всякий случай. Части линейцев, незаметно от меня, ушли за авангардом. Полковник Старицкий получил аррьергардную задачу оставаться до приказа в Черноречье. Все остальные части двинулись за мной и беженцами. С темнотой прибыли на ночлег, назначенный на поляне в 10—12 верстах от урочища Умпыр. Переход был ужасный, приходилось часто чинить путь, по существу горную тропу, поправлять кое-как мостики, а движение производилось «в один конь».

30 августа. Двинулись дальше. Двенадцать верст от ночлега до Умпыра шли с рассвета до 16 часов. Дорога во многих местах была устроена по искусственному деревянному карнизу, и надо было брать крутые подъемы и спуски. Особо тяжело это было для коней, пришлось некоторых потерять по пути. Вся колонна, ввиду частых карнизов, стояла часами на тропе. Никто самостоятельно не мог взяться за починку, все ждали моего присутствия. В некоторых местах животных пришлось перетаскивать на руках, продвижение тормозили многочисленные раненные. Тяжелораненные были на конных носилках. Путь этот был почти не под силу, люди и животные измучились. Установив кое-как связь с головой и хвостом колонны, совершенно не представлялось возможным подтянуть части, и она протянулась на десятки верст. Всех захватил инстинкт самосохранения, все напирало вперед, не обращая внимания на то, что творится вокруг них. Только сверхчеловеческими усилиями регулировалось движение, сильно мешал дождь, который промочил нас до кожи.

По прибытии в урочище Умпыр («великокняжеская охотная», большая поляна с хвойным бором) части и беженцы могли себя кое-как оправить и отдохнуть в назначенных районах. Части постепенно собирались, но здесь же произошло главное рассеивание казаков — почти все казаки горной полосы партиями от 30 до 200 человек тайно направлялись на урочище Караныр и дальше.

Вести всех туда для меня не представлялось возможным, так как я решил вывезти казаков в Крым. Здесь же выяснилось, что мой авангард пошел по другой дороге (по верхней), которая выходила на перевал Псеашха; это особо делу не вредило — за перевалом

дороги сходились. Главная же масса двигалась за мной, и она была закрыта от обходов противника. В Умпыре от пастухов и грузин (горных разбойников) получены сведения, что Романовск занят пехотой противника числом больше полка. Настроение у казаков улучшилось, всем стало ясно, что им не угрожает опасность. От аррьергарда прибывали казаки, направляющиеся в районы своих горных станиц. Уже на Умпыре я не препятствовал казакам уходить, так как знал, что дома они не усидят, а это значит, что они все время будут вести борьбу с большевиками.

Для сохранения группы зеленых в районе станицы Кардоникской я отпустил всех казаков этой станицы (около 100 человек) с хорунжим Федосеевым, с которым послал ориентировку и указание группе в Батапашинском отделе расходиться и приостановить военные действия. Желаящим предложил идти ко мне через Клухорский перевал к Сухуму, на пути к которому, в районе селения Псху, я решил сосредоточить все оставшиеся части в случае неудачи продвижения к Адлеру. От полковника Крыжановского из аррьергарда колонны никаких донесений.

1 сентября. С рассветом выслана сотня с генералом Муравьевым вперед по реке Малая Лаба на перевал Аишха, а вслед за ним выдвинут тыл с лазаретом. Высланный навстречу полковнику Старицкому разезда донес, что его части подходят к Умпыру. Прибывшему Старицкому я приказал передохнуть и, оставив две сотни на ночлег в Умпыре в аррьергарде, с остальными частями (1-й Лабинский, 3-й Лабинский, 1-й Хоперский и 2-й Хоперский) идти следом за мной и постараться меня нагнать на ночлеге, который я намерен был устроить на полпути от урочища Умпыр до перевала Аишха. На перевал я спешил, так как необходимо было установить связь с нашим авангардом.

Отдав приказание, я с конвоем, который вырос до 500 человек, двинулся дальше. С темнотой стал на ночлег, выбранный до того генералом Муравьевым в двенадцати верстах от перевала. За ночь меня нагнал с частями полковник Старицкий и стал в пяти верстах от меня, о чем я узнал от пришедших утром казаков 1-го Лабинского полка. Ночи становились холодными, пришлось разводять костры.

2 сентября. С утра двинулись дальше. Путь был тяжел, пока не вышли из леса, где в это время все вершины были покрыты травой с массой разных цветов. Сделав привал в самом верховье реки

Малая Лаба на траве, двинулись дальше. К 11 часам выбрались на перевал и, никого не найдя на нем, двинулись дальше, спускаясь в ущелье реки Мзымта. Оставалась треть спуска, как меня нагнал русский, одетый по-большевистски, назвал себя офицером из разведывательного отряда есаула Попереки и показал документы, выданные ему есаулом. Офицер доложил, что есаул Поперека, спустившись с перевала, к Красной Поляне, встретился с красными, которые преградили ему путь и принудили вернуться на перевал, где он встретился с нашим авангардом, остановил его, показав, что в Романовске находятся два-три полка красных с артиллерией.

У этого офицера были и мои бумаги с письмом в Крым главнокомандующему и абхазскому правительству, которых я просил дать моим воинским частям проход по их территории до побережья. Бумаги взял себе. Выслан разъезд на селение Эстонское. Генерал Муравьев пошел вперед и стал биваком у Эстонских Дворов, в 15 верстах от Романовска.

Получив сведения от офицера есаула Попереки, я решил сгруппировать все мои части в районе селения Псху, отдохнуть, выслать через Сухум связь с генералом Врангелем и по его указаниям действовать дальше, чтобы без особых потерь спасти оставшиеся части казаков и перевезти их в Крым. Все это, конечно, зависело от генерала Врангеля, у которого имелся флот для переброски моих частей.

Кроме того, я рассчитывал на абхазское правительство — стовориться мирным путем, с предоставлением мне возможности спуститься, когда это потребует, к побережью в нейтральной полосе. Я был уверен, что генерал Врангель для спасения моих частей пришлет флот, а правительство Абхазии разрешит произвести тайную посадку (Абхазия в то время была еще независима от советской власти). Сосредоточением в районе Псху красные теряли бы мои следы.

Для выхода к Адлеру (первый мой план) при неизвестном количестве сил красных на Черноморском побережье необходима была уверенность, что части выполнят приказ, а в этом уверенности у меня больше не было, а кроме того, не было и патронов для борьбы, если она понадобится.

К темноте прибыл разъезд, высланный на Эстонское, у которого он имел часовую перестрелку с красными при пулеметах — там находилась рота красных. К ночи у меня определенно созрел план сосредоточения в районе Псху.

3 сентября. На рассвете слышали перестрелку в районе Эстонских Дворов. Оказалось, как мне после доложил из авангарда генерал Муравьев, стреляли эстонцы, двух наших убили и ранили одного хорунжего (хорунжий Подсвилов), поэтому некоторые казаки бежали из околицы Дворов. За Эстонскими Дворами красные вели перестрелку с нашими разъездами, которые позже, обойдя поселки, присоединились к нам.

Не веря совсем сведениям, я решил направить к Эстонскому разъезду в 50 человек, а сам, оставив заставу в 30 человек, двинулся вверх по реке Мзымта, намереваясь ночевать в десяти верстах от Эстонских Дворов, где имелись хорошие поляны с травой. С разъездом я передал приказание полковнику Старицкому, в котором указывал ему идти следом в район селения Псху и, не доходя верст двенадцать до него, расположиться биваком на двух больших полянах.

Ему с разъездом, для передачи, выслал приказание полковнику Демьяненко не ввязываться в борьбу с красными по своему пути и также, ускоренным ходом, идти ко мне на соединение. Сделав распоряжения, двинулись в путь и очень скоро прибыли на бивак. Дорога, в отличие от предыдущей, была хорошая, к вечеру ко мне присоединился взвод, который я оставил (50 человек), а с ним около 150 казаков различных частей.

Около меня собралась группа в тысячу людей. Казаки доложили, что они спустились с перевала, а остальные стали на бивак в двух верстах от Эстонских Дворов. По дороге видели полковника Старицкого с его группой, которые спускались с перевала, но, услышав стрельбу, снова вернулись в горы и только под вечер тоже сошли вниз. Официально об этом я от полковника Старицкого ничего не имел.

4—5 сентября. В 16 часов я прибыл к Псху и расположился биваком в четырех верстах от селения и пограничного поста Грузии. Побывав там, мне не удалось разместить в селе всех раненых и больных.

Начальником пограничного поста был полковник Романов (ранее Романов), русский, очень хороший и расположенный к нам офицер. Он донес в Сухум своему начальству о нашем прибытии и передал мою просьбу о переходе границы и разрешении стать в селении Псху.

Написано подробное донесение генералу Врангелю с просьбой о помощи, которое послано с делегацией через Сухум. Состав де-

легации: полковник Семенихин⁷⁶, сотник Дьяченко, казак Макаренко и житель Ставрополя Семен Маркович Полинов. Делегация выехала в Сухум 5 сентября утром, в этот же день пропущено к Сухуму много беженцев.

В район Сухума и по селениям выслана комиссия для закупки муки. Интендантом Шерстовиевым закуплено много картофеля и кукурузы, так что все части обеспечены продовольствием на неделю. Приступлено к закупке скота, а кроме того, многие беженцы имели рогатый скот, который охотно продавали. Таким образом, мы накупили мяса на две недели.

Денег по переходе через перевал было достаточно (отобранных в боях у большевиков раньше). Один миллион рублей выдан делегации для проезда в Крым. 400 тысяч рублей (добровольческих), привезенных мне полковником Налетовым от Комитета спасения Кубани, мной возвращены полковнику на Черноречье, так как он выехал оттуда вместе с моим авангардом.

5 сентября прибыло около 200 казаков горных станиц Лабинского отдела из частей полковника Старицкого, которые доложили, что главные силы подойдут на большую поляну в 12 верстах от селения Псху, где и станут биваком. Жители Псху, как русские, так и грузины, были очень доброжелательны к нам, даже произвели сбор продуктов для частей.

6—7 сентября. За это время не произошло ничего существенного, но я не получил ни одного донесения от Старицкого, хотя все знал от прибывающих ко мне в Псху казаков из его частей. Мной выслано приказание Старицкому, чтобы он дал полный отчет частям, а мне выслал приемщиков с заводными лошадьми за продовольствием.

7 сентября до меня дошли слухи, что полковник Старицкий между казаками обвиняет меня в дезертирстве. Получив такие сведения, я решил поехать в части, но затем выслал посыльных с приказанием ознакомить казаков и командный состав с тем, что я намерен делать: что посланы делегации в Крым и Сухум и, в зависимости от генерала Врангеля, о совместной операции по переброске остатков нашей армии из Грузии в Крым.

8 сентября. В 15 часов я получил донесение, что высланная мной делегация к Врангелю не может скоро выехать, кто-то препятствует этому, и что необходимо остаться в Сухуме до 18 сентября, пока все выяснится. Меня это здорово взволновало, так

как от скорости приезда делегации в Крым зависела наша дальнейшая судьба здесь, где, по слухам, между грузинским правительством и «советами» уже идут тайные переговоры о выдаче нас в руки красных.

Я решил спешно выехать в Сухум, тем более что пути всего было на три дня, не больше, а кроме того, я чувствовал, что в самой делегации что-то не ладится. Слухи об этом, конечно, сразу разлетелись среди казаков, и последние начали терять уверенность, что наша эвакуация вообще удастся; но возвращаться на Кубань больше не хотели, мысли их были в Крыму, где бились за большое русское дело — спасение Родины!

Собрание казаков и офицеров настаивало, чтобы я сразу ехал в Сухум, и я решил выехать, оставив своим заместителем генерала Муравьева. В 19 часов прибыл ко мне на бивак полковник Минюков — терец, с 50 казаками-терцами и кабардинцами. Полковник Минюков был начальником штаба у Старицкого.

Оказалось, что он поссорился с полковником Старицким, доложил мне, что Старицкий изменил, ни одного приказа моего не исполнял и всем говорил, что генерал дезертировал в Грузию. Все терцы расстались с ним и объявили, что ему места на Тереке нет из-за измены. Выяснилось также, что Старицкий не передал моего приказа в авангард следовать за мной и из-за этого, не зная нашего плана, полковник Демьяненко с авангардом повел наступление и взял без договора город Романовск, а позже был преследован прибывшими на помощь красными и только 7 сентября выступил с частями к Красной Поляне.

Все это как громом поразило меня. Приказал сесть лошадей, чтобы немедленно ехать в Красную Поляну, но генерал Муравьев отговорил меня от этого, упрасывая быстрее выехать в Сухум для общего дела, а с полковником Старицким он справится сам, поехав туда с конвоем. После обдумывания всего случившегося решил, что генерал Муравьев прав, и позволил ему справиться со Старицким.

9 сентября. Ночью прибыло на бивак еще около 500 казаков, ушедших от полковника Старицкого, которые подтвердили доклад терцев о его преступных действиях. Старицкий даже объявил себя командующим армией.

К 10 часам выдан приказ о назначении генерала Муравьева моим заместителем и дана задача занять район Сочи—Красная

Поляна и удержаться до моего прибытия из Сухума. Полковник Романошвили (Романов) получил от командира пограничной стражи приказ снять свой пост и идти в Сухум.

Это объяснялось тем, как я позже узнал в Сухуме, что абхазское правительство (комиссариат) закрывало глаза на мое присутствие в Псху и давало мне возможность занять большой район в пределах Грузии. Но было уже поздно, так как я решил со всеми бывшими со мной людьми идти на Сухум с тем, чтобы самому переговорить с представителями грузинского правительства о свободном выезде желающих в Крым и о пропуске через Новый Афон в Адлер казаков. Последних, на время моего пребывания в Сухуме, оставить в 12 верстах в женском монастыре.

Я лично надеялся на успех, но червь сомнения точил меня (ввиду слухов о переговорах грузин с красными). В 12 часов генерал Муравьев выехал в нейтральную зону. К вечеру все были готовы к выступлению и разместились в самом селении Псху.

10 сентября. В 6 часов утра выступили из Псху, вместе с нами выступил и взвод псхуского поста. Дорога тяжелая, крутые подъем и спуск задерживали нас и тормозили движение. Целый день пришлось па переход перевала по левую сторону реки Бзыбь, и в довершение всего пошел дождь; группа лишь к 22 часам прибыла на назначенный ночлег. Все были мокрые до кожи.

11—12 сентября. Пройден тяжелый путь до женского монастыря. Лично для меня этот переход был очень тяжел, так как моя жена, захворавшая еще на Кубани, совершенно свалилась с ног, ее пришлось нести на носилках и я сам простудился, но, несмотря на все это, не медля ни часа, устроив всех в монастыре, выехал 13 сентября в Сухум. Приказал остающимся (полковник Посевин) перебрасывать казаков небольшими группами на Новый Афон, а дальнейшие приказания был намерен уже прислать из Сухума, после переговоров.

По прибытии в город я узнал, что мои части занимают Хосту и Красную Поляну, что меня обрадовало, но моя делегация и много беженцев сидело в Сухуме, и их не выпускали в Крым.

14—15 сентября. Познакомившись с майкопским табачным фабрикантом, греком Ильей, имевшим большое влияние на своих соотечественников-лодочников (за большие деньги они возили в Крым по маленьким группам), я договорился, чтобы мне тоже приготовили на 15 сентября лодку для отъезда в Адлер.

Сделав визит представителям абхазского комиссариата и командующему войсками генералу Мадчавариани, я получил разрешение перевести казаков, бывших со мной, к Афону, а раненых устроить в Сухуме. Получил разрешение перевести позже раненых из Адлера на грузинскую территорию и выехать самому в Гагры и далее, а в случае, если большевики будут нас преследовать, условился об интернировании в Грузию. В помощи же оружием и патронами грузины категорически отказали.

Здесь же узнал, что Комитеты спасения Кубани и Черноморья, соединились в один Комитет под председательством И.П. Тимошенко. Узнав, что мы подходим с разрешением к Адлеру, он спешно выехал туда, где и находился все время; это меня беспокоило, так как я уже знал, что собой представляет Комитет спасения и его члены. Перед выездом мне передали копию телеграммы Тимошенко грузинскому правительству в Тифлис, в котором он доносил, что прибыла Кубанская демократическая армия, не имеющая в своих рядах ни одного генерала, и просил помощи для демократов!

В 10 часов отчалили от берега лодки с моей делегацией и беженцами в Крым, а в половине двенадцатого я выехал в Гагры. В Гагры потому, что я точно не знал, где расположились все мои части, а в городе можно было все это узнать. Кроме того, там же был и штаб Комитета спасения. Со мной из Сухума выехал и Илья, который мне очень помогал во всем, — это, конечно, был наш симпатизер.

16 сентября. В 19 часов наша лодка прибыла в Гагры, пришлось выждать темноты, чтобы иметь возможность высадиться, не обратив на себя внимания.

Высадившись, я устроился в гостинице «Временная», здесь же имели пристанище и члены Комитета спасения.

В гостинице меня сразу нашел секретарь Комитета полковник Калмыков, донец, который служил когда-то при атамане Сальского округа на Дону и состоял в Совете Союза Казачьих Войск в Петрограде (в 1917 году, до Октябрьского переворота. — П. С.). Полковник Калмыков произвел на меня удручающее впечатление: сам невзрачный, по теперешним убеждениям социалист, всех критикующий и считавший свой Комитет единственным и действительным выразителем воли и желания казаков. Из рассуждений Калмыкова было видно, что их Комитет ненавидит генерала Вран-

геля, Русскую Армию и что их желания расходятся с добрыми началами и постановлениями в Русской Армии в Крыму. Они преследовали цель достижения автономии Черноморской губернии и Кубани, так же как и Грузия, а о России совершенно не думали и слышать не хотели!

Сообщил мне Калмыков, что части мои названы Кубано-Черноморским отрядом и что это результат достигнутого соглашения между полковником Старицким и Тимошенко, что Старицкий согласился якобы исполнять требования Комитета и подчиниться ему. Части занимали позицию перед Хостой и Красной Поляной. Хоста и Красная Поляна занимались противником. Получил также сведения о том, что меня считают дезертиром! Полковник Калмыков предупредил, что Тимошенко приедет в Гагры 17 сентября, просил дожидаться его и не ехать к частям, так как казаки очень озлоблены против меня и ехать к ним небезопасно! О генерале Муравьеве и его действиях он ничего не слышал.

В полдень приехал Тимошенко, а время с утра до полудня я использовал на знакомство с местной администрацией, грузинским офицерством; последние мне обещали посильную помощь.

Прибыл к Тимошенко. Он себя держал как главком и не говорил иначе как «у нас в отряде», «наш отряд лихой» и т. д. Он начал мне рисовать негодование против меня в частях и, когда я ему заявил, что думаю немедленно выехать к частям и узнать, в чем там дело, стал пугать, что, мол, там меня убьют, что многие оставшиеся офицеры едва ждут, чтобы со мной «разделаться» и так дальше. На все это я лаконично ему ответил, что не считаю себя преступником, кары, если она последует, я не боюсь, а ее и не будет.

Потерпев неудачу и поняв, что я ни перед чем не останавлиюсь в исполнении своего желания ехать к частям, Тимошенко начал меня уговаривать о принятии совместных действий, указывая на то, что генерал Врангель не спасет никого, что нужно работать на свою идею — осуществление автономии Кубани и Черноморья, а потом видно будет, как следует действовать, и т. д. Говоря все это, он предупредил, что если я начну действовать самостоятельно и без них, то все крестьяне Черноморского побережья восстанут против меня, что крестьяне организованы ими в боевые дружины и выступят по первому сигналу.

На все это я ответил Тимошенко, что я работал всю войну, работаю и сейчас для Кубани и России, что работу без согласия ге-

нерала Врангеля не меняю, что считаю ее (идею об автономии. — П. С.) невыполнимой, а если Комитет и черноморские дружины намерены начать совместную борьбу с большевиками, я буду работать вместе с ними и принимаю всех в мои части. Передал также, что сейчас у меня нет никаких завоевательных целей, единственная цель — спасти тысячи моих казаков и сослуживцев, а это могу сделать лишь с помощью Крыма.

Тимошенко ответил, что и он может помочь, что у него достанет оружия и боевых припасов и денег для довольствия, лишь бы я согласился остаться у него. Я ответил, что помощь мне нужна сейчас, а не позже и если Комитет это сделает, то он покажет, что кубанцы ему дороги, и, конечно, со стороны казаков и меня не будет никаких подозрений. В конце концов, ни до чего мы не договорились и выехали на моторной лодке к Новому Городку, где комиссаром был друг Тимошенко, некий Михаил, который нас принял очень хорошо. О моей поездке я предварительно сообщил моему спутнику греку Илье и дал об этом знать Тимошенко (на всякий случай).

На рассвете прибыли лошади по приказу Тимошенко и мы вместе с ним выехали в Адлер. Отставать от меня Тимошенко никак не хотел.

18 сентября. Мы прибыли в Адлер и через полчаса в село Молдовка, где стоял штаб отряда моих частей. Обитатели Молдовки только поднимались, штаб спал. При проезде через селение казаки выскакивали из дворов и с выражением радости приветствовали меня. Видно было, что они меня ожидали, это высказывали и офицеры, прибежавшие позже ко мне. Никакой злобы они не высказывали, искренне все радовались моему прибытию и волновались, где я так долго задержался, жаловались на беспорядок, происходящий в мое отсутствие.

Видя меня с Тимошенко вместе, вышедший навстречу полковник Старицкий был очень смущен и сконфужен и начал мне рассказывать все, что случилось за это время. Тимошенко поспешно распрощался, отговариваясь делами и обещая встретиться позже.

По докладам полковника Старицкого, начиная от урочища Умпыр он якобы никаких моих приказов не получал, а на мой вопрос, почему же он не доносил мне о своем отступлении и действиях, ничего не мог дельного ответить. Мол, не знал, где я нахожусь. Это, конечно, была ложь, так как все знали, что я поехал в Гагры, кроме него! О совместных разговорах и договорах с Ко-

митетом он «понятия не имел» (?). Другими словами, полковник Старицкий ничего не знал и ничего не делал, был совершенно невинным во всем.

Я мог его моментально арестовать, но, обдумав, не сделал этого, не было времени для расправ, очень мало его оставалось у нас!

От Старицкого я также узнал, что по занятии Адлера между ним и полковником Крыжановским произошел большой скандал, борьба за власть. Крыжановский издал приказ, в котором подчинял всех своей власти, как пользующийся правами командира корпуса, а меня, вместе со всеми бывшими при мне, объявил дезертирами. После некоторой борьбы полковник Крыжановский уступил командование полковнику Старицкому.

Через час по прибытии мной выпущен приказ, в котором я постарался объяснить причины своего отсутствия, но совершенно не вдавался в действия полковников Крыжановского и Старицкого.

Генерала Муравьева еще нигде не было, и я решил, что он погиб в горах, где много было грузинских разбойников.

На месте я выяснил, что взяты некоторые запасы оружия и патронов, так нужных нам раньше, и запасы продовольствия. Полковник Старицкий нагнал авангард уже в Адлере, пройдя не через Красную Поляну, а почему-то через село Аибга; Красную Поляну обошел, так как побоялся отряда красных, действующих в то время в тылу нашего авангарда.

Полковнику Крыжановскому я предложил совершенно не вмешиваться в дела и быть свободным, а полковника Старицкого, до прибытия генерала Муравьева, вопреки всему, оставил своим помощником, уверенный, что с этого времени он ничего против меня не совершит.

Обстановка на фронте, который еще существовал в некоторых местах, была ужасная. Части совершенно потерялись, многие снова разошлись, ушли в беженцы, а противник наседал со стороны Хосты, подведя сюда подкрепления (22-ю дивизию). Красная Поляна была взята бригадой 34-й дивизии, перешедшей через перевал, по нашей дороге; перевал не был защищен нашими силами, поэтому противник без труда занял Романовск, взятый раньше полковником Демьяненко.

Сделав распоряжения в Молдовке, я спешно выехал к Красной Поляне, где начальником участка был полковник Бочаров. Ознакомившись с обстановкой, я усилил этот участок и выделил ударную

группу войскового старшины Ковалева (командира 1-го Лабинского полка) для занятия Красной Поляны. Сделав все это, я возвратился в село Молдовка.

19 сентября. Высланы разъезды для ознакомления с местностью и отыскания войскового старшины Маслова, от которого не было сведений несколько дней. Между тем слышен был бой в районе между селами Верхнее Николаевское и Лесное. Налажена связь с частями, а в сторону Красной Поляны по шоссе выставлены три поста летучей почты; хотя до полковника Бочарова всего 15 верст, но дорога была трудная и проходила по глухому лесу.

С 12 часов красные вели наступление через реку Кудебста, которое было отбито с потерями для красных, взято в плен несколько их бойцов и некоторые припасы. В 15 часов красные повели наступление от Красной Поляны на Адлер, но в восьми верстах были остановлены лабинцами и возвратились обратно.

20 сентября. В течение всего дня шли бои на реке Кудебста и у города Романовска. Красные, в яростной и ожесточенной борьбе, хотели спуститься к морю, но на Кудебсте снова были задержаны, имели огромные потери, речка была завалена трупами красных, которые течением уносило вниз в море. С нашей стороны также были потери в людях и в припасах, убито 21 и ранено больше 70.

Наши бойцы отчаянно дрались, защищая подход к морю, откуда мы все ждали помощь из Крыма. То, что красные войска подходили так близко сюда и заходили на чужую территорию, внушало мне большие сомнения. Я с нетерпением ожидал сведений из Крыма, куда, по моим расчетам, делегация должна была прибыть ночью с 18 на 19 сентября.

21 сентября. До 10 часов красные вели непрерывные атаки с целью занять левый берег реки Кудебста, но все были отбиты. Красным помогала артиллерия, но она, к счастью, не попадала в цель, так как действовала на большом расстоянии. Море, спокойное все эти дни, с 11 часов начало волноваться, пошел легкий дождь, а в 12 часов показался вдали в море дым, быстро приближающийся к Адлеру. Через некоторое время вырисовалось в море четырехтрубное военное судно — сразу с пяти мест расположения наших было донесено, что к Адлеру приближается пароход.

Прибыл генерал Муравьев, который доложил, что он несколько раз был обстрелян грузинскими разбойниками, они не давали ему выйти к морю. Несколько раз ему пришлось менять направление, —

был и у Красной Поляны, где ему преградили путь красные, бывшие тогда там, и только теперь, перейдя почти к Гудауте, смог прибыть к Адлеру. Израсходовал очень мало денег на довольствие, почти всю сумму в один миллион вернул обратно. Против генерала Муравьева настроены были многие, особо Комитет спасения Черноморской губернии с Вороновичем и Тимошенко во главе, за какое-то восстание в селе Веселом, а поэтому я ему посоветовал устроиться на пароход, приближающийся к Адлеру. В подходе парохода я не сомневался, так как у большевиков не было тогда флота в Черном море.

Приблизительно через час американский миноносец — его ясно было видно в бинокль — подошел на три четверти версты к Адлеру. Он все время двигался то вперед, то назад, на одном месте не стоял. В течение получаса не было заметно, что с миноносца спускается какая-либо лодка; пошел проливной дождь, в море разыгались волны. У меня были три моторные лодки, оставленные мне через грека Илью при его отбытии назад в Гагры, и я решил попробовать добраться в одной до парохода.

С большим трудом спустили лодку в море и с чрезвычайными усилиями подошли к миноносцу. На миноносце оказался генерал Шатилов (начальник штаба генерала Врангеля), радость была неописуемая — значит, о нас узнали в штабе Русской Армии, мы спасены! Генерал Шатилов пожелал съехать на берег, и мы, через небольшой промежуток времени, были у меня в хижине, где в свое время генералы Морозов и Букретов позорно подписали мир с красными и сдали последним вновь сформированную Кубанскую армию (некоторые части спаслись и перебрались в Крым).

Генералу Шатилову я подробно доложил наше катастрофическое положение, без боевых припасов, с красными позади, которые все время порываются нас согнать в море, предоставил данные о количестве моего оставшегося отряда, но сам Шатилов, по приказанию генерала Врангеля, выехал пока только лишь осмотреться и ознакомиться с положением дел у меня.

Продовольствие, боевые припасы и пароходы забрать нас отсюда, по словам начальника штаба, придут не позже 23 сентября. Собранным казакам и офицерам резерва генерал Шатилов обрисовал наше хорошее положение в Крыму, а также указал, что генерал Врангель узнал о нашем существовании только лишь от нашей делегации, и как только узнал, то немедленно прика-

зал снаряжать пароходы и помощь нам. Решено было, что для облегчения выгрузки и погрузки надо построить пристань в районе села Веселого, ближе к устью реки Псоу. Вновь разыгралась буря, и генерал Шатилов еле-еле успел возвратиться на миноносец, а с ним выехал и генерал Муравьев.

К вечеру поднялся шторм. Ориентировка о Крыме и обещаниях генералов Шатилова и Врангеля мной немедленно была объявлена в приказе, и к ночи он был уже получен в частях. Отдано распоряжение начальнику тыла, с помощью инженера, приступить к постройке пристани и для работы применить около 200 человек пленных. Ночью шел снова проливной дождь, в море творилось что-то кошмарное, волны поднимались на три-четыре метра вверх!

22 сентября. Красные снова повели атаку в районе реки Кудебста, бой длился до 14 часов, большевики откуда-то перебросили на этот участок броневые автомобили и артиллерийские орудия. Нескольким раз красные переходили на левый берег реки, но всегда были отбиваемы ожесточенным сопротивлением наших частей. Были большие потери с обеих сторон, у нас выбито из строя почти 100 людей убитыми и ранеными. Взято в плен около 100 человек красных. Казаки, подбодренные мыслью о скором выезде из этих трупоб, выявляли огромную храбрость, и противник не смог нас выбросить с позиций участка. Я пробыл в рядах наших частей все время и был легко ранен в руку.

В составе наших частей боролись и малочисленные бойцы (батальон) генерала Улагая, присоединившиеся к нам по занятии Адлера. Этот батальон со дня прибытия из Кубанской области (из района Горячего Ключа) находился в горном участке нейтральной зоны и состоял из 400 человек кубанцев и донцов и был хорошей боевой частью. Генерал Улагай, бывший с генералом Шатиловым на миноносце (я удивился, когда там его увидел), остался на нем и выехал с Шатиловым в Крым.

Согласно приказанию моя ударная группа против Романовска (войсковой старшина Ковалев) окружила город и ночью разбила наголову бригаду красных 34-й дивизии, которая с большими потерями бежала через перевал Аишха назад к своим.

Группа войскового старшины Ковалева расположилась после этого в Красной Поляне. В районе села Лесного организована группа под командой полковника Бочарова, которая получила задачу

обойти левый фланг противника от Лесного на участке реки Кудебста.

23 сентября. Группа полковника Бочарова встретилась с противником на рассвете у реки Хоста, где завязался бой, и красные начали отступать. В районе Красной Поляны затишье, с перевала сошла группа наших казаков, преследовавшая врага после его поражения у Романовска.

Около 11 часов со стороны Батума подошел и остановился между Адлером и селом Веселым пароход. Погода после дождей стояла хорошая, и я на моторной лодке прибыл к пароходу, оказавшемуся канонерской французской лодкой (стационар), на которой из Батума прибыл ко мне французский полковник с какой-то трудной фамилией и дипломатический чиновник Д.Д. Беляев. Прибыли они для того, чтобы узнать о нашем теперешнем положении, и привезли четыре с половиной миллиона рублей добровольческих денег, о тяжелой обстановке у меня они узнали из телеграммы, посланной через Батум (французское радио) в Крым, а кроме того, я телеграфировал в Батум представителю генерала Врангеля.

Прибывшие могли мне сочувствовать только на словах, передав деньги. Правда, французы из своих припасов уделили мне два мешка муки, несколько десятков банок консервов, мешок фасоли и несколько десятков индивидуальных пакетов для перевязки. Я очень просил обстрелять красных на Кудебсте, где они были совершенно открыты с моря, но моряки категорически отказали в этом, оправдываясь тем, что они не состоят в войне с красными.

Французское радио передало в Крым генералу Врангелю мою телеграмму, что помощь еще не прибыла и что я в критическом положении, без боевых припасов и продовольствия. Действительно, патронов осталось по два-три на бойца, даже отобраны последние у коноводов и переданы на позицию у Кудебсты. Оставалось на два-три дня кукурузного хлеба и картофеля. Перед уходом французов я устроил на канонерку несколько тяжелораненых и архив штаба с двумя чиновниками с тем, чтобы их всех высадили в Крым, куда французы намеревались дойти за пару дней.

По отходе канонерки я побывал в селе Пыленкове, где был грузинский батальон, занимающий укрепленную позицию, — здесь я просил офицеров помочь патронами. В Пыленкове начальником Гагринского укрепления был полковник Сумбатов, который наотрез отказал мне в помощи, указывая, что патроны были на строгом сче-

ту. Молодежь же его, офицеры, помогли мне и тайком привезли к мосту несколько сундуков примерно с 15 тысячами патронов!

Кроме того, я купил около пяти тысяч патронов по селениям в поездке и у одного грузинского офицера из Пыленкова. В селе Пыленкове мной устроен проход раненых через границу, которые были подобраны моей моторной лодкой для переброски в Сухум.

В Сухуме и далее Комитет спасения во главе с Тимошенко и его помощниками работал, настраивая казаков против Крыма и его политики, но в этом успеха не имел. Я же, имея единственной своей целью спасти и перебросить всех моих в Крым, открыто не отказывал Тимошенко в совместной работе с Комитетом, и поэтому Комитет спасения считал меня их симпатизером, во всяком случае человеком лояльным к их идеям.

Ярые противники русского дела, Врангеля и его армии — Тимошенко, бывший полковник Калмыков, Воронович, его секретарь Верховский и другие — никакой помощи Кубани оказать не могли, были бессильны и без денег. Пример этому — они без моего позволения взяли у интендантского чиновника 30 тысяч грузинских денег, якобы для устройства моих раненых, и присвоили, а кроме того, присвоили лошадь с седлом сотника Маслюка, отправленного мной на французской канонерке с ранеными.

Я окончательно убедился, что Комитет спасения состоит из беспомощных авантюристов, которые завязали какую-то связь с грузинами, и никто, по существу, им не доверял и не помогал.

Затихшее море стало чистым, но на нем не обнаруживалось никакого движения пароходов. Все теряют терпение, а над головой вновь стоит опасность спуска красных с перевалов. Острота обещаний генерала Шатилова, данных на миноносце, совсем притупилась. Отсутствие какой-либо помощи смущало и меня, а главное, что припасов и довольствия больше почти не было. К тому же ползали слухи, что красные узнали день обещанного прибытия пароходов для эвакуации и готовятся занять весь плацдарм выстроенной пристани. Правда, будучи в селе Пыленкове, я сговорился с пограничниками о самом лучшем способе и месте эвакуации, сбора всех моих частей к морю, выбрав секретно пункт у селения Мехадыр, пост пограничной стражи Н-808. Официально же грузинам отдано приказание никого не пропускать через границу и в неисполняющих этот приказ стрелять!

Пристань в районе села Веселого устроена на глубине в 8 футов, заложены большие деревянные срубы, засыпанные камнями, осталось заложить еще два сруба, и глубина воды у пристани достигнет 11 футов.

24 сентября красные в течение всего дня снова повели атаки через реку Кудебста; их части несколько раз врываются на левый берег реки, и всякий раз эти смельчаки уничтожаются в рукопашных схватках с казаками. Коммунисты с криком «ура!» несколько раз бросались в атаку, идя по грудь в реке, но вся их энергия и смелость к вечеру иссякла. Мои части уже имели небольшой остаток патронов, отобранных у красных. В 20 часов действия красных прекратились.

В этот же день шел бой в районе к западу от села Лесного, но донесения оттуда не получал, чувствовалось, что там у наших частей неустойка. Прибывали отдельные группы раненых казаков и докладывали, что в лесу наши и красные перемешались и трудно разобраться, где противник, так как и красные и мы своим обмундированием не отличались, были изорваны и почти босые и одни и другие, а погоны, ранее нашитые у нас, приказом сняты.

Посланы спешные приказы:

1) войсковому старшине Ковалеву, в Красную Поляну — в случае, если красные займут шоссе в районе села Лесного, бросить Красную Поляну и перейти в село Аибга, откуда связаться со мной через селение Шиловка;

2) полковнику Бочарову — во что бы то ни стало не допускать противника к шоссе и в случае, если красные осият, перейти к селению Шиловка, занять все переправы и мосты, донести об этом мне, сообщив войсковому старшине Ковалеву в Красную Поляну. Весь день (25 сентября) приказано держаться в районе села Лесного.

Под вечер с моря показались дымки, но наступившая темнота все скрыла, море снова начало волноваться. Ночью получено донесение от полковника Бочарова, что он потеснил красных и отошел к Лесному, части его ослабели, не было вовсе еды, все время были мокрыми, не спят ночами и некоторые стали убежать.

Ночью мной выслана помощь к Острому Кургану, чтобы обеспечить Адлер и Кудебсту от ближнего обхода со стороны красных.

25 сентября. С рассветом начался сильный бой у Кудебсты и в районе Лесного. На море не видно присутствия никаких пароходов. Бой усиливается, и красные врываются в село Николаевка, но

части нашего фланга переходят в контратаку, выбивают противника из села и снова занимают его.

Чувствуется, что противник собрал большие силы и что им уже нет места на узкой прибрежной полосе. Они ведут упорные бои с целью выгнать нас с полосы в море, и только храбрые и доблестные казаки отчаянно отбивают натиск противника, удерживая свою позицию.

В районе Лесного противник сосредоточил, по сведениям от полковника Бочарова, около дивизии пехоты, занял его снова и вышел на шоссе, но здесь удержаться не мог, так как не имелось позиции. Положение у нас становилось отчаянное.

Около 12 часов в море показался пароходный дым, который двигался вдоль берега со стороны Новороссийска, а через полчаса показался большой пароход, который, не доходя восьми—десяти верст до берега, сначала остановился, а потом начал двигаться вдоль берега, маневрируя таким образом вперед и назад, часа два.

Я, увидев, что он, вероятно, не рискует приблизиться к берегу, схватил лодку и поплыл к пароходу, но в трех-четыре верстах от парохода лодку заметили и он почему-то быстро отошел в сторону Гагр. У меня не было средств предупредить, что это не большевистская лодка, белый флаг, выброшенный мной, не помог, и я ни с чем возвратился в Адлер, промокший до кожи. (Я бывал у моря еще в мировой войне на Турецком фронте, но такой отвратительной погоды в этом районе не ожидал никак!)

Под вечер части красных вышли к Острому Кургану, а затем заняли и шоссе со стороны Лесного; правый фланг мой трещал, поэтому надо было очищать позицию по реке Кудебста и к Адлеру. За ночь все части были переведены на левый берег реки Мзымта, где и заняли позицию.

Полковник Бочаров хотя и выслал разъезд в Красную Поляну к войсковому старшине Ковалеву о своем переходе на левый берег реки Мзымта, но разъезд возвратился, так как красные отрезали их, заняв шоссе в 10 верстах от Красной Поляны. Спешно была выслана сотня с малым количеством патронов на помощь ему.

26 сентября. В 10 часов я получил сведения, что в Гагры прибыл наш пароход из Крыма, а в село Пыленково выехали из Гагр для свидания со мной исполняющий должность войскового атамана Иванис⁷⁷ и генерал Арпсгофен⁷⁸. Получив это сообщение, я спешно выехал верхом в Пыленково, где и встретился с прибывшими.

Со мною в Пыленково приехал и Тимошенко, который начал сразу секретно шептаться с Иванисом. Генерал Арпсгофен привез мне около 50 миллионов на содержание частей. Иванис много говорил о том, что в Крыму масса неурядиц и неправды, что хорошего там мало и во всем этом, конечно, виновен генерал Врангель и его правительство. Говорил нам, что в Крыму собрались реакционеры и перекупщики народного блага и что моей группе верных Кубани людей нет прямого смысла ехать, а нужно бороться за идеалы свободной Кубани.

Генерал Арпсгофен говорил совершенно обратное, хотя в некоторых случаях поддерживал Иваниса.

Из рассказов прибывших выяснилось, что из Крыма вышла эскадра в пять пароходов и попала в шторм, который разогнал флот, и только их пароход, запоздав на четыре дня по случаю бури, прибыл позже в Гагры, а к Адлеру побоялись подойти, не зная, кто его занимает. Пароход, по их словам, требует спешной поправки котлов, и поэтому генерал Арпсгофен, по совету капитана, решил для починки идти в Потю. Позднее я узнал, что они из Потю вернулись прямо в Феодосию (Крым).

Несмотря на замечание о починке, я был уверен, что пароходы из Крыма придут, хотя бы и с опозданием. Я с Иванисом и Тимошенко выехал в село Веселое, где ко мне прибыла линейка с офицером, который доложил, что красные прорвали наш фронт и заняли Молдовский мост. Раненые и больные согласно моему распоряжению еще днем были отправлены из села Веселого в нейтральную зону, а с темнотой их пропустили в Гагры.

У меня оставались часть бежанцев и строевые казаки. Я предупредил Тимошенко и Иваниса обо всем, Иванис выехал, а Тимошенко поехал со мной в Веселое, где я застал полный хаос. Все ожидали моего приезда.

Красные ночью не действовали вообще и теперь тоже не изменили себе. Собрав все части в селе Веселом, я двинулся в путь по реке Псоу. В эту ночь перенесли много трудностей, дождь не переставал, вода бурлила, речку приходилось переходить несколько раз без мостов, по брюхо лошадям, а многие шли пешком. К рассвету прибыли в верховья реки Ихиста и стали на отдых.

27 сентября. После трех часов отдыха части подтянулись, не было только войскового старшины Ковалева, которому послан в село Аибга с посыльным приказ спешно идти на Мехадыр, где

положено нам всем сдать оружие перед переходом грузинской границы и идти дальше к Гаграм к отряду.

Продлав переход к селению Мехадыр, мы остановились в трех верстах от него, а я выехал на пост для переговоров. С поста донесли в Пыленково о нашем прибытии, и оттуда прибыл капитан (фамилию не помню), начальник укрепленного участка, который рассказал, что красные до 5 часов не знали, что мы ушли. Только после этого забили тревогу, испугались, что мы уйдем в Грузию, послали разъезды в нейтральную зону, но их не пропустили.

С прибытием начальника укрепленного участка наши начали переходить границу и складывать оружие (винтовки, пулеметы и патроны), холодное оружие нам оставили, а револьверы мы сами попрятали. От поста нам следовало идти в Гагры, я с конвоем выехал в голове колонны, и к рассвету прибыли в Гагры.

28 сентября. Весь день проходили казаки через Гагры, все направлялись в имение Игуманово, где был назначен бивак для интернированных. Я с двумя офицерами остался в Гаграх, поблизости от порта и около грузинской администрации, с которой о многом надо было переговорить (о дальнейшей судьбе своей и моих частей). Договорились о пекарнях для выпечки хлеба, за которые взяли с нас втридорога; кроме того, это проделывалось секретно, так как грузинские власти запретили нам покупать хлеб на рынке, отказавшись от забот о нашем довольствии и предоставив нас самим себе.

Наш миллион рублей грузины покупали за 25—30 тысяч грузинских; не имея продовольствия, казаки начали продавать седла, лошадей и другие свои вещи, грузины (военные и гражданские лица) все приобретали за бесценок. Казаки оставались с мелкими личными вещами.

Вначале пекарни выпекали хлеб по фунту на человека, но потом стали удваивать цену. В лагере грузинами варился какой-то ужасный суп, который без мяса выдавался казакам. Довольствие частей (4—4,5 тысячи казаков и офицеров) было ужасное, некоторые умудрялись продать и последнюю рубаху для пропитания. Такого гнета я никогда не прошу грузинскому правительству!

В караул грузины наряжали полуроту в 60 человек, казакам и офицерам было запрещено покидать имение, мне и некоторым моим помощникам было разрешено с пропусками выходить в город. Иванис, Комитет спасения и вновь прибывшие члены его из

Поти и Тифлиса (Шахим-Гирей, Гарбу, Воротынцев и другие) устроились в Гаграх и в лагерь не показывались, — все совещались, разговаривали, выносили резолюции, обещали помощь, но ничего дельного не делали, да я совершенно перестал им и верить. Мои критикеры в отряде совершенно стушевались и затихли.

29 сентября. Был у полковника Сумбатова (кадровый русский офицер), который много мне обещал, но ничего не сделал для облегчения нашей участи. Держался он грубо и, как победитель, говорил мне, что грузинское правительство что захочет, то и сделает с нами, намекая, что по соглашению с советской Россией Грузия должна выдать интернированных казаков большевикам. Мне и старшим офицерам полковник Сумбатов посоветовал скрыться в глубь Грузии, от чего я категорически отказался, заявив, что я приму все меры, чтобы спасти казаков от выдачи советам. В отношении улучшения довольствия воинских частей Сумбатов совершенно отказался помочь, сказав, что это не в его компетенции. Видно было, что Сумбатов не был расположен к нам и что нужно остерегаться его и искать помощи в другом месте.

30 сентября около 10 часов на горизонте появились дымки, а потом и пароходы, которые шли прямо на Гагры. Я опять помчался на моторной лодке, все-таки предоставленной мне, навстречу, но пароходы, проманеврировав с час, снова скрылись за горизонтом, и я вернулся обратно. Море было тихое, с зеркальной поверхностью.

Группа войскового старшины Ковалева еще не прибыла, но я знал от грузинских пограничников, что она пытается обойти большевиков по горам. С одним грузином выслал явку Ковалеву, чтобы он поспешил ко мне.

Полковник Сумбатов почти ежедневно выезжал в нейтральную зону для свидания с красным командованием, которое требовало нашей выдачи. Большевики обещали заплатить грузинам 10 миллионов рублей за мою голову, и желающих между грузинами, конечно, нашлось бы много, но пока, видимо, не смели этого сделать. За мной усилили слежку, и я неоднократно получал предупреждения от администрации и знакомых грузин не удаляться больше чем на пять километров от лагеря, где были размещены мои части.

Наконец-то флот из шести пароходов, появившись на горизонте и потом подойдя к Гаграм, остановился, а вперед вышел транспорт «Дон» и остановился в двух-трех верстах от берега. Одного из стар-

ших офицеров я послал на бивак с приказанием: с темнотой развести на берегу у самой воды три больших костра, секретно назначить первую группу в 1—2 тысячи казаков и без разрешения ночью погрузить их на транспорт. Сам же на лодке отплыл на «Дон».

Прибыв на пароход, я объяснил обстановку коменданту транспорта и сообщил ему свое решение. Согласно предписанию генерала Врангеля весь флот состоял под моей командой до тех пор, пока я не посажу на пароходы все мои части, находившиеся на берегу. По договору с комфлота⁷⁹, он сделал ложный маневр и явно скрылся с горизонта, а я остался на крейсере «Алмаз». С темнотой транспорты «Дон», «Ялта» и «Крым», с болиндером⁸⁰ и катерами, взяв направление на три костра, приблизились к берегу.

Болиндер, лодки и катера врезались в берег. Первым сошел на берег я и начал погрузку. Грузины подняли тревогу. Их негодование я разбил двадцатью подаренными им лошадьми (было выяснено, что лошадей грузить мы не можем), но вскоре из Гагр прибыл летучий грузинский отряд, чей командир грозил мне смертью, если я не прекращу посадку. Некоторые начали стрелять по казакам.

Бороться холодным оружием, которое у нас оставалось, с вооруженными до зубов солдатами, пограничниками, нельзя было и думать, поэтому я приказал флоту отойти в море и без моего дальнейшего приказа ничего не предпринимать, а утром выслать для меня катер и лодку.

Успел все-таки погрузить 1500 казаков и выгрузить немного продовольствия. На пароходах для меня прибыли из Крыма артиллерийские снаряды с полевыми орудиями, винтовки с патронами и продовольствие на две недели для 10 тысяч людей.

1 октября. Утром я получил протест полковника Сумбатова по поводу ночной погрузки казаков и приказ строго держаться его распоряжений. В 10 часов прибыл за мной катер, и я отплыл на «Алмаз», откуда передал срочное донесение по радио генералу Врангелю о сложившейся обстановке. С темнотой я с транспортами подошел к берегу, невзирая на запреты грузинской власти, но грузины усилили охрану и уже не допустили погрузку, и я, предупредив командный состав, чтобы казаки не падали духом, снова ушел в море.

2—3 октября я пробыл в море, ожидая ответ от генерала Врангеля и разрешение силой посланного оружия совершить посадку.

Ввиду того что грузины не позволяли выгрузить продовольствие на берег, еды у казаков оставалось на два дня!

Вооруженные грузины начали подходить к биваку казаков и их беспрепятственно обстреливать. Я выразил острый протест коменданту Гагр, который мало помог. Грузины и дальше силой входили в лагерь, происходили драки между ними и казаками, а охрана ничего не предпринимала и шла навстречу этим разбойникам. С казаками обращались зверски, били их, издевались и вели себя хуже большевиков!

Пошли снова дожди, среди казаков появились больные. Вечером 3 октября я сошел на берег, так и не дождавшись ответа генерала Врангеля. Группы Ковалева еще не было, но я получил сообщение, что он перешел границу Грузии и идет к Гаграм.

4 октября. Продовольствие совершенно закончилось, а в Гаграх не было возможности его купить. Деньги еще были. Не каждую ночь удавалось с пароходов перебросить секретно по два-три мешка муки на лодках. Ночами казаки из храбрецов пробирались с бивака в устье реки Бзыбь, где, подобрав или выкрадв лодки у грузин, перебирались на пароходы. Были случаи, когда некоторые вплавь добирались до катеров, стоящих в двух-трех верстах от берега!

Флот стоял по моему приказу, ответ от главкома еще не получен. Положение становится безвыходным.

Полковник Сумбатов сообщил, что из Тифлиса получил секретную телеграмму о том, что правительство решило большую группу казаков выдать большевикам. Для этого из Тифлиса выехала комиссия грузинского министерства вместе с представителями большевиков в «дипломатическую миссию» в Гагры, которая должна прибыть 6 октября.

Получив эти сведения, я решил при помощи оружия спасти казаков и ночью послал телеграмму генералу Врангелю о положении дел, намерениях грузинского правительства и просил немедля дать мне возможность действовать по обстановке.

5 октября. Весь день прошел в томительном ожидании ответа главкома и в сборах казаков. К вечеру прибыли на бивак головные части войскового старшины Ковалева и доложили, что сам Ковалев расположился с главными силами вблизи Гагр.

Под вечер получено сообщение, что комиссия грузин и большевиков прибыла в Сухум и 6 октября будет в Гаграх. Медлить не

было времени. Решил, что, если до утра не придет ответ из Крыма, действовать на свой страх и риск.

К моему счастью, ночью 6 октября ко мне прибыл офицер с крейсера «Алмаз» и передал телеграмму генерала Врангеля, в которой он предоставлял мне полное право располагать оружием для спасения казаков и во что бы то ни стало погрузить их всех на присланные пароходы. Через этого же офицера флота я приказал кораблям к 10 часам утра подойти как можно ближе к берегу, но ничего не предпринимать, а болиндер и лодки подготовить к погрузке.

6 октября. С рассветом я передал приказания командирам к 10 часам собрать все части и никуда не отпускать, а сам спешно выехал с двумя офицерами в Гагры к полковнику Сумбатову. План у меня был следующий: попросить у Сумбатова выгрузить продовольствие (так как оно закончилось) на берег к биваку, а вместо продовольствия высадить десант и произвести под его защитой погрузку, зная хорошо, что грузинская охрана, не допуская к берегу лодок, тем более не подпустит болиндер.

По дороге в Гагры я встретил войскового старшину Ковалева с казаками в шести верстах от бивака и, ознакомив его со своим решением, приказал быстро идти в лагерь.

Полковник Сумбатов встретил меня очень сухо и наговорил мне массу неприятностей по поводу ночной посадки моих частей 30 сентября, но я даже не возражал ему, так как предстоящий разговор надо было провести гладко. Он мне сообщил, что тифлисская комиссия придет сегодня к вечеру в Гагры и 8 октября наш лагерь будет перемещен в другое место.

Я спросил, что «неужели грузинское правительство выдаст своих вчерашних приятелей казаков и офицеров», на что Сумбатов резко ответил, что «грузинскому правительству для сохранения своей Родины нужно жить в мире с советской Россией и что по параграфу пятому договора с советским правительством, оно должно нас передать в руки советской власти, тем более всех казаков, а командному составу предоставлялась возможность, кто хочет, скрыться в Грузию подальше от городов». Он, Сумбатов, как грузинский патриот, обязан это реализовать, и будет стрелять по каждому, кто его не слушает!

Я доложил, что казаки истощены крайне, начались болезни и что, как таковые, не понравятся комиссии, которая увидит, что

грузины их превратили в «кащеев», вместо того чтобы приготовить для вступления в Красную армию. Полковник Сумбатов промолчал на мои слова.

В конце встречи я вскользь сказал, что существует возможность лодками с парохода доставить продовольствие, которое так необходимо, и был удивлен, когда он это мне позволил, вероятно ни о чем не догадываясь! Но по выгрузке продовольствия следует сразу ему сообщить, чтобы он организовал ежедневную выдачу через своих людей. Я согласился!

Для контроля всего Сумбатов со мной послал своего офицера. Сумбатов разрешил мне также перейти в момент выдачи продовольствия на пароход и контролировать это дело. Поблагодарив полковника Сумбатова, я выехал с ротмистром и прибыл на бивак в 11 часов. Забрав жену, вещи и несколько человек, мне верных, я погрузился в ожидавшую меня лодку. Казаки, собранные по частям в 15—20 саженьях от берега, начали приближаться к самой воде. Подбежавший ко мне комендант стражи взволнованно передал, что казаки не слушают его и караулов и открыто говорят ему о погрузке. Я ему сообщил о нашем договоре с полковником Сумбатовым, на что он сказал, чтобы я лично приказал казакам отойти и возвратиться назад.

Я вышел из лодки и громко приказал казакам, чтобы они ушли от берега в район деревьев и там начали варить обед, никакой погрузки не будет, что кто-то неправильно распространил слухи о погрузке и что мы всецело зависим от комиссии, прибывающей в Гагры из Тифлиса. Казаки немедленно исполнили приказание — отошли от берега на указанное место, но продолжали стоять. Вызвав к себе несколько офицеров, я приказал им держать части в порядке и быть готовыми к погрузке, но не подавать виду грузинам. Отборным же людям с револьверами помочь десанту в момент его высадки.

Погода была, слава богу, идеальная для задуманной операции, не было даже прибоя, вода была спокойная и тихая. Я подошел на лодке к транспорту «Дон», сюда же вызвал болиндера и командующего флотом командира «Алмаза». На «Дону» уже находились казаки, погруженные 30 сентября. Спустившись в трюм, я обратился к ним с призывом спасти с оружием в руках оставшихся на берегу казаков, так как грузины не позволяют им сойти с берега и хотят выдать красным. На мой призыв собралось около 500 человек — количе-

ство, необходимое мне. Этих казаков я разбил на 4 сотни, назначил командиров, выбрав их по пяти на сотню из лабинцев, хоперцев, линейцев и одного из новоприбывших улагаевцев.

Каждому раздали патроны, винтовки, и я объявил задачу:

1-я сотня по моей команде с криками «ура!» выбрасывается из болиндера по сходням, по шести из трюма, сразу разворачивается в цепь и переходит в наступление, стреляя по грузинской охране, вначале вверх;

2-я сотня, выгрузившись вслед за первой, удлиняет цепь вправо от первой и охраняет правый фланг десанта;

3-я сотня высаживается влево от первой и охраняет левый фланг десанта;

4-я остается в резерве позади.

Стрелять в стражу, если со стороны грузин послышится стрельба, и тогда никого не жалеть! На палубе болиндера поставлены два пулемета, укрытые бурками, и несколько мешков муки, хорошо видные, для прикрытия и успокоения грузин.

Командующему флотом передал свое решение и сведения, что из Сухума будет идти пароход с грузинско-большевистской комиссией в Гагры, и чтобы он это учел по пути назад. После этого применения, крейсер «Алмаз» выставил по бокам две подводные лодки⁸¹.

Болиндер вполз на берег, грузины, ничего не подозревая, кричали на казаков и били их прикладами, не давая подойти ближе. Я стоял на палубе болиндера. Укрепили сходни, и, когда все было готово, я скомандовал «Наверх!», а пулеметы открыли стрельбу поверху! Казаки моментально выскочили и перешли в наступление, офицеры на бегу стреляли из револьверов. Грузинская стража растерялась, бросила оружие и побежала; некоторые начали стрелять, и были прикончены казаками. Цепи десанта развернулись по берегу, и началась спешная посадка, которая с 12 до 17 часов продолжалась беспрепятственно.

В 17 часов со стороны Сухума появился пароход, ему навстречу выслана «Утка», и он отошел обратно. В то же время грузины получили подкрепление и начали стрелять по цепям десанта. Мною был дан приказ ответить и отогнать противника. Перед этим мне доставили от полковника Сумбатова ультиматум следующего содержания:

1) немедленно прекратить посадку моих частей, иначе батальон, присланный на помощь страже, уничтожит нас;

2) по чьей инициативе я, представитель Русской Армии, рву с Грузией дипломатические отношения.

На это я ответил посланному человеку от Сумбатова, что:

1) я дипломатические отношения совершенно не прерываю, а спасаю казаков от «приятелей»-грузинов, которые решили нас передать в руки врага, против которого мы боролись три года;

2) погрузка казаков не прекратится, а если грузинские войска смогут силой приостановить ее, то, пожалуйста, пускай попробуют.

Перестрелка затихла быстро, так как грузинский батальон бежал в горы, по пути их батарея выпустила два снаряда, но невпопад. С 24 часов уже не было никакой стрельбы, и погрузка возобновилась. Около двух часов ночи поднялась волна, болиндер с трудом подходил к берегу. В 4 часа утра посадка закончилась.

На всех транспортных судах было с трудом размещено свыше пяти тысяч казаков (вместе с улагаевцами и отрядом войскового старшины Ковалева, пришедшим последним). Все было перегружено, и флот к 5 часам начал медленно отходить от грузинского берега. Оставив десять офицеров на транспортах, я поместил командный состав на крейсер. Наши потери в десантной операции — два казака легко ранены, трофеев 125 винтовок и 60 лошадей (которые были оставлены на берегу).

7/8 октября 1920 года. Плавание длилось от посадки 7 октября утром до 8 октября, когда мы без потерь прибыли в Феодосию (Крым). По дороге крейсеру пришлось простоять на якоре несколько часов из-за нехватки угля, который подошел из Керчи; таким образом, я прибыл последним на берег Крыма. Во время всей эвакуации и десанта прекрасно и доблестно поработали наши моряки, об этом я доложил на встрече с главнокомандующим.

На этом закончилось поднятое мной восстание на Кубани в тылу у красных в 1920 году.

Причин неудачи этой храброй эпопеи кубанцев было много, и я постараюсь назвать лишь самые главные, перечисленные, может быть, не по порядку и их важности:

1. Так называемый Комитет спасения Кубани и Черноморской области, который почти весь год с разрешения Грузии находился в Сухуме под руководством Тимошенко и других, не пропускал, как мне об этом секретно передали, моих донесений в Крым генералу Врангелю, от которого зависела помощь восстанию в оружии, боевых припасах, медикаментах и офицерском составе.

Донесений было четыре: 4 июня, 26 июля и два в августе. Комитет их скрывал или уничтожал, лишь бы только напорщить русскому делу в Крыму и в особенности генералу Врангелю, которого они ненавидели. В своих донесениях я описывал обстановку в районе моих действий, готовность населения нам помочь в борьбе против большевиков-коммунистов, огромный подъем у казаков Лабинского и Майкопского отделов, захват все больших и больших территорий в тылу красных; описывал и недостаток старших офицеров, просил мне дать ориентировку о происходящем в Крыму и посылке десанта казаков в Туапсе, от которого до Майкопа путь был совершенно свободен и занят моими отрядами.

2. В моем распоряжении не было старших офицеров Генерального штаба, не было старших офицеров на высших командных должностях (кадровых из Белого движения), кроме двух-трех полковников (полковники Старицкий и Крыжановский своими поступками только мешали и вносили смуту в ряды казаков). Были и другие штаб-офицеры, но они были старые для повстанческих действий, все больше находились или прятались в тылу, часто критикуя меня за то, что работа моя не принесет добра Кубани, а все погибнем от нарастающей армии красных. Боевые операции большого масштаба проходили поэтому успешно лишь в моем присутствии.

3. Горцы, которые клялись мне помочь, обещая выступить против красных, совершенно сплеховали. Полковник князь Мурза-Кула Крым-Шамхалов, выжидавший до последнего результатов восстания, в итоге выслал один отряд (полковник Василев). До конца своих действий тот не сумел найти возможность борьбы совместно с казаками, действовал самостоятельно и почти всегда неуспешно.

4. В своем штабе я не имел хорошего советника и помощника, знающего дело, не было их и в дивизиях. Очень многие ушли в Крым, другие скрывались от фронта.

5. Развернув огромный фронт и прикрывая станицы, выступившие против большевиков, я не сомневался в быстрой помощи из Крыма от генерала Врангеля, с которым я вместе сражался в 1919 году и который хорошо знал о моей храбрости и твердости (упорстве) в борьбе с большевиками. Если бы я не был уверен в этом, то так открыто я, конечно, не воевал бы, а ограничился массовыми налетами по партизанскому образцу в районах, которые мог закрепить за собой.

6. Возрастающая борьба и наличие у меня массы казаков привлекала на Южный фронт в Кубанскую область много отборных пехотных и конных дивизий красных с броневиками и огромным количеством оружия (тяжелого и легкого). Мои же части воевали месяцами с завоеванным оружием, с малым количеством орудий и снарядов.

Кроме того, последние три месяца до сорока процентов казаков вообще не имели оружия и оно передавалось частям, уходящим на фронт, из смены в смену. Особенно стало туго, когда был разбит десант на Ачуев, и все сосредоточилось против меня и моей армии.

7. Из двух моих донесений, посланных генералу Врангелю с доверенными казаками (о чем он сам мне говорил уже в Севастополе), он знал, что я прошу выслать десант на Туапсе. Но десант был направлен в совершенно другой район, не имевший никакой связи со мной и, вопреки здравому разуму, в район плавней, болотистый, без поддержки тыла, с неподготовленным населением и так далее. Этот десант был устроен начальником штаба главнокомандующего генералом Шатиловым. Разговаривая потом с генералом Улагаем, который возглавлял десант, я пришел к убеждению, что начальник штаба желал доказать генералу Врангелю несамостоятельность казаков, которых сам главнокомандующий очень ценил, их невозможность поднять население и захватить северную Кубань.

Вся эта работа и внесла неурядицу в десант (тем более, что связи со штабом генерал Улагай не получал никакой умышленно), весь труд пропал и был сведен к нулю. Это было одной из главных причин, стоивших в дальнейшем потери Крыма и эвакуации.

8. Атаманы некоторых станиц плохо проводили мобилизацию, трусили перед красными. Иногородние не шли на помощь, а некоторые казачьи станицы повернули против восстания и норовили быть солидарными с советской властью. Из этих станиц мы вылавливали много шпионов, донесивших красным о моем движении по Кубани.

Глава 3 ОКТАБРЬ 1920 ГОДА В КРЫМУ

КРУШЕНИЕ БЕЛОЙ АРМИИ И ЭВАКУАЦИЯ ЗА ГРАНИЦУ

8 октября 1920 года на «Алмазе» прибыл в Феодосию и у пристани застал разгружавшихся с пароходов моих казаков. Мне донесли, что на пристани находится полковник Винников, захвативший власть Кубанского атамана после отъезда Иваниса, и что он приказал построить части, чтобы с ними говорить. Приказ этот мной был отменен, и он ограничился разговором с группой казаков.

В Крым со мной прибыло свыше 5 тысяч казаков, из них годных для продолжения борьбы было не больше четырех тысяч. Остальные были казаки-беженцы, женщины с детьми, старики — вот во что превратилась моя сильная, храбрая и спаянная армия, считающаяся в своих рядах на Кубани до 30 тысяч человек. Казаки превратились в голодных, издерганных и полуодетых людей, но еще сохранивших свой пыл и ненависть к большевикам-коммунистам, поработившим их Родину.

Прибывшие казаки были размещены в Феодосии и окрестных селах, и сразу же было приступлено к сколачиванию строевых частей. От генерала Врангеля был получен приказ о сведении всех прибывших в одну пешую дивизию, отдано распоряжение о получении обмундирования и вооружения дивизии интенданту и начальнику артиллерии Феодосийского района.

Город Феодосия в то время представлял собой людский муравейник, он был одним из главных пунктов Крыма, где скопились все, укрывающиеся от фронта. Здесь были офицеры — представители не только частей периода Гражданской войны, но и всех воинских частей бывшей Российской Императорской армии. Присутствующее здесь офицерство не поддавалось учету администрации, как потом

мне жаловался начальник гарнизона, и, конечно, все они отсиживались в городе от фронта.

То же самое, как я после убедился сам, происходило по всем городам Крыма (Керчь, Симферополь, Севастополь, Евпатория и все бывшие меньшие курорты). Это и было причиной того, что на самом фронте присутствовало мало людей, то есть было много войсковых частей, но малочисленных. Для пополнения частей не было принято надлежащих строгих мер, начальство ограничивалось циркулярными распоряжениями, которые никем не исполнялись.

На фронте от беспрерывных боев люди падали от усталости, были слабо кормлены и в плохом внешнем виде; но зато в тылу, по городам, большинство офицерства и штатских щеголяли в чистом обмундировании, тратили огромные деньги по ресторанам и трактирам.

Главным занятием в тылу была торговля, спекуляция с валютой, продажа казенных вещей. Жутко было смотреть на толпы бездельников, здоровую молодежь, к тому же требующих продовольствия, квартир и жалованья.

По прибытии в Феодосию для меня сразу не могли найти квартиру (комнату!). В Феодосии находилось Кубанское правительво, а при нем резервный батальон. Этот батальон Кубанское правительво держало для представительства, туда свободно принимались желающие, чем наносился косвенный вред фронту, но правительво оберегало батальон от распыления.

Прибыв в Крым и посетив главные города тыла, я решил, что нет твердой и дельной руки для восстановления порядка и пополнения войсковых частей на фронте. Фронт уже начинал трещать, это было время неудачи на правом берегу Днепра (здесь убит мой товарищ и соратник генерал Бабиев, один из доблестных и выдающихся белых офицеров), а в тылу почему-то продолжали оставаться резервные части, формирующиеся единицы, масса высших воинских кадров. Тыл, кроме того, был забит сотнями всевозможных учреждений, и каждое из них имело в своем составе немало действительных служащих и прикомандированных, во вред фронту. Никто их не трогал, и они укрывались здесь. Такая постановка дела не могла кончиться хорошо, это я, фронтовик, понял уже после двух дней, это трагедия, а не оборона от врага. Так не удержишь Крым!

По количеству бойцов в Крыму можно разделить так:

- 1) войсковые части на фронте — это сторожевое охранение;
- 2) все остальное — это главные силы, на фронте было всего около 25 тысяч бойцов;
- 3) тыл же насчитывал до 100 тысяч человек.

Формирование Кубанской дивизии умышленно тормозилось, из-за каких-то формальностей я не мог сразу получить обмундирование, несмотря на то что его в магазинах было достаточно; так же было и с вооружением частей. Мне показалось, что главный интендант (имени не помню) работал на срыв всего дела.

На второй день по прибытии в Феодосию я был вызван генералом Врангелем в Севастополь, куда и прибыл. Генерал Врангель очень интересовался моими действиями на Кубани, настроением там казаков и очень сожалел, что поддался настояниям других и послал десант на Ачуев, а не в Туапсе, как я просил и надеялся. На мой вопрос, получал ли он донесения с Кубани, он заявил, что получил их в конце августа и в сентябре, был осведомлен обо всем, там происходившем, и хотел мне помочь, но сложилось ложное представление о положении на Таманском полуострове, и поэтому десант был направлен туда, а не ко мне. По заявлению Врангеля, разведчиком на Таманский полуостров был послан генерал Лебедев⁸², но он к этому делу отнесся «поверхностно» и «несерьезно». Кроме того, Туапсе далеко и было опасно туда посылать десант, который нужно снабжать.

На это я заявил генералу Врангелю, что дальность Туапсе исключала опасность, так как он знал из донесений, что весь район был долго в моих руках, а флот нашей армии, господствуя на Черном море, вполне бы обеспечивал коммуникации и довольствие.

На это мое примечание главнокомандующий ответил, что теперь уже, к сожалению, поздно об этом толковать и поправить дело, а генерал Шатилов, находившийся с нами, добавил, что неудача десанта убедила кубанские верхи в Крыму в невозможности занятия Кубани их собственными силами и теперь они «присмирели». Это заявление генерала Шатилова в присутствии главнокомандующего меня просто взорвало, и я ему резко ответил: «Кубанские верхи, сидя здесь, и без того убеждены в своем бессилии в настоящее время, а для того чтобы доказать их бессилие, не следовало жертвовать тысячами верных и беззаветных бойцов». Этот мой ответ был началом неприязненного ко мне отношения гене-

рала Шатилова, а я его возненавидел за его скрытую злобу к кубанцам, благодаря которым он получил много орденов и выдвинулся в вершителя судеб во время Гражданской войны.

Генерала Шатилова храбрым воином я не считаю (как о нем говорят), так как имел много случаев лично убедиться в его «храбрости». Его отсутствие среди командования при станице Великокняжеской, когда он вместо того, чтобы повести атаку, сам вернулся в имение Пишванова (где не падали артиллерийские снаряды противника), а мне приказал занять станицу, что и было проведено с большими потерями.

Его полная растерянность при первой попытке взять Царицын, где по его вине и отсутствию самообладания мы понесли большие потери и совершенно не имели успеха.

Его ретировка с берега у Адлера, куда он пришел на миноносце, из-за нарастающей волны, так что мне пришлось отбыть с ним на миноносец для доклада об обстановке. Существуют и другие происшествия с генералом, но об этом пускай говорят остальные и его подчиненные.

В общем, разговор в кабинете генерала Врангеля принимал острый характер, но телефон прервал его. После разговора по телефону главнокомандующий заторопился и, вручив мне приказ о производстве в чин генерал-лейтенанта и орден Святого Николая Чудотворца за боевые заслуги, пригласил меня на следующий день на обед и простился со мной.

На фронте к этому времени назревали грозные события. Наши части после заднепетровских неудач под давлением красных отступали к югу, и противник начал сосредоточивать ударную группу конницы у Каховки.

В первый день по прибытии в Севастополь я встретил генерала Науменко, который по смерти генерала Бабиева (за Днепром), приняв командование над кубанцами⁸³, бросил их, получив легкое поверхностное ранение в ногу, и счел лучшим проводить время в Севастополе, далеко от фронта⁸⁴.

При встрече с ним он отчасти ознакомил меня с положением на фронте и с ужасающим состоянием тыла — последнее мне резко бросилось в глаза еще в Феодосии; но в Севастополе стоял полный хаос. Город был превращен в большой вертеп, все делали и вели себя, как хотели, женщины в ресторанах с офицерами, всюду пьяные по улицам, вино разливалось ручьями по трактирам, спекуляции с день-

гами и остальное помрачили ум всем, все кутило, порядка не было нигде.

В Севастополь я прибыл после встречи с главнокомандующим еще до вечера и утром уже был в Феодосии. Формирование дивизии здесь совершенно не продвинулось. Начальник артиллерии и интендатура тормозили выдачу оружия и обмундирования, о чем мной в тот же день было доложено генералу Врангелю по прямому проводу. К вечеру пришел приказ назначенным отделениям спешно вооружить нас и одеть; в неисполнение приказа главнокомандующего оба начальника будут преданы экстренному военно-полевому суду.

Началась работа днем и ночью, все было выдано к сроку, но недоставало обоза, лошадей для разведчиков, кухонь, телефонов, пулеметных и патронных двучлоков. Командам разведчиков в полках не было выдано ни одной лошади, и это обещано было на фронте. С фронта же приходили неутешительные вести, которые еще больше раздувались паническими элементами в тылу. Секретные приказы, получаемые мной из Джанкоя, куда переведена ставка генерала Врангеля, свидетельствовали о приближении катастрофы.

15 октября я был спешно вызван в ставку (Джанкой) и в тот же день выехал из Феодосии, оставив своим заместителем старшего бригадного командира, генерала Венкова⁸⁵.

Прибыв в Джанкой, я узнал, что противник, сосредоточив огромную конную группу у Каховки, начал дебушировать переправу через Днепр и это принудило генерала Врангеля созвать в ставке военный совет главного состава. На военном совете присутствовали: генералы Врангель, Шатилов, Кутепов, Абрамов⁸⁶, начальник укрепленного Сивашского района генерал Коновалов⁸⁷ (генерал-квартирмейстер) и я.

Было доложено следующее: противник продолжает накопление сил к Каховке, а упорство наших частей, защищающих каховскую переправу, значительно слабеет и удержание за нами переправы при более интенсивных атаках противника невозможно. Главные наши силы сосредоточиваются, после отхода от Никополя, к югу от этого района.

Начальник укрепленного района доложил ставке, что Крым искусственно защищен прочно, перешеек под Армянским [Базаром] закрыт несколькими рядами прочной проволоки по дну Сиваша, с

запада и до Чонгарского моста — три ряда проволочного заграждения, а южный берег Сиваша, кроме того, вооружен многими установками тяжелой артиллерии.

Генерал Врангель предложил на обсуждение вопрос: «Как поступить для разрешения создавшегося положения на фронте, дабы удержать Крым на зиму за нами?»

Предложений было много, но на двух остановились для разбора.

1. Генерал Коновалов предложил все части без замедления отвести в Крым, заняв пехотой и частью конницы фронт под Армянским [Базаром] и по берегу (южному) Сиваша до Азовского моря, пополнить спешно части всеми, кто болтается в тыду, а главную группу конницы иметь в резерве. Основания к этому те, что наши части разбросаны от Каховки до Мелитополя, люди не одеты, конский состав измотан, при этом предлагалось теперь же начать работу по разгрузке Крыма от лишних ртов, а полевым судом принудить тыл пополнить ряды войсковых частей. Для выполнения этого предложения необходимо было немедленно усилить наши части под Каховкой, дабы задержать переправу противника, закрыться с севера заслонами, а главную массу войск форсированными маршами перебросить на позиции. Люди должны по очереди отдохнуть и одеться из-за наступающей зимы.

2. Генерал Шатилов предложил следующее: главные силы армии сосредоточить в Северной Таврии, закрыв подходы в Крым более слабыми частями, а противника, прорвавшегося у Каховки и устремившегося в Крым, разбить во фланг.

Несмотря на то что предложение генерала Коновалова разделяло большинство присутствующих на совете, предложение генерала Шатилова было принято к выполнению и сейчас же отданы соответствующие приказы и диспозиции. По окончании заседания военного совета было видно, что у большинства присутствующих на совете не было уверенности в успехе этой операции.

В тот же день отдан приказ о спешном выдвигании одной моей бригады из Феодосии на фронт, бригада должна выступить 16 октября.

На другой день я был назначен командиром Кубанского корпуса и было приказано спешно приступить к его формированию из частей, пришедших со мной и ранее находящихся в Крыму. Это были конная дивизия с ее резервом, части генерала Цыганка⁸⁸,

отдельный Запорожский дивизион и еще несколько мелких частей, штаб расформированного 3-го Кубанского конного корпуса.

Местом формирования назначено селение Курман-Кимельчи, где я и был к вечеру со своим штабом. К вечеру же этого дня Курман-Кимельчи и прилегающие поселки были забиты тылами «цветной дивизии».

17 октября. Мною отданы приказы и распоряжения о сосредоточении к штабу отдельных частей, не находящихся на фронте. Получено донесение от генерала Венкова, что он с бригадой, погружившись в два поезда, двинулся в Джанкой. Как после выяснилось, бригада передвигалась по железной дороге от Феодосии до Джанкоя четыре дня (!). Бригада генерала Венкова получила мой приказ двигаться дальше к Армянскому Базару и там занять позицию уступом, позади и справа главной позиции.

Через два дня ко мне прибыли в Курман-Кимельчи части генерала Цыганка, конный Запорожский дивизион и некоторые части из тыла, но к вечеру этого же дня мне было приказано со штабом и находящимися при мне частями спешно передвинуться к селению Серагозы и продолжать формирование в этой немецкой колонии. Здесь я находился с 18 по 24 октября.

25 октября. Утром был получен приказ от генерала Врангеля выдвинуться со штабом и частями снова к Курман-Кимельчи, куда я подошел к вечеру. Тыл начал уже бежать, и паника распространилась.

Меня и раньше удивляла бесполезность моих передвижений, мои части все время находились на марше, не могли себя привести в порядок, а штаб не мог наладить связь с частями, ранее отданными мне в распоряжение. Я уже в Серагозах убедился, что в штабе генерала Врангеля царит хаос и что причиной этому был полный неуспех операции в Северной Таврии, предложенной «стратегом» генералом Шатиловым. Наши части в Северной Таврии вместо намеченного удара во фланг противнику,двигающемуся от Каховки, смогли лишь пробиться, а части, закрывавшие Каховку, отошли на позиции к Армянску.

Состояние частей было ужасно, а наступившие холода совершенно выбили из строя людей. Неимоверными усилиями удалось все же собрать и перебросить части вдоль Сиваша и у Чонгарского моста. Части, бывшие на направлении к Мелитополю и не успевшие пробиться через мост, были вынуждены уйти на юг по косе

и без остановки докатились до Керчи (здесь были обрывки пехоты, расстроены кубанцы и большинство терцев).

Начались ожесточенные бои с красными на Перекопском перешейке южнее Армянска и у Чонгарского моста. Кроме того, противник обозначил свое скопление на северном берегу Сиваша, красные бросили огромную массу людей, чтобы доконать нашу армию. Главный удар противник направил на Перекопскую позицию, которая, к стыду и преступности начальника укрепленного района, оказалась защищенной игрушечным проволочным заграждением, и позиция удерживалась лишь неимоверным мужеством и самоотверженностью наших измотанных и почти голых людей, при ужасном холоде и ветре.

На Перекопе несколько раз позиции переходили из рук в руки, красная пехота гналась на убой и трупами красноармейцев было усеяно все поле перед нашей позицией. На смену погибшим и отхлынувшим назад шли новые волны свежих частей красных!

Несколько раз Кубанская казачья дивизия атакой на красных восстанавливала позиции и возвращала нашу пехоту на ее место. Долго так продолжаться не могло, так как наши конные части вели упорную борьбу без всякой смены, а противник всякий раз пускал в бой свежие части. Красные курсанты и специальные части шли в атаку, не ложась, не больше трети их осталось в живых, наши потери тоже были огромные. Одновременно с боями на Перекопе шла упорная борьба за обладание Чонгарским мостом. Я, сидя в Курман-Кимельчи, знал обо всем происходящем на фронте, но оставался только «зрителем», так как мои только что сформированные части находились на бестолковом марше, ранее описанном.

Наших бойцов, убитых и замерзших, эвакуировали, набивая ими товарные вагоны. Кубанская бригада генерала Венкова, находясь уступом далеко за правым флангом Перекопской позиции, стояла совершенно не ориентированная в обстановке, не имела ни одного телефона (из обещания, данного интендантурой, ничего не вышло!), лошади совершенно отсутствовали, даже комбриг не имел собственной лошади. Бригада, учитывая, что, по данным нам сведениям, Сиваш глубок, а кроме того, по дну защищен тремя рядами проволочного заграждения, главное внимание обращала к фронту, имея по берегу Сиваша сторожевое охранение.

На рассвете 27 октября красные перешли вброд Сиваш и обошли с юга бригаду генерала Венкова. Не имея на всех винтовках

штыков, казаки дрались львами; одна треть бригады погибла в этом неравном бою и, лишённая возможности принять открытый штыковой бой, начала отходить, неся на руках своих раненых. Нужно сказать, что бригада генерала Венкова несколько раз сбивала пехоту противника с южного берега Сиваша, но красные, усиливая свои позиции новыми частями, занимали южный берег.

Надо иметь в виду, что повсюду в этом районе глубина реки доходила лишь до колена человека среднего роста, а наших проволочных заграждений нигде не было!

Как потом выяснилось, глубина воды измерялась только у Чонгарского моста, где она действительно была выше всадника, а что касается фундаментальных установок тяжелой артиллерии, то они походили на детские сооружения, а сама тяжелая артиллерия действовала с ограниченным числом снарядов.

Одновременно с натиском на Кубанскую бригаду красные заняли в лоб наши позиции на Перекопе. Части не в силах задерживать противника и начали отступать на этом участке — это было началом общего отступления на юг. Тылом овладела паника.

28 октября я получил приказ об отходе на Феодосию и план эвакуации Крыма. По этому плану для всех кубанцев была назначена посадка на пароходы с указанием, что пароход «Аскольд» должен быть уступлен под раненых и для эвакуации казенных учреждений в Феодосии.

Отдав приказ пехоте идти форсированным маршем к Феодосии, я с конницей (конвойная команда и Запорожский дивизион) спешно двинулся в город, куда и прибыл 29 октября в полдень. Здесь я застал полное столпотворение, — в город стекались все тылы правого фланга нашей армии (пехота 6-й дивизии, танковые части с танками, резервные, запасные и формирующиеся конные части генерала Барбовича⁸⁹ и др.). Улицы Феодосии были совершенно забиты брошенными подводами, колясками, тачанками и бродящими, покинутыми верховыми лошадьми. На пристани нельзя было пробиться к пароходам, которые были перегружены людьми всевозможных частей и беженцами.

По плану для Феодосии было назначено пять пароходов («Владимир», «Дон», «Аскольд» и еще два) с хорошим водоизмещением, но в них был погружен уголь для Керчи, куда они и ушли, с тем чтобы спешно выгрузить там уголь и прийти в Феодосию обратно. Вместо пяти пароходов, первоначально мне данных, я имел

в распоряжении лишь два — «Дон» и «Владимир», так как «Аскольд» был выделен под раненых и учреждения.

Чтобы подойти к пароходам, мне пришлось применить силу юнкеров Алексеевского и Константиновского училищ и Запорожского дивизиона. Очистив пристань и разгрузив «Дон» и «Владимир», я вновь приказал начать погрузку их под наблюдением назначенных комендантов. К вечеру подошел Кубанский партизанский пеший полк и некоторые части генерала Цыганка, который сам с остальными пехотными частями почему-то задержался у села Владимировка, куда я ему и отправил приказ немедленно идти к берегу, в Феодосию.

В город беспрестанно прибывали все новые партии чинов и части, которые должны были производить посадку в других пунктах. Посадить всех прибывших сюда не представлялось возможным, а потому мной был отдан приказ, чтобы все своевольно прибывшие в Феодосию разобрали перевозочные средства, от которых я смог освободить лишь главную для движения улицу города, вывезя все с этой улицы за город.

Многие не потерявшие дисциплину группы и небольшие части, выполняя мой приказ, доехали все-таки до пунктов своих посадок. Тогда же дан приказ генералу Цыганку (в село Владимировка) по пути к городу не допускать других к Феодосии, а направлять их к своим указанным пунктам. О конной Кубанской дивизии (генерал Дейнега⁹⁰) до вечера 29 октября я сведений не имел и терялся в догадках о месте ее нахождения.

29 октября вечером я связался по радио с генералом Врангелем, донес ему о катастрофическом положении в Феодосии и о неприбывших двух пароходах ко мне; просил его отдать распоряжение генералу Абрамову не задерживать пароходы, предназначенные для кубанцев, у себя. В свою очередь просил генерала Абрамова по радио спешно отправить ко мне пароходы, хотя бы и к утру.

30 октября их не было в Феодосии. Посадка на «Дон» и «Владимир» шла в установленном порядке, и к вечеру пароходы были загружены до отказа, людям нельзя было сидеть, все стояли. Пристань была по-прежнему забита чинами различных частей, беженцами и остальными. Оставались непогруженными части кубанской пехоты генерала Цыганка и Кубанской конной дивизии генерала Дейнеги, которая, как это я, наконец, узнал, находилась в арьергарде всех

частей, отступающих через Симферополь. И здесь не обошлось без эксплуатации казаков — оторвали от посадки дивизию для того, чтобы она прикрывала противоположное своему направление, тогда как там, в том направлении, находилась вся конница генерала Барбовича, которая под прикрытием моей Кубанской дивизии раньше всех погрузилась в своем пункте.

Имея сведения, что мои пароходы из Керчи до вечера 30 октября не отпущены, я сообщил генералу Абрамову, что свою конную дивизию и пехоту направляю для посадки в Керчь на пароходы, предназначенные для кубанцев, так как в Феодосии погрузить их за неимением мест нельзя. Генералу Цыганку приказал дожидаться во Владимировке генерала Дейнегу и с ним вместе уже идти в Керчь. Такое распоряжение отдал потому, что мне доложили — генерал Абрамов мои пароходы отпускать из Керчи не хочет.

О своем распоряжении доложил генералу Врангелю по радио и впервые упрекнул его в непослушании ему подчиненных генералов, которые забирают пароходы не для участников нашего движения и мне данных кубанцев, а для других. На пристань в Феодосию прибывали все новые и новые партии частей, чьи командиры вовсе не знали, куда им деваться и где их погрузка. Некоторых из этих партий удалось уговорить отправиться к своим пунктам на подводах.

Одной из задач, данных мне генералом Врангелем, была приведение в негодное состояние машин и клише экспедиции заготовления государственных бумаг, что и было выполнено 30 октября.

Что меня поразило при эвакуации Феодосии, так это наличие там массы танков и тяжелой артиллерии еще за день до моего прибытия. Это свидетельствует о том, что эти части на фронте не были, — для чего же они существовали и формировались? Почему эти части не были выдвинуты на Перекоп и к Сивашу после военного совета и не упоминались в плане генерала Шатилова? Танки и тяжелая артиллерия были свалены с пристани в море по моему приказу, некоторых чинов этих частей пришлось, в силу необходимости, погрузить, но большинство из них отправились на конных подводах к своим пунктам назначения.

Вечером 30 октября во многих местах города были произведены поджоги и нападения с целью грабежа, но мне не удалось эти случаи ликвидировать силой. С темнотой того же дня боль-

шая часть воинских чинов, находящихся на пристани, ушла в горы — в зеленые, участь их мне неизвестна.

Ночью с 30 на 31 октября прибыл офицерский головной разъезд от генерала Дейнеги, который, двигаясь по дороге южнее села Владимировка, приближался с конной дивизией к Феодосии. Разъезд привез мне донесение Дейнеги, в котором он сообщал о своем приближении и причинах запоздания дивизии. По приказу начальника штаба главкома (генерала Шатилова) дивизия до Симферополя прикрывала отход добровольческих частей на Ялту и Севастополь, а из Симферополя ей было приказано направляться для погрузки в Феодосию.

Генералу Дейнеге был послан приказ спешно идти для погрузки в Керчь, а по дороге это приказание передать и генералу Цыганку. 30 октября ночью от их частей прибыли партии казаков в Феодосию, также прибыла небольшая партия терцев.

К утру 31 октября на пристани набралось много казаков, которых открыто грузить было нельзя, — иначе был бы бунт и стрельба по пароходам тех, кому обещана погрузка на прибывающие пароходы. Приходилось успокаивать обреченных этой неправдой, так как уже стало известно, что генерал Врангель больше не придет пароходов. До утра 31 октября от него ничего не было, кроме того, я имел сведения, что посадка во всех пунктах идет скверно и с большими трудностями, часто приходилось оставлять своих близких родственников, семьи беженцев и т. д.

Перед самым рассветом 31 октября получил донесение от обоих моих генералов, что они выступили в Керчь.

31 октября. Настал жуткий день в отношении тех, кто был обречен на оставление в Феодосии, берег был усеян людьми, ожидавшими посадки. В полдень я приказал пароходам «Владимир» и «Аскольд» отойти от пристани и стать в одной версте от нее, до нового распоряжения. Эти пароходы были загружены до отказа, коменданты их получили приказы до вечера утрясти людей насколько возможно и освободить хотя бы немного еще мест для принятия на пароходы. На «Дон», где находился я, можно было принять еще несколько сот человек, но я сэкономил эти места. У пристани я остался для успокоения бунтующих людей, которые дважды вызывали меня к борту парохода, целя из винтовок, и требовали посадки. Приходилось убеждать их, что я ожидаю подхода еще одного парохода и поэтому остаюсь у пристани.

На берег мной было командировано несколько человек с приказом предупредить казаков, оставшихся на берегу, с темнотой собраться двумя группами в намеченных мной местах берега залива вне пристани на 1—1,5 версты. С наступлением полной темноты с пароходов были посланы офицеры на лодках для подбора собранных казаков, что продолжалось до трех-четырех часов утра, когда пароходы вышли из залива и взяли курс на Константинополь. Из казаков могли остаться непогруженными только те, кто не был на пристани и в намеченных местах залива.

Около часа ночи на 1 ноября большевистскими сторонниками были взорваны артиллерийские склады на окраине Феодосии и в селе Владимировка. Прибывшие на пароходы последними офицеры и казаки (100 человек) рассказывали, что на пристани очень многие из малодушных покончили жизнь самоубийством, многие ушли в горы, а большинство, сняв погоны, разошлись по городу и окрестностям.

До отхода пароходов из залива в районе Феодосии еще не было строевых частей красных.

На себя, нравственно, я не могу взять вину и ответственность за происшедшую при погрузке катастрофу в Феодосии. В этом повинен был, во-первых, генерал Абрамов, задержавший в Керчи два парохода, предназначенные мне для эвакуации, которой я командовал. Но и на эти пароходы, даже в случае их прихода, было абсолютно невозможно вместить всех оставленных. В Керчи тоже были брошены на берегу люди, а кубанцам из частей генералов Цыганка и Дейнеги не всем удалось погрузиться, и один полк добрался до Константинополя на буксирной барже, из которой весь путь выкачивали воду. Партия терцев (30—40 человек), прибывших в Феодосию 31 октября, была тоже подобрана с берега на «Дон».

Наши пароходы вышли в открытое море с большим креном. По собранным сведениям, «Владимир», вместо своего максимума в пять тысяч человек, взял десять с половиной тысяч, а «Дон», вместо трех тысяч, семь с половиной тысяч человек. «Аскольд», вместо одной тысячи, взял три тысячи и баржу с людьми.

Своего будущего никто не знал, единственной целью каждого было попасть на пароход, на будущее смотрели как-то безразлично. Погружаясь на пароходы, никто не думал о еде, и только в море, придя в себя и выспавшись, почувствовали голод. Его от-

части утоляли из запасов консервов и других продуктов, взятых в минимуме по моему распоряжению из феодосийских складов; воды на все время пути до Константинополя не хватило.

Так закончилась наша драма — эпопея борьбы белых частей и кубанского казачества против врага — коммунистов, которые поработили нашу Родину. Эта мысль все время угнетала меня позже, все время моего пребывания за границей. Томило меня и сознание, что масса участников Белого движения, казачьих единиц других составов, беженцев с детьми, остались на милость и немилость врагу на берегах Крыма. Немыслимо было всех подобрать, эвакуировалось из Крыма около 150 тысяч человек (что, конечно, немалое количество), но из этого числа с фронта эвакуировано не больше 40 тысяч человек, которые, по существу, и дрались в Крыму за спасение и убережение России.

Гор. Вранье, 1921 г.

ХОПЕРЦЫ В ДВУХ ВОЙНАХ

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА-ХОПЕРЦА П.М. МАСЛОВА

1-Й ХОПЕРСКИЙ ПОЛК НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

1-й Хоперский Ея Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны⁹¹ полк ККВ до 1913 года входил в состав Кавказской кавалерийской дивизии, а в последние месяцы того же года был переведен в состав 1-й Кавказской казачьей дивизии и лагерный сбор в 1914 году проходил в Сарыкамыше и его окрестностях.

Откомандирование полка из Кавказской кавалерийской дивизии окончательно не было узаконено, а потому, при объявлении войны в 1914 году, 1-й Хоперский полк вновь был введен в ее состав и в спешном порядке вызван на Западный фронт.

Из Сарыкамыша полк прибыл в Кутаис на место своей постоянной стоянки, где был погружен в вагоны и по железной дороге прибыл в Варшаву. Выгрузились из вагонов, один день дневка, и походным порядком двинулись на город Лодзь. Здесь снова погрузились в вагоны и перевезены в небольшой городок Серадзь. В этом районе находились драгунские полки⁹² Кавказской кавалерийской дивизии.

1-й Хоперский полк выгрузился из вагонов и расположился биваком в поле южнее городка. Того же дня получили район боевых действий в направлении немецкого города Конин, расположенного над русской границей. В нем находились германские войска, какими силами — точно определено не было. Наши разъезды почти ежедневно имели встречи с разъездами противника. Вначале они держались очень нагло, но после нескольких стычек с нашими разъездами наглость их исчезла.

Опишу один случай встречи наших разъездов с полуэскадром немецких черных гусар⁹³. Ранним утром два разъезда, один офицерский, а другой урядничий, как и всегда, были высланы в направлении города Конин. По выполнении своих задач они возвра-

щались по разным дорогам. Пройдя более половины пути, оба разезда встретились на перекрестке дорог и остановились, чтобы обменяться сведениями.

В это время казаки увидели со стороны расположения наших частей на рысях двигающуюся кавалерию. Развернув фронт, она перешла в галоп и пошла на стоявшие наши взводы в атаку. Казаки даже смеялись, что «драгуны, мол, сошли с ума и идут на нас в атаку». Когда кавалерия подошла ближе и уже были видны флажки на пиках, стало ясно, что на них в атаку идут немцы. Офицер подал команду «слушать его» и приказал стать реже, повернуться лицом к противнику, приготовить шашки; когда немцы будут брать кювет, наполненный водой, только тогда с гиком и криками «ура!» рубить неприятеля. Немцы во всю прыть подошли к стоявшим взводам, но не все их лошади взяли кювет, а некоторые свалились в воду, в тот же момент все были окружены казаками. Двое были убиты насмерть — пронизаны шашками, семь немцев ранены, и весь полуэскадрон немецких черных гусар с раненым офицером был взят в плен.

Из полусотни два казака были ранены. Убитых немцев передали полякам для погребения, всех раненых перевязали, и наша полусотня с плененным полуэскадром возвратилась на бивак. Во время движения к стоянке полка раненый немецкий офицер говорил нашему офицеру, что он поражен хладнокровностью наших солдат, что они так мирно стояли, ожидая, когда на них несся полуэскадрон, и тут же добавил, что на Западном фронте они одним своим эскадром гоняли полки французской кавалерии. Наш офицер ответил, что «на западе вы гоняли французов, а мы кубанские казаки Русской Императорской армии». Немец сказал, что они слышали о русских казаках.

За десять дней стоянки полк беспрерывно, днем и ночью, вел усиленную разведку в сторону противника. Оружейными выстрелами сбил два немецких аэроплана, взял в плен упомянутый полуэскадрон черных гусар и отбил у немцев новый шестиместный автомобиль, принадлежавший какому-то штабу германских войск.

После оставления Серадзя полк занял с боем город Скерневицы и позже побывал в городах Ленчице, Ново Радом, Побыяницы, Брудзев, Радом, Костелец, Коло, и почти все названные города мы занимали с боями. Все время дивизия была в движении. В этих районах других русских частей, кроме Кавказской кавалерийской дивизии, не было.

...Двигаясь на Костелец, с задачей занять его, полки дивизии оставили Брудзев и шли по разным дорогам. При 1-м Хоперском полку находился командир бригады генерал-майор Горчаков. Местность была волнистая. Авангард донес, что вправо от полка по ложине в нашу сторону движется немецкая пехота. Командир полка вместе с командиром бригады поднялись на возвышенность и убедились, что идет рота немецкой пехоты. Командир бригады предложил командиру хоперцев атаковать германцев. В голове полка шла 5-я сотня. Командир полка вызвал командира 5-й сотни и приказал ему атаковать противника. Есаул Ильин⁹⁴, осмотрев местность и двигающуюся немецкую роту, рассыпал сотню в лаву и вихрем полетел на врага. Немцы, увидев несущихся казаков, залегли в кювет и открыли по лаве сильный огонь. Сотня продолжала молнией нестись, потом, загнув фланги, казаки блеснули шашками и начали рубить немцев. В этот момент командир роты подал свисток и приказал садиться; немцы, как один, стали на колени и подняли руки. Вся рота и два офицера были взяты в плен. Были ранены четыре казака.

За лихую атаку командир сотни награжден Георгиевским оружием, его помощник хорунжий Ларионов⁹⁵ — орденом Святого Владимира с мечами и бантом, двенадцать казаков — Георгиевскими крестами.

Вскоре в полку появилась песня, прославляющая хоперцев за эту атаку под Костельцем в октябре 1914 года:

Вспомним-ка, братцы, про подвиг лихой
Славных хоперцев в войне с пруссаком.
Много дрались мы, но случай такой
Должен служить, как пример вожаков.
Как-то к Костельцу походом мы шли,
День был хороший, октябрь на дворе.
Вдруг узнаем, что пруссаки прошли,
К Брудзеву, пешии, там за горой.
«Ну-ка, хоперцы! — сказал бригадир, —
Вон ваша жертва ползет за горой».
«Пятая сотня! — вскричал командир. —
Живо в атаку!» — махнул он рукой.
Точно на пир, против немцев задир,
Лавы помчалась с гиком, стрельбой.
Вел ее славный Ильин, командир,
С ним Ларионов, хорунжий лихой.
Немцы тотчас же к земле прилегли,
С дрожью больного открыли стрельбу.
Все же лавины сдержат не могли,
В руки героев отдавши судьбу.

Шашки блеснули, начнут уж косить,
 Немцы с испуга — оружие долой.
 Все на колени и стали просить —
 Милость и жизнь, чтоб вернуться домой!
 Вся рота, с ней офицеры сдались
 Нашим храбрейшим хопрам-казакам.
 Пусть же тот случай послужит в пример,
 Славным героям и всем пруссакам!

Того же дня для точного выяснения сил противника, занимающего город Турек, от 2-й сотни был выслан разъезд под командой подхорунжего Маслова. Разъезду поручено до 10 часов 20 октября вести наблюдение за дорогой, соединяющей Турек и немецкий город Конин. Выяснение сил противника — задача легкая, так как поляки всегда давали нам точные сведения. Город занимали три батальона пехоты с шестиорудийной батареей и два полка кавалерии с одной горной батареей.

По выполнении своей задачи разъезд возвращался в полк. На пути встретился с неприятельским разъездом, также возвращавшимся в Турек. Часть взвода в пешем строю обстреляла немцев, а другая часть взвода атаковала и взяла их в плен. Два немца было убито и четыре ранено, а 11 немцев — взято в плен.

24 октября части дивизии после решительного боя заняли город Турек, противник отошел на Конин. Дивизия двигалась без отдыха, не останавливаясь в занятых с боями городах больше двух суток, а отдыхом считала то время, когда ее части были в сторожевом охранении. Одно время около Радома появилась дивизия немецкой кавалерии. Начальник⁹⁶ Кавказской кавалерийской дивизии решил ее атаковать, построил боевой порядок и на рысях повел на противника. Немцы атаки не приняли, моментально исчезли и больше не появлялись.

...Когда Ивангород был атакован германской армией, штаб дивизии получил распоряжение самым быстрым образом, без остановки, отходить на Лодзь и Лович. Трое суток день и ночь двигалась дивизия, и, несмотря на то что пища в походных кухнях была приготовлена, есть ее не было времени. На четвертый день, около 12 часов дня, мы достигли города Лодзь, и около двух часов дня наш полк прибыл в город Стрыков. Весь этот большой путь полк прошел даже без привалов, лошадям давали зерно на каждой пятиминутной остановке, люди все три дня и три ночи не слезали с лошадей, а сидя верхом ели сухари.

В Стрыков полк пришел без особых приключений. В городе два часа отдых, дали возможность людям поесть горячую пищу, которую возили в походных кухнях три дня и три ночи, выкормили лошадей.

...В Ловиче полки дивизии простояли два дня, а потом переведены на юг от города, где вся дивизия была введена в Гвардейский Кавалерийский корпус, состоявший из двух гвардейских дивизий. После двухдневного движения всех трех дивизий мы достигли тыла германской армии, где нас встретили артиллерийской стрельбой. Атаковать немцев из тыла наша кавалерия не могла вследствие порчи немцами всех мостов на реках. Мы оставались в тылу противника два дня и две ночи и вели с немцами непрерывную артиллерийскую перестрелку. На третий день стрельба со стороны немцев прекратилась, от нас были взяты обе гвардейские дивизии и отведены в Варшаву.

Кавказскую кавалерийскую дивизию передвинули на юго-запад, где наш полк заменял на позициях расстроенные пехотные части до 15 декабря. Потом вся дивизия была переведена к Варшаве на отдых, где и оставалась до 26 декабря.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

В начале декабря турецкая армия, сосредоточив свои силы, решила занять Закавказье и повела наступление на Сарыкамыш, Карс и Александрополь.

Кавказская кавалерийская дивизия, как постоянно находившаяся на Кавказе, знакомая с местностью и населением, 26 декабря была погружена в эшелоны и в спешном порядке отправлена в Закавказье. Проезжая город Петровск, мы уже встретили поезда, переполненные солдатами разбитой турецкой армии. Около Елисаветполя дивизия выгрузилась из вагонов и несколько дней стояла в городе, потом походным порядком перешла в Ахалкалу, а позже в армянские села к Александрополью, где и оставалась до весны 1915 года.

В начале апреля вся дивизия погрузилась в вагоны и через Джульфу проследовала в город Казвин (Персия). Здесь у нас была дневка (два дня), а на третий день оставили свои обозы и, нагрузив полученных от персов лошадей продуктами, походным порядком двину-

лись по Курдистану на город Урмию. На третий день движения нас встретили засевшие в горных тущобах курды и открыли огонь из всевозможных ружей; в частях были убитые и раненые.

После этого случая в головной части дивизии всегда следовала батарея, которая разгоняла своей стрельбой скопища курдов.

На нашем пути встречались и большие реки, русла которых при сильных дождях наполнялись, поэтому нам приходилось ожидать по нескольку дней до уменьшения воды в реках.

Когда мы двигались по пологой местности, жара была невыносимой, но с приближением к Урмийскому озеру жара постепенно исчезала и климатические условия становились уже терпимы.

Город Урмия расположен по южному берегу озера. Город старинный и богатый, весь в садах, и представлял собой оазис. Много магазинов и вина, для полка можно было достать необходимые продукты. Тут же, около города, находится пристань, имелось несколько больших парусных лодок торговцев. Видели мы сахар русского происхождения, в головках.

В Урмии дивизия оставалась около десяти дней, потом двинулась по южной стороне озера на столицу Курдистана Соуж-Булах. По пути нашего движения мы встречали мирных жителей, это были айсоры. Шли по тропам, также по тропам двигалась наша батарея. На третий день движения равнины кончились и мы вошли в настоящий немирный Курдистан. Жителей в селах не встречали, они были пустые, все ушли в горы, забрав с собой скот и продукты, а в некоторых местах зарывали хлеб в землю. Здесь не росли даже отдельные деревья, только сухая трава и камни.

От Соуж-Булаха вошли в большие горы и тущобы, жителей не было, людей и лошадей питали тем, что могли найти в оставленных селах, пшеницу и ячмень иногда находили в земле. Орудия местами перетаскивали через пропасти на себе.

С рассветом второго дня мы увидели знаменитое озеро Ван и уже с восторгом сходили с перевала вниз, забыв все трудности и лишения двухмесячного похода. Здесь мы накормили своих лошадей свежей зеленой травой. Два дня дневки около разрушенного города Вана, люди и кони отдохнули, накормлены свежей пищей, а кони овсом, который был привезен ранее нашим обозом.

На третий день, оставив город Ван, полк двинулся по северному берегу озера. Между озером и рекой Евфрат, за один переход до перевала, который занимали турецкие войска, нас встретил

1-й Кавказский полк нашего войска и угостил всех обедом. На следующий день мы с боем заняли перевал, турки отошли. На перевале оставались около восьми дней. Потом было получено приказание в спешном порядке переправиться через Евфрат и на правой стороне реки, на дороге, соединяющей Эрзерум и Битлис (от Мелязгерта в 75 верстах вниз по течению реки), сжечь во что бы то ни стало деревянный висячий мост.

С восходом солнца полк в полном своем составе с двумя горными орудиями перешел по единственной переправе на правую сторону реки и двинулся вниз по течению. Полк шел на рысях, так как нам было известно, что турецкий корпус,двигающийся из Эрзерума на город Битлис, должен к вечеру того же дня достичь этого моста и по нему перейти на левую сторону Евфрата; других мостов и переправ в этом районе не было.

Священная река Евфрат проходит по горам. Благодаря своей многоводности она прорезала своим сильным напором большое русло и весь материал снесла дальше. Когда бывают дожди, река сносит этот материал на равнину. Этот грунт вдоль реки слишком топкий, лошади не могут его перейти, так как не могут вытащить копыта и пропадают.

От города Мелязгерта на левой стороне Евфрата и до моста Шейфо, который мы должны были сжечь, имелся один большой и очень широкий перекарт, где река разлилась. Вот там мы ее и перешли. Мост Шейфо построен на прорезанном рекой перевале и поднят над водой на 50 метров. В других местах, где река течет в одном русле, можно перейти Евфрат только вплавь.

Когда полк перешел на правую сторону и прошел вниз по течению около десяти верст, нас встретили ружейным огнем курды. Вступать с ними в бой у нас не было времени, рассыпали две сотни в лаву и на рысях гнали курдов, которые бежали на запад от нас, оставляя свой мелкий скот. Две сотни заменяли новыми и так продельвали, пока полк не достиг названного места. Три сотни полка были в охране, остальные отдыхали, и в шесть часов вечера часть моста с западной стороны была сожжена и половина моста обрушилась в воду.

Ночь полк провел около моста, а с рассветом двинулся обратно и по пути захватил очень много мелкого скота. Прошли половину пути до переправы, когда появились части турецкой кавалерии. Первый дивизион встретил турок атакой и артиллерийскими выс-

трелами, отбивался и от курдов, а тем временем второй дивизион со скотом переправлялся на левую сторону Евфрата.

На возвышенностях левого берега полк провел ночь, а утром следующего дня турки решили атаковать нас и все части нашей армии, расположенные между озером Ван и рекой Евфрат. В обход нашего правого фланга они бросили батальон пехоты, который почти весь был нами уничтожен, а полк продвинулся до местечка Лиз, через которое проходила дорога из Эрзерума на Битлис.

Получили донесение разведки, что в шести верстах выше разрушенного моста большая группа турецкой кавалерии вплавь перешла на левую сторону Евфрата и остановилась в лощине. Тогда командир двинул полк на противника. Три сотни пошли в атаку, а три находились в резерве. Заметив приближение полка, турки моментально переправились на правый берег, оставив в арьберггарде один эскадрон, который не мог ничего сделать против нашей 4-й сотни и сдался в плен. Командир 4-й сотни есаул Толмачев⁹⁷ был награжден Георгиевским оружием.

Через три дня турки получили подкрепление и всеми своими силами по всему фронту перешли в наступление. Задержать мы их не могли, да, наверное, и не было надобности терять в таких глухих местах наших воинов. Отходили с боями четырнадцать дней, оставили всю Алашкертскую долину и докатились до своей границы.

Нам дали два дня отдыха, потом кавалерия генерала Баратова обошла левый фланг турецкой армии и нанесла ей большой урон, а части Кавказской армии разгромили противника на правом берегу Евфрата. За трое суток преследования мы опять заняли город Мелязгерт и Тортонские позиции. Но наши кони настолько были измучены, что начальство оттянуло дивизию на отдых, где мы получили пополнение, а потом проследовали в Россию, в город Кагызман.

ЦАРСКИЙ СМОТР. В ПЕРСИИ. ХАОС

В Кагызмане мы оставались до начала ноября месяца, а потом нас перевели на запад в Проскуровский уезд Каменец-Подольской губернии, где дивизия встала по квартирам. Тогда же из штаба армии сообщили, что Государь Император пожелал произвести смотр Кавказской кавалерийской дивизии. Смотр был назначен на десять ча-

сов 10 ноября 1915 года в поле, в двух верстах юго-восточнее небольшой станции Балта. Части дивизии начали готовиться к императорскому смотру. Погода была неподходящая, ежедневно падал снег и шел дождь. Но казаки были очень рады и говорили: «Вот и нас будет смотреть Государь».

10 ноября в 9 часов 30 минут полки дивизии были построены в резервных колоннах, но из-за волнистой местности всей дивизии видеть было невозможно. В 10 часов был подан сигнал «под штандарты», потом прокатилось громовое «ура!!!».

Государь проезжал верхом по фронту, за ним по снегу пешком шел Наследник, потом ехал автомобиль, в нем сидел министр Двора⁹⁸. Окончив проезда по фронту, Государь вернулся к правому флангу. Все части дивизии были построены в каре. Государь остановился между Нижегородским и Тверским полками, поблагодарил всех за верную службу и вторично проехал по фронту. Поговорив с командирами полков, пропустил все части два раза церемониальным маршем, сначала шагом, а второй раз наметом. Вторично поблагодарил полки за службу, отпустил их на места стоянок, а офицеры провожали Государя на станцию, где его ожидал поезд. На станции Балта Государь пожелал сняться с офицерами дивизии, а потом отпустил всех офицеров, кроме командиров полков, которые были приглашены на обед.

После Царского смотра чины полка как будто переменялись. Все были веселы, вспоминали смотр и им гордились. Говорили, что Государь любит нас, ибо, когда благодарил, называл нас «дорогими воинами». Вот слова его благодарности: «Славные и милые воины! От лица нашей любимой Родины приношу Вам искреннюю благодарность за Вашу лихую боевую службу, которою служите нашей дорогой Родине и Мне! Враг наш сильный и мудрый, но мы должны его сокрушить до конца!»

18 ноября полк и вся дивизия получили спешное приказание оставить свое место стоянки и двигаться на город Гусятин, на границе с Австрией.

11 декабря мы перешли границу и двинулись в глубь Австрии, но потом получили распоряжение возвратиться на свою прежнюю стоянку к Проскурову.

В районе Гусятина уже был фронт — наш и австрийский. Наше начальство предполагало прорвать австрийский фронт и бросить кавалерию, около шести дивизий, в тыл противника; им это не

удалось, тогда начальство вернуло нашу дивизию и другие на старые места.

24 декабря дивизия получила новое распоряжение немедленно грузиться в вагоны, а 25 декабря к вечеру уже следовала на Кавказ. На станции Невинномысская была дневка, там мы повидались со своими родными, и некоторые из них провожали нас до Баку.

1 января 1916 года прибыли в Баку, в одной из гостиниц праздновали Новый год, а 2-го погрузились в пароходы и 3 января были в Энзели (Персия). Еще в пути стало известно, что мы следуем в корпус генерала Баратова. В Энзели один день дневка, там были приготовлены квартиры, где мы все свои излишки и вещи, кроме полущубков, оставили.

5 января в 8 часов утра дивизия двинулась дальше на Хамадан, и третьего дня мы были в Имам-заде-Гашипе. Здесь была дневка, а после, без остановки, двигались на город Хамадан, который расположен в 240 верстах от Имам-заде-Гашипа.

Сначала шли дожди, а потом большой снег, ударили морозы. От холода небольшие реки и ручьи покрылись льдом. Около 20 дней мы провели в пути, и в пяти верстах от Хамадана нас встретил генерал Баратов, бывший наш начальник дивизии (1-й Кавказской казачьей дивизии, в составе которой 1-й Хоперский полк ККВ находился с 1913-го и до начала Великой войны 1914 года. — П. С.).

Того же дня всей дивизии был сделан хороший обед, вечером пели песни и играли два оркестра. Следующий день дневка, а потом были высланы квартиреры в местечко Бакар, где мы прожили весь февраль.

Потом полк двинулся на Кенгевер и далее, расчищая местность от курдов, и в мае месяце полк занял курдинскую столицу Керманшах. Полки дивизии вели бои с частями турок и курдами, настроенными турками против Русской армии. Очистив весь район от курдов и партий турецких шпионов, дивизия двинулась в Месопотамию и подошла к Ханекину, ее началу.

В городе находились пехотная и кавалерийская дивизии турок. Наши разъезды ежедневно наблюдали в тылу противника дорогу Багдад—Ханекин, по которой доставлялась провизия и все необходимое для турецкого отряда. Однажды полусотня под командой хорунжего Воловича⁹⁹, наблюдая за движением по дороге, заметила турецкий транспорт (более ста вьючных верблюдов), следовавший из Багдада, атаковала его и весь захватила.

Город Ханекин был обнесен рвами и окопами. Начальник дивизии¹⁰⁰ решил атаковать турок. Два полка — хоперцы и северцы — должны были вести атаку, а Тверской и Нижегородский полки стояли в поддержке.

Атака должна была быть одновременной. Хоперцы, взяв первую линию окопов, начали занимать вторую линию. Турки, увидев, что общей атаки нет (северцы не успели), начали всей массой бить по нашему правому флангу. Хоперцы не выдержали, забрали своих раненых и отошли. Это был единственный случай потери такого количества людей, — из строя вышло 108 человек, из них 8 офицеров раненых.

Получив подкрепления из Багдада, турецкие войска повели наступление по всему фронту, и наша дивизия вместе с другими частями стала отходить в центр Персии. Командир корпуса распорядился: во избежание больших потерь в бои не ввязываться, но по возможности задерживать противника. В первых числах ноября дивизия остановилась в двух переходах от Хамадана.

В половине ноября я находился с 6-й сотней в сторожевом охранении и трое суток пробыл без смены, вопреки уставу полевой службы, где сказано, что одна и та же часть не должна в сторожевом охранении оставаться более одних суток.

На третьи сутки, в 12 часов дня, я получил распоряжение от командира полка¹⁰¹ во что бы то ни стало добыть языка и рекомендацию от штаба, что это можно сделать на нашем правом фланге, в 35 верстах от охранения. В сотне, кроме меня, офицеров не было. Объяснив людям задачу, я назначил двух подхорунжих и вызвал охотников. Вся сотня была согласна выполнить распоряжение. Тогда я лично отобрал 28 казаков (и двоих подхорунжих), приказал кузнецам осмотреть ковку лошадей и взять суточную дачу зерна.

С заходом солнца двинулись. Достигнули указанного места — это был левый фланг турецкой армии, и здесь через населенный пункт пролегла большая дорога из Турции на Керманшах. В этот момент проходил турецкий транспорт. Не допустив его в населенный пункт, занятый турками, наша команда без выстрелов, потихоньку направила транспорт по дороге в расположение сотни. Отошли на 7—8 верст, и только тогда турецкие солдаты, сопровождавшие транспорт, спохватились и открыли огонь. Часть их была взята в плен, остальные не решились преследовать нас, чтобы отобрать транспорт.

Нижегородцы сменили нас в охране только на четвертый день, и я вернулся в город Актепе, где стоял наш полк. На следующий день 1-й Хоперский полк оставил город и отошел назад, километрах в тридцати от прежней стоянки. Здесь мы оставались до 6 декабря, когда было получено распоряжение штаба Кавказской армии: нашей кавалерийской дивизии немедленно отправляться из Персии на Кавказ, в Елисаветпольскую губернию.

27 декабря я временно назначен командовать 4-й сотней и отбыл в командировку в Тегеран. 31 декабря я возвратился в Хамадан, а 1 января 1917 года в восемь часов утра полк, делая суточные дневки, двинулся в Россию.

В Энзели находились наши излишние вещи и все было приготовлено к погрузке в пароходы. Того же дня до десяти часов вечера происходила погрузка лошадей, обоза и всего полкового имущества, а на следующий день морем мы отправились в Баку.

По выгрузке с пароходов в Баку была два дня дневка, а потом частями полк погрузили в вагоны и привезли на станцию Евлах. Оттуда подивизионно двинулись в расположенное от станции в 79 верстах (два дня пути верхом) урочище Ханкенды.

В городке имелись казармы и конюшни казачьего полка (1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского войска. — П. С.), был большой запас фуража и продовольствия для людей. Местность очень гористая, высокая, воздух холодный, падал снег, а иногда шли дожди. В хорошее время дня делали посотенно строевые занятия и занимались верховой ездой.

Когда закончился фураж, нам было приказано перейти в Елисаветпольскую губернию. Полк остановился в 25 верстах от Елисаветполя, в немецких селах. Это было начало весны.

Здесь нас захватила революция, и так она на нас подействовала, что мы, офицеры, не знали, что нам делать. Каждый день получали все новые и новые распоряжения военного министерства, и дошло до того, что у командиров частей отняли всю власть, передали депутатам и докатились до абсолютного ХАОСА. Эксцесов у нас в полку не было, все было мирно, но общая гроза все больше и больше нависала над Россией, где солдаты уже расправлялись со своими начальниками.

До конца лета мы простояли в Елисаветпольской губернии, а к осени, погрузившись в вагоны, через станицу Невинномысскую дивизия двинулась в Минск. В городе оставались недолго, и с наступ-

лением осени походным порядком полк перешел в село, в двадцати верстах от Минска, где и оставался до зимы.

В армии настала полная анархия, офицеров избивали. В наших казачьих полках таких явлений не наблюдалось, но в кавалерийских полках дивизии подобные случаи были, где командира эскадрона заставили служить кашеваром.

Наше высшее начальство, не желая, чтобы казачьи части оставались разрозненными, вышло с ходатайством о сведении их в одно место и под общую команду. Нам разрешили оставить Кавказскую кавалерийскую дивизию и перейти в Могилевскую губернию, под Оршу.

Ставка про нас совершенно забыла, полку перестали выдавать фураж и продукты. Посланные от полка в ставку делегаты вернулись «с обещаниями». И когда Крыленко убил Верховного главнокомандующего — веры им совсем не осталось.

Штаб полка начал выдавать нам аванс из полковых сумм. Было распоряжение покупать фураж в селах, а провизию для людей в Орше. Началась сильная зима, дожди сменились снегом, занятия в полку проводить не могли.

Из Петрограда наше и окрестные села получили распоряжение о прекращении даже продавать нам фураж и продукты. От штаба армии мы ничего не получали. Полк потребовал от штаба армии послать нас на фронт, но и этого штаб не смог сделать.

Тогда была послана делегация непосредственно к «знаменитому» прапорщику Крыленко, Верховному главнокомандующему. Крыленко сообщил делегатам, что «мы вас не можем послать на фронт, ибо вы нам не нужны; продовольствия и фуража вам не дадим, а потому, что вы хотите сами, то и делайте, но на фронт вас не пошлем».

НАЧАЛО БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ

Когда господа Крыленко и компания заявили, что мы им не нужны на позиции, прекратили нам выдавать продукты и фураж, 1-й Хоперский полк вынужден был из Орши через Днепр идти домой походным порядком. Уже в Черниговской губернии нам дали вагоны, которыми мы и прибыли на Кубань в станицу Невинномысскую. В полку произошли выборы, все остались, конечно, на своих местах.

Спустя десять дней полк передвинули в лагерный сбор, где он остановился в летних бараках, кони в конюшнях. Бараки отапливались, да и особого холода не было.

При полку была создана караульная команда, а я назначен ее начальником. У меня три помощника, один из них сотник Супрунов¹⁰². Среди коренных хоперцев не было неприятных людей, а вот один классный фельдшер — сволочь, но он ушел из полка. Временным командующим полком полковником Гречкиным приказано раздать вдовам казаков полковые подводы и лошадей, необходимую часть оставить для нужд команды.

В команде людей не держали, но и не отпускали совсем. Им разрешалось ездить домой и потом возвращаться в команду. Были такие дни: сегодня у меня в команде до тысячи человек, а завтра триста.

Младшие офицеры в команду не являлись, но они не сидели сложа руки и подготавливали организацию, чтобы занять станицу Невинномысскую.

Я об этом знал и, бывая в штабе полка, сообщал им настроение людей команды, доказывал, что нужно дать казакам «переболеть» какое-то время, а потом можно будет выступить против красных. Молодежь со мной не соглашалась. Тогда я согласно приказу по Кавказской армии (офицеры, достигшие 32 лет, могли выходить в отставку) подал командующему полком рапорт, и мне дали отпуск до выхода в отставку. Я передал команду сотнику Супрунову, а сам уехал в свою родную станицу Кардоникскую.

[Март 1918 года] ...Здесь я узнал, что атамана в станице уже нет и только что избран комиссар. В этот же день ко мне явился член местной противобольшевистской организации гвардеец Бабенко¹⁰³. Мы переговорили о необходимых мерах, которые надлежало предпринять:

- 1) я на собрания не хожу, и ко мне на квартиру, кроме него, никто не должен приходить;
- 2) всех казаков, состоящих в организации, разделить на группы по 5—6 человек, общих собраний не делать;
- 3) все сведения о большевиках мне сообщать на словах с осторожностью, списков не иметь, переписки быть не должно.

Весь Великий пост прошел спокойно, но моя «неугомонная публика» говорила о немедленном выступлении против советской вла-

сти, и никакие мои доводы, что еще рано, не могли их убедить. Во избежание раскрытия нашей организации в другие станицы, что мы имеем таковую, сообщено не было.

Дождались мы Светлого Христова воскресенья (это было 22 апреля), а на второй день Праздника ко мне уже открыто явились два человека и сообщили, что сегодня мы должны обезоружить местную милицию и раздать оружие, которое хранилось при станичном правлении. Зазвонил часто колокол, что у нас означало тревогу или же какое несчастье, после чего все направились к станичному правлению.

Около него было не менее десяти тысяч мужчин и женщин. Я подошел к собравшейся нервно настроенной массе. Раздавались крики: «Просим Павла Максимовича Маслова стать во главе восстановших!» До моего прихода милиция сложила оружие, только один иногородний отказался сдать свою винтовку и был кем-то ранен в руку. По требованию станицы я поднялся на балкон правления, все кричали. Успокоив публику, я задал вопрос: «Будете ли мне беспрекословно подчиняться?» Толпа закричала: «Будем!»

Тогда я отдал распоряжение явиться всем, способным носить оружие. Их вооружили винтовками и патронами. Тут же назначил командиров сотен, комендантом станицы — хорунжего Мамоту, командовать пехотой — хорунжего Говорухина¹⁰⁴, а кавалерией, которой было около 300 человек, — хорунжих Нагубного и Плотникова. Моментаально были высланы разъезды по трем направлениям: на станицу Зеленчукскую, аул Атлескировский и станицу Красногорскую. Комендант станицы отдал распоряжение всем офицерам, скрывающимся в станице, завтра к 8 часам утра явиться в правление.

Утром явился есаул Павлов, служивший в пехоте, и, как старшему в чине, я ему предложил принять командование. Он согласился (это была моя непоправимая ошибка). Я принял всю кавалерию.

На следующий день наши разъезды донесли, что противник двумя кавалерийскими полками при двух орудиях занял станицу Красногорскую, 26 апреля выступил из станицы и медленно движется на нас. Я с конным и пехотным взводами (около 70 человек) занял позицию по водоразделу в четырех верстах от станицы. Противник не появлялся, тогда я продвинулся еще на две версты вперед и часам к пяти вечера занял пехотой несколько возвышенностей. Крас-

ные приблизились к нам, открыли стрельбу из двух горных орудий и лавой перешли в атаку. Мы ее легко вернули обратно. Тихо и покойно наступила ночь, но я получил сообщение из станицы, что настроение станичников изменилось к худшему.

Оставил вместо себя хорунжего Борисенко¹⁰⁵, а сам на рысях прибыл в станицу, где мне сообщили, что защищаться некому — кавалерия куда-то ушла. Я быстро явился в станичное правление, где нахожусь есаула Павлова, хорунжих Говорухина и Мамоту. От них узнал, что вся наша кавалерия в две сотни вооруженных казаков отослана ими по станицам поднимать восстание. Они мне также заявили, что станичники в страхе и решили не воевать с большевиками.

Конечно, с двумя взводами я не мог остановить красных, а потому предложил офицерам завтра с рассветом оставить станицу и следовать в горы и лес, где и встретимся. Сообщил, что я сейчас же еду на позицию и отошлю пехотный взвод с хорунжим Борисенко в станицу, а сам с конным взводом, когда красные будут теснить меня, отойду в лес.

Потом заехал домой, попрощался со всей семьей и на рысях отправился на позицию, где приказал хорунжему Борисенко со взводом следовать в станицу.

Ночь прошла спокойно, противник стоял биваком, и наступления на нас не предпринимал. С самого раннего утра я распределил человек тридцать по водоразделу, чтобы они представляли для красных нашу укрепленную позицию. Они боялись наступать на нас, и только когда их разъезд забрался на гору левее нашей позиции в десяти верстах и увидел, что нас совсем мало, — началось безостановочное движение на нашу позицию.

Я отдал распоряжение постепенно, незаметно для противника отходить в горы. Отослал всех, кроме Бабенко, которого не мог уговорить оставить меня, и он оставался при мне. Случайно посмотрел на станицу и увидел верхового, подъезжающего к нам. Это был мой младший брат Тимофей, он привез немного продуктов и пятьсот рублей и просил меня в станицу не возвращаться.

Отослав Бабенко вслед за отходящими, я продолжал оставаться на месте и заметил группу человек около пятидесяти, на рысях появившихся из-за возвышенности с севера. Мой Бабенко тоже увидел их и кричит мне: «Уходите скорее!» Я остался для окончательного выяснения, кто эти кавалеристы, и когда они приблизились

шагов на 400, тогда только узнал, что это казаки, которые были посланы по станицам поднимать восстание.

Хорунжий Плотников подъезжает ко мне и кричит: «Ради Бога, принимайте командование, и мы атакуем противника» — а сам его еще и не видел. Все вместе мы отошли в горы и верстах в восьми остановились. Противник также остановился на водоразделе, который мы только что оставили.

К вечеру красные вошли в станицу без стрельбы и оставались в ней около шести дней. Мы же поднялись выше в горы и лес и простояли на одном месте два дня. Каждый день к нам подходили разъезды из наших станичников, посылаемые красными вылавливать нас. Нам сообщили, что большевики арестовали несколько человек, в том числе и есаула Павлова, который не послушался моего совета; потом он был отправлен в станицу Зеленчукскую и там расстрелян.

Не желая, чтобы большевики знали, где мы находимся, я собрал всех станичников на общий совет и убедил молодых казаков вернуться на свои хутора и постепенно вливаться в станицу, что они и сделали. Причиной этому решению явилось то, что нам не было известно о восстаниях в других станицах.

Впереди было все мрачно, что нас ожидает — неизвестно, предполагали, что будет голод и преследование со стороны советов. Молодые казаки, не участвовавшие в последней войне, не смогли бы вынести бедствий. Приходилось невольно ожидать измену.

Вечером мы оставили это место и прошли в казенные леса, граничащие с юртом станицы Кардоникской. Разделились по группам с условием иметь тесную связь между собой и делиться сведениями, дошедшими до нас. В каждой группе один старший, и ему подчинялись чины всей группы.

Продукты наши были на исходе, у некоторых их совсем не было. Тогда мы занялись охотой на диких коз и свиней. В моей группе было шесть человек, трое знакомы с лесной местностью. Они посоветовали мне проехать в верховья реки Аксаут, главного притока Малого Зеленчука, где были кочевья горцев. Два дня мы шли пешком и выше леса по северному склону Кавказского хребта, пока не увидели в полосе мелкого леса обычный деревянный крест. Остановились, наши голодные лошади ели мелкие ветки.

Стоя около креста, разговорились, почему именно в этом месте он поставлен, и пришли к заключению, что, когда рубили здесь лес,

кого-то убило деревом, а может быть, охотника разорвал зверь. С полчаса мы простояли, наши кони продолжали грызть деревья. Одному казаку пришла в голову мысль, что в этих глухих местах проживают скитники и они, как знак своего пребывания, ставят по очень малым тропинкам кресты. Мы лучше осмотрели это место. Еле заметные тропинки около креста расходились, мы, не желая подниматься вверх, вошли в мелкий лес, лошадей вели в поводу.

За лесом нашли скит, в котором отдохнули два дня. Дальше двигались от кочевки к кочевке горцев. Старший одной из них, приветствовав нас как гостей, потом добавил, что «у него на кочевке вся голодьба (то есть беднота), и все «большевики», потому больше суток он не может нас держать».

Месяц прожили у знакомых горцев Бойчоровых. Хозяин большой кочевки князь Карабашев сообщил, что у них находятся два офицера, один из них нашего полка, и назвал его фамилию — Брянцев. Он просил меня, чтобы мы их взяли в свою группу, и обещал быть у нас к десяти часам вечера.

В два часа ночи (мы поужинали, не дождавшись гостей) я услышал очень тихий разговор, треск сухих веток под ногами и предупредил друзей занять свои места. Сам остался около никогда не угасавшего огня один. Их следовало пять человек — два офицера пешком и три горца вели своих лошадей в поводу. Хорунжий Брянцев не выдержал и бросился ко мне, то же сделал и второй офицер хорунжий Попытаев (станицы Батаапашинской).

После коротких объяснений мы им дали поужинать и до рассвета весело разговаривали. Вместо Карабашева приехал его младший брат Султан-Мурат, а с Бойчоровым прибыл еще один горец, оба охотники. Бойчоров сообщил, что соседний кош — даудцы (к которым мы попали вначале, он называл их «голодрайцами») угрожают донести о нем большевикам за то, что он скрывает нас у себя и кормит «за большие деньги». Султан-Мурат вскочил со своего места, взял винтовку в руки и говорит второму горцу: «Идем к ним на кочевку и побьем их». Когда настало утро, оба горца отправились на кочевку к даудцам.

Что там было — мы не знаем, но на второй день в девять утра появился старик с подростком, который вел лошадь, навьюченную продуктами. Старик горец поздоровался с нами и сказал самые приветливые слова на карачаевском наречии: «Наша сакля — ваша сакля» Это означало, что мы у них не гости, а их люди и они нам

предлагают свой дом для житья. Я на турецком языке искренне поблагодарил его за любезность к нам и за довольствие.

...До нас дошли сведения, что полковник Шкуро начал собирать казаков между станицей Бекешевской и Кисловодском. Тогда мы оставили своих покровителей и уже днем, а не ночью и по дороге ушли, заехав по пути в скит монахов. В ските было в то время два человека, один старик и его послушник. Старик говорил мне: «Дети! Вы восстали против зла, это проявление антихриста, вы делаете святое дело, не оставляйте его, и Господь будет с вами! Но знайте, где и во скольких местах придется побывать, — молитесь Господу, и он будет всегда с вами»

Он благословил нас, мы распрощались и выехали в свой станичный юрт; остальных скрывающихся еще не видели.

Под Вознесение, 29 мая, поздно вечером мы впятером въехали в станицу с южной стороны (станичники сообщили нам, что большевистских частей в станице нет и охраняла ее милиция из наших казаков). В следующие дни все были заняты работой в поле (и мы помогали своим семьям), а потому казаки были пассивны.

15 июня около станицы остановился какой-то отряд казаков. Я не медля отправился к правлению и увидел своих сослуживцев, казаков нашего отдела станиц Спокойной и Отрадной, там же нашел подьесаула Козликина¹⁰⁶. Они предполагали двигаться дальше на соединение с полковником Шкуро. Указав казакам место ночлега, я пригласил Козликина к себе на квартиру, немного приодел и накормил его. Договорились, что если мне удастся собрать казаков, то я завтра на рассвете присоединюсь к ним.

Собрать казаков мне не удалось, — все работали в поле. На второй день я с шестью казаками оставил свою станицу и отправился на назначенное место. Отряд подьесаула Козликина мы там не нашли, двинулись дальше и на следующий день в восемь утра были у Георгиевского-Осетинского. На мосту уже стояла осетинская застава, выставленная по требованию комиссариата отдела. Стража, увидев казаков, вооруженных лучше, чем они, пропустила нас через мост. Пройдя крепость, мы по следам отряда около 11 часов достигли его, стоявшего на отдыхе.

Отряд состоял из лабинцев и хоперцев, были и офицеры: Лабинского полка есаул Солоцкий¹⁰⁷ и Хоперского полка подьесаул Бреус¹⁰⁸, хорунжий Васильев и подьесаул Козликин (последний, казак Лабинского отдела, состоял у есаула Солоцкого). Лабинцев

было около 500 человек, хоперцев также около 500. Они вместе с семьями вышли из станиц Отрадной, Удобной, Передовой и Кардоникской.

На следующий день утром мы двинулись на Белый Ключ, там уже находился полковник Шкуро. У него было около 500 казаков, выступивших из станиц Суворовской, Баталпашинской и Бекешевской. Люди были распределены по полкам и сотням, командирами полков Шкуро назначил: подъесаула Козликина — 1-м Лабинским, хорунжего Васильева — 1-м Хоперским, подъесаула Бреуса — 2-м Хоперским. Я получил 3-ю сотню, состоящую из казаков станиц Удобной, Спокойной и Кардоникской. Есаул Солоцкий назначен командиром бригады.

18 июня с рассветом Лабинский полк был выслан на станицу Баталпашинскую, но она была занята дивизией кавалерии и полком пехоты с двумя батареями.

19-го и 20-го мы оставались на месте, высылая разведку на Баталпашинск, станицы Усть-Джигутинскую и Воровсколескую; получили сообщения от разъездов, что полк пехоты и два полка кавалерии красных подошли к возвышенностям горы Пекеч и заняли их.

20 июня дивизиону 1-го Хоперского полка под командой старого полковника Удовенко (который, кажется, даже не участвовал в войне 14-го года)¹⁰⁹, а от 2-го Хоперского полка дивизиону под моей командой поставлена задача: незаметно от противника зайти ему в тыл и, когда наши части пойдут в атаку на противника, тогда только броситься на его тылы.

Рано утром мы выступили с бивака и прошли противника, незаметно для него. Полковник Удовенко повернул свой дивизион правым плечом и направился на фланг противника. Я предупредил его, что мы не выполняем задачу и испортим все дело. Он не послушался моего совета, вывел дивизион на хребет, который прикрывал нас от противника, и обнаружил себя. Несмотря на то что перед нами была очень высокая гора, а наши головные силы еще и не появились перед позицией, он повел дивизион рысью.

Уговоры мои на него не действовали, и я был вынужден следовать на неприступную для кавалерийских атак позицию. Противник открыл по нам огонь из четырех орудий, мы усилили аллюр и подвели оба дивизиона к небольшому перевалу. В это время наши

силы перешли в атаку (здесь я был контужен в левую сторону артиллерийским снарядом). Кавалерия и пехота противника стали спешно уходить на Баталпашинск, оставив своих убитых и раненых. Полковник Шкуро приказал прекратить преследование. Мы опять отошли на Белый Ключ, своих раненых привезли в Бекешевскую, а позже в Воровсколескую, где у нас был лазарет. Противник больше не нападал на нас.

Вследствие нехватки боевых припасов штаб Шкуро решил оставить Баталпашинский отдел и перейти в Ставропольскую губернию. Вся линия железной дороги была занята противником. Из штаба дивизии я получил приказание с полусотней занять станцию Курсовка, очистить от противника железную дорогу на расстоянии одной версты и тем самым дать возможность пройти нашим частям, обозу и нашим семьям.

На рассвете я без боя занял станцию, выслал по одному взводу по направлениям к Пятигорску и Невинномысской, на телефонном и телеграфном пунктах поставил своих людей и доложил, что все готово. Как только наши обозы начали переправляться, мне сообщили, что из Невинномысской вышел поезд. Я послал взвод, охраняющий дорогу, с приказанием: если поезд пассажирский — пропустить, а если воинский — стрелять по нему. С остальными людьми я ждал поезд на станции.

Поезд мы ожидали три четверти часа, он был остановлен на станции. В нем находилось много пассажиров и около 30 солдат. Когда наша основная группа перешла железную дорогу, я получил приказание пропустить поезд и присоединиться к своим. С нами были и пленные, вечером того же дня мы их отпустили.

На следующий день, часов в десять, наблюдательные посты и разъезды донесли, что противник движется на нас широким фронтом. Штаб отряда двинул нас навстречу красным, одна сотня бросилась в атаку на два полка противника, который отступил. Ночью приказано занять село Кугульта, в нем находился батальон пехоты красных. Село до рассвета было окружено с трех сторон, и на рассвете я повел атаку в конном строю с юга, где у противника имелись окопы. Около меня на подводе следовал бомбомет. Противник, услышав лошадиный топот и стук колес, открыл ожесточенную стрельбу. Я приказал людям кричать, чтобы они не стреляли. Стрельба затихла, но нам слышна была брань в окопах, на солдат кричали «стреляйте!». Тогда бомбомет выпустил один снаряд, который разор-

вался в воздухе. Красные прекратили стрелять, и я с одной сотней занял выходы из села на восток.

Уже совершенно рассвело, когда на нас выскочил из села легкой автомобиль, но с такой быстротой повернул назад, что мы не могли его взять. Десять казаков были посланы его преследовать. Около самого села автомобиль остановился, два человека выскочили и спрятались в каком-то доме. Это оказались (как потом выяснилось) комиссар Плетнев и его секретарь-австриец. Окруженные нашими частями, из села никто не ушел, и весь батальон со своими начальниками и комиссаром были взяты в плен.

Того же дня, до обеда, полковником Шкуро был назначен полковой суд, который постановил весь батальон расстрелять. После обеда, часов в шесть вечера, был собран казачий круг. Шкуро много говорил о лихости казаков и сообщил, что все пленные приговорены к смертной казни. Он просил казаков отменить смертную казнь всем, кроме комиссара и секретаря, и советовался, что делать дальше с пленными.

Круг ему ответил, чтобы он сам решил, что с ними делать. Тогда полковник Шкуро обращается к пленным и говорит им: «Вы слышали, что решил казачий круг?» Пленные молчали, не верили ему и решению казачьего круга. Далее Шкуро говорит, что «круг вам простил и дает полную свободу, идите куда хотите, если кто пожелает к нам в отряд — ваша личная воля».

Два шофера ушли в Красную армию, а через семь дней прибыли к нам на большом грузовике и привезли много патронов и два исправных пулемета Максима. Остальные пленные той же ночью ушли по домам.

Весь день и ночь мы оставались в селе Кугульта, были на хуторах Хлебных и постепенно продвигались на село Донское. В нем к нашему отряду присоединились 800 молодых солдат и, кроме того, из Лабинского отдела пришел полк пяти с половиной сотенного состава с офицерами. Командиром полка был назначен я. Казаки были все молодые, кроме урядников, полк еще не участвовал в боях.

В июле мы находились в Ставропольской губернии и постепенно ликвидировали в тылу противника все его небольшие отряды. 26 июля заняли с боем село Ладожская Балка, к нам подошли части Добровольческой армии, и полковник Шкуро с начальником штаба отправился в Екатеринодар.

30 июля полк оставался в Ставрополе. Противник очень большими силами наступал из села Татарки на город, и 31-го в спешном порядке мы выступили на позицию. Здесь уже шел сильный бой, противник вел по всему фронту атаку и обстреливал наши позиции артиллерией. Я построил полк в резервную колонну. Влево от нас, в лесу, стоял 1-й Хоперский полк, две их сотни пошли в атаку. Снаряды перелетают и рвутся над нашими головами. Хоперская лава с криками «ура!» на широком намете идет на противника. Начальство ничего не предпринимает для поддержки хоперцев, а приказывает мне послать одну сотню. Противник усилил артиллерийскую стрельбу, его снаряды падают в стоящий в резервной колонне наш полк. Я отвел полк на правый фланг позиции, 6-ю сотню выслал правее себя, две сотни спешил, а две сотни в спешном строю оставил в резерве.

Перед нами оказался очень глубокий лесистый овраг, и красные в некоторых местах уже появились на нашей стороне. Я приказал коноводам подать коней на позиции и спешно посадил на коней две сотни, состоящие в резерве. Оставив вместо себя одного сотенного командира и приказав ему двигаться вслед за первым дивизионом, мы перешли в контратаку.

Противником, наступающим на нас, были мобилизованные красными казаки. На левом фланге нашей лавы проходила тропа через овраг, и по этой тропе я повел на рысях весь полк. Следую впереди сам, по всему фронту гремело «ура!». Шашка была у меня в руке, но затем вложил ее в ножны; — овраг с противоположной стороны был очень крутой. Двигались быстрым шагом, сначала рядами, а потом в один конь. Лес постепенно перешел в сплошные кусты, и здесь, на тропе при спуске вниз, стоял огромного роста солдат с винтовкой в руках и целился в меня.

Я ему крикнул: «Не смей стрелять!» Он опустил винтовку, но потом во второй раз прицелился, уже его штык касался головы моего коня. Опять крикнул ему «не стрелять!», солдат опустил винтовку и поднял руки вверх. Я сказал: «Ты дал мне жизнь, вот и я тебе дам, стань около меня». За мной следовал командир 1-й сотни, люди быстро выскакивали на ровное место. Влево от нас оставалась еще цепь противника, но она уже сдавалась, не успев скрыться в лесу.

Первую группу казаков повел в атаку командир 1-й сотни, вторую группу адъютант полка, а всех остальных вел я сам. Остались 10 человек — собрать пленных, и один бомбомет. С налета я за-

нимаю село Татарка, берем там два тяжелых автомобиля: на одном два пулемета, а на втором — орудие.

Мы были отрезаны от своих частей. Я бросил две сотни на прорыв, но казаки были молодые и не смогли выполнить задачу. Я не решился делать второй прорыв, чтобы не погубить весь полк, и быстро оставил Татарку. По руслу двинулся к Кубани, обошел Сенгелеевское озеро и на второй день к двум часам ночи подошел с западной стороны к Ставрополю.

Когда полковник Шкуро получил мое сообщение о прибытии полка, он, не медля ни минуты, вызвал меня к себе. Не спрашивая, где я был с полком, он набросился на меня, «почему я сбежал с полком из боя?». Тогда я доложил, как полк пошел в атаку, взял в плен 110 человек красных и одно орудие, которое я отослал под конвоем казаков. Шкуро говорит, что это взяли хоперцы. Я сообщил ему, что хоперцы прибыли позднее, я сам с полком пошел в атаку, во время атаки убит полковой адъютант. Шкуро открыл карту, и на карте я ему указал путь следования полка. Он внимательно выслушал меня и сказал: «Возвращайся в полк».

Около десяти дней мы находились в районе Ставрополя, заняли гору Недреманую, того же дня заняли село Татарка и станцию Невинномысская. Противник по всему фронту отходил на село Петровское.

Есаул Бреус случайно свалился с лошади, получил растяжение в подъеме правой ноги и целый месяц не находился в строю. Я исполнял обязанности командира 2-го Хоперского полка. В Татарке мы оставались несколько дней, бросали нас везде, где только была потребность.

...2 сентября мы стояли в Петровском, туда прибыл командующий группой полковник Улагай и приказал мне следующее: выделить из полка всех лабинцев, а с хоперцами вернуться в село Татарка, там полковник Шкуро организует партизанский отряд с задачей очистить Хоперский полковой округ от красных. Выполнив приказание, того же числа поздно вечером я с хоперцами прибыл на место назначения. Шкуро вызвал меня и просил дать ему 12 строевых лошадей для двух орудий и вторично еще четырех лошадей для походного телеграфа. Эти лошади будут либо возвращены, либо он получит новых лошадей от управления Баталпашинского отдела. Казаки с радостью отдали своих

собственных лошадей, на которых пробыли войну 1914—1917 годов. Это пример жертвенности казаков.

До девяти часов утра 4 сентября наши приготовления были закончены, и мы перешли в Дворцовые хутора, там и обедали. 2-й Хоперский полк состоял из четырех сотен и взвода офицеров — штабного кадра будущих Карачаевского и Черкесского полков. В два часа полк выступил на станцию Курсовка и на полпути от станции был встречен двумя бронепоездами красных, которые нас обстреляли из легких орудий. Наша батарея открыла по поездам огонь из двух горных орудий. В бою одно из них было испорчено, но бронепоезда оставили нас и отошли на станцию Суворовская.

До шести часов вечера мы оставались на месте, а с наступлением темноты перешли через полотно железной дороги и к 10 вечера без боя заняли Невинномыссские хутора. В хуторах был ночлег, а с восходом солнца я с двумя сотнями без боя занял станицу Беломечетскую, выставив сторожевое охранение с восточной и южной сторон, и занял мосты через Кубань и Малый Зеленчук. У станичного телефона находился урядник, который мне подробно доложил: Баталпашинская занята полком кавалерии и двумя батальонами пехоты и вечером 4 сентября там был съезд представителей от станиц и военных организаций. Сегодня в 8 часов утра все эти представители должны возвратиться по своим местам. Урядника я оставил у телефона, чтобы он продолжал выполнять советские распоряжения, дал ему двух человек для связи со мной, но предупредил: о том, что мы заняли станицу, никому ни слова.

В 8 часов утра я получил известие, что все делегаты разъехались по местам. В 9 с половиной большая группа (18 человек) была задержана на мосту Малого Зеленчука. В 9 часов утра из Невинномысской прибыл с двумя сотнями Шкуро. Задержание делегатов было произведено так, что в Баталпашинске об этом никто не узнал, но все же предположили — в Беломечетской что-то происходит.

Весь день 5 сентября мы простояли в станице, а с наступлением темноты оставили в ней одну вновь сформированную сотню и двинулись на Баталпашинск. Около 10 часов вечера подошли к аулу на левом берегу Кубани в трех верстах северо-западнее станицы. Нас встретили черкесы и подробно сообщили, какие силы красных находятся в Баталпашинске.

У Шкуро состоялось совещание, на котором я не присутствовал. Когда был решен вопрос атаковать противника, Шкуро спросил: «Кто же пойдет первым в бой?» Командир полка (есаул Бреус) сказал: «Только Маслов!» — и тогда Шкуро выразил недовольство, что вопрос решается без меня. Я явился на совет, где собралось семь человек, трое из них были черкесы. Шкуро сообщил мне подробно обстановку и сказал, что можно вести наступление через мост, а можно переправиться через Кубань, на это имеется единственный брод. И говорит мне: «Вот как ты решишь, так и будет».

Я доложил: «Думаю, что мост будет занят и, кроме того, большевики займут пехотой всю западную сторону станицы и нанесут нам большой урон. Потому перейду вброд на правую сторону Кубани и с северной стороны станицы атакую противника». Шкуро предложил мне взять два пулемета. Я вернулся к полку, приказал двум сотням: «По коням!» — и сообщил казакам решение. Шкуро пожелал нам всех благ в выполнении этой задачи.

Кубань была очень полноводной, впереди шли два черкеса, показывая нам путь. Реку перешли благополучно, но те же черкесы нам сообщили, что в двухстах шагах от переправы имеется кожевенный завод и на нем всегда находятся семь человек красных, вооруженных винтовками. Я послал семь казаков с урядником, которые без выстрелов обезоружили их.

Дивизион занял ярмарочную площадь, мы обратились к местным казакам и получили от них две линейки. Поставили на них пулеметы и с благословением Божиим повели наступление. Красные открыли убийственный огонь. Спешенная цепь без выстрелов, с криком «ура!», заняла их окопы, но почти в это самое время с тыла появились около 200 кавалеристов и решительно нас атаковали. Я приказал пулеметчикам открыть огонь по красным, конная полусотня пошла на них в атаку и преследовала шесть верст по дороге, соединяющей Баталпашинск с Воровсколесской.

С лошадьми для их охраны я оставил один взвод, а остальных казаков в пешем строю повел к центру станицы. Противник кое-где пытался нас остановить, но пулеметного огня он не выдерживал. В темноте было очень плохо видно, но мы шли смело, зная, что нас ожидают свои же казаки, и, когда начало рассветать, мы были на соборной площади.

(На этом записки полковника Маслова заканчиваются. — П. С.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

4 января 1970 года.

Генерал В.Г. Науменко (США) — А.П. Маслову (Югославия).

<...> после получения Вашего первого письма написал в Бельгию представителю нашего Атамана Дроботу Ивану Ефимовичу письмо, просил навестить Павла Максимовича и если что ему надо, то по возможности помочь. От него получил ответ. В своем письме от 26 декабря 1969 года он пишет:

«Я Вам сообщаю, в каком состоянии находится в настоящее время Павел Максимович. Вы пишете, что он плохо видит. Он не только что не видит, но и не слышит, а в особенности несчастье, что он лишился рассудка. Он нас никого не узнает. Придешь к нему, поздороваешься, а он предлагает начать формировать отряд или предлагает идти в наступление...

А посещать, мы его всегда посещаем, также посещает и союз инвалидов.

Главное то, что он находится в приюте. Уход за стариками и больными очень хороший. Имеются сестры, которые по ночам ходят и смотрят за больными, всегда купают и переодевают в чистое белье. Я получил из Кральева от моего знакомого письмо, в котором сын Маслова просит сообщить ему о своем отце. Я ему написал, чтобы он не беспокоился. За ним уход хороший, а если скончается, то похороним с казачьей почестью. О его выздоровлении и думать не приходится, только молим Бога, чтобы принял его душу».

Я рад сообщить Вам о том, что отец Ваш не брошен казаками в Бельгии и они о нем заботятся. Мне приятно было узнать из письма Дробота о том, что Вы беспокоитесь о своем отце. Бог Вас за это вознаградит.

Далеко не у всех такие дети, а большинство о своих стариках не только не заботятся, а и думать о них не хотят.

...Я радуюсь, что в Вашем лице мы — кубанцы — имеем настоящего казака. Хвала и честь Вам. Если Вам понадобится какая справка, прошу писать мне, я всегда отвечу на Ваше письмо.

Сообщите, есть ли еще в Кральеве кто из кубанцев и вообще есть ли там русские. Пишите о себе, о своей семье...

Если вспомнит меня кто из кральевичан, передайте ему благодарность за то, что меня не забыл.

...Большое Вам спасибо за заботы о Павле Максимовиче.

<...>

Ф.И. ЕЛИСЕЕВ. С ХОПЕРЦАМИ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

В 3-м Уманском полку. Полковник Гамалий

Я совершенно не знал черноморских станиц, в середине мая 1919 года едучи в Екатериновскую станицу Уманского полкового округа, где формировался 3-й Уманский полк, которым командовал полковник Гамалий¹¹⁰ и куда я был назначен походным атаманом генералом Науменко на должность помощника командира полка.

Мне было скучно. Я был огорчен несправедливостью отозвания меня из Корниловского полка в самый разгар победного наступления на Царицын и чувствовал, что тыл — совершенно не для меня. Тишина и покой после долгого пребывания на фронте и в боях были неприятны. Они томили и клонили душу к апатии. Я чувствовал, что в тылу буду совершенно бесполезен. И сытая тихая беззаботная жизнь меня утомит своим застоём. И вот, когда я вышел из поезда на станции Крыловская, как везде на Кубани далеко отстоящей от станицы, мне сделалось неимоверно нудно...

На извозчике степью еду в Екатериновскую, направляясь прямо к площади, зная, что штаб полка должен быть где-то там. Издали вся станица утопала в цветущей белой акации.

Я приятно волновался, когда подошел к двери большого казачьего дома, за которой должен быть мой старый и старший друг еще по Оренбургскому казачьему училищу с 1910 года, полковник Василий Данилович Гамалий, теперь мой командир полка. У него я должен отдохнуть душою от постигшей меня неприятности и, конечно, рассказать ему все, как «защитнику обездоленных», каким он прослыл в военном училище среди нас, младших юнкеров, будучи тогда портупей-юнкером. Спросив разрешения войти, рапортую — представляюсь по всем правилам воинского

устава, а он, быстро встав со стула и обойдя свой письменный стол, не слушая рапорта, подходит ко мне, обнимает и целует в губы, произнеся:

— Ну, к чему этот рапорт? — Из штаба войска он уже знал о моем назначении в его полк.

Я хочу предъявить ему свое предписание, а он флегматично перебивает меня словами:

— Да успеешь еще... Ты обедал? — добавляет.

Отвечаю:

— Конечно нет... я сюда прямо с поезда.

— Постой... куда бы нам пойти пообедать? — вдруг спрашивает он и... смотря в землю, думает.

Красивый, высокий, крепкий, здоровый мужчина — кровь с молоком. Очень стройный. Крепко скроенный и красиво сшитый. С могучими плечами и легкой походкой. На светлой широкой гимнастерке — офицерский Георгиевский крест и английский орден. Своим внешним видом Гамалий представлял классическую красоту казака-черноморца. Ему тогда было чуть свыше 35 лет.

Этой атлетической фигуре, казалось, не только было тесно сидеть в этой небольшой его комнатке-канцелярии, но и — неуместно. Его крупное тело требовало простора, степи, именно степи, а не гор и леса! И требовало той работы, которую нужно было держать ему на своих могучих плечах, как что-то особенное на своем гранитном фундаменте. Это была «машина», требующая физической работы, шири, мощи, может быть, безудержного разгула, и вот он — молодой и заслуженный полковник и герой — формирует в глубоком тылу полк из старых казаков и полк пеший...

Он холост, еще не устроился, вот почему и не знает — где ему обедать.

Вечером этого же дня я был представлен командиру бригады, генерал-майору Филимонову¹¹¹, родному брату войскового атамана¹¹². В черкеске и только при кинжале он прогуливался возле своей квартиры под тенистыми акациями с очень молоденькой, интересной и шустрой местной учительницей. Он не обратил никакого внимания на нас с Гамалием и постарался скорее отпустить нас от себя. В его бригаду должен войти и 3-й Запорожский полк, также формируемый, как и 3-й Уманский.

Странный прием был стусеван приятной встречей со старым корниловцем, сотником Шурой Хлусом¹¹³, отчетливо представив-

шимся мне. 26 октября 1918 года в конной атаке полка на пехоту красных под станицей Убеженской под командой полковника Бабиева мы оба были ранены. Это связывало дружбой.

Получив от Гамалия месячный отпуск, выехал к себе в станицу.

В своей станице

В станице работаю и отдыхаю. Братья на фронте, идут с боями на Царицын. В хозяйстве рабочих мужских рук нет. Отец погиб. Бабушке сверх семидесяти лет. Матери более пятидесяти. Три сестренки — 16, 14 и 12 лет. Все учатся. Кому же работать?!

У нас, под горою, над Кубанью — два сада, по две десятины каждый. Один фруктовый и овощной, а другой — травяной, с люцерной. Эту траву косили четыре раза в лето. Подошел первый укос. Косили «травяной», то есть американской косилкой.

Скосили, высушили, перевезли сено и сложили в скирд во дворе. Спят черешня, малина, клубника и другие ранние фрукты в нашем верхнем саду, раскинутом длинно по кочугурам.

Я веду в станице замкнутую жизнь. Ни у кого не бываю. Ложусь спать не позже девяти вечера. Мне скучно. И томительно. Я оторван от своего воинского дела, вот почему мне и скучно, и томительно. Живу как отшельник.

— Что ты, сыночек, такой грустный? — участливо спрашивает наша дорогая и такая добрая мать. — Ах, сколько невест есть хороших, Федюшка! — добавляет она, думая, что я скучаю в одиночестве.

Выслушав это и дав несколько минут ей на размышление — встаю и иду тихо от нее, чтобы не огорчать ее отрицательным ответом. Моя душа была пуста, и я совершенно не думал о женитьбе.

Так приятно работать в своем фруктовом саду! Моя кобылица Ольга свободно пасется в огороде. Она так «округлена» на воле. Ей пять лет. Она словно семнадцатилетняя красавица «в соку». Она так привыкла ко мне. И когда ей становится жарко — сама идет ко мне. Подойдет, станет возле, словно хочет сказать: «А не довольно ли, старина, работать?.. Не пора ли на фронт?.. А пока что — я хочу пить и постоять в тени».

И стоит она, моя дорогая Ольга, и монотонно кивает головой, отгоняя назойливых мух.

— Крас-сивая она у тебя, сыночек! — говорит мне мать и любит ее, словно своей дочкой.

По праздникам я часто езжу по станице верхом и уж «не огородинком» в широкой рубаше, вобранной под очкур широких шаровар, внапуск на чувяки, а в черкеске, в погонах, при кинжале и револьвере. Тогда я уже для своих станичников — и пан, и господин полковник, и Федор Ваньч, и Федюшка для своих сверстниц и пожилых женщин-казачек. Прекрасны наши станицы! Прекрасный народ там!

Меня волнуют иногда старики. Сидит какой-нибудь седой и бородатый на своем парадном крыльце в широкой белой овчинной бабьей шубе, пригревшись на солнышке, и видит — приближается офицер. Он хочет встать и показать свое ему почтение.

— Сидите, сидите, дедушка!.. не вставайте... Здравствуйте! — предупреждаю его и снимаю перед ним папаху.

— Ды... как же!.. — отвечает он, не договорив, что всякому офицеру казак должен отдать воинскую честь.

Идут жестокие бои под Царицыном. Оттуда везут многих убитых казаков. Привезли двух убитых хорунжих-станичников 1-го Кавказского полка, Васю Барыкина и Ваню Гетманова — друзей и сверстников нашего Жоржа-хорунжего.

— Что там с Андрюшей и Жоржем?! — ломая руки и разрываясь от тоски, порою плачет наша самая старшая замужняя сестра Маня. — Убьют... Убьют их! — надрыдается она в плаче. — Сердце, ну... вырывается из груди! — твердит она, наша умница и такая чуткая 33-летняя сестра-казачка.

И привезли Жоржа, хорунжего Корниловского конного полка, но... раненого — в третий раз. Увидав его, Маня заплакала от радости. У бабушки и нашей матери — нет уж слез. Все они выплаканы...

— Ну вот, недаром же сердце так ныло, — говорит Маня и уже смеется сквозь слезы.

Урядник Сальников. Подпоручик Астахов

— Сыночек!.. тебя хочет видеть какой-то казак! — говорит мне мать, войдя в мою комнату.

С крыльца во двор — я увидел стройного казака в праздничном бешмете, застегнутом на все крючки, и при дорогом серебря-

ном кинжале с поясом. Крупная папаха черного курпея с красным верхом и серебряными галунами на ней говорили, что передо мной стоит урядник, и урядник не простой. Очень смуглое лицо с черными усами по-монгольски, как и лицо чуть монгольское, показались мне что-то знакомыми.

— Здравия желаю, господин полковник! — произнес он сам первый, взяв под козырек, и тут же опустил руку. — Не узнаете, господин полковник? — весело и совершенно запросто спрашивает он, но почтительно и смело.

Я не узнаю его, но что-то все же знакомое мне кажется в нем.

— А помните майские лагерные сборы в 1914 году? Я был малолетком и был в Вашей наезднической команде! Сальников я! — поясняет он.

И я узнал худого длинного джигита станицы Тифлисской на небольшом вороном коне.

— Расскажи, Сальников, расскажи — где и как служил после этого? — дружески спрашиваю его и подаю руку.

— В Конвое Его Величества!.. Я старший урядник, а теперь в Кавказской запасной сотне, — говорит-докладывает он. — А сейчас, господин полковник, по старинке прошу взять меня к себе конным вестовым, — вдруг огорошивает он меня.

— Ка-ак?.. гвардейца, старшего урядника и вестовым? — перебываю я его. — Не стыдно ли?

— Господин полковник!.. Все это не в счет!.. Теперь все так перепутано... Я Вам докладываю лишь свое желание. У меня отличный конь, и Вы мною останетесь довольны! Вы же меня знаете по 14-му году, по лагерям. Я теперь в тылу и хочу идти с Вами на фронт, — говорит он, бравый и, видно, умный урядник, моложе меня одним годом по рождению.

Я никак не мог понять его столь странного желания! Даже неприличного вообще для урядника, а для «гвардейца», как их называли в станицах, — в особенности. Но он так настойчиво просил, что я согласился. И не пожалел потом.

Мой отпуск окончен. Погрузив лошадей с Сальниковым, прибыли в Армавир. Мы двигаемся в Майкоп, куда уже переброшен пеший 3-й Уманский полк. Здесь надо менять вагоны, но их нет... Иду к коменданту станции Армавир. Подпоручик в темных очках и в красной комендантской фуражке встал и, вытянувшись за столом в положение «смирно», спросил:

— Что Вам угодно, господин полковник?

Выслушав, что я с лошадьми двигаюсь на Майкоп и что мне нужен вагон, он ответил, что «вагонов нет». А потом добавил: «Пройдемте со мною».

Мы выходим из его служебного кабинета и вместе идем к пустынному концу платформы. Там он останавливается, снимает свои темные очки и весело произносит:

— Здравия желаю, господин полковник!

— Астахов?.. что это такое?.. что за наряд у Вас?.. как Вы попали сюда?.. почему Вы в темных очках? — забросал я его вопросами.

Астахов¹¹⁴ — первопоходник. Был при генерале Эрдели. После 2-го Кубанского похода произведен в прапорщики. Под станицей Михайловской Лабинского отдела я застал его помощником начальника команды связи Корниловского конного полка у хорунжего Ишутина¹¹⁵. Высокий, стройный, проворный, веселый, смелый на слова — его почему-то не любили в полку офицеры, его же сверстники из урядников. Возможно, потому, что он был очень разговорчив и на остроту над ним отвечал также остротой. Возможно, не любили его за активность. И когда потребовался от полка один офицер в штаб нашей 1-й Конной дивизии, коей тогда командовал генерал-майор Врангель, Астахов согласился быть там.

С тех пор я его не видел. Теперь он подпоручик и помощник коменданта станции Армавир. Его речь передо мною льется рекой. По выговору никто не может подумать, что он был урядником. Его красная комендантская фуражка — эмблема власти. Его же темные очки для того, чтобы его не узнавали те, кто для него был невыгоден. И устроился он на эту должность для того, чтобы иметь здесь свою казачью власть — так он, как и раньше, очень быстро говоря, пояснил мне.

— Вагонов нет, господин полковник, — говорит он. — Это официально, — добавляет. — Но для Вас я прежний прапорщик Астахов Корниловского полка, и вагон для Ваших лошадей будет подан немедленно же.

Вагон подан. Лошади погружены, и мы с Трофимом Сальниковым тронулись к Белореченской, проходя так знакомые места, где девять месяцев тому назад, текла казачья кровь в боях. Вот и станция Андрей-Дмитриевка... вот и тот мост через болотистый Чамлык, через который отходила 1-я Конная дивизия 18 сентября, после неудачного боя под Курганной. Вдали, вправо, видна роко-

вая Михайловская станица. Роковая — по жестоким боям тогда. А вот и станица, и станция Курганная. Прощай и она. Это теперь глубокий тыл. Скоро белыми войсками будет взята Москва, и когда-то какой-либо казачий певец воспоеет тебя. Прощайте, столь знакомые места, где так щедро лилась казачья кровь в боях за освобождение своей Отчизны.

В Майкопе. Черкесы

Белореченская... Майкоп. Мы у цели. Разгружаемся и едем верхом в город. Я нахожу сотни полка, расположенные в постоянных дворах. Полковник Гамалий в отпуску. За него — полковник Постников¹¹⁶, наш кавказец. Представляюсь ему. Он все так же беспечный, каковым был и в Мерве мирного времени. И как тогда — с бритой головой. Он поклонник и подражатель горцам Кавказа.

— Где же мне остановиться? — спрашиваю Николая Николаевича, нашего «Коку».

— В отеле, — лениво отвечает он.

Это мне не нравится — служить и жить в отеле, но исхода нет, и я останавливаюсь в ближайшей к полку «Центральной» гостинице.

Расположился. Сижу и думаю: «Куда идти?.. что делать?»

К вечеру являються сотник Хлус и есаул Бугай¹¹⁷, бывший вахмистром у Гамалия в Персии.

В нашей гостинице, оказывается, есть садик и в нем открытая сцена, на которой поют и танцуют «ночные птички»... Открытие с 10 вечера и... до утра.

Мы ужинаем втроем — Бугай, Хлус и я. В вечерней прохладе, в садике, перед сценой, где поют и танцуют разные красавицы — так приятно быть после пустынных степей Ставрополя и Астрахани... Дорого мне обошлась эта ночь с хором песенников от 3-го Уманского полка «до утра»...

Через два дня еду в дом Париновых, в котором 12 лет тому назад мы, семь станичников Майкопского технического училища, жили на полном пансионе.

— Папа, мама, дети!.. Скорее сюда!.. Федя Елисеев приехал!.. Полковник! — кричит кто-то, увидев меня.

Ничто не переменялось в людях этого благородного дома, у которых папа и мама — простые горожане, но две дочки их учи-

тельницы, три сына офицеры и четвертый реалист. Коромыслом заходил их большой кирпичный дом.

— Ты где?.. ты где же остановился, Федя? — перебивает всех старшая их дочь-учительница и хозяйка дома, глава и распорядитель всего хозяйства, Степанида Павловна (Стеня). Та, которая двенадцать лет тому назад так всех нас, их пансионеров-техников, крепко держала в руках, словно классная дама, которую мы и боялись, и не особенно любили за строгость над нами.

— В «Центральной» гостинице, Стеня... — стыдливо отвечаю ей.

— Что-о?.. когда ты приехал?.. сегодня? — вцепилась она в мою душу.

— Нет... три дня уже, как я в Майкопе, — как провинившийся ученик, отвечаю ей, под общее молчание всей семьи, окружившей меня.

— Три дня-а!!! И только потом к нам!.. к своим родны-ым!.. да еще из «Центральной» гостиницы? — прошипела она с ужасом. — И ты там, наверное, кутил?.. там ведь сцена... и певички!.. сейчас же и немедленно переезжай сюда... к нам... как к своим... как тогда — 12 лет тому назад! — уже приказывает она мне и не хочет меня слушать.

И я у них, у Париновых, где каждая складочка их благородных душ так мне известна с отроческих лет и которых я так сильно любил тогда, 12 лет тому назад.

И как я пожалел, искренне пожалел, что тогда, с вокзала, прямо не поехал к ним. Тогда бы не было и кутежа до утра с хором песенников, и были бы деньги в кармане. А теперь у меня чуть больше ста рублей... Мне было стыдно и досадно на самого себя. Огорченная душа искала выхода. Но это не оправдание.

Переселившись к ним, я зажил с ними как сын и брат. Для всех я был все тот же «Федя», «ты». И о «цук» нас Стеней — только весело смеялись.

— Ты озорной был, Федя, но и самый послушный, — открывничает со мною милая Степанида Павловна, казавшаяся нам тогда очень строгой, придирчивой и несправедливой к нам.

Ах, эта молодость! Сколько она делает промахов!

Я часто езжу верхом за речку Белую. И езжу туда, где делали экскурсии группами техников. Там же и так же росли под горою крупные кислицы-яблоки. Я даже подъехал к этим деревьям, со-

рвал одно яблоко и покушал... Оно было ужасно кисло, но тогда... тогда они нам нравились.

Я заглянул во все уголки, где тогда бывал. Навестил свое механико-техническое училище. И как оно показалось теперь мне мало и серо! А тогда это длинное двухэтажное кирпичное здание с массивной чугунной лестницей наверх и под нею комната швейцара казались колоссальными. А училищная роща-сад? цветник и кирпичная аллея-дорожка в мастерские наши? — теперь казались так обыкновенны... Но наш дивный майкопский городской сад с шумящей внизу рекой Белой остались те же. В нем и теперь много гуляющей публики. Я обхожу дальние аллеи, где мы «стреляли» за гимназистками, и... это показалось мне так давно-давно бывшее... И стало грустно на душе.

Я купаюсь в Белой, и вода в ней холодна так же, как и тогда. Стоят те же купальни. И люди купаются, как и тогда — без купальных костюмов. Это мне нравится.

Я рассматриваю пожарную каланчу. Она теперь не так высока, как казалась тогда. И городской базар не так насыщен публикой. И «брехаловка» не так величественна. А с каким затаенным интересом бежали мы на нее, чтобы встретиться с гимназистками! Все ведь были влюблены тогда...

Я заглянул и в лавочку к армянину-старичку Арутюну, где мы, техники, копейки на три покупали у него свежеежареные на вертящейся жаровне фисташки. Лавочка, лачуга на углу, все та же, но сам Арутюн — теперь глубокий старик. Я купил у него очень много тех жареных, приятно пахнувших и вкусных фисташек, чтобы порадовать старика. Он удивленно смотрит на молодого полковника, так щедро платящего ему.

Там же стоит и «первоклассная» фотография Амбражевича, где мы снимались техниками. Вот и армянская церковь. Вообще Майкоп словно и не переменялся. И на Клубной улице та же грязь и топи, так как она до сих пор не мощена. И городская пожарная команда на вороних вихрь-лошадях крылато несется по ней, разбрасывая по сторонам жидкую грязь.

По улице идет конная сотня черкесов. Впереди нее вижу друга по техническому училищу корнета Ажигова¹¹⁸. Под ним красивая лошадь, и сам он все так же стройный, статный и изящный, каковым был всегда. Взводные урядники и другие инструкторы только казали. Они-то и поют казачью песню, идя во главе Черкесской сотни.

Мой дивный друг Пшемаф в миноре. Он говорит, что их Черкесскую дивизию свернули в полк и отправили сюда на переформирование.

Ему, черкесу со средним русским образованием, сыну дворянской черкесской семьи и вообще хорошо воспитанному и благородному человеку, очень тяжело переживать и необученность военному строю своих черкесов, и некоторое пренебрежение к ним, которое он услышал на одном званом богатом обеде у местного кубанского тавричанина.

— Так это же все те же дикари... — говорит одна дама, жалуетсья он мне. — Ты знаешь, Федя, дело дошло до того, что мы должны были встать из-за стола, извиниться перед хозяйшкой и ночью же уехать верхами (верхом) к себе в полк. И это за двадцать верст от него. — И, передохнув, продолжает: — Я начинаю жалеть, что окончил наше техническое училище. Лучше было бы навсегда остаться «диким черкесом», чтобы не понимать всего этого. Мои офицеры за эти слова готовы были взяться за кинжалы... Ты знаешь, как среди нашего народа развиты чувства чести и гордости! Но ведь мы живем не во время Шамиля!.. Я их успокоил. И они мною недовольны... Я испытываю двойственность своей души. И только мой авторитет... не мой, может быть, лично, а авторитет нашей семьи останавливает их от открытого недовольства на многое.

Я отлично понимал своего благородного друга-черкеса и постарался его успокоить. И невольно вспомнил одно четверостишие Михаила Лермонтова в его поэме «Измаил-бей»:

Черкес удалый, в битве правой —
Умеет умереть со славой!
И у жены его младой —
Спаситель есть — кинжал стальной...

Инспекция Походного Атамана. Генерал Бабиев

Получена телеграмма, что в Майкоп приезжает Походный Атаман генерал Науменко инспектировать части войск.

На железнодорожном вокзале выстроен почетный караул от 3-го Уманского полка. Официально его встречает Атаман Майкопского отдела генерал Данилов¹¹⁹, являющийся и начальником гарнизона

Майкопа. На правом фланге караула все офицеры полка в порядке старшинства чинов.

Подошел очень короткий поезд, и из него вышел генерал Науменко, в черкеске. После рапорта генерала Данилова он идет вдоль фронта и за руку здоровается с офицерами. Подал мне руку, он улыбается и вдруг весело говорит:

— А знаете, Елисеев?.. Со мною прибыл и генерал Бабиев. Он в вагоне... но у него после Михайловской станицы болит голова!..

И действительно — в окно выглянул Бабиев в папахе и тут же скрылся. Бабиев — казак Михайловской станицы Лабинского отдела, и, конечно, как и принято у казаков, Походного Атамана и своего молодого и молодецкого станичника генерала Колю Бабиева старики угощали на славу. Все это только нормально.

Генерал Науменко с Атаманом отдела решили с вокзала ехать в Войсковой конно-учебный дивизион, который размещен в лагерных бараках на Белой, на восток от города, верстах в пяти. Приготовлен уже и параконный экипаж, и оба генерала садятся в него.

— Мы будем сопровождать их верхами, — тихо говорит мне Гамалий.

— К чему это, Васылю? — спрашиваю его.

— Надо... ты не понимаешь... надо быть политиком, — так же тихо отвечает он.

Я его понял... И несколько офицеров его полка, у кого были лошади (а были они только у нескольких, так как полк был пеший), мы идем у колес экипажа.

Жара исключительная. И тишина в природе. Выйдя за город, экипаж взял широкую рысь своих лошадей. Мы идем уже коротким наметом. Через версту наши лошади в мыле, а мы паримся в затянутых черкесках. Все растянулись по дороге, и только у колес экипажа, по сторонам его, остаемся мы трое на своих сильных лошадях — Гамалий, я и сотник Хлус. В душе я ругаю Гамалия — к чему это? Словно ординарцы...

Мы в учебном дивизионе, построенном в казармах у своих коек. И... что я вижу? Походного Атамана рапортом встречает полковник — старик Миронов¹²⁰. Он был помощником командира полка по хозяйственной части в нашем 1-м Кавказском полку в мирное время. В 1914 году, по предельному возрасту, 55 лет, он вышел в отставку и уехал на Кубань. Тогда он был войсковой старшина,

и, как положено в Русской Императорской армии, всякий офицер, выходя в отставку, производится в следующий чин.

Миронов был довольно крупный телом и мясистый. Обходительный и дипломат. Находчивый и не робкий перед начальством. Любил снисходительно цукнуть нас, молодежь, как бы по-отечески. Любил посещать клуб в Мерве, как единственное общественное место. Но... за целый год моего пребывания тогда в полку мы ни разу не видели его в седле.

Ему теперь, в Майкопе в 1919 году, было около шестидесяти лет. И он был начальником Кубанского Войскового конно-учебного дивизиона в две сотни молодецких казаков, будущих урядников, которые должны быть разосланы по всем полкам войска, как «хребет армии» — младший командный состав.

— Ваше превосходительство... во вверенном мне конно-учебном дивизионе все обстоит бла-го-по-луч-но! — не отрапортовал, а рассказал он Походному Атаману — ласково, с приятной улыбкой и по-штатски, с поклоном, пожал протянутую руку генерала Науменко.

Должен еще сказать, что в 1910 году, когда я был вольноопределяющимся 4-й сотни 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка, Миронов, в чине войскового старшины, был помощником командира полка по хозяйственной части, а войсковой старшина Бабиев (отец)¹²¹ был помощником по строевой части. Следовательно — служба проходила у Миронова вне строя.

На мое удивление, Гамалий мне сказал в тот же день, что, когда Науменко был хорунжим 1-го Полтавского полка, Миронов в то время был старым подьесаулом или есаулом того же полка. Это подтвердил мне и генерал Науменко уж в Нью-Йорке. Вот почему их взаимоотношения и были близкими.

Кажется, в 1925 году (в 1924-м. — П. С.) генерал Миронов из Болгарии вернулся в Россию вместе со своими двумя сыновьями, офицерами 4-й Кубанской казачьей батареи, в мирное время входившей в нашу тогда Закаспийскую казачью бригаду.

После рапорта, поздоровавшись с казаками, генерал Науменко обходил казаков, стоявших у своих коек, и, внимательно всматриваясь в глаза каждому, расспрашивал — какого полка? какой станицы? и прочее. Должен подчеркнуть, что генерал Науменко нравился казакам и он умел привлечь к себе сердца их, как и молодых офицеров.

Строя Походный Атаман не смотрел — ни пешего, ни конного. Потом попросил он офицеров в сторону от казаков и сказал приблизительно следующее:

— Сейчас идут большие дебаты в Раде о создании своей Кубанской армии. Мне, как Походному Атаману, хотелось бы знать по этому вопросу мнение господ офицеров. Как вы все на это смотрите?

Если бы наблюдательный человек посмотрел тогда в окно, как подтянуто стояли все офицеры перед своим Походным Атаманом в положении «смирно» и... не дыша — то он сразу определил бы, что никто из них, не только что в силу молодости лет некоторых, но в силу особенного воинского воспитания, запрещающего рассуждать перед высшим начальством, — никто из них ничего не ответит по существу на этот очень большой политический вопрос. Это был, конечно, вопрос политический, а не военный. И не строевым офицерам, да еще молодым, было решать его.

Если бы можно было резко, бритвой, разрезать их сердца и заглянуть в них, то можно было точно прочесть: «Да! Надо! Надо иметь свою Кубанскую армию!»

Генерал Науменко спросил и ждал ответа. Мы все молчали.

— Так как же, господа? — переспросил Науменко.

Полковник Миронов по-штатски развел руками и сказал «что-то» в пользу создания Кубанской армии, но окончательно резюмировать отказался. Молчал и генерал Данилов, молчал и полковник Гамалий, молчал и я, полковник Елисеев. Зачем скрывать это, 42 года спустя, исповедуясь теперь?

Не дождавшись ответа, генерал Науменко пояснил всем нам, что «по существу дела — кубанцы должны иметь свою армию, как вот имеют донцы, но это трудно... И нам мешает в этом главное командование. Почему, чтобы не ошибиться, я и опрашиваю всех», — закончил он, Походный Атаман генерал Науменко.

Атмосфера прояснилась. Высказались некоторые за создание Кубанской армии, подчеркнув, что это право войскового штаба решать, но не нас, строевых офицеров. Фактически вопрос повис в воздухе. Этим смотр конно-учебного дивизиона и был закончен.

Вновь тем же эскортом мы скачем назад, в Майкоп, прямо в летний клуб, на обед. На него приглашены только старшие начальники. Там нас уже ждал Бабиев, теперь генерал-лейтенант, но — все тот же, для некоторых — Коля Бабиев! Со мной он поздоро-

вался дружески, внимательно, словно ничего и не случилось в наших воинских взаимоотношениях в Корниловском полку, и за стол просил сесть против него.

Он словно стеснялся того, что из трех присутствующих генералов он, хотя и самый младший по летам, но старше их в чине, почему в своем тосте и провозгласил, что считает себя «сотником», так как у него на погонах «три звездочки». Это всем понравилось, и некоторые называли его «генерал-сотник».

Обед был не пышный, но отличный. Конечно, выпивка и хор трубачей. Бабиев без лезгинки не может быть весел. Она ему нужна как приятное сладкое блюдо после обеда. Он смотрит на меня, улыбается, подмаргивает и тихо говорит, чтобы не слышали другие: «Как бы там лезгинку?» Я киваю ему, чем показываю, что «можно». Тогда он, перегнувшись через стол, шепчет мне: «Начните Вы первым... а потом пригласите меня... я буду отказываться, так как имею большой чин и мне неудобно сразу же высказываться... но Вы обязательно вызывайте меня... и тогда уж я выскочу».

Он называет меня по-прежнему «Джембулат», но на «Вы». Я не сержусь, но холодок к нему у меня остался за Корниловский полк. Да и к генералу Науменко также. Нехорошо они поступили со мной.

Все мы, офицеры, любили нашу кавказскую лезгинку. Хотя танцевали ее немногие, но смотреть ее все любили. Любили и Гамалий, и Науменко. И Гамалий, как хозяин стола (угощали уманцы), приказал трубачам «дать лезгинку».

По кавказскому обычаю, даже самый большой любитель этого танца не может и не должен сразу же выбрасываться в нее. Нужно, чтобы его «обязательно» попросили. Иначе это не этично, не благородно. Так вышло и тогда. Я сидел за столом, словно танец меня и не касается. Но Гамалий и Науменко сразу же произнесли мое имя, то есть просят протанцевать... И я танцевал «зло и досадно», потому что чувствовал себя все еще оскорбленным и заброшенным генералами Науменко и Бабиевым в дебри тыла от радостной походно-боевой жизни, почему танцевал «злобно». Конечно, после немногих «па» вызвал Бабиева. Он также «отказывался» вначале, но потом... выскочил из-за стола и понесся...

Дивный наш Край Казачий! И в каком мире можно видеть, чтобы, не говоря уже о чине полковника, но чтобы генерал-лейтенант мог выступить в своем народном танце?! Это можно ви-

деть только среди народов Кавказа да кубанских и терских казаков.

Приезд в Майкоп генералов Науменко и Бабиева дал мне только огорчение, так как я еще больше почувствовал то, что я потерял на фронте... В тот же день они выехали в Туапсе и потом пароходом в Сочи.

На могиле генерала Маневского

Устроившись в доме Париновых, иду навестить вдову погибшего моего начальника¹²² и друга, Лидию Павловну Маневскую. У них был собственный домик по соседству с армянской церковью. Увидев меня, она разряжается горячими слезами.

— Жорж!.. мой Жорж!.. и его нет! нет!.. и не будет уже никогда!.. — вскрикивает она сквозь обильно полившиеся слезы.

Я, любя искренней любовью этого выдающегося во всех отношениях кубанского офицера, моего командира сотни по Великой войне с 1914 года и благороднейшего человека и личного друга, сам так расстроился, что мне трудно поддерживать в конвульсиях бьющуюся эту молодую красивую стройную вдову и вытирать свои слезы.

Наконец успокоились. Сели. Она встает, идет в другую комнату и приносит его последнюю карточку... в гробу.

Какая ирония судьбы! Приказ о производстве его в генералы шел на фронт. Он имел уже разрешение ехать в отпуск на Кубань, как в неожиданном бою на Маныче, в районе Баранниковской переправы, в направлении станицы Великокняжеской, он выскочил верхом на курган для ориентации. Красные открыли артиллерийский огонь, и разорвавшимся снарядом он был тяжело ранен в бедро. На руках своего вестового он там же и умер, истекая кровью. Он тогда временно командовал 1-й Кубанской казачьей дивизией.

Горю молодой вдовы не было конца. И генеральские погоны на его бездыханном теле еще более увеличивали ее горе. И погибнуть таким молодым, в 37 лет от роду!..

Мы идем на его могилу. Он похоронен в ограде Введенской церкви, что против здания управления Майкопского отдела. Над свежей могилой в цветах — белого мрамора крест, на котором золотыми буквами выбито:

«Здесь похоронен Генерал-Майор Г.К. Маневский, Командир Линейной бригады, погибший в бою против красных 29 апреля 1919-го года.

Мир праху твоему, мой дорогой любимый муж».

Мы подошли, перекрестились, стали на колени, поклонились три раза в землю, вновь перекрестились и поцеловали холодный белый мрамор креста.

Потом присели тут же на скамейке. Вдова тихо, молча льет сами бегущие слезы. Я же гримасами лица едва сдерживаю свои. И думаю — как брэнна человеческая жизнь! Маневский всю жизнь прожил так честно! Достиг отличного воинского положения! Теперь только бы жить и радоваться и ему, и его молодой красивой супруге — и вот... Он теперь и не видит, и не знает, как горестно страдают у его могилы две любящих его души!

Лидия Павловна, моя сотенная командирша с 1914 года, умная женщина, она отлично понимает, как нам обоим тяжело быть здесь!

— Пойдемте, Федор Иванович... пойдемте домой! Слезами ведь не поможешь горю! Поплакали вот над Жориком, отдохнули душой и... довольно! — говорит она.

Вновь перекрестились, вновь поцеловали холодный белый мрамор креста и тихо, молча вышли на пустынную улицу Майкопа...

В эмиграции Л.П. Маневская проживала в Америке, в Сан-Франциско.

3-й Уманский полк поездом переброшен в район Туапсе для действий против «зеленых». Одна сотня перед Гойтсхим перевалом, остальные сотни расположились в районе станции Кривянка.

В Туапсе расквартирован 3-й Запорожский полк. Им командует пожилой полковник Ратимов¹²³. Грустная картина кругом... Фактически — ни службы, ни боевых действий нет. Тускло и мрачно на душе. А главное — бесплодная жизнь. Войска идут победно на Москву, а мы здесь, в глубочайшем своем тылу, бездействуем. Решил бежать на фронт. Отлично знаю, что Гамалий меня не отпустит. Кстати — мать пишет, что предстоит молотьба хлеба, а работать некому!

— Хоть бы ты прибыл, сыночек, помочь мне обмолотить. Святой хлебушко. Мне одной с детьми не справиться...

Гамалий недоволен, что я вновь прошусь в отпуск, но, зная состояние нашей семьи, отпустил.

Дома, во дворе, шла молотьба ячменя котками, чтобы хороший корм был для скота, и мое прибытие в семью как нельзя было кстати.

Ровно две недели «я крутил вялку»... Думаю, многие не знают этот каторжный труд, если сам его не испытал. Помощники же у меня — мать и три сестренки. Бабушка — у печи... По току — все босиком. Я тоже...

Трудом святым здесь добывались —
Богатство, слава и покой... —

как писал какой-то казачий поэт.

В Екатеринодаре. «Гадалка»

Отмолотился. Иду через голову своего командира полка — в Екатеринодаре представляюсь Походному Атаману генералу Науменко, войдя в его кабинет с таким рапортом:

— Ваше превосходительство... Полковник Елисеев, представляюсь, желаю выехать на фронт в корпус генерала Шкуро.

К Шкуро прошусь потому, что он выбросил якобы такой лозунг: «Все обиженные — ко мне!» Я был обижен, почему и хочу идти воевать в корпусе кубанского героя, у генерала Шкуро. Кстати, он занял уже Воронеж. До Москвы осталось так недалеко...

Генерал Науменко улыбается и, выслушав мои доводы, вполне разделяя их и приветствуя, тут же выдает предписание:

«С получением сего — выехать на фронт, в г. Воронеж, в распоряжение начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии».

Срок выезда не указан, так как я должен вернуться еще в Уманский полк для получения расчета.

Когда прибываешь в Екатеринодар, то бывают сплошные сюрпризы. Теперь же они были особенны.

На Красной улице встречаю молодых полковников: А.И. Кравченко¹²⁴, Л.М. Дейнегу, О.И. Лебедева; тут же знакомлюсь с войсковым старшиной Черешневым¹²⁵, на сестре которого женится Афоня Кравченко. Все вместе ужинаем в ресторане-погребке «Медведь». Молодой генерал Растегаев¹²⁶ пролетел метеором...

Встречаю сверстников Гамалия по Оренбургскому училищу — Помазанова¹²⁷ и своего станичника Скрябина¹²⁸. Они выпуском на два года старше меня, но... до сих пор в чине подьесаула. Мне

неловко перед старшими бывшими нашими юнкерами за свой чин, но они «не ревнивы» и говорят мне, что «гордятся царскими чинами, а офицерские чины в Гражданской войне — не в счет»...

Еще больше меня удивил В.Т. Бабаев¹²⁹, геройский командир 5-й сотни 1-го Таманского полка и георгиевский кавалер. Он также окончил наше Оренбургское казачье училище еще в 1908 году и теперь, летом 1919-го, он только в чине есаула. Он также ценит «только царское производство». Но чем он меня «убил» — так это то, как он сказал: «Я не верю в победу Добровольческой армии».

Бедняга... Он остался в Екатеринодаре и в 1920 году был послан на Соловки.

И еще один сюрприз... На Красной улице у Войскового собора козыряю какому-то молодому и нарядно одетому кубанскому генералу. Рядом с ним хорошо знакомый мне 1-го Екатеринодарского полка хорунжий Косякин, родной племянник известного на Кубани генерала Косякина¹³⁰, бывшего помощника по военной части у Наказного Атамана генерала Бабыча¹³¹. Косякин остановился и подошел ко мне. Генерал почему-то тоже остановился. Взяв под козырек, Косякин произносит, адресуясь ко мне:

— Его превосходительство, генерал-майор Павличенко¹³².

«Так вот он... тот самый кубанский самородок-герой», — пронеслось в голове.

Он спокойно, но не по-генеральски подает мне руку. На нем отличного защитного цвета гимнастерка и темно-синие диагональные бриджи с генеральскими лампасами. На ногах — хорошо сидящие горские ноговицы и чувяки. На генеральских погонах вензельная буква «Е» с короной — эмблема 1-го Запорожского, Императрицы Екатерины II полка. На голове каракулевая папаха крупного курпея черного барашка с восемью галунами по верху алого войскового цвета. Он туго затянут ремнем щегольского казачьего оружия. Вид очень нарядный. Все на нем новенькое и стильное, но он так просто смотрит на меня, словно изучая того, о котором что-то слышал. Он молчит.

— Вы получили телеграмму от генерала Врангеля? — спрашивает меня Косякин.

— От генерала Врангеля?.. какую? — удивленно спрашиваю его.

— Да он же предлагал Вам должность командира его конвоя в две сотни казаков. И я, как его адъютант, сам отправил ее Вам в

Майкоп! Там Вас видел генерал Бабиев и рекомендовал генералу Врангелю!

Я слушаю Косякина и начинаю кое-что понимать. Значит, Гамалий, получив, перехватил ее и скрыл от меня...

— Так неужели не получили, господин полковник? — переспрашивает он.

— Первый раз слышу об этом, — отвечаю ему.

Потом Гамалий признался мне, что он действительно «перехватил» эту телеграмму и скрыл от меня, не желая расставаться со мною.

Этой случайностью я не стал участником разгона Кубанской рады в ноябре того же 1919 года...

Я обедаю в Войсковом собрании, что на Екатерининской улице, совершенно один. Против меня обедают человек восемь офицеров какого-то пехотного полка «цветной дивизии». Они навеселе... Один из них пристально всматривается в мое лицо. Все они в обер-офицерских чинах. Всматривающийся встает, подходит ко мне и говорит:

— Господин полковник!.. Вы едете на фронт?

— Да... а что?

— Не езжайте!.. Нет!.. Дайте вначале Вашу руку — я погадаю!

— Я не верю ворожеям, — отвечаю ему.

Но он настаивает, так как в моем лице он нашел что-то его удивившее. Я согласился и дал руку. Быстро посмотрев на ладонь, потом поднял на меня глаза и твердо произнес:

— Если Вы поедете на фронт, то будете убиты!

Я не верил предсказаниям. На фронте смерть витает над каждым, и очень близко. Все могло быть, конечно, но такое безапелляционное и определенное суждение меня испугало. В кармане у меня уже лежало предписание «ехать на фронт», и я поеду, я должен ехать. Но... отступая от Воронежа, при каждом бое или при каждой начавшейся перестрелке я всегда помнил об этом офицере-«гадалке» и невольно думал: «Не сейчас ли будет конец моей жизни?»

Это его предсказание буквально отравило меня, тем более что положение тогда на фронте было жуткое. Мы отступали от самого Воронежа с боями до самого Матвеева Кургана. Нас давила сильная красная конница Буденного. На всякий случай я сделал «завещание» и возил его с собою. Завещание было на все мое богатство братьям, Андрею и Георгию, которое заключалось в двух верховых лошадях,

в двух седлах, в трех комплектах кавказского оружия и нескольких черкесках. Смешно — но это было так. И такое «богатство», думаю, было у большинства нашего кубанского офицерства.

С моей смертью станичный пай земли в 8 десятин автоматически переходил в земельный юрт станицы. Пенсии матери — никакой...

Но... случилось все наоборот — погибла вся семья и в живых остался только я, один... Кому поведаю печаль свою?!

Пленные красноармейцы

Из Екатеринодара вернулся в полк, который был у селения Джугба, на Черноморском побережье, получил жалованье и с лошадьми и с Сальниковым прибыл в станицу. Гамалия в полку не было. Его вызвал к себе в Новороссийск генерал Кутепов.

Мать ждет паровую молотилку, чтобы обмолотить на гумне пшеницу. Все рабочие при молотилке по вольному найму, работают только «с чувала», то есть на процентах обмолоченного хлеба, так как ценность денег падает и веры в них нет.

При станице, в крепости, многочисленная Кавказская запасная сотня казаков. Ею командует-управляет старейший наш кавказец, бывший в Великой войне командиром 3-го Екатеринодарского полка, житель хутора Романовского, где у него собственный дом, полковник Миргородский¹³³ — глубокий добрый старик и большой, широкой души казак. Чтобы помочь жителям, он разрешил казакам своей сотни артелями работать при паровых молотилках. Это была единственная мужская сила в работе при них.

Мать просит задержаться выездом на фронт и помочь ей. При молотилке до сорока рабочих. Все нанятые. Куда же ей управиться?

Стыдно было, но иду в запасную сотню и нанимаю команду молодцев-казаков, человек двадцать, при двух подхорунжих. Все они летами моложе меня, а почему находятся в Запасной сотне — не знаю.

Машина открыла свои пары. Молотьба началась. Я вожу воду из става для паровика. Мать с детьми на кухне, в горнах, при котлах: на 40 человек еды и три раза в день. Работа кипит. И так приятен гул машины издали. Но на второй день, когда я вернулся с сорокаведерной бочкой из става на пароконке, наша машина

стояла. Оказалось — пшеница была «сорная», было много «азатков», то есть сорных трав в ней, и все рабочие нашли, что им невыгодно работать. Они забастовали... Забастовали и казаки. Меня это задело. Моя мать в ужасе от этого. Где же достать новых рабочих?

— Бабачки-и!.. да чиво же это вы?.. сдурели, што ли? — говорит она им, чуть не плача от горя. — А вы, ребятушки?.. и не стыдно ли вам? — упрекает она казаков.

Но ее не хотят и слушать.

— Я вас могу заставить! — строго говорю я бабам-мужичкам. — А вам, казаки!.. Как вам не стыдно?.. Вы знаете меня, а-а?.. И я работаю как простой мужик, а вы-ы?! И почему вы не на фронте, такие молодые?

Нашу семью многие знали и в других станицах Кавказского полкового округа. Знали нас, братьев, знали о гибели отца во время восстания и о беспомощном положении женской половины семьи.

— Што вы скажете на это, подхорунжий? — не по-воински, а строго по-станичному обратился я к их вожаку.

Казаки стоят молча, смущены. Все молоды, очень подтянуты своей молодой силой, хорошие, приятные и такие родные мне лица соседней, очень богатой и хозяйственной Ильинской станицы.

— Ну, ребята, довольно!.. Берите вилы и начинайте! Вы извините нас, господин полковник! Вы говорите сущую правду! Мы продолжаем работать! — уверенно закончил он, подхорунжий, старший казачьей рабочей артели Кавказской запасной сотни.

То, как потом признался мне во Франции, в городе Виши, в 1926—1929 годах, был подхорунжий Александр Иванович Дейнега. Об этом случае мы потом говорили с ними как о нехорошей шутке.

Работа была закончена, то есть молотья хлеба, которую ждет каждый казак-домохозяин ровно год, в чем заключалось все его богатство к существованию

— Спасибушка тебе, сыночек... ну а ежели бы я была одна? Ну, што я могла бы сделать с ними?! — говорит мне мать и от приятного волнения плачет.

Бедные наши матери и жены-казачки! Вот на кого выпала вся горечь ада революции. Мой конный вестовой, старший урядник-гвардеец Тимофей Сальников, оказался очень хозяйственным человеком,

сильным физически и добросовестным в работе. Молодец во всем. А главное — такой рассудительный. И как он работал вилами на скирдах! И как он окрысился на забастовавших казаков!

— Ну а теперь Вы, Федор Иванович, и Вы, тетенька (так называл он по-станичному нашу мать), позвольте и мне поехать домой, в Тифлисскую, и помочь отцу, — говорит он за столом.

— Езжай, деточка, езжай, — говорит моя мать ему, словно отпуск для Тимофея зависит от нее.

Но не только что наша мать, но и сам Тимофей (так я его звал всегда, а он меня, вне службы — по имени и отчеству) отлично знал, что он обязательно поедет в отпуск, в свою станицу, на несколько дней, помочь отцу по хозяйству.

— Кланяйся своим (я знал его отца), жене... и скажи, что я тобою очень доволен, — говорю ему.

Но он только улыбнулся в свои черные усы и большие белые зубы, словно сказал: «Странно было бы слышать обратное»... И в тот же вечер сам протянул мне руку и верхом выехал рысью за ворота на своем дивном темно-сером кабардинце. До его станицы 35 верст. Он их сделает за ночь.

В нашем фруктовом саду на кочугурах перекапывают землю шесть пленных красноармейцев. Бабушка, руководящая ими в работе, очень довольна.

— Да они и не «красные», внучек, — говорит она мне. — Они такие добросовестные работники и такие вежливые. Они мобилизованы были в Красную армию. Саратовские они... и у них дома хорошее крестьянское хозяйство, — поясняет мне наша умная строгая и величественная во всем, любимая и глубокоуважаемая бабушка.

Я подхожу к ним в работе. Они точно знают — «кто я». И какова наша семья. Они стараются рыть лопатами и боятся смотреть на меня.

— Здорово, ребята... — тихо, по-хозяйски говорю им, одетый в станичную рубаху, вобранную под очкур.

— Здравия желаем, господин полковник! — тихо и спокойно, но стесняясь произнесли они.

Они очень плохо одеты. В защитных солдатских гимнастерках и штанах, но — все оборваны... видно даже тело. Вид не замученный.

— Хорошо вас кормят, ребята? — спрашиваю.

— Да за это спасибо; с бабушкой мы все разговариваем за хозяйство, вот только обносились мы, — отвечает один и показывает на свои опорки и порванные штаны и гимнастерку.

Я им отвечаю, что в этом ничем помочь не могу и мне важно, чтобы их хорошо кормили и не обижали бы. Но на это они только улыбаются и смотрят на нашу бабушку, которая, как мать, также молча смотрит и улыбается. Я понял, что их хорошо кормят и не обижают в нашем семействе. А самый бойкий из них, краснощекий парень лет 25, вдруг говорит мне:

— Ну, зачем нас тут держать?.. дали бы винтовки, мы бы эту красную гадину в момент бы растоптали с вами! А то, вот... бесполезно это все!

Как правильны эти слова! Слова пленного красноармейца-крестьянина. Саратовского на Кубани... Слышал ли он о ней когда? о Кубани-то нашей? А вот мысли, взгляд — одинаковый «на красную гадину», как он выразился.

Пленных надо было накормить, одеть, обуть, сказать им душевное слово, промуштровывать в строю и — дав оружие — поставить в строй.

Какое-то странное непонимание было тогда в «верхах»! Оружие ведь было! Сотни тысяч их брали ведь вооруженными! И сколько их было на хуторе Романовском — обносившихся, грязных, запуганных и полуголодных на богатой хлебом Кубани!.. словно пленных рабов в чужой стране... Жуткий был наш тыл!

Кубанские части на фронте летом 1919 года

Кубанская армия не была организована, но на Царицынском направлении, к весне и лету 1919 года, были сосредоточены следующие строевые части Кубанского войска: 1-й и 2-й Полтавские конные полки, 1-й и 2-й Черноморские, 1-й и 2-й Кавказские, 1-й и 2-й Кубанские, 1-й и 2-й Лабинские, 1-й Таманский, 2-й Запорожский, 2-й Уманский, 2-й Екатеринодарский, Корниловский конный, Сводно-Кубанский конный, Кубанский гвардейский дивизион, 1-я и 3-я Кубанские пластунские бригады и Кубанские казачьи конные батареи. Число и номера этих батарей нигде не указаны.

Все эти части составляли 1, 2, 3 и 4-ю Кубанские казачьи дивизии.

1-й Запорожский, 1-й Уманский, 1-й Екатеринодарский и 1-й Линейный конные полки составляли 1-ю Конную (Кубанскую) дивизию, названную так со 2-го Кубанского похода.

Итого на Царицынском направлении действовали двадцать один конный полк и две бригады пластунов кубанских казаков.

«В течение Гражданской войны, организация высших кубанских соединений, несколько раз менялась. Конные части, со своей артиллерией, обыкновенно, составляли три Кубанских корпуса. Пластуны работали, почти все время, бригадами, будучи приданы конным корпусам» (Кубанский календарь¹³⁴).

Генерал Врангель в своем труде «Белое Дело» пишет:

«Через несколько дней после 7-го мая, части генерала Шкуро — 1-я Кавказская и 1-я Терская дивизии — были сведены в корпус, получивший название 3-го; 1-й, 2-й и 3-й корпуса — получили наименование КУБАНСКИХ.

Корпус же генерала Шатилова¹³⁵ был переименован в 4-й Конный»¹³⁶.

В этот 4-й Конный корпус входили: 1-я Конная (Кубанская) дивизия и Сводно-Горская, что отмечено Врангелем на той же странице, но не указано, какие племена кавказцев составляли эту Сводно-Горскую дивизию.

Кроме чисто кубанских строевых частей, на Царицынском направлении были: Черкесская конная дивизия и Карачаевская конная бригада, которые территориально принадлежали к Кубанскому войску.

На этом же направлении действовали прибывшие с Терека и Дагестана: 2-я Терская казачья дивизия, 1-я Терская пластунская бригада, Кабардинская конная дивизия, Ингушская конная бригада, Дагестанская конная бригада и Осетинский конный полк. Все эти части указаны в том же труде генерала Врангеля. Как и указано, 1-я Кубанская казачья дивизия и 2-я Терская казачья вначале составили 1-й Конный корпус¹³⁷.

Все эти части, с левофланговыми от них дивизиями Донского войска, с Астраханской Отдельной конной бригадой (казаки и калмыки Астраханской губернии) и с 6-й пехотной дивизией, образовали КАВКАЗСКУЮ АРМИЮ, под начальством генерала барона Врангеля; но еще до взятия Царицына донские казачьи дивизии влились вновь в свою Донскую армию.

В конце февраля 1919 года, после победного очищения от красных территории Терского войска, в Каменноугольный район Донецкого бассейна спешно были переброшены с Терека: 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро, состоявшая из кубанских полков — 1-го и 2-го Хоперских, 1-го и 2-го Кубанских конных партизанских, 2-я Кубанская пластунская бригада, 1-я Терская казачья дивизия генерала Топоркова¹³⁸ и 2-я Терская пластунская бригада.

Все эти казачьи части, с частями 1-го Армейского пехотного корпуса, так называемыми «цветными дивизиями» — Корниловской, Марковской, Дроздовской и Алексеевской, образовали Добровольческую армию, под начальством генерала Май-Маевского.

Кроме того, в эту армию влиты были потом 2-й Таманский и 2-й Лабинский полки Кубанского войска, которые обозначались в войске 3-й Отдельной Кубанской бригадой. С 42-м Донским казачьим полком они составляли Казачью группу под командованием генерала Виноградова.

Итого на Украине действовали шесть Кубанских конных полков и одна бригада пластунов, а от Терского войска — четыре конных полка и одна бригада пластунов.

Всего же на внешний фронт Гражданской войны Кубанское войско выставило 27 конных полков, три бригады пластунов и 24 батареи, не считая Черкесскую конную дивизию и Карачаевскую конную бригаду.

К лету 1919 года было мобилизовано еще четыре полка казаков третьей очереди — 3-й Запорожский и 3-й Уманский, составлявшие 2-ю Кубанскую Отдельную казачью бригаду и 3-й Кавказский и 3-й Черноморский — сведенные в 1-ю Кубанскую Отдельную казачью бригаду. Эти бригады не были на фронте: запорожцы и уманцы были разбросаны в Черноморской губернии, в районе города Туапсе, против «зеленых», а кавказцы и черноморцы в Ставропольской губернии, северо-западного ее района, также для охраны внутреннего порядка.

Столь значительные воинские силы выставили на фронт казачье население и горцы Кубани, территория коих, то есть Кубанская область, была равна территории русской губернии.

Эти цифровые данные и размер территории Кубани особенно отчетливо показывают и напряженность, и жертвенность кубанского казачества, как и психологическое состояние его в борьбе против красных.

Боевые картинки кубанских частей на фронте

Мы их занесем из источников не казачьих. Генерал Деникин в своем труде «Очерки Русской Смуты» пишет: «Мы оставили Юзово, Долю, Волноваху, Мариуполь. Ввиду этого коннице генерала Шкуро (1-я Кавказская казачья дивизия. — Ф. Е.), взявшего 17 марта Дебальцево, была дана задача ударить по тылам Западного фронта. В течение двух недель — с 17-го марта по 2-е апреля — он прошел от Горлова до Азовского моря, наводя страх на большевиков, разогнав, порубив и взяв в плен несколько тысяч человек, бронепоезда и другую военную добычу. Между Волновахой и Мариуполем генерал Шкуро разгромил «дивизию Махно», полки которого, как сообщалось в донесении, «обратились в паническое бегство, бросая оружие, шубы, шинели и даже сапоги...»¹³⁹

«В этом и последующих сражениях надлежит отметить боевое сотрудничество с генералом Шкуро и оперативное руководство корпусом, его доблестного начальника штаба, генерала Шифнер-Маркевича¹⁴⁰», — отмечает генерал Деникин¹⁴¹.

Один из командующих Красной армии А.И. Егоров об этом рейде генерала Шкуро пишет в своей книге «Разгром Деникина в 1919 году»:

«Начальные успехи 13-й красной армии и группы Махно были быстро ликвидированы конницей противника. Направленный между Волновахой и Мариуполем генерал Шкуро нанес ряд сильных ударов малоустойчивой и невысокой в моральном отношении группе Махно, и вследствие этого войска генерала Май-Маевского, в первых числах апреля, вновь занимают первоначальное положение»¹⁴².

Генерал Деникин продолжает: «1-й Армейский корпус генерала Кутепова и 1-я Терская казачья дивизия генерала Топоркова устремились на Харьков и, после пятидневных боев, 11 июня занимают город.

16-го июня, по собственной инициативе генерала Шкуро, был занят Екатеринослав»¹⁴³.

Как был захвачен город и как восприняло это его население — приведем выдержки из пространного рассказа юриста города З.Ю. Арбатова¹⁴⁴:

«С утра 12 июня, проделав какие-то маневры, показавшиеся большевикам отступательными, полковник Шифнер-Маркевич

бешеным налетом под артиллерийским огнем первым влетел на железнодорожный мост через Днепр, увлекая за собою безудержную лавину разгоряченных казаков».

«К часу дня, озираясь по сторонам, по городу разбегались казаки... а Шифнер-Маркевич с сотней казаков помчался к станции Горяиново, чтобы отрезать большевикам путь по железной дороге, и, захватив там два эшелона красноармейцев, вернулся в город».

«Легкой рысью пронеслись по проспекту сотни казаков; добродушные улыбки кубанцев, загорелые лица офицеров, часто мелькающие беленькие Георгиевские крестики на груди и бесконечный восторг, неимоверное счастье освобожденных людей...»

«К обеду разнеслась весть о приезде генерала Шкуро, и улицы снова наполнились толпой.

Увидев молодого генерала, идущего впереди бесконечной ленты конных войск, толпа забыла печаль прошлой ночи... Прилив твердой веры и новые надежды охватили исстрадавшихся людей. Генерала забрасывали цветами; молодые и старые женщины, крепостя и плача, целовали стремяна принесшего освобождение генерала. И впервые, после трехнедельного молчания, зазвонили церковные колокола»...

«Шкуро, устало покачиваясь в седле, смущенно улыбался; к его простому загорелому лицу как-то не шли ярко-красные генеральские лацканы (лампасы. — Ф. Е.); и еще вчера неизвестная фамилия Шкуро сегодня стала ореолом освобождения и надеждой на восстановление Родины».

А вот как действовали кубанские конные дивизии на противоположном фланге, на Царицынском направлении:

«На закате 6-го мая я назначил общую атаку, дав горцам, 1-й Конной дивизии и бригаде полковника Фостикова направление на станицу Великокняжескую. С начала артиллерийской подготовки я объехал фронт полков, сказал людям несколько слов, приказал снять чехлы и распустить знамена.

При построении боевого порядка всем полковым хорам трубачей приказал играть марши своих частей.

Как на параде строились полки в линию колонн, разворачиваясь в боевой порядок. Гремели трубачи, реяли знамена. Вот блеснули шашки. Пронеслось «Ура!», и масса казачьей конницы ринулась в атаку, вскоре скрывшись в облаках пыли. Гремела ар-

тиллерия. Белые дымки шрапнелей густо усеяли небо...» — пишет генерал Врангель¹⁴⁵.

«Противник, за три дня боев, потерял около 15 тысяч пленных, 55 орудий и 150 пулеметов», — тут же добавляет он.

А вот вторая картинка казачьей славы и страданий, по его словам:

«В автомобиле выехал в Котельниково. На всем пятидесятиверстном пути мы не встретили ни одного жилья. Безлюдная, покрытая ковылем, местами солончаковая степь была совершенно пустынной. Красные кирпичные маленькие здания полустанков одиноко стояли в степи. За весь путь мы встретили лишь медленно тянувшийся, запряженный верблюдами арбяной транспорт с ранеными. Убийственно медленно тянулись сотни верст скрипучие арбы; укравши головы от палящего зноя, лежали несчастные страдальцы»¹⁴⁶.

Своеобразный многотысячный бивак казачьей конницы в Астраханской степи генерал Врангель описывает в поэтических тонах. Вот он:

«В ночь на 27-ое мая, перед атакой, армия ночевала в поле. Стояла тихая звездная ночь. Воздух напоен был степным ароматом. Далеко по степи раскинулись бивуаки полков. Я спал на бурке, подложив под голову подушку седла. Кругом слышались голоса казаков, фыркали кони, где-то далеко, на заставе, стучали выстрелы. Казалось, что история перенесла нас на целый век назад, в эпоху великих войн, когда не было ни телеграфов, ни телефонов — и вожди армий сами водили войска в бой»¹⁴⁷.

Все это так красочно и выпукло пишет русский генерал о доблестных полках Кубанского войска, победно идущих на Царицын, коих под начальством генерала Врангеля было ДВАДЦАТЬ ОДИН. Но никто из кубанских генералов и старших начальников, участников этого похода, глубокого по боевой славе, остро по кровавым потерям и всевозможным невзгодам в солнцем спаленной Астраханской степи — н и к т о н е о п и с а л...

Но возможно, что в казачьей психологии это было самое обыкновенное дело, самое нормальное, о чем и не следует писать? Возможно...

После кровопролитных двухдневных боев, главным образом под ударами 1-го Кубанского конного корпуса генерала Покровского и 2-го Кубанского конного корпуса генерала Улагая, 17 июня 1919 года Царицын пал.

Насколько жестоки были кровавые потери, генерал Деникин пишет: «Стоил этот успех крови не малой (то есть весь поход на Царицын и взятие его. — Ф. Е.). В одном командном составе убитых и раненых было пять начальников дивизий, два командира бригад и одиннадцать командиров полков — свидетельство высокой доблести войск, в особенности Кубанцев»¹⁴⁸.

«15-го июля под сокрушительными ударами группы генерала Покровского пал Камышин. В трехдневную операцию под Камышином, было взято около 13 тысяч пленных, 43 орудия и много пулеметов», — пишет генерал Врангель¹⁴⁹, а всего за 40 дней Царицынской операции — 40 тысяч пленных, 70 орудий, 300 пулеметов¹⁵⁰.

«После овладения Царицыном — 21-го июня 3-й Кубанская казачья дивизия под начальством генерала Мамонова, переправившись на левый берег Волги, достигла полотна железной дороги Саратов—Астрахань; своими головными частями заняла село Средне-Ахтубинское, где была встречена населением колокольным звоном»¹⁵¹, а «в середине июля, в районе Эльтонских озер, части генерала Мамонова вошли в связь с уральцами. Разъезд уральских казаков, пересекший на пространстве ста с лишним верст пустынную степь, соединился с нашими частями»¹⁵².

«На Дону царил высокий подъем. 10-го июня Донское Войско торжественно праздновало в Новочеркасске освобождение своей Земли от нашествия красных. А Армия Дона, насчитывавшая в середине мая 1919 года ПЯТНАДЦАТЬ тысяч бойцов, росла непрерывно, дойдя к концу июня до Сорока тысяч»¹⁵³.

После этого знаменитый рейд 4-го Донского корпуса генерала Мамантова по тылам красных в августе месяце — Тамбов, Козлов, Лебедев, Елец, Грязи, Касторная.

«По всему пути генерал Мамантов уничтожал склады и громадные запасы противника; разрушал железнодорожные мосты; распустил несколько десятков тысяч мобилизованных; вывел целую бригаду крестьян-добровольцев; нарушил связь, снабжение и вызвал среди большевиков сильнейшую панику»¹⁵⁴.

«Разграбление и уничтожение складов, баз и запасов Южного нашего фронта нанесли весьма тяжелые удары всему снабжению армий», — пишет красный командующий А.И. Егоров и фиксирует, что «значение этого казачьего конного рейда генерала Мамантова было очень велико для всей операции Южного красного фронта этого периода»¹⁵⁵.

«В то время, когда Мамантов нащупывал на фронте наиболее подходящие пункты для своего обратного прорыва — конный корпус генерала Шкуро, вместе с другими добровольческими частями, продолжал наступление, — говорит в своем повествовании Егоров и потом эпически заканчивает так: — 19 сентября (6 сентября по ст. ст.) Мамантов ударил в тыл четырем нашим пехотным дивизиям, и около 10 часов в тот же день произошло его соединение с корпусом Шкуро»¹⁵⁶.

Эти два казачьих конных корпуса соединились северо-западнее станции Лиски¹⁵⁷.

После захвата города Екатеринослава 16 июня 1-й Кавказской (Кубанской) казачьей дивизией она долго и очень успешно оперировала на правом берегу Днепра в юго-западном и западном направлениях от города, совместно с 2-м Лабинским, 42-м Донским казачьими полками и Терской пластунской бригадой и левофланговыми частями Добровольческой армии. Угроза Харькову со стороны красных войск заставила главное командование перебросить спешно поездами дивизию в этот район по маршруту Полтава—Харьков—Белгород. К этому времени с левого берега Днепра сюда перебрасывают и 1-ю Терскую казачью дивизию генерала Агоева¹⁵⁸.

Из этих двух казачьих дивизий был составлен корпус, который был назван 3-й Конный. Его командиром был назначен генерал Шкуро. Генерал Шифнер-Маркевич стал во главе 1-й Кавказской казачьей дивизии. Все это произошло в первых числах августа 1919 года.

Если после занятия Камышина головные части Кубанских конных корпусов подошли по правому берегу Волги к Саратову на 80 верст, как пишет генерал Деникин¹⁵⁹, то в августе под нажимом красных войск был сдан и Камышин.

В центре же Вооруженных сил Юга России, как официально определялись все силы под командованием генерала Деникина по его «Московской директиве», был полный успех.

«7-го сентября 1-й Армейский корпус генерала Кутепова взял Курск. 17-го сентября генерал Шкуро неожиданно переправившись через Дон, захватил Воронеж. 30-го сентября части корпуса Кутепова овладели Орлом и продолжали движение к Туле»¹⁶⁰.

«В начале октября 1919 г. силы Юга России занимали фронт севернее Царицына, вверх по р. Хопру до Лиски, потом Воронеж, Елец, Орел, Чернигов, Киев»¹⁶¹.

«Состав Вооруженных сил Юга России, с мая по октябрь, возрос последовательно от 64-х до 150-ти тысяч»¹⁶².

«Из этого состава около 20-ти тысяч оставались на Черноморском побережье против Грузии и в Терско-Дагестанской области против горцев, Азербайджана и Астрахани»¹⁶³.

«Этот фронт прикрывал освобожденный ст советской власти район, заключающий в себе 16—18 губерний и областей, пространством в 810 тысяч кв. верст и с населением в 42 миллиона»¹⁶⁴, — заключает генерал Деникин.

Малиновый звон кремлевских колоколов Белокаменной, как писали тогда многие газеты, казалось, уже слышен был...

При таком состоянии фронта я выехал с Кубани в Воронеж, в 3-й Конный корпус генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича Шкуро, по его, возможно, мифическому лозунгу ко всем казакам: «Все обиженные — КО МНЕ!»

На фронт — к Воронежу

В последних числах сентября, погрузив лошадей на станции Кавказская, со своим конным вестовым-сверстником, бывшим старшим урядником Конвоя Его Величества Тимофеем Сальниковым, мы ждали отхода поезда на Ростов.

На этой станции нашей Кавказской станицы мы увидели толпы пленных красноармейцев — грязных, отрепанных и, думаю, голодных. Вид их был неприятный. Я даже подумал: «Отчего их не отправили в запасные батальоны. Накормив и одев — почему не использовали людской материал?»

До Ростова ехали как по родной земле. Кругом довольство, знакомые картинки и знакомые типы людей.

От Ростова поезд направили на запад, на Таганрог, и пред нами появилась чужая и незнакомая степь. На железнодорожных мостах часовые солдаты говорили нам, что здесь не совсем спокойно.

Вот и Таганрог. Поезд дальше не идет, и я осматриваю этот чистенький белокаменный приморский городок, такой тихий, словно и нет войны. Здесь Ставка главнокомандующего генерала Деникина. Таганрог — родина Чехова, почему его и интересно осмотреть.

Мы в Харькове. Вновь долгая остановка поезда. Иду в город. Улицы многолюдны. Много военных. Странно было видеть и слы-

шать на углах поющих кобзарей-слепцов. На улице встречаю сотника-шкуринца в волчьей папахе. Узнав, что я еду в корпус Шкуро — он был очень активным моим проводником по городу.

Но... окончился тыл. Наш поезд вошел в прифронтовую полосу. Начиная с Валуйки и до станции Лиски наш товарный поезд шел в зоне, словно оккупированный пленными красноармейцами. На каждой станции их были толпы — грязных, голодных, предоставленных самим себе — слоняющихся, спящих тут же, апатичных, но не злобных на вид. Если бы не коменданты станций в своих красных фуражках и с погонями, как единственные представители власти, можно было подумать, что поезд движется по советской территории. Здесь, на всех этих станциях, была разбросана целая Красная армия. Мне казалось, что она, взбунтовавшись, даже и без оружия могла бы легко взять власть в свои руки.

Вся эта масса пленных, предоставленных самим себе, явно голодных, вызвала во мне человеческую жалость к ним, как и возмущение нашими порядками в тылу.

На одной из больших узловых станций вижу длинные пассажирские составы поездов. В вагонах яркое освещение. В них много офицеров и сестер милосердия. Звучит пианино. Я впервые вижу подобное зрелище в прифронтовой полосе, почему и спрашиваю первого попавшегося офицера-добровольца в цветной фуражке:

— Что это?

— Это поезд N-ского полка! — отвечает он отчетливо, как о нормальном явлении.

Стоит и еще один поезд, но в нем большинство товарных вагонов. Пассажирские вагоны не так ярко освещены.

— Это поезд генерала Шкуро... — докладывает мне казачья папаху.

— Кто его начальник?... и где он? — спрашиваю папаху в темноте ночи.

Передо мною вырастает фигура хорунжего в волчьей папахе. Он хотя и отчетлив, но во всем виден простой служака.

— Генерал Шкуро проследовал вперед в одном вагоне, а поезд он оставил здесь, со всеми запасами для своего корпуса, — докладывает он мне.

Все вагоны на замках. Видимо, интендантство. А что в них — мне не известно. Хорунжий с казаками — страж поезда.

Этот перегон в 200 верст, с бесчисленными толпами пленных на станциях, с крестьянами-мешочниками, с убогими женщинами-крестьянками, также мешочницами, с полным произволом над ними едущих воинских чинов, отбирающих у них муку лично для себя, произвел на меня удручающее впечатление. Мы ехали будто по зачумленной зоне, объятай уже голодом, карательными отрядами и произволом. И это было в самом ближайшем тылу фронта, где все должно быть точно и крепкая поддержка. И я вспомнил, с каким удовольствием и радужными надеждами там, в тылу, смотрели многие, и я лично, на передвигающуюся «линию фронта» на больших картах, показываемую толстым шнуром агитационных пунктов... И этот толстый шнур, обозначавший на карте «передвижение вперед, к Москве красной, фронт белых войск», был словно нашей живой артерией. И его передвижение вверх, на север, было так приятно!..

Его передвинули... но никто там, в тылу, не знал, а может быть, и не хотел знать — что же дала белая власть тем, кто остался теперь к югу от этого магического толстого шнура?

У меня в душе от всего этого сложилось нехорошее чувство. И это чувство было — чувство страха перед пустотой.

Вот так знакомая мне станция Лиски. Сколько раз мы, юнкера, проезжали этот длинный низенький железнодорожный вокзал, где должна быть нам пересадка!

И хотя здесь всегда было грязно, на перроне всегда была давка от празднующей молодежи, а позади вокзала было грязное селогородок, откуда неприятно пахло кислыми крестьянскими щами, — мы были всегда так рады, достигнув из Оренбурга этой станции Лиски. За нею вскоре начинались земли войска Донского, и мы вступали в свой казачий рай, где даже и кизячий острый запах из дымившихся труб был так дорог и приятен.

И вот теперь я на этой нашей «милей юнкерской станции Лиски». Но ее не узнать! Вихрь разрушения войной прошел здесь особенно остро. Узловая железнодорожная станция каждому врагу нужна. Она, видимо, упорно защищалась красными. Постройки сильно пострадали от артиллерийского огня. А через Дон подорван мост. Сейчас ее занимают небольшие донские части и немного терских казаков. Отсюда и до самого Воронежа тянется фронт. Вдали слышны орудийные выстрелы. Конные донские казаки, с полным седельным выюком, в серых шинелях, на креп-

ких лошадях, следовали на восток. За ними шли двуколки, нагруженные мешками и фуражем. Было уже холодно. Наступил октябрь месяц. Дул холодный восточный ветер. Было серо-серо и неуютно кругом. И вся эта суровая картина войны предстала передо мною во всей своей неприглядной наготе. Я уже отвык от нее, так как не был на фронте ровно пять месяцев. Да и весенний фронт в ставропольских и астраханских степях, когда ярко светит согревающее солнышко, растет и радуется трава, щебечет жаворонок в поднебесье и казак-воин радостно снимает с плеч свой кожух и ввязывает в торока седла, — это совсем не то, что вижу я теперь, по осени.

И путь наш «до Москвы» показался мне бесконечно долгим, трудным и совсем не тем, каким казался в вечно праздном и ликующем Екатеринодаре.

Железнодорожный мост через Дон взорван красными, но не сильно. «Быки» все целы, и только на первом пролете, у самого берега, взорвана передняя часть рамы. Ее уже починили. Комендант станции доложил, что путь до Воронежа не безопасен от красных. И генерал Шкуро, возвращавшийся из отпуска с потушенными огнями и на авось, в одном вагоне при паровозе, ночью выехал в Воронеж и прибыл туда благополучно.

Инженер, осмотревший починенный мост и тяжесть нашего состава поезда, черепаший шагом пропустил его через мост, и мы к ночи двинулись также на Воронеж. Это было 5 октября 1919 года.

В Воронеже. Генерал Шкуро

Наш товарный поезд благополучно дошел до сортировочной станции, что в 7 верстах на восток от Воронежа.

Еще далеко до прибытия на эту станцию — мы обратили внимание на северо-восток, на движущиеся к Воронежу конные и пешие толпы людей, раскинувшиеся по полю, насколько хватал глаз человека. А кто они — мы не знали. И лишь когда остановился наш поезд и должен был менять паровоз, мы увидели «передовых людей» всей этой неизвестной мешанины. Это, оказывается, отступали некоторые части 3-го Конного корпуса генерала Шкуро, после боя с красной конницей Буденного под Усмань-Со-

бакино. Пешие же люди были местные крестьяне, которые, с котомками за плечами, в лаптях и в своих бурых кафтанах старорусского покроя, уходили от красных, бросив свои семьи и пожитки на местах.

Отступавшие одиночные казаки без строя и без своих частей сказали нам, что красная конница движается непосредственно за ними и вот-вот будет здесь...

Паровоз долго не подавали. Становилось жутко от неизвестности. Но вот вышел из депо главный путейский инженер в черном щегольском пальто, с генеральской зеленой подкладкой на нем — солидный, с барской осанкой и седеющей бородой. Он был в большом гражданском чине. Паровоз был подан и, схватив состав, безо всяких правил потащил нас в Воронеж. С нами уехал и инженер-инспектор. Это был последний поезд из Лисок. К вечеру хозяева положения здесь были уже красные...

Наш поезд, как прибывший с сытного юга, немедленно же окружили жители голодного города, чтобы что-то купить у мешочников. Среди них много учащейся молодежи. Вид всех грустный. Я попал в неведомый мне край по жизни, по настроению людей...

Вдруг над городом разорвалось, высоко в небе, несколько шрапнелей красных. И если для меня это было так неожиданно, то для тех, кто пришел к вокзалу купить что у мешочников, оказалось нормальным явлением: они продолжали свой торг с мешочниками, покупая главным образом муку. Мы же, быстро выгрузив своих лошадей, широкой рысью двинулись по городу к «штабу Шкуро». Его мы очень скоро нашли. Он помещался на Дворянской улице, кажется, в «Центральной» гостинице.

Мы там... Но я ужаснулся тому, что увидел: нас, верховых, прижал к южной стороне улицы поток повозок, отходящих пешком крестьян и разрозненных конных казаков, по разным причинам отколовшихся от своих частей. Все шли куда-то... Обозы нервно торопились, крича и погоняя своих лошадей. У верховых казаков худые лошади и у многих не верхового сорта, а крестьянские, видимо обмененные на своих, загнанных долгими походами и боями.

У многих казаков лошади в сплошной болотной тине до тебеньков седла и длинные хвосты коней, слипшись сплошным жгутом, подло болтались между задних ног.

А вот идут две пары артиллерийской упряжки в хомутах, на загнанных мокрых лошадях и... без орудия. Видимо, это двупарная упряжка от зарядного ящика, который застрял где-то в болотной трясине, так как все лошади в сплошной тине со шлеями вместе. Но лица всех отходящих верхом казаков были спокойные; они не торопились и все были вооружены шашками и винтовками. Одежды были уже по-зимнему. Но печать усталости от непрерывных походов и боев ярко обозначалась на всем виде всадников.

Подо мною и урядником-гвардейцем Сальниковым лощеные лошади. Мы в черкесках и при погонах стоим верхами, прижатые этим потоком людей к тротуару. Мы не знаем — что же нам делать? Вдруг на балконе гостиницы быстро появился генерал Шкуро. Он в черной черкеске, в блестящих генеральских погонах и без папах.

— Куд-да?!.. куд-да вы?.. кто вам позволил?.. отступить?!.. Конвой!.. волки!.. в плети их!

На его глаза попала и моя фигура на рослой красивой лошади.

— Полковник!.. Задержите всех этих казаков!.. Да скорее!.. И отведите назад в их части! — очень быстро и запальчиво выкрикнул Шкуро всю эту тираду слов и быстро вернулся назад.

Он, видимо, имел телефонный разговор с кем-то. Тут же против меня немедленно открылись ворота, и оттуда быстро выскочил взвод пеших казаков-«волков», конвой Шкуро в волчьих папахах. Они вихрем «перерезали» улицу и совершенно бесцеремонно стали хлестать плетьюми и лошадей, и казаков, кто хотел проскочить «их цепь».

Воспользовавшись этим, я уже смело командуя-распоряжаюсь:

— Стройся вот сюда!.. Пристраивайсь!.. Живее!

И через несколько минут уже появился строй конных казаков, человек в 120. Шкуро опять показался на балконе и крикнул мне:

— Полковник!.. Ведите их вперед, в село (он назвал это село), к генералу Губину!¹⁶⁵ — и опять скрылся в свой штаб.

Где это село?.. кто такой генерал Губин? — я нич-чего не знал, но нервная нетерпеливость Шкуро не позволила мне размышлять. Думаю — в дороге от урядников узнаю, где это село и кто таков генерал Губин.

С темнотою ночи я прибыл в назначенное село Острожко. Оба начальника дивизий корпуса Шкуро — 1-й Кавказской казачьей генерал Губин и 1-й Терской казачьей генерал Агоев Владимир — были на колокольне церкви. Взобрался туда и представился высо-

кому мясистому Губину. Рядом с ним стоял небольшого роста и хорошо сложенный Агоев. Последний в чевяках и в мелких галошах. Вид его — типичный горец — изящный, легкий, подвижный и щегольский. Одет он был так, словно собрался на бал. Мне он напомнил генерала Колю Бабиева.

От него я узнал, что красная конница Буденного нанесла их дивизиям два удара под городом Усманы-Собакино 1 и 5 октября и они отступили. Убиты начальник штаба Терской дивизии (фамилию не помню) и командир 2-го Хоперского полка полковник Беломестнов¹⁶⁶.

С Губиным и Агоевым я вернулся в Воронеж и на ночь расположился в офицерской столовой «Центральной» гостиницы, где находился штаб генерала Шкуро. Это было 6 октября.

7 октября — легкий завтрак офицеров разных команд штаба корпуса — кто, когда и как хочет и что у кого есть съестного. Я сижу один. Все офицеры в младших чинах из бывших урядников.

— Встать!.. Смирно!.. Господа офицер-ры! — подалась команда. Обернувшись, я увидел генерала Шкуро. Он был в волчьей папахе и в нарядной светло-серой николаевской шинели с пелериной на дорогом меху. Вздернувшись со стула, подошел к нему, остановился и отрапортовал:

— Ваше превосходительство... Полковник Елисеев — представляюсь, назначен в Ваш корпус.

Шкуро глубоко испытывающе посмотрел мне в глаза, подал руку, сказал «хорошо» и просил меня зайти к нему в кабинет после завтрака.

Я у него в кабинете. Предъявил предписание Походного Атамана генерала Науменко.

— Да-да... Кубанская ведь дивизия здесь одна. Вы будете назначены в распоряжение начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии. А пока что я прошу Вас проехать в тыл корпуса, за Дон, это верст десять на запад от Воронежа, и собрать всех безлошадных казаков корпуса... Из них надо сформировать пеший батальон... и я назначаю Вас командиром этого батальона...

Я слушаю и не верю своим ушам... Я — «командир пешего батальона»? Хотел отказать, уклониться от этой странной для меня и миссии, и должности, но Шкуро просит: «Вначале исполнить это, а там дальше — видно будет»

Мы вышли с ним в общую просторную залу-гостиную, как к нам навстречу шли два командира полков — 2-го Кубанского конного партизанского полковник Михаил Соламахин и 1-го Хоперского — полковник Юра Ассиер¹⁶⁷, которых я так давно хорошо знал и любил. Они оба в бурках и в «волчьих папах» подходили скорым и бодрым шагом, явно с каким-то важным докладом. Юра Ассиер как юнкер щелкнул каблуками и взял под козырек перед Шкуро, а Соламахин — вольготно и с улыбкой предстал перед Шкуро.

Их полки стоят под Графской. Они почти изолированы, почему и просят оттянуть их к Воронежу. Они титулуют Шкуро «Ваше превосходительство», Шкуро их называет ласково — «Миша, Юра» и на «ты». Мне это понравилось.

Шкуро слушает их и успокаивает, что «это есть временная неудача»; говорит, чтобы они возвращались немедленно же к своим полкам, и отпускает их.

Они подходят ко мне и обнимают. Юра очень рад, по-детски рад, что я прибыл в их корпус; забрасывает вопросами и просит на службу в свой полк, но я его «расстраиваю» назначением батальонным командиром... Соламахин мило улыбается на мои слова и успокаивает, что это назначение, конечно, временное. Об этих отличных кубанских офицерах подробно скажу по событиям.

«Казачий пеший батальон корпуса»

7 октября, по телеграмме главнокомандующего генерала Деникина, Терская дивизия спешно, поездами, была отправлена в тыл, так как «батько Махно» захватил почти всю Екатеринославскую губернию и подходил уже к Таганрогу, к ставке Деникина. В тот же день я выехал собирать безлошадных казаков. Обозы 1-й Кавказской казачьей дивизии сосредоточились за Доном, верстах в десяти от Воронежа. В селе, в котором они находились, было много беженцев из Воронежа. Из учащейся молодежи какой-то офицер формировал роты.

При обозах действительно было много безлошадных казаков. У каждого из них было седло, сумы и винтовка. Конечно, неизменная бурочка и шуба.

Куда казаку девать этот груз? — думал я. Оставить седло и сумы в обозе — конечно, все это пропадет со временем. И каждый казак никогда не согласится на то, чтобы эти дорогие для него собственные вещи военного снаряжения отдать в ненадежное хранение.

Собрал я подобных казаков несколько десятков и не знал — что же с ними делать? И будет ли от них какая-нибудь польза? И одно было ясно, что надо достать для них лошадей. Но где? Воронежские крестьяне бедны. Семьи у них большие. А хозяйство — одна лошаденка да одна-две коровенки...

Все казаки, потерявшие своих лошадей в боях и предоставленные самим себе — они, естественно, шли в свои полковые обозы, жили по крестьянским хатам, там же как-то питались и следовали за обозом, как за путеводной звездой.

Никогда нельзя винить в дезорганизации армии нижних чинов и рядовое офицерство. Организация армии зависит от высших штабов, вернее, от того, кто возглавляет это дело, будь то полк, дивизия, корпус.

Когда я находил где-нибудь еще какую группу казаков, они неизменно окружали нас с урядником Сальниковым, всматривались в глаза незнакомым им людям, любовно рассматривали наших холеных и красивых лошадей, гладили их, и я замечал волнение и зависть в их глазах, что «вот, дескать, вы на лошадях, а мы — пешие, почему и несчастные». Все были послушны и просили лошадей. Мне было жаль их.

Найдя формирование пешего батальона совершенно невозможным, решил вернуться и доложить все Шкуро.

Воронеж был сдан без боя 11 октября. Поезд генерала Шкуро я нашел на какой-то маленькой станции. При Шкуро никакого штаба. Десятка два сестер милосердия пили чай в станционном вокзале и угощали им «Андрей Григорьича», как они называли Шкуро. У всех были встревоженные лица.

Доложив о своей неудачной миссии, я услышал от него:

— Что же делать?

— Достать лошадей и посадить на них казаков, — коротко ответил ему.

— Хорошо... тогда поезжайте в села и реквизируйте лошадей у крестьян, — ответил он.

— Слушаюсь, Ваше превосходительство, позвольте получить аванс?

— Аванс?.. Плату за лошадей? — удивленно отвечает он. — Денег у нас нет... Вы будете реквизировать бесплатно... Крестьяне должны помочь армии, России, — добавил он. — А впрочем, можете выдавать от себя квитанции, — закончил он.

Подобное распоряжение меня больше чем удивило. Для нужд какой армии и для какой России крестьяне должны жертвовать последним своим достоянием? — думал я тогда. Существовало в действительности две армии и две России. Белая и красная. Обе России и обе армии реквизируют все у крестьян бесплатно, где же правда? И в чем она заключалась для крестьян? И кого они должны поддерживать? Получался заколдованный круг для них, а для меня — приказ высшего начальства. Получив предписание, с четырьмя казаками-хоперцами я выехал куда-то на запад.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Во всех государствах после каждой войны, победной или не победной, изучаются военные действия своей армии и действия армии врага. Изучаются события, состав армий, вооружение их, причины войны, ошибки и удачи старших военачальников, и делаются выводы: почему так случилось, что одна сторона проиграла, а другая выиграла войну?

Все это изучается по возможности беспристрастно, как анализ событий.

Военное дело есть специальная наука, вечно прогрессирующая, как и другие науки — техника ли, медицина ли и прочие, но более серьезная. Серьезная до трагизма, так как побежденная армия может привести к полному краху свое государство, свой народ и его свободное существование, которые она, армия, не могла защитить, отстоять. За примерами далеко ходить не надо — мы живые свидетели жуткой гибели не только что национальной России и своего кровного многовекового казачества, но свидетели гибели и других государств.

Поражение двух прославленных казачьих конных корпусов генералов Мамантова и Шкуро в октябре 1919 года под Воронежем в моем молодом существе тогда вызвало горькую и оскорбленную боль «за казачью силу», не забываемую доселе, почему и постараюсь осветить этот вопрос, руководствуясь возможными источниками.

На фронте Донской армии под Воронежем

По данным донского штаба, на 5 сентября 1919 года в Донской армии было: 21 пехотный (пластунский) и 52 конных полка. Всего — 20 с половиной тысяч штыков, 19 тысяч шашек, 175 орудий и 724 пулемета, действовавших против 8-й, 9-й и 10-й красных армий, которые по своей численности вдвое превышали силы Донской армии¹⁶⁸.

К средним числам сентября 1919 года фронт красных шел от Воронежа (занимая и Воронеж) до Павловска по правому, западному, берегу Дона. У Павловска он переходил на левый, восточный, берег и тянулся до города Лиски и потом по реке Хопер, до впадения его в Дон, у дуги перед Царицыном.

В последних операциях красные армии вновь заняли северные округа Донского войска — Хоперский и Усть-Медведицкий. Для очищения их от красных требовалось разбить 8-ю и 9-ю советские армии.

В средних числах того же сентября под ударами 3-го Конного (Кубано-Терского) генерала Шкуро, 4-го Донского корпуса генерала Мамантова — 8-я армия у города Коротояка была отброшена за Дон, а «14 сентября, прорвав фронт 12-й стрелковой дивизии 8-й армии у города Борщова и переправившись через Дон — 4-й корпус Мамантова вошел в район Левая Роскошь»¹⁶⁹, — пишет командующий Южным красным фронтом, бывший полковник старой Русской армии А.И. Егоров. Это начался второй рейд Мамантова по тылам красных.

«В результате потери Воронежа (17 сентября), сильнейшего нажима белых по всему фронту армии, и особенно в центре и на фланге, нахождение в тылу рейдирующего корпуса Мамантова, а равно и в силу отсутствия всякой связи с соседними и высшими штабами, при полном истощении припасов всякого рода — армия потеряла возможность не только наступать, но (потеряла возможность) и оказывать какое-либо противодействие угрозе обхода противника»¹⁷⁰ — так пишет А. Егоров о действиях казачьей конницы под Воронежем, о новом рейде генерала Мамантова и о состоянии частей Красной армии его фронта.

Похвальное признание противника — дорожке похвалы друга. И он продолжает: «Мамантов успел сделать налет на Таловую (за-

хватил ее 17 сентября в тылу у красных. — Ф. Е.), чем сорвал, как мы видели, наступление 9-й армии и облегчил, в свою очередь, наступление Донской армии».

Надо отметить, что от Борщова и до Таловой около ста верст. С боями Мамантов прошел это расстояние в три дня.

«К 21 сентября, возвращаясь к Воронежу на соединение с корпусом Шкуро — Мамантов находился в районе села Московского. Таким образом, отходящим правого фланга нашим пехотным дивизиям пришлось встретиться при своем отходе с Мамантовым, вследствие чего отход совершался медленно и с большими потерями. Только 24 сентября дивизии выходили на назначенный рубеж реки Икорец, пройдя за 11 дней всего 50—55 верст»¹⁷¹.

«За время 2-го рейда по тылам красных — 4-й Донской корпус Мамантова взял в плен 8 тысяч красноармейцев», — кратко говорит сводка Донской армии¹⁷².

«23 сентября частями 3-го Донского корпуса был захвачен так долго неприступный железнодорожный узел Лиски», — указывается там же.

В телеграмме командующего Донской армией генерала Сидорина на имя генерала Деникина донесено следующее:

«Только за время с 25 августа и по 20 сентября Донская армия взяла 25 тысяч пленных, 24 орудия и 162 пулемета»¹⁷³.

На это генерал Деникин ответил 24 сентября: «Сердечно благодарю Вас и прошу передать доблестным частям генерала Мамантова и генерала Шкуро мою искреннюю благодарность за их последнюю работу, закончившуюся разгромом частей 8-й советской армии и захватом важного железнодорожного Лискинского узла».

Все это взято из сводок Донской армии, помещенных в «Трагедии Казачества»¹⁷⁴.

«22 сентября 4-й Донской корпус был в 30 верстах к юго-востоку от Воронежа, где и соединился с 3-м Конным корпусом генерала Шкуро».

В конце сентября генерал Мамантов выехал в Новочеркасск, чтобы доложить войсковому кругу о своем рейде на Тамбов. Почти одновременно на Кубань выехал и генерал Шкуро. Выехал туда и его начальник штаба генерал-майор Шифнер-Маркевич. Временно командующим 4-м Донским корпусом был назначен генерал Секретев¹⁷⁵, а вр. командующим 3-м Конным (Кубано-Терским)

корпусом — генерал Губин, начальник 1-й Кавказской (Кубанской) казачьей дивизии¹⁷⁶.

Отъезд трех генералов оказался роковым для этих корпусов.

Это было «в стане белых» на левом фланге Донской армии. Теперь проследим по книге А. Егорова «Разгром Деникина», что было на этом же фронте в стане красных?

Конный корпус Буденного

«В это время корпус Буденного был сосредоточен в станице Казанской Донского войска на левом (восточном) берегу Дона, с задачей: переправиться через Дон и ударить в юго-восточном направлении по тылам 2-го и 1-го Донских корпусов в разрез Донской и Добровольческой армий. Операция назначалась на 17 сентября».

«Узнав о новом рейде Мамантова, Буденный нарушил приказ своего командующего юго-восточным красным фронтом Шорина, самовольно повернул свой корпус на север и двинулся к Таловой, которая находилась в 150 верстах от станицы Казанской, чтобы разбить корпус Мамантова».

«Следуя за Мамантовым, Буденный, пройдя Таловую, двинулся дальше на север до села Тулина, пройдя 250 верст за 10 дней. Отсюда он двинулся на Усмань-Собакино и Графскую, где и произошла встреча с двумя казачьими корпусами — Мамантова и Шкуро»¹⁷⁷.

Егоров пишет, что корпус Шкуро по занятии Рамонь-Графской стремился на север, на Усмань, и далее на Грязи, о чем говорят и сводка Донской армии, и генерал Деникин. Мамантовский же корпус стремился держать связь со своим правофланговым 3-м Донским корпусом, на юго-восток, разбросавшись по фронту на 50 верст. И продолжает:

«Конному корпусу Буденного приказано: с приданными ему кавалерийскими частями 8-й армии разбить эту конницу противника и способствовать своими активными действиями 8-й армии при выполнении ей поставленной задачи — вновь выйти на линию реки Дона».

«Однако Буденный не без основания считал невозможным оставить у себя в тылу и на левом фланге такого активного против-

ника, как Мамантов, и, желая в то же время облегчить положение своих 12-й и 13-й дивизий, ставил своей ближайшей целью разбить и отбросить Мамантовский корпус».

«1 октября, в районе с. Московского, Буденный вступает в единоборство с Мамантовым и постепенно теснит его части на северо-запад. Последние отходят к Воронежу».

«Но на левом фланге, — продолжает Егоров, — обстановка складывается крайне неблагоприятно для армии: части 3-го Донского корпуса развивали свой первоначальный успех, и 9-я армия откатывалась все дальше и дальше к северо-востоку и востоку, увлекая за собою и фланги 8-й армии».

«6 октября Буденный подошел к рубежу Ново-Усмань. В 7 часов утра 12 полков противника повели наступление. Завязался ожесточенный и упорный бой, длившийся до глубокой ночи. В результате боя белые были опрокинуты. Буденный подошел к Воронежу. На следующий день конный корпус вновь переходит в наступление, но белые сумели за ночь организовать сопротивление, и бой не увенчался успехом»¹⁷⁸.

Как указано в брошюре-тетради № 1, генерал Шкуро спешно вернулся с Кубани в Воронеж 5 октября, следовательно, 6 октября он руководил обоими корпусами — своим и 4-м Донским. Генерал Мамантов был на Дону.

Неожиданные события в тылу. Восстание Махно

Оперативная сводка Донской армии о боях под Воронежем коротко повествует так: «6 октября противник обрушился по всему Воронежскому фронту большими массами конницы. В результате упорных боев наша конная группа отошла на фронт Масловка—станция Передаточная — село Отрожка. Нами потеряны 3 орудия, больше 10 пулеметов и бронепоезд «Генерал Гусельщиков»¹⁷⁹.

О действиях 3-го Конного корпуса генерала Шкуро, в который входили 1-я Кавказская казачья и 1-я Терская казачья дивизии, нигде и ничего не отмечено в эти роковые дни под Воронежем. Но отмечено следующее:

1. 25 сентября командующим Донской армией генералом Сидориним получена из Таганрога, из ставки генерала Деникина,

следующая телеграмма: «Немедленно направить на станцию Волноваха одну из конных дивизий корпуса генерала Шкуро».

Узловая станция Волноваха, по птичьему полету, находится в 50 верстах к северу от города Мариуполя (Ф. Е.).

2. В тот же день получена следующая телеграмма: «Из Донской армии направить в Волноваху, спешно и кратчайшим путем, 1-й саперный батальон».

3. 26 сентября получена и еще телеграмма из ставки: «Срочно перебросить в район Волновахи из Донской армии одну конную бригаду. Перевозку надлежит произвести полным напряжением».

4. 27 сентября вновь требование из ставки: «Немедленно перебросить в район Волновахи одну конную бригаду с батареей».

5. 28 сентября новое напоминание-требование: «Принять все меры к ускорению переброски Терской дивизии и Донской бригады в тот же район».

6. Донская бригада полковника Морозова была переброшена, как 4 октября получено было новое распоряжение: «Минуя всякие препятствия, завтра, 5 октября, двинуть Терскую дивизию на юг, в распоряжение генерала Ревизиона¹⁸⁰».

7. 6 октября получена телеграмма за подписью самого генерала Деникина следующего содержания: «По последним сведениям, Горско-Моздокский полк находится в бою восточнее села Давыдовка (по карте село Давыдовка находится в 50 верстах южнее Воронежа. — Ф. Е.), а Волгокий полк опять введен в дело у Воронежа. Приказываю немедленно вывести дивизию из боя и спешно вести тыл. Махновцами заняты Александровск, Мелитополь, Бердянск, и сегодня они ведут наступление на Мариуполь. Преступление задерживающих дивизию ничем оправдано быть не может. (Таганрог, 6 октября, 4 часа утра. Деникин)».

8. «6 октября Мариуполь занят махновцами. Главком приказал принять исключительные меры для ускорения прибытия Терской дивизии. Начштаба приказал отыскать во что бы то ни стало 2-ю бригаду Терской дивизии и спешно направить ее по назначению. Для восстановления связи с ней использовать все средства включительно до самолетов и отдельных паровозов (ген. Плющевский-Плющик¹⁸¹)».

9. Требования повторялись: «Главком приказал теперь же перебросить в его распоряжение Терскую бригаду со всей артиллерией (ген. Романовский, 7 октября. Таганрог)».

10. 7 октября командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский телеграфирует генералу Шкуро о категорическом требовании генерала Деникина: «Немедленно, минуя всякия препятствия, отправить Терскую дивизию в распоряжение генерала Ревизиона». При этом сообщает, что «для расследования причин задержки дивизии отправляется генерал Лихачев».

11. 8 октября генерал Май-Маевский телеграфирует вновь Шкуро, копия генералу Сидорину: «Мариуполь занят махновцами, что создает уже угрозу ставке. Надеюсь, что ввиду такой обстановки, несмотря на известное мне трудное условие, в котором Вы находитесь до подхода частей Мамантова, все же, со свойственной Вам энергией, примете немедленно и решительно все меры к тому, чтобы Терская дивизия была переброшена к генералу Ревизиону в наикратчайший срок».

На эти тревожные телеграммы из ставки, из Таганрога, генерал Сидорин ответил: «Приказал произвести посадку на Лихую из Кантемировки мой единственный резерв Тульскую пехотную бригаду. Вместе с тем докладываю, что 1-й эшелон Горско-Моздокской бригады отправлен на станцию Лиски сегодня в 17 ч. 30 м. по назначению. Погрузка бригады закончится утром 7 октября».

Судя по этой телеграмме генерала Сидорина, одна бригада 1-й Терской дивизии действовала в 50 верстах от Воронежа к югу и, следовательно, в боях под самым Воронежем в критические дни не участвовала.

6 октября Буденный к вечеру занял станцию Передаточная, что под Воронежем в 7 верстах к востоку, чем и отрезал железнодорожный путь на юг к Лискама, где 7 октября и грузилась одна из бригад Терской дивизии. Вторая бригада с генералом Владимиром Агоевым по железной дороге двинулась на запад, через узловую станцию Касторная, направляясь потом на юг, в Волноваху.

О Махно генерал Деникин пишет в своем труде так:

«13 сентября [1919 года] Махно неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащова¹⁸², двинулся на восток, обратно к Днепру. Движение его совершалось на сменных подводах и лошадях с быстротою необыкновенной: 13 сентября — Умань; 22-го — Днепр, где, сбив слабые наши части, наскоро брошенные для прикрытия переправ, Махно перешел через Кичкасский мост, и 24 сентября он появился в Гуляй-Поле, пройдя в 11 дней около 600 верст»¹⁸³.

О столь неожиданном восстании Махно в глубочайшем тылу армии, почти за 400 верст от Воронежа, генерал Деникин повествует:

«В начале октября в руки повстанцев попали Мелитополь, Бердянск, где они взорвали артиллерийские склады, и Мариуполь, в ста верстах от ставки, Таганрога.

Повстанцы подходили к Синельникову и угрожали Волновахе, нашей артиллерийской базе. Случайные части, местные гарнизоны, запасные батальоны, отряды государственной стражи, выставленные персонально против Махно, легко разбивались крупными его силами.

Положение становилось грозным и требовало мер исключительных. Для подавления восстания пришлось, несмотря на серьезное положение на фронте, снимать с него части и использовать все резервы.

В район Волновахи сосредоточены были: 1-я Терская казачья дивизия, Чеченская конная дивизия и Донская казачья бригада».

Как происходили бои против Махно — не описано, но генерал Деникин продолжает: «К 10 ноября весь левый (восточный) берег нижнего Днепра был очищен от повстанцев. Махно, с большой бандой, перейдя Днепр, бросился к Екатеринославу и взял его... С 14-го по 25 ноября злополучный город трижды переходил из рук в руки, оставшись, в конце концов, за Махно»¹⁸⁴

Кроме этих частей, указанных генералом Деникиным, против Махно действовали тогда: 42-й Донской казачий полк, 2-й Таманский полк, 2-й Лабинский полк, 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Геймана и 2-я Терская пластунская бригада. Всего девять конных казачьих полков и две бригады пластун, не считая Чеченской конной дивизии и других частей Добровольческой армии.

О первоначальных действиях против Махно в Заднепровье, между Херсоном и Уманью, очень хорошо написал бывший тогда командир артиллерийского взвода поручик Г. Сакович, приданный с орудиями к 42-му Донскому и 2-му Таманскому полкам¹⁸⁵.

Какой-то злой рок висел над Белым движением. Но рок ли? В мое описание не входит разбор их, а только даются разные факты, как на фронте, так и в тылу. Но в переломный период жестоких боев снять с главного фронта шесть полков казачьей конницы и послать их в глубочайший тыл против повстанцев, то — где же

были резервы? Да и были ли они? И почему были восстания? И почему их не было в казачьих областях-краях?

«Одна Кубанская бригада была снята с Царицынского фронта и переброшена в Екатеринодар, ввиду событий в Раде», — пишет генерал Деникин¹⁸⁶.

«20 тысяч оставалось на Черноморском побережье против Грузии и в Терско-Дагестанском крае против горцев, Азербайджана и Астрахани»¹⁸⁷.

Закроем эту печальную страницу и проследим, как действовал Конный корпус Буденного под Воронежем в эти дни, по его книге «Пройденный путь».

Что пишет Буденный

«21 сентября в районе Таловой появился самолет. Летчик вылетел из Воронежа с задачей найти Мамантова в треугольнике Таловая—Бобров—Бутурлиновка и передать ему приказ генерала Сидорина и письмо от генерала Шкуро. Ошибочно летчик опустился в районе корпуса. Приказ Сидорина и письмо Шкуро были изъяты и открыли нам планы действий (белых)»¹⁸⁸.

Буденный отмечает, что он не знал о точных силах корпусов Мамантова и Шкуро, почему и медлил в наступлении на Воронеж, чем вызвал большое недовольство среди командного и политического состава своего корпуса. Ему пришлось собрать на совещание весь высший командный состав, до командиров полков включительно, всех комиссаров, на котором решено, что:

а) общая обстановка на фронте требует самых активных действий и

б) вся партийно-политическая работа должна быть направлена на то, чтобы каждый боец понимал свое место и задачи корпуса не изолированно, а как единое целое¹⁸⁹.

«Ночью 6 октября (уже под руководством генерала Шкуро. — Ф. Е.) конные части Шкуро выступили из района Бабякова и Ново-Усмань и на рассвете, под прикрытием тумана, ворвались в с. Хреновое и потеснили заслон 6-й кавалерийской дивизии Апанасенка. Последний развернул главные силы дивизии в боевой порядок и перешел в контрнаступление. 4-я кавалерийская дивизия Городовикова, поднятая по тревоге, спешно выступила в направ-

лении с Ново-Усмань на помощь 6-й дивизии. Удачным маневром Городовиков вывел свои части в тыл противника, связанного боем с 6-й дивизией, и нанес белоказакам внезапный удар. Сильный туман не позволил ни нам, ни противнику применять пулеметы и артиллерию, поэтому бой с первых же минут принял характер ожесточенной сабельной рубки»¹⁹⁰, — пишет Буденный.

Я не буду копировать «упоение его победой», так как его описание бесконтрольно. Все же казаки отступили.

«Преследование велось до реки Воронеж, где наши передовые части были остановлены огнем автоброневиков и автопоездов, выдвинутых Шкуро для прикрытия своей конницы. Наиболее эффективно действовали бронепоезда противника»¹⁹¹, — заканчивает Буденный бой этого дня.

«К вечеру 6 октября передовые части корпуса заняли Отрожку и Монастырную», — добавляет он, что и соответствует действительности.

«На рассвете 7 октября корпус, взаимодействуя с 12-й и 16-й стрелковыми дивизиями 8-й армии, перешел в наступление с задачей овладеть Воронежем. Закипел жаркий бой. Противник за ночь успел подтянуть свежие силы и закрепиться на рубеже реки Воронеж, прикрывая все (свои) имеющиеся переправы пулеметным и артиллерийским огнем. Весь день кипел бой, не давший перевеса ни той, ни другой стороне».

«В наши руки попал убитый в бою начальник штаба одной из дивизий белых, и мы нашли у него боевой приказ, который помог нам раскрыть замысел Шкуро.

По этому приказу, так же и по ходу боя, мы установили сосредоточение главных сил противника на восток от города, для удержания переправ на реке Воронеже и последующих ударов по правому флангу нашего корпуса.

В связи с этим я решил нанести главный удар на Воронеж не с востока, а с севера.

Выполняя это решение, 6-я кавалерийская дивизия должна сковать противника с фронта, наступая с рубежа Ново-Усмань на восточную окраину Воронежа, а 4-я кавалерийская дивизия, с подчиненной ей резервной кавалерийской бригадой, форсирует (переходит) реки Усмань и Воронеж в селе Чертовицком и, взаимодействуя с 21-й железнодорожной бригадой, нанесет удар на Воронеж с севера на юг, по Задонскому шоссе...

Генералы М.А. Фостиков, В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро с казаками на Войсковом празднике. Белград, 1935 г.

Чествование епископа Гермогена по поводу 50-летия пастырской службы. По левую руку от владыки генералы А.Г. Шкуро и М.А. Фостиков. Белград, 1936 г.

На Войсковом празднике. Слева направо, сидят: второй — Кубанский Войсковой Атаман генерал-майор В.Г. Науменко, третий — глава русской эмиграции в Сербии генерал-майор В.В. Крейгер, пятый — генерал-майор С.П. Звягинцев, шестой — генерал-майор Ф.В. Данилов; стоят: третий — генерал-лейтенант М.А. Фостиков, четвертый — генерал-лейтенант А.Г. Шкуро, пятый — генерал-майор М.К. Соламахин. Белград, июль 1937 г.

М.А. Фостиков (за столом слева) на выпускном экзамене в гимназии. Стара Пазова (Югославия), 30-е годы

Памятник М.А. Фостикову на кладбище. Стара Пазова (Югославия)

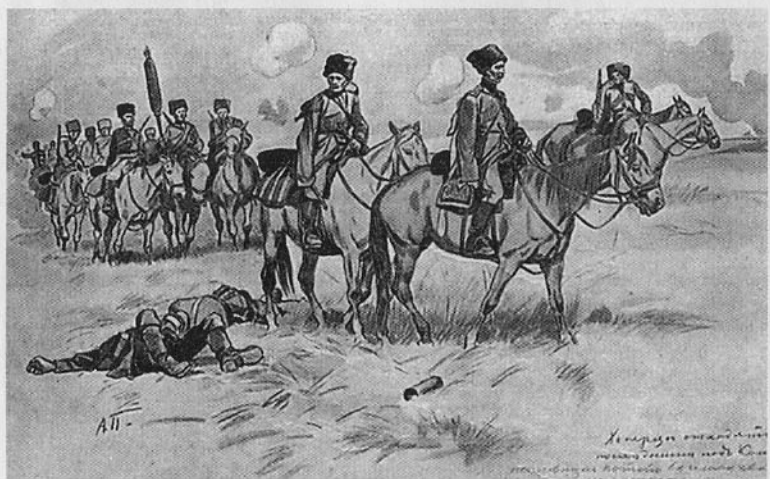

Казак ККВ (слева направо): 1-го Уманского полка Ф. Прокудин, 1-го Линейного полка Л. Акулов и 1-го Хоперского полка А. Кузико. Тифлис, 1904 г.

1-й Хоперский Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полк ККВ в резервной колонне. 1914 г. (РГАКФД)

«Хоперцы отходят последними под Конином. Полковник Потто во главе своего храбрейшего полка». Надпись на рисунке художника А. Пржецлавского. 1914 г.

Георгиевские кавалеры казачьей конно-пулеметной команды.
Кавказский фронт, 1915 г.

Казачи у сотенного значка. Кавказский фронт, 1915 г.

Подъесаул 1-го Хоперского Е.И.В.
Великой Княгини Анастасии Ми-
хайловны полка ККВ А.И. Боро-
дин (до войны)

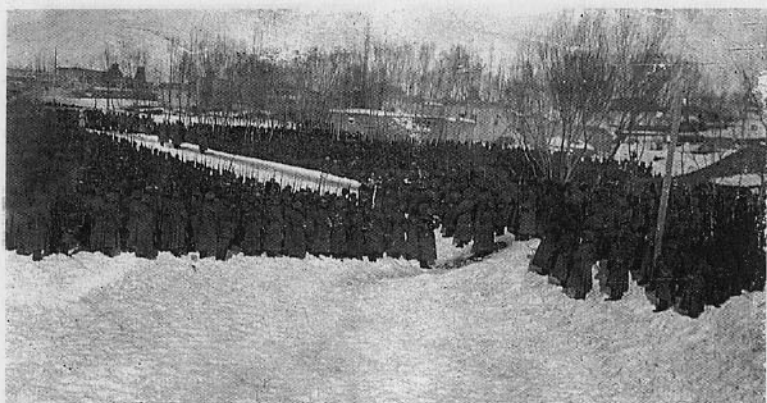

Казачий офицер возле курдского
жилища — «ханы». Кавказский
фронт, 1915 г.

Верблюжий транспорт. Персидский фронт, 1916 г.

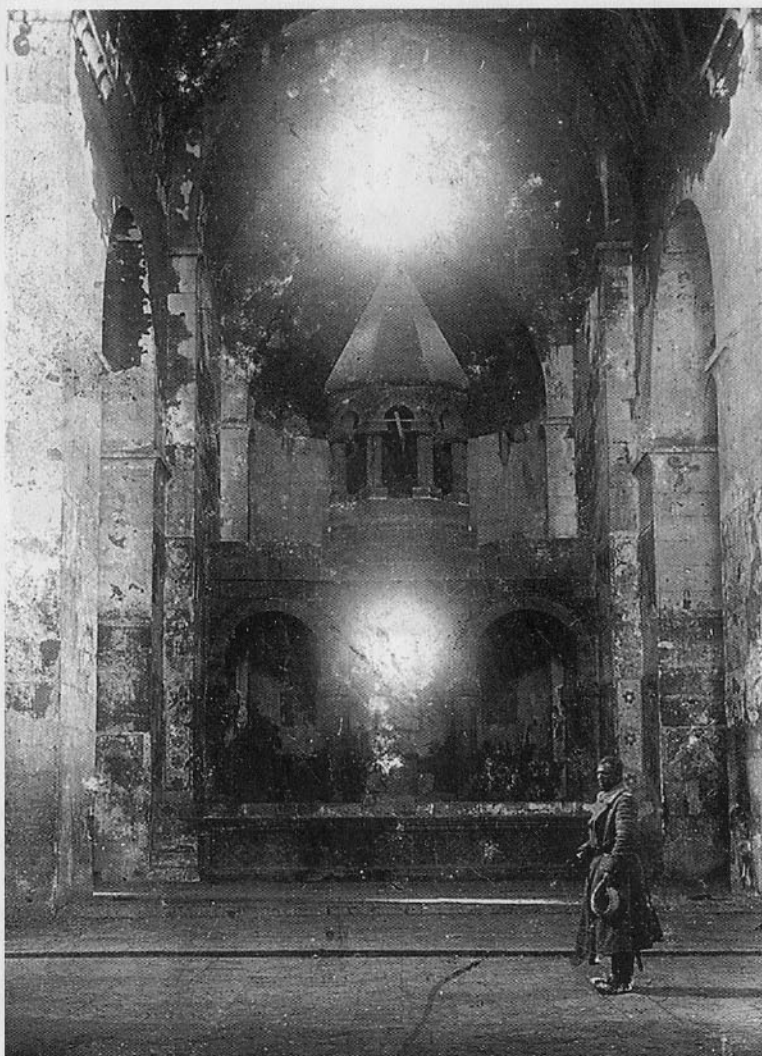

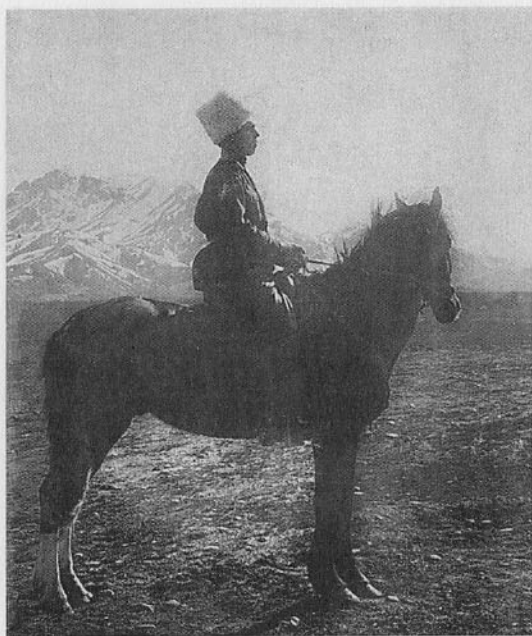
Построение частей 4-го Кавказского армейского корпуса. 1915 г.

Встреча пластунского батальона на Кавказском фронте. 1915–1916 гг.

Казачий офицер в разрушенном турками армянском храме. Кавказский фронт, 1915 г.

Казак на
Персидском
фронте. 1916 г.

Смотр казачьим частям. Кавказский фронт, 1916 г. (РГАКФД)

П.М. Маслов, офицер-инструк-
тор «Бельгийской Легии».
Плен, Австрия, 1944 г.

Сын полковника П.М. Маслова,
Александр, перед поступлением
в Русский кадетский корпус.
Югославия, 1938 г.

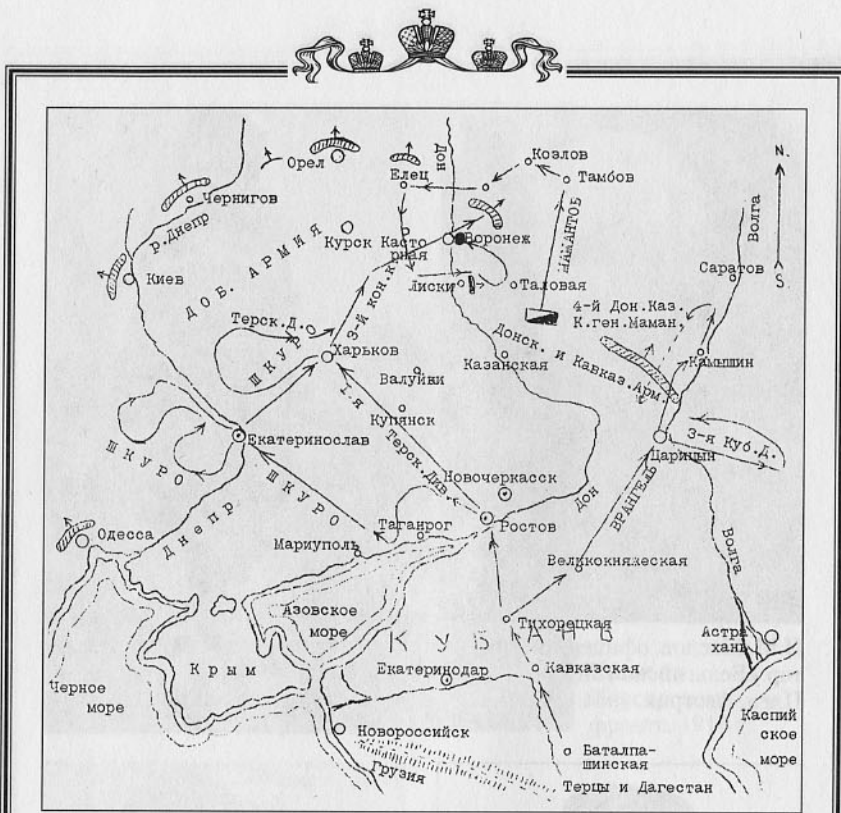

Сотник 1-го Кавказского намест-
ника Екатеринославского гене-
рал-фельдмаршала князя Потем-
кина-Таврического полка ККВ
Г.К. Маневский. Майкоп, 1912 г.

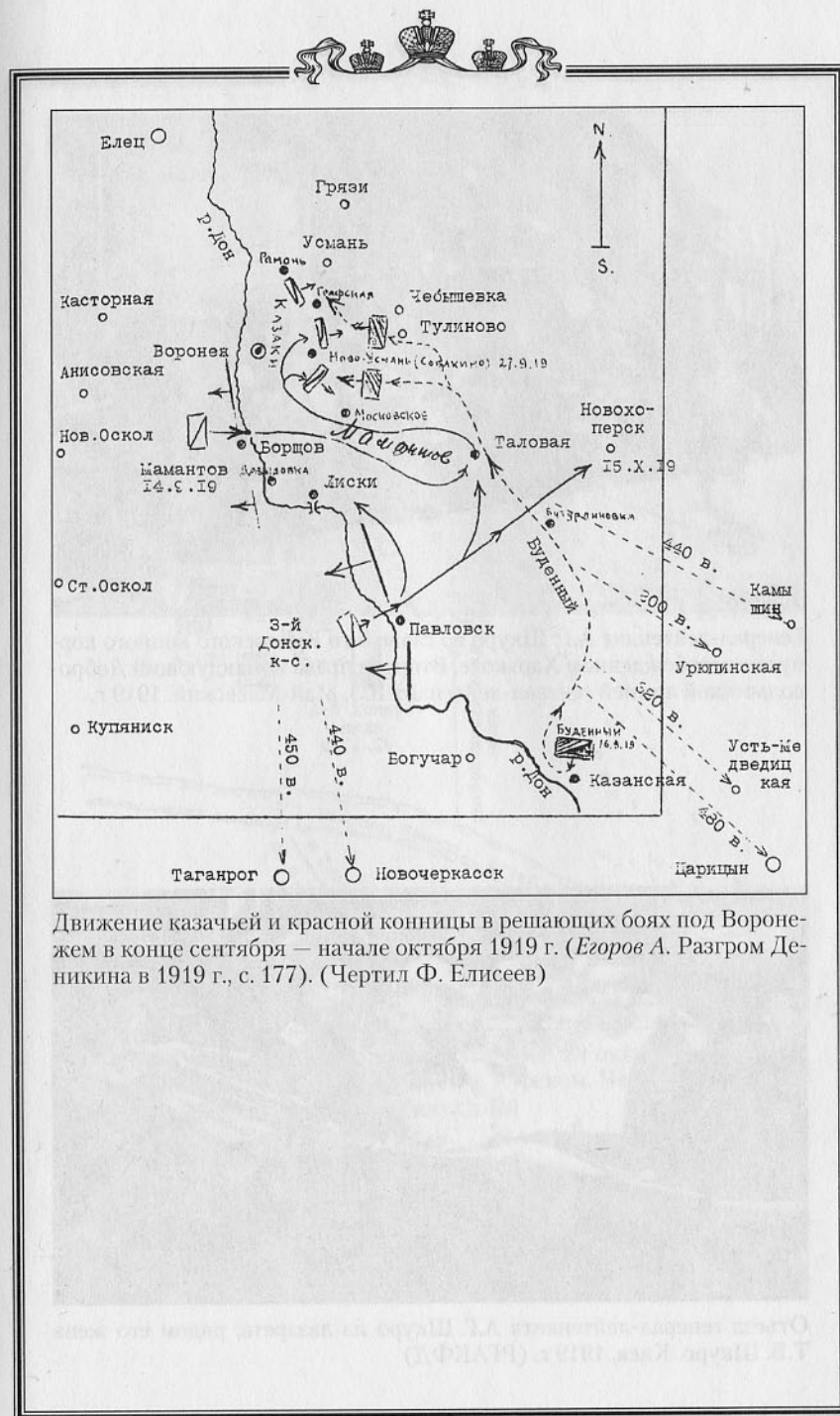

Командир 2-го Кубанского пар-
тизанского конного полка пол-
ковник М.К. Соламахин

Район, занятый Добровольческой, Донской и Кавказской армиями к октябрю 1919 г. (Деникин А.И. Очерки Русской Смуты, т. 5, с. 121). Стрелками указано движение кубанских частей, рейд генерала Мамантова и 1-й Терской дивизии. (Чертил Ф. Елисеев)

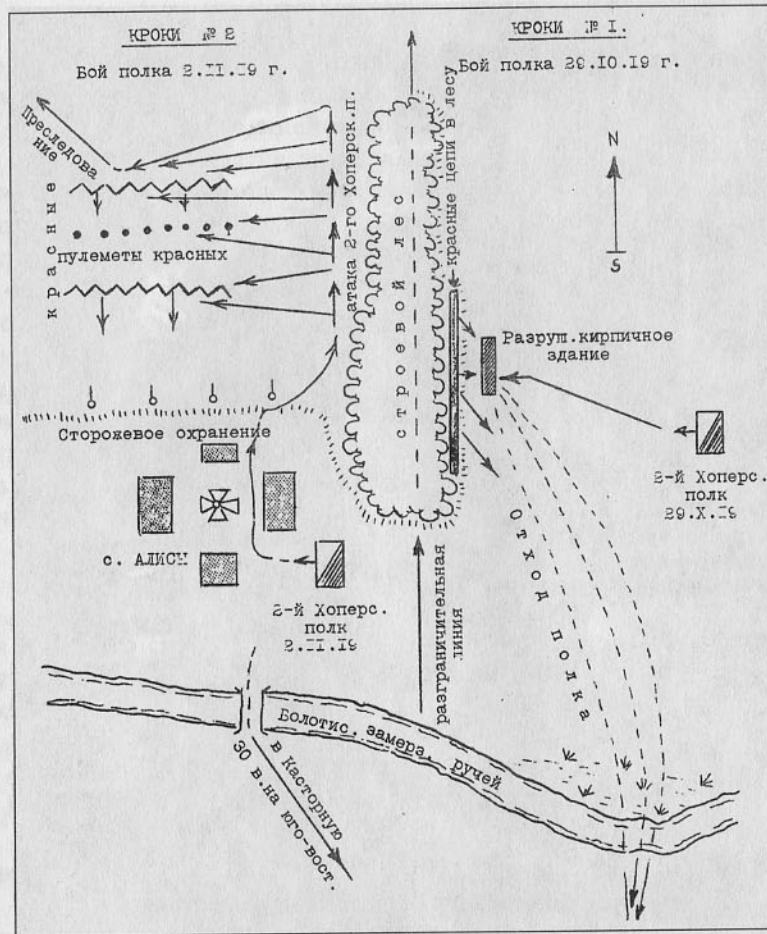
Движение казачьей и красной конницы в решающих боях под Воронежем в конце сентября — начале октября 1919 г. (Егоров А. Разгром Деникина в 1919 г., с. 177). (Чертил Ф. Елисеев)

Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро во главе 3-го Кубанского конного корпуса в освобожденном Харькове. Второй справа командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский. 1919 г.

Отъезд генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро из лазарета; рядом его жена Т.В. Шкуро. Киев, 1919 г. (РГАКФД)

Кроки двух боев 2-го Хоперского полка ККВ 29 октября и 2 ноября 1919 г. у с. Алисы, между Воронежем и Курском. Через лес идет разграничительная линия боев этих двух дней

Полковники В.Д. Гамалий и Ф.И. Елисеев. Виши, Франция, 1924 г.

12-я стрелковая дивизия 8-й армии, взаимодействуя с 6-й кавалерийской дивизией, наступает на юго-восточную окраину Воронежа¹⁹² — так повествует свой план Буденный.

«8 и 9 октября соединения корпуса вели упорные бои. Особенно ожесточенная схватка разыгралась в районе Отрожка—Репное. Противник на этом участке с отчаянным упорством оборонял переправы, обстреливаемый почти всей артиллерией нашего корпуса».

«С утра 10 октября части корпуса вновь перешли в наступление. Артиллерия корпуса и 12-й стрелковой дивизии и все имеющиеся у нас бронепоезда открыли ураганный огонь по противнику. Белые напрягли все силы, чтобы отбить атаки 6-й кавалерийской дивизии и 12-й стрелковой и не дать им возможности форсировать (перейти) реку Воронеж. Завязался ожесточенный бой, продолжавшийся в течение целого дня. Когда стемнело, противник начал жечь дома, чтобы осветить (для себя) переправы на реке, но ничего уж не могло остановить части 6-й кавалерийской и 13-й стрелковой дивизий, упорно продвигающихся вперед»¹⁹³.

Дальше Буденный пишет, что он был обеспокоен тем, что 4-я кавалерийская дивизия Городовикова задержалась в своем наступлении с северо-запада. Для выяснения обстановки он сам проехал туда. И вот какой диалог произошел между ним и Городовиковым:

«— Где у Вас противник? — спрашиваю я (то есть Буденный. — Ф. Е.).

— В селе Подгорном, товарищ комкор, — ответил мне Городовиков.

— У противника большое количество пулеметов, — добавил начштаба 4-й кав. дивизии Косоков.

— А у Вас нет разве пулеметов? Почему Вы здесь? — снова набросился я на Городовикова.

— Надо людям дать отдохнуть... а утром атакуем, — оправдывается Ока и попятился назад, сделав такой жест, словно защищаясь от удара.

— Вот что, Городовиков... если к 6 часам утра дивизия не будет в Воронеже — считайте, что Вы не начальник дивизии. Сниму с дивизии и посажу на эскадрон!.. а то и на взвод. Немедленно же постройте дивизию по тревоге и...

Не успел я договорить, как Городовиков воскликнул:

— Бегу!.. пока башка цела! — и выскочил он со двора.

Через час 4-я кавалерийская дивизия, во главе со своим славным начальником дивизии, сбила прикрытие противника и ворвалась в Воронеж¹⁹⁴.

Оригинальный разговор, как и оригинальная дисциплина, были тогда в Красной армии — командир корпуса своей властью смещает начальника дивизии на должность командира взвода.

По книге Буденного, Ока Городовиков был каалмык из Сальских степей, младший урядник старой армии, но был одним из первых соратников Буденного с весны 1919 года на Маныче.

О себе Буденный пишет, что он был сверхсрочный унтер-офицер Приморского драгунского полка, во время войны назначен в 18-й Северский драгунский полк Кавказской кавалерийской дивизии, имел «полный бант» Георгиевских крестов¹⁹⁵, но оставался только взводным унтер-офицером. Следовательно, психология у Буденного и Городовикова была одинаковой.

Заключение Буденного: «Ровно в 6 часов утра 11 октября дивизии Конного корпуса — 4-я кавалерийская с севера, а 6-я кавалерийская с юго-востока, ворвались в Воронеж. Одновременно вошла в Воронеж и 12-я стрелковая дивизия»¹⁹⁶.

Описывая действия Конного корпуса Буденного под Воронежем, командуя Южным советским фронтом Егоров как офицер Генерального штаба — он более академичен и беспристрастно заканчивает: «Заняв Воронеж и отбросив корпуса Шкуро и Мамантова на запад от Дона, корпус Буденного, несмотря на грандиозный моральный эффект этого обстоятельства, все же не достиг главного — оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили весьма ощутительный удар, но не были разбиты, чем, главным образом, объясняется медленное продвижение вперед Конного корпуса Буденного в последующие дни»¹⁹⁷.

В книге Буденного есть интересные признания. Он пишет: «Уже после Гражданской войны, на 8-м съезде Советов, Ленин, якобы, сказал ему: «Не окажись Вашего корпуса под Воронежем — Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамантова и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле».

И заканчивает Буденный: «Так оценил Владимир Ильич значение победы Конного корпуса над Шкуро и Мамантовым в общем ходе борьбы с деникинцами».

И добавляет: «Разгром конницы Шкуро и Мамантова означал превосходство нашей тактики и оперативного искусства. Ведь конница Шкуро и Мамантова являлась лучшей в Деникинской армии, а ее предводители-генералы считались среди белых самыми способными»¹⁹⁸.

«И вот, эти сильные корпуса, возглавляемые генералами, вокруг которых был создан ореол непобедимости, оказались разбиты красным конным корпусом, уступавшим им по численности в три раза и понесшим при этом ничтожные потери»¹⁹⁹ — так заканчивает Буденный свое повествование.

Необходимое уточнение. Одно свидетельство

На книгу Буденного «Пройденный путь» донцам и кубанцам надо было бы ответить своей книгой, так как в ней идет восхваление только его подвигов, начиная с весны 1918 года, когда он начал действовать в Сальских степях, образуя незначительный конный отряд, и — до взятия Воронежа. По его книге, везде он бил и гнал «донскую и кубанскую конницу»... Но в его признаниях невольно проглядывает боязнь и уважение и к этой казачьей коннице, и к ее вождям, к генералам Мамантову и Шкуро. И если верить его словам, выходит, сам Ленин боялся движения этих корпусов вперед. Как и ненужное бахвальство, что его корпус в три раза был слабее по численности этих двух корпусов.

«Конная группа Буденного, усиленная пехотной дивизией 8-й армии, насчитывала 12—15 тысяч»²⁰⁰, — безусловно, авторитетно пишет генерал Деникин.

«4-й Донской корпус генерала Мамантова, насчитывавший к 5 октября три с половиной тысячи сабель, — но и эти силы были ослаблены отвлечением части их на поддержку Лискинской, так что в группе генерала Шкуро под Касторной оставалось одно время только 1800 сабель 4-го Донского корпуса»²⁰¹, — пишет генерал Деникин.

1-я Кавказская казачья дивизия насчитывала 600—700 шашек, не считая полковых пулеметных и других команд, а 1-я Терская казачья — около 1800 шашек (по телеграмме Шкуро).

Вся эта конница двух казачьих корпусов была разбросана по фронту на 70 верст, от Графской и до села Давыдовка.

Кроме того, надо отметить и психологическую сторону: переброска в глубокий тыл Терской дивизии в самый разгар жестоких боев, которой предшествовали ежедневные тревожные телеграммы из ставки, начиная с 25 сентября и до 8 октября включительно, безусловно, были известны казакам других полков, что не только уменьшало количество бойцов, но и ослабляло моральное состояние их.

У Буденного же — предварительное совещание всех высших начальников до командира полка включительно, со всеми комиссарами, на котором, как он пишет, был большой подъем, чтобы «разбить белых». Потом была партийная конференция корпуса, на которой решено подготовиться к решительному бою за Воронеж²⁰².

У Буденного все в кулаке, до политического внушения бойцам цели захвата Воронежа. А живую силу этого корпуса исчисляет его же командующий Южным фронтом Егоров к 27 сентября: «7450 шашек, 590 штыков, 26 орудий»²⁰³.

В эту силу Егоров не включил приданных Буденному 12-й и 16-й стрелковых дивизий, Отдельной кавалерийской бригады и 12-й железнодорожной бригады.

Но самое главное в этой трагедии заключалось в том, что генерала Мамантова не было на фронте; генерал Шкуро вернулся в Воронеж только 5 октября, когда уже разыгрался первый, и неудачный для казаков, фазис боев; и при нем не было его правой руки по операциям, начальника штаба корпуса Генерального штаба генерала Шифнер-Маркевича.

С самого начала корпуса действовали без единого руководства и разбросанно. И как пример — два полка кубанцев занимали Графскую, что в 35 верстах на северо-восток от Воронежа, а два полка терцев — село Давыдовка, в 50 верстах к югу от Воронежа. А именно: в Графской были 2-й Кубанский партизанский полк полковника Михаила Соломахина и 1-й Хоперский полк полковника Юрия Ассиера, а в селе Давыдовка — Горско-Моздокская бригада. Оба начальника дивизий — Кавказской генерал Губин и Терской генерал Владимир Агоев — поздно вечером 6 октября были в селе Отрожка, что в семи верстах северо-восточнее Воронежа, где я им и представился.

Закончим драматический разбор военных действий у Воронежа и приведем здесь телеграмму генерала Шкуро на имя генерала Деникина:

«По долгу воина и гражданина доношу, что противостоять Конной армии Буденного я не могу. Эта армия сосредоточена в числе 15 тысяч сабель в районе Грязи — ведет теперь ожесточенное наступление на наши силы. В моем распоряжении имеется около 600 сабель Кавказской дивизии, в настоящее время безлошадной, и 1500 сабель остатки корпуса Мамантова. Остается Терская дивизия моего корпуса около 1800 сабель, с хорошим конским составом, но эта дивизия, по Вашему приказанию, у меня отбирается. Она, в данное время, грузится в вагоны на станции Лиски для отправки в район Таганрога, ради уничтожения действующих там махновских банд. В силу изложенного — даю приказ завтра оставить Воронеж. Генерал Шкуро».

Так пишет ротмистр Эраст Чавдарь, начальник конной полевой радиостанции, бывший тогда при корпусе Шкуро в Воронеже, через которого была послана эта телеграмма генералу Деникину в Таганрог²⁰⁴.

Думаю — не без горькой обиды стопобедный генерал Шкуро послал эту телеграмму, подчеркнув в ней полную измотанность своей храброй ударной 1-й Кавказской дивизии, состоявшей из четырех кубанских конных полков. С ней он так красочно прошел боями с Кавказа, из Баталпашинского отдела Кубанского войска, через всю Украину, побывав в Заднепровье, волчком кружился, куда бы его ни бросали требования фронта, и потом коротким ударом захватил Воронеж.

О состоянии этой напористой в боях дивизии, о наших родных хоперцах Баталпашинского отдела тот же ротмистр Чавдарь пишет: «Перед началом операции 1-я Кавказская казачья дивизия прошла станцию Илловайская. Нельзя было оторвать восхищенный взор от этого зрелища, какое представляла эта дивизия.

Молодые крепкие всадники в живописной кубанской форме; прекрасный конский состав; впереди, во главе своей знаменитой «Волчьей сотни» — генерал Шкуро и начальник штаба, один из наиболее ярких героев наших, генерал Шифнер-Маркевич.

С т и х и я удаля, безграничная отвага — вот впечатление, произведенное на всех нас этой блестящей дивизией.

Казаки-кубанцы — предмет общего внимания, восхищения. Статные, с тонкой талией и легкой, неслышной, быстрой походкой — они неотразимо привлекали женские сердца. Едва заняв какое-либо местечко, железнодорожную станцию, город или дерев-

ню — как уже при первом удобном случае появляется гармоника. Раздаются звуки лихой наурской лезгинки, и казаки пускаются в пляс, плавно двигаясь и грациозно поводя руками с широкими развевающимися рукавами черкесок»²⁰⁵.

Эраст Чавдарь, инженер по образованию, окончил Николаевское кавалерийское училище в 1915 году, следовательно, он тонко и глубоко изучил казаков, своих соратников.

И вот теперь эта безусловно самая лихая Кубанская дивизия — она и малочисленна, и обезлошадилась, как будто выдохлась... Но это было не так.

18 октября я вступил в командование 2-м Хоперским полком. В нем, в строю — два сотника, три хорунжих, а остальные подпоручики. Всего 10 офицеров.

О конном бое 6 октября они рассказывали с улыбкой. Был сильный туман. Передовые части красных и казаков смешались, и было не разобрать — где свои и где чужие?.. Пришлось отступить. Но в этом столкновении, в тумане, были убиты наш командир полка полковник Беломестнов и начальник штаба Терской дивизии, безусловно, тот, о котором пишет Буденный и на трупе которого был найден красными боевой приказ Шкуро.

О потерях полка они как-то и не говорили, так как их было мало.

Полк я застал в количестве около 200 шашек боевого состава, не считая пулеметной команды в четыре пулемета системы Максима. На довольствии, с разными командами, вестовыми и денщиками, около 250 человек и лошадей. Такой силы были и остальные три полка дивизии. «Волчий дивизион», личный конвой генерала Шкуро, был такой же силы, как и полки, но имел одно свое полевое орудие и пулеметы. Этот дивизион не только принимал участие в боях, но был нахрабрейший. Начиная от Воронежа — он подчинен был начальнику нашей 1-й Кавказской дивизии генералу Губину.

Судьбе было угодно, чтобы я попал в эту храбрую дивизию при многих очень неприятных событиях, во время отступления от Воронежа и до Кубани...

А пока что — по распоряжению генерала Шкуро, с четырьмя казаками-хоперцами — я еду куда-то на запад от Воронежа (который уже сдан красным) для реквизиции лошадей у крестьян для своей дивизии.

Неожиданная встреча с донцами

Думаю, мы были верстах в двадцати от Воронежа на запад, когда остановились в селе на ночлег. Нас шесть человек. Сила небольшая. Где тянулся фронт? Где были красные? — я ничего не знал. Не знали и крестьяне.

Чтобы не попасть врасплох, оставив четырех хоперцев в крестьянской хате, с вестовым Тимофеем Сальниковым выехал за село, чтобы ориентироваться. Село на перекате бугра. На север, в сторону красных, ни души. Решил проехать на юг, к речке, узнать путь на случай «отхода» при нападении красных.

Вижу, с юга к селу движется конная группа человек в тридцать. Несомненно, «наши», решаю я, и иду к ним навстречу. Они идут медленным осторожным шагом. Впереди двое дозорных. От них узнаю, что это разведывательный взвод от 10-й Донской казачьей дивизии 4-го Донского корпуса. И когда мы подъехали к ним, взвод остановился.

Я с большим интересом рассматриваю донских строевых казаков на фронте Гражданской войны, знакомясь с качествами их лошадей, с обмундированием, с вооружением и с лицами казаков, так как это есть буквально «моя первая встреча с донцами на фронте».

Лошади под ними отличные, просто как по мирному времени. Они в хороших телах и в хорошем уходе за ними. Казаки хорошо и однообразно одеты в шинели и папахи. Все они пожилые, лет под 30 каждому. У всех серьезные, даже строгие лица. Во главе их сверстник-подхорунжий на сильном чалом коне.

— Кто Вы и откуда идете? — вежливо, но строго спрашивает подхорунжий, начальник разезда, рассматривая меня с ног моей кобылицы, через черную черкеску, вплоть до белой небольшой папахи на голове.

Спокойно отвечаю, что командирован генералом Шкуро реквизировать лошадей для своей дивизии. Подхорунжий и его казаки слушают меня внимательно, но я заметил, что все они как-то испытывающе рассматривают меня, и я совершенно не нашел в выражениях их глаз того казачьего братства, которое всегда бывает среди нас, казаков.

Желая осмотреть местность дальше к югу, я хотел уже тронуться, как подхорунжий остановил меня, спокойно, но твердо заявив, что он меня не отпустит от себя, так как в его штабе дивизии

сказали, что это село может быть нейтральным или уже занято красными. И добавляет:

— Может быть и верно, что Вы есть настоящий полковник Кубанского войска, но это Вы докажете в штабе нашей дивизии, почему и прошу Вас следовать туда с нами.

Спокойно, но вижу по глазам, очень серьезно говорит мне этот подхорунжий. Все его казаки так же очень серьезно и испытывающе смотрят на нас с урядником Сальниковым.

Меня заинтересовало побывать в штабе Донской дивизии и ближе соприкоснуться и познакомиться с донскими казаками, нашим «старшим братом».

— А сколько верст до штаба вашей дивизии? — спрашиваю подхорунжего.

— Верст двадцать, — отвечает он.

Это меня совершенно не устраивало: так далеко ехать туда, задержаться там и возвращаться обратно.

— Нет... я не поеду туда... это очень далеко, и я не могу терять времени, — совершенно запросто отвечаю ему.

— Но я Вас не могу отпустить... — вдруг заявляет подхорунжий.

Я не понял вначале, что он этим хотел сказать мне, но он тут же продолжил:

— Видите ли, господин полковник, как я Вам уже сказал, по сведениям нашего штаба, это село должно быть или нейтральным, или уже занято красными, а Вы выехали из этого села... Это очень подозрительно... И возможно, что Вы переодеты под казачьего полковника со стороны красных и выехали сюда на разведку, — вдруг заявляет он.

Такое его подозрение, естественно, задело меня. Я строго ответил, что они могут идти в наше село, а я должен проехать немного дальше на юг и познакомиться с местностью.

— Нет, господин полковник, отпустить Вас я не могу, а ежели будете сопротивляться — арестую Вас силой, — вдруг заявляет он и быстро схватил повод моей уздечки.

Нас двое, а их 30. Мое офицерское положение, значит, не поможет — оно ими аннулировано, и я становлюсь бессильным перед ними.

«Уж не большевистский ли это переодетый разъезд», — мелькнуло в голове. «Так глупо попасться им в руки...» — сверлила

мысль. Подхорунжий же, спокойно и даже вежливо, продолжает:

— Вот Вы говорите, что Вы есть полковник Кубанского войска — а почему у Вашей кобылицы стриженная грива? Ежели Вы настоящий казак, да еще офицер, то Вы должны знать, что у казаков этого никогда не бывает...

Его довод был резонный. Не желая, чтобы разговор наш принял форму допроса, я отвечаю, что «моя кобылица вашей же, донской породы и купил я ее уже с остриженной гривой».

— Да и наших сволочей-донцов немало у красных! — уже немного зло говорит он и добавляет: — А потом, для фронта Вы очень чисто одеты.

Под словом «чисто» он подразумевал «нарядно», что и было так. На фоне их серых шинелей и потертых папах полковник в черной черкеске и небольшой белой папахе, при стильном кавказском оружии; на светло-буланой нарядной кобылице — красный прибор к седлу, так ярко выделяющийся. Все это, правда, совершенно не подходило к суровому фронту. Мой конный вестовой, слушая все это, выругался...

— А тебе чиво надо? — вдруг окрысился на него урядник, помощник начальника разъезда.

— Взять у него винтовку и арестовать! — крикнул тут же урядник, и мощная рука ближайшего донца властно схватила за цевье винтовку моего умного и молодецкого Тимофея, как в тот же момент он сильным ударом кулака наотмашь отбил руку донца.

— Не смей!.. не трожь! — буквально зарычал Сальников, перейдя в контратаку. — Как вам не стыдно!.. Полковник вам чисто побратски объяснил — кто мы и зачем сюда прибыли, а вы придираетесь к нему, как большевики!.. Я сам бывший старший урядник Конвоя самого Государя!.. Посмотрите на мои шаровары и седло! — Ругаясь зло, он отвернул полу своей черкески и показал им форменные темно-синие шаровары с желтым узким тесьмяным лампасиком на них и на подушку седла, расшитую такой же тесьмой...

Все донцы, повернувшись лицами к нему, будто изучали всю правду его слов, как и тон, и манеру казачьей ругани — словно казачий пароль... А он, Тимофей, стройный брюнет в 26 лет, с полумонгольским типом лица, выбросив запальчиво всю тираду слов, доказательств и казачьей ругани, вдруг решительно обращается ко мне:

— Господин полковник... езжайте в село, а я еще поговорю с ними!

Подхорунжий выпустил повод моей уздечки, я повернул свою кобылицу и умышленно шагом двинулся к селу, показывая им, что я совершенно не думаю удирать. К моему удивлению, донцы меня отпустили.

Я у себя с четырьмя хоперцами в хате. Сижу у окна и думаю, что я точно так же мог напороться и на красный разъезд, и возмутился распоряжением Шкуро — как он мог послать меня с пятью казаками в тот район, где могли быть уже красные?

Минут через десять широким наметом на своем дивном темно-сером кабардинце урядник Сальников влетел во двор, спешился и вошел в хату.

— Фу, т-ты... — выдохнул он, улыбаясь. — Насилу открутился... Вот, злые, черти!.. Но все же молодцы-донцы!.. Службу знают, — добавляет он. — Хорошо, что Вы уехали, Федор Иванович!.. Я тогда, после Вас, так «разошелся в мате» и говорил с ними, уж не стесняюсь, по-станичному!.. И они поняли мой язык и, как видите, меня отпустили. Молодцы все же они! Не расхлебай!.. Конечно, мог быть и переодетый под казачьего полковника кто-то с красной стороны, для разведки, — закончил он, умный, серьезный и преданный мне брат-казак, бывший старший урядник Конвоя Его Величества.

Порадовался и я в душе, что донцы действительно молодцы и службу знают. И в этом случае выявили полную свою ненависть к красным, что особенно радовало меня. То были мамантовцы.

Воронежские крестьяне

Переночевав, мы выехали в указанный Шкуро район и попали в совершенно неведомое мне царство воронежских крестьян, так непохожее на царство казачье. Оно было далеко от железной дороги.

В большом селе, на площади, совершенно случайно нас встретила какая-то неказисто скроенная, но крепко сшитая фигура, с некрасивым мясистым грубым рябоватым лицом, в куртке и сапогах. На шее у него мужичий шарф, на голове треух. Приблизившись ко мне, фигура по-воински отрапортовала, что он является начальником нескольких сел, вроде коменданта. Он прапорщик.

— Чем могу служить Вам, господин полковник? — почтительно спросил он.

Я рассказал ему о своей задаче.

— Я Вам с удовольствием помогу, — докладывает он.

Но я хочу знать — кто он, чтобы соответственно держаться с ним.

— Я местный крестьянин. Бывший унтер-офицер учебной команды пехотного полка. Имею Георгиевские кресты и медали. Окончил войну прапорщиком за боевые отличия. Живу «на-отделе» от родителей. Имею жену и десять детей, — подробно и словоохотливо доложил он и добавил: — Милости прошу в мою избу... Но только извините — жена моя деревенская и не знает приличий... Да и не до приличий ей!.. Детишек много... живу бедно... в горнице... жена много работает.

Я иду в его избу. Я хочу убедиться в правдивости его слов и тогда уже прибегнуть к его помощи.

Да... он говорил правду. У него только одна «горница» (то есть комната). Много детей и горем и нуждой придавленная жена. Увидев меня, все дети, как сверчки, попрятались по всем закоулкам, забрались на печь и боязливо выглядывали оттуда. А жена... она, бедняжка, еще молодая и стройная женщина, от страха и неожиданности не могла вымолвить и слова.

Он, прапорщик, по своей бедности, ничем не может меня угостить и просит пройти с ним к его родичу, где все «чиш-ше», как он выразился. «Там мы и решим нашу работу», — закончил он.

По пути он послал за старостой и понятыми мужиками. Мы сидим в довольно чистой горнице, а молодухи готовят что-то поесть нам.

Явился староста и понятые. Войдя в горницу, они набожно перекрестились три раза на иконы, низко поклонились мне и стали у дверей молча. С ними заговорил «мой прапорщик».

Я впервые вижу так близко крестьян центральных губерний и впервые слышу их речь и обращение друг к другу.

— Гаспада старики... и Вы, Митрий Ляксандрович (староста), — так начал прапорщик, глава многих сел, Иван Александрович, как я стал его называть. Фамилию, к сожалению, не помню.

— Вот его высокоблагородие, господин полковник, приехал с Воронежа ликвизировать для армии лошадей... Им нада спамочь. Нада спамочь, што-ба изгнать эту красную нечисть!.. Для армии, для сва-

ей страны — христьяне далжны усе дать! Мы Вас, гаспада старики, не спрашаем, а тольки гаварим, што нада дать!.. Памочь! Вы, Дмитрий Ляксандравич, пашлите панятых в села Вашей волости и накажите, што-бы усе мужики привяли сваих лашадей завтры суда (сюда). А тут мы уж и рассудим — у каго што можно взять!

— Я Вам гаварю ат имени памошника генерала Шкуры, гавнава тут начальника казаков! — он так и назвал меня «памошником Шкуро».

Это на них произвело впечатление. При этих словах они повернули свои головы в мою сторону, видимо чтобы рассмотреть этого «помошника Шкуро».

— Да, канешна!.. мир памочь далжон! — ответили они все трое разом. — Чижало ета все, но, знаем — надо-ть.

— Дык... Вы бяжитя, — говорит староста своим понятым, указав, кому и куда бежать с приказанием.

И они «побяжали»...

На мое приглашение староста наотрез отказался сесть с нами за стол, думаю, из чувства «недостигаемости до меня»...

Смотрел я на них, слушал я их и видел — насколько народ этот добр, хорош, сердечен и жертвенен. Воля начальства для них была законом. Они не протестовали против реквизиции лошадей, своих единственных кормильцев, и не спросили меня, так ли это, не самозванец ли я какой.

Веками привыкшие нести барщину и другие наборы на алтарь Отечества — они вот и теперь, безропотно выслушав все, молча, дельно пошли выполнять это.

Мне было стыдно... Если бы они протестовали против реквизиции, просили бы ее не делать, требовали бы деньги за лошадей — я мог бы активно реагировать на это и звать их на жертву «для их Отечества». Но это безроптное молчание, слепое послушание моим требованиям обезоружили меня, действовали на психику, укоряли, давили и стыдили меня за завтрашний, фактически, грабеж лошадей...

Мы спали очень чутко в эту ночь. С часовым. Фронта ведь не было! В любой момент могли появиться красные в селе.

На следующее утро мой прапорщик доложил, что крестьяне свели всех своих лошадей с окрестных сел. Их нашлось четьреста.

— Сми-ир-на-а!.. гаспада стар-ри-ки-и!.. шапки-и дал-ло-ой! — вдруг командует он зычным голосом, сам стоя на правом фланге

выстроенных в одну линию лошадей с хозяевами их, и сам взяв руку под козырек у своего треуха.

Я этого совершенно не ждал и считал, что это было некстати. Конвоируемый пятью казаками, выехал на середину строя мягкой рысью. Команда моего прапорщика-«христьянина» (то есть крестьянина), как сам он себя назвал, подсказала мне — надо вести себя так, как и полагается «помошнику самого генерала Шкуро».

Я верил, что прапорщик Иван Александрович психологию своих крестьян знал лучше меня, почему невольно подчинился всему этому ритуалу встречи.

Под гробовое молчание многосотенной толпы всех, всех семейств, женщин, подростков и детей, толпившихся разношерстной массой позади длинной шеренги лошадей, остановил я свою кобылицу и, обведя глазами «весь фронт», внятно, но не воински, громко произнес:

— Здравствуйте, господа старики! — и, дотронувшись до своей белой папахи, приподняв ее чуть вверх, поклонился всем.

— Здраим жила-а-им... — прогудела толпа, и... вновь все смолкло.

— А теперь наденьте шапки! — громко говорю им и, выждав момент, с седла, с расстановкой, чтобы всем слышно и понятно было, поясняю: — Армии нужны лошади!.. Мы, казаки, прибыли сюда с самого Кавказа. Мы потеряли много лошадей в боях, а воевать еще надо. До Москвы не так далеко осталось... Я прибыл от самого генерала Шкуро. Денег в армии нет. Я с вами буду оценивать каждую лошадь и хозяину выдам расписку на нее. По ней он потом получит деньги от Русского Правительства, когда мы окончательно свалим красную власть...

— Поняли, господа старики? — закончил я.

— Пон-ня-ал-ли-и... — прогудела толпа.

Что я мог иное сказать?! Так, думаю, 600 лет тому назад приезжал в русские села татарский баскак за данью к покоренному русскому народу...

Начался осмотр и набор лошадей. Я сажу за столом со старшинами и понятыми, но моим пяти казакам приказал быть начеку. Нас легко можно было не только что обезоружить этой многосотенной толпой, а может быть и многотысячной, но и быть убитыми дреколями... Казаки стояли в стороне, в седлах.

Лошади у крестьян совершенно не годны были под седло. У одного крестьянина была одна лишь лошаденка, кое-как годная под седло, а у иного две-три лошади, но совершенно не годных под верх. С понятными мы брали эту годную лошадь, ему взамен давали «негодную» под седло от крестьянина, имевшего двух-трех.

Всем я выдавал соответствующие расписки, а сам горько думал: вот завтра могут прийти сюда красные и мои расписки ничего не будут стоить. Мы ведь уже отступали... Крестьяне же, получив их, бережно заворачивали в тряпицу и клали за пазуху, как действительный и дорогой документ... Мне было стыдно и страшно... Нет — мне было страшно и СТЫДНО.

Мне не понравилось, что недалеко позади строя лошадей стояли две дамочки, видимо сельские учительницы. Они внимательно слушали мои слова к крестьянам и пытливо смотрели в мою сторону.

«Явные революционерки... нигилистки... рассадницы недовольства против начальства», — думал я.

Из 400 лошадей сравнительно годных под седло набралось около тридцати. Поблагодарив крестьян за их жертву на благо Родины, я разрешил им разъезжаться по своим селам. И только что сам сел в седло, как эти «две нигилистки» быстро подходят ко мне и одна из них говорит:

— Господин офицер!.. Позвольте сказать Вам несколько слов?

Ну, думаю, начинается. Вот сейчас они и скажут: «Это же не реквизиция, а грабеж... И Ваши расписки — подтасовка... Вот завтра придут красные, и что же получат крестьяне по ним?»

— Пожалуйста, — отвечаю.

— Мы местные учительницы. Вы, наверное, заметили, что мы все время стояли недалеко от Вас и наблюдали за всем, что здесь происходило.

«Ну, попался», — подумал я и решил: как только они начнут меня упрекать — поверну свою кобылицу и быстро отойду, чтобы уехать из села. Она же продолжала:

— Мы, как местная интеллигенция, мы хорошо знаем крестьянскую жизнь. Крестьяне ведь всегда идут к нам за разными советами. Сами знаете — они народ темный. Революция их встряхнула. Но пришли красные — крестьяне отвернулись от них. Потом пришли вы, белые... Вас мы все приветствовали всем сердцем, но... вы так же ничего не дали крестьянам...

Ваш приезд взбудоражил их. Они обратились к нам — как быть? И Вы видите, господин офицер, сколько они привели Вам своих лошадей! Это не то чтобы была наша работа, но наш совет им был таков: не сопротивляться. И естественно, мы заинтересовались — как представитель белых, полковник будет вновь грабить наших мужиков?

Я начинал уже волноваться и ждал только конца, чтобы как можно скорее уйти от них, от этих навязчивых нигилисток. А она продолжала:

— Мы все слышали и все видели, что Вы говорили крестьянам, и... не ничуть не льстящую похвалу говорим Вам, но мы не ожидали, чтобы казачий офицер, да еще полковник, будет так рассудителен, добр с ними и так сердечно справедлив.

Не скроем — мы ожидали от Вас «нагайки», почему и боялись к Вам приблизиться, а Вы... Позвольте искренне поблагодарить Вас от лица крестьян за Вашу справедливость к ним и просить Вас обязательно зайти к нам на стакан чая. Мы так будем благодарны Вам за это.

Этот словесный адрес, воспроизведенный мною почти дословно, очень тронул меня. Я был счастлив тем личным сознанием, что я, фактически как татарский баскак обирая крестьян «для нужд армии», — я не надругался над их душами. Я был счастлив тем, что мои действия по приказанию начальства вызвали умиление даже среди тех, кто был вправе нас ругать, возмущаться нами и кто был для крестьян беспристрастными судьями их дел и мыслей.

Эпilog...

Мы отступали... Были уже под Купянском. Здесь было полное столпотворение обозов пехотных частей. Во главе Хоперской бригады пересекаю их под углом, идя на запад.

— Господин полковник!.. Господин полковник!.. Здравия желаю! — слышу я что-то знакомый мне голос, рассматриваю вопрошающего при одной повозке и узнаю в нем «своего прапорщика-христьянина» из-под Воронежа. Он кричал мне буквально в отчаянии. Я смотрю на него, узнаю его, но не признаю «его вида». Он полупьян. Полупьян с отчаяния и полупьян не сегодня только, а видимо, с тех пор, как покинул свое село, оставив там свою горемычную жену с десятью детьми, которые мал мала

меньше — голодные и холодные, и не знающие — что будут есть завтра?

Я хотел тогда иметь свое сердце черствым как камень, чтобы не видеть жуткое горе этого простого и хорошего русского крестьянина и старого солдата.

— Иван Александрович, иди ко мне!.. Иди ко мне в полк! Будь при обозе!.. Авось вернемся, Иван Александрович! — зываю к нему, не останавливаясь, кричу ему через скопившиеся телеги.

— Э-эх, господин полковник! — чисто по-крестьянски выдавил он из себя. — Проп-пала Рас-сея... проп-пало все... хрестьяне... семья! — как-то особенно, с надрывом выкрикнул он, этот, безусловно, когда-то бравый и честный унтер-офицер; потом упал ничком на свою телегу и зарыдал... зарыдал, как беспомощная женщина, потеврявшая навсегда свое единственное любимое дитя...

Во 2-м Хоперском полку. Первые дни

Сдав реквизированных лошадей штабу 1-й Кавказской дивизии, начальником ее, генералом Губиным, назначен был во 2-й Хоперский полк. Это было 12 октября, когда части дивизии, оставив Воронеж, перешли на западный берег Дона.

В каком-то селе представляюсь командиру полка, в его комнате. Худенький, слегка согбленный, в очках, в гимнастерке. Ему лет 50—55. Кто он и откуда — не знаю. Какой-то огонек радости на миг блеснул в его глазах, который я понял через несколько дней.

При нем полковой адъютант, высокий, слегка мясистый подпорочик в солдатской шинели и при солдатской шашке.

Полковник говорит, что мы выступаем сегодня на север. В окно вижу проходящие сотни полка. Они очень малочисленны и на очень утомленных лошадях. И на лошадях больше упряжного сорта.

Полковник надевает сверх гимнастерки с погонями штатское пальто черного сукна, зимнее; поверх него надевает через плечо длинную пехотную винтовку. «На всякий случай», — неловко улыбаясь, говорит он мне, как бы извиняясь за свое вооружение.

Во дворе он неумело и долго взбирается на свою косматую лошаденку, явно упряжного сорта, и мы выезжаем к полку. Потом только я узнал от своих офицеров, что он пехотный офицер, всту-

пил в дивизию после занятия Воронежа, живя там, никакого отношения к Кубанскому войску не имел. Его фамилия была Третьяков.

Подъехал он к полку шагом и после команды «смирно!» тихо произнес:

— Здравствуйте, хоперчики-молодчики.

Все это для меня было очень странным.

Мы в каком-то селе. Питаемся за счет населения. Согбенная сухая старушка, но еще бодрая, вынула из печи щи и подала нам на стол в деревянной миске. Они очень кислые и плохо пахнущие.

— Есть ли у тебя, бабушка, еще что-нибудь? — спрашиваю ее ласково.

— Ничяво, родимый, ничяво нетути... мы с крепостных-то батюшка, — отвечает, — ничяво в нас нетути... бедныя мы, — жалуется она, согрившись еще больше.

— Как из крепостных, бабушка? — переспрашиваю ее.

— Да-да... с крепостных, батюшка... барския мы были раньше... землицы у нас нетути... бедняющия мы... и ничего нетути покушать-то, — пояснила она.

Революция... свобода... равенство... Все это было объявлено крестьянам в 1917 году, а язык этой старушки крестьянки так был далек от этих слов. «Крепостныя... барския» — вот и все у нее на уме, у горемычной, даже и после «бескровной революции»...

После обеда прошел «на задь» двора, где стояли наши лошади. Там, под осенним холодным солнышком, ординарцы, расположившись кто где попало, все без рубашек, уничтожали на них вшей.

Они, увидев меня, встали.

— Что — воюете, братцы? — весело спрашиваю их.

— Да, вот солнушка глянула, мы и приспособились... уж больно их много. Невмоготу даже терпеть, — отвечают они весело. — Все бои да бои... давно меняли белье... идем ведь с самой Баталпашинки...

Я всматриваюсь в лица и в глаза мне еще неизвестных казаков 2-го Хоперского полка. Все они очень молоды, совершенно безусые, простые до наивности и такие милые и дорогие нам кровные кубанские казаки, наши младшие братья.

В походах и кровавых боях от самой Баталпашинской станицы и до Воронежа — и никакого ропота, уныния и... «только воши (вши) нас заедают» — как ответили они тогда мне.

В одном из сел знаколюсь с командиром Хоперской бригады полковником Бочаровым²⁰⁶. Это старейший и высокочтимый природный хоперец. Ему лет под пятьдесят. Типичный старый казак-офицер Кубанского войска. Он спокоен, но говорит мне:

— Делать здесь нечего... И надо ехать в отпуск... Пусть полками командуют молодые.

И он выехал в отпуск на Кубань. С ним выехал и наш временный командир, неизвестный нам полковник Третьяков.

18 октября 1919 года я назначен был командиром 2-го Хоперского полка. Не пришлось мне вкусить сладость победных маршей в этой храброй дивизии генерала Шкуро. Теперь мы пили горькую чашу отступления... Это даже не «кисмет» (судьба), а перемена воинского счастья.

Боевой состав полка

За шесть дней пребывания в должности помощника командира полка я уже хорошо присмотрелся к полку. Он был слаб не только что числом шашек, но был слаб, главное, своим офицерским составом.

Вот он по чинам и должностям:

1. Командир 1-й сотни хорунжий-осетин (фамилию не помню, так как он очень скоро эвакуировался) — из урядников, говоривший с большим акцентом, малограмотный, маленький ростом, мясистый, самый обыкновенный всадник, видимо из Кавказской («Дикой», как ее называли) Туземной дивизии.

2. Командир 2-й сотни хорунжий Борисенко — распорядительный, веселый и молодецкий офицер.

3. Командир 3-й сотни сотник Ковалев²⁰⁷ — отличный строевой офицер.

4. Командир 4-й сотни хорунжий Галкин²⁰⁸ — культурный человек и отличный офицер.

5. Командир 5-й сотни поручик Чулков — не казак, бывший учитель. В полк поступил после занятия Воронежа. Умный, но абсолютно штатский человек, совершенно не распорядительный, почти «сонный» в жизни.

Полк состоял из пяти сотен.

6. Начальник пулеметной команды сотник Медяник — из урядников, довольно распорядительный офицер.

7. Полковой адъютант подпоручик Жагар — пехотный офицер, из Ставрополя, умный, приятный, казаков плохо знал и избегал с ними встречаться.

В некоторых сотнях было еще по одному младшему офицеру, но не казаков родом, имели чин подпоручика. Всего было десять офицеров в полку.

Конский состав и казаков и офицеров желал быть лучшим. В долгих боевых походах были большие потери в нем. Принятая, так распространенная, «мена лошадей» у крестьян привела к тому, что конский состав, за малым исключением, не был верхового сорта.

Казаки одеты были хорошо, тепло, но разнообразно. Черкесок мало, но все были в папахах. У офицеров — ни у кого не было черкесок. Были крытые шубы-черкески. Все поручики и подпоручики были в солдатских шинелях, в кожаных поясах поверх них и разнообразных головных уборах.

Обоз 2-го разряда находился где-то в тылу, но где именно — никто не знал, так как теперь обоз передвигался самостоятельно на юг... Им заведывал старый полковник-хоперец Якушев²⁰⁹, имея помощником хорунжего Медяника. При обозе находился и полковой казначей, сотник Леонтий Булавинов²¹⁰.

При обозе находился и полковой штандарт. Там же была и полковая канцелярия.

Списочный состав офицеров полка никто не знал. В непрерывных походах многое менялось. Все командиры сотен были «временные». Их я утвердил «законными», чтобы они смогли получить положенное жалованье по должности.

В день назначения командиром полка собрал всех офицеров, чтобы познакомиться с ними поближе, по-семейному, в своей комнате, за чаем, как можно проще.

Спросил их — почему они так просто одеты? Почему у них плохие лошади? Почему только четыре пулемета в полку? Почему они плохо следят за строем в своих сотнях при встрече командира полка (уехавшего)? Почему они так буднично подъезжают к своим сотням перед походом и так буднично здороваются с сотнями, не бодряще ни себя, ни казаков?

Много вопросов я задал им и просил с завтрашнего дня начать новую жизнь. Говорилось много откровенного и с их

стороны. Выслушал и учел. Решили работать дружно и все для полка.

Жаловались они на задержку к производству в следующие чины. Офицеры-казаки, как вышли в поход со Шкуро из Батапашинского отдела, так и оставались в прежних чинах.

В общем — по сравнению с Корниловским конным полком — картина 2-го Хоперского полка не была отрадной.

«С Дона выдачи нет»...

Мы где-то на правом берегу Дона, но недалеко от Воронежа на запад, верст пятнадцать—двадцать. Кого-то ждем. Мимо нас проходит 10-я Донская казачья дивизия 4-го Донского корпуса. Под казаками хорошие лошади своей донской породы. Казаки однообразно одеты в серые шинели и черные папахи. Офицеры в фуражках войскового цвета. Идут широкой уставной рысью, видимо, куда-то торопятся. Равнение, дистанция и строй — словно в мирное время.

Морсит мелкий нудный осенний дождь. Он бьет прямо в лицо казакам, но они идут и идут вперед рысью своих крупных лошадей, не думая о башлыках, чтобы защититься от дождя. Да у них и нет башлыков, а есть только палаточные полотнища, прорезиненные, которыми и накрыли свои плечи некоторые казаки. Сотни идут молча и даже не смотрят в нашу сторону.

— Здравствуй, Федя! — выкрикнул кто-то в фуражке, уже пройдя меня, оглянувшись, и взмахнул рукою в знак приветствия.

Никого не зная из донских офицеров, я подумал, что окликнувший меня просто ошибся. Что-то сказав своему командиру сотни и откозырнув ему — «фуражка» наметом приблизилась ко мне и повторила приветствие. Это оказался нашей Кубанской батареей по Турецкому фронту подесаул Юрий Борчевский²¹¹.

— Ты как, Юра, попал к донцам? — удивленно спрашиваю я своего друга.

— А я под судом был!.. за то, что с немцами хотел освободить Кубань в 18-м году... с Тамани... с полковником Перетятыко...²¹² помнишь — там тогда немцы высадились?... ну, за это нас и отдали под суд... и я бежал к атаману Краснову... и до сих пор служу здесь. С Дону ведь выдачи нет! Ну, прощай! Отставать нельзя... у

нас порядок, — быстро, весело произнес он эту длинную тираду, пожал мне руку, повернул коня и поскакал догонять свою сотню.

Борчевский стал инженером в Чехословакии и проживал в Праге. В последний раз я видел его в 1933 году. Кстати сказать, он там был женат на донской казачке с высшим образованием, имел дитясынишку и был правой рукой у полковника Г.И. Чапчикова в союзе казачьих младороссов. Дальнейшая судьба его мне не известна.

«Волчий дивизион»

До этой встречи с донцами с полком подошел к сборному месту своей дивизии. У пролеска стоял спешенный «Волчий дивизион» — личный конвой генерала Шкуро. Я его вижу впервые, почему и заинтересовался. К тому же от своих офицеров слышал критику на него, и конечно, неосновательную, что «волки» расквартировываются в центре городов, являются привилегированной частью у Шкуро. Но добавляли, что, когда было надо или в случае боевой неустойки, Шкуро бросал их в самое пекло боя, и те уже не поворачивали своих коней назад... Вот почему я и был заинтересован рассмотреть их.

Все «волки» были в косматых, волчьей шкуры, папахах. Все хорошо одеты, почти сплошь в черкески или в шубы-черкески. У многих серебряные кинжалы. Лошади в хороших телах. Их было человек двести. В этот же день я был свидетелем их боевой работы.

Наша дивизия выступила куда-то на северо-запад, левее продвинувшейся 10-й дивизии донцов и неожиданно встретилась с пехотой красных. Загорелся бой. Его вела Партизанская головная бригада под начальством полковника Михаила Соломахина. Хоперская бригада и Терская казачья батарея есаула Соколова оставлены были в резерве. Резерв уже обстреливался артиллерией противника. Перекат местности не дает обзора. Начальник дивизии генерал Губин, в черкеске, в бурке, сам крупный на фоне снежного открытого поля, командует нам: «По кон-ням!» А потом мы слышим следующую его команду:

— ВОЛКИ! ВПЕРЕ-ОД!

Крупной рысью «волки» оторвались от нас, потом быстро перешли в широкий намет, перевалили через перекал и скрылись с наших глаз. И когда резервная бригада, также перевалив пере-

кат, подходила к речке в балке, навстречу нам везли четыре труппа казаков-«волков», перекинутых через седла своих лошадей... В шубах-черкесках, с беспомощно повисшими руками и ногами по обе стороны седел, они представляли собою очень тяжелое видение войны. На трупях были и шашки, и кинжалы, и только винтовки были накинута погонными ремнями на передние луки седел. Два верховых казака в поводу вели четырех лошадей с убитыми наповал. А позади них один казак-«волк» конвоировал человек двести пленных красноармейцев. Хвост же колонны «волков» уже переваливал следующий перекал местности.

Мне было очень жаль погибших. И мне показалось, что эти двести пленных — они не стоили жизнью погибших четырех казаков, погибших так далеко от своих станиц на Кубани. И погибших как бы «зря». И что толку от этих двухсот пленных красноармейцев, когда в тылу нашем их скопилось, возможно, больше чем 100 тысяч неиспользованных?..

По ровному снежному полю на северо-запад быстро отходили три цепи красных. На них был брошен 2-й Хоперский полк. Скорым шагом, перекалами, с пулеметами на санках, красная пехота удачно оборонялась. 150 шашек хоперцев, рассыпавшись в одну линию и загибая фланги, оттеснили их от села и к вечеру заняли его, где и остановились на ночлег.

Хорунжий Борисенко. Встреча с марковцами

В Корниловском конном полку, еще при Бабиеве, было введено, что сотня, выставленная в сторожевое охранение, она же и вела с утра разведку. Принцип был — использовать силу одной сотни, чтобы остальные сотни отдыхали.

На ночь следующего дня в охранение была назначена 2-я сотня. Все сотни были малы — 30—40 казаков.

С утра командир сотни хорунжий Борисенко, взяв весь свой резерв в десять человек, выдвинулся вперед и обнаружил движение на запад красной конницы. Выждав, пока она пройдет, он атаковал ее хвост и захватил два пулемета, несколько саней с продуктами и до двух десятков красноармейцев.

Этот незначительный успех очень ободрил казаков полка. Борисенко стал героем дня. Я искренне благодарил его при всех офи-

церах. Да и было за что благодарить: кроме так ценных для полка пулеметов, полк пополнился двумя десятками очень хороших лошадей, мешками печеного хлеба и другими продуктами. Пленные показали, что это прошла конная бригада Колесова, чтобы атаковать Касторную.

После донесения в штаб дивизии 2-му Хоперскому полку приказано двинуться в Касторную и поступить в распоряжение командира пехотной бригады генерала Постовского²¹³.

Полк выступил к Касторной. Пройдя полпути, полк остановился для привала. Кстати, было много печеного хлеба, отбитого вчера у красных, и казакам надо дать перекусить...

Построив полк в резервную колонну и спешив, с офицерами отошел на бугорок, ориентироваться. Кругом белое снежное поле. И на нем, издали, 250 лошадей полка, с пулеметами и обозами, темной массой выделяясь, казались большой силой. Это радовало глаз, душу.

С запада к нам приближаются две фигуры. Подошли и представились — командир батальона Марковского пехотного полка со своим адъютантом.

Оба в чине поручика. Молодые. Батальонному нет и 30 лет. Интеллигентные. Видимо, из учителей. Одеты были по-солдатски, в обыкновенные шинели, при шашках и револьверах. Марковские погоны с характерным белым просветом — крепко вшиты в шинели. Они воински подтянуты, отчетливы. Встреча пред полем брани с храброй пехотой была очень приятна. Они отступают от Ора. Настроены воинственно. На мой вопрос: «Сколько в батальоне штыков?» — командир ответил: «Чуть свыше двухсот».

На мои слова, что их батальон очень малый, батальонный командир, живой и отчетливый, ответил:

— Но у нас есть танки!

— Где же они? — радостно спрашиваю его.

Поручик, батальонный командир, отступив от меня на два шага назад и поставив свою правую ногу на каблук тяжелого английского ботинка, на подошве которого были вбиты толстые железные гвозди-шипы, и качнув ботинком вправо и влево, весело сказал:

— А вот они, господин полковник!..

Мы все весело расхохотались. Этим он не только что показал, что «сила пехоты в ногах», но и показал, что он сам бодр и, пока ноги в целости, воевать можно.

У генерала Постовского

Мы на фланге боевого пехотного расположения у Касторной. Остановив полк в ложбине, спрашиваю офицера:

— Где генерал Постовский?

— А вон, на курганчике... верхом на лошади, — отвечает он и указывает рукой на запад.

С вестовым скачу к курганчику. Возле него стоят конные ординарцы. На самом курганчике еще два верховых солдата.

— А где генерал Постовский? — спрашиваю я их, думая, что офицер ошибся.

— А вон на курганчике, — отвечает один солдат.

— Где на курганчике? — уточняю я.

— Да вот, что недалеко перед Вами, — поясняет он.

На курганчике стояли два солдата верхом на лошадях, как близнецы похожие один на другого. «Поеду к ним и расспрошу как следует — где же именно генерал Постовский?» — решаю. Нажав на тебеньки, вскочил на курганчик.

— Где генерал Постовский? — спрашиваю я переднего.

— А Вы кто такой будете? — слышу от него.

— Я командир 2-го Хоперского полка и прибыл с полком в распоряжение генерала Постовского, которого и ищу, — говорю запросто.

— А-а... здравствуйте, полковник!.. Я и есть генерал Постовский, — отвечает мне одна фигура из этих двух, по внешности, рядового солдата.

И я только тогда обратил внимание, посмотрев на его генеральские плечи и на его военный мундир. Он был таков: солдатская шинель с суконными погонами того же цвета; по погонам химическим карандашом в чуть заметную линию проведены три кривых зигзага; на голове была солдатская фуражка защитного цвета; казенный английский шерстяной серый чулок, выдаваемый солдатам Добрармии, охватывал подбородок и уши генерала, концами своими где-то прятался под фуражкой, предохраняя уши от холода; два таких же чулка были надеты на его руки и заменяли перчатки; четвертым чулком, как шарфом, была охвачена шея генерала; на белом круглом лице пушистыми клочками в разные стороны коротко вились и борода, и усы...

Под ним был рыхлый обозный конь грязно-серой масти с дрянным обозным седлом и с убогой мужицкой уздечкой. Конь как лежал ночью в своем конском помете, так и остался в нем, свежем, неприятном для глаз и для обоняния... Конь стоял, понурился голову, и у него на косматой шее, как никому не нужные, ни седоку ни лошади, висели длинные поводья. Генерал в бинокль осматривал предстоящее поле боя.

— Ваше превосходительство... по распоряжению начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии со 2-м Хоперским полком в Ваше распоряжение прибыл! — отрапортовал ему.

— Очень приятно!.. Очень приятно, полковник!.. Где же Ваш славный полк? — быстро произнес он.

— Мой славный полк в ложбине, — доложил я генералу и рукой указал на восток.

«Что за ненужная любезность? — ударило мне в голову. — И почему «славный»? Ни меня, ни полка он не знает, к чему эта похвала? Вам нужна конница, так вот я и прибыл с нею», — возмущаюсь в душе.

Я с удивлением рассматриваю его «мундир», и он это заметил.

— Что?.. Удивляетесь, как я одет? — нарушает он мое молчаливое любопытство и удивление. — Это все, во-первых, чтобы было тепло, — поясняет он и поправляет на своих руках солдатские английские «чулки-перчатки»... — А во-вторых, чтобы неприятель не заметил — «где генерал?»... Это как бы маскировка... Но я очень рад, что Вы прибыли ко мне. И когда мы вернемся на ночлег в Касторную — обязательно зайдите ко мне на чай, — добавляет он. — У Вас отличная кобылица, полковник! И не бойтесь ли Вы, что ее могут убить в бою?

— Не только кобылицу, но и меня могут убить в бою, — отвечаю ему.

— Да, Вы правы... Да и напрасно Вы одеты в серебряные погоны! Смотрите вот на меня!.. Если поймают красные — я словно солдат. А свои солдаты и так меня знают, что я есть генерал. Я даже и не бреюсь, поэтому... — выражает мне «свой духовный мир» командир пехотной бригады, защищающий теперь своими сборными полками важный железнодорожный узел Касторную.

Отправив полк по квартирам, я у него в штабе бригады. Штаба бригады, собственно, и нет. При нем за начальника штаба находится Терского войска подьесаул Слюсарев²¹⁴. Он в хорошей шубе-чер-

кеске. Слюсарев рад видеть у себя офицера-кубанца и с удовольствием говорит со мною. По выпуску из военного училища он, безусловно, старше меня, почему хотя он и в чине только подьесаула, но держит себя совершенно ненатянуто. Мне это понравилось.

Перед генералом Постовским маленький карточный столик. Он пьет чай и без умолку говорит, говорит, рассказывает что-то и тут же спрашивает Слюсарева о ходе фронтовых дел.

Не буду писать о том, как он предложил мне жениться на его старшей дочке... Уйдя от него, по событиям на фронте, я его больше не встречал.

...В недопустимый курьез поставил себя Буденный, описывая им взятие Касторной. Он пишет в своей книге: «Генерал Постовский, бросив свой штаб, пытался на санях скрыться из Касторной, но был опознан нашими бойцами и зарублен»²¹⁵.

Генерал Постовский остался жив и проживал в Париже. В 1932 году я встретил его на одном собрании кубанцев. Он был хорошо одет, чисто выбрит и совсем не походил «на генерала под Касторной». Казался даже молодым и элегантным. Я ему представился и напомнил о Касторной, но... он ничего не помнил и меня не узнал.

В марте 1933 года я выехал на джигитовку из Парижа по тропическим странам Азии. Потом Иностраннный легион французской армии в Индокитае, и только в ноябре 1946 года вернулся в Париж для демобилизации. Я был офицером французской армии во Второй мировой войне. Отсутствуя в Европе 14 лет, я совершенно ничего не знал, какова была ситуация русской эмиграции во Франции, и вот, прибыв, узнал, что ввиду победы Красной армии из рядов эмиграции образовалось общество советских патриотов. Генерал Постовский был председателем этого общества на Юге Франции и в 1947 году, как и многие из них, вернулся в советскую Россию.

Пополнение полка

В Касторной ко мне явился командир конной сотни Марковского полка и попросился с сотней перейти в наш полк. Он был в звании вахмистра. Я его вначале не понял — что он хочет? И он доложил:

— Свыше ста конных казаков шло на пополнение во 2-й Хоперский полк. Офицер в дороге заболел, и он принял командование.

Где-то в пути командир Марковского полка уговорил их перейти на службу в их полк, в качестве разведывательной конницы, где им будет служить вольготнее, чем при своем казачьем полку. Здесь у них будет только разведка и служба связи, а в своем полку — бои, атаки... Казаки посоветовались между собой и согласились, — наивно докладывает он.

— Почему же ты теперь хочешь с сотней быть в своем родном полку? — спокойно спрашиваю его, смотря ему прямо в глаза.

— Да скушно там... и офицеры не такие, как наши... нудная служба... все на посылках да на посылках... вот и потянуло к своим... а тут общее отступление — уж лучше быть со своими. Кстати, этот полк теперь в Касторной, вот я пришел к Вам проситься по совету своих казаков, — закончил он.

Выслушав его чистосердечное признание, я уже «по-отечески», но строго говорю ему:

— Как же это ты, вахмистр, имея предписание привести сотню в свой 2-й Хоперский полк, не исполнил его?

Многое я ему сказал тогда... но не ругал, а только ударял на совесть. Конечно, они были немедленно же зачислены в полк, казаки распределены по сотням, и полк увеличился почти вдвое.

Из Невинномысской для всей дивизии прибыл ремонт кабардинских лошадей, числом около сотни. Все они были кобылицы, «неуки», захудалые в дальней дороге. Никогда не кованные, почти дикие, прямо из горского табуна и не принимающие зерновой корм. Несмотря на это, все мы были рады получить из войска, так далеко от нас находящегося, этот ремонт. На наш полк досталось 25 лошадей. Пришлось дать некоторым безлошадным офицерам или обменять своих.

Полк доходил уже до 250 шашек в строю с шестью пулеметами на санках, на линейках, на тачанках.

Нет сомнения, что, была бы Кубанская армия, таких случаев, как с конной сотней вахмистра, не случилось бы.

При всем тогда тяжелом положении мы и не думали, что произошел трагический перелом военного счастья и мы докатимся до Черного моря...

Начались бои за Касторную. 2-й Хоперский полк вошел в подчинение Марковского пехотного полка. Наш полк оставил Касторную последним.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

«Каждый офицер, вступая в бой, должен быть на самой своей лучшей лошади и в самом лучшем своем костюме. В бой он должен вступать, словно идти на парад, так как, может быть, это будут его последние минуты в жизни. Поэтому он и должен быть наряжен», — как-то сказал мне генерал Бабиев на Маныче весной 1919 года, узнав, что один из командиров сотен нашего Корниловского конного полка, сам по себе очень храбрый и распорядительный офицер, перед боем отправлял свою мощную красавицу кобылицу английской крови в хвост сотни, а сам садился на невзрачного своего второго коня.

Бабиев был прав. Это многим старым корниловцам глубоко вошло в душу, и многие из нас следовали словам Бабиева. Вот почему я и описал «мундир» генерала Постовского в бою в предыдущей своей брошюре и его мышление по этому вопросу. Кроме того, генерал Постовский вернулся в советскую Россию, что дало мне некоторое моральное право описать его личность.

2-й Хоперский полк составом своих лошадей, заморенных и по-уупряжного сорта, общим своим внешним видом явно уставших казаков в непрерывных походах и боях, начиная с Кавказа, через всю Украину, в Заднепровье и на Воронеж, был далек от внешне-го вида полка, даже Первой мировой войны. Полное отсутствие кадровых офицеров, малочисленность настоящих, ровно наполовину состоявших из молодых поручиков и подпоручиков не казаков, поступивших в полк при занятии Воронежа, не имевших абсолютно никакой связи с казачеством и с Кубанью, скромными и хорошими людьми по натуре, но казаков не знавших и, как я заметил, боявшихся отдавать им твердые приказания, даже в строю, заставили меня принять сразу же определенные меры, чтобы переломить и оздоровить настроение всего полка.

В первый же день выезда к полку 18 октября, построеного в селе для похода, плохо выравненного по сотням, без полкового штандарта и хора трубачей, которые были где-то при обозе 2-го разряда, был дан примерный толчок полку.

Командир фланговой сотни вяло скомандовал «смирно» (сотни были разбросаны по улице), как и сотня вяло ответила на мое приветствие, ответила так, как всегда отвечала моему предшественнику, старичку полковнику из Воронежа, Третьякову.

«Фронт есть святое место», — говорит воинский устав, поэтому встреча всякого начальника должна быть точна и, если не помпезна, воински красива и отчетлива.

Не здраваясь со следующей сотней, я взял командование над этой фланговой сотней, выравнивал ее сам, подбодрил словами, сказав, чтобы она так всегда выравнивалась и отвечала громко на приветствия командира сотни и мне, отчего и им будет веселее после подобной короткой воинской субординации — «встреча начальника». Казаки этой фланговой сотни на мое вторичное приветствие весело ответили. Следующие сотни, видя и слыша все это, подтянулись, и с ними мне не пришлось репетировать.

Воинский строй, воинская дисциплина — они не терпят имитации и примитивности.

«Тяжело на учении — легко будет в походе», — учил Суворов. К этому можно и необходимо добавить: «Плохой строй, малое послушание начальнику на месте легко может вызвать непослушание начальнику в бою».

Под станицей Убежинской Кубанского войска 20 октября 1918 года полковник Бабиев, после неудачной атаки на пехоту красных, срывая досаду, вертясь на своем горячем коне меж сотнями, под огнем противника произвел резкие перестроения своему Корниловскому полку, ничего не имеющие с перестроениями для боя. Он этим привел в порядок разрозненные после атаки сотни полки, взял полк «в руки» и подбодрил казаков. Такова похвальная психология настоящего воина-командира.

«Мы есть корниловцы-бабиевцы», — иногда проносилась горделивая струнка в наших сердцах. Сравнение, конечно, не тождественное, но бодрящее, горделивое и приятное для тех, кто переживал доблестные конные атаки Корниловского полка под неослабеваемой властью и требованиями пылкого, молодецкого и властного полковника Коли Бабиева, ставшего потом генерал-лейтенантом в свои 32 года от рождения.

«Алла-верды»...

Еще до прибытия в Касторную 2-й Хоперский полк достаточно пополнился конским составом, а именно: 20 лошадей отбито при обозе у красных хорунжим Борисенко; 25 лошадей из Батаалашин-

ского отдела, как часть их для всей дивизии, и еще получили 15 от штаба дивизии, не разобранных другими полками. И то, что пополнение с Кубани в 40 лошадей были «неуки» горской породы, не смутило: казаки по привычке быстро взяли их «в шоры».

В Касторную прибыли офицеры: с Кубани есаул Краморов²¹⁶ и из обоза 2-го разряда хорунжий Дубков²¹⁷, сверстник и однокашник по корпусу и училищу хорунжего Галкина, один поручик (фамилию не помню) и «старый хоперец», очень моложавый, хорошо воспитанный и веселый подпоручик Гари Тер-Авакьянц, армянин из Ставрополя. С ними прибыл и полковой казначей сотник Леон Булавин для выдачи аванса и жалованья всем чинам полка. Все это было и неожиданно, и приятно. Случай получился исключительный, чтобы на радостях сделать «первую офицерскую вечеринку-ужин с вином» и ближе познакомиться со всеми офицерами полка. К тому же казначей Булавин привез кое-что из обоза. Общий стол был накрыт в просторной крестьянской хате, не пышно, но всего было достаточно.

Не знаю, собирались ли когда офицеры на общую полковую трапезу с вином, потому что, когда они вошли числом человек до пятнадцати в разнообразных своих военных шубах и шинелях при погонах и увидели накрытый стол с закусками и напитками, они удивились.

— ХОПЕРЦЫ — АЛЛА-ВЕРДЫ! — поднявшись со стаканом в руке, произнес я.

Все они, сидя на скамьях, недоуменно посмотрели на меня и... молчат.

— Хоперцы!.. Алла-верды! — повторяю уже более громко, чтобы возбудить их внимание.

Они встали, смотрят на меня и... молчат.

— Садитесь, господа... — говорю им уж тихо, — и послушайте меня в частном порядке.

Сказал, поставил свой нетронутый бокал и сам сел. Все сели и опять молчат...

Кроме официального положения, что 1-й Хоперский полк являлся старейшим полком Кубанского войска, он имел притягательную к себе силу, постоянную стоянку в мирное время в Грузии, в самом Кутаисе. Кроме того, живя в своих станицах бок о бок с черкесами, с карачаевцами и частью с осетинами своего отдела, хоперские казаки воплотили в себе некоторые черты обычаев, удали и другие качества этих народов, а грузинская песня «Алла-вер-

ды, Господь с тобою» и задравная «Мраволжамиер» (многая лета) являлись бытовыми песнями в офицерской среде за столом.

В Первой мировой войне 1914—1917 годов, входя «четвертым полком» в состав Кавказской кавалерийской дивизии, 1-й Хоперский полк пользовался среди драгун нескрываемой симпатией и любовью к ним. Это мы, 1-й Кавказский полк, хорошо видели в Турции в июле 1915 года, в городе Ване, встречая эту дивизию и угощая сердечно свой старейший полк родного войска.

И вот теперь офицеры такого лихого и молодецкого полка хоперцев «этого» ничего не знают.

Сидя и совершенно в частном порядке я рассказал им «Историю Хоперцев». Они слушают меня молча, но нисколько не смущенно.

Я окончил. Самый смелый из них на слово, хорошо воспитанный, прозванный Наполеоном за его сходство черепом и лицом с великим французским императором, сам коренной хоперец, командир 4-й сотни хорунжий Александр Галкин, попросил слова. И он сказал:

— Да откуда же нам все это было знать?.. Мы все — молодежь... Кадровых офицеров среди нас ни одного... И половина присутствующих не только что не казаки родом, а многие поступили в полк в Воронеже, по занятии его. Откуда же все это нам знать? — спрашивает он меня. И как бы оправдываясь, закончил: — Нет-нет, господин полковник!.. Мы в этом не виновны.

Оправдание было полностью высказано, и я их понял.

С этого дня началась дружеская жизнь офицеров полка, с которыми с боями и со всеми невзгодами отступающих частей, от Воронежа и до Невинномысской станицы на Кубани, полк совершил тяжкий путь в течение четырех месяцев. С ними я подружился, и с ними никогда у меня не было никаких неприятностей. К тому же летами мы все были почти сверстники. Но их чины? Два сотника, три хорунжих, а остальные поручики и подпоручики. Такова горькая действительность одного из боевых полков доблестной 1-й Кавказской казачьей дивизии корпуса генерала Шкуро, с которым он устремился, как и все дивизии и корпуса, на Москву...

Такой же приблизительно боевой и офицерский состав был и в остальных полках дивизии. 1-м Кубанским Партизанским конным полком командовал стойкий в боях и строгий капитан Химченко, как говорили, уроженец Батаалпашинского отдела, то есть родственник хоперским казакам.

Есаул Краморов был назначен помощником по хозяйственной части, главным образом по «добыче фуража» полку. Бывший подхорунжий 2-го Лабинского полка в Первую мировую войну, он отлично справился со своей задачей, пока не попал в плен к красным в исключительно трагической обстановке. Об этом своевременно будет написано. Полковой казначей сотник Булавин вернулся в обоз 2-го разряда, который находился где-то под Новым Осколом, то есть более чем за 50 верст от своего полка.

Начались бои, отступление. С нашей питательной базой, полковым обозом, связь была полностью утеряна, как и во всех частях дивизии. И только через два с лишним месяца мы достигли его под Ростовом.

Первый бой под Касторной

Наш полк был придан к Марковскому пехотному полку, которым командовал молодой красивый капитан-брюнет из кадровых офицеров. В полку у них насчитывалось до 1 тысячи штыков, достаточно артиллерии и пулеметов. К Касторной подошел железнодорожный состав, на котором находились два танка. Ночью они будут выгружены, и с рассветом части перейдут в наступление на село Успенское, находящееся к северу от Касторной, верстах в десяти.

К рассвету 2-й Хоперский полк прибыл. Представился капитану в его полковой канцелярии, но у них еще не разработан план наступления. В канцелярии человек пять офицеров, все молодежь, все отчетливы и вежливы. Несколько писарей и три или четыре пишущие машинки. Я позавидовал их полковой налаженности. У нас в полку канцелярии, в прямом смысле этого понимания, нет. Приказы по полку пишутся от руки. И полковой адъютант временный. Сотник Царев, накануне моего приезда в полк, выехал в обоз «подтянуть канцелярию», там не задержался, выехал на Кубань, и я его больше никогда не видел. Он не казак, но уроженец одной из хоперских станиц; по отзывам офицеров, отличный воин, душою казак, много пережил после восстания, и они были удивлены, что он не вернулся в полк.

На улице холодно. Метет мелкий колкий снег. Роты выстроены тут же и ждут приказа. Наш полк также, но приказа еще нет. Мы

с удовольствием рассматриваем два танка, коих видим впервые в своей жизни. Они дают полную уверенность нам в победе.

Солдаты стоят вольно, зябнут, переговариваются между собой... они мобилизованы. Жалуются на плохую обувь и на то, что их рано подняли и «теперь, вот, зря стоим». Я и сам возмущаюсь, что мы зря стоим. Вхожу в канцелярию и довольно резко говорю капитану об этом, что наш полк казаков и их лошади «зря зябнут». Капитан, милый человек, он просит еще подождать... Мы ждали и двинулись в наступление, когда настало утро.

Впереди шли два танка. За ними — две цепи пехоты. Наш полк на левом (западном) фланге. По затверделому снегу танки шли, думаю, верст десять в час. Пехота быстро отстала.

Мы были впервые с танками в бою. Издали и с фланга было хорошо видно, как какие-то две темные стальные черепахи уверенно ползли вперед. Потом они скрылись из нашего наблюдения... потом вновь показались. Оказывается, они проходили овраг-долинку и, неожиданно появившись перед красными, открыли по ним огонь. Наметом и в разные стороны красная конница бросилась врассыпную. 2-й Хоперский полк, выбросив одну сотню в лаву, развернутым фронтом бросился в преследование. Танки остановились у речонки, которую «взять», видимо, не смогли. Хоперцы быстро перешли ее вброд и заняли село, успев захватить несколько седел и сум на брошенных красными раненых своих лошадях. Это были передовые части 11-й красной кавалерийской дивизии — бригада Колесова. Бригада Колесова числилась «отдельной».

В селе, на улицах, много зерна и сена на дороге. Спрашиваю крестьян: «Что это?» Отвечают: «Так красные кормили своих лошадей наспех». Все брали у крестьян бесплатно и под угрозой.

«Мы — народная армия. Мы защищаем права народа. Нашим лошадям нужен фураж. Давайте его нам немедленно же!.. А нет — сами возьмем! А когда прогоним золотопогонников — всем вам будет легче жить. А пока — делайте жертву!» — так они говорили крестьянам, а те, ненавидя их и боясь их, давали все то, что они требовали именем народа.

Должен подчеркнуть, что воронежские крестьяне были настроены исключительно активно против красных. Как жаль, что эта сила не была использована.

Буденный в своем описании этого боя указывает, что у белых было четыре танка и его кавалеристы вначале признали в них дви-

жущиеся телеги с сеном. Когда же эти «телеги» открыли пулеметный огонь по ним, то они в панике бросились врассыпную. В его описании и в описании Егорова все время чувствуется сгущение красок в пользу красных. Для истории приведу, что пишет об этом Буденный в своей книге:

«26 октября (по старому стилю. — Ф. Е.) со стороны Касторной, Кожовка и Нижнедевицка противник перешел в наступление силами около 4-х тысяч сабель и до 8-ми полков пехоты, при поддержке 4-х танков и 3-х бронепоездов. На всем фронте корпуса завязался упорный бой, продолжавшийся весь день.

К 9-ти часам утра, в районе 2-й бригады 4-й Кавалерийской дивизии, в село Успенку вошли 4 танка белогвардейцев. Наши бойцы до этого ни разу не видели танков, приняли их в непроглядной пурге за возы с сеном и продолжали спокойно укрываться от непогоды во дворах. Не встретив никого на улице, танки повернули обратно и без выстрела медленно ушли. Через некоторое время Успенку атаковала гренадерская дивизия. Гренадеры дрались упорно и, используя свое численное превосходство и также поддержку танков, потеснили 2-ю бригаду. Но к 17-ти часам, 2-я бригада, совместно с 3-й бригадой этой же дивизии, выбила белогвардейцев из Успенки и отбросила их вместе с танками к Касторной»²¹⁸.

Нам без документов трудно определить точность его слов — «как это было», но одно точно — ни наши два танка, ни наша пехота не вошли в село Успенка. В него вошел только 2-й Хоперский полк, который к вечеру вновь был оттянут в Касторную. Мелкий, но характерный штрих.

Вернувшись в Касторную, полк расположился по старым квартирам. Дочери нашего хозяина, среднего крестьянского достатака, думая, что мы отступаем, буквально заголосили.

— Да что вы? — спрашиваю их.

— А-а-а!.. Опять придут красные!.. Што мы будем де-ла-ать?.. Опять будут грабить!

Я их успокаиваю, что «красные не придут». Девушки не верят, несут нашим лошадям спрятанное зерно и завывают:

— Берите лучше вы-ы... чем им от-да-ать!

Жуткие бывали сцены при отступлении. И их нужно было переносить, бодрить павших духом и часто лгать, лгать в противовес своей душе...

Недопустимые неточности

И Буденный, и красный командующий Южным фронтом А. Егоров, и даже генерал Деникин в своих описаниях все время говорят «корпус Мамантова и корпус Шкуро», тогда как начиная с 6 октября, после вызова 1-й Терской казачьей дивизии на юг против Махно, 3-го Конного корпуса генерала Шкуро уже не существовало. От него осталась только одна 1-я Кавказская казачья дивизия, состоявшая из четырех Кубанских конных полков и Терской конной четырехорудийной батареи под командой твердого в своем слове старого есаула Соколова. Старого относительно, так как все командиры полков этой дивизии были молодые: 1-го Кубанского Партизанского капитан Химченко, 2-го Кубанского Партизанского полковник Соломахин, 1-го Хоперского полковник Ассиер и 2-го Хоперского полковник Елисеев. Старшему из нас было 30 лет, а есаулу Соколову, думаю, под 40. Высокий, стройный, сухощавый, с громким командным голосом, гордый своей батареей — он не молчал и перед начальством. Нам, послушным, он казался тогда «старым».

В противовес донесению даже генерала Шкуро, эта дивизия тогда, с «Волчьим дивизионом», не считая пулеметных команд, имела не менее 1200 шашек.

Наш 2-й Хоперский полк считался самым малочисленным, но теперь, перед Касторной, он имел около 250 шашек. Оба Партизанских полка и «Волчий дивизион» со штабом дивизии и генералом Шкуро считались основой дивизии, и пополнения людьми и лошадьми к ним шли в первую очередь. Из-за этого при распределении ремонта лошадей между полками, еще до Касторной, у меня был неприятный разговор с начальником штаба дивизии, Генерального штаба полковником Соколовским²¹⁹, который подчеркнул мне «привилегированность» этих частей, что меня крайне удивило. «Тяготы боев несем одинаковые, то при чем же здесь и для чего привилегированность?» — ответил я ему.

Шкуро доносил генералу Деникину, что в дивизии всего лишь 600 шашек и дивизия «безлошадная». Это последнее тоже было неверно. Конский состав был плох, но в конную атаку мы еще ходили.

Силу мамантовского корпуса генерал Деникин исчислял в 1800 шашек, ввиду оттяжки некоторых частей этого корпуса на

Лискинское направление²²⁰. Следовательно, вся конная группа Шкуро под Касторной исчислялась в три тысячи сабель.

В самой Касторной находились Марковский пехотный полк и бригада генерала Постовского. В нее входил Самурский пехотный полк. О грендерах, как пишет Буденный, мы не слышали.

Еще более странно звучат строки красного командующего Егорова, в которых он пишет: «По данным разведывательных сводок, перед фронтом корпуса (Буденного) действовали 33 конных полка и 21 стрелковый, а всего — 54 полка, которые группировались у Касторной, с основной задачей — во что бы то ни стало отстоять этот весьма важный узел железнодорожных путей»²²¹.

Это звучит уже полной фантазией.

Но наряду с этим и Буденный, и Егоров пишут, что под Касторной в Конный корпус Буденного вошли: 11-я кавалерийская дивизия и Отдельная конная бригада Колесова. 11-й дивизией командовал какой-то Матузенко.

Надо и еще отметить, что кавалерийские дивизии красных состояли каждая из трех конных бригад, тогда как наши дивизии состояли из двух бригад. Нигде не указано, сколько полков составляли бригаду красных — два полка или три? У нас два полка составляли бригаду.

Считая, что конную бригаду составляли два полка, следовательно, дивизия красных имела шесть полков. Итого Конный корпус Буденного, имея 4-ю, 6-ю и 11-ю кавалерийские дивизии и Отдельную кавалерийскую бригаду Колесова, был силою 20 конных полков. При корпусе действовали еще две стрелковые дивизии. Сила очень внушительная перед узловой станцией Касторная. А мы что имели? Лучше умолчим...

У Егорова против всей этой массы конницы Буденного и его стрелковых двух дивизий обозначено со стороны белых²²²:

- а) 1-я Терская пехотная дивизия,
- б) 1-я Кавказская дивизия (видимо, наша 1-я Кавказская казачья),
- в) 12-я казачья дивизия (видимо, 12-я Донская казачья) и
- г) Волчий дивизион.

Опустим все это для разбора историку и продолжим дальше наш боевой страданный путь в снежной пурге воронежско-курских просторов...

Неприятный бой у села Алисы

Штабом Марковского полка разработан план для частичного наступления на село Алисы, лежащее северо-западнее Касторной верстах в 25—30, видимо, для обеспечения своего левого фланга. В операцию назначен один батальон марковцев и 2-й Хоперский полк. Марковцы должны атаковать село с юга, а хоперцы с востока.

Рано утром, в густой туман, полк переправился через мостик болотистой речонки, подступил к селу с востока и был встречен огнем красных. Заняв какое-то кирпичное одноэтажное разрушенное здание без потолка, полк ждал условленных выстрелов с юга, чтобы вместе с марковцами атаковать село. Был настолько густой туман, что в десяти шагах ничего не было видно.

Огонь красных усиливался, но «бил» впустую, так как цели им совершенно не было видно, а наше здание находилось внизу. Красные занимали опушку леса на плоскогорье над нами.

По огню можно было заключить, что красные накапливаются против нас, но где они были и где именно занимали свою позицию — из-за тумана ничего не было видно. Казаки, укрывшись, кто где мог, почти не отвечали на выстрелы, ожидая условленного сигнала марковцев.

Туман стал рассеиваться, когда прискакал казак-хоперец от командира марковского батальона с письменным уведомлением, которое воспроизвожу почти дословно. Оно было таково: «Марковцы, по неожиданным обстоятельствам, отступили назад, даже от своего исходного положения. Наша переправа позади полка уже занята противником. Полку рекомендуется пробиться на север, обогнуть противника по его тылам и выйти к своим частям западной стороной, где эта болотистая речка сходит «на нет».

Все это было более чем неприятно. Операция сорвалась, не начавшись. Я не знал положение сторон, то есть где свои и где противник. Острые мурашки пробежали по моему телу, так как полк был «отрезан».

О том, чтобы пробиться на север, потом свернуть на запад, а потом на юг, не могло быть и речи! Что там на севере?.. Какие буераки?.. Какая там сила красных?.. И где наши? «Легко это было написать, но выполнить — возможно ли?» — пронеслась

горестная мысль. И одно я точно знал — надо как можно скорее «сматываться»...

Я считал, что надо вновь отбить свою переправу на востоке у красных и этим спасти положение полка.

Как нарочно, туман почти разом рассеялся, и перед нами показалась опушка леса, из которой стрелял противник. Мы были оголены почти полностью.

Казак-гонцу впопыхах наглядно передал моим казакам картину отхода наших войск. Этот слух, как всегда водится в полках, быстро прошел по сотням. И по моей команде «ПО КОНЯМ!» сотни быстро вскочили в седла и инстинктивно бросились к речке, к тому месту, где казак-гонец, в поводу с конем, прошел по тонкому льду. Остановить и завернуть сотни было уже невозможно.

Туман еще застирал низины, но 250 с лишним лошадей, шаркнувшись в эту низину со своими санями, линейками и тачанками, произвели известный шум, и красные открыли сильнейший огонь из винтовок и пулеметов «на слух».

Наше отступление спас туман. Порыв пуль был настолько страшен по своей близости, что мне казалось — вот-вот будет убита моя кобылица.

Штаб полка стоял у самого сарая, а сотни стояли внизу, и при таком поспешном отступлении штаб полка оказался позади своих сотен.

Сотни, рассыпавшись, у речки спешили. С конями в поводу, карачась по скользкому чистому тонкому молодому льду, спешно двигались к противоположному берегу речки. Часть их была уже там и скрылась в узкую балку.

Выпрягая лошадей из пулеметных линеек, казаки тащили руками и линейки, и пулеметы в отдельности, боясь провалиться под лед.

Я настиг две пулеметные тачанки, из которых, под огнем красных, казаки не успели выпрячь своих лошадей. Кони запирались и боялись идти на ясный, совершенно бесснежный лед, под которым так ясно видны были подводные болотные растения. Казаки взяли их в кнуты. Лошади двинулись, поддерживаемые за поводья пешими казаками, — храпели, скользили и так боязливо шли... Молодой лед давал уже ясно свои длинные белые полосы трещин... Потом он как-то глухо треснул и... обе тачанки, с

пулеметами и двумя тройками запряженных лошадей, тихо, но очень страшно начали опускаться куда-то вниз... Вода хлопнула наверх из-под всей этой тяжести — казаки бросили лошадей и отскочили по льду в стороны.

Я стоял еще на берегу противника, держа свою кобылицу в поводу, следил за переправой этих пулеметных тачанок и... по секундам созерцал всю жуткую картину гибели, главное, несчастных лошадей, но не гибели пулеметов и тачанок.

Лошади опустились в воду быстро, а тачанки, еще сдерживаемые льдом, опускались тихо и, дойдя до своих кузовов-лодок, остановились. Впереди них барахтались в тине запряженные лошади, погрузившись в ледяную воду с кострецами своих тел. Видны были только их холки и шеи с вытянутыми головами.

На счастье, речонка оказалась не глубокой, но очень илистой. Барахтающиеся по ее дну лошади пенили воду густой темно-коричневой водой. О спасении лошадей и тачанок не было и речи, к ним уже нельзя было подступить.

— Спасайте пулеметы! — кричу я в пространство, а сам, карачась по льду с кобылицей и с малочисленными своими ординарцами, достигаю противоположного берега.

Казаки бросили на тачанки вьючки, и езовые, зааркавив пулеметы, сумели спустить их в зады тачанок. Пулеметы были спасены. Весь полк в крутой балке. Злостный холод. Оказались раненые казаки. В лютый снежной мороз оголенные тела раненых... Не знаю, как все это было возможно выдержать человеческому организму?! Перевязывали раненых фельдшера. В полку нет и врача.

Быстро оправив сотни, полк двинулся по оврагу в сторону Касторной. А позади нас, посредине замерзшей речки, стояли недвижимы две тройные упряжки лошадей в двух тачанках... Видны были только головы лошадей. Тачанки опустились также под своей тяжестью, и видны были только верхние закрайки кузовов для езовых казаков, когда-то на них.

Вид всего этого был бесконечно тяжелым. Так было жалко несчастных животных, брошенных нами в ледяной зимней воде. И я уже молил Бога, чтобы красные скорее подошли к речке и забрали бы их как свой трофей...

В этой неудачной операции полк потерял до двух десятков лошадей и несколько человек раненых казаков. Убитых не было.

Надломленный этой неудачей, полк вернулся в Касторную.

Молодецкая конная атака полка

В Касторной сосредоточилась вся наша дивизия. Через сутки новое наступление на север всей дивизии. 2-й Хоперский полк на левом фланге. Ему приказано занять это злосчастное село Алисы. К нашему удивлению, оно было оставлено красными, и полк занял его без боя.

Крестьяне встретили нас сдержанно, но сочувственно. Первым долгом я спросил об участии наших лошадей, затонувших в их речке с тачанками. И был счастлив, узнав, что красные извлекли их из воды.

Мы стоим в селе два-три дня. Все время идет снег хлопьями. Зима спускалась над Центральной Россией в полной своей красоте и силе. Было начало ноября.

В один из дней вьюга особенно завывала с севера. В сторожевом охранении была вся 3-я сотня со своим командиром сотником Ковалевым. Он отличный боевой офицер, которого казаки любили и верили ему, как своему родному хоперцу. При нем два пулемета. Полк стоит полностью изолированный от своих сил в Касторной, поэтому полк был всегда начеку. За 30 верст помощи ждать не приходится. Вдруг Ковалев доносит, что на село с севера движется цепями пехота красных.

Время шло к вечеру, и это показалось мне невероятным. Но когда я вышел на улицу и приказал трубачу «играть тревогу», пули уже пролетали над селом. Сомнений не было — красные подошли к селу.

Село лежало в низине. На север от него — довольно высокое плато. Полк там, у сторожевых застав.

Метель, густая метель бьет прямо в глаза. Все заволокло в природе падающим визжащим снегом пурги, и впереди ничего не видно.

Свист пуль над головами усилился. Принять бой в пешем строю — означало бы полное неведение, нудный пассив, явное наше отступление к ночи, если красные будут наступать.

По сути дела, по общей обстановке и по полной нашей изолированности и оторванности от своей дивизии и от Касторной, благоразумнее было бы просто оставить село, в котором мы держались на волоске. Но сознание, что заходит ночь, до Касторной не менее 30 верст — когда же мы туда дойдем?

Полк имел задание — бесплодно не втягиваться в бой и в случае чего отойти в Касторную.

Конечно, в высших штабах точнее знали картину всего фронта, почему и дано было полку такое пассивное задание — лучше отступить, чем драться.

Почему было дано такое задание, я узнал об этом в эту же ночь, которая могла быть роковой для полка.

Предстоящий ночной отход полка в Касторную нас не устраивал. Бездействовать было нельзя, и надо было выяснить, кто же впереди нас.

Дав сотнику Ковалеву четыре пулемета, приказал держать фронтную позицию и действовать активно по ходу событий. С остальными четырьмя сотнями (в полку было только пять сотен) двинулся краем леса на север. Снег по брюхо лошадям. Идем в «один конь». Впереди 4-я сотня хорунжего Галкина пробивает полку дорогу. С Галкиным условился — если полк перейдет в атаку и во фланг предполагаемому противнику, он, повернув свою сотню налево, атакует одновременно то, что будет перед ним.

Главные силы со мной: около ста шашек и два пулемета на санках. Вся эта темная масса всадников, идущих в один конь по рыхлому глубокому снегу, кажется внушительной силой.

Ветер злобно завывал, словно предсказывал кому-то определенно недоброе и пушистым снегом хлопьями слепил казакам глаза.

Идя в голове, я видел только хвост сорокалошадной сотни Галкина. Что было у фронтной сотни Ковалева, ничего не было известно и ничего не было видно, а казаки, в один конь, шли за мной не как на бой, а так, передвигаючись, не думая ни о чем. Да и вообще вся обстановка совершенно не была известна никому из нас. Была сплошная белая мгла в природе от крупных хлопьев снега.

Вдруг ветер как-то особенно порывисто дохнул с востока, миглом пронес метель и оголил перед нами всю местность. И вот в каких-либо 200 шагах у нас влево (на запад) по глубокому снегу, напрягая все свои силы, шли две длинные цепи красных на наше село. Меж ними следовали до двух десятков саней, видимо пулеметы, и до двух десятков конницы.

Как условились, казаки без команд быстро повернули каждый своего коня налево и хищно бросились на них с привычным казачьим гиком. Сотня Галкина, также без команды, повернув налево,

словно стая хищных шакалов бросилась на заднюю цепь красных и достигла ее первой.

Со своими ординарцами я оказался на правом фланге трех развернутых в редкий рассыпанный строй сотен, несущихся во весь опор на красных, в снегу до животов, лошадях, но он (снег) рыхлый, молодой, мягкий, легко рассекаемый ногами лошадей и мало задерживающий карьер лошади. Эта странная и дикая скачка продолжалась не больше полуминуты, то есть чтобы карьером проскочить 200 шагов, разделяющих нас, белых и красных.

Для красных это была полная неожиданность. И только отдельные левофланговые красноармейцы успели произвести против нас несколько выстрелов. Казаки быстро врезались в их ряды с криками «Ура», и солдаты быстро побросали свои винтовки на землю. Их пулеметы на санках еще успели повернуться кругом, чтобы открыть огонь, но быстро были окружены казаками. Все конные красные, повернув своих коней, карьером скрылись в снежной вечерней мгле. Казаки занялись «кошельками»... другие сгоняли обезоруженных в одну массу. Их пулеметы, разбросанные по полю, были еще с их «номерами». Скачу на разгоряченной кобылице и кричу-командую:

— СЕСТЬ КАЗАКАМ ЗА ПУЛЕМЕТЫ!

Казаки меня поняли. Пулеметы уже в их руках. Но я боюсь резервов красных. Возможно, что это только авангард. У меня ведь не сила, а лишь «силенка»! Кричу в пурге благим матом:

— Хоперские пулеметы вперед... Стройся к значкам!

Но казаки как будто не хотят меня понять и «увлеклись» добычей по обмундированию... Потрясая шашкой в воздухе, скачу между ними и кричу-командую:

— СТРОЙСЯ К ЗНАЧКАМ!.. К ЗНАЧКА-АМ!..

Наскакиваю на одного дерзкого рябого казака-джигунца 5-й сотни (о нем потом), который занимался «своеволием» над пленными, и кричу ему:

— Скачи к сотнику Ковалеву, чтобы он со своею сотнею и с пулеметами как можно скорее скакал бы сюда!

Сторожевая сотня Ковалева уж сама подходила к полку и была немедленно же выдвинута вперед.

Все это продолжалось гораздо меньше по времени, чем об этом пишется. Некоторые молодецкие казаки сразу же бросились за удирающими красными конными и санками, и вот — сопровож-

дают еще двое саней с пулеметами. Некоторые казаки уже гнали солдат к нашему селу. Нарядив для этого 4-ю сотню умного и строгорого хорунжего Галкина, выстраиваю остальные сотни подальше от красноармейцев, а 3-ю сотню сотника Ковалева с пулеметами выдвинул к северу.

Но мы напрасно ждали новых красных сил. Никого кругом не было, только вьюга еще будоражила белый свет... Наши пленные густой толпой и скорым шагом двигались к селу и скрылись в его низине.

Казаки стали подбирать брошенные винтовки на свои пулеметные сани. Я еще не доверял «спокойствию» фронта, почему объезжал сотни, благодарил за молодецкую атаку и приводил полк в послушный порядок.

Под ноги моей кобылицы, занесенный снегом, попался раненый красноармеец. Казак соскочил и повернул его на спину. Передо мною открылось скуластое, темно-желтое лицо монгола. Он беспомощно открыл на меня глаза и вновь закрыл их.

— Господин полковник!.. Кит-та-еу-у?! — вопросительно воскликнул и пояснил мне казак.

— Докончить! — коротко произнес я и поскакал дальше.

Выстрела я не слышал. «Докончил» ли его казак, или нет — я не знаю. Но это была первая жертва моего личного распоряжения за всю Гражданскую войну, чтобы убить своего врага. И лишь потому, что он был «китаец». О роли китайцев в Красной армии писалось как об особенно жестоких палачах над белыми. Да и зачем это он, китаец, иностранец, пошел в Красную армию? пошел против нас, блюстителей порядка? — думали многие из нас.

После целого месяца сплошных боевых неудач, начиная с Усмани—Собакино, такой неожиданный успех сильно подбодрил казаков полка.

Не видя больше красных сил, полк вошел в село с песнями. Жители удивленно высматривали из окон. У моей квартиры стояли выстроенные в две шеренги пленные. Хорунжий Галкин scomандовал своей сотне и пленным «смирно».

Я похвально благодарю 4-ю сотню за сноровистую атаку и в особенности храброго и гордого командира хорунжего Шуру Галкина — «наполеона». Он отличный офицер.

Моя кобылица тепло переживает радость всего полка. Она заиндевелась от пурги, и снег мягко тает на ее лощенной благород-

ной коже. Испарина идет от всего ее большого тела, и она чувствует себя так, словно пышная, молодая женщина, сознающая свою красоту и на которую «нашел безудержный стих любви».

Спешился. Иду по фронту пленных, всматриваясь в их лица, глаза. Кто они? И вижу — все они самые обыкновенные русские солдаты старой армии. Они провожают меня робкими взглядами. Все одеты очень хорошо, почти во все новое — шинели, гимнастерки, сапоги. За плечами у них полные вещевые мешки.

Дойдя до середины строя, остановился и громко произнес:

— ЗДОРОВО, РУССКИЕ СОЛДАТЫ! — и сам взял под козырек.

— ЗДРАВИА ЖЕЛАЕМ, ГОСПОДИН ПОЛКОВНИК! — отчетливо, чисто по-пехотному, по-старому, ответили они.

Меня это немного смутило — уж больно они молодецки ответили и, ответив, стали «есть глазами начальство»...

«Что это? Боязнь? Иль русская простота? Неиспорченность?» — подумал я.

— Где ваши комиссары? — спрашиваю их.

Все молчат.

— Где комиссары? — уже строго переспрашиваю.

— Они ускакали, — последовал один ответ из задней шеренги.

— Командный состав на четыре шага вперед — МАРШ! — произношу я в их гущу.

Никто не выходит.

— Где ваши командиры? — вновь строго спрашиваю.

— Тоже ускакали, — слышу ответ.

— Где тут китайцы?

Отвечают, что «китайцев среди них нет».

— А одного раненого мы нашли, — упрекаю их.

— То башкирец... мой сельчанин, — говорит кто-то из рядов.

Я вызываю его вперед.

— Сними шапку! — говорю ему.

Он снял. Его лицо было монгольское, как и того раненого, но ничего китайского. И он говорит, что «то его был сельчанин... он при нем был ранен в живот и упал... в то время наскочили казаки и... он так и не видел больше своего друга-сельчанина»...

Мне было очень больно за свою опрометчивость. Я всегда любил все «восточное, азиатское», и вот, случайностью, приказал лично «добить» именно одного из них...

Я не стал вызывать того казака, которому приказал закончить жизнь этому несчастному башкирцу... Я боялся его правды, что он «исполнил мой приказ»... В душе же я хотел успокоиться тем, что казак не исполнил моего приказа, так как я не слышал выстрела... и раненый, наверное, сам умер после тяжелого ранения в живот, а может быть, и выздоровеет... А завтра можно убедиться, проехав на то место...

Спешенные казаки окружили строй пленных. Я видел «горящие» глаза казаков на добычу. Я этого никогда не любил и не допускал.

— Господа офицеры — ко мне!

Они собрались.

— Есть ли потери в сотнях? — спрашиваю их.

Все молчат.

— У кого есть раненые? — повторяю.

Все молчат.

— Да чего же вы молчите? — строго говорю им, сотенным командирам.

— Да не знаю... у меня никого нет, — отвечает Ковалев.

— У меня тоже, — вторит ему Галкин.

Оказалось — полк не понес никаких потерь.

— Неужели так никого и нет командного состава среди вас? — спрашиваю солдатский строй красноармейцев. — Не бойтесь... Вам никому ничего не будет. Я в последний раз говорю — командиры... четыре шага вперед!

Вся эта процедура, видимо, дала веру пленным, что перед ними стоят не казаки-опричники, а что-то гораздо лучшее. Перед строем вышло три человека.

— Кто вы? — спрашиваю старшего, с бородою, лет тридцати пяти.

— Командир батальона... а эти два — ротные командиры... Мы бывшие офицеры... мобилизованные под страхом. Просим нас допросить отдельно от солдат, — говорит мне уже тихо батальонный, чтобы не слышали солдаты.

Это оказался батальон 82-го стрелкового полка 42-й пехотной дивизии 13-й красной армии. Численность батальона чуть больше 200 штыков. В нем две роты и одна рота пулеметная. Нами были захвачены все восемь пулеметов. Конные среди них — командир полка со штабом и комиссары.

Другой их батальон наступает одновременно, восточнее, верст на десять. Им сказали, что в этом селе стоит только одна конная сотня казаков, потому они и шли, хотя и цепями, но очень уверенно, чтобы иметь здесь теплый ночлег. Все это командиром батальона рассказано было нам, всем офицерам, потом, в моей квартире.

Наступали сумерки. Надо было ликвидировать вопрос о пленных. Приказал командирам сотен выстроить своих казаков против пленников — под их наблюдением «только переменить обмундирование с красноармейцами», не больше.

Это было быстро сделано. Красные командиры стояли тут же и наблюдали это «странное явление», о чем слышали иное.

Казаки принялись за дело с большой охотой. Конечно, казаки изнасились в своем обмундировании. На их счастье, у красноармейцев в вещевых мешках был новый запас и белья, и совершенно новых гимнастерок и штанов. Одна пара хороших сапог была только на ногах. В мешках запасной обуви не было.

Красноармейцы, эти русские солдаты, видя, как с ними хорошо обращаются казаки, сами охотно отдавали казакам то, что находили полезным дать воину действующей армии, говоря: «Да теперь это нам и не нужно».

Они были будто рады, что попали в плен и им больше не придется воевать. Я им сказал, что они сегодня же будут отправлены в Касторную и с ними там плохо не поступят.

Казаки буквально обогатились. Пленных числом было столько же, сколько было казаков в полку. Каждый казак получил полный новый комплект обмундирования, не говоря уже о том, что каждый обменял.

Мы удивились отличной экипировке пленников. В мешках был и хлеб. Их полк недавно прибыл на фронт, почему и был свеж. Казаки, полностью удовлетворенные, уже запросто и мирно разговаривали с красноармейцами.

Окончив «экипировку», я вошел в свою комнату со своими офицерами, пригласив и пленников командиров. И когда они вошли, сняли свои головные уборы, сомнений не было: перед нами стояли, по выправке, настоящие пехотные русские офицеры. Они были смущены, но уже не робели и хорошим дельным языком докладывали:

— Нас многих старых офицеров мобилизовали в Красную армию... Куда же скроешься? У каждого семья. Есть надо... А не

пойдешь — возьмут в Чека. А что дальше?.. Всего можно ожидать... Только не думайте, господин полковник, что мы охотно в Красной армии! Да и красноармейцы, ведь они тоже мобилизованы. Одно жаль, что Вы плохо поступаете... Наш второй батальон такой же численности... и если Вы его атакуете — он так же Вам сдастся, как и мы.

Подойдя к столу, штабс-капитан положил передо мной большой нагрудный знак «красной звезды». «Это эмблема батальонного командира», — сказал он. Те два офицера были поручики. Все, видно, интеллигентные люди.

Потом пригласили их к столу и угостили чаем. У нас у самих ничего не было.

Уже вечерело. Вернее, уже спустилась темнота ночи. И как ни утешительно было все это слушать, но ночевать в одном селе с пленными, числом чуть превышающим нас, было нельзя. Как-никак, и пленные, и крестьяне села — все они были местные, то есть русские, мы же были казаки и пришли в эти края с далекого своего Кавказа. Освобождать или насадить ненужную им свою власть — мы не знали их мнения на этот вопрос.

Я сказал батальонному командиру, что он сам поведет своих солдат в Касторную, но под небольшим конвоем казаков.

Мы вышли к пленным. Все вышли.

— Постройте их! — говорю батальонному.

Он смело и уверенно подошел к кучкам их и скомандовал: «Стройся!» — сам же стал спиной к ним и вытянул руки в стороны, обозначив этим «линию фронта». Красноармейцы быстро вскочили со своих мест и стали строиться. Ротные командиры помогали батальонному.

Пожелав счастливого пути и новой службы правой России, с пятью казаками-конвоирами тронул их в Касторную.

Собрав офицеров, я начертил им план, что мы к утру атакуем и 2-й батальон красных, зайдя им в тыл, с севера. С этими мыслями мы готовились к ночи, приказав накормить казаков хорошо и дать им полный отдых.

В полку теперь было 14 пулеметов системы «максим». Это считалось тогда что-то «великое» на один полк. Все они были на санях, почему передвигались быстро и неслышно. Но... мы и не ждали того, что случилось в тылу в этот день...

Сдача Касторной. Результат нашей атаки...

Было часов восемь вечера и было очень темно и холодно, как из Касторной прискакал ординарец от полка при штабе дивизии с письменным приказанием от генерала Губина, начальника нашей дивизии:

«2-му Хоперскому полку немедленно же, переменным аллюром, отступить к Касторной. Красные сбили наш фронт, который отступает на юг. С полком, подходя к Касторной — быть очень осторожным, т. к. возможно, оно уже будет занято красными к этому времени. Тогда полку пересечь полотно железной дороги западнее ее и следовать на присоединение к дивизии, которая сейчас выступает из Касторной на юг в селение Суковнино, отстоящее от Касторной верст на 25. Генерал Губин».

На конверте было «три крестика», что означало — «исключительно спешно». Это было настолько неожиданно, насколько же и возмутительно. Одного не хватало, чтобы 2-й Хоперский полк выступил бы для атаки следующего села с севера и тогда это приказание нас не застало бы здесь. Вот тогда бы можно было точно предположить, что 2-й Хоперский полк погиб бы в полном своем составе.

Главное же теперь — надо как можно скорее уходить из села. Но я не могу трубочу приказать «трубить тревогу», чтобы не нервировать мирно спящих казаков после упоительной конной атаки и обильного ужина. Казак поскакал в сторожевое охранение, чтобы немедленно же снять всю сотню. По сотням поскакали казаки с приказанием «быстро строиться к отступлению».

Вкратце я сообщил все сотенным командирам. Наш сегодняшний успех сводился не только что к «нулю», но, если бы не приняли боя, были бы уже в Касторной, спокойно присоединились бы к своей дивизии и безмятежно отступали на юг... Но так как полк сделал подвиг, то нам за это, словно в наказание, нужно пройти до Касторной ускоренным аллюром тридцать верст, может быть, в самой Касторной наткнуться на победных красных и дальше где-то догнать свою дивизию. Перспектива была отвратительная.

Чтобы не дать крестьянам понять, что мы отступаем, полк вышел из села тихо, спокойно и потом немедленно перешел на ускоренный аллюр: десять минут рысью и пять минут шагом. Такой аллюр покрывал восемь верст в один час.

Через три с половиной часа такого марша Касторная злоещими своими огоньками мелькала уже близко. Колонна казаков в 250 с лишним лошадей и до двадцати саней (14 пулеметных, остальные санитарные) длинной лентой темных фигур так заметно выделялась в ночи по снежному ровному полю. Перейдя в аллюр «шагом», полк подтянулся, чтобы компактно встретить всякую неприятную неожиданность.

В восточной стороне села что-то горело, но не сильно. Слышались беспорядочные выстрелы, такие, когда в огне сами стреляют ружейные патроны. Это явление успокаивало нас в предположении, что белые отступили и сами подожгли что-то. Орудийных разрядок не было. Головная сотня донесла, что в селе нет ни наших, ни красных. Не задерживаясь, крайними западными улицами полк миновал село, перешел железнодорожное полотно и устремился на юг обыкновенным переменным аллюром.

Глубоко за полночь полк достиг того села, где остановилась на ночь наша дивизия. Найдя штаб дивизии, вошел в дом.

За большим столом, за самоваром, сидели генерал Губин, полковник Соколовский и еще кто-то из офицеров штаба и пили чай из шипящего паром большого самовара.

Я впервые вижу генерала Губина без папахи. У него крупное, слегка мясистое, продолговатое лицо, бритая голова; он в черкеске нараспашку. Соколовский в обыкновенном офицерском кителе, как и раньше, будучи начальником штаба 1-й Конной дивизии генерала Врангеля на Кубани и в Ставрополе.

Пройдя с полком свыше пятидесяти верст переменным аллюром без привалов, в лютый холод, я был слегка голоден, но главное — огорчен всем случившимся.

— Ваше превосходительство, со 2-м Хоперским полком прибыл, — рапортую.

— Очень приятно, полковник... но отчего Вы так долго задержались? Я уже волновался за Вас! Касторная ведь могла быть занята в любой час... и я боялся, что Вас отрежут, — сказал генерал и с блюдечка хлебнул горячий чай.

Я стою в положении «смирно» и ожидаю расспросов или приказаний. Но генерал молчит, как молчит всегда мрачный полковник Соколовский.

— Ну, идите, полковник... отдыхайте, — говорит мне генерал Губин, не предложив мне не только что стакан чаю, но не предло-

жив и сесть, как и не подал руки, так это принято в офицерской среде, в особенности среди старших чинов.

Не дождавшись вопросов, я перехожу сам в наступление:

— Ваше превосходительство!.. Вы получили моих пленных?

— Каких пленных? — удивленно спрашивает он.

— Конной атакой я сегодня взял батальон красной пехоты и восемь пулеметов... и отправил Вам под конвоем в Касторную. Разве Вы их не видели?

По пути в Касторную полк не встретил их на своем пути, почему и думалось, что они достигли Касторной.

— Не-ет... Где же это и как было? — удивленно спрашивает он и уже с интересом, но присесть за стол все же не пригласил.

Я коротко доложил, как это было, стоя перед их чайным столом «смирно», словно урядник...

Выслушав, вдруг он как-то холодно и недоверчиво, с некоторым раздражением в голосе произносит:

— Никакого Вашего батальона пленных я не видел... и Вашего донесения об этом не получил. Ну, да у Вас, полковник, есть ли какое-либо доказательство этому?.. что Вы взяли в плен батальон?

Меня это изумило, а тон, с каким говорил генерал, задел. Не было сомнения теперь у меня, что плененный батальон, возможно, достиг Касторной и остановился в покинутом селе, куда, наверное, ночью уже вошли красные.

— Вещественные доказательства — восемь пулеметов, отбитых у «красных», — докладываю или уже говорю я, достаточно определенно.

А потом, вспомнив, что батальонный подарил мне свой значок, достаю его из кармана, подаю его генералу и поясняю, как это было.

Генерал берет значок, рассматривает его со всеми присутствующими и вдруг строго спрашивает:

— Вы, конечно, этого батальонного командира и его командиров рот расстреляли?

— Нет!.. Я их отправил вместе с батальоном в Касторную, — отвечаю.

— Вы их не рас-стре-лял-ли?.. — почти шипяще и наклонившись в мою сторону, негодуя произнес растяжно генерал Губин.

— Все трое бывшие офицеры старой армии... они мобилизованы... и я не считал их преступниками! — досадливо, но стараясь

сдержаться отвечаю я своему начальнику дивизии в его теплой и уютной квартире за самоваром, где, уже вижу, мы разговариваем на совершенно разных языках.

Все молча слушают наш диалог. Я стою все так же в положении «смирно», накаливаюсь от такой недостойной придирки, а генерал, войдя в роль высшего начальника, уже наставительно говорит:

— И какие бы они там ни были «старые офицеры», — Вы до л ж н ы (сильное ударение на букву «ь») были бы их РАС-СТРЕЛЯТЬ! — И, передохнув, добавил: — Нет, полковник!.. Я Вами очень недоволен! Это почти преступление с Вашей стороны!.. Идите в полк! Завтра мы это еще разберем!

Этот разговор открыл мне многое... «Вот с какими мыслями шли освобождать Россию от красных!» — подумал я тогда.

Немного о генерале Губине.

Он не казак. В 3-м Конном корпусе генерала Краснова (будущего Донского атамана), когда он наступал на Петроград против большевиков в октябре 1917 года, Губин был начальником Уссурийской казачьей дивизии. В своих описаниях этого жуткого периода Краснов отозвался о нем как о слабовольном генерале перед революционной демократией.

3 марта 1947 года, будучи офицером Иностранного легиона французской армии и перед демобилизацией находясь в Париже, я искал службу по конному делу. Узнал, что в одном клубе генерал Губин дает уроки езды. Я представился ему, просил совета и сообщил, кем я был в прошлом, в его дивизии. Высокий и худой старик, совершенно не похожий на того крупного роста и медлительного в движениях генерала, Губин не узнал и не помнил меня. Он был любезен и коротко рассказал о себе. Оказывается, в молодости он был видный офицер-скакун с препятствиями. Я не напомнил ему о том случае с пленными, который только что описал.

«Нужда меняет и закон», — говорит русская пословица. К ней нужно добавить — она меняет и людей. Года два тому назад он умер в Париже, как писалось в тамошней газете.

Пять конвоирующих казаков не вернулись в полк. И они, и плененный батальон, безусловно, были захвачены красными. Так гибли казаки на чужбине... Памятное это село Алисы до сих пор как подвиг, совершенный впустую...

О занятии Касторной Буденный пишет: «Касторную заняла 11-я кавалерийская дивизия товарища Матузенко и отдельная кавалерийская бригада Колесова, наступавшие с северо-востока, и 4-я кавалерийская дивизия Городовикова, наступавшая с юга».

«К вечеру 15-го ноября (2-го ноября ст. ст.) Касторная была полностью очищена от белогвардейцев. Тем временем в Касторную вошли левобланговые части 13-й красной армии, 42-я стрелковая дивизия»²²³.

Нет сомнения, что бои под Касторной происходили долгие и жестокие, о чем пишут красные командиры Егоров и Буденный, не отрицая доблести и упорства белых частей. Победитель всегда торжествует, даже и в своей неправде. Так, Буденный заканчивает захват Касторной следующими строками:

«В результате Касторненской операции противник потерял: 4 бронепоезда, 4 танка, 100 пулеметов, 22 орудия, десятки тысяч снарядов, миллионы ружейных патронов, 1000 лошадей и около 3000 солдат и офицеров, сдавшихся в плен...

Офицерский батальон 2-го Марковского полка, пытавшийся оказать сопротивление, был почти полностью уничтожен»²²⁴.

Такому количеству и цифрам трофеев, конечно, трудно поверить. Самый захват Касторной Буденный не описывает, хотя о других боях вдавался даже в детали боя.

Со 2-м Хоперским полком я проходил Касторную ровно в полночь, и в ней уже не было белых (и красных) частей, явно своевременно покинувших село и железнодорожный вокзал; Буденный же пишет, что Касторная была занята вечером 2 ноября.

Донская сводка говорит, что полным хозяином Касторной Буденный стал с 3 на 4 ноября²²⁵.

Особенная точность здесь и не нужна, но Касторная, видимо, оставлена была без боя в силу других военных обстоятельств.

Полк в арьергарде дивизии

Утром следующего дня генерал Губин убедился в захвате в плен красного батальона по многочисленным пулеметам во 2-м Хоперском полку. Узнали о том и казаки других полков от самих же офицеров и казаков нашего полка, так как вся дивизия ночевала в одном селе. Ввиду малого количества пулеметов в дру-

гих полках генерал Губин приказал оставить у нас только два трофейных пулемета, а остальные уступить другим полкам. Протестовать не приходилось.

К вечеру дивизия уходила дальше на юг. Вызвав меня, Губин приказал сменить своими сотнями сторожевое охранение с севера и, когда дивизия вытянется из села, снять 2-й Хоперский полк и выслать его в хвост дивизии. Мне лично — остаться лишь с одними пулеметами на северной окраине села, если появятся красные, обстрелять их и, не ввязываясь в бой, быстро отойти к хвосту дивизии, став ее арьергардом. Все было выполнено, как приказано.

Наше село лежало западнее полотна железной дороги Касторная—Новый Оскол версты на две-три. На таком же расстоянии на северо-восток лежало небольшое село, прикрытое с юга гаем соснового леса. Расставив все восемь пулеметов, наблюдаю местность. И вот из этого леса неожиданно вышел красный эскадрон до ста лошадей в одношереножном рассыпанном строе и двинулся прямо на юг. За ним, шагах в ста на дистанцию, и таким же строем вышел второй эскадрон, затем третий. Они совершенно не обращали внимания на наше село и широким шагом своих крупных лошадей шли прямо на юг. Пока я наблюдал эту красивую кавалерийскую картину, как из леса показался четвертый эскадрон красных.

Наш пулеметный огонь достать их не мог. Головной эшелон был уже на уровне нашего села. Впереди меня два переката с неширокими балками. И вот из первого переката показалась голова конницы, в колонне по три. Эта голова скоро скрывается в балке, а за нею ползучей змеей тянутся всадники тем же строем.

— Пулеметы!.. Приготовиться! — командую восьми саням с пулеметами, находясь позади них в седле, со своим вестовым Тимофеем Сальниковым.

Красные как будто задержались в балке, но «красная змея конницы» продолжала тянуться и спускаться в балку. И вдруг из-за переката выскочили всадники, но уже в колонне по шести, как позволяла санная дорога. Блистая шашками, с дерзкими криками, полным карьером они бросились к селу. До них было не больше версты. Цель для пулеметов была отличная — темные компактные фигуры на фоне белого поля.

— ОГОНЬ! — громко скомандовал пулеметчикам.

Но... пулеметчикихватили своих лошадей в кнуты, и восемь саней с пулеметами легко, как на широкой масленице, карьером бросились вдоль улицы, тянувшейся с севера на юг. Мы с Сальниковым последовали за ними тем же аллюром. Было немного и горько, и смешно.

Проскакав село и свернув на юго-запад по дороге, по сплошному снеговому полю через глубокую балку и следующий за нею высокий перевал длиной версты в три, темной лентой вытянулась наша дивизия, идя спокойным шагом и совершенно не зная, что происходит в ее хвосте.

При дивизии были обозы всех полков, санитарные летучки, частные экипажи, санки и вся та тыловая «накипь», которая жметсся к строю только в дни отступления. Поэтому если в дивизии насчитывалось чуть свыше тысячи боевых шашек, то всех людей, всех лошадей с пулеметными командами, с батареей, с обозами, с санитарными летучками и с частными экипажами и санками, думаю, было до 2500. И вся эта масса, в колонне по три и в одну упряжку, вытянулась по единственной дороге меж сугробами непроходимого снега. Всю эту беспомощную кишку замыкал 2-й Хоперский полк.

Кое-как рассыпав свои малочисленные сотни в лаву и собрав пулеметы, я ждал жуткой минуты, когда конная масса красных вот-вот покажется из села и своею силою, своим сокрушающим ударом обрушится на хвост беспомощной колонны...

— Попробуйте теперь бежать... — рычу я на своих пулеметчиков, потрясая шашкой.

Дивизия, как ни шла тихо, все же двигалась вперед, очищая дорогу 2-му Хоперскому полку. Несколько конных человек быстро выскочили из дворов села, лежащих вне нашего шляха, и бросились в нашу сторону.

— ПРИГОТОВИТЬСЯ! — кричу я пулеметчикам.

— Да это наши!.. это наши «волки»! — кричит мне кто-то.

И действительно — я ясно вижу черный сотенный значок «волков» с волчьим хвостом на нем. Но тут же из-за угла построек появилась густая голова конницы красных. Появилась и... остановилась. Одиночные всадники красных бросились за удирающими казаками-«волками». Значковый «волк» скакал как-то беспомощно, с болтавшимся своим значком за спиною на бушлате, словно он ему мешал. На него наскочили два красных всадника и «за шиворот» схватили

его живьем. Остальные «волки» скакали по сугробам и прискакали в наши ряды. Красные почему-то медлили в преследовании. Хвост дивизии, перейдя балку, поднимался по склону. За ними последовали и хоперцы. Красные, накопившись в селе, бросились вслед за нами. Быстро расставив пулеметы ярусами по склону, команду сотням:

— В ЛАВУ!

Но... никто не хочет сворачивать с дороги и лезть в глубокий снег.

— Господа офицеры — ЗА МНОЙ! — кричу в массу и сам бросаюсь с дороги, утопая в снегу по живот своей высокой кобылицы. Все офицеры и несколько десятков казаков бросились по обе стороны дороги, обозначив жидкий строй лавы. Пулеметы немедленно же открыли огонь. Красные остановились.

Поле боя, небывшего боя, стихло. Наступали сумерки. Хвост дивизии, перевалив бугор, утонул в следующей балке. Свернув свою жидкую лаву, двинулся вслед. На самой вершине переката, уже в полной темноте ночи, вижу компактную группу спешенных казаков человек в пятьдесят. При них большой флаг и три сотенных значка.

«Кто это?» — думаю, приближаясь к ним. И совершенно искренне громко спрашиваю:

— Какого полка?

Казаки молчат.

— Какой полк? — громко повторяю, как это принято на походе, встречая неизвестную часть.

— 2-го Хоперского, — слышу несмелый голос в ответ.

Я вначале не понял этого ответа, почему и оглянулся «на свой полк», идущий за мной. И только сейчас я обнаружил, что возле меня нет нашего полкового флага и казаков позади меня было немного. Остановившись, строго спрашиваю:

— Вы хоперцы?

— Так точно! — отвечают смущенно.

— Здорово, 2-й Хоперский полк! — обращаюсь к ним ехидно.

— Здравия желаем!.. — глухо, стыдливо промычали они.

— Вы почему здесь?.. Почему вы не в своих сотнях?.. Кто вам позволил бросить ряды своего полка?.. — бросаю им громко. — А ты, значковый, почему ты не с командиром полка? — призываю всех.

Все они стоят, понуро опустив головы. Все они отлично понимают, что я говорю им жуткую правду, на которую нет ни ответа,

ни оправдания. А позади меня стоят все пять командиров сотен и остатки полка. Стоят и слушают эти горькие упреки, слушают и самодовольно улыбаются, отчего этим «дезертирам боя» становится еще стыднее.

Выругав, пристыдив, я повернулся к тем, кто стоял позади меня, кто оставался со мною рядом во все жуткие часы этого дня; и громко, чтобы слышали и «беглецы», произнес:

— СПАСИБО ВАМ, БРАТЦЫ, ЗА ПОСЛУШАНИЕ!

За бой я не благодарил, так как фактически его не было. Мне было важно подчеркнуть их послушание в бою, за которым, безусловно, и успех всякого дела.

— РАДЫ СТАРАТЬСЯ, ГОСПОДИН ПОЛКОВНИК! — весело произнесли в ночной зимней тишине остатки моего полка, не считающиеся в своих рядах и ста шашек.

— А теперь, вы, марш по своим сотням!.. И не хочу на вас смотреть сегодня! — скомандовал им и двинулся вперед за дивизией, которая скрылась из наших глаз где-то в ночной мгле.

Ругал и стыдил казаков, но сам отлично понимал их чувство. По нашей малочисленности, по слабости нашего конского состава мы уже не могли дать конного боя. Чувство самосохранения всегда играет главную роль в жизни каждого человека, везде и всегда. Теперь заполнило оно и души храбрых казаков. Но всякий начальник должен бороться с этим. И я боролся.

В глухую полночь дивизия достигла села, кажется, Горчечного и расположилась на ночь. Началась борьба за Старый Оскол.

Гибель полковника Юрия Ассиера

Бывший кадет с мятущейся душой, он прошел трехгодичный курс Оренбургского казачьего училища и произведен был в офицеры в июле 1914 года. Войну провел в Партизанском отряде есаула А.Г. Шкуры, командуя сотней в его дивизионе, вместе со своим сверстником по училищу, подесаулом Яковом Проценко²²⁶.

В Оренбургском училище очень была сильно развита дружба среди юнкеров по войскам. Вместе с тем все шли очень дружно и в своей жизни-службе и учении по войскам уж не делились. Кубанцы-юнкера по своей численности были на втором месте, но по своему удельному весу в казачьем фольклоре — песни и казачьи

танцы — ярко выделялись. Популярность юнкера-кубанца среди своих определялась наездничеством, гимнастикой на снарядах, казачьими хоровыми песнями, танцами — лезгинкой и казачком, глубоким войсковым товариществом, в общем — природным казачьим молодечеством, но отнюдь не высокими баллами в науках, а тем более «зубрежкой».

Его фамилия французская, «Асиер» значит «сталь». Он принадлежал к культурному классу кубанских казаков. Когда и как они стали кубанскими казаками, мне не известно. Но его родная тетка была начальницей Кубанского Мариинского института благородных девиц, а двоюродный дядя был командиром 2-го Екатеринодарского полка.

Высокий, сухой, светлый блондин с мелкими чертами лица, он был до мозга костей военным.

По выпуску из училища он был годом младше меня, то есть мы вместе были юнкерами, в далеком от Кубани Оренбурге, два года. Я был взводным портупей-юнкером и с чертами того кубанца-юнкера, как описано выше. Юра Ассиер был влюблен в меня, как казака, и я ему отвечал тем же.

Окончив училище, он женился на своей родственнице-институтке, дочери есаула в отставке Крыжановского, бывшего в 1910 году командиром 4-й сотни 1-го Екатеринодарского полка, у которого и жил, будучи сиротой, в их собственном барском доме на Медведовской улице. Пишу такие подробности для кубанских казаков.

После нашего производства в офицеры я виделся с ним только два-три раза и мимолетно. И вот теперь, под Старым Осколом, мы остановились в одной крестьянской хате. Он командир 1-го Хоперского полка, а я 2-го Хоперского.

Он старый и преданный «шкуринец» и носит «волчью» папаху. Нашим любовно-казачьим разговорам обо всем, начиная с Оренбурга, нет конца. И вдруг — его полк вызывают спешно на юго-восток от нашего села, куда прорвалась конница Буденного и где ведет бой «Волчий дивизион».

Прошло немного времени, как в тот же день в нашу квартиру привозят тяжело раненного Юру. Я выскакиваю из хаты, остро вглядываюсь в его лицо, желая определить степень ранения. Казаки на носилках осторожно вносят его в нашу избу. При нем его полковой врач.

— Что, Юра? — любовно, братски спрашиваю его.

— Да вот, ранен в спину... ногам что-то холодно, и почти не слушают они меня, — говорит он тихо, но внятно.

— Ну, Юра, теперь отдохнешь, — успокаиваю я его. — Поедешь в Екатеринодар к своей Надюше (это молоденькая, стройная и высокая ростом жена его, природная кубанская казачка, бывшая институтка, с которой я хорошо был знаком). А нам-то тут не сладко, — добавил я для его успокоения.

Он улыбается мне довольной улыбкой, понимая всю правду моих слов и предвкушая сладость отдыха в Екатеринодаре, который он так любил.

Переночевали вместе. Наутро его эвакуируют. Состояние здоровья то же. Он плохо спал. Жаловался все, что его ногам холодно и они его почти не слушают.

Напутствовав его добрыми пожеланиями и поцеловав в губы, мне стало почему-то очень грустно. Прошло дня два-три, и вдруг пришло известие, что он умер в дороге, не достигнув своего любимого Екатеринодара и дорогой встречи с женой.

Оказывается, он был ранен в позвоночник. Ранен смертельно, но полковой врач все это скрыл ото всех. Я загрустил, лишившись дивного друга-офицера. А потом невольно вспомнил, как один офицер-«гадалка» в Екатеринодаре предупреждал меня не ехать на фронт, так как буду убит в бою... Когда? Да не все ли равно! Нас преследовали по пятам, и смерть витала над каждым из нас ежедневно.

Тело полковника Юры Ассиера было доставлено в Екатеринодар. Посмертно он был произведен в генералы. Утешение ли это для молодой несчастной вдовы? Вдовой она проживала в Югославии. Где она теперь?

Временным командиром 1-го Хоперского полка назначен был подесаул Лакуза, казак Сибирского казачьего войска, служивший тогда в полку. Бывший студент, стройный блондин в кубанской черкеске-шубе, в пенсне, хорошо воспитанный и светски и воински, он производил очень хорошее впечатление. Составляя Хоперскую бригаду, мы с ним жили дружно.

В этом неудачном бою храбрый «Волчий дивизион» потерял свою единственную пушку.

Старый Оскол был сдан красным 8 ноября. Под ним случилось несчастье и в нашем полку — без вести пропал заведующий хозяйством по доставке, главным образом фуража, полку, есаул Кра-

моров, его родной брат-студент и поручик-пулеметчик (фамилия забыта) из Ставрополя, и весь санный обоз с фуражом.

Давно эвакуировались по болезни хорунжий-осетин 1-й сотни и командир 2-й сотни молодецкий хорунжий Борисенко.

Под селом Избищем ранен командир 1-й сотни подпоручик Стасиков²²⁷ и эвакуирован. Всего в полку осталось 10 офицеров, считая и командира полка, из коих было два сотника, два хорунжих, а остальные поручики и подпоручики, два из них из Ставрополя, а три из Воронежа. Приблизительно так обстоял офицерский вопрос и в остальных полках дивизии. Полки заметно таяли. Пополнения никакого из войска, даже и офицерским составом. Тыл губил фронт. И «герои» появились только за границей...

Хоперцы и кавалеристы князя Гагарина

От села Избища полк был послан куда-то на запад, где находился полуконный кавалерийский полк полковника князя Гагарина. Об этом полку мы слышим впервые. Представившись почтенному князю-полковнику с длинной седой бородой, отошел к своим казакам.

Было очень холодно, морозно и снежно. Стоим в какой-то бугорчатой местности. Казаки курят, топчутся на месте, от холода забавляются разными движениями. Чего мы стоим? Кого ждем? — мы не знаем.

— Господин полковник... разрешите казакам потанцевать под гармошку?.. Уж очень холодно! — спрашивает меня командир 3-й сотни сотник Ковалев, бекешевец. Конечно, разрешаю и подхожу к казачьему кругу собравшихся, чтобы ближе рассмотреть своих «хопров» в быту.

Обветренные холодом сизые лица. Редко кто бритый, хотя все молодые. Лица свежие, хорошо кормленные. Вид не забитый, даже смелый. Но я уже видел, что дай волю некоторым — они могут быть и дерзки. Хоперцы живут меж горцев и от них многое восприняли, насчет «карапчить» и другие отрицательные замашки в европейском понимании. Но в понятии горца и казака они только похвальные, как молодечество всякого джигита.

Все они в шубах в талию или в шубах-черкесках. Все при шашках и винтовках. Через грудь — патронташи. Не у всех кинжалы, да они и не нужны были даже и в Великой войне, как показал дол-

гий опыт. А теперь, на овчинную шубу в талию, они и не нужны. Иное дело на черкеску, да в своей станице, да пойти на люди или к теще. Все в папах. Башлыки или за плечами, или на плечах, или подвязана шея. В общем — воинский вид хороший, а в суровый холод — и вид суровый.

Хоперцы отлично танцуют лезгинку. Она у них является главным казачьим танцем. Танцуют они хорошо, стильно, чисто по-горски, от которых не только что ее переняли, но считают «своим танцем».

Развернулась «двухрядка», и, когда я подошел, лезгинку танцевал статный казак в овчинном полушубке до колен, сшитом в талию, как бешмет. Он в полном вооружении, даже с винтовкой за плечами. Не передавать же винтовку соседу на время танца. Это просто стыдно и недостойно воина. А тот нарочно передаст другому... вот и ищи тогда свое оружие?

Танцующий при револьвере. На нем дорогой ингушский пояс. А по овчинной шубе тянется к револьверу осетинский шнур ручной работы женщины, плетенный черными шелковыми нитками и золотом. Видно было, что этот казак особенный молодец, любит оружие и понимает толк в нем. По утопанному снегу, хотя он и в сапогах, но танцует стильно. Увидев меня, он смутился, но продолжал танцевать.

— Это немой казак, — говорит мне Ковалев, указывая на танцующего («немой», то есть и не говорящий, и ничего не слышащий).

— Почему же он на фронте? Ведь он не подлежащий мобилизации?! — спрашиваю я Ковалева.

— А он добровольно здесь... во-первых, он ненавидит большевиков, а во-вторых, он хороший хозяин и приобретенное посылает жене, — говорит и весело улыбается Ковалев.

Я его понял. Немой танцует хорошо и, главное, не слыша звука гармонии — такт не теряет в танце. Увидев меня, он смутился и хотел бросить танцевать, но казаки знаками с ним говорят: «Танцуй еще!». Сам командир пришел посмотреть на тебя!» — и он скромно протанцевал еще, и очень стильно.

— Как же он может держать такт в танце, если он не слышит? — спрашиваю казаков.

— А он, господин полковник, часто поглядывает на гармошку и глазами запоминает такт, — отвечают они.

Потанцевали еще некоторые, но хуже немного и остановились. — Запойте что-нибудь, хлопцы, — говорю им. — Ну, вот эту, «Жили-были на Кубани», — добавляю я.

Казаки улыбнулись и запели свою новую песню хоперцев, составленную кем-то о терроре красных над ними после восстания в 1918 году. Она пелась ими очень душевно, с переживаниями и на мотив старой песни линейных казаков «Русский Белый Царь желает, да гордых турок наказать».

Содержание песни было очень трогательное и очень подходило к этому бурливо-жалобному напеву. Вот она:

Ой, жили-были на Кубани,
Да добры люди, казаки (это затыгивал запеваля).
Прилетели, тай, насели,
Те злодеи, мужики... (подхватывал хор).
Ой, с ними жили, проживали,
В проходящие года,
Чем же можно, поделались...
Поделались навсегда.
Но, боса-сила взбунтовалась,
Тай собралась в отряд,
Их собралось немало,
Тай назначили поход...
Их собралось немало,
Тай назначили поход,
Балахон с своим отрядом,
Наступает по реке.

Дальше слова забыл, но песня заканчивается тем, что казаки были разбиты, многие были арестованы и казнены, что выражено словами:

Они били и рубили
Всех невинных казаков...

По их словам, Балахон был подпрапорщик одного из пехотных полков и из крестьян Кужорской станицы Майкопского отдела. Когда его выбили оттуда, он прошел с отрядом в Батаалпашинский отдел и там терроризировал население, главным образом казачье.

Поющих казаков окружили кавалеристы князя Гагарина и с большим интересом рассматривают их.

Этот полк был составлен из интеллигенции, больше из студентов Воронежской губернии, уже при отступлении. Полковник князь Гагарин был начальник одного из уездов этой губернии и

теперь отходил вместе с нами. Солдат и офицеров в полку было очень мало, лошадей не хватало. Да и людей-то было, может быть, на один эскадрон мирного времени. В переходах они «менялись» — то есть конные уступали пешим своих коней и, дав передохнуть пешим, вновь садились на них. Конечно, такой полк мало был боеспособный.

Все они одеты в шинели, в фуражки. Некоторые студенты и ученики классов средних учебных заведений — в своих форменных фуражках. Несомненно, они были неопытны в военном деле, может быть, впервые видят кубанских казаков в их доподлинности, да еще и боевой — почему с интересом и как-то наивно вглядываются в суровые лица хоперцев. Мне их было жалко. И когда тронулись полки куда-то на юг, они, вперемежку со своими конными, запели кавалерийскую песню «Журавель». В их юношеских голосах она была далека от воинственности.

В своих воспоминаниях Буденный пишет: «В бою с 6-й кавалерийской дивизией был уничтожен Сводно-кавалерийский полк полковника князя Гагарина. Убит был и сам Гагарин»²²⁸. Насколько это верно — неизвестно, печать белых об этом ничего не говорит.

...Дивизия стоит в каком-то селе. Издали раздается голосистая песня. Все невольно выскочили на улицу. Из-за угла показался конный строй. Впереди человек тридцать песенников. Ими управляет плетью солидный подхорунжий с бородой, явно упиваясь сам и песней, и своим генералом Шкуро. Они поют так любимую песню на Кубани: «По-над лесиком, ой, да шлях-дороженька...» И, переиначив слова, подхорунжий затягивает:

Ой, да попереди, сам Шкуро молодой...

И хор мощно, витиевато подхватил:

Гэ-э-э-эй! Сам Шкуро молодой,
На конике сидит, выхилается,
Выхилается,
Своим войском выхваляется...

Слушая их и видя такой бодрый и молодецкий вид «волков», на хороших лошадях, тепло одетых, радовалось сердце. Казаки, безусловно, любили Шкуро. И нам казалось, что это есть наши временные неудачи. Счастлив, кто верует!

Мамантов, Шкуро, Шифнер-Маркевич

Где это было? И когда? Ежедневные стычки с красными, переходы, какие-то ответвления в стороны от главной железнодорожной магистрали Касторная—Валуйки, бесконечный ряд сел, так близко лежащих одно от другого, потеря всех документов-донесений не дают возможности установить, где именно это было?

Наша дивизия отходила вместе с донскими дивизиями на юг вдоль этой дороги, западнее ее и параллельно ей, рядом. Полки шли шагом, почти беспечно. Кто-то цокотом копыт по твердой обледенелой дороге обгонял меня, идущего впереди полка, и когда я повернул голову, чтобы посмотреть, кто это, то увидел вначале пышные, с бакенбардами, русые усы всадника, а потом уже весь его конный облик. Я сразу же узнал во всаднике генерала Мамантова.

В длинной кавалерийской шинели военного времени, своими полами она глубоко спускается до самых стремян всадника; шинель совершенно гладкая, на ней никаких походных ремней; на левом боку висит только одна легкая шашка; на голове мягкая фуражка защитного цвета; под ним легкий поджарый «дончак», почему-то гнедой масти и не высокий, может быть, два с половиной вершка, но не выше трех вершков росту. Конь идет короткой иноходью. Все у Мамантова «легкое» — и конь, и посадка в седле, и походный мундир. Природный кавалерист. За ним, рысцой на крупном рыжем донском коне, следует его конный вестовой. При Мамантове ни адъютанта, ни начальника штаба, ни ординарцев. Никакой внешней помпы. Все это вместе взятое только украшало в моих глазах донского героя, признанного таковым и красными.

«Пленные показали, что возвращение в ряды своего корпуса генерала Мамантова приподняло настроение казаков и дало им некоторый импульс для продолжения борьбы»²²⁹, — пишет красный командующий Егоров в своей книге.

Неослабевающим наблюдением проводил я его до тех пор, пока он не скрылся в длинной колонне казаков. Больше я его не видел. Это была первая и единственная встреча с ним.

В 10-х числах ноября 1-я Кавказская казачья дивизия сосредоточилась в селении Ольшанка или Волоконовка (точно не помню), севернее Валуйки. Здесь произошло некоторое перемещение старших начальников и переформирование полков. Сюда из Екатеринодара вернулся начальник штаба Шкуро, Генерального штаба

генерал-майор Шифнер-Маркевич. Следствием этого было — генералы Шкуро и Губин немедленно же выехали в Екатеринодар, а в командование дивизией вступил Шифнер-Маркевич.

Генерал Шкуро, уезжая на Кубань, издал широковещательный приказ по корпусу, что «ввиду грозных событий он спешно выезжает на Кубань, чтобы поднять там ОБЩЕКАЗАЧИЙ СПОЛОХ».

Идея этого сполоха не указана, и нам, командирам полков, ничего не было известно — чем вызван такой спешный выезд Шкуро на Кубань? Одно нас возмутило, что он взял с собой в вагоны свой «Волчий дивизион», сила которого была равна любому полку дивизии, что-то около 250 казаков со многими пулеметами. Нам показалось, что Шкуро выехал со своими «волками» на Кубань «неспроста».

Появление генерала Шифнер-Маркевича восторженно приветствовалось всеми в дивизии. Все говорили о нем как о храбром и умном генерале и добром человеке. Я его совершенно не знал и не видел ни разу. Верхом он проехал по полкам, выстроенным в конном строю за селом.

Небольшого роста, чистенький, гладко выбритый, пухленький, как будто «нежный» на вид — он произвел на меня впечатление, как что-то игрушечное. Лицо его было нежно и совсем не боевое, «окуренное в боях», как принято говорить. Ему было 35—40 лет, не больше.

Поздоровавшись с полками, он произнес: «В тылу, на Кубани — раздавлена крамола! Власть перешла в руки военных! И теперь, на фронте, будет лучше»

Какая крамола? где? у кого? — этого он не сказал казакам, и мы были в полном неведении. И лишь потом только мы узнали, что было арестовано несколько членов Кубанской краевой рады и один из них, священник Кулабухов, повешен.

Ничего не зная, по его предложению прокричать «ура!» этому событию, казаки, ничего не понимая, лениво прокричали короткое «ура!», а кому и почему — не знали даже и мы, командиры полков. А тому, что «на фронте будет лучше после этого», мы мало поверили. Нам-то здесь было гораздо виднее!

Первым приказом генерала Шифнер-Маркевича по дивизии было: «Ввиду малочисленности полкового состава, бригады сворачиваются в Сводные полки. 1-й и 2-й Хоперские полки образуют Сводно-Хоперский полк, под командой полковника Елисеева

Феодора, а 1-й и 2-й Кубанские партизанские конные полки сводятся в Сводно-Партизанский конный полк под командованием полковника Соломахина Михаила. Отдельные функции по полкам отправляются только в хозяйственном отношении».

Свернувшись в два Сводных полка, дивизия имела около 600 шашек. При Сводно-Хоперском полку было что-то до 16 пулеметов. Полк был разбит на шесть сотен. 1-й дивизион, то есть 1-ю, 2-ю и 3-ю сотни, составляли казаки 1-го Хоперского полка, а 2-й дивизион — 4-ю, 5-ю и 6-ю сотни — составляли казаки 2-го Хоперского полка. Полки стали достаточно сильными, но численность всей дивизии оставалась та же.

Новое молодецкое дело хоперцев

В группе сел севернее Валуйки, вдоль полотна железной дороги, наша дивизия держала фронт, чередуясь полками. Был конец ноября. Пехота красных, тесня нас, занимала одно село за другим. Села здесь были частые. Последние два села, занятые каждой стороной, разделял пустырь в 500—600 шагов. На улицах нашего села нельзя было показаться, даже и пешком. Обстрел села был нудный, но постоянный и нервировал казаков. Присутствие Шифнер-Маркевича ободряло казаков и вносило успокоение. Генерал был всегда спокоен, но при встречах с кем бы то ни было был очень разговорчив. Ежедневно приглашал нас, командиров полков, в свой штаб, угощал чаем и любил шутить. В нем совершенно не чувствовался тип того старшего начальника, перед которым надо «тянуться».

С полковником Соломахиным они были старые шкуринцы, оба носили волчьи папахи. Соломахина он называл «Миша, и ты», а тот его — «Ваше превосходительство». Меня он называл по фамилии, как совершенно неведомого ему.

Он знал в лицо и по фамилиям почти всех офицеров-шкуринцев первых боевых молодецких дел Шкуро и, встречая их, подавал руку запросто. А они, с почтительно-радостной улыбкой, только прищелкивали своими сапогами и сами первыми произносили: «Здравия желаю, Ваше превосходительство»

Знал он и некоторых казаков. Казаки не шарахались от него, а старались попасться ему на глаза и первыми произносили приветствие: «Здравия желаю...»

Здесь ближе я познакомился со своим старым однокашником (по Майкопскому техническому училищу), теперь командиром Сводно-Партизанского полка, полковником Соломахиным. Он был отличный боевой офицер.

И вот, при таких внутренних взаимоотношениях трех лиц, на которых лежала боевая сила дивизии, мы находились тогда под методичным давлением пехоты красных.

Было очень снежно и холодно. Морозы сковали снег. Ночи были ясные и особенно холодные. Дивизия буквально висела на волоске в своем селе. И неоцененную услугу нам давали бронепоезда Добровольческой армии, в состав которой входила наша дивизия.

В одну из ночей мы ждали очередного наступления красных. В охранении, в полном своем составе, стояла 1-я сотня под командой есаула (фамилию не помню, но он был житель села Ивановка Батапашинского отдела, старый шкуринец, приписанный в казаки). Ровно в полночь он решил захватить окраину села противника, чтобы там согреться, а может быть, и покушать горячего — как он потом доложил мне. Он занял окраину и донес мне, что при поддержке можно занять и все село.

Со Сводно-Хоперским полком, в конном строю, я поспешил к нему на помощь. Красные, не ожидая казаков, мирно спали в своих теплых хатах. При нашем приближении сторожевая сотня в конном строю бросилась по единственной улице села с диким гиком и со стрельбой вверх, словно на свадьбе, и нагнала такой страх на красных, что они, выскакивая из квартир, сдавались без боя.

За селом была захвачена рота с двумя пулеметами, стремившаяся остановить казаков. И пока на мое донесение прибыл генерал Шифнер-Маркевич и полковник Соломахин со своим Партизанским полком, Сводно-Хоперский полк уже согнал всех пленных вместе с шестью пулеметами. Это оказался батальон, силой около 400 человек, занимавший это село. Конница батальона и два пулемета успели ускакать в следующее село, отстоявшее в двух верстах.

Шифнер-Маркевич пешком обходит пленных, всматривается в их лица, расспрашивает — какой части? где другие части? кто командует? много ли у красных пушек, пулеметов? Он на месте творил живое дело, думал и решал. И все сам, один, во все вникающий и никого не ругающий, а только распоряжается, как хороший хозяин, который должен знать — что у него происходит в хозяйстве.

Красноармейцы трясутся от холода и страха, но он и их ободрил, сказав: вы русские солдаты и вам ничего не будет.

Полки горели желанием двигаться дальше, но он сказал, что это не входит в задачу дивизии. К тому же нас мало, а красные там могут нас встретить уже как следует, почему надо занять прочно только это село.

Одиночные казаки-хоперцы, увлекшись преследованием, ворвались в следующее село, но были отражены огнем красных и оставили там упавшего с коня казака — убитого или раненого — они не знают. Убитый казак был 2-го Хоперского полка. Шифнер-Маркевич приказал выручить тело именно трем сотням 2-го Хоперского полка, но не иному полку.

Глубокий снег, покрытый мерзлой корой, не позволял сотням двигаться без дорог. Основная дорога лежала по пролеску. По ней, меж темными кустарниками, сотни тихо подошли к селу без дозоров. Остановив сотни, рассказал, что надо сразу броситься с криками «ура» вдоль по улице и со стрельбой вверх, чтобы навести панику. Головной сотне проскочить все село, ежели возможно, и немедленно же вернуться назад, пока мы разыщем раненого или убитого своего казака. И... по селу вновь затрещали и выстрелы, и дикий «гик-ура» всегда удалых хоперцев.

Красные, видимо, того и ждали или здесь уже не было их пехоты. Но конная группа с окраины села молнией метнулась вдоль улицы на север и скрылась в неизвестности.

Застывшее тело убитого хоперца лежало у околицы. С дорогой ношей поперек седла сотни представились своему генералу, выполнив его задачу, как он сказал: «Тело своего товарища надо выручить своими же».

«Хопров» поздравляют с удачей. Полковник Соломахин, мило улыбаясь, проходя меж рядов, повторял:

— Вот тебе и хоперчики!.. Поддержали былую славу полка. Молодцы! Право, молодцы! Теперь очередь за партизанами! — добавлял.

И в этих добрых словах нисколько не было доли зависти, а было только добросердечное восхищение молодецким порывом своих родных хоперцев, которых он, конечно, забыть не мог. Он был кадровым офицером 1-го Хоперского полка с 1911-го по 1918 годы. На Турецком фронте, командуя сотней в конной атаке на пехоту храбрых турок под Месопотамией, он проявил доблесть и награжден был

орденом Святого Георгия 4-й степени. Полком тогда командовал Генерального штаба полковник Успенский, будущий войсковой атаман конца 1919 года. Все это История, история родного войска, история славная, которую надо писать. Писать, читать и знать.

Апофеоз

Когда определился отход белых армий, главнокомандующий генерал Деникин для поощрения издал приказ — оповещать в периодической печати совершенные подвиги частями и их начальниками, с указанием имен. Прочитав это, мы нашли, что подобное поощрение вышло с большим запозданием, и не обратили на него внимания, даже отнеслись критически. Благородный же генерал Шифнер-Маркевич на это посмотрел иначе и отметил последний боевой подвиг Сводно-Хоперского полка. О нем мне пришлось прочитать в одной из газет лишь в самых первых числах февраля месяца 1920 года, в своей станице, проездом из Невинномысской, направляясь во 2-й Кубанский конный корпус к Манычу Ставропольской губернии по вызову генерала Науменко.

Из участников этих двух оригинальных боев 2-го Хоперского полка в живых, за границей, остался хорунжий Галкин Александр Семенович. По некоторым драматическим обстоятельствам, совершенно его не унижающим, он вынужден был переменить свое имя (служба в Иностранном легионе. — П. С.). В 1925 году он вступил в нашу группу джигитов во Франции. Много лет он джигитовал и в других группах. После Второй мировой войны мы вновь вместе работали с ним в группе джигитов донцов и кубанцев в Голландии и Швейцарии, в 1947 и 1948 годах.

Женившись на голландке из хорошей семьи, в настоящее время (на 1961 год. — П. С.) он проживает постоянно с семьей в Голландии, под фамилией «Корсов Николай Петрович». Только под этой фамилией его знают все джигиты, не зная прошлой.

1-я Кавказская казачья дивизия потом простояла спокойно еще несколько дней в этих селах. Общий фронт отходил назад, и никакие частные успехи уже не могли остановить общий отход. Красное командование Конным корпусом Буденного «резало» нас в стыке Добровольческой и Донской армий. Ему нужно было противопоставить наши силы именно в этом районе. Мы тогда не видели «не-

сокрушимой силы красных» перед собой. Наш отход считали временным. Мы ждали подходящие резервы войск. Но их не оказалось.

Примечание: один офицер из Калифорнии написал мне, что под Касторной погиб его командир Марковского полка, полковник Образцов²³⁰, который с двумя ординарцами кинулся восстановить положение, так как казаки начали отступать; в прорыве между полками он и его ординарцы были зарублены красной конницей.

Какого полка и войска казаки были — он не пишет. Здесь важно отметить трагический факт.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мы отступаем. Метель

Это было южнее Старого Оскола и в первых числах ноября месяца. Вся конница Буденного, тесня 4-й Донской казачий корпус, угрожала фронту 1-й Кавказской казачьей дивизии. Неожиданно, в ночь, приказано отступить.

2-му Хоперскому полку приказано идти левой, восточной, колонной. Лежал глубокий снег. Было очень холодно. С востока дул сильный ветер, неся с неба и земли мелкий сыпучий снег, пургу.

— Яжжайтя па-вяхам... а то заплутаитесь... вишь, какая пурга? — говорит мне хозяин-крестьянин, у которого стоял штаб полка.

Не обратив внимания на его слова, с темнотою с полком выступил на юг в село, отстоявшее в пятнадцати верстах.

От села до села у крестьян действительно были воткнуты хворостяные вежи, и по ним легко было знать направление дороги, занесенной снегом.

К ночи метель усилилась. Снег становился глубже на дороге, а вежи ниже. Потом вежи погнулись под давлением ветра, стали уменьшаться в своей высоте и, наконец, совершенно скрылись под снегом. Но это нас не тревожило. Полк прошел уже два часа похода, и следующее село за 15 верст, считалось, вот-вот покажется. Но прошло и еще два часа похода — села нет. Бредя по сыпучему снегу до животов лошадей, полк начал опускаться в низину и... завяз в снегу. Идти дальше было уже нельзя. Явно мы сбились с дороги и заблудились.

Мне стало страшно и... стыдно. Страшно потому, что заблудился весь полк, мы не знаем, куда идти? Не ночевать же в снежном буряне! А стыдно потому, что как мог заблудиться полк?

Остановились, не слезая с коней. Вперед широкой лавой была выброшена 3-я сотня опытного офицера сотника Ковалева — во что бы то ни стало найти или дорогу, или село.

Сотня в 30 коней, утонув в снегу, скрылась в пурге. Закутавшись в бурки и башлыки и повернув своих лошадей хвостами на восток, против пурги, мы все ждем вестей от разведывательной сотни.

Где-то на юго-востоке послышался лай собак, показавшийся нам таким приятным, словно дуновение теплого ветерка. А через час появился казак с донесением (словесным), что село найдено и он проведет полк к нему.

Было уже глубоко за полночь, когда полк вошел в село и быстро разместился скученно в его западных окраинах.

Карт мы не имели. Где мы? как называется село? где противник? — ничего этого было не известно и самому командиру полка.

— Кто здесь в селе?.. белые или красные? — спрашиваю я хозяина, довольно зажиточного и многодетного, с сыновьями наших лет.

— А хтой е-знае... сяло бальшая... на семь вярстов растянулась... можа хто там ий е, — отвечает мне не так уж пожилой мужик со столь диким выговором русских слов.

Не столько с этих слов, но по выражениям лиц всей семьи мне показалось, что хозяином что-то недоговорено. Допрашивать же было и некогда, и не время.

Казак устал, промерз, был голоден. Сказав командирам сотен, чтобы всем быть начеку, заснули мертвым сном. А наутро обнаружилось, что красная конница еще вечером вошла в это длинное растянувшееся село и ночевала в восточной окраине его.

На наше счастье, они не выставили сторожевого охранения в западном направлении, не знали, что в него вошли казаки ночью. Полк, отдохнув, с проводником двинулся в назначенное по заданию село.

Будь же красные по квартирам в нашей стороне, да еще без сторожевого охранения... казаки, искавшие крова и отдыха и натолкнувшиеся на них, спящих, — трудно представить, чем бы это все закончилось!

Одна казачья история

Мой полевой заведующий хозяйством, есаул Краморов, ввиду наших общих отступлений, оторвался от полка и потерял с ним связь.

Приготовив фураж для полка и оставив сенной обоз в одном из сел, он на легких городских санках, в которых едва могло поместиться три человека, выехал в Старый Оскол, предполагая, что его полк должен быть там.

В санках, в упряжке, был его собственный строевой конь образца кавалерийских полков — высокий, сильный и в отличном состоянии. С ним был его родной брат-студент и больной подпоручик-пулеметчик, житель Ставрополя.

Краморов, сподвижник Шкуро в его первых восстаниях на Кубани, был опытный и храбрый воин. При себе в санках он имел ручной пулемет системы «Льюиса». Я как-то подтрунил над ним, над его вооружением при обозе, но он невозмутимо ответил:

— Ничего, господин полковник. Все может случиться. А ежели при мне пулемет, то я ничего не боюсь, даже если на меня и наскочат красные.

Подтрунивали над ним и офицеры, старые «хопры», за его нескладный вахмистерский язык и манеры воинского обращения. Но все они были очень довольны, в особенности я, как он энергично и умело доставал фураж для полка. В нем сказался старый опытный вахмистр сотни — в отношении заботы о лошадях. И вот здесь, как дельный служака, он, приготовив фураж, поехал вперед, чтобы разыскать свой полк и накормить его.

Навстречу им шла конница. И когда Краморов узнал, что это красные, было уже поздно...

Повернув назад и путив своего мощного коня полным карьером, отстреливаясь из пулемета, уйти было нельзя. Головные дозоры красных, стреляя на карьере, убили брата. Он вывалился из санок. Большой офицер-подпоручик также вывалился из них. Сам есаул Краморов успел вскочить в село. Бросил санки, вбежал в хату крестьянина и, идя на риск, рассказал ему, кто он, просил дать ему крестьянскую одежду и спрятать его. И добрый крестьянин спас неизвестного ему офицера-казака.

В село вошел полк красной конницы и расположился по квартирам. Краморов идет на следующий риск. Этот полк состоял почти полностью из донских казаков. Им командовал бывший вахмистр-донец. Краморов явился к нему и сообщил, что он есть крестьянин, выгнан был белыми в подводы... и от которых сбежал. Теперь он хочет поступить в ряды Красной армии, чтобы сражаться против белых...

Догадался ли красный донец-вахмистр, кто перед ним стоит? Понял ли он Краморова, как казак казака? Краморов этого не определил, но командир отнесся к нему сочувственно, дал ему коня с седлом и зачислил к себе в ординарцы. Краморов сказал, что его фамилия «Шаталов».

Наша дивизия отступала. Прошло дней десять. О гибели Краморова с обозом было забыто по ходу тревожного времени. По пути дивизия остановилась на короткий привал в маленьком хуторке. В крайней хате генерал Шифнер-Маркевич со старшими офицерами, рассматривая карту, информирует о положении фронта. Неожиданно открывается дверь и входит донской генерал со своими офицерами. Это был Генерального штаба генерал Калинин, начальник 10-й Донской казачьей дивизии. Его дивизия подошла к нам с северо-востока. Генералы познакомились, и Шифнер-Маркевич с Калининным обратились к карте.

От холода небольшая комната наполнилась офицерами, кубанцами и донцами. Все закурили в тепле. Чада и дым коромыслом окутали всех...

Генерал Калинин говорит Шифнер-Маркевичу, что он был начальником штаба в 4-м Донском корпусе у генерала Мамантова в его рейде по тылам красных, критикует Мамантова, что он не слушался советов своего начальника штаба и, сидя в экипаже, запряженном тройкой лошадей, впереди полков, ходил в атаку. При этом генерал Калинин показал, как именно Мамантов сидел в экипаже — «откинувшись назад»...

Шифнер-Маркевичу явно не нравится этот разговор, и он предлагает еще рассмотреть карту. Не нравится и мне критика Калинина своего храброго начальника. Да и мне показалось, что идти в конную атаку в экипаже, и впереди полков, более опасно, чем сидя верхом. Подстрелена ли будет упряжная лошадь, или сломается колесо в экипаже — что тогда делать, если красные отобьют ата-

ку? И мне генерал Мамантов очень понравился и оригинальностью, и, определенно, своей смелостью.

В комнате, единственной в хате, наполненной офицерами в шубах, в шинелях, в папахах, почти всеми курящими, было тесно и душно. От дымного чада — полумрак.

— Господин полковник, разрешите зайти? — слышу я что-то очень знакомый голос через открывшуюся дверь, но не могу узнать — кто это? И не знаю, к кому он направлен, при наличии в комнате двух генералов и нескольких полковников.

— Кто это там мешает нам? — как никогда нервно бросает к двери генерал Шифнер-Маркевич, явно недовольный словами генерала Калинина о Мамантове.

— Ваше превосходительство! Я есаул Краморов... бежал из красного плена... Разрешите мне явиться своему командиру полка полковнику Елисееву? — вдруг слышим мы.

Все невольно повернулись к двери.

— От красных?.. когда?.. Идите сюда! — быстро произносит Шифнер-Маркевич, выпрямившись от карты на столике.

Краморов, широкими своими плечами раздвигая толпу офицеров, приблизился и отрапортовал по-воински так, словно он прибыл из отпуска, а не бежал из красного плена, куда попал так трагически. И он рассказал то, что здесь написано, добавив, что — посланный с донесением куда-то — переменил направление и скрылся. И достиг своего казачьего стана — «на вражеском коне», как поется в одной из казачьих песен. После ознакомления с положением на фронте дивизии выступили: 10-я Донская на юго-восток, а наша 1-я Кавказская казачья — на запад.

Нелишне сказать о личностях. Генерал Калинин — выше среднего роста, стройный и воински подтянутый. Ему тогда было, думаю, не свыше 40 лет. В марте и апреле 1920 года он отходил в составе 4-го Донского корпуса на Туапсе—Сочи—Адлер и играл положительную роль в спасении своих донских казаков и их семейств в этом районе. Потом проживал в Париже. Там мы не раз встречались. В Париже он и умер.

Есаул Краморов, инвалид, проживал также в Париже. Своего соратника я не раз поддерживал. Он всегда был бодр духом. Расстался с ним в 1949 году, уезжая в Америку. О Шифнер-Маркевиче еще много будет мною написано.

Драматические картинки при отступлении

Расставшись с донцами, наша дивизия двинулась на запад. Шли без дорог. Бугорчатая безлесая местность. Кочковатые поля жниввы. Снегу мало, но мороз твердый. Никаких сел. Останавливались, наблюдали по горизонту. Разъезды противника не обнаружили. Уже вечерело. Шифнер-Маркевич круто повернул дивизию и двинулся на юг. Все устали и были голодны. Терская батарея есаула Соколова не поспевала за полками. Местность шла под уклон, и скоро внизу мы увидели село. Оно растянулось тонкой линией с запада на восток. В восточной стороне села, на «лысом» возвышении, стояла белая церковь и вокруг площади — большие дома. Это был центр села. Западная же часть села лежала внизу. В него вошли полки уже с темнотой. 2-му Хоперскому полку, который шел в арьергарде, приказано было разместиться в западной части и от себя, в своем районе выставить сторожевое охранение. Двенадцать полковых пулеметов, от усталости лошадей растянувшись, вошли в село последними и расположились в первых же хатах северной стороны села, отделенные от штаба полка одной продольной улицей.

Это было село Покровское, и, хотя оно входило в Курскую губернию, население его было украинское. Чистота в хатах, достаток и любезность «хохлушек», так похожих на наших женщин-казачек, резко отличались и от бедности крестьянского населения русских сел, и от примитивности их изб «с палатями» под потолком, на которых порою спали две-три пары женатых сыновей со своими женами, и от забитых нуждою ли, обычаями ли или остатками крепостного права женщин-крестьянок, каких-то боязливых перед казаками.

Штаб полка расположился в чистом домике особенно любезных молодых хозяйшек, но чисто говоривших и по-русски.

Штаб полка... Что значит штаб полка того времени? Это были — командир полка, полковой адъютант, 12 ординарцев от сотен и тогда, к моему неудовольствию, прибывшие две сестры милосердия. Вот и весь штаб полка. Во 2-м Хоперском полку того времени не было ни помощников командира полка, ни полкового врача, ни ветеринарного доктора, ни полкового священника. И два конных вестовых — командира и адъютанта. Кстати надо сказать — никаких денщиков у офицеров не было. Их функции отправляли их же конные вестовые.

Хозяева угостили нас хорошим ужином и подали даже «моченый арбуз», который готовится, кажется, только на Украине и у казаков Юга России. Мы едим его впервые здесь, как свое родное кушанье, почему и с аппетитом.

Село Покровское лежит на железной дороге юго-восточнее Белгорода. Молодая хозяйшка, замужняя женщина, подавая ужин и прислуживая, сказала, что накануне в селе была красная конница, немного ее, а сколько — она не знает. И что они взорвали железнодорожный путь и вернулись к себе, откуда пришли.

Это мне не понравилось. Значит, красные здесь где-то близко. Но уставшие, хорошо покушавшие — все мы, штаб полка, на чистых постелях заснули приятным сном. Ординарцы в другой комнате. Лошади — под сараем.

Во все время отступления от Воронежа все мы, офицеры, не говоря уже о казаках, всегда спали не раздеваясь, сняв лишь шубы, у кого они были, и оружие. Я всегда спал в черкеске, расстегнув гузики, и в ноговицах, сняв чевяки. Никогда не расседывались и лошади. Просто опасно было расседывать в вечно тревожной обстановке. Так было и теперь, в злосчастном селе Покровском Курской губернии.

Сквозь сон слышу, что кто-то быстро с вала спускает бадью в колодезь, стоявший около дома, из которого вечером ординарцы поили лошадей. Проснувшись и взглянув на часы, вижу — четыре часа утра. Кто бы мог так рано брать воду? Лежу и прислушиваюсь. Колодезный вал вновь быстро «заговорил» своим особенным цокотаньем. А через несколько секунд — вновь слышу: «Цак-цак-цак!.. цок-цок-цок!..» Что за странность, думаю: вал только опускается в колодезь, но не поднимается с бадью воды вверх?

Быстро выхожу на крыльцо, чтобы узнать — что это такое? И только что открыл дверь, как «вал» колодезя заговорил вновь и над нашим двором пронесся сноп пулеметной очереди. Спросонья цоканье пулеметов я принял за цоканье вала колодезя.

— Красные в селе! — крикнул я громко в свою комнату и в комнату ординарцев.

Все взметнулись, как от электрического тока. Красные пулеметы заговорили чаще. Ими обстреливалось все село. Весь штаб был уже в седлах. Одна сестра никак не может сесть на своего маленького конька, который от холода и пуль не стоит на месте. Сестра в валенках, почему никак не может вложить ногу в стремя. То, что я не

любил пребывание сестер в полку, — только подтвердилось в этот опасный для полка момент. У меня мелькнула каверзная мысль — «оставить сестру здесь». Кстати, она из Воронежа, к полку присоединилась недавно в исходе, покинутая «тем», кто вывез ее из Воронежа, от семьи... «Пусть, — промелькнула мысль, — остается здесь и возвращается в свой Воронеж!» Все село поливалось жестоким пулеметным огнем.

Шумно прискакали к штабу полка уже три сотни казаков. Чего же мне беспокоиться о сестре милосердия, которая ею и не была по профессии? Но заговорило другое чувство — чувство жалости к беспомощной молодой женщине-девице. Она со средним образованием, стройная, хорошо воспитанная и добрая по характеру. И от красных ушла добровольно. Вновь соскакиваю со своей рослой кобылицы Ольги, бесцеремонно схватываю эту маленькую женщину одной рукой поперек у груди, а второй между ее ног и быстро вскидываю в седло, как легкий мешок с овсом.

К прибывшим сотням скакали одиночные казаки со всех сторон, но, к своему ужасу, я вижу и пеших казаков, которые через дворы шархнулись прямо к югу, «в сторону Кубани»...

— А кони где? — кричу им в темноте.

— Красные уже во дворах, господин полковник!.. И мы не успели их вывести из сараев, — отвечает кто-то.

Огонь красных щедро посыпал село из многих своих пулеметов. Что вокруг делалось — в ночной темноте не было видно, только чувствовалась нервность всех. И подав единственную команду собравшимся сотням — «ЗА МНОЙ!» — крупной рысью двинулся по соседнему переулку на юг.

Полк прошел железнодорожное полотно здесь же, у села, и уперся в глубокий овраг с крутыми и каменистыми берегами. С большим трудом одолели его, взобрались на противоположный берег и остановились. И ждем. Чего? Во-первых, продвижения красных, а главное — надо связаться со штабом дивизии и Сводно-Партизанским полком полковника Соламахина и Терской батареей есаула Соколова, которые расположились на ночь вокруг штаба генерала Шифнер-Маркевича. Офицерский разъезд, высланный на восток, не нашел их. С рассветом высылаю вновь разъезд и с полком следую за ним на восток, где и нашел свои главные силы. Шифнер-Маркевич молчит. Соламахин же, неловко улыбаясь, спрашивает: «Как у «хопров»? Все ли цело, в порядке?» И добавляет, что «четыре орудия Терской ба-

тарей, которые стояли без уносов на площади, так и остались там... не успели вывезти».

Командир батареи, есаул Соколов, нытик и критик, но умный и энергичный офицер, он разводит руками и кого-то вновь ругает, но не себя, что он потерял все свои пушки. От этого становится немного весело.

Начало светать, и мы видим с высокого своего бугра, как конница красных свыше сотни всадников и до десятка саней с пехотой и пулеметами, оставив село, поднимались к себе, на противоположный нам бугор. Я хочу рассмотреть «эту картину», но вдруг обнаруживаю, что на моей груди, как всегда, нет моего бинокля. И вспомнил, что, войдя в комнату, вложил его в футляр и положил на столик-божничку у иконы, стоявшей в углу около моей кровати.

«Банкротство, банкротство!.. постыдное банкротство! — пронеслось досадно в голове. — Сам командир полка потерял и бинокль свой. Ну не шляпа ли он?»

Красные, наскочив, к утру оставили село. В бинокли обнаружили, что наши пушки стоят на площади на своих местах. Шифнер-Маркевич приказал немедленно же взять село. И мы его взяли без выстрела и обнаружили, что замки с пушек сняты и увезены, но орудия не испорчены. В нашем полку не хватало нескольких пулеметов.

— Где ваши пулеметы? — строго спрашиваю сотника Медяника, офицера из урядников, маленького ростом, но молодецкого начальника.

И он растерянно докладывает, что вчера за долгий марш по кочковатой дороге кони настолько были утомлены, что он, войдя в село с пулеметной командой, расположился на ночлег в крайних хатах. Их первыми же и обстреляли красные из пулеметов. И казаки, бросив не только что пулеметы, бросили и своих верховых лошадей и пешком, через дворы, спасались, торопясь к полку.

Трудно было винить кого бы то ни было в этом, столь неприятном деле. Важно было то, что не было потерь в людях. Все ушли. Материальная же часть полка всегда может быть пополнена — так рассуждал я тогда. И все же полк потерял шесть пулеметов и до тридцати лошадей — упряжных и верховых. Все они были пулеметной команды.

Скачем в свой штаб, и... наша милая хозяйшечка-хохлушка с доброю улыбкой подает мне мой бинокль Цейса, говоря — когда мы

выскочили из села, она обнаружила забытый бинокль и спрятала его. Красные, по ее словам, вскочив в их двор, быстро сделали обыск и, ничего не найдя, ушли.

Наше предположение тогда было такое, что набегу красных, как проводники, помогли некоторые местные крестьяне. Дивизии нанесен был моральный удар и материальный ущерб. Генерал Шифнер-Маркевич никого не ругал и молчал. Умный генерал знал, что ругать за это — не к о г о .

Сводно-кавалерийская дивизия

О сосредоточении большой конной группы севернее Купянск — Валуйки, куда из-под Царицына был переброшен 2-й Кубанский конный корпус, мы ничего не знали, его еще не видели, но в наш район 1-й Кавказской казачьей дивизии, в район Валук, прибыла Сводно-кавалерийская дивизия.

Как всегда, мы, два командира полка, Сводно-Партизанского — полковник Соламахин и Сводно-Хоперского — автор этих строк, находились в штабе дивизии, чтобы быть в курсе событий. Вернее — этого хотел генерал Шифнер-Маркевич. Бывал часто и командир Сводно-кавалерийского полка, старик полковник князь Гагарин, о котором я писал в предыдущей брошюре. Гагарина нет. Он со своим малочисленным полуконным полком был в другом месте. Мы втроем в крестьянской хате, где-то под Валуйками.

Совершенно неожиданно для нас с Соламахиным, в комнату вошел высокий, стройный кавалерийский генерал лет 45, по росту и телосложению похожий на генерала Врангеля. На нем был мундир мирного времени с ярко-желтыми отделками, выпушками, петлицами и кантами на темном фоне сукна. Он был без шинели, в мягких сапогах с изящными шпорами и с блестящими погонами. Серебро и желтизна ярко выделялись во всем. Что нас удивило, так это то, что на поясе висела кривая кавалерийская сабля в металлических ножнах и на длинной портупее, как это было в кавалерии мирного времени. Представившись нашему генералу, в распоряжение которого он прибыл с дивизией, и не обратив никакого внимания на нас, двух казачьих полковников в черкесках, он сразу же стал жаловаться Шифнер-Маркевичу на главное командование, что его дивизию...

— Позвольте представить Вам, Ваше превосходительство, моих доблестных командиров полков, полковника Соламахина и полковника Елисеева, — перебил доклад учтивый наш начальник дивизии, генерал Шифнер-Маркевич.

«Желтый генерал», как буду я его пока называть, не зная фамилии, он повернул голову, прищурился так, как близорукая леди рассматривает через лорнет незнакомого человека, и потом легко, чуть заметным наклоном головы в нашу сторону, показал, что «он нас приветствует», но руки не подавал. И продолжает свою жалобу нашему генералу, выговаривая слова чисто «по-корнетски», как это принято было «когда-то».

Я постараюсь хоть немного передать это произношение русских слов, исковерканных подобными, и немногими, кавалерийскими молодыми офицерами. Но то, что их так произносил генерал и начальник дивизии, было «удивительно» и слышать, и наблюдать. Так вот они:

— Зняет-те, Ваш-ше превесседительство, эт-то вязмутитель-но!.. Мой-я дивизия еще не зякончила свой-его фермир-рования!.. У мен-ня в пелках телько по пол-эскадрон-ну!.. телько по 60 сабель в каждом... и в-вот, извольте — вдруг дивизию посылают на фронт!.. Как я не д-докезывал — Главнокемандующий не пелушал меня.

При этом генерал не стоял на одном месте, а поворачивался на низких каблуках своих мягких сапог то вправо, то влево, как бы призывал слушателей в свидетели той несправедливости, которую над ним учинил главнокемандующий, то есть генерал Деникин.

Мы с Соламахиным слушаем, стоя в стороне, и, конечно, молчим, а умный Шифнер-Маркевич, глядя вниз на свой столик, с улыбкой отвечает ему:

— Нич-чиво... нич-чиво! У нас в сотнях по 30 шашек, и вот — воюем. Помогите и Вы нам.

На следующий день мы познакомились с этой дивизией. Подъем и уборка лошадей у них по сигнальной трубе, как в мирное время. Все лошади кабардинской породы, рослые и в хороших телах. Она формировалась где-то в Дагестане и ровно шесть месяцев. Солдаты хорошо одеты. К выступлению полки выстраивались также по сигнальной трубе. Вахмистры командовали протяжно своим младшим офицерам в эскадронах, а потом те — своим эскадронным.

Но вот начались бои, и полки стали таять, солдаты группами переходили к красным с казенными лошадьми, седлами, вооружением, с обмундированием. В одном бою в наш полк прискакал корнет, офицер лет тридцати, и доложил мне, просясь в полк, жалобу — он выехал со своим взводом в разведку. И когда они вышли в нейтральную зону, то его унтер-офицер запросто сказал ему, что они против своих братьев воевать не будут, насилия над ним делать не хотят, так как он хороший человек, и отпускают его с миром назад, а они поедут дальше и передадутся в Красную армию.

Генерал Деникин в своем труде «Очерки Русской Смуты» коротко указывает, что на усиление конной группы он включил в состав Донской армии «не казачью дивизию в 700 шашек»²³¹. Это была та самая Сводно-кавалерийская дивизия.

А Буденный в своей книге пишет: «В районе Рубежной белые потеряли до 500 человек зарубленными, в том числе командира дивизии генерал-майора Чеснакова и трех командиров полков»²³².

Мы тогда что-то слышали о катастрофе этой дивизии, но в исторической литературе «белых» я этого не встретил²³³.

И невольно закрадывается обида за нашу казачью конницу, совершенно бесплатную для государства, всегда подготовленную, обученных еще в станицах «малолеток», не говоря уже о тех казаках, кто прошел свою военную действительную службу в мирное время, провел Великую войну 1914—1917 годов... О казаках, которые в грозный час насилия красных над ними, над их хозяйством, над их душами — все сели на коней, психологически с детских лет подготовленные к войне, и уже к осени 1918 года полностью очистили от красных армий территории земель Дона и Кубани, ничего не получая от главного командования, даже оружие и патроны — доставая их в боях у противника только конными атаками. И кто оценит эту жертву и доблесть казачества?!

Встречи — генерал Науменко и полковник Рудько

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича в стыке Донской и Добровольческой армий представляла собой маленький, забытый всеми осколок кубанских казаков шашек в 600, при двух десятках пулеметов и четырех орудиях 1-й Терской казачьей батареи есаула Соколова. Дивизия вела бои совер-

шенно самостоятельно и лишь тогда, когда «откуда-то» наседали на нее противник.

Возглавление дивизии генералом Шифнер-Маркевичем — это была единственная наша духовная отрада и веская надежда, что этот умный, добрый, как и деликатный начальник, лишенный всякого тщеславия, ведет нас правильно. Казаки ему верили и следовали за ним безбоязненно.

В последних числах ноября 1919 года нами был оставлен Купянск. Красная конница Буденного заняла большое село Сватово, большевики стали накапливать там свою пехоту. Нам издали, на голой местности, видно было, как подходили поезда и шла выгрузка пехоты красных.

4-й Донской корпус генерала Мамантова отошел в село Кабанье. Мы слышали, что в этом районе сосредоточивается сильная группа казачьей конницы, которая под командованием Мамантова должна нанести сильный удар красной коннице Буденного. Он и состоялся. Был временный успех, о чем Буденный пишет: «Используя свое численное превосходство, противник (казаки. — Ф. Е.) перешел в контрнаступление. Начался ожесточенный бой. Белые контратаковали на узком фронте, рассчитывая прорваться в тыл нашей 4-й кавалерийской дивизии, окружить и полностью уничтожить ее.

Несмотря на высокую боеспособность 4-й дивизии — трудно сказать — каков был бы исход боя, если бы к тому времени, когда Городовиков уже ввел в бои все свои резервы, не подошли бы на помощь наши бронепоезда. При блестящей поддержке бронепоездов, сопротивление белых было сломлено»²³⁴.

При таком положении южнее Сватова к Сводно-Хоперскому полку были приданы: Волчий солдатский батальон (детище генерала Шкуро, которым командовал молодой и маленький ростом полковник в волчьей папахе, очень удачно руководивший им), солдатская пешая батарея в четыре полевых орудия и группа сапер. Этот отряд занимал арьберггардные позиции дивизии под моим командованием, к западу от железной дороги.

Ничего не зная о боевой обстановке под Сватовом, вдруг получаю телефонограмму от генерала Шифнер-Маркевича: «С северо-востока движется в район дивизии 2-й Кубанский корпус генерала Науменко — не примите его за красную конницу».

Это так было неожиданно. Во-первых, мы и не знали, что с Царицынского фронта переброшен сюда этот корпус, а во-вторых, я

не знал, что им командует генерал Науменко, считая, что он в Екатеринодаре и занимает, как и раньше, пост походного атамана.

Обрадованный таким известием, быстро выезжаю с вестовым в свое сторожевое охранение, чтобы встретить нашего старшего корниловца, доложить обстановку и пригласить на обед.

Издали вижу тонкую конную колонну казаков человек в 150. Сблизились. Впереди нее, на невзрачной усталой лошади, идет казак маленького роста, одетый по-зимнему в самый обыкновенный черный казачий кожух. Полагая, что он является начальником этой колонны, беру под козырек и представляюсь:

— Командир 2-го Хоперского полка, полковник Елисеев.

Услышав мои слова, всадник быстро приосанился, взял также под козырек и произнес:

— Командир 2-го Запорожского полка, полковник Рудько²³⁵.

— Вы есть тот сотник Рудько, бывший образцовый начальник учебной команды 1-го Запорожского полка в Кагызмане? — любознательно и быстро спрашиваю его.

— Да... это я... а Вы откуда это знаете? — удивленно отвечает он.

— А знаете ли Вы хорунжего Володю Кулабухова²³⁶, переведенного от Вас в наш 1-й Кавказский полк?.. Вот он и рассказывал нам о Вас, — отвечаю ему.

Колонна остановилась.

— А где же Ваш 2-й Запорожский полк?

— А вот он и весь полк, позади меня... полтора ста шашек, — отвечает он, повернувшись назад в седле и рукою указав на растянувшихся казаков в колонне по три.

Не вдаваясь в подробности, спрашиваю его — где генерал Науменко, прошу его к себе на обед. Он двинулся к селу, а я остался ждать новую колонну казаков, показавшуюся со снежного переката.

Грузным уставшим шагом, по размятой снежной дороге подходят главные силы корпуса. Впереди него, так хорошо мне знакомые, фигура и лицо генерала Науменко. Рядом с ним узнаю начальника штаба корпуса, Генерального штаба полковника Егорова²³⁷, знакомого мне еще по Маньчу весной этого же года, в той же должности, но у генерала Улагая. Генерал Науменко смотрит на меня, вначале удивленно, как смотрят на знакомого человека, которого совершенно неожиданно встречают там и тогда, где меньше всего ожидают встречи.

Крупной рысью еще на неизъезженной своей кобылице Ольге подхожу к нему, беру под козырек и докладываю:

— Ваше превосходительство... я и господа офицеры полка просят Вас пожаловать к хоперцам на обед.

Науменко, думая, что я рапортую официально, так же взял руку под козырек, не меняя серьезности своего лица, но, услышав о частном приглашении, он приятно улыбнулся и, протянув мне руку, ответил:

— С удовольствием, Елисеев, а вот как мой начальник штаба? — и, обращаясь к Егорову, спрашивает его: — Можем ли мы поехать?

— Да, конечно! — отвечает он, ласково улыбаясь мне, и также протянул руку.

Из этих слов я понял, что генерал Науменко спрашивал своего начальника штаба — позволяет ли боевая обстановка к этому?

Мы идем рядом. Вначале говорим о делах фронта, о старших начальниках, о наших неудачах и вообще о грозных событиях. Он рад, что я вновь командую полком, и этим как бы заглаживает то, как он меня отозвал из Корниловского полка. Военная среда имеет такт корректности и уважение к старшим. Это достигается воспитанием в военных училищах.

Обед прошел скромно, но все офицеры штаба и полковник Рудько с удовольствием ели горячий казачий борщ с холода. Мы, корниловцы, привыкли видеть генерала Науменко всегда веселым, общительным и разговорчивым. Но тогда, за обедом, он им не был. Что-то его, видимо, удручало.

Никто тогда у нас в дивизии не знал, что у него вышло расхождение с краевой радой и он должен был уйти с поста походного атамана.

Не знали мы тогда, что его корпус потерпел поражение на Северном Донце и, как потом говорили, много казаков утонуло в Северном Донце, прижатые к реке конницей Буденного. Генерал Фостиков писал мне в Нью-Йорк, что на глазах Науменко провалился под лед командир 1-го Лабинского полка полковник Юрий Кравченко²³⁸ с двумя своими ординарцами и утонул. Такие трагические картинки для чуткого человека незабываемы. Жуткая трагедия.

Молодым офицером провел Великую войну 1914—1917 годов на Турецком фронте, теперь возглавил свой храбрый 1-й Лабин-

ский полк, как малодостигаемую мечту каждого строевого офицера, и вот — так жутко погибнуть...

Встреча и знакомство с полковником Рудько была для меня особенно приятна и интересна потому, что о нем, от хорунжего В.Н. Кулабухова, переведенного из их полка в наш, мы все слышали только восторженный отзыв, как об отличном и образцовом офицере. В понятии Кулабухова, сотник Рудько почитался среди молодежи полковым богом 1-го Запорожского полка по знанию воинских уставов и любви к военной службе. К тому же он был очень скромен в жизни. Он не пил спиртного, не курил, женщин боялся как огня и избегал их. Все это, вместе взятое, вселило в мою душу чувство глубокого уважения к этому выдающемуся строевому офицеру нашего Кубанского войска. Я полюбил его за глаза. И вот теперь, пять лет спустя, в такой неожиданной и неуютной обстановке я познакомился с ним. На своем сивом захудалом коне, в своем простом черном казачьем кожухе без погон, с обветренным лицом, при драматическом отступлении он был совершенно некрасочен внешне.

Личная скромность сквозила в нем и теперь и только украшала его в моих глазах. Это была единственная наша с ним встреча. Больше я его никогда не видел.

Как и в полковой учебной команде в Кагызмане — в Югославии, в своем полку он создал отличный хор и славил им родное войско, где было можно. Умер он, оставив о себе только светлую память.

После скромного, но сытного обеда с горячим казачьим борщом во 2-м Хоперском полку дорогие гости двинулись дальше на юг, отступая, как отступал и общий фронт наш.

Странные строки Буденного...

В своей книге Буденный пишет: «22 ноября нового стиля — дивизии перешли в наступление. В то время, когда фланговые дивизии совершали глубокий обход Старого Оскола с востока и юга — 4-я дивизия, отрезав действующие бронепоезда белых — ворвалась на станцию Старый Оскол и, почти без выстрела, захватила в эшелонах прибывшую сюда бригаду корпуса Улагая. Произошло это так: впереди и позади эшелонов бригады было разобрано желез-

нодорожное полотно. Оказавшись под угрозой уничтожения из пулеметов, выдвинутых нашими бойцами по обе стороны железной дороги, белоказаки выскакивали из вагонов вместе с лошадьми в глубокие кюветы, забитые снегом. Никаких подмостков, либо приспособлений для выгрузки не было; и удивительно, что ни одна лошадь не получила увечий, без чего не всегда обходится даже организованная выгрузка.

Была захвачена и вторая бригада Улагая, подходившая к Старому Осколу с юга.

Таким образом, две бригады 2-й Кубанской дивизии Улагая почти полностью были взяты в плен. Следовавшей за нею 4-й Кубанской дивизии удалось выгрузиться и вступить в бой»²³⁹.

Все это очень странно. Ни тогда, ни потом мне не приходилось слышать об этом. И нужно полагать, это есть чистейшая фантазия Буденного.

Странно было то, что наша дивизия редко имела живую связь с частями 4-го Донского конного корпуса генерала Мамантова, встречаясь лишь случайно при отступлении, начиная с Касторной; также случайно встретились со 2-м Кубанским конным корпусом генерала Науменко, а западнее нас — совершенно не имели этой живой связи с частями 1-го Армейского корпуса генерала Кутепова.

Мы, командиры полков, совершенно не знали о сосредоточении здесь «сильной конной группы, чтобы разбить красный конный корпус Буденного», как пишет об этом генерал Деникин.

Да и какая это была «сильная ударная конная группа», которой должен нанести удар и разбить группу Буденного генерал Мамантов?

Генерал Деникин в своем труде определяет их (наши силы) так:

- а) 4-й Донской конный корпус генерала Мамантова — 3500 шашек,
- б) Кубанские конные дивизии, прибывшие из-под Царицына — 500—800 шашек,
- в) не казачья дивизия (видимо, генерала Чеснакова) — 700 сабель²⁴⁰.

2-й Кубанский конный корпус состоял из двух дивизий — 2-й и 4-й — всего восемь полков. Взяв среднюю цифру для дивизии 600 шашек, выходило, что каждый полк имел только 150 шашек. Это, конечно, не была сила, присланная в помощь со стратегической задачей.

Сводка Донской армии указывает:
 для своего 4-го Донского корпуса — 3500 шашек,
 2-го Кубанского корпуса — 600 шашек,
 наша, 1-я Кавказская дивизия — 300 шашек²⁴¹.

Большинство строевых начальников, когда бывают требования в интендантство, увеличивают число бойцов своих частей, а когда требуются серьезные боевые действия, уменьшают цифру их. В данном случае, не зная численную силу 2-го Кубанского корпуса тех дней, о своей дивизии должен точно подчеркнуть, что она имела тогда около 600 шашек в строю, не считая пулеметных полковых и дивизионной пулеметной команды.

Кроме того, в число боевых шашек, как было принято считать, не входили все офицеры и их конные вестовые. Но все они участвовали в боях, в первых линиях, что было естественно.

Полковники Гамалий и Тарарыкин, ротмистр Ольшанский

Это было в районе Купянска. Был поздний вечер, и шла метель. Дверь широко растворилась, и в комнату вошла громадная фигура в широком длиннополом персидском тулупе с длинными рукавами, вся занесенная снегом.

— Здорово, Федор!.. Принимаешь гостей? — произносит она, и в ней я узнаю полковника Василия Даниловича Гамалия. За ним входит сотник Хлус, его доверительное лицо.

— Заходи, Васылю! Нам каждый гость дается Богом! — весело отвечаю ему.

Оказывается, Гамалий из Екатеринодара, едет во 2-й Кубанский корпус генерала Науменко, для вступления в командование 2-м Уманским полком. При нем взвод казаков от бывшего его 3-го Уманского полка, под командой подхорунжего Дубины, казака станицы Куцевской. Я рад гостю, собрал офицеров своего Сводно-Хоперского полка, чтобы приветствовать гостя и услышать от него о событиях на Кубани, от которой мы так долго и далеко были оторваны и, не получая газет, ничего не знали.

Полковник Гамалий, безусловно, умный и большой кубанский казак и красочный черноморец. Он говорит, что «укоротить Краевую Раду надо было, но только своими, кубанскими руками, но

не посторонними. Арест же некоторых членов Рады, высылка их за границу, повешение члена Парижской делегации священника Кулабухова²⁴² — это недопустимо и оскорбительно для Кубанского войска, что может отразиться на настроении фронта». Все это было для нас большой и неприятной новостью. Знали ли об этом наши казаки — было неизвестно, но эти события в Екатеринодаре, в начале ноября 1919 года, совершенно не отразились на фронте нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии. Казаки оставались послушными и шли за своими офицерами.

В район Купянска, и неожиданно и приятно, пришло пополнение старшими офицерами во 2-й Хоперский полк — полковник Тарарыкин²⁴³, есаул Жуков и ротмистр Ольшанский²⁴⁴. Тарарыкин по назначению из войскового штаба, а Жуков и Ольшанский — старые хоперцы, после выздоровления от тяжелых ранений.

Тарарыкин — сын атамана станицы Келермесской Майкопского отдела. Молодым казаком, по призыву, поступил в свой 1-й Линейный полк до войны 1914 года. Прошел в нем курс учебной команды, потом поступил (переведен) в Конвой Его Величества. В 1915 году окончил Петергофскую школу прапорщиков, дальше попал в Партизанский отряд войскового старшины Бичерахова в Персии. После революционного развала Русской армии с Бичераховым отступил в Баку. И под Баку, и под Петровском в смешанном отряде генерала Бичерахова он командовал основным бичераховским отрядом, состоявшим из кубанских и терских казаков, против турок. За эти бои он был награжден офицерским крестом ордена Святого Георгия и Георгиевским оружием, имея чин есаула. После аннексии Закавказья англичанами весь бичераховский отряд был расформирован. Тарарыкин с сотней кубанских конных казаков из Батума морем до Новороссийска прибыл на Кубань летом 1919 года, где был встречен с почетом войсковым атаманом генералом Филимоновым и правительством и был произведен в полковники.

Этим же летом в Екатеринодаре я и познакомился с ним совершенно случайно. Он был станичником комендантского адъютанта Екатеринодара есаула П.В. Мальцева²⁴⁵, нашего юнкера Оренбургского училища, моего друга. Мне понравился Тарарыкин своей воинской вежливостью и отчетливостью. В коричневой «бикирке», при хорошем оружии, выше среднего роста, стройный блондин. Думаю, ему было тогда чуть свыше 30 лет. Как позна-

комились в Екатеринодаре, в городском саду, совершенно случайно, так и расстались незаметно после одного совместного веселья. И вот теперь он, в том же своем элегантном костюме, прибыл ко мне в подчинение и стал моим помощником по строевой части. Умно, корректно себя вел, как опытный военный и боевой офицер. Я был доволен им. К тому же с ним никогда не было скучно.

Есаул Жуков — коренной хоперец. Выше среднего роста, стройный брюнет. Серьезный, сдержанный. Интеллигентный. Я его по событиям не мог изучить как следует.

Ротмистр Ольшанский. Окончил эскадрон Николаевского кавалерийского училища в Петрограде и корнетом вышел в какой-то гусарский полк. В Гражданской войне скоро попал к Шкуро. Отличный офицер. Высокий, стройный, в своей длинной кавалерийской шинели. И так как он всегда носил казачью папаху хорошего каракуля, казаки называли его «господин есаул». Он искренне любил казаков и был уважаем ими. Казаков, как боевой элемент, он ставил выше своих бывших гусар.

Подпоручик Жагар заболел и выехал к себе в Ставрополь. Полковым адъютантом я назначил хорунжего Галкина. Жукова и Ольшанского — командирами сотен. От прибытия старших офицеров 2-й Хоперский полк как-то усилился и стал воински крепче. Сердце радовалось, и верилось, что наше отступление временное.

К этому времени мы узнали, что генерал Врангель был назначен командующим Добровольческой армией, вместо генерала Маймаевского. Мы «узнали», но приказы до нас не доходили.

Потом промелькнуло, что генерал Мамантов отрешен от командования своим знаменитым корпусом и вместо него командовать ударной конной группой назначен наш генерал Улагай. Последние два фактора не вменялись в наших головах и считались «неверными слухами». Но так как мы все время отступали, этому и не придали значения. Потом все старшие казачьи генералы как бы скрылись и нам приказано было войти в связь с генералом Фостиковым, который командовал какими-то частями, действовавшими восточней нашей дивизии. Посланный мною для связи с ним от 1-го Хоперского полка хорунжий Мельников²⁴⁶, прибыв, доложил, что в штабе 2-й Кубанской дивизии генерала Фостикова полный порядок. Это нас порадовало. Но мы все же отступали, как отступал и весь фронт...

Драма в нашей дивизии

В довольно спокойном состоянии дивизия дошла до уровня села Попасная, которое должен занимать своими частями генерал Фостиков.

Числа 11 или 12 декабря дивизия лавами заняла позиции западнее какого-то железнодорожного узла, который не был виден за перекастом. Позади полков пролегал железнодорожный путь.

Шел мокрый снег. По бурьянам, по непаханому полю печально стояли казаки в длинной одношереножной лаве, голодные мокли под незначительным обстрелом красных с севера, из таких же бурьянов. Сводно-Хоперский полк занимал правый фланг позиции, а Сводно-Партизанский полковника Соломахина — левый фланг.

Штаб дивизии находился чуть позади лав, на железнодорожном разъезде, в районе Партизанского полка. При штабе была и наша артиллерия — четыре орудия Терской казачьей батареи есаула Соколова. Там же и пулеметы штаба дивизии есаула Синельникова.

Перестрелка затянулась. Уже вечерело. Я хорошо вижу, как к казакам в тыл, параллельно лавам в направлении штаба дивизии, с узловой станции железной дороги, где должен находиться генерал Фостиков, из-за поворота и низины движется бронепоезд.

«Ну, слава Богу, это очень хорошо, что Фостиков шлет нам в помощь свой бронепоезд!» — думаю я.

Бронепоезд подходил очень тихо, и, так как он подходил к правому флангу, но в тыл моим хоперцам, я спокойно и радостно наблюдал за ним. Бронепоезд остановился и вдруг открыл по хоперцам пулеметный огонь. А потом шрапнелью хватил по штабу дивизии, расположенному, может быть, в версте от него, в здании железнодорожного разъезда. Одновременно спереди нас показались конные лавы красных и бросились в атаку. Казаки без команд, повернув лошадей кругом, бросились на юг, чтобы как можно скорее пересечь полотно железной дороги и скрыться от броневика. Я невольно вспомнил о своих пулеметах — как они смогут «взять» железнодорожное полотно с обоченными выемами земли и с насыпью полотна.

Самое опасное для конницы в бою — это упустить казаков от слов «команд», то есть «выпустить из рук».

Скачу впереди лавы своего Сводно-Хоперского полка и, вытянув правую руку по фронту, кричу-командую:

— НЕ ВЫСКАКИВАТЬ!.. НЕ ВЫСКАКИВАТЬ ВПЕРЕДИ ОФИЦЕРОВ!

Железнодорожное полотно пересечено. Вся масса конных казаков свыше 600 человек (два полка, батарея и пулеметные команды) наметом и с разных сторон устремляется к дороге, ведущей в какую-то узкую низину, преследуемые шрапнельным огнем красных. Широким наметом нас обгоняют трехпарные упряжки Терской батареи. Бугорчатая местность. Казаков полощет дождь и шрапнель...

На какой-то ухабине одно орудие перевернулось. Казаки быстро отцепили построжки, бросили орудие и понеслись дальше вниз. Другое орудие застряло в выбоине. Казаки бросили его. Нас обгоняет третье орудие. Оно, скользя по неровностям, беспомощно «танцует», готовое перевернуться при более крутом уклоне, и словно, наконец, «найдя его», красиво скользя направо, перевернулось на 180 градусов. Тяжелое тело (ствол) вдавилось в раскисшую от дождя глиняную почву, а колеса, освободившись, по инерции весело продолжали вертеться вокруг своих осей.

Все это было так неожиданно, быстро промелькнуло на моих глазах и показалось галлюцинацией... Но когда терские казаки, быстро соскочив с седел, отстегнули построжки и бегло поскакали вниз в свои «три уноса», все это оказалось действительностью...

Я вижу свои пулеметы, скользящие по неровностям и грязи на своих линейках, но, кажется, полного числа их недостает...

В низине наш путь преграждает какая-то степная, болотистая речонка, а за нею высокий крутой подъем. Но она не останавливает нас, так как красная конница с отвратительной матерной руганью следует за нами по пятам, а бронепоезд их шлет шрапнельный огонь.

Мы карабкаемся по скользкому бугру вверх и занимаем его. Там находим наш штаб дивизии. Красные остановились внизу, за речкой. Мы в безопасности.

Полки приведены в порядок. Но все мы мокрые от дождя до последней нитки своих одежды, грязные, на захлюстанных лошадях. Все это произошло так неожиданно. Мы еще не знали своих потерь, но среди полков печально и стыдливо стоят все четыре артиллерийских уноса Терской батареи есаула Соколова и... без орудий. Двенадцать пар мокрых артиллерийских лошадей, в упряжной сбруе, так захлюстаны грязью, как и ездовые казаки,

что сомнений в нашем несчастье не может быть. А их командир батареи, гордый есаул Соколов, был похож на «наседку», у которой хищный коршун только что похитил ее всех детенышей-цыплят. Он был спешенный и кого-то громко ругал.

Тут же я увидел начальника дивизионной пулеметной команды есаула Синельникова. Лицо его выражало растерянность, так как он потерял все свои пулеметы. Храбрый офицер из подхорунжих, георгиевский кавалер всех четырех степеней, авторитетный среди своих подчиненных, он имел большой недостаток — пристрастие к вину. И Георгиевский золотой крест 1-й степени, покоробленный пулей красных, попавшей ему в грудь, иногда спасал его (за его невоздержанность в поведении) в устранении от командования. Сейчас он был совершенно трезв, сидя в седле.

Лицо генерала Шифнер-Маркевича выражало удивление, которое как бы говорило-спрашивало: «Как это могло случиться?» Он был спешенный и делал быстрые распоряжения на случай появления красных.

Полковник Соламахин, сидя в седле перед своим полком, был спокоен и, взглянув на меня, чуть улыбнулся. Я понял это за вопрос — «как это случилось?» — и ответил ему издали жестом руки — «не знаю».

Потери в казаках были незначительны. Потеряны многие пулеметы с упряжками, а 2-й Хоперский полк потерял четыре пулемета, то есть половину имевшихся.

Убит был пулей наповал командир 1-го Партизанского полка храбрый капитан Химченко. Его полк, за малочисленностью состава, входил первым дивизионом в Сводно-Партизанский полк полковника Соламахина. Он был из иногородних Кубани, один из первых соратников Шкуро, серьезный, стойкий в боях офицер. Я его всегда видел в тужурке и в казачьей папахе хорошего курпья, которую он умело носил, чисто по-казачьи. Казаки ценили его.

Красные остановились. Подсчитав свои потери, дивизия спустилась вниз, прошла две версты и остановилась в небольшом селе. Так всем хотелось отдыхать, а главное — высушить одежду. Но здесь было получено запоздалое уведомление от генерала Фостикова, что он отошел на железнодорожную станцию Алмазная. Наша дивизия оставалась далеко на север от своих войск, почему Шифнер-Маркевич решил отойти к общей линии фронта, в село Липо-

вое. До него было восемнадцать верст. Уже вечерело. Казаки голодны, мокры. Кони также. Тронулись. Шли медленно, шагом. Наш отход казался нескончаемым. В полной темноте вошли в село. Штабу полка был отведен хозяйственный дом небогатого крестьянина. Мы были уже на Украине.

Наши полковые три сестры милосердия, уставшие и промокшие, войдя в хату, немедленно же бросились к горячей русской печке, чтобы отогреться и обсушиться. Подаю им я и свою мокрую черкеску, чтобы подсушить ее, как хозяйка, сгорбленная от работы женщина лет пятидесяти, очень ласково и участливо говорит нашим сестрам и мне:

— Лизтэ на пичь... там будэ добре... учора одын охвыццер грився там з одною мылостывою сэстрою. Лизтэ и Вы, паночки.

Нам от этого предложения всем становится весело. Весело и оттого, что вместо слов «сестра милосердия» она говорит «мылостыва»; и что офицер «грився» с нею на печи.

Но милая наша хозяйшкa совсем не понимает — почему мы смущены и смеемся? И она наставительно продолжает уговаривать словами:

— Лизто вси... миста там богато.

Отогрелись, обсушились, накормились и переночевали. Наутро новое отступление. После горячего и вкусного завтрака в гостеприимном крестьянском доме мы расплатились и стали прощаться, сказав, что мы отходим дальше на юг. У хозяйшки от удивления перекосилось лицо. С выпученными от страха глазами она спрашивает меня:

— Та хйба ж Вы зовсим бросаетэ нас?

И когда я ответил ей утвердительно, она в ужасе подняла руки вверх и голосом, полным ужаса, воскликнула:

— Царь Мыкола!.. да дэ-ж Ты йе?.. — и заголосила.

Трагедия дроздовцев

Сводно-Хоперский полк был послан в Дебальцево. Его путь идет на запад. На узловой станции видим большое скопление железнодорожных поездов с разным имуществом «цветных дивизий» 1-го Армейского пехотного корпуса генерала Кутепова. Тут же множество саней, двуколок и разных подвод. Среди всего

этого скопления перевязочных средств много солдат, десятки сестер милосердия в беленьких косынках. Нас удивило, что среди всей этой массы людей было около восьмидесяти молодых офицеров, в чистых шинелях защитного цвета и в ярко-малиновых фуражках. По цвету фуражек мы заключили, что все эти составы принадлежат Дроздовской дивизии. Они не двигались, а стояли, видимо ожидая какого-то распоряжения.

Красная конница все время нас «обходила», то есть старалась отрезать нам пути отступления. И я невольно подумал — ведь она, конница Буденного, может наскочить на эту безоружную толпу людей в таких ярких военных отличиях, как белые косынки сестер милосердия и ярко-малиновые фуражки дроздовцев, и тогда — что будет?!

Были ли это больные офицеры, или шло пополнение в полки — не знаю, но все офицеры были очень молоды летами и одеты чисто, по-тыловому, нарядно — в новых шинелях, фуражках и в невыцветших малиновых погонах.

Прошел час-другой после этого, как в полк пришло сообщение, что конница красных налетела на них, и все полонило...

По пути к Дебальцеву на какой-то железнодорожной станции встретил штаб генерала Тимановского²⁴⁷. Богатырского сложения высокий блондин. При нем несколько офицеров. Настроение их бодрое. Мне это приятно было слышать. Приятно было и видеть, как этот крупного роста генерал, достаточно молодой, дружески обращается со своими подчиненными офицерами и после короткой закуски, опираясь на свой «посох-полено», пешком выступил куда-то на юг.

Кто участвовал при отступлении в боях, тот хорошо знает психологию, что гораздо безопаснее быть на фронте в строю, чем в обозе. И при многих фронтовых неприятностях в полках нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии, моральное состояние казаков было достаточно стойким.

Под Дебальцевом

Генерал Шифнер-Маркевич куда-то временно отлучился. За него остался начальник штаба дивизии, Генерального штаба полковник Соколовский. Жидкими лавами он держит дивизию на позиции се-

вернее железнодорожного полотна Луганск—Дебальцево, верстах в пяти восточнее последнего.

Наступили вновь холода. Было очень снежно. Стояли настоящие декабрьские морозы. Дивизия мерзнет в снегу. Уже вечерело. Мелкая снежная завируха, называемая «крупой», назойливо била казкам в лицо. Противника мы не видели, ощущая лишь полет его пуль над головами. Почему мы стоим? — нам не было известно. В редких лавах мрачно сидел на коне и наш начальник дивизии полковник Соколовский, закутанный по глаза башлыком.

— Почему мы стоим?.. Чего мы ждем? — подъехав к нему, спросили мы с Соламахиным — командиры полков.

— Приказано... — единственным словом удостоил нас ответом наш мрачный временный начальник.

И мы, не смея нарушать «боевого приказа», отъехали к своим частям.

И вот в этот печальный, скучный, нудный морозный день со снежной завирухой «крупой», клонящийся к вечеру, когда, казалось, наша дивизия, не более 500 коней, была забыта всеми, на крупной рыси подошел вновь тот же хорунжий Мельников от моего Сводно-Хоперского полка, державший живую связь с генералом Фостиковым. Со станции Чернухина он передал словесный приказ Фостикова: «Дивизии немедленно отходить через Дебальцево, на Ольховатку. Дебальцево защищаться не будет. Его надо пройти как можно скорее, чтобы избежать могущего обстрела со стороны рабочих».

Мне и Соламахину хорунжий Мельников восторженно отзывался о Фостикове как о распорядительном и энергичном молодом генерале:

— Сам лично, везде!.. Сам распоряжается! И все быстро, энергично! У него полный порядок! — поясняет он.

Полковник Соламахин доволен этим отзывом о своем друге, генерале Фостикове, и говорит мне:

— Наконец-то Мише пришлось водить дивизии на местности... а то мы с ним в Петрограде, в академии Генерального штаба, водили даже корпуса... но только по картам.

Дебальцево злоежело светило бесчисленными огнями своих бесчисленных железнодорожных построек. Мы в него не зашли и пересекли многочисленные пути, раскинутые как паутина восточнее города. Два или три наших бронепоезда Добровольческой ар-

мии, как загнанные звери, фланировали на этих путях, охраняя порядок.

Я смотрел на их грозный вид в ночи, пышущий паром и лязгом колес, с суровым дыханием их паровозов, и думал: «Как они не заблудятся в этой паутине рельс?» И от их грозного вида на сердце стало приятно. Мы еще сильны — думалось тогда.

Поздно ночью дивизия прибыла в Ольховатку. Это было 16 декабря. На этом пути мы вновь столкнулись со многими пехотными частями, отступавшими, как и мы, на юг. Бесчисленные обозы двигались безостановочно. Под Ольховаткой встретили нашу 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду генерала Геймана²⁴⁸.

Наутро следующего дня она стояла густой массой своих казаков где-то вдали. Проезжая — вижу пост казаков, состоявший из так хорошо знакомых мне людей по 1-му Кавказскому полку. Они казаки станицы Новолокинской. Все крупные, сильные. Все сверстники мне годами, прихода в полк в январе 1914 года. Такая приятная встреча «в чужом краю»... Среди них, старшим, казак Птухин. Все они были в 6-й сотне есаула Н.А. Флейшера²⁴⁹ 1914—1916 годов. Потом сотней командовал есаул И.Т. Бабаев²⁵⁰, после наш сверстник подьесаул А.С. Некрасов²⁵¹. С этими казаками пробыв в родном полку всю Великую войну. В Турции тогда много невзгод было испытано. Теперь уже конец Гражданской войны, и я вижу их все теми же «рядовыми казаками»... то есть никто из них не имеет звания, даже приказного. Это за две-то войны! Такая скромность казаков, как и... какое невнимание начальников?!

Я им об этом ничего не сказал, а только спросил:

— Не страшно быть в пластунах?

Мне всегда казалось, что в пешем строю вести бой опасно. Как бы беспомощно. То ли дело конная атака! Или конные маневры — обход ли противника или даже отход, отступление. Все можно и нужно делать быстро, сноровисто. А в пешем строю — одна медлительность, пассивность и даже опасность при отступлении. Так думал всегда конник.

— Никак нет, господин полковник! — вдруг дружески, с улыбкой отвечают они, мои родные кавказцы-сверстники. — И не страшно и спокойней даже... и меньше забот без коня, — добавляют они, рядовые казаки, участники двух долгих войн и... ничем не награжденные.

Приказ генерала Улагая

Дивизия отошла на станцию Иловайская. Вернулся генерал Шифнер-Маркевич. Здесь им получен следующий приказ от генерала Улагая:

«Всю 1-ю Кавказскую казачью дивизию свести в один полк и оставить на фронте под командой одного из командиров полков. От всех четырех полков выделить кадры и с ними двигаться на станцию Матвеев Курган, в мое распоряжение, для формирования Кубанской Армии».

Это распоряжение для нас было полной неожиданностью. Кроме того, нам казалось, что к нам должны влиться сформированные на Кубани казаки, но не мы, оставив фронт, идти в тыл, на странное, и так запоздалое, формирование Кубанской армии.

Мне лично тогда показалось, что это уже неосуществимо. Но высказывать свои мысли никто не стал, когда нас, Соламахина и меня, единственных командиров полков, оставшихся в живых, вызвал к себе генерал Шифнер-Маркевич и прочитал этот странный, на мой взгляд, приказ генерала Улагая. Молчал и Соламахин, как и Шифнер-Маркевич.

— Кто из вас, господа, хочет остаться на фронте? — нарушив молчание, спросил генерал.

— Как младший в чине, как молодой шкуринец — на фронте должен остаться я, — отвечаю генералу.

— Нет, не так!.. Как младший в чине и как молодой шкуринец — полковник Елисеев должен вести кадры дивизии, а я, как старший в чине и как старый шкуринец — я, полковник Соламахин, должен остаться на фронте, — ответил мой старый друг.

Генерал Шифнер-Маркевич, умный и деликатный начальник, благородный и все ясно понимающий, он выслушал нас стоя, глядя на телеграмму Улагая, лежавшую перед ним на столике. И потом, подняв глаза на нас, ясно произнес:

— Миша, ты прав. Как старший в чине, ты должен остаться на фронте, а полковник Елисеев поведет кадры дивизии.

Мы оба взяли руки под козырек, поняв это как точное его приказание.

В телеграмме генерала Улагая сказано было: «Выделить 150 казаков на лучших лошадях и оставить их на фронте», что и было выполнено. Получилась сильная сотня. От своего 2-го Хоперского

полка я назначил в нее младшим офицером есаула Жукова, недавно вернувшегося в полк. Оставил и все полковые наличные пулеметы, числом четыре, под командой сотника Дубкова.

В противовес тому, что написано потом за границей генералом Врангелем по донесениям старших его генералов-конников, что «конский состав в частях совершенно пришел в упадок», и другие невзгоды, в нашей дивизии этого не было. Конский состав дивизии, конечно, не был блестящий, но он оставался до конца хорош. Мы отступали уже по Украине, и фуража было вполне достаточно. Вот почему «выделенная сотня казаков» от 1-й Кавказской дивизии была сильна.

Что было занимательно, так это то, что казаки по с л у ш н о оставались на фронте, а нам уход в тыл казался и странным, и несвоевременным. Мы еще наивно верили, что это есть наш временный неуспех...

Умный, скромный и молодецкий полковник Соламахин, не желая самообольщаться, назвал выделенных казаков с пулеметами не «полком», а «Отдельной сотней» и себя — только командиром сотни.

Генерал Шифнер-Маркевич отдал по дивизии соответствующий приказ, что «полковнику Соламахину оставаться на фронте с Отдельной сотней, войдя в подчинение генералу Фостикову, а полковник Елисеев назначается начальником кадров 1-й Кавказской казачьей дивизии, которому следовать на станцию Матвеев Курган, в распоряжение генерала Улагая».

В тот же день он со своим начальником штаба дивизии полковником Соколовским выехал поездом в Екатеринодар.

«Передайте войсковому атаману и всему Кубанскому войску, что если мы не вернемся назад, то это значит, что все мы погибли за славу и честь Кубани... А если судьбе будет угодно сохранить нашу жизнь — то сотня отойдет в Крым». Так сказал перед строем нам, уходящим в тыл, растроганный и откровенный, как и доблестный в боях, полковник Соламахин.

Распрощавшись с остающимися на фронте, во главе группы в 250 казаков двинулся к Матвееву Кургану. С нами шел и начальник всей артиллерии корпуса генерала Шкуро, полковник Сейделер²⁵², личный друг и старый соратник и Шкуро, и Шифнер-Маркевича. Он уроженец Тифлиса из военной среды, всегда в черкеске и милейший человек в жизни.

На Матвеев Курган прибыли с вечерними сумерками. Здесь происходила полная неразбериха. Везде стояли интендантские поезда и другие составы. Много было воинских обозов. При нас и воинскими чинами, и жителями расхищались казенные склады. Жители тащили главным образом сахарный песок в мешках. Никто им уже не препятствовал. Анархия была на полном ходу. Здесь мы не застали генерала Улагая.

Через коменданта станции от него получено распоряжение — двигаться на Ростов.

Мы идем на Кубань...

Переночевав, остатки дивизии двинулись на Ростов. Странно было то, что ни у кого не было радости, что мы идем в тыл. Что-то подсказывало каждому из нас ненормальность положения и распоряжений высшего командования. Но мы идем туда, куда нам приказано.

Здесь стоял уже глубокий снег... Дорога от прохода многих обозов была растолчена. Двигаться верхами было тяжело. Приспособив в упряжь для санок некоторых лошадей, привязав в седлах остальных, рысью, на полозьях, двинулись к Ростову, до которого, по птичьему полету, было шестьдесят верст.

Мы едем словно по снежной Сахаре. Если дорога была заполнена всевозможными обозами, то от дороги, сколько хватал глаз, было сплошное чистое снеговое поле.

Мы оторвались от боевой действительности и двигаемся по абсолютно мирному пространству.

Следующий ночлег был в Эривани (армянском). Чтобы войти в Ростов настоящей воинской частью, все сели вновь в седла.

Проехали несколько верст, как нагнали какую-то довольно компактную колонну саней и подвод, числом 20—25, с которой идет до одной сотни конных казаков. Впереди нее кавалерийский штандарт в кожаном чехле.

— Какого полка? — спрашиваю последние сани.

— 2-го Хоперского... — отвечает казак.

Вдруг колонна вся останавливается и ко мне спешно подходит пожилой полковник, лет пятидесяти, в шубе-черкеске и в погонах. Взяв под козырек, рапортует:

— Господин полковник!.. Полковник Якушев, с обозом 2-го разряда вверенного Вам полка, представляюсь.

Иронию с этим нашим полковым обозом трудно было и представить. Надо было нам беспрерывно отступать от Воронежа, чтобы ровно через два с половиной месяца, 22 декабря, и уже под Ростовом, нагнать его и воочию убедиться, что «он существует в действительности»... Но от которого полк на фронте абсолютно никакой продуктовой и фуражной помощи не получал.

С ним, с обозом 2-го разряда, и полковой георгиевский штандарт, который я вижу также впервые.

— СТОЙ!.. СТОЙ!.. — командуя я всей этой растянувшейся колонне конных казаков, саней и подвод, словно уставший заблудившийся странник в пути, найдя наконец что-то радостное, давно искомое, ключ своего путешествия, цель его.

Полковник Якушев старается активно распоряжаться для встречи своего командира полка, но я его останавливаю и хочу посмотреть «его отряд» в том виде, в котором застал.

У него полный порядок. И люди, и лошади совершенно не заморены. Полковой штандарт с положенным взводом казаков в надлежащем боевом порядке. Этот взвод, конечно, был все время при обозе. Лошади у них просто жирные. У казаков свежие лица. Все отлично, по-зимнему, одеты. В полном положенном вооружении. Но я заметил смущение на их лицах. Полк ведь сражался, совершил тяжелый путь отступления с боями, а они, штандартный взвод, жил, отдыхал и неплохо кормился в тылу.

— Как же Вы шли от Воронежа? Чем ориентировались?.. И знали ли, что фронт наш отходит? — спрашиваю я ласково полковника Якушева, летами годного мне в отцы.

— Да так... слухами и чутьем. Так и шли постепенно на юг. А вчера узнали, что и Вы нас нагоняете. Ну и обрадовались, — как-то смущенно докладывает он.

Выспрашивать долго не приходилось. Я немедленно же сгруппировал вокруг полкового штандарта абсолютно всех конных казаков, находившихся и при обозе, распределил офицеров. Получилась конная группа человек в 300. По временам это был уже настоящий боевой полк.

На душе у меня было очень тепло, когда я сгруппировал казаков вокруг полкового штандарта. Здесь в буквальном смысле слова со мной был весь наш 2-й Хоперский полк: со своим штандартом,

с обоими моими помощниками — полковниками Тарарыкиным и Якушевым, все командиры сотен и отличный полковой адъютант хорунжий Шура Галкин. И при нас — 300 конных казаков. Это ведь тогда — с и л а была!

Я тогда совершенно не думал, что мы отойдем на формирование Кубанской армии в свой Батаалпашинский отдел. Всем нам думалось, что где-то возле Ростова дивизия будет остановлена и возродится в своей боевой силе.

Всем нам думалось, что мы никогда не оставим Новочеркасск и Ростов. И здесь дадим достойный отпор красным.

Ведь говорилось и писалось в газетах, что под Ростовом укреплены неприступные позиции и будет дан решительный бой. Вот почему, приближаясь к городу, мы, Тарарыкин и Галкин, шли в седлах рядом, внимательно вглядываясь во все стороны, пытаюсь найти эти «неприступные позиции».

— Да где же они, господин полковник? — как бы с упреком громко спрашивает меня умный, но порою резкий полковой адъютант хорунжий Галкин.

— Подождите, Шура, возможно, под самым городом, — отвечаю ему, удивляясь в душе сам, что не вижу ожидаемых укреплений.

Вот уже, кажется, и сам Ростов... Хорошо укатанное шоссе явно указывает на начало города. Но и здесь никаких — ни войск, ни позиций...

Конная группа казаков в 300 человек с несколькими дюжинами саней и подвод полным строевым порядком идет по этому укатанному шоссе. Идет, идет и... уже входит в город. И нигде не видит ни одного окопа, укрепленного пункта или проволочных заграждений... Огорченные, обманутые, все мы трое крепко выругались. Мы были просто оскорблены в своей верности боевому фронту.

Генерал Врангель в своем капитальном труде пишет: «Укрепленная позиция эта существовала лишь на бумаге; значение ее было чисто «психологическое», как выразился Главнокомандующий генерал Деникин»²⁵³.

На ночлег остатки дивизии расположились в городе. От коменданта города получили распоряжение генерала Улагая — двигаться в станицу Куцевскую, где ждать нового распоряжения.

Для познания психологического состояния Ростова с Тарарыкиным и Галкиным прошли на Садовую улицу — главную магист-

раль города. Кругом пустынно от жителей, и лишь без конца движутся по ней разные обозы. Тоска и грусть кругом...

— Господа офицеры!.. Хотите с барышнями переночевать?.. Очень миленькие они! — говорит какая-то старушка, неожиданно появившаяся из-за угла.

У меня мысли были так далеки «от разных, даже миленьких барышень», что я вначале не все понял.

— Да вы не бойтесь!.. Я вас сама к ним проведу!.. Я от них послана! — ласково заглядывая нам в глаза при свете углового фонаря на улице, говорит она.

— От кого — от них? — переспрашиваю, еще не все понимая.

— Да от барышень, господин офицер!.. Ведь и им тоже надо зарабатывать!.. Вот я и выхожу на улицу... — спокойно и деловито продолжает эта сухенькая маленькая старушка.

Мне стало жаль эту старушку, как и «ее девочек». Тыл, отвратительный тыл дохнул на меня всем своим страшным гнилым дыханием. Мы думаем «об укрепленной позиции под Ростовом» и «о завтрашнем дне», а обывательница тянет тебя «к барышням», которые «вон как хотят зарабатывать деньги на хлеб насущный»?!

— Иди, бабушка, домой... нам некогда, — грустно отвечаю ей.

В Батайске

Наутро 22 или 23 декабря кадры дивизии проходили через Тихий православный Дон-Иванович и окунулись в буквальную клоаку. Масса подвод, саней, экипажей, отдельных воинских чинов и групп, пеших и конных, шли-тянулись через мост. К югу от него чернела широчайшая буро-серая низина левого берега Дона, по которой, по всем ее дорогам, тянулись бесконечные вереницы живых существ, а кого и сколько — трудно было определить.

На левой стороне Дона снега было очень мало. Дорога разбита и вязка. Колонны подвод и саней застопориваются. Слышны везде крик и ругань. Много беженцев. «Куда они бегут? и на какое время?» — думал я.

Свернув с дороги, еще не по растолоченному полю наша колонна шла на юг, в Батайск.

Странно показалось, что навстречу нам шли кубанские конные части. Я явно вижу 1-й Екатеринодарский полк. Это были, как ока-

залось, части нашей 1-й Конной дивизии — резерв главнокомандующего. И мне показалось совершенно не нужным и излишним их движение «на фронт», так как чувствовалось, что никакого отпора красным дать уже невозможно.

Мы в Батайске. На вокзале я вижу терских пластунов. Это Терская пластунская бригада, идущая также на фронт. Казаки быстро высыпали из вагонов и беспричинно, праздно шатаясь, заполнили весь перрон вокзала.

Не люблю я воинских чинов, праздно болтающихся массой в общественных местах. В массе они бывают распушены, непочтительны и готовы к разному озорству. Так оно и оказалось.

Какой-то сотне не понравился обед. Казаки окружили войскового старшину Цугулиева и резко выразили ему свое неудовольствие.

— А еще на фронт нас ведете!.. А чем кормите? — зло говорит кто-то из задних рядов заведующему хозяйством Цугулиеву.

Я стою рядом с ним, и у меня по спине поползли мурашки. На фронте, на боевом фронте, таких выступлений быть не может.

Цугулиев не растерялся, доказывает им что-то и приказывает разойтись. Но это их только обозляет, они непозволительно смеются над гордым и, вижу, умным офицером-горцем. «Развал... полный развал армии», — думаю я.

«26 декабря конница Буденного почти уничтожила Терскую пластунскую бригаду, поставленную в центре Добровольцев, и опрокинула конницу Топоркова»²⁵⁴, — пишет генерал Деникин о своем резерве. Так погибла эта Терская пластунская бригада.

На второй день, направляясь в Кушевку, на станции Батайск вижу поезд командующего Донской армией. Спешив свои кадры дивизии, прошел к поезду, чтобы узнать «положение на фронте».

Все вагоны поезда окрашены в мягкий защитный цвет, с эмблемами цветов флага Донского войска — сине-желто-красного, приятно ласкающего глаз.

— Вам что надо, полковник? — встречает меня удивленно молодой стройный войсковой старшина в гимнастерке и шароварах с лампасами.

— Я хочу знать — где проходит фронт? — отвечаю ему.

— А Вы кто таков?.. И почему Вас интересует линия фронта? — спрашивает он, печальными глазами пытливо и подозрительно осматривая меня с ног до головы.

Я назвал себя. Ему от этого стало еще печальнее, именно — печальнее. И он с упреком сказал, что «вот, кубанцы бросили фронт... его держит только Донская армия... а Вы, вместо того чтобы помочь ей, зашли только спросить, «где тянется фронт».

Мне бесконечно было жаль этого воспитанного и, вижу, благородного донского офицера. Но я же не мог ему рассказать весь путь нашего отступления от Воронежа и почему я сейчас именно здесь! Вкратце все же сказал, откуда мы идем.

Он посмотрел на мою черкеску в серебряных погонах и при добротном кавказском оружии в отделке серебром — недоверчиво произнес:

— Вид у Вас хороший, но я боюсь Вам верить...

От этих слов мне еще больше стало жаль его, видимо, большого донского казака-патриота. И не стал ему говорить, что обе войны проведены мной в таком кавказском мундире и оружии.

Мы холодно распрощались. Думаю, это был войсковой старшина Добрынин, начальник оперативного отдела Донской армии, за границей выпустивший очень содержательную книгу о напряжении Донского войска в Гражданской войне. Он давно умер.

И вышел я из штаба Донской армии расстроенным и оскорбленным и за родное войско, и за себя лично, что мы, кубанские полки, якобы бросили фронт.

В том печальном состоянии, в котором находился этот очень приятный воспитанный молодой штаб-офицер, он был вправе высказывать все свои обидные предположения о кубанских полках, не зная сущности. И это нисколько не относилось к нашей дивизии и ко мне лично. Место и горькое время не давали мне возможности подробно осветить ему, откуда мы появились здесь.

Совершенно незаслуженный упрек кубанским казакам делает и генерал Деникин в своем труде. Вот его строки: «Дезертирство кубанцев приняло массовый характер. Вместо того чтобы попытаться собрать части где-нибудь в армейском тылу — генерал Врангель отдал самовольно приказ об отходе «кадров» Кубанских дивизий на Кубань для формирования; и эта мера вызвала новые тяжелые осложнения. Уклонявшиеся от боя казаки и дезертиры, которых раньше все-таки смущала совесть и некоторый страх — перешли на легальное положение. Их оказалось много, очень много: за Дон, домой потекли довольно внушительного состава полки на хороших конях, вызывая недоумение и озлобление в донцах, в подходящих

подкреплениях и соблазн в Кубанских дивизиях, еще оставшихся на фронте. Дома они окончательно разложились»²⁵⁵.

Не входя в общую оценку этих строк, предполагаю, что генерал Деникин видел именно кадры нашей 1-й Кавказской дивизии по оставлении Ростова, так как в Батайске к нам присоединились и еще несколько десятков казаков дивизии, отошедших сюда, как отходили все. И эта конная масса до 400 конных казаков, со штандартом 2-го Хоперского полка во главе, действительно, на достаточно хороших лошадях, всякому казалась «сильным полком». Но никто из посторонних не знал, что это есть только остатки бывлой храброй и безумно лихой дивизии полковника Андрея Григорьевича Шкуро, его первое героическое детище с лета 1918 года, вихрем побед пронесшаяся по всей Украине далеко на запад за Днепр, потом переброшенная на главный фронт московский и с налета захватившая Воронеж! Кому все это надо было рассказать? И рассказать, что после всего этого дивизия была истощена и только по приказу командующего Добровольческой армией генерала Врангеля идет на Кубань для формирования Кубанской армии.

Несправедливость этих строк печалит душу до сих пор.

Прерывая на время свой отход, на упреки генерала Деникина «в дезертирстве» кубанских казаков, а значит, и офицеров, которых в полках, на фронте, было также очень мало, повторю его описание «о тыле Армии».

«Развал так называемого «тыла» — понятие, обнимающее, в сущности, народ, общество, все невоющее население, — становился поистине грозным.

Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось очень слабо. В частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше «зеленых» — в пиджаках и френчах — наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Изворотливость, беспринципность, легкое покровительственное отношение общественности к уклоняющимся, кумовство служили им надежным щитом. Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий — кооператора, социал-демократа, офицера, даму общества, художника и лидера политической организации. Казнокрадство,

хищения, взяточничество стали явлением обычным; целые корпорации страдали этим недугом.

Традиция беззакония пронизывала народную жизнь, вызывая появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких. В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось и офицерство, приезжающее с фронта.

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой»²⁵⁶.

После такой аттестации тыла армии самим главнокомандующим упрек им в дезертирстве кубанских казаков, своими конными корпусами входивших с жестокими боями даже в Саратовскую губернию, взявшими Воронеж, есть не основательный, как и оскорбительный. В разгулах, в казнокрадстве, в спекуляции фронтное кубанское казачество, до своих кубанских генералов, безусловно не участвовало.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

Соотношение сил — добровольческих и казачьих

Отойдя до Ростова к концу декабря 1919 года, вернемся назад и посмотрим, каковы были силы Добровольческой и Казачьих армий к моменту кульминационных успехов их. Чтобы не впадать в ошибки и быть беспристрастными, сведения эти мы почерпнем из капитального труда главнокомандующего генерала Деникина «Очерки Русской Смуты».

«Состав Вооруженных Сил Юга России, с мая по октябрь 1919 года, возрастал последовательно от 64-х до 150-ти тысяч. Таков был результат нашего широкого наступления.

Из этого состава около 20-ти тысяч оставались на Черноморском побережье против Грузии и в Терско-Дагестанской области против горцев, Азербайджана и Астрахани»²⁵⁷.

«Вооруженные силы располагались, — пишет генерал Деникин, — ВОЙСКА КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (генерал Драгомиров²⁵⁸) — 9 тысяч, впереди Киева и по р. Десне у Чернигова включительно. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ (генерал Май-Маевский) — 20 с половиной тысяч, от Чернигова к Орлу и до Дона (у г. Задонска).

ДОНСКАЯ АРМИЯ (генерал Сидорин) — 50 тысяч, от Задонска, до устья р. Иловли.

КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ (генерал барон Врангель) — 14 с половиной тысяч — в районе Царицына, имея часть сил против Астрахани, на обоих берегах Волги.

ОТРЯД из состава войск Северного Кавказа (генерал Драценко²⁵⁹) — 3—5 тысяч против Астрахани с юга и юго-запада²⁶⁰.

«Всего на противобольшевистском фронте Киев—Орел—Воронеж—Царицын—Астрахань мы имели 98 тысяч против 140—160 тысяч большевиков»²⁶¹, — заключает генерал Деникин.

Из этих цифровых данных видим, что Донское войско выставило на фронт чуть больше половины бойцов всего Юга России.

Кавказская армия, по существу чисто КУБАНСКАЯ, которую составляли три Кубанских конных корпуса, две Кубанские пластунские бригады, 2-я Терская казачья дивизия и некоторые конные полки горцев Северного Кавказа, оказалась малочисленной.

В «Кубанском календаре», изданном в Белграде штабом войска, сказано: «Как выяснилось по подсчету в 1919 году, Добровольческая армия на 85 процентов состояла из кубанцев, численность которых временами доходила до 110 тысяч бойцов»²⁶².

«В Гражданскую войну, к концу 1919 года, под ружьем было около 110 тысяч кубанцев», — повторил генерал В.Г. Науменко в карте Кубанского края, изданной в 1961 году в Америке.

Указав столь внушительную силу Кубанского войска «под ружьем» в 1919 году, оба издателя не отметили, где же находилась столь значительная сила войска?

Конечно, в эту цифру входили все тыловые части, учреждения и управление войском, но все же на фронте, по книге-сводке генерала Деникина, кубанцев было только 14 тысяч, составлявших Кавказскую армию.

Придем к ним на помощь:

а) с весны 1919 года и до конца его 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро все время находилась в составе Добровольческой армии генерала Май-Маевского. Дивизию составляли четыре полка кубанцев;

б) с лета того же года и до конца в Добровольческую армию входила 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Геймана и 1-й Кубанский стрелковый полк полковника Туненберга²⁶³;

в) в Заднепровье находились 2-й Таманский и 2-й Лабинский полки Кубанского войска, потом ушедшие в Польшу с отрядом генерала Бредова²⁶⁴;

г) 3-й Запорожский и 3-й Уманский полки находились на Черноморском побережье против «зеленых» в районе Туапсе;

д) 3-й Кавказский и 3-й Черноморский полки находились в северо-западной части Ставропольской губернии как полицейская сила.

О строевых частях Терского казачьего войска у генерала Деникина в книге почти ничего не сказано.

¹Наверстаем этот пробел и по эмигрантской печати, и по вопросам участников, офицеров Терского войска:

а) 1-я Терская казачья дивизия действовала на Украине и потом, с 1-й Кавказской казачьей дивизией (Кубанской), составила 3-й Конный корпус генерала Шкуро, который входил в состав Добровольческой армии;

б) на Украине действовала 2-я Терская пластунская бригада, входившая также в состав Добровольческой армии. Потом она отошла в Польшу с генералом Бредовым;

в) 2-я Терская казачья дивизия входила в состав Кавказской армии;

г) на Тереке оставались 3-я и 4-я Терские казачьи дивизии, которые действовали на Астраханском направлении и против горцев;

д) на Тереке находилась и еще одна Терская пластунская бригада.

Строевые части Терского войска были широко разбросаны главным командованием на четыре фронта, разорвались между собой и не представляли компактной войсковой силы.

В подробностях об этом хотелось бы прочитать написанное терскими военачальниками и участниками.

«В начале октября 1919 года Вооруженные Силы Юга России занимали фронт параллельно нижнему плесу Волги до Царицына и далее по линии, примерно, Воронеж—Орел—Чернигов—Киев—Одесса. Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район, заключавший 16—18 губерний и областей, пространством в 810 тысяч квадратных верст, с населением в 42 миллиона жителей»²⁶⁵, — пишет генерал Деникин.

Если взять фронтовую силу, которую выставили Донское, Кубанское и Терское казачьи войска, то их окажется не менее 75 процентов всех сил армий Юга России, то есть «белых войска».

И эту массу войск, главным образом конницу, выставили только три области, пусть только из 16 губерний южной России, самой богатой и многонаселенной. И на 42 миллиона населения казаков было около 4 миллионов.

И эти области были к а з а ч ь и. И ореолом славы и напряжения было войско Донское, сумевшее создать свою Донскую казачью армию и два года держать главный фронт, на который, как выразился в печати выдающийся войсковой атаман Всевеликого войска Донского, генерал Петр Николаевич Краснов²⁶⁶, «вся красная Русь идет на Дон».

И Донское войско отразило натиск красных армий. И недаром в их войсковом гимне поется:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон...

И заканчивается такими горделиво-призывными строками:

Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины,
В час невзгоды — честь свободы —
Отстоят твои сыны.

Генерал Деникин пишет: «На главном театре — по Дону и Салу — к началу января 1920 года было сосредоточено 54 тысячи бойцов и 289 орудий. Из них:

- Донская армия — 37 тысяч,
- Добровольческий корпус — 10 тысяч,
- Кавказская армия — 7 тысяч»²⁶⁷.

Из этих цифр видно, что Донская армия уменьшилась только на одну четверть своего состава, Добровольческая и Кавказская армии уменьшились ровно наполовину. К сему надо пояснить, что, по сводке Донской армии, в Добровольческий корпус генерала Кутепова входил Сводный Кубано-Терский корпус генерала Топоркова в 1580 шашек при 16 орудиях и 96 пулеметах, «выделенный из состава Кавказской армии в резерв Главнокомандующего»²⁶⁸, как пишет сам генерал Деникин.

К этому времени малочисленные 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко и наша 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича были уже на Кубани для усиления своих рядов и в сводку фронтовых частей не входили.

Не имея своей Кубанской армии, наше войско было разбросано своими дивизиями и полками, как и Терское войско, по разным фронтам.

Отход дивизии по Кубани

Дивизия в станице Кушевской. Она переполнена тыловыми войсками, обозами, бесчисленными беженцами. Невообразимая грязь кубанского чернозема на улицах. Она буквально по колена лошади. Станица большая и богатая.

С учения возвращаются казаки-малолетки. Их свыше полусотни. Под ними молодые, хорошо упитанные и отлично вычищенные строевые кони. Они просят повода. Против наших казаков «от Воронежа» эти казачата-малолетки выглядят просто мальчиками. Милые безусые лица, еще не видавшие горя и порохового запаха боя. Мне их стало жаль, севших в седла, в казачий строй в такую лихую годину. Но они были бодрые и веселые, не зная, что их ждет «завтра».

Переночевали. Дивизии приказано перейти в станицу Шкуринскую. Идем. Кругом равнинное снежное поле. Тишина.

Вошли в станицу. Разведя полки по квартирам, спешу в свой штаб полка. Широкий двор. В нем амбар, сараи, базы для скота. Большой дом. Двор зажиточный, но «по-степному», то есть примитивно все в нем.

Въехав во двор, слез с седла. И вдруг ординарцы доложили, что сена и зерна для лошадей хозяин не дает даже и за плату, не говоря уже о пище для казаков. Это меня больше чем возмутило.

— Ты кто таков? — спрашиваю молодого хозяина, вызванного мною.

— Хозяин... а што? — отвечает он мне по-мужицки.

— Сколько тебе лет? — желая узнать его возраст.

— А зачем Вам?.. ну, двадцать четыре, а што? — немного смущенно отвечает он, видя мой строгий вид и какую-то подозрительность в моих вопросах.

— Так, значит, ты казак 1-го Запорожского полка?.. почему же ты не в полку?.. почему ты не на фронте, когда твой год призван?.. Ты, значит, дезертир? — закончил я свою тираду грозных слов.

Он сразу же «все понял», потупив глаза вниз. В это время подошел его старший брат, казак лет тридцати пяти. Отец у них умер, и он в хозяйстве «за отца». Это был крупный белолицый мужчина с рыжей бородкой, подстриженной «лопаточкой». Безусловно, он был служивый, возможно, что не только урядник, но урядник Конвоя Его Величества, так как говорил чисто по-русски и имел хороше обращение.

— Почему твой брат не в полку? — спокойно, но твердо спрашиваю его.

— Он в отпуску, господин полковник... — отвечает «брат за отца» и тут же очень внимательно добавляет: — А если что Вам надо из фуража иль покушать, то все у нас есть. Пожалуйста, располагайтесь как дома.

— Иди отпусти сена и зерна! — говорит он своему младшему брату тоном приказания и, видимо, лишь для того, чтобы убрать его с моих глаз.

Так нас встретила вторая кубанская казачья станица — своих строевых братьев-казаков, отошедших в седле и с тяжелыми арь-ергардными боями от самого Воронежа. И если крестьяне русских губерний по пути нашего отступления всегда безотказно давали казакам просимое, за что сотни и расплачивались, то здесь, в своем краю, отказ казака казаку был совершенно недопустим. В таких случаях я был строг и определен. И своих строевых казаков в обиду не давал. Потом опишу и другие подобные случаи по ходу событий.

Дивизию почему-то перебросили дальше на запад, в станицу Конеловскую. Здесь были тыловые части и обозы корпуса генерала Кутепова. Я был на одном из собраний старших начальников, не выше чина полковника. Как о них сказать? По-моему, их смущало пребывание в казачьей станице. Здесь нельзя им было чувствовать себя «хозяевами положения», как это было в русских губерниях, в селах, при полном беспорядке и крестьян, и старост сел, деревень.

Здесь, в доме хозяина-казака, даже и у женщин-казачек надо все просить, спрашивать. А станичный атаман!.. Это не был боязливый староста села. Он был всегда из видных урядников, серьезный, умный, хозяйственный и довольно пожилой. Он всегда в черкеске, при погонах подхорунжего и при шашке с офицерским темляком. Он был по выбору всей станицы военно-административным главой десяти-пятнадцати-двадцатитысячного населения станицы. Бывали

станицы и до сорока тысяч населения. Как такому маститому атаману сказать «ты» или «я тебе приказываю». Да он такого приказания и не исполнил бы. Добровольцы были словно сняты с высокого пьедестала.

Атаман Конеловской станицы, бородатый урядник лет пятидесяти, небольшого роста, широкий в плечах, спокойный и заботливый для нужд войны, он был замучен подводной повинностью для передвигающихся частей. В Конеловской простояли несколько дней. Я не раз был в станичном правлении, и мне было очень жаль этого доброго и заботливого атамана-казака.

Дивизии приказано было идти на станцию Тихорецкая через Уманскую и Павловскую станицы.

Дивизия выступила. Самый тяжелый путь был до Уманской. Здесь было мало снега, и потому обозы потонули в липкой грязи. В дороге брошены все сани. В станицу вошли вечером. Она удивила нас своим городским видом, постройками в центре. Нарядное и вместительное станичное правление, школы и, как редкость на Кубани, главная мощеная улица.

«Неужели и сюда дойдут большевики, в эту прекрасную казачью станицу?» — думал я, рассматривая хорошие нарядные дома богатых казаков, крытые цинковым железом²⁶⁹.

На следующий день дивизия движется в станицу Павловскую. Проходим небольшую Атаманскую станицу и вышли за околицу. Влево от нас, в стороне, идет казак в черкеске. Он остановился, взял винтовку к плечу и выстрелил в сторону станицы. Это меня возмутило. Нажав коленями на тебеньки седла, вихрем подскочил к нему и крикнул:

— Ты почему стреляешь — такой-сякой?

Казак повернулся ко мне лицом, спокойно посмотрел на меня и отвечает:

— Эх, господин полковник!.. все пропало!.. пропала и моя Атаманская станица!.. вот я и стреляю с горя, уходя из нее... я сам урядник... и ежели хотите — нате мою винтовку. А я выстрелил от горя... Простите меня, господин полковник!.. — добавляет он и, сняв папаху с коротко остриженной головы, поклонился мне, как бы еще больше желая показать этим, какое у него горе.

Он был выпивши. Я его понял.

— А куда же ты идешь? — желая успокоить его, спрашиваю.

— Да иду туда, куда и все... а там... што будет... — тихо ответил он.

— Ну, иди с Богом... только не стреляй больше... ты понимаешь — можешь кого-нибудь убить случайно... и тогда что? — утешаю его.

— Да я в воздух стрелял, господин полковник!.. што я, маленький... не понимаю! — как бы уже обиженно закончил он.

В станице Павловской

Дивизия идет вдоль полотна железной дороги в Павловскую. Станица там очень богатая. Квартиреры отвели мне большой кирпичный дом. Он полутораэтажный, высокий. Двор окружен непроницаемым забором с растворчатыми воротами и массивной калиткой. Через них не видно, что делается во дворе. Во дворе же большой дощатый амбар, какие-то сараи. Двор небольшой, но все в нем капитальной постройки, все чистое, нарядное, почти городское. Это меня удивило. Хозяин, видимо, не простой землероб. Поднявшись наверх, в передней меня встретил плотный телом казак, лет пятидесяти, в бешмете и с запорожскими усами.

Очень почтительно, совершенно без воинской натянутости, он встретил меня, назвав «господин офицер», провел в залу, просил располагаться и немедленно же удалился в следующую комнату, очень чистую кухню, где хозяйюшка что-то уже стряпала для меня и полкового адъютанта.

Зала — совсем городская, но на стене много казачьих снимков, к которым я и обратился. На одном из них группа станичных атаманов в парадной форме Кубанского войска и с насекомыми в руках. Среди них я узнал и своего хозяина дома. «Вон он кто!.. поэтому так и независим», — решил я.

Мы ужинаем с хорунжим Галкиным. Девочка, видимо дочка, лет десяти—двенадцати, подает нам кушанье из кухни. Подает, поставит на стол с шаловливой улыбкой дитяти, которая «все знает», и немедленно же, быстро уйдет на кухню, поглядывая на нас оттуда и все улыбаясь.

— Как фамилия твоего папы? — спрашиваю ее, задержав за руку.

— Гурбич, — отвечает она.

— А брат у тебя есть?

— Да... он есаул Корниловского полка, — ясно ответила она.

От этих слов у меня все перевернулось в душе. Хорунжий Гурбич²⁷⁰ прибыл с эшелонем в двенадцать казаков на пополнение в Корниловский полк в село Дивное на Маныче, перед Святой Пасхой 1919 года. Эшелон привел хорунжий Иван Троян²⁷¹. Гурбич был интеллигентный офицер, остроумный, но самое главное, говорили, что он сын члена краевой рады, кажется, даже члена краевого правительства; вообще — сын видного общественного деятеля на Черноморье. Оказывается, я был «у своих», почти родственников.

Я вызываю отца и мать к себе, рассказываю им об их сыне, о себе и прошу поужинать вместе на радостях. Хозяйюшка, милая и приятная, по-европейски «гранд-дама», улыбаясь, наотрез отказалась сесть, показав, что она занята на кухне. «Старик» согласился. Этому старику тогда было, думаю, не больше пятидесяти лет. Он был совершенно свежий и лицом, и здоровьем. Мне было тогда 27 лет, а Галкину 20—22. Для нашего возраста, и по станичному понятию, Гурбич был «старик», которому требуется оказывать почет и уважение.

Он почти ничего не ел, кое-что спрашивал для поддержания разговора за столом, как хозяин дома, и отвечал на наши вопросы.

Он не верил в возможность победы нашей над большевиками, а следовательно, считал бесполезным продолжать войну против них. Услышав столь странное и страшное его определение, я с волнением спрашиваю его:

— А что же делать дальше тогда?..

— Что?.. Надо мириться с большевиками... Это наилучший исход... Сил нет!.. Казаки драться не хотят... они устали... Мы это здесь, в станицах, хорошо видим, — произнес он очень спокойно, деловито и, видимо, продуманно.

Услышав это, я будто «опьянел». «Мир с большевиками... а атаманские фотографии на стене... как голые факты казачьей контрреволюции», — пронеслась мысль в голове. Простят это красные?

— А как же Вы лично?.. Останетесь? — рублю ему.

— Да... останусь, — спокойно ответил он.

Я в полном недоумении. В моей голове это совершенно не вмещалось. Он бывший станичный атаман, очень зажиточный казак, у него городского вида и обихода дом, он член рады, сам внешне

видный, как полковник старого времени, благообразный, спокойный, выдержанный, и вдруг — у него мир с большевиками... и он сам остается в станице.

Все это я высказал ему тут же, а он, спокойным жестом руки указывая на стены дома, на семью, что на кухне, и потом на двор с богатыми постройками, на вместительный амбар, крытый цинковой жестью и наполненный зерном, тихо произнес:

— Ведь этого же всего не унесешь с собою?.. А одному бежать — какой смысл?

Наш разговор прервал пожилой казак, прибывший из станичного правления. Называя очень почтительно Гурбича по имени и отчеству, он говорит, что его зовут на станичный сбор старики, где будет решаться вопрос, «чи облизывать козакив, чи остатця у станицы».

— Вот видите, полковник, казаки стоят на распутье. Но большинство их думает, как и я, — сказал он и пошел одеваться в «чэкминь».

Неожиданное пополнение в дивизию

Мне нужно было поговорить по аппарату со штабом 2-го Кубанского корпуса, находившегося в станице Леушковской. С адъютантом скачу на станцию Сосыка. Переговорил и стою с несколькими офицерами на платформе, как бы отдыхая от тяжелых дум в культурном уголке. К нам подходит какой-то сотник в крытой шубе-черкеске, при полном офицерском вооружении и в темных очках.

— Где здесь начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии? — обращается он к нашей группе.

Голос этого офицера показался мне очень знакомым. Галкин указал на меня.

— Господин полковник!.. Сотник Курукалов с пополнением конных казаков в 125 человек прибыл во вверенную Вам дивизию, — рапортует он спокойно, отчетливо выговаривая слова, и смотрит «обыкновенно» мне в глаза.

Услышав фамилию Курукалов, я смотрю на этого сотника уже не спокойно. Я его узнал.

— Откуда же Вы их привели, сотник?

— Из Батаапашинского отдела, господин полковник. Мы прибыли еще вчера и здесь ждали дивизию, — все так же спокойно отвечает он, и вижу, меня он совершенно не узнает.

С тех пор прошло девять с половиной лет. В 4-й сотне 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка нас было семеро вольноопределяющихся. Василий Курукалов осенью 1910 года заканчивал свой двухлетний срок службы. Он был станичный учитель своей Чамлыкской станицы и среди нас, семи, считался самым старшим и самым серьезным. Я же только что поступил в этот полк и сотню, был самым младшим, самым маленьким и... не серьезным. Мне было семнадцать лет. Он тогда много читал, делал выписки из прочитанного, был серьезен, умен до философских вопросов включительно. Меня он очень любил и оберегал от шалостей. Все мы жили на частной квартире, кстати сказать, в очень богатом доме Полуяновых, у отца будущих кубанских большевиков-братьев. Ян Полуян был средний. Две их сестры также ушли в их красный лагерь. Они были коренные и богатые казаки станицы Елисаветинской, имея в своей станице хутор в поле.

Приняв от него рапорт и расспросив все официально, приближаюсь к нему, подаю руку и произношу:

— Ну, здравствуй, Василий, дорогой! — обнимаю его и целую в губы.

Он совершенно растерялся, как и мои офицеры, смотрят на меня и не понимают — в чем дело?

— Что?.. Не узнаешь, старина? — весело говорю ему. — Федя... с Кавказской... вольноопределяющийся 4-й сотни 1-го Екатеринодарского полка в 1910 году.

— Так точно, господин полковник! — еще неуверенно отвечает он. Забыл ли он это или по воинской привычке держится официально.

— Ну вот что, Василий! Сейчас едем прямо ко мне на квартиру и закусим на радостях.

— Слушаюсь, — вновь почтительно отвечает он, взял руку под козырек.

Мне становилось и досадно и смешно.

Мы у меня, в доме Гурбича. Последний еще не вернулся со станичного сбора. Я снимаю папаху, Василий меня рассматривает и... признает.

— Но как Вы возмужали, господин полковник! — произносит он. — Но черты лица — те же, — добавляет он.

Мы закусьваем. Где-то достали спиртное. Я уговорил-приказал Василию Курукалову, сотнику, называть меня по имени и отчеству, но он никак не мог этого усвоить. А «ты» у него совершенно не выходило для произношения.

Как жаль, что подобное пополнение казаков пришло так поздно. Под Воронеж!.. Под Воронеж надо было Кубанскому войску слать свои тысячи казаков, а не тогда, когда мы оставили даже и Ростов-на-Дону!.. Вот оно — отсутствие своей войсковой военной силы — КУБАНСКОЙ АРМИИ! Войсковой аппарат со слабой волей оказался...

Поздно вечером вернулся Гурбич.

— Ну вот, господин полковник... станичный сбор решил не уходить. Все остаются в станице. Но кто хочет — может идти с войсками. Никто этому препятствовать не будет. И иного исхода нет хозяйственным казакам, — произнес он.

С чувством большой грусти я покидал наутро следующего дня богатый и гостеприимный дом Гурбича, члена краевой рады, который решил «остаться» и жить в мире с большевиками. Это было, конечно, великое заблуждение, но в то же самое время, уходя от них, надо было бросить все, может быть, поколениями Гурбичей нажитое хозяйство, окультивированное во всем, и идти в полную неизвестность! И на сколько времени? Бросить жену, детей... Жуткий вопрос для всего хозяйственного казачества.

Судьба самого Гурбича мне неизвестна.

Дивизия в Тихорецкой

Сюда она прибыла в первых числах января 1920 года и расположилась по квартирам в хуторе Тихорецком, при узловой станции того же названия.

Если картину хаотического отступления мы видели в Ростове, по пути Ростов—Батайск и в Батайске, то, что творилось в Тихорецкой и в особенности на самом вокзале, — все это превосходило всякое воображение.

Узловая станция Тихорецкая являлась последним железнодорожным узлом, куда сходились все пути отступающих армий, частей, учреждений, обозов и всех тех, кто уходил от красных на юг.

На станции стоял поезд главнокомандующего генерала Деникина. Сюда подошел и поезд командующего Кавказской армией генерала Покровского. У входа в вагоны стояли парные часовые. Возле них было пустынно, но зато на перроне, в самом вокзале, на путях, на улицах хутора были сплошные толпы воинских чинов всех рангов и полков, в большинстве случаев пехотных частей. Казаков было очень мало, а Донского войска — почти никого. Все они в английских шинелях, в погонах, вооружены. Уставшие, небритые, но еще не потерявшие воинского вида, взаимоотношений и жаждущие порядка. Посторонний человек, посмотревший на это человеческое месиво и не зная всего случившегося, не понял бы, зачем они здесь и что они хотят?

Эта масса людей была нервно возбужденная, торопливая, переходящая и куда-то стремящаяся. И чтобы это понять, надо было только взглянуть на стены вокзальной постройки, на лицевую сторону вокзала к перрону, чтобы уразуметь, кто они и что это?

Вся лицевая сторона вокзала была сплошь покрыта разными объявлениями, написанными от руки, крупно, жирно, цветными карандашами. Размер объявлений был максимально в пол- или четверть страницы большого листа бумаги. Стиль и содержание их были одни и те же. Они были приблизительно таковы:

«Всем одиночным чинам и группам такой-то части следует направляться к их штабу в такую-то станицу». Следовала подпись главного начальника.

Этих объявлений было так много, что по ним можно было точно определить название и состав частей Добровольческого корпуса генерала Кутепова.

Среди них не было ни одной от Донской армии и от кубанских частей. Но было одно объявление от 1-й Терской казачьей дивизии корпуса генерала Шкуро, с указанием, где отдельным казакам искать дивизию. Здесь же, на вокзале, я неожиданно встретил и ее офицеров, моих сверстников по Оренбургскому казачьему училищу, есаулов Илюшу Полтавского²⁷² и Степу Конокова²⁷³. Я их не видел со дня нашего производства в офицеры, с 1913 года. Мы были очень рады такой неожиданной встрече, но они куда-то торопились, и встреча была коротка. С тех пор я их больше не видел.

Вскоре в Тихорецкую прибыла и Сводная сотня от дивизии под командой полковника Соламахина. Это было для меня полной неожиданностью. Сам Соламахин тогда говорил, что он отой-

дет с сотней в Крым, но оказалось, он также, и почти без боев, под начальством генерала Фостикова отошел через Ростов.

Генерал Фостиков по этому поводу писал мне от 10 декабря 1958 года:

«Отходя с Кубанцами от Северного Донца — с боями проходил по маршруту Переездная—Попасная—Троицкое—Алмазная—Чернухина, все время под ударом слева, фланговым маршем на Ровеньки и далее на Александр—Грушевский—Нахичевань. В Нахичевани (армянском), вопреки запрещению — я одеваю почти всех казаков из английских складов — френчи, шаровары, шинели, одеяла. Дальше вхожу на Кубань и двигаюсь до Кавказской, отпуская офицеров и казаков по новым пунктам формирований. Сам уезжаю в станицу Григорополисскую и по отделу, для формирования 2-й Кубанской казачьей дивизии».

Действительно — наша сборная сотня полковника Соламахина прибыла отлично обмундированная и даже с запасами. У всех офицеров сотни было по два комплекта офицерского английского обмундирования. Сам Соламахин был одет в дивные зимние бриджи и офицерский китель английской марки. Но нам они ничего не дали...

На радостях встречи где-то повеселились. И Соламахин, влив свою сотню в дивизию, выехал также в отпуск, в свою Некрасовскую станицу. В дивизии оказалось уже свыше 600 шашек. Во 2-м Хоперском полку составил хор трубачей. В дивизии фактически не было ни одного командира полка. Два убиты при отступлении, Соламахин выехал в отпуск. Не было и штаба дивизии, все разъехались. Если казак уезжает из полка без разрешения, то он считался дезертиром. Но если офицеры уезжали без разрешения, считалось нормальным явлением. Такой парадокс...

Партизанские полки дивизии, как образовавшиеся в Гражданской войне и по личной инициативе полковника А.Г. Шкуро, они не имели знамен. Где был штандарт 1-го Хоперского полка, мне неизвестно. Но наличие штандарта 2-го Хоперского полка, при наличии хора трубачей, при наличии всех офицеров полка и их командира, — все это, вместе взятое, все эти 600 шашек, не считая пулеметных команд, — объединялось в один полк Хоперский, официально же называясь 1-й Кавказской казачьей дивизией. Приказы и сношения, как и рапорты, мною писались по дивизии и от дивизии. Сохранились ли они? Думаю, что все погибли. Но по ним

интересно было бы воспроизвести психологическую сторону, как и переживание тех дней.

Пришло распоряжение: «Дивизии перейти в станицу Ново-Леушковскую и быть в распоряжении командира 2-го Кубанского конного корпуса, генерала Науменко».

В Новолеушковской. Полковник Кравченко

Из хутора Тихорецкого теперь дивизия идет на север, вдоль железнодорожного полотна, в станицу Новолеушковскую. Навстречу нам по дорогам и без дорог движутся на юг какие-то обозы, частные подводы, в экипажах с семьями чины гражданской администрации с конными охранниками государственной стражи. У последних и экипажи, и лошади под стражниками в отличном состоянии. По самому полотну двигаются одиночные воины, растянувшись длинной лентой. Каких они были частей и куда шли — спрашивать не приходилось. Все устремлялось на юг, на Кубань, в глубокий тыл.

К вечеру дивизия вошла в Новолеушковскую и окунулась в такую глубокую и жидкую грязь, из которой, казалось, нельзя и вылезти.

Разведя полки по отведенным квартирам, еду в станичное правление, чтобы узнать, кто главный начальник в станице, и представиться ему.

В станичном правлении суета и жуткая грязь от множества посетителей. Станичный атаман доложил мне, что в станице сосредоточивается 2-й Кубанский конный корпус. Пока здесь нет ни одного старшего начальника из числа генералов, и начальником гарнизона является командир 1-го Кубанского полка полковник Кравченко. Получив нарядчика-проводника, следую за ним верхом по глубочайшей грязи к начальнику гарнизона. И каковы же были мои и удивление, и радость, когда я увидел в этом, главном здесь начальнике полковника Афанасия Ивановича Кравченко, своего друга по Оренбургскому казачьему училищу. Он выпуска 1911 года и хорунжим вышел в 1-й Запорожский полк. Обнялись, расцеловались. Он просит остаться у него на ужин и познакомиться с его супругой, которая только что прибыла из Екатеринодара.

— Так ты, Афоня, женат? — воскликнул я от удивления. — На ком же?

— Да на Черешневой. Помнишь войскового старшину Черешнева в Екатеринодаре тогда, в мае этого года?.. Моего однополчанина по 1-му Запорожскому полку?.. Так это его сестра, — закончил он.

В общем, я провел хорошо этот вечер за ужином в семье своего старого друга и его скромной супруги.

Как линейец (он казак станицы Гиагинской Майкопского отдела), Афанасий Иванович очень экспансивный. Пережив все при отступлении их корпуса от самого Оскола, он в некоторой панике и огорчается, что полки плохо, медленно пополняются казачками из станиц. И свой пессимистический взгляд на будущее заключил словами: «Черт-те чем все это закончится?»

Неутешное горе в одном казачьем семействе

Мы бездействуем в Новолеушковке. Пока в наличии здесь, в корпусе, нет ни одного генерала — ни командира корпуса, ни начальников дивизий, ни командиров бригад. Некуда девать свое свободное время, и нет никаких развлечений. Непролазная грязь на улицах станицы словно залепила, замазала все наши чувства. В один из дней мой помощник по строевой части полковник Тарарыкин пригласил меня с адъютантом Галкиным пообедать у него.

В обыкновенном и небогатом доме казака втроем разделяем скромную трапезу. «Вано» — так называл я его по-грузински, как всегда, бодр и весел. Светлый блондин с бритой головой, всегда аккуратно и элегантно одетый в бикирку, подкупает всех. Он очень просто говорит со своими хозяевами, весело шутит и аппетитно кушает все, что подают нам на стол две грустные молодницы. Своими веселыми рассказами из военной жизни в бичераховском отряде и разными холостяцкими похождениями он веселит нас троих.

Он шутит и с молодницами, но те совершенно не обращают внимания на его слова.

И как Вано ни старался их расшевелить своими шутками, ничего не получалось. Подадут они нам следующее блюдо чего-нибудь молча и немедленно же уйдут в кухню, за дверь.

В противоположной стороне от стола нашего, у стены, на кровати, поджав под себя ноги в чулках, сидит хозяин дома, казак лет пятидесяти, и также молча и грустно слушает веселые рассказы Тарарыкина.

— Какие нелюдимые казачки-черноморки, — тихо говорит Вано. — Не то что наши линейские — разговорчивые и шутливые. Может быть, стесняются своего свекра? — добавляет он.

Своими рассказами он заражает меня, и мне также хочется рассказать ему и Галкину о своих случаях. И я перебиваю его словами.

— А вот у нас, Вано, в Корниловском полку, было... — говорю весело и вижу, как старшая сноха, подойдя к нашему столу со следующей чашой снеди, остановилась, вся впиалась в меня глазами и произнесла мертвенно-мрачно, или спрашивая меня, или не веря своим ушам, что она слышит слова — «в Корниловском полку»...

— Кор-ны-лов-ський... Кор-ны-лов-ський...

— Ты што, молодыця, так удивлена?.. Што — муж там твой? — спрашиваю ее.

А она, бедняжка, словно окаменелая, с выпученными черными, застывшими от горя глазами — робко, не спеша повернулась кругом и, посмотрев на свекра, тихо произнесла:

— Тату!.. Вин того ж полка...

Услышав это, свекр нервно спустился с кровати, нервными руками вобрал свою длинную рубаху под очкур, неуверенно вложив свои ноги в опорки и подойдя к столу, грустным голосом спросил:

— Вы, господин полковник, командовали Корниловским полком?

— Да... а что, отец?

— А не знали ли Вы там братьев-казаков? — спросил он, назвав их фамилию.

— Не знаю, дорогой... казаков ведь много прошло через полк... и трудно командиру полка всех их знать, — ответил ему спокойно, ласково, как отцу. — А што?.. — переспрашиваю его.

— Та то ж мои двое сынив... — вдруг говорит он уже по-черноморски и как-то будто плачущим тоном в нос. И продолжает: — И обы два вбыти там, в Корныловськом полку, на Манычи... а цэ — йих жоны-удовыци... житье у мэнэ... того ж воны и смутни... такэ ж нэщастье... обы два погыблы... и бильш сынив нэма... zostався я одын в хозяйстве... добре шо молодыци слухьяни... и до дому, к свойим, нэ хочуть итты... спасыби йим... — с бесконечной грустью и боясь расплакаться, урывками произнес он эту жуткую тираду слов, дебелим телом пятидесятилетний казак.

Счастлив тот, кто не имеет доброго сердца. Но я тогда буквально растерялся от этих жутких слов старого казака — отца своих

погибших сыновей. Мне было так остро понятно все их горе, что я даже не мог им выразить словами своего сочувствия, зная, что это не только что их не успокоит, но это еще больше расстроит их больные сердца.

Я почувствовал, что в их глазах я был словно виновник гибели их мужей и сыновей. И они погибли именно тогда, когда я командовал Корниловским полком на Маныче в начале 1919 года. Вот, думаю, и скажут они: «Офицер, командир — он жив... а козаки вбиты!.. Так воно всегда бува!.. Война тикы панам на пользу»...

Наш обед сразу же пресекся в веселых разговорах. Стало так всем грустно. Семья ведь потеряла обоих своих сыновей, и... е д и н с т в е н н ы х.

«Ну, какая же может быть отрада в будущем во всей семье: и отцу, и матери, и этим двум вдовицам?» — думал я.

«Семья отдала Родине самое ценное, что имела! И завтра могут прийти сюда их кровные враги-большевики, убившие их души... Как они будут чувствовать себя тогда?» — сокрушался я молча. И поймет ли все это горе казачьей семьи высший командный состав армии? И не напрасны ли были эти казачьи жертвы?! И, откатившись от самого Воронежа и до Кубани, было о чем подумать...

2-й Кубанский конный корпус

Он все же пополнялся казаками, но мы совершенно не знали, что делается на фронте и в формировании Кубанской армии, для чего нас и вызвали с фронта.

Из Екатеринодара вернулся командир корпуса генерал Науменко. Выслушать его доклад приказано собраться в местной школе всем офицерам и казакам.

Мы в школе. Офицеров немного, но казаков полная зала. Из старших офицеров присутствовали только три полковника — Кравченко, я и Тарарыкин. Видимо, больше их не было при корпусе.

В грязных сапогах, в кожухах, в потертых папахах, но при шашках и кинжалах — общий вид казаков был довольно будничным. Непогода и грязь словно придавила и унизила всех этих храбрых молодецких казаков, выдавших Царицын, Камышин, подступы к Саратову, бравших Воронеж и выдавших много раз и победную славу своих полков, и выдавших много раз близко смерть в глаза.

Своими костюмами немногим отличались от офицеры. Вид всех был глубоко серый.

Офицеры разместились на передних лавках, а казаки позади, где кто попало, заполнив все помещение.

Генерал Науменко был встречен по-воински. Он громко поздоровался с казаками, и те ответили ему бодро.

В овчинном романовском полушубке в талию, и на нем кавказское оружие в скромной серебряной отделке. Он также в грязных сапогах, так как в станице — сплошная грязь на улицах.

Он говорил о недостающем обмундировании для полков и невозможности получить больше того, что уже получено. Просил казаков «потерпеть». Говорил о пособиях за убитых в боях лошадей и вообще говорил о материях, но не о формировании Кубанской армии и фронте.

Закончив короткий доклад, разрешил «задавать ему вопросы с мест». И начались нудные вопросы «с мест», начинавшиеся обыкновенно словом «а почему?». И оказалось, что этих «а почему?» у казаков было очень много, главным образом экономических. Видимо желая успокоить казаков, он, мягко улыбаясь, предложил послать делегацию из казаков в Екатеринодар, в войсковой штаб, чтобы они на месте убедились бы: все, что он говорит о пособиях, есть чистейшая правда.

За этими материальными вопросами стали поступать и политические. И когда кто-то запросил генерала о разгоне краевой рады и казни священника Кулабухова, в толпе наступила напряженная тишина. Масса, видимо, хотела знать, как все это произошло?

Мы, офицеры, воспитанные в военных училищах «быть вне политики», в корне оставались таковыми. Но казачья масса, как видно, ближе принимала к сердцу происшедшее в Екатеринодаре. Нам, трем полковникам, сидевшим рядом и впереди всех, почувствовалась недопустимость здесь подобных вопросов в массе строевых казаков.

— Ты какого полка? — вскочив на ноги, громко спросил Кравченко казака в полушубке и при шашке, выступившего со своими вопросами вперед.

— 1-го Кубанского, господин полковник, — отвечает он спокойно, повернувшись к нему лицом.

— Ну, так и садись!.. И вначале с этими вопросами обратись ко мне, к твоему командиру полка, а не к командиру корпуса, —

произнес он коротко при полной тишине и просил Науменко закрыть собрание.

На удивление, масса ничем не реагировала на это, и командир корпуса предложил казакам успокоиться и разойтись.

Настроение хоперцев. В Невинномысской

Наше бездействие и полная неопределенность положения 1-й Кавказской казачьей дивизии — ни на фронте, ни в формировании — начинали сказываться на настроении казаков. Меня начали осаждать казаки просьбами — разрешить им короткий отпуск в свои станицы в Баталпашинский отдел. Они резонно докладывали мне, что почти год не были дома, отступали от самого Воронежа. И были там почти одни... и тогда, там они и не думали об отпуске, но и не позволили бы просить о нем. Но теперь, когда дивизия стоит без дела, в тылу фронта, а их станицы под боком, отчего же не отпустить их «хоть на недельку»?

Эту казачью недельку я хорошо знал. Я хорошо знал, что, отпусти их домой, в далекий горный их отдел, в полк они не вернуться.

Казаки настаивали и обращались уже целыми группами. Я их отлично понимал и все же не отпускал. И чтобы прекратить это, собрав всех вахмистров и взводных урядников, спокойно, чисто братски сказал им следующее:

— Я сам казак станицы Кавказской. Моя станица под боком. До нее два часа езды поездом. Дома пять женщин — две старушки, бабушка и мать — и три сестренки-подростки. Я с вами отступал от Воронежа. И вот — я не еду к ним, живущим так близко отсюда. Ваши же станицы далеко. И казаки хотят идти в отпуск верхами на своих лошадях. Явно — они в полк уже не вернуться.

Сказал им «по душам» и запретил обращаться ко мне. Но казаки нашли другое. Далеко перед Великой войной 1914 года из Баталпашинского отдела, ввиду малоземелья горных там станиц, в Кавказский отдел были переселены некоторые хоперские казаки и образовали две станицы — Хоперскую и Ново-Бекешевскую. Эти две станицы находились на полпути между Тихорецкой и Кавказской. Там у многих хоперских казаков были родственники. От Нововолешковской до этих станиц было меньше чем пятьдесят верст. Верхом казак мог быть там в один переход. Они просили пустить их

в отпуск «хоть туда», обещав вернуться. Довод был сильный. Я решил многим. И к чести их — все они исправно вернулись в полк, пробыв в этих станицах два-три дня, не больше.

Воинская дисциплина в полках была еще не нарушена. Офицеры 2-го Хоперского полка все были на местах, и никто не просился в отпуск, сознавая, что это несвоевременно.

В полк вернулся есаул Евграф Васильевич Булавинов²⁷⁴. Он эвакуировался из Украины и в полку не был несколько месяцев, служа где-то в тылу. О нем от офицеров слышал только похвальные отзывы. Высокий, стройный, красивый — он представился мне отчетливо.

В 1910 году молодым казаком он был зачислен в Конвой Его Величества, окончил там учебную команду и был взводным (старшим) урядником. В 1915 году окончил в Петергофе школу прапорщиков вместе с Тарарыкиным и был командирован в Персию, в свой 1-й Хоперский полк чином прапорщика. Теперь он есаул.

Пройдя отличную строевую службу в привилегированной гвардейской части Конвоя Императора, много видевший, он выгодно выделялся среди всех офицеров настоящего 2-го Хоперского полка. Веселый, отчетливый, любящий военную службу, разговорчивый, любитель поухаживать, он внес оживление в среду полковой молодежи, являясь большим авторитетом для них. Мне это нравилось, так как он внес некоторое оживление в скучную холостяцкую жизнь полковой молодежи.

Томясь бездельем, я уже сам просил генерала Науменко ходатайствовать об отправлении дивизии в Баталпашинский отдел для пополнения рядов, ввиду того что казаки, не выдержав этого ничегонеделания, могут уходить самотеком.

Как все это случилось, не знаю, но числа 15 января 1920 года дивизии приказано было погрузиться в поезда и следовать в станицу Невинномысскую для переформирования.

Дивизия в Невинномысской. Там жил и ждал нас командир Хоперской бригады, старый и коренной хоперец, полковник Бочаров. Он эвакуировался на Кубань после оставления нами Воронежа в 20-х числах октября прошедшего года.

В станице он жил на общественной офицерской квартире вместе со своим приятелем и также старейшим хоперцем, полковником Толмачевым, большим весельчаком с запорожскими усами. Представился Бочарову. Принял меня он ласково, чисто по-оте-

чески, так как «все знал», что мы пережили по оставлении Воронежа.

Сдав ему дивизию, вернулся в свой 2-й Хоперский полк. С этого времени 1-я Кавказская казачья дивизия фактически перестала существовать.

От полковника Бочарова я узнал, что осуществилось образование Кубанской армии. Командующим ею назначен генерал Шкуро. 1-й и 2-й Кубанские Партизанские конные полки упраздняются, и остаются только 1-й и 2-й Хоперские полки. Здесь же он показал и телеграмму из Екатеринодара, подписанную генералом Шкуро, как командующим Кубанской армией:

«Командиром 1-го Хоперского полка назначается полковник Соламахин, а командиром 2-го Хоперского полка — полковник Елисеев, которым немедленно же приступить к формированию полков.

Командиром бригады назначается полковник Бочаров».

Прибывших со мною казаков разрешено было отпустить в свои станицы в кратковременный отпуск. Баталпашинский отдел был разделен постановочно на две части, и каждая часть формировала свой полк, 1-й или 2-й, не считаясь с возрастом присяг казаков. Шкуро, видимо, находил, что так можно быстрее пополнить полки и внести в них семейственно-станичную дисциплину и внутреннюю спайку. Разрешено и офицерам выехать в отпуск, но из них выехали только одиночки. Я отпуска не просил и остался в Невинномысской.

Приезд генерала Шкуро

К назначенному сроку в полки очень мало прибыло казаков из своих станиц. Офицерский состав пополнился хорошо, и их было в полку около 20 человек. На мое удивление, в полк прибыли все сестры милосердия по старым походам полка, и их оказалось до десяти. Они меня не радовали, но оказались заслуженные труженицы полка с самого начала походов полковника А.Г. Шкуро, все дружественные с офицерами и уважаемые ими. Но единственной строевой частью в Невинномысской был «Волчий дивизион» полковника Колкова²⁷⁵, который очень скоро был отправлен на фронт, в Ставрополь, в 3-ю Кубанскую дивизию генерала Бабиева. Наступили сильные холода, восточные ветра, и много «волков» вернулись в станицу обмороженными. Это плохо повлияло на казаков.

Для встречи его наличные казаки 1-го и 2-го Хоперских полков выстроились на станичной площади. Их было немного. Полковник Соламахин еще не прибыл, и их возглавлял автор этих строк.

Левее хоперцев был выстроен Карачаевский дивизион. Все в пешем строю. Этот дивизион «шалил» в станице «по женской части», и был случай, что один карачаевец через окно из револьвера убил урядника. Станица просила вывести этот дивизион вон.

Было много снега, морозно. Из станичного правления показались группа старших начальников. Впереди в крытой шубе-черкеске, в волчьей папаше и в бурочных сапогах тихо шел Шкуро. Полковник Бочаров скомандовал и отрапортовал что надо.

— Здорово, славные мои хоперцы! — так приветствовал строй старый их вождь и «волк», генерал Шкуро.

Эти слова он произнес так сердечно, что я почувствовал — между ним и казаками существует особенная, и давнишняя, глубокая семейная любовь, основанная на чем-то очень высоком, несомненно, на былых победных боях. Казаки ответили громко и восторженно.

Все наличные офицеры на правом фланге строя. Шкуро жмет руку мне и всем офицерам, медленно проходит перед строем казаков, внимательно всматриваясь в их лица. Я смотрю на него и не узнаю его — перед нами проходит истомленный, истощенный маленький молодой «старичок», мелко ступая по снегу. Вид его был болезненный и совершенно не боевой. А бурочные сапоги на ногах будто фиксировали его физическое недомогание.

Медленно пройдя строй хоперцев, Шкуро подошел к Карачаевскому дивизиону. Я, по положению, следую за ним. По команде «смирно» крупные, плечистые, смуглые, глазастые карачаевцы, тепло одетые в шубы-черкески, при хорошем кавказском холодном оружии напряженно вытянулись и повернули головы направо, буквально «пожирая» глазами Шкуро. Я давно не видел подобного подобострастного вида людей в строю.

— СЕЛЯМ! — выкрикнул громко Шкуро, тихо, словно крадучись, подходя к ним и зло смотря на них.

— ЧОХ САУЛ! — дружно, громко ответили они, стараясь еще больше «тянуться» и «есть глазами» Шкуро.

— Вы што тут делаете в станице?! Безобразничаете?.. По бабам ходите?.. Грабите казаков?.. Стреляете в окна? — взвизгивал

Шкуро своим тонким голосом. — Я вас, подлецов!.. Я до вас доберусь!.. А сейчас и смотреть не хочу!.. Полковник! Уведите прочь свой дивизион! — обратился он к их начальнику.

На второй день Шкуро выехал в станицу Баталпашинскую «поднимать сполох». Вернувшись оттуда, выехал в Екатеринодар.

Полковник Соламахин и 1-й Хоперский полк

Казакки прибывали, но медленно. Пришло приказание: «Всех наличных казаков 1-го Хоперского полка отправить в район Ставрополя, в 3-ю Кубанскую дивизию генерала Бабиева».

Нас это удивило. Что даст фронту «отправка пачками», но не целыми полками?

Командир полка, полковник Соламахин, сформировал отряд, человек в 250. На станичной площади был отслужен молебен. Перед аналоем развернут их Георгиевский штандарт. Было очень холодно. Без папах мы замерзали.

Унылый вид был казаков, стоявших в конном строю. Закутанные в шубы, башлыки, без папах — они словно были не рады молебну.

После молебна Соламахин, стоя у развернутого, очень нарядного полкового штандарта, сказал короткую речь своим родным хоперцам. Он кадровый офицер с 1911 года, в должности командира сотни провел Великую войну и за конную атаку в Персии на пехоту турок был награжден офицерским Георгиевским крестом.

Все сказанное им перед строем при другой обстановке, да еще в хорошую погоду, возымело бы свое действие. Но в эту лютую стужу, перед зимним переходом в шестьдесят верст, почти без дорог по глубокому снегу, против ветра, откуда только что вернулись обмороженные «волки», не дошедшие и до Ставрополя, нисколько не могло поднять настроение казаков. И красивый полковой Георгиевский штандарт, свидетель очень большой и долгой славы хоперцев на протяжении 200-летнего существования их исторического имени, в этот ужасный холод не возбуждал сердца их, признанно лихих и храбрых.

Соламахин это отлично знал. Он отлично знал казачью душу, а своих хоперцев в особенности. И чтобы хоть как-нибудь с полковым штандартом воодушевить их, он делал все возможное.

Пути отступления 1-й Кавказской казачьей дивизии ККВ — «от Воронежа и до Кубани», октябрь—декабрь 1919 г.

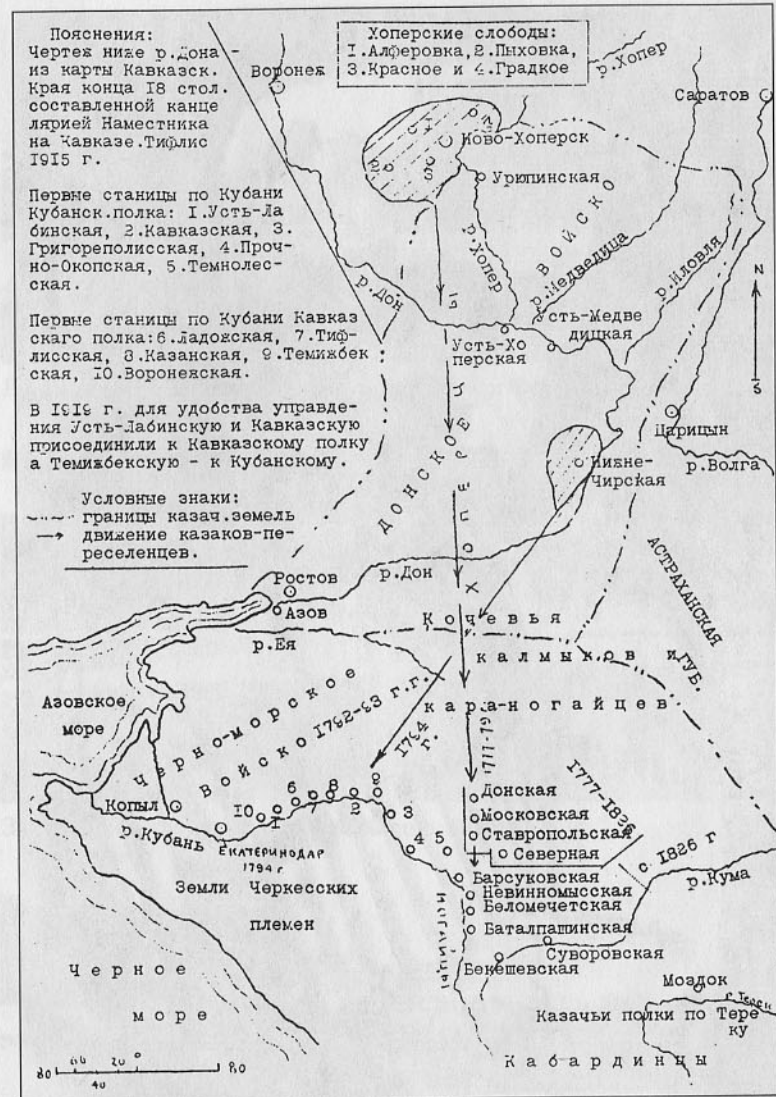

Генерал П.Н. Врангель и начальник Кубанской казачьей дивизии генерал-майор В.Э. Зборовский (слева от главнокомандующего) в 5-й Хоперской сотне 1-го Сводно-Кубанского полка. За ними виден Георгиевский штандарт хоперцев. Сербия, май 1923 г.

Казачи 5-й Хоперской сотни 1-го Сводно-Кубанского полка. Сербия, 1923 г.

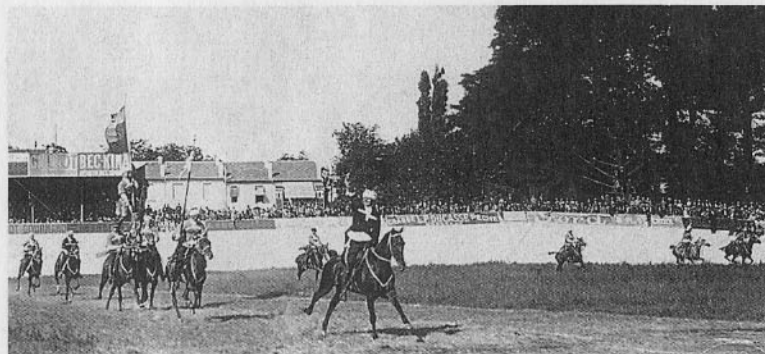
Переселение хоперских казаков на Кубань (по карте Кавказского края XVIII в., сост. канцелярией наместника. Тифлис, 1915 г.)

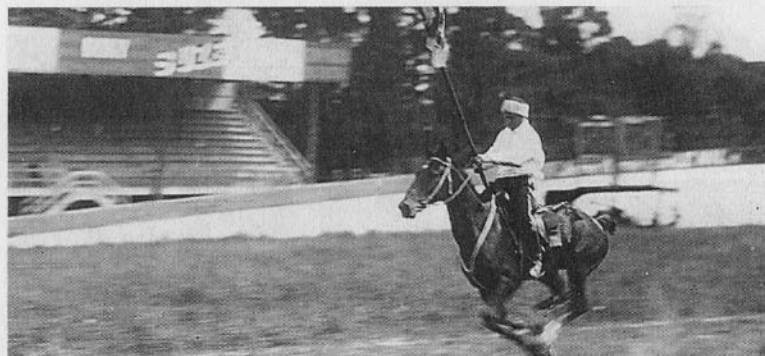

Полковник Ф.И. Елисеев. Тур (Франция), 1925 г.

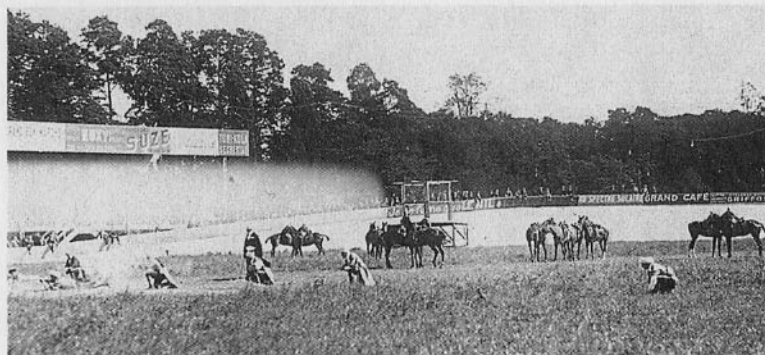
Коллекция Музея-заповедника «Иль-Сен-Жере» в Бордо, Франция. Фото: А.С. Савин, 1925 г.

Парад джигитов, впереди полковник Елисеев. Франция, 1925 г.

Значковый хорунжий Корсов. Франция, 1925 г.

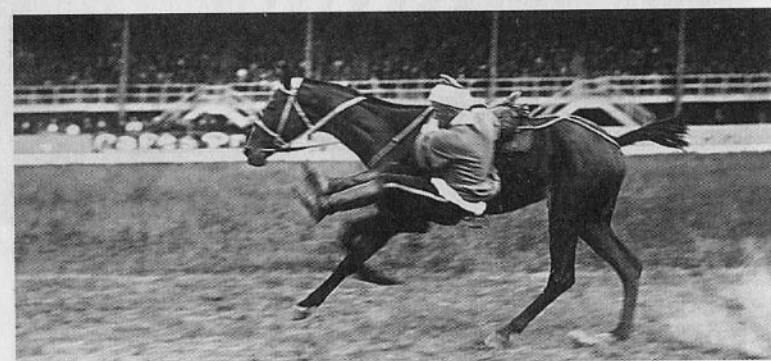
«Огонь лежа» (слева), джигитовка. 1925 г.

Полковник Зеленков с пикой. Франция, 1925 г.

«Укол шара», полковник Елисеев. Франция, 1925 г.

Подхорунжий Пахомов, донец. Франция, 1925 г.

Донского Войска полковник Шляхтин. Франция, 1925 г.

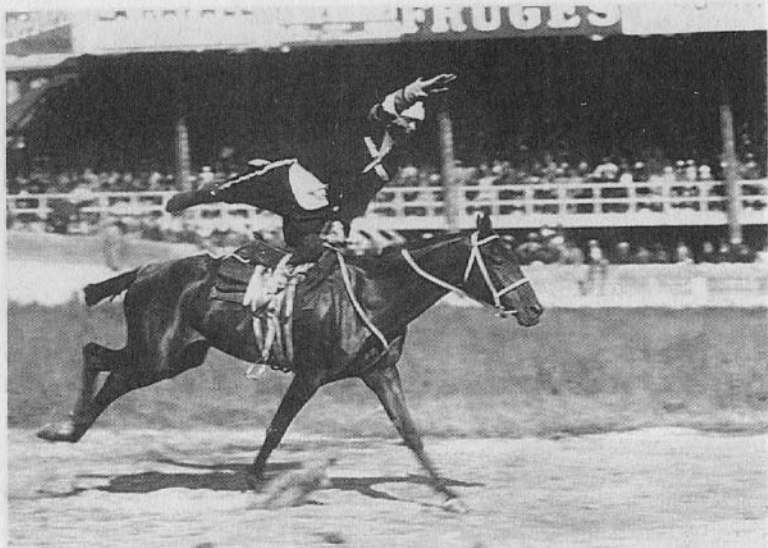

Терского Войска хорунжий Василенко. Франция, 1925 г.

«Горящий барьер», полковники Елисеев и Шляхтин. 1925 г.

«Ласточка», полковник Елисеев. Франция, 1925 г.

Войсковой праздник. В первом ряду (слева направо): полковник В.И. Третьяков, генерал-майор О.И. Лебедев, полковник Ф.И. Елисеев, войсковой старшина Фенев. Нью-Йорк, 1960 г.

Во главе дивизиона стоял назначенный офицер, но Соламахин, окончив речь, сам скомандовал:

— Ну, с Богом, братцы... Справа по три!.. Шагом — МА-АРШ!

Казачи стали медленно вытягиваться в колонну, а он, чтобы ее еще более приободрить, приказал полковому адъютанту, со штандартом во главе, проводить сотни за станицу и потом уже вернуться домой.

Через несколько дней назад вернулось много обмороженных казаков. Настроение среди нас падало.

Штандарт 2-го Хоперского полка

С каждым днем я убеждался, что наше формирование не дает должных результатов. Я решил оставить свой полк и идти на фронт во 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко, который, по слухам, уже выступил на Маныч. По этому поводу, в частном порядке, обратился к бригадному командиру полковнику Бочарову. Но он и слушать не хотел:

— Нет-нет, полковник! Вас отпустить я не могу. Вы теперь уже наш хоперец. С полком шли от самого Воронежа. Это ли не стаж!

От безделья я скучал. Стал часто собирать в своей квартире офицеров на чай. За столом, в семейной обстановке, мы говорили о Кубанской армии, немного о политике и о будущем. На формирование Хоперских полков они также смотрели не радужно.

В политике были на стороне краевой рады. Появлялась надежда на верховный казачий круг Дона, Кубани и Терека, заседавший в Екатеринодаре. Самым большим поклонником этого течения был есаул Е.В. Булавин, доказывая, что он происходит от атамана Булавина, поднявшего восстание на Дону против Москвы. Для него Кавказ и казачество стояли на первом месте. Жили все очень дружно и из-за политики не ссорились. Да и не понимали в ней. Все были воины, офицеры и ждали приказа от высшего начальства.

В моей комнате находился в изголовье кровати полковой Георгиевский штандарт. Каков он — никто не видел. Попросили показать его. Я считал кошунственным так просто, частно, в своей квартире развернуть полковую Святыню. Но поддался просьбе всех, снял чехол и развернул. Все таинственно смотрели и молчали.

На одной стороне было красиво и богато шелком и бисером вышито лицо Спасителя. Другая сторона штандарта покрыта красным шелком, пришитым через край и что-то скрывающим. Лично отпорив этот лоскут материи, мы увидели крупную, во всю ширину штандарта, черным шелком и серебряным бисером выпукло вышитую вензельную букву «Н» с короною наверху, что означало — Император Николай II.

Чьим распоряжением был задрапирован красным шелком вензель Императора, никто не знал. Явно, это было сделано после революции 1917 года. Но кем — неизвестно. Возможно, что распоряжением полкового комитета. К тому времени настроение было иное. Мы разорвали этот шелк на длинные полоски, и каждый взял себе на память одну из них²⁷⁶.

Формирование шло плохо. Казаки приезжали в Невинномысскую, жили днями и, не видя полковой массы казаков, уезжали в свои станицы.

Баталпашинский отдел в мирное время выставлял только один конный полк — 1-й Хоперский и один батальон пластунов — 6-й Кубанский. В наши годы Гражданской войны он единственный восстал удачно против красных при Шкуро и выставил от себя всю 1-ю Кавказскую казачью дивизию, состоявшую из четырех конных полков, тогда как другие первоочередные полки выставили только по два полка и немногие по три. Эта дивизия прошла с Шкуро с боями по Терской области в конце 1918-го и в начале 1919 года, потом была переброшена на Украину, победно прошла по тылам красных, о чем восторженно пишет сам генерал Деникин²⁷⁷. Потом победно летала далеко за правым берегом Днепра. Вновь переброшенная на главный фронт, налетом захватила Воронеж. Ее боевой маршрут в верстах — многотысячный.

1-й и 2-й Кубанские Партизанские конные полки — это было первое боевое детище полковника Шкуро с лета 1918 года, с которыми он, уходя от красных, прошел из Баталпашинского отдела по всей красной территории Ставропольской губернии и на севере соединился с Добровольческой армией генерала Деникина. С ними, с севера, он захватил Ставрополь 8 июля 1918 года. С ними же он, прорвав фронт красных южнее Ставрополя, вошел в Баталпашинский отдел, и уже только там сформировались 1-й и 2-й Хоперские полки, но основными полками дивизии были два Партизанских конных с казаками того же отдела.

Нужно точно сказать, что казаки Баталпашинского отдела, шкуринцы, более других полков войска пронесли и славу, и тяжесть в Гражданской войне. И вот теперь они устали, устали... Винить их в этом нельзя.

Прошло несколько дней все того же затишья. Я вновь у полковника Бочарова, прося отпустить меня на фронт. Как и раньше, он решительно отклонил мою просьбу.

Мы сидим и пьем чай с ним, как услышали за дверью голос полковника Соламахина:

— Господин полковник, разрешите войти?

— Заходите, заходите, дорогой Михаил Карпович! — громко откликается Бочаров, услышав голос своего родного старого хоперца.

Дверь с трудом отворилась, и в комнату, тяжело ступая, вошел Соламахин в черкеске, поверх с буркой. За ним вошел и комендант станицы Невинномысской, житель этой станицы, хорунжий Шевченко.

Здесь я не буду описывать, каков был вид у командира 1-го Хоперского полка, полковника Соламахина, и что случилось с ним. Главное — на улице группа пьяных казаков, несясь на санях, горланила и стреляла из винтовок по трубам домов. И когда Соламахин хотел их остановить, они сделали над ним физическое насилие.

Рассказав все с подробностями, Соламахин, не присев и на стул, выехал к себе. Оставшись с Бочаровым, я внушил ему и получил согласие «отпустить» меня на фронт.

На второй день утром я послал телеграмму генералу Науменко такого содержания: «Желаю командовать полком на фронте в Вашем корпусе. Приеду немедленно. Телеграфируйте ответ в Невинномысскую. Командир 2-го Хоперского полка, полковник Елисеев».

К вечеру того же дня был получен следующий ответ: «Согласен. Приезжайте. Получите полк. Генерал Науменко».

Мой отъезд из полка

Я боялся, что меня кто-то и как-то задержит в полку. Я отлично знал, что для моих офицеров это будет исключительно неприятной неожиданностью. Все они во мне видели не только что хорошего командира, вникающего во все их нужды, но и старшего полкового товарища, который с ними по-дружески проводит вре-

мя и во всем служит примером. Я знал, что они верили мне и во мне всегда могли найти твердую опору и защиту во всем.

В частных беседах, в их обращении ко мне, одинаково ласково переплетались и «господин полковник», и «Федор Иванович».

Я знал, что во мне они совершенно не видели того строгого официального командира полка, которого надо «почитать и бояться».

Наряду с воинской отчетливостью я видел их лица только веселыми и радостными при встрече со мной.

Как-то на одной вечеринке полковой адъютант, подпоручик Жагар, житель Ставрополя и старый шкуринец, в своем тосте сказал:

— Господа!.. Я думаю, что своими словами точно выражу мысль всех вас. Мы очень любим, ценим и уважаем нашего молодого командира полка, полковника Елисеева. Мы любим и уважаем его за все — и за его бои, и за его хорошую добрую жизнь с нами, где он является как бы нашим старшим офицером. Мы его совершенно не боимся как командира полка, но все его распоряжения исполняли беспрекословно за глубокое уважение к нему, зная, что все его распоряжения — продуманны и дельны. Чтобы долго не распространяться, надо одно сказать, что лучшего командира полка нам и не надо, и такого у нас во 2-м Хоперском полку и не было.

После таких слов он обратился взором ко всем и спросил:

— Правильно ли я говорю?

— Правильно-о! — загудели все двадцать человек.

Я сидел молча и слушал этого скромного офицера не казака, думая: к чему он это говорит?

Главная похвала умаляет всякие достоинства и к чему-то тебя обязывает. И если я вел полк «как следует», то ведь не для похвалы себе?

Я уже готовил в уме ответ Жагару, как он вдруг переменял тему своего тоста и продолжал:

— И вот, несмотря на все это, он все же не все доброе сделал для нас. Мы до сих пор остались в тех же чинах, которые имели до вступления в Добровольческую армию. И даже Вы, господин полковник, не помогли нам в этом. Извините меня за эти слова, но я, как полковой адъютант, нашел нужным это сказать, — закончил он.

А фронт был больше чем неожиданный. Последние слова Жагара смутили не только меня, но и офицеров. Меня потому, что я здесь был совершенно невиновен, а офицеров потому, что они были дей-

ствительно обижены, и их обида рикошетом попадала в их «любимого и уважаемого» командира полка, полковника Елисеева.

Но все они давно были представлены в следующие чины «за выслугу лет на фронте», что они и сами знали. Хорунжий Галкин был представлен уже и в войсковые старшины за отличие, но до сих пор оставался хорунжим.

Причина же всему была в том, что кубанский войсковой штаб мало считался с похвальными реляциями генерала Шкуро и все его представления офицеров в следующие чины откладывал.

Полк я принял 18 октября 1919 года, в дни печального оставления нами Воронежа. После этого пошло сплошное отступление всего фронта, когда было не до производства.

При начальнике дивизии генерале Губине о них и думать не нужно было. «Сонный штаб дивизии» на них бы даже и не ответил.

В середине ноября дивизию принял генерал Шифнер-Маркевич. Я ему доложил об обидной этой ненормальности, узнав все от адъютанта Жагара и «дерзкого» на слова хорунжего Галкина. А Шифнер-Маркевич, как бывший начальник штаба 3-го Конного корпуса генерала Шкуро, через которого прошли все эти представления, ответил мне так:

— Елисеев!.. Я это знаю. Все эти представления прошли через меня. Повторять их ни к чему. Надо только ждать. Все придет своевременно.

Генерал Шифнер-Маркевич был человек умный, благородный. И напоминать ему вторично — значило не доверять ему. Этого я сделать не мог.

Все это я рассказал, ответил на тост Жагара. Обида их была мне понятна, но она не относилась ко мне.

Собрав офицеров, как всегда, у себя в квартире, я сообщил им о своем отъезде из полка. Услышав, все потупились и молчат. Вижу — явная обида: «Секретно подготовил уход и сообщил как о свершившемся факте».

Душевная обида за свой полк: «Он ему недостаточно мил. Значит — не милы и... МЫ?! Вот тебе и «любимый и уважаемый» (?), а покидает нас так неожиданно-негаданно. Не оценил нашей любви... не принял ее».

Вот только так можно было определить мысли офицеров, потупившихся передо мною. И это точно высказал так, почти дословно, хорунжий Шура Галкин, самый умный и авторитетный среди них.

Я оправдывался, сказав им:

— «Хопрь» плохо собираются. Но воевать надо. Я еду не в тыл, а на фронт, и мы еще встретимся.

Но при чем тут новая встреча, когда вынимается от них «сердце» — как подчеркнул кто-то из них тут же.

— Господа и други! Вопрос решенный... Прошу принять его так, как он есть. Вас я люблю и не забуду. Путь от Воронежа и до Тихорецкой в седле, с вами — незабываемый. А если вам этого мало — то я извиняюсь перед вами, как уже не ваш командир полка, — закончил им.

Это их смутило и как-то по-детски удовлетворило.

— Позвольте сделать Вам проводы? — говорит Галкин.

— А мне позвольте «смотреться» в Минеральные Воды, к отцу, и привезти бочонок собственного вина для этого? — запальчиво говорит штабс-ротмистр армянин Тер-Аракелов, очень рябой лицом, исключительно отчетливый по-кавалерийски, на бикирке которого были шашка и кинжал в массивном серебре.

Я позволяю «все»... Я объявил всем «полную свободную республику» в их действиях к проводам и этим под дружеские улыбки успокаиваю огорченные сердца своих боевых соратников «от Воронежа и до Кубани».

Кстати сказать, станица Невинномысская расположена на правом берегу Кубани, почему определение это фактически буквальное.

Как указал выше, я занимал большую залу богатого дома местного мукомола, иногороднего старовера. Моя узкая кровать стояла в углу и не нарушала и стилия залы городского типа, и вместительности. Здесь и был накрыт стол буквой «П» на тридцать персон — около двадцати офицеров и десяти сестер полка. Все заботы об этом взяли на себя сестры. Самая старшая среди них — умная, хозяйственная и авторитетная — была Евдокия Николаевна Колесник²⁷⁸.

Собрались. Настроение у офицеров такое, словно перед отъездом под венец невесты, и жаль ее, но это совершающийся факт. С этим надо примириться.

Полковые офицерские веселия у казаков почти все одинаковые — тосты и песни. Степень и красота их зависит от командира полка, традиций полка и состава офицеров. Наличные офицеры довольно хорошо пели. Застрельщиками веселия были полковник Тарарыкин, есаул Булавин, сотник Булавин и хорунжий Галкин. И все же у многих, и у меня лично, проскальзывала грусть — грусть разлуки.

Как всегда в таких случаях, много было тостов и пожеланий. Но, и как всегда, «всему бывает конец»...

Целой гурьбой, на многих санях, веселыми от выпитого, все двинулись на вокзал. Мои лошади были уже в вагоне, прицепленном к пассажирскому поезду. Верный урядник Тимофей Сальников своевременно позаботился об этом.

Со мной в санях несколько офицеров «в поэтическом беспорядке». Адьютант Жагар с кем-то скорчился у ног, за неимением места. Позади, на полосьях, ближайший мой духовный помощник хорунжий Шура Галкин и его друг, армянин Гари Авакьянц — милый приятный Гари. Они интеллигентные люди и отличные певцы и казачьих песен, и романсов. Они, словно преданные гайдуки, склонившись ко мне, своими нежными тенорами поют: «Не уходи, побудь со мною»... и мне от этого становится грустно.

Я еду только до Кавказской. Хочу и я наконец-то, как и все, хоть дня два провести в своей семье с родимой матушкой, с бабушкой, с четырьмя сестрами, с многочисленными племянниками и, может быть, с братьями-офицерами Андреем²⁷⁹ и Георгием²⁸⁰, случайно могущими быть в станице с фронта. Вот какова была жизнь строевого офицера тогда.

С переживанием всех этих чувств, провожаемый офицерами 2-го Хоперского полка, часть своей души я оставлял в этом полку.

Под крики «ура», под взмахи рук, папах и платочков сестер милосердия наш поезд двинулся на север, к станции Кавказская. Это было 30 января 1920 года.

О наградах (заключение)

Наш путь отступления от Воронежа и до Кубани был отрезком времени, в два с половиной месяца продолжавшимся, и был отрезком расстояния свыше одной тысячи километров.

Будучи мальчиком, когда я читал А.С. Пушкина «Путешествие в Эрзерум», где он писал, что путь от Воронежа и до Ростова он совершил на перекладных, в экипаже, — мне показалось тогда, что этот его путь был бесконечно длинным и утомительным. Мы же его, этот путь, с тяжелыми арьбергарадными боями совершили в седле. Многое в жизни относительно.

За это время, за эти арьергардные бои, уже с пониженным моральным настроением всех отступающих войск белых армий генерала Деникина — никто из офицеров 2-го Хоперского полка не получил повышения в чине, как и ни один казак полка не был награжден Георгиевским крестом или Георгиевской медалью. Думаю, что так было во всех полках нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии.

Для незнакомых с положением по наградному делу сообщаю, что в Добровольческой армии генерала Деникина его приказом (выработанным положением) офицеры не награждались боевыми орденами за отличия, считая, что в Гражданской братоубийственной войне подобное награждение морально недопустимо.

Нижние чины всех рангов, до подхорунжих включительно, награждались за отличия Георгиевскими крестами и медалями. Так было и в Кубанском войске.

Награждать Георгиевскими крестами и медалями было право только командиров корпусов, по представлению подчиненных ему начальников.

Производство в офицеры, как и повышение в чинах, производилось главнокомандующим всеми Вооруженными силами Юга России генералом Деникиным. Исключение составляли Донское и Кубанское войска. В Донском войске, с атаманством генерала П.Н. Краснова с мая 1918 года и образованием своей самостоятельной Донской казачьей армии, право производства в офицеры и повышение в чинах войсковым кругом, конституцией Донского войска дано было войсковому атаману.

В Кубанском войске, по конституции Кубанского края, это право проведено было в жизнь только с начала 1919 года.

Как было в Терском войске — мне не известно.

После окончания Гражданской войны, уже за границей, во всех военных объединениях очень скоро были установлены нагрудные значки в память разных событий, в память пребывания в разных белых армиях и в разных отрядах. Установлены были значки полковые, батарейные, военных училищ, чины которых ими дорожат и гордятся. Мы же тогда, отступая, отбиваясь и уходя, совершенно не думали ни о наградах, ни о значках. Как не думали о производствах офицеров в следующие чины. Просто было не до этого. И в своем 2-м Хоперском полку, имея законную власть переименовывать казаков в высшие звания до вахмистра включительно, я,

так сожалел теперь, никого не повысил, даже в приказные или в младшие урядники. Об этом тогда, повторяю, как-то и не думалось, как не думали и командиры сотен — поощрить своих подчиненных казаков.

Такова была тогда душа большинства фронтовых офицеров в нашей дивизии. Казачьи полки воевали не из-за наград.

Никогда об этом поощрении не напоминал нам и благородный генерал Шифнер-Маркевич, так любивший и ценивший храбрых казаков, и сам никого не повысил в звание подхорунжего, имея на это право начальника дивизии. Такая была недопустимая скромность.

Вот почему, описывая поведение и подвиги некоторых офицеров 2-го Хоперского полка и дивизии, пусть это будет заочной наградой им, уже давно умершим или находящимся в неизвестности.

Описывая бои Корниловского конного и 2-го Хоперского полков, которыми командовал разновременно в 1919-м и 1920 годах, я рассказывал о боевых действиях и соседних частей дивизии, чему был живой свидетель.

Описывая подвиги полков, сотен, отдельных офицеров или казаков, я неизменно указывал дату подвига, название населенных пунктов. Офицеров и казаков указывал по чинам и каких они станиц. Все это писалось для того, чтобы был контроль, а не фантазия.

Описывая подвиги частей и старших надо мною начальников, я не скрывал и их отрицательных сторон.

История требует только правды, даже и не почетной, а не разбрасывания ненужной похвалы подвигов, не бывших в действительности.

С нашей смертью вне Родины все пойдет в полную неизвестность. Каждому надо описать боевую деятельность своих полков в Гражданскую войну 1918—1920 годов, не говоря уже о Великой войне 1914—1917 годов.

Войсковая История все это примет с глубокой благодарностью, не считаясь с малыми чинами или малой грамотностью автора. Старшие начальники и командиры обязаны написать о своих полках, чем исполнят священный долг и перед погибшими соратниками, и перед родным Кубанским войском, и перед всем казачеством — распятом и страдающем, но жаждущем ЖИТЬ.

О наших начальниках: генералы Шкуро, Шифнер-Маркевич, Соколовский

В письмах некоторые читатели моих брошюр просили написать биографию генерала Шкуро, что и исполняю, заканчивая свои брошюры о хоперцах.

В Париже я близко познакомился с ним в различных ситуациях, в которых он был очень откровенен со мной. При вынужденном выезде из Парижа в Югославию, возможно предчувствуя, что мы больше с ним никогда не встретимся (что так и случилось), он рассказал о себе, что я и записал тогда. Он со мною был на «ты». Перед своим отъездом, в черкеске и в погонах, он был у Великого Князя Бориса Владимировича, бывшего походного атамана всех казачьих войск во время Великой войны 1914—1917 годов, проживавшего тогда в своей вилле под Парижем. Визит был секретный. Он просил меня сопровождать его в таком же мундире, и я не ослушался его. Когда-то опишу все это и его печальный отъезд из Парижа. Это было, кажется, в 1932 году.

Вот что рассказал Шкуро о себе.

Он — казак станицы Пашковской Екатеринодарского отдела. Сын войскового старшины в отставке. Родился 7 февраля 1886 года. Окончил 3-й Московский кадетский корпус в 1905 году и Казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге в 1907 году, выйдя хорунжим в 1-й Уманский полк, стоявший в Карсе.

В 1909 году перевелся в 1-й Екатеринодарский полк, прослужив в котором несколько лет, вышел «по Войску», то есть в отставку, имея чин сотника.

По мобилизации 1914 года назначен в 3-й Хоперский полк, с которым выступил на Западный фронт. Там он скоро образовал партизанский отряд, который после революции 1917 года переброшен был в Персию, в Отдельный [Кавказский] кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова. К тому времени он имел чин есаула. Вернулся с войны в чине войскового старшины.

О его восстании под Кисловодском в середине лета 1918 года и о дальнейших действиях, как партизана и самостоятельного начальника в Батаалпашинском отделе того же года, очень мало написано, а действия его были исключительно успешны и героически. И уже тогда он вошел в сознание казаков как герой Кубани. И на-

столько, что постановлением Кубанской краевой рады от 30 ноября 1918 года он был произведен в чин генерал-майора.

За границей были пререкания в казачьей печати о его производстве в чин генерала. Одни доказывали, что этот чин он получил от рады, а другие говорили, что его произвел в генералы главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин.

Зная это, я и задал Андрею Григорьевичу этот вопрос, и он ответил, что, действительно, чин генерала он получил от краевой рады, но генерал Деникин тогда же отдал и свой приказ о производстве, словно ничего не зная о постановлении рады. И, улыбаясь, закончил словами: «Так что я есть двойной генерал-майор».

В генерал-лейтенанты он был произведен летом 1919 года.

Шкуро был женат еще в мирное время. С Татьяной Васильевной я познакомился только в Париже. Милая стройная блондинка. Родилась в 1892 году и умерла в Париже, когда Шкуро был уже в Югославии. Детей они не имели.

Там же, в Париже, он дал мне краткие сведения и о своем начальнике штаба 3-го Конного корпуса, Генерального штаба генерал-майоре Шифнер-Маркевиче, о котором отозвался как о выдающемся офицере, мятком, честном, добром и храбром человеке.

Шифнер-Маркевич — уроженец города Владикавказа Терской области. Сын генерала артиллерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище и потом академию. Вот, вкратце, что сказал Шкуро.

Шкуро и Шифнер-Маркевич были почти одногодки. Им тогда, в годы их боевой славы, не было и по 35 лет от рождения каждому. Но — какие подвиги совершали! И как были популярны среди казачества!

Нормально и последовательно полученное военное образование в мирное время, потом последовательно проходящий стаж командования воинскими соединениями, естественно, развивает в офицере понимание своей специальности и способных выдвигает на первое место. Это закон природы... В каждой специальности одни бывают хорошие, а другие выдающиеся.

Еще несколько строк о генерале Шифнер-Маркевиче.

При отступлении он неизменно находился в последних рядах, следуя в хвосте арьбергартного полка. Мы, два командира, верхом идем по обе стороны генерала, который был всегда бодр и разговорчив.

Под ним маленькая закудалая белая лошаденка обозного сорта. Она идет тихо, осторожно и от усталости, и от своей физической немощности.

В седле он нам с Соламахиным, сидящим на рослых лошадях, верхом своей папахи доходит только до плеч. Как-то неудобно было, разговаривая с ним, смотреть сверху вниз.

Воспользовавшись его всегда добрым отношением к нам, я как-то спросил:

— Почему Вы, Ваше превосходительство, взяли себе под седло такую слабенькую лошаденку? В случае нажима красной конницы Вы ведь и не уйдете!

— А-а... Это нарочно! — отвечает быстро он и, как всегда, немного заикаясь. — Я взял такую слабенькую лошаденку для того, чтобы казаки не думали, что генерал может уйти, ежели наскочит красная конница... следовательно, казаки не оставят меня и мы дадим бой, — заканчивает он уже серьезно.

Удивительно большая душа была в этом маленьком ростом и как будто штатском внешне человеке — в фигуре, в лице, в пенсне под нахлобученной на глаза папахой волчьей шерсти.

Его я еще раз увижу в Адлере, на Черноморском побережье, в средних числах апреля 1920 года, когда он, вследствие своей авторитетности, сыграл трагическую роль в капитуляции Кубанской армии. Об этом, в хронологическом порядке повествований, все будет описано подробно.

Генерального штаба полковник Соколовский. Он, как и Шифнер-Маркевич, не казак. Осенью 1918 года Соколовский был начальником штаба нашей 1-й Конной дивизии, состоявшей из пяти Кубанских и Черкесского конного полков, очень успешно действовавших в Закубанье и в Ставрополье. Дивизия была чисто кубанская, считалась очень сильной, и ею командовал генерал-майор барон Врангель, будущий главнокомандующий Русской Армией в Крыму в 1920 году.

Прошел ровно один год, и вот под Воронежем я встретил его в той же должности, но нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии, которой тогда командовал генерал Губин, кавалерийский офицер, всегда одетый в черкеску-шубу, в бурке. Волчью папаху Соколовский не носил. В этой должности он оставался и при Шифнер-Маркевиче и из станицы Иловайской Донского войска вместе с ним выехал в Екатеринбург.

В 1930—1933 годах несколько раз я встречал его в Париже. Он был шофером такси. Все так же был молчалив и скромн. После смерти начальника Киевского Константиновского пехотного училища (фамилию не помню) Соколовский был назначен вместо него. Продолжая быть шофером, он умер в Париже до Второй мировой войны.

«Война рождает героев» — говорит военная история, и, не будь ее, А.Г. Шкуро так и остался бы неизвестным «сотником по Войску», то есть в запасе офицеров своего Кубанского войска. Хотя — такова фортуна многих, ставших действительными героями Гражданской войны.

В Императорской армии каждый офицер, окончивший военное училище, обязан был прослужить в войсках полтора года за каждый год пребывания его юнкером в училище, как отплату государству за свое образование, и тогда, по желанию, мог выйти «в запас», состоя на учете. В казачьих войсках это называлось «выйти по Войску», то есть быть в запасе на учете войскового штаба.

Краткая «История Хоперцев»

Кто же они таковые? И почему с реки Хопра, с северных земель Донского войска, оказались у самых северных отрогов Кавказского хребта, имея границу с Грузией?

Генерал В.Г. Толстов²⁸¹, сверстник и друг генерала И.Е. Гулыги²⁸², еще из стен Ставропольского казачьего юнкерского училища, в чине есаула, написал историю 1-го Хоперского полка. Вот некоторые выдержки из нее:

«Первые официальные сведения о казаках на реке Хопре, впадающей в Дон, относятся к началу XVII века. Здесь, после Смутного Времени, одно время был со своими ватагами Атаман Заруцкий с Мариною Мнишек и ее сыном.

По уходе Заруцкого на Астрахань на Хопре осталась группа воровских казаков с атаманом Гришкой Черным.

Находясь на главном тракте Москва—Азов, район Хопра был давно ведом разным свободолюбивым натурам соседних губерний. С течением времени сюда просачивались недовольные порядками люди из разных происхождений, главным образом Тамбовского воеводства, а в 1669 году, одно время, осел здесь и сам Степан Разин».

Дальше в хронологическом порядке повествуется: «17 июля 1696 года, Хоперские казаки, с Донцами (1500 человек), ворвались в Азов и тем способствовали сдаче его русским войскам на второй день».

«Указом Царя Петра I от 14 мая 1711 года приказано: городки верховые с Хопра, за воровство, за принятие Булавина к себе и за то, что ходили против государевых войск, — снести, а жителей свести в нижние станицы, чтобы и впредь, на то смотря, так воровать, и бунтовщиков и шпионов принимать, было неповадно».

«В 1712 году хоперские городки — Пристанский, Беляевский и Григорьевский были разрушены войсками Петра I, а земли присоединены к Воронежской губернии.

На месте Пристанского городка была построена крепость — Ново-Хоперская.

С 1717 года к Ново-Хоперской крепости были призваны из разных Донских казацких городков и вольных черкас (запорожцев. — Ф. Е.) для службы, куда и прибыли 94 семейства Хоперских казаков. К ним примкнули 125 семейств из Харьковского, Острогажского, Сумского и других Малороссийских слободских казацких полков, которые и положили начало Хоперскому полку, под именем «Ново-Хоперских казаков».

«Указом 2 июня 1724 года установлена была Хоперская команда, а в 1767 году эта команда была развернута в Хоперский полк».

«Указом от 27 марта 1775 года повелено отпустить Хоперскому полку по 15 десятин земли на каждую душу мужского пола и присоединить к полку крещеных азиятцев — персиян и калмыков, — живших в селении Бобрах Битюцкой волости».

«27 июля 1775 года была перепись мужского населения Хоперского полка, которых оказалось 1513 казаков — служилых, годных к службе, стариков и малолетков. По национальностям они состояли: 775 казацких черкас (запорожцев), 208 персиян, 80 калмыков и 6 других инородческих групп» — так определяет состав Хоперского полка есаул Толстов.

«Строевой состав полка исчислялся: 15 старшин и 500 лучших казаков», — добавляет Толстов.

«До 45-ти летнего возраста казак нес полковую службу, потом 5 лет внутренней службы и только на 50-м году получал отставку».

«В 1816 году к Хоперскому полку были приписаны в казаки 109 военнопленных поляков и абазинцев». Кто такие «абазинцы» —

В.Г. Толстов не поясняет, но это были, видимо, персияне или одно из горских племен Северного Кавказа²⁸³.

К этому времени в окрестностях крепости Ново-Хоперска было населено четыре слободы семейных хоперских казаков — Алферовка, Пыховка, Градская и Красная. Все они расположены в верховьях реки Хопра, севернее Урюпинской станицы Хоперского округа Донского войска, но не входили в состав Донского войска, а числились в Воронежской губернии. Историк Толстов дальше пишет, что «24 сентября 1775 года графом Потемкиным, командиром Хоперского полка, утвержден Донского Войска полковник Устимов».

Г.А. Потемкин-Таврический в это время был начальником Новороссийского края, и ему подчинялись Донское, Малороссийское и Запорожское казачество, хотя к этому времени, 5 июня 1775 года, Запорожская Сечь была разрушена русскими войсками, а манифестом Императрицы Екатерины Великой от 3 августа того же года упразднено Запорожское казачье войско.

Официальные источники говорят, что «для укрепления русского влияния и противодействия влиянию турок Потемкиным-Таврическим были организованы в 1777 и 1778 годах Кавказская и Черноморская укрепленные линии. Первая проходила от Черкаска, через Ставрополь на Моздок, а вторая — от Черкаска, берегом Азовского моря до Тамани и далее вверх по Кубани до нынешней станицы Славянской».

Хоперский полк, как самостоятельная единица, несший свою службу в глубине государства, возможно и из-за своих «вольностей» — «в 1777 и 1779 годах, с семьями и со всем своим имуществом, в количестве 3000 человек был переселен на Кавказ и возле укреплений — Ставропольского, Донского, Московского и Северного, образовали свои станицы. Сначала выступили строевые казаки, а за ними стали подниматься и семьи», — пишет П.П. Короленко²⁸⁴.

Есаул Толстов в своем капитальном труде о Хоперском полку пишет:

1. «При переселении к Ставрополю — хоперцы потеряли полсостава своих лошадей».

2. «24 августа 1777 года — Хоперский полк включен в состав Астраханского казачьего Войска».

3. «11 апреля 1786 года — Хоперский полк выделен из Астраханского Войска».

Нужно пояснить, что к этому времени пространство северной Кубани было занято кочевыми народами — татарами и ногайцами — и России не принадлежало.

В 1783 году крымский хан отказался от престола в пользу России и река Кубань была объявлена пограничным рубежом с Турцией.

В 1792—1793 годах с Днестра, из Бессарабии, на Кубань было переселено «Войско верных казаков Черноморских» (бывших запорожцев), имевшее уже новое наименование — Черноморское казачье войско. Оно заняло все земли севернее Кубани, имея границу с черкесскими племенами по Кубани от Таманского полуострова и до Усть-Лабинского укрепления.

В 1794 году насильственно и под конвоем русских войск из района Нижне-Чирской станицы, что в восточном изгибе Дона, на Кубань было переселено 1000 семейств донских и 125 семейств волгских казаков. Они образовали шесть станиц: Воровсколескую, Темнолескую, Прочноокопскую, Григориполисскую, Кавказскую и Усть-Лабинскую, выделив из себя конный полк, названный Кубанским, со штабом полка в станице Прочноокопской.

В 1802 году на Кубань добровольно переселились остатки Екатеринославского казачьего войска и образовали станицы — Ладожскую, Тифлисскую, Казанскую, Темижбекскую и, впоследствии, Воронежскую, выделив от себя конный полк, названный Кавказским, со штабом полка в станице Тифлисской.

В связи с занятием этими новыми казачьими полками всего правого течения реки Кубани Хоперский полк своими поселениями оказался в тылу. Поэтому в 1825—1827 годах он был с семьями переселен в верховья реки Кубани и образовал собою новые станицы по ее течению — Невинномысскую, Беломечетскую, Батапашинскую, Барсуковскую и на реке Куме — Бекешевскую и Карантинную. Последняя в 1835 году переименована в Суворовскую.

Оканчивая столетний период «переселенчества» хоперских казаков из Воронежской губернии на берега Кубани, укажу на «остатки» имени их в самом городе Ставрополе (нашего времени). Там были улицы, которые назывались: 1-я Станичная, 2-я, 3-я, кажется, была и 4-я Станичная улица. Почему они так названы — мне не известно. Возможно, что в Ставропольском тогда укреплении поначалу жили семьи казаков. Вообще Ставропольский район

в те времена был чисто казачий. И город Ставрополь, с образования Кубанского войска до 1860 года, считался военным и административным центром всех полков Кавказского линейного казачьего войска, где и училась казачья молодежь. В нем было учреждено и Ставропольское казачье юнкерское училище, которое окончили и наши старшие современники: автор «Истории Хоперского полка» есаул В.Г. Толстов, знаменитый вождь пластунов, Генерального штаба генерал-лейтенант И.Е. Гулыга и многие другие старшие кубанские офицеры. Это училище окончил и наш величественный командир 1-го Кавказского полка генерал-майор Эльмурза Асланбекович Мистулов²⁸⁵ — терский казак.

В 1898 году это казачье юнкерское училище для Кубанского и Терского войск было закрыто императорской властью. Вакансии от них были переведены в Оренбургское казачье юнкерское училище. Причины этому неизвестны. Потребовалась Великая война 1914 года, потом жуткая русская революция, потом кровопролитная Гражданская война 1918—1920 годов, чтобы в Кубанском войске, в Екатеринодаре, вначале открылась школа прапорщиков в Великой войне, преобразованная уже в Гражданской войне в Кубанское военное училище, в которое был доступ и терским казакам, и русской молодежи.

Прошло больше двух веков от бурливого хоперского казачества булавиновских времен за казачью вольность. Кубанское войско стало большой военно-административной казачьей единицей в Русском государстве, раскинувшись от границ Донского войска до самых вершин Кавказского хребта. Появилось много новых станиц. Увеличилось число полков войска. Хоперский полк признан был *старейшим*, и по нему, императорской властью, было дано старшинство войску с 1696 года — года участия хоперских казаков во взятии турецкой крепости Азова при царе Петре I.

П.П. Короленко пишет: «Когда же Хоперцы были отчислены от Донцов, и из них составилась особый конный полк — то Военная Коллегия определила им следующее однообразное обмундирование, несколько сходственное с запорожским: шапку круглую с малиновым верхом и барашковым околышем; кафтан голубого цвета; полукафтаны и шаровары малиновые, с малиновым на верхнем кафтане отворотом и с черным кушаком. Вооружение полагалось казаку: карабин, сабля и пика. Но, с переходом на Кавказ, Хоперцы не следовали означенному указанию, а придерживались той

формы одежды, которую в ту пору носили на Кубани Донские казаки. С течением времени, как Хоперцы, так и прочие Линейные казачьи полки, приняли одежду и вооружение черкесов, удержав только одну донскую пику, считавшуюся важным оружием в иррегулярном войске; но и от нее скоро отказались»²⁸⁶.

С переменой обмундирования переменились психологически и казаки, жившие станицами между черкесскими аулами. Подражание черкесу в седле, в хорошем вооружении, в набеге крепко укоренилось среди них, как и другие горские манеры.

В метель, при переходах в Воронежской и Курской губерниях, хоперцы, нарушая строй, группировались в кучки верховых и тихо пели свои тягучие песни линейных казаков. При этом от жестокого ветра накиннув башлыки на папахи — концы их завязывали на лбу, что я видел впервые среди своих кубанских казаков: получалась как бы «чалма». Это было по-горски.

В мирное время 1-й Хоперский полк стоял в Кутаисе, в сердце прелестной Грузии, почему кавказское щегольство в вооружении и манере носить черкески еще более усилилось среди них.

В Оренбургском казачьем училище вакансии выйти хорунжим в 1-й Хоперский полк считались наилучшими. Но их было так мало... Меня всегда привлекали хоперцы, как что-то выдающееся в родном Кубанском войске.

Перед самым началом Великой войны 1914 года 1-й Хоперский полк был придан к Кавказской кавалерийской дивизии «четвертым полком». С ней он провел всю войну.

В июле 1915 года эта дивизия была перебросена с Западного фронта в Персию и с 3-й Забайкальской казачьей бригадой генерала Стояновского²⁸⁷ совершила 600-верстный марш от Джульфы, через Тавриз, по южному берегу Урмийского озера и вошла в город Ван, в Турции.

Встретить и пригласить в гости к нам, к кавказцам²⁸⁸, старейший 1-й Хоперский полк выехали далеко за город на юго-восток подъесаул Маневский и двое хорунжих. Мимо нас прошли драгуны — 17-й Нижегородский, 16-й Тверской и 18-й Северский полки генерала Шарпантье. У них образцовый порядок. На седлах драгун — ничего лишнего. Офицеры идут строго на своих местах. Драгуны сидят на крупных лошадях, но по горной местности — уже «подбитых». 1-й Хоперский полк был в арьергарде. И вот показался он, длинной лентой в колонне по три, спускавшийся с перевала.

Все казаки в одинакового размера черных небольших папахах без всякого «залома» их. Все в гимнастерках, которых наш полк еще и не знал. Очень много георгиевских кавалеров. У казаков замечен «острый взгляд», воинская подтянутость, однообразность формы одежды, правильное держание дистанции на походе на своих поджарых кабардинцах, «просящих повода», несмотря на продолжительность многосотверстного похода.

1-й Хоперский полк представился нам очень подтянутой воинской частью, отшлифованной кавалерийской чопорностью той дивизии, к составу которой тогда принадлежал.

Впереди полка шли в седлах два штаб-офицера в серых черкесках при черных бешметах — командир полка полковник Потто²⁸⁹ и его помощник, войсковой старшина Ларионов²⁹⁰, старейший хоперец. Потто — сын известного историка, генерала Потто²⁹¹. Оба они маленького роста и сухощавые.

На доклад Маневского «всему Хоперскому полку пожаловать в гости в 1-й Кавказский полк» Потто благодарит за внимание, приятно улыбается, и его полк, под бравурные звуки полковых трубачей и под заливные песни во всех сотнях, шумно вошел в город Ван по его кривым азиатским улицам, направляясь к биваку нашего полка.

Выстроенный в пешем строю Кавказский полк встретил хоперцев их полковым маршем. Маленький сухенький полковник Потто от неожиданности быстро бросил несколько слов следовавшему за ним полковому штаб-трубачу, и — залилась труба:

— В резервную колонну построитесь-а!

Затем сигнал «широкий намет» и исполнительный, протяжно:

— Все-е... испол-няй-те-е!

Словно на голову колонны полка неожиданно напал враг — сотни широким наметом бросились вперед и через несколько секунд «мертво» образовали полковую резервную колонну в одну тысячу разгоряченных лошадей.

— ШАШКИ ВО-ОН!.. ГОС-СПОДА ОФ-ФИ-ЦЕРЫ-Ы! — громко выкрикнул Потто, и полковой хор трубачей-хоперцев прорезал всех звучным встречным полковым маршем 1-го Кавказского полка.

Незабываемые картинки строевых частей, удали и братства казачьего!

Начальник дивизии генерал-майор Шарпантье разрешил Хоперскому полку быть гостями у кавказцев два часа. Каждая сотня кав-

казцев щедро угощала свою нумерную сотню хоперцев — лошадей свежей травой «люцерна», а казаков обильным обедом и вином, которого у армян было много.

Казачий обед прошел коротко, по-военному. Не прошло и получаса, как весело заговорил многосотенный бивак казачий... Со всех сторон двенадцати широко разбросанных сотен полились песни. Грянули два хора полковых трубачей. Рванулся веселый танец «казачок»... Понеслась классическая кавказская лезгинка. И, переплетясь исстари братским общением, два полка казачьих сплелись вместе, словно два брата родных и неразлучных, что и не отличишь — где хоперец и где кавказец.

А господа офицеры?! Под ласкающей тенью чернослив, осыпанных обильным урожаем, в своем безудержном порыве гостеприимства в порядке старшинства в чинах раскинулись они на бурках. После коротких тостов старших до двух десятков хорунжих и сотников, вырвав власть у них, восторженно услаждали всех, после каждого приветствия, кавказскими застольными песнями — «Мраволжамиер» и «Алла-верды». Татарские возгласы «чох-саул» и «якши-йол» неслись как боевые кличи. Все мы блаженствовали от счастья такой встречи, как бивак огласил хор трубачей-хоперцев мелодией «Генерал-марша»:

Всадники-друзи, в поход собирайтесь!
Радостный звук Вас ко славе зовет!..

Это приказал полковник Потто своему полку окончить веселие и идти на бивак к своей Кавказской кавалерийской дивизии. Так было весело и торжественно тогда, и так было грустно и тяжело с хоперцами мне «от Воронежа и до Кубани» всего лишь через пять лет.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

К о п и я

КРАТКАЯ ЗАПИСКА О СЛУЖБЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФОСТИКОВА

1. Чин, имя, отчество и фамилия: *Генерал-лейтенант Михаил Архипович Фостиков.*
2. Должность по службе: *Командиром 1-го Кубанского казачьего полка с 8 июля 1918 года, Командиром 1-й бригады 2-ой Кубанской казачьей дивизии, Начальником 2-ой Кубанской казачьей дивизии, Командующим Армией в восстании 1920 г. на Кубани, Командиром Кубанского корпуса (Крым—Лемнос), Начальником Кубанской казачьей дивизии (в Сербии по переформировании корпуса) — по 12 июля 1921 года.*
3. Когда родился: *25 августа 1886 года.*
4. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец: *Из дворян Кубанского казачьего войска, станицы Баталпаинской.*
5. Какого вероисповедания: *Православного.*
6. Семейное положение: *Женат. Жена — Вера Владимировна. Два сына: Георгий и Борис.*
7. Где воспитывался: *Общее — Ставропольское реальное училище, окончил курс. Военное — Алексеевское военное училище по 1-му разряду (старшим портупей-юнкером). В Николаевской Военной Академии окончил младший и перешел на старший курс. (Удостоверение Академии от 2 марта 1918 г. за № 1796, выданное согласно постановления конференции Академии от 25 февраля 1918 года.)*
8. Прохождение службы, произведен: *в хорунжие 15 июня 1908 г., со старшинством 14 июня 1907 г. в сотники 5 октября 1911 г., со старшинством 14 июня 1911 г.*

в подесаулы 1 августа 1915 г., со старшинством 14 июня 1915 г.

в есаулы 20 сентября 1917 г., со старшинством 14 октября 1916 г. (день отличия).

в войсковые старшины 30 октября 1917 г., со старшинством 15 августа 1917 г.

в полковники 27 сентября 1918 г.

в генерал-майоры 5 июня 1919 г.

в генерал-лейтенанты 17 октября 1920 г.

9. Участие в войне:

1. В Шахсевенской экспедиции (Персия) в 1912 г.

2. В войне с Турцией с 18 октября 1914 г. по 2 сентября 1917 г.

3. В войне с большевиками — с 1 апреля по 6 июля 1918 г. в станичных организациях, а с 6 июля 1918 г. по 12 июля 1921 г. в строю.

10. Награды и знаки отличия:

ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволение в 1911 г.

Нагрудная медаль в память 300-летия Царствования Дома РО-МАНОВЫХ.

Кавказский крест.

Орден Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом — 1912 г.

Орден Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом — 1915 г.

Орден Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость» — 1915 г.

Орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом — 1915 г.

Орден Св. Станислава 2 ст. с мечами — 1915 г.

ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволение — 1915 г.

Орден Св. Анны 2 ст. с мечами — 1916 г.

Орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом — 1916 г.

Чин есаула — 1917 г., чин войскового старшины — 1917 г.

Казачьи Георгиевские кресты 4-й и 3-й ст.²⁹² — 1917 г.

Чин генерал-майора — 1919 г., чин генерал-лейтенанта — 1920 г.

Орден Св. Николая Чудотворца 2-й ст. — 1920 г.

Персидский Орден Льва и Солнца 3-й ст. — 1916 г.

11. Ранения и контузии: Ранен — ДЕСЯТЬ раз, контужен — ПЯТЬ раз.

Генерал-лейтенанта ФОСТИКОВА знаем по совместной службе и все изложенное в сей краткой записке свидетельствуем своими подписями.

Приказы Главнокомандующего Добровольческой Армией, за 1918 год №№ 176 и 421 об ответственности за даваемые показания нам известны.

Сремски-Карловци (Королевство С.Х.С.) ноября 1925 г.

Начальник Кубанской казачьей дивизии

Генерал-Майор Зборовский

Генерал для поручений при Главнокомандующем

Русской Армией

Генерал-Майор Артифексов

Подлинность собственноручных подписей Генерал-Майора Зборовского и Генерал-Майора Артифексова подписью и приложением казенной печати свидетельствую

М.П. Пом. Нач. Штаба Главнокомандующего Русской Армией

Генерал-Лейтенант Архангельский

№ 34/А. 12.1.25. Ср. Карловци

С подлинным верно:

Старший адъютант

Полковник Задохлин

Приложение 2

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО. ВОЕННО- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ (на апрель 1920 года)

В административном отношении Кубанское казачье Войско состояло из 7 Отделов, в военном — из 11 полковых округов.

1. **Ейский Отдел** в военном отношении делился на два полковых округа: **Ейский** (комплектовал 1-й, 2-й, 3-й Запорожские полки) и **Уманский** (1-й, 2-й, 3-й Уманские полки). Кроме того, Отдел выставяла 5-й, 11-й и 17-й пластунские батальоны.

2. **Таманский Отдел** делился на два полковых округа: **Полтавский** (1-й, 2-й, 3-й Полтавские полки) и **Таманский** (1-й, 2-й, 3-й Таманские полки). Отдел выставяла 3-й, 9-й, 15-й и 21-й пластунские батальоны.

3. **Екатеринодарский Отдел** комплектовал 1-й, 2-й, 3-й Екатеринодарские полки и 1-й, 7-й, 13-й, 19-й пластунские батальоны.

4. **Кавказский Отдел** делился на два полковых округа: **Кавказский** (1-й, 2-й, 3-й Кавказские полки) и **Черноморский** (1-й, 2-й, 3-й Черноморские полки). Отдел выставяла 4-й, 10-й, 16-й и 22-й пластунские батальоны.

5. **Майкопский Отдел** в военном отношении назывался **Линейным** полковым округом. Комплектовал 1-й, 2-й, 3-й Линейные полки и 2-й, 8-й, 14-й, 20-й пластунские батальоны.

6. **Лабинский Отдел** делился на два полковых округа: **Лабинский** (1-й, 2-й, 3-й Лабинские полки) и **Кубанский** (1-й, 2-й, 3-й Кубанские полки).

7. **Баталпашинский Отдел** в военном отношении назывался **Хоперским** полковым округом. Комплектовал 1-й, 2-й, 3-й Хоперские полки и 6-й, 12-й, 18-й пластунские батальоны совместно с Лабинским Отделом.

«Армия возрождения России» вела боевые действия на территории трех Отделов Войска — Баталпашинского, Лабинского и Майкопского.

Баталпашинский Отдел: станицы Баталпашинская, Невинномысская, Беломечетская, Отрадная, Воровсколеская, Спокойная, Передовая, Удобная, Усть-Джегутинская, Бекешевская, Суворовская, Исправная, Красногорская, Сторожевая, Зеленчукская, Кардоникская, Преградная, Темнолесская, Надежная, Подгорная; села Ольгинское, Богословское, Александродар, Великокняжеское, Рождественское, Казминское, Ивановское, Казинка, Георгиевское, Кычевское, Георгиевско-Осетинское, Маринское, Ермоловское, Марухское, Пантелеймоновское; монастыри Свято-Александро-Афонский и Спасо-Преображенский; аулы Ураков, Шах-Гиреевский, Эрсаконовский, Мансуровский, Шабазовский, Тахтамышевский, Докшуковский, Тозартуковский, Дудароковский, Балпинский, Береслановский, Атажукинский, Джеганасско-Еврейский, Бибердовский, Касаевский, Хоходуковский, Атлескировский, Джегутинский, Хумаринский, Марухский, Дотонский, Хасаутский, Греческий, Хуссы-Кардоникский, Сентинский, Тебердинский, Джазлыкский, Карт-Джоркский, Доутский, Уч-Куланский, Хурзукский; хутора Базы, Невинномысские, Кувинский.

Лабинский Отдел: станицы Лабинская, Новоалександровская, Григориполисская, Новомихайловская, Новотроицкая, Рождественская, Каменобродская, Новомарьевская, Прочноокопская, Сенгилеевская, Михайловская, Убеженская, Николаевская, Курганная, Константиновская, Родниковская, Урупская, Чамлыкская, Бесскорбная, Еременская, Вознесенская, Владимирская, Попутная, Зассовская, Упорная, Каладжинская, Бесстрашная, Отважная, Подгорная, Надежная, Ахметовская, Кармалиновская; села Кубанское, Вольное, Конаково, Успенское, Маламино, Голицыно, Кургоковское, Натырбово, Борвинок, Русский, Царицынский, Марьинский, Горькореченский, Сергиевский.

Майкопский Отдел: станицы Некрасовская, Новолабинская, Тенгинская, Геймановская, Воздвиженская, Темиргоевская, Гиангинская, Келермесская, Дондуковская, Белореченская, Ханская, Бжедуховская, Пшехская, Черниговская, Имеретинская, Гурийская, Тверская, Абхазская, Линейная, Кубанская, Кабардинская, Сергиевская, Кужорская, Ярославская, Махошевская, Костромская, Тульская, Апшеронская, Нефтяная, Курджипская, Хадыжен-

ская, Ширванская, Прусская, Абадзехская, Дагестанская, Севастопольская, Царская, Хамкетинская, Самурская, Нижегородская, Каменноостская, Баракаевская, Губская, Переправная, Даховская, Бесленевская, Баговская, Псебайская, Андриюковская; села Николаевское, Ивановское, Киевское, Белое, Бжедуховское, Филипповское, Царский Двор, Леонтьевское, Штурбино, Елисаветинское, Гунайское, Котловинное, Перевальное, Маратук, Темнолесское, Беноково, Сахрай, Алексеевское, Бурное, Черноречье; аулы Хатукаевский, Адамиевский, Темиргоевский, Ульский, Хатажукай, Хакуриновский, Мамхоевский, Егорукаевский, Джеракаевский, Хачемзиевский, Кошехабльский, Унароковский; хутора Болгов, Михайловский, Кубанский, Ходыженский, Зеленчукские, Школьный, Архангельский, Васильевский, Сахрайский.

(Названия населенных пунктов даны по картам старого издания. Некоторые мелкие поселения из-за их многочисленности пропущены.)

Приложение 3

О ПОЛКОВОЙ ПЕСНЕ 1-ГО ХОПЕРСКОГО ПОЛКА

Здесь приводится история слов полковой песни хоперцев «Аллаверды»²⁹³.

В 1871 году Государь, в сопровождении своих Августейших сыновей — Наследника Цесаревича Александра Александровича и Великого Князя Владимира Александровича посетил Кавказ. Разумеется, по этому случаю во всем крае устраивались празднования и увеселения. Когда я приехал в Кутаис, жена тамошнего военного губернатора графиня О.В. Левашева обратилась ко мне с просьбой устроить в Кутаисе торжественный праздник в честь Царственно-го Гостя. У меня тотчас же родилась мысль возобновить в малом виде то, что я видел в Каире в 1869 году по случаю открытия Суэцкого канала, придав празднику местный колорит — джигитовку, лезгинку, русские хороводы и т. д.

К назначенному дню все оказалось готовым и обещало быть интересным, но проливной дождь, увы, помешал осуществлению этих приготовлений. Зато 2-я часть праздника, то есть живые картины и бал, вполне удалась. К этому случаю я, как всегда, должен был написать стихи. Мне не удалось прочесть их, как предполагалось, Государю, в присутствии ликующего народа, но, узнав от графа А. Адлерберга о том, что я написал стихотворение, Государь, с обычной своей благосклонностью, позвал меня в одну из примыкавших к танцевальному залу гостиных и, в присутствии двух-трех приближенных, заставил меня прочесть стихи. Вот они. Сколько помнится, они нигде не были напечатаны:

С времен давно-давно отжитых,
С преданий Иверской земли,
От наших предков знаменитых
Одно мы слово сберегли.

В нем нашей удали начало,
 Товарищу счастья и беды,
 Оно всегда у нас звучало:
 Аллаверды!.. Аллаверды!..
 Аллаверды — Господь с тобою,
 Вот слова смысла, и с ним не раз
 Готовился отважно к бою
 Войной взволнованный Кавказ.
 Ходили все мы к схваткам новым,
 Не дожидаясь очереди,
 Хвала погибшим, а здоровым —
 Аллаверды!.. Аллаверды!..
 Когда, досуг кавказский теша,
 Простор давая бурдюкам,
 В кругу веселом азарпеша
 Гуляет звонко по рукам,
 Неугомонно ходит чаша,
 И вплоть до утренней звезды
 Несется голос тулумбаша:
 Аллаверды!.. Аллаверды!..
 Одной природой мы богаты,
 Но, как и в прежние века,
 У нас под кровлей каждой хаты
 Есть уголок для кунака.
 Нам каждый гость дается Богом,
 Какой бы ни был он среды,
 Хотя бы в рубище убогом —
 Аллаверды!.. Аллаверды!..
 Когда же гость — Отец Державный,
 Земному солнцу кто не рад!
 Поднимутся на пир задравный
 Эльбрус, Казбек и Арарат...
 И грянем дружно всем Кавказом
 На все наречья и лады,
 Одной душой, единым разом —
 Аллаверды!.. Аллаверды!..
 Ты осенил нас благодатью,
 Детей и жен ты наших спас,
 Ты помнил и меньшую братью,

Ты к просвещенью двинул нас.
 Благословен же будь судьбою,
 Тобою сильны и горды,
 Великий царь, Господь с Тобою!
 Аллаверды!.. Аллаверды!..

Граф В.А. Соллогуб

Приложение 4

СЕКРЕТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА КРАСНЫХ

Представленная секретная и совсекретная переписка командующих и штабов Кавказского фронта и 9-й Кубанской красной армии содержит сведения о применении репрессий и поголовного террора в 1920 году к казачьему населению «контрреволюционных» станиц. Документы свидетельствуют, как и какими способами действовали части Красной армии против казаков, поддержавших «Армию возрождения России» или вернувшихся в свои станицы.

Стиль, орфография и подчеркнутые места в документах оставлены без изменений, курсив — составителя.

Телеграмма²⁹⁴ серия «Г» Наштакавказ

Екатеринодар 10 августа 1920 г. пр 9238/с

...7 августа в связи с налетом противника на Беломечетскую и создавшейся угрозой Батаалпашинской... перед отходом полков из Кардоникской эта станица была уничтожена.

Вр. Наштарм 9 Куб Машкин

Срочно Секретно Комфронту Кавказской²⁹⁵

Штарм 9 Кубанской 10 августа 1920 г.

...в Терской области формируется Ингушский полк, который в силу знания особенностей горной местности и исторического вза-

НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ

имоотношения с казаками, может быть с успехом и в полной мере быть использованным в Кубанской области в борьбе с белогвардейскими бандами...

Командарм Левандовский
Член РВС Ян Полуян
ВРИД Наштарма Маттис

Командарму 9 Кубанской²⁹⁶

5 августа 1920 г.

Наштавойск СКВО сообщает, что по сведениям полученным от начполитотдела Екатеринодара отряды действующие против банд в районе Лабинского отдела производят грабежи и самочинные реквизиции создавая антисоветское настроение...

Наштакавказ Пугачев
Военком Печерский

НачопероДАрм 9 Кубн²⁹⁷

ЕК/ДР 5/8 20 г.

...военком бригады 65 тов. Спектором сообщено что на отдельского военкома передано дело особый отдел... т.к. во время обыска отбирались предметы не военного характера как то ковры принадлежности дамского туалета и таму подобные.

Наштадив Солнцев
военком Кавалер

Серия «Г» Секретно Командкавказфронта копия Наштакавказфронта²⁹⁸

Екатеринодар 14/9-20 г. На НР 91/а, 9955/с, 10104/с

Доношу, что станицу совершенно оставленных казаками в области нет точка Независимо от того что население почти каждой станицы резко делится на казачье и иногороднее зпт не вся казачья часть станиц даже контрреволюционных ушла с противником точка К наиболее скомпрометировавшим себя станицам не только за

последнюю десантную операцию противника но и вообще за войну согласно докладу Ревсовету Тов. Ландера зпт по неполне проверенным сведениям должно быть отнесено около ста двадцати станиц точка Совершенно очевидно что поставить во всех них гарнизоны значит распылить всю армию зпт почему придется положить в основание данные политические разрешить вопрос создания в области опорных пунктов с военной точки зрения точка... НР 2737/с

Командарм 9 КУБ Левандовский
Член Р.В.С. Косиор
НАШТАРМ 9 КУБ Чернышев (?)

Штаб 9 армии Операт. отдел

Совершенно секретная переписка оперативного характера.

«Сведения о применении репрессий к населению станиц, которые были заняты бандами белых и их результаты с 1-го по 20-е сентября 1920 г.»²⁹⁹

1. Какие и в каких станицах были применены репрессии с 1-го по 20-е сентября 1920 года, в чем они выразились, количество разстрелянных.

2. Отношение населения станиц к Советвласти до наступления и применения репрессий, во время наступления и прим. репрессий в настоящее время.

3. Количество добровольно вернувшихся бандитов с оружием и без оружия.

4. Где противник, его силы и где места заслуживающие внимания.

5. Что еще желательно было бы сделать для окончательного нашего закрепления на Кубани.

100-я бригада:

1. Ст. Кужорская — все семьи бандитов выселены в Майкоп. Разстреляно 18 бандитов.

Ст. Махошевская — конфисковано имущество бежавших к бандам и разстрелян 1 человек.

Ст. Костромская — разстреляно 6.

Ст. Ярославская — конфискация имущества бежавших, разстреляно 5 человек.

2. До наступления и применения репрессий отношение казачества к Советвласти было враждебное, а среди иногородних сочувствующее. После репрессий настроение казачества покорное, а иногородних сочувствующее.

3. Ст. Кужорская. Вернувшихся без оружия 9 человек. С оружием ни одного.

Ст. Махошевская. Вернувшихся без оружия 228. С оружием 5 человек.

Ст. Ярославская. Вернувшихся без оружия 60 человек. С оружием ни одного.

101-я бригада:

1. Ст. Хадзыженская — обстреляна артогнем.

Ст. Кабардинская — обстреляна артогнем, сожжено 8 домов, разстр. 2 человека.

Хутор Кубанский — обстрелян артогнем.

Ст. Гурийская — обстр. артогнем, взяты заложники.

Хутор Чичибаба и хут. Армянский сожжены дотла.

Ст. Черниговская — обстреляна артогнем и сожжено 3 дома.

Ст. Пшехская — обстреляна артогнем, взяты заложники.

Ст. Бжедуховская — сожжены 60 домов.

Ст. Мартанская — сожжено 9 домов.

Ст. Апшеронская и х. Куринка обстреляны артогнем, при чем в последнем сожжен — дом атамана.

2. До применения репрессий население станиц к советвласти было настроено враждебно, во время же применения репрессий и после таковых дало обещание всецело поддерживать советвласть... за исключением ст.ст. Бжедуховская, Мартанская и Черниговская, которые до сего времени настроены враждебно и контр-революционно к советвласти.

3. Добровольно вернулось без оружия 29 и с оружием 25 человек.

4. Противник находится в районе Бжедуховская — отряд Штабс-Капитана Редерера 140 шт. 180 сабель при 2 пулеметах. В ст. Черниговская оперируют мелкие банды. В ст. Тверская отряд Игнатенко 80 сабель. Х. Баранчуковский отряд Руднева 45 чел. при 3 пулем. Вниман. в районе Черниговская-Гурийская-Кубанская. Баранчуковский-Апшеронская-Хадзыжинская-Нефтяная-Ширванская.

5. Для более прочного закрепления Советвласти на Кубани необходимо выставить гарнизоны во всех станицах. Причем гарни-

зоны должны быть такой численности, чтобы каждую минуту можно было бы выделить отряд для преследования бандитов. В этом случае большую (неразб.) руководством опытных инструкторов и политработников, которые успешно поведут борьбу с бандитами.

Лаб[инская] группа:

1. Ст. Чамлыкская — разстреляно 23 чел.

Ст. Родниковская — разстреляно 11 чел.

Ст. Лабинская — 42 чел.

Ст. Мостовая и Зассовская — 8 человек.

Ст. Каладжинская — 12 человек.

Ст. Псебайская — 48 человек.

Ст. Андрюковская — 16 человек.

Кроме того, **разстреляно полками при занятии станиц, которым учета не велось.**

2. Отношение населения станиц до применения репрессий было антибольшевистское, вследствие чего явился поголовный уход жителей в горы со всем имуществом, после применения репрессий жители понемногу начали возвращаться в станицы и относиться к советвласти безразлично покорно, как побежденные... 3. Вернулось без оружия в ст. Владимирская — 108 человек.

4. Противник отшел за перевалы Псеаиха и Аишиха, остались мелкие банды в районе участка Лабгруппы, которые с успехом вылавливаются и не имеют организованного характера, со временем распылятся.

[...] группа:

1. Ст. Тульская — конфисковано имущество и произведены аресты.

Ст. Ханская — разстреляно 100 человек конфисковано имущество и семьи бандитов отправляются в глубь России.

2. Отношение населения станиц до применения репрессий было враждебное к советвласти, в настоящее время население понемногу принялось за работу...

3. Вернулось 38 человек из них один с оружием. Вернулся 1 бандит.

5. Общий вывод: **желательно проведение в жизнь самых крутых репрессий и поголовного террора на контр-революционные станицы.**

КОММЕНТАРИИ

¹ Елисеев Ф.И. Лабинцы и последние дни на Кубани. Нью-Йорк, 1962, ротатор, бр. 1, с. 23.

² По данным самого М.А. Фостикова. В военно-исторической литературе эти цифры варьируют от 3 до 30 тысяч. Анализ численности «Армии возрождения России», проведенный составителем по дневникам генерала, позволяет говорить о 9—10 тысячах. Общая численность повстанцев, вместе с отрядами, напрямую не подчиненными Фостикову (из-за слабой связи и удаленности), но действующими в том числе по его приказаниям и самостоятельно боровшимся с большевиками, могла достигать на разных этапах восстания 12 и более тысяч человек.

³ Елисеев Ф.И. На берегах Кубани. Нью-Йорк, 1957, ротатор, бр. 3, с. 7.

⁴ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909—1914 гг. М.: Рейтарь, 2001.

⁵ Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917. М.: Воениздат, Редкая книга, 2001.

⁶ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Баратова. М., 2002.

⁷ Кубанский войсковой атаман В.Г. Науменко в своих дневниках приводит списки кубанских генералов в эмиграции. 21 января 1947 года он отмечает: «В безвестном отсутствии... 10.Фостиков», а 14 ноября 1948 года «...9. Фостиков — имеются сведения, что расстрелян немцами в Пазово» // Из архива Кубанского Войскового Атамана генерал-майора В.Г. Науменко. Дневники №№ 31, 35, машинопись.

⁸ Отряд входил в состав Отдельного Кавказского Кавалерийского корпуса под командованием генерала Н.Н. Баратова.

Баратов Николай Николаевич — р. 1 февраля 1865 г., казак ст. Владикавказской ТКВ. Окончил Владикавказское реальное, 2-е Константиновское военное, Николаевское инженерное училища и академию Генштаба. В Русско-японской войне 1904—1905 гг. полковник, командир 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка ТКВ, награжден Золотым (Георгиевским) оружием, генерал-майор (18 мая 1905 г.), с 1907 г. начальник штаба 2-го Кавказского корпуса. В Великой войне

начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (1912—1915), орден Святого Георгия 4-й ст. (1916), командир Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса (ноябрь 1915 г. — июнь 1918 г.) в Персии, генерал от кавалерии (8 сентября 1917 г.). Представитель Добровольческой армии и ВСЮР в Закавказье. Председатель Зарубежного Союза Русских Инвалидов (1920—1932), умер в Париже 22 марта 1932 г.

⁹ **Димитрий Павлович**, Великий Князь — р. 6 сентября 1891 г., штабс-ротмистр Л.-Гв. Конного полка, флигель-адъютант (1912), шеф Л.-Гв. 2-го Стрелкового полка. После убийства Распутина, в заговоре против которого он принимал участие, был выслан в Персию, в корпус генерала Баратова (1917). С ликвидацией Персидского фронта поселился в Лондоне, затем в Париже, умер в Швейцарии 2 марта 1942 г.

¹⁰ **Корнилов Лавр Георгиевич** — р. 18 августа 1870 г. в Семипалатинске, сын подхорунжего Сибирского казачьего войска. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), академию Генштаба (1898), в Русско-японской войне в 1-й стрелковой бригаде, Георгиевское оружие, орден Святого Георгия 4-й ст., в полковники за боевые отличия, генерал-майор (26 декабря 1912 г.). В Великой войне начальник 48-й пехотной дивизии (с 30 декабря 1914 г.), генерал-лейтенант (16 февраля 1915 г.), побег из плена, за отличия награжден орденом Святого Георгия 3-й ст. (1916), командующий 8-й армией (с 29 апреля 1917 г.), генерал от инфантерии (27 июня 1917 г.), Верховный главнокомандующий (18 июля — 29 августа 1917 г.). Главнокомандующий Добровольческой армией (с 5 декабря 1917 г.), которую повел в 1-й Кубанский («Ледяной») поход, погиб под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.

¹¹ **Росляков Михаил Сергеевич** — р. 14 февраля 1871 г. Окончил Симбирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), офицер Л.-Гв. 3-й и Л.-Гв. 1-й артиллерийских бригад. В Великой войне командир 5-й артиллерийской бригады, георгиевский кавалер, генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР, в распоряжении ставропольского военного губернатора, начальник артиллерии Крымского пехотной дивизии (с 11 января 1919 г.), инспектор артиллерии Крымского корпуса (апрель 1920 г.), генерал-лейтенант (18 апреля 1920 г.). В эмиграции в Югославии, умер в Нише (Югославия) 28 октября 1929 г.

¹² **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич** — р. 7 февраля 1886 г., казак ст. Пашковской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1905), сотню Николаевского кавалерийского училища (1907), вышел в 1-й Уманский бригадира Головатого полк ККВ. В Великой войне в 3-м Хоперском полку ККВ. Георгиевское оружие (1914), начальник Кубанского отряда особого назначения (12 января 1916 г.), с весны 1917 г. в корпусе генерала Баратова на Персидском фронте, войсковой старшина. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир казачьего отряда в Батаалпашинском отделе ККВ (май 1918 г.), начальник 1-й Казачьей (июнь 1918 г.), 2-й Кубанской (июль 1918 г.), 1-й Кавказской (октябрь

1918 г.) дивизий, генерал-майор (30 ноября 1918 г.), генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.), командир 3-го Кубанского конного корпуса (4 мая 1919 г.), командующий Кубанской армией (январь—март 1920 г.). В эмиграции во Франции, Югославии, во время Второй мировой войны начальник резерва казачьих войск (5 сентября 1944 г.). Выдан в Лиенце (май 1945 г.), казнен в Москве 16 января 1947 г.

¹³ **Улагай Сергей Георгиевич** — р. 19 октября 1875 г. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1897), офицер Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона. В Великой войне в 1-м Линейном генерала Вельяминова полку ККВ (с 17 июля 1916 г.). Георгиевское оружие (1916), полковник (4 марта 1917 г.), командир 2-го Запорожского полка ККВ (7 июня 1917 г.). Первопоходник, командир Кубанского пластуна батальона, в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (22 июля 1918 г.), генерал-майор (12 ноября 1918 г.), командир 2-го Кубанского корпуса (с 27 февраля 1919 г.), генерал-лейтенант (1919 г.), командующий Кубанской армией (август 1920 г.), в Русской Армии командующий войсками в десанте на Кубань (август 1920 г.). В эмиграции в Югославии, умер в Марселе (Франция) 20 марта 1947 г.

¹⁴ **Говорущенко Сергей Дмитриевич** — р. 7 октября 1867 г., из казаков ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1889), офицер 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка. В Великой войне войсковой старшина 4-го Сводно-Кубанского (Ставропольского) полка ККВ, командующий 3-м Хоперским полком (с 26 июля 1917 г.). Во ВСЮР командир 1-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (10 апреля 1919 г.), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (с августа 1919 г.), вр. командир 2-го Кубанского корпуса. В эмиграции в Болгарии, умер в Ницце (Франция) 21 июня 1946 г.

¹⁵ **Боровский Александр Александрович** — р. 6 июня 1875 г. Окончил Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), академию Генштаба (1903), офицер Л.-Гв. Литовского полка, преподаватель Павловского военного училища (с 1907 г.). В Великой войне полковник, командир 6-го Сибирского стрелкового полка (с 1914 г.), орден Святого Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие, генерал-майор (31 мая 1917 г.), командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии (16 сентября 1917 г.). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир Офицерского полка (с 17 марта 1918 г.), начальник 2-й дивизии (с июня 1918 г.), командир 2-го армейского корпуса (с 15 ноября 1918 г.), командующий войсками Закаспийской области (с 22 июля 1919 г.), генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). В эмиграции, умер в Скопье (Югославия) 27 декабря 1939 г.

¹⁶ **Врангель Петр Николаевич**, барон — р. 15 августа 1878 г. в Ново-Александровске Ковенской губ. Окончил Ростовское реальное училище и С.-Петербургский Горный институт (1901), вольноопределяющий-

ся Л.-Гв. Конного полка, выдержал экзамен при Николаевском кавалерийском училище на чин корнета гвардии (1902), в Русско-японской войне сотник 2-го Верхнеудинского полка ЗабКВ. Окончил академию Генштаба (1910). В Великой войне орден Святого Георгия 4-й ст. (1914 г.), полковник (11 декабря 1914 г.), командир 1-го Нерчинского полка ЗабКВ (с 8 октября 1915 г.), генерал-майор (13 января 1917 г.), вр. командующий Уссурийской конной дивизией (с 23 января 1917 г.), командующий Сводным конным корпусом (с 10 июля 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 1-й Конной дивизии (30 октября 1918 г.), генерал-лейтенант (22 ноября 1918 г.), командующий Кавказской Добровольческой армией (10 января 1919 г.), главнокомандующий ВСЮР (с 22 марта 1920 г.), провел эвакуацию Русской Армии из Крыма (ноябрь 1920 г.). Преобразовал армию в РОВС (1 сентября 1924 г.). Умер в Брюсселе (Бельгия) 25 апреля 1928 г., перезахоронен в Свято-Троицкой церкви в Белграде (Югославия) 6 октября 1929 г.

¹⁷ **Аспидов** — из вахмистров 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ. Во время капитуляции Кубанской армии под Адлером весной 1920 г. Аспидов с несколькими офицерами «выхватили из рядов сдающихся полковые знамена, бросились с ними на отходящий пароход и достигли Крыма» (Толстов В.Г. Краткая историческая памятка Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ. 1732—1932). Убит в чине сотника в Крыму в 1920 г.

¹⁸ **Покровский Виктор Леонидович** — р. в 1889 г. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). В Великой войне капитан, командир 12-го армейского авиаотряда (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Кубанского отряда, полковник (январь 1918 г.), генерал-майор (март 1918 г.), начальник 1-й Кубанской конной дивизии (июль 1918 г. — январь 1919 г.), командир 1-го Кубанского корпуса (1919), командующий Кавказской армией (ноябрь 1919 г. — март 1920 г.), генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.), покинул Крым (май 1920 г.). Убит в Болгарии 9 ноября 1922 г.

¹⁹ **Бабиев Николай Гаврилович** — р. 30 марта 1887 г. в Варшаве, в Царстве Польском, казак ст. Михайловской ККВ. Окончил Бакинскую гимназию (1906), сотню Николаевского кавалерийского училища (1908). Участник Персидского похода (1909—1912). В Великой войне командир сотни 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1917). В марте 1918 г. в отряде полковника Кузнецова, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (23 сентября 1918 г.), командир Корниловского конного полка (13 октября 1918 г.), орден Святого Георгия 4-й ст. (3 ноября 1918 г., за отличия в Великой войне), генерал-майор (январь 1919 г.), начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии (с 26 января 1919 г.), генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.), в Русской Армии командир Конного корпуса (с 16 июля 1920 г.), орден Святого

Николая Чудотворца 2-й ст. (10 сентября 1920 г.), погиб в бою в Таврии у с. Шолохова 30 сентября 1920 г.

²⁰ **Шапринский Александр Петрович** — р. 2 июня 1877 г., из казаков ККВ. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1896), офицер 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, в Собственном Е.И.В. Конвое (1900), есаул (на 1914 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Лабинского полка ККВ (с 31 октября 1918 г.), командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии (декабрь 1918 г. — октябрь 1919 г.), генерал-майор (25 января 1919 г.), в резерве чинов (с 21 марта 1920 г.). В эмиграции в Югославии, умер в Аргентине после 1948 г.

²¹ **Шинкаренко Николай Всеволодович** — р. в 1890 г. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1910). В Великой войне командир эскадрона 12-го уланского Белгородского полка, орден Святого Георгия 4-й ст., подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир отряда во 2-м Кубанском походе, полковник, командир полка Сводно-Горской дивизии, командующий дивизией (1919), генерал-майор (1920), в Русской Армии, орден Святого Николая Чудотворца 2-й ст., начальник Туземной дивизии. В эмиграции в Сербии, Германии, Франции. Доброволец армии генерала Франко в Испании (1936—1937), литератор, сотрудничал в журнале «Часовой» под псевдонимом Н. Белогорский, погиб в Сан-Себастьяне 21 декабря 1968 г.

²² Во 2-й Конный Офицерский полк, героически зарекомендовавший себя в боях и затем получивший шефство генерала М.Г. Дроздовского, на тот период входили эскадроны, состоящие из кавказских горцев-мусульман, персов и т. д. Воевали и «находились на отдыхе» они «по своим, азиатским законам».

²³ **Репников Дмитрий Васильевич** — казак ст. Расшеватской ККВ. Окончил Ставропольскую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великой войне войсковой старшина 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ, орден Святого Георгия 4-й ст., командующий Ейским полком ККВ (с 31 июля 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, генерал-майор (24 декабря 1918 г.), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (1919), в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, в конце Второй мировой войны, при вступлении Красной армии в Югославию, застрелился в г. Нише в 1945 г.

²⁴ **Кочубей Иван Антонович** — р. в 1893 г. на хуторе близ ст. Беломечетской ККВ. В Великой войне урядник партизанской сотни в Персии, Георгиевские кресты 3-й, 4-й ст. Командир красного конного отряда, полка, кавалерийских бригад в 11-й и 12-й армиях большевиков (1918), в феврале 1919 г. попал в плен, повешен в Святом Кресте 22 марта 1919 г.

²⁵ **Мамантов Константин Константинович** — р. 16 октября 1869 г. в С.-Петербурге, зачислен в войсковое сословие в ст. Раздорскую ВВД

(1900). Окончил Николаевский кадетский корпус (1888), сотню Николаевского кавалерийского училища (1890), офицер Л.-Гв. Конно-Гренадерского полка, в Русско-японской войне в 1-м Читинском полку ЗабКВ. В Великой войне полковник, командир 19-го, 6-го Донских полков, командир бригады 6-й казачьей дивизии (1917). В Донской армии, участник Степного похода, возглавил восстание во 2-м Донском округе (март 1918 г.), командующий войсками 2-го Донского, Хоперского, Усть-Медведицкого округов (апрель 1918 г.), генерал-майор (7 мая 1918 г.), командующий Восточным фронтом, командующий 1-й Донской армией (23 февраля 1919 г.), командир 2-го Сводного казачьего корпуса, генерал-лейтенант (1919), командир конной группы (ноябрь 1919 г.), командир 4-го Донского отдельного корпуса (июль 1919 г. — февраль 1920 г.), умер от тифа в Екатеринодаре 1 февраля 1920 г.

²⁶ **Калянин Николай Петрович** — р. 21 октября 1884 г., казак ст. Каменской ВВД. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1904), два курса академии Генштаба (1912), в Русско-японской войне в 17-м гусарском Черниговском полку. В Великой войне командир эскадрона (до 1916 г.), Георгиевское оружие и орден Святого Георгия 4-й ст., старший адъютант штаба 5-го кавалерийского корпуса (ноябрь 1916 г. — февраль 1917 г.), 40-го армейского корпуса, подполковник (1917). С 1918 г. в Донской армии, генерал-майор, командир бригады 1-го Донского отдельного корпуса (1918), начальник 11-й Донской конной дивизии (март—май 1919 г.), начальник 2-й Донской конной дивизии (март—август 1920 г.), врид командира Сводного корпуса (март—июль 1920 г.), командир Донского корпуса (10 октября — 12 декабря 1920 г.), генерал-лейтенант (18 июня 1920 г.), о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, Франции, умер в Париже 23 октября 1949 г.

²⁷ **Думенко Борис Моисеевич** — р. в 1888 г., в Великой войне вахмистр. В Красной армии командир 1-го кавалерийского социалистического полка (июль 1918 г.), 1-й Донской кавбригады (сентябрь 1918 г.), 1-й Сводной кавдивизии 10-й армии (ноябрь 1918 г.), командующий группой войск (май 1919 г.), командир Конно-сводного корпуса (сентябрь 1919 г. — февраль 1920 г.). По обвинению в подготовке мятежа расстрелян красными 11 мая 1920 г.

²⁸ **Кутепов Александр Павлович** — р. 16 сентября 1882 г. Окончил Архангелогородскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). В Русско-японской войне в 85-м пехотном Выборгском полку, за боевые отличия переведен в Л.-Гв. Преображенский полк (1907). В Великой войне орден Святого Георгия 4-й ст. и Георгиевское оружие, полковник, командующий Л.-Гв. Преображенским полком (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 3-й офицерской, гвардейской роты (ноябрь 1917 г.), первопоходник, командир Корниловского полка, бригады, 1-й пехотной дивизии, генерал-майор (12 ноября 1918 г.), во ВСЮР командир 1-го армейского (13 января 1919 г.), Добровольческого (декабрь 1919 г.) корпусов, в Русской Ар-

мии генерал-лейтенант (23 июня 1919 г.), командующий 1-й армией (август 1920 г.), генерал от инфантерии (20 октября 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса, начальник РОВС (с 29 августа 1928 г.), убит в Париже 26 января 1930 г.

²⁹ Командующим этим участком фронта был генерал-лейтенант Д.К. Гунцадзе.

Гунцадзе Давид Константинович — р. в 1861 г., из потомственных дворян Кутаисской губернии. Окончил Елисаветградскую военную прогимназию, Киевское пехотное юнкерское училище. На Великую войну вышел командиром 97-го пехотного Лифляндского полка, Георгиевское оружие (октябрь 1914 г.), генерал-майор (13 апреля 1915 г.), начальник 53-й пехотной дивизии, орден Святого Георгия 4-й ст. (октябрь 1915 г.), генерал-лейтенант (октябрь 1917 г.), командующий 43-м армейским корпусом. В Добровольческой армии и ВСЮР, в Астраханской армии (1918), начальник Сводно-Астраханской дивизии (20 марта 1919 г.). В эмиграции в Сербии, умер в 1922 г.

³⁰ **Просвирин Николай** — из казаков ККВ, в Великой войне хорунжий 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (1915). Полковник, вр. командующий 2-м Кавказским полком ККВ, убит в конце 1919 г.

³¹ **Глазенап Петр Владимирович** — р. 3 марта 1882 г. в Гжатске, сын офицера. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1903). В Великой войне полковник, командир особого Ударного отряда. Первопоходник, командир 1-го офицерского конного полка (25 марта 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады (июнь 1918 г.), ставропольский военный губернатор (октябрь 1918 г.), генерал-майор (12 ноября 1918 г.), начальник Сводно-Горской конной дивизии (23 марта 1919 г.), генерал-лейтенант (1919), командующий Северо-Западной армией (23 ноября 1919 г. — 22 января 1920 г.), командующий 3-й Русской Армией в Польше (до августа 1920 г.). В эмиграции председатель Союза Андреевского флага (1946), умер в Мюнхене (Германия) 27 мая 1951 г.

³² **Зыков Сергей Петрович** — р. в 1873 г., офицером с 1896 г. В Великой войне командир Текинского конного полка (1916), генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник гарнизона Ялты (1918—1919), начальник Астраханской дивизии, генерал-лейтенант (1919), эвакуирован из Крыма (1920).

³³ **Эрдели Иван Георгиевич** — р. 15 октября 1870 г. Окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академию Генштаба (1897), вышел в Л.-Гв. Гусарский Его Величества полк, генерал-майор, командир Л.-Гв. Драгунского полка (1910). В Великой войне начальник 14-й кавалерийской дивизии (18 октября 1914 г.), генерал-лейтенант (1916), командир 18-го армейского корпуса (6 апреля 1917 г.), генерал от кавалерии (18 июня

1917 г.), командующий Особой армией (12 июля 1917 г.). В Добровольческой армии, первоходник, командир отдельной конной бригады, начальник 1-й Конной дивизии (июль 1918 г.), во ВСЮР главноначальствующий, командующий войсками Терско-Дагестанского края (апрель 1919 г.), начальник Владикавказского отряда (до марта 1920 г.), в Русской Армии в распоряжении главнокомандующего. В эмиграции во Франции, начальник 1-го отдела РОВС (29 июня 1934 г.), умер в Париже 7 июля 1939 г.

³⁴ **Деникин Антон Иванович** — р. 4 декабря 1872 г. в Шпеталь Дольный Варшавской губ. Окончил Ловичское реальное (1890) и Киевское пехотное юнкерское (1892) училища, академию Генштаба (1899). В Русско-японской войне начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии (28 октября 1904 г.), полковник, начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса генерала Мищенко (август 1905 г.), генерал-майор (июнь 1914 г.). В Великой войне начальник 4-й стрелковой «Железной» дивизии, генерал-лейтенант (1916), Георгиевское оружие, ордена Святого Георгия 3-й и 4-й ст., Георгиевское оружие с бриллиантами «за двукратное освобождение Луцка» (1916), командир 8-го армейского корпуса (с 9 сентября 1916 г.), главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта (с 2 августа 1917 г.), участник выступления генерала Корнилова (август 1917 г.). Главнокомандующий Добровольческой армией с 31 марта 1918 г., главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (26 декабря 1918 г. — 22 марта 1920 г.). Умер в Энн-Эрбор (США) 7 августа 1947 г.

³⁵ **Муравьев Всеволод Вениаминович** — из казаков ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, вышел в 1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк ККВ, подесаул (1913). В Великой войне войсковой старшина 2-го Полтавского полка ККВ (на январь 1917 г.). Первоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Екатеринодарского полка (1918), командир бригады (май 1919 г.), начальник 1-й Конной дивизии, генерал-майор (9 декабря 1919 г.), начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (1920), в Русской Армии. Убит в Варне (Болгария) в 1921 г.

³⁶ **Жлоба Дмитрий Петрович** — р. в 1887 г., в Великой войне унтер-офицер. Окончил авиационную школу (1917). В Красной армии командир 2-го революционного полка, 1-й Стальной стрелковой дивизии (1918), 1-го конного корпуса (1920). Репрессирован (1938).

³⁷ Кубанский (Варшавский) казачий дивизион (старшинство с 1831 г.) в составе двух сотен имел стоянку в Варшаве в Царстве Польском и являлся конвоем командующего войсками Варшавского военного округа.

³⁸ **Мамонов Петр Петрович** — р. 9 марта 1870 г., из казаков ККВ. Окончил Ярославскую военную школу, Ставропольское казачье юнкерское училище, офицер 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка ККВ. В Великой войне войсковой старшина Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир

1-го Полтавского полка ККВ, генерал-майор (1919), начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии (июнь 1919 г.). Убит к северу от Царицына 27 сентября 1919 г.

³⁹ **Май-Маевский Владимир Зенонович** — р. в 1867 г. Окончил 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академию Генштаба (1896), офицер Л.-Гв. Измайловского полка. В Великой войне командир 44-го пехотного Камчатского полка, командующий 35-й пехотной дивизией (1916), генерал-майор, командующий 1-м Гвардейским корпусом (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 3-й пехотной дивизии (с декабря 1918 г.), командир 2-го армейского корпуса (февраль—июнь 1919 г.), командующий Добровольческой армией (май—ноябрь 1919 г.), генерал-лейтенант, умер в Севастополе 30 октября 1920 г.

⁴⁰ Подобные высказывания о генерал-лейтенанте В.З. Май-Маевском основаны, как правило, на необъективных «свидетельствах очевидцев» и слухах.

«Обвинения в пьянстве в большей степени вызывались поведением отдельных штабных офицеров, которое ассоциировалось в глазах посторонних свидетелей с поведением всего штаба командарма. По оценке генерала Б.А. Штейфона, Май-Маевский был предрасположен к хорошему столу (после ограничений походной армейской жизни), но при этом не переходил известных границ. Гораздо больший вред приносило ему сильное влияние ряда лиц штабного окружения и гражданских чиновников (отнюдь не следовало бы сводить все только к одному адъютанту П.В. Макарову), заинтересованных в дискредитации генерала как носителя власти» (*Цветков В.Ж. Правда и вымыслы в истории Белого Движения: генерал В.З. Май-Маевский — Командующий Добровольческой Армии. Май—ноябрь 1919 г. // Белое Движение на Юге России (1917—1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М.: Военная Быль, 1995. С. 53).*

⁴¹ **Чеснаков Петр Владимирович** — р. в 1875 г. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, академию Генштаба (1901), Офицерскую кавалерийскую школу (1907). Участник Русско-японской войны. В Великой войне георгиевский кавалер, генерал-майор (1915), начальник штаба 1-го кавалерийского корпуса (1917). Во ВСЮР командир Мариупольского гусарского полка (с 23 июля 1919 г.), начальник 1-й Сводной кавалерийской дивизии Донской армии (декабрь 1919 г. — март 1920 г.). В эмиграции в Югославии, умер 20 октября 1948 г.

⁴² **Миронов Филипп Кузьмич** — р. в 1872 г., в Великой войне войсковой старшина, командующий 32-м Донским казачьим полком (1917). Командир красной бригады, 1-й Усть-Медведицкой стрелковой дивизии и группы войск (1918), врид командующего 16-й армией (1919), командующий 2-й Конной армией (1920), расстрелян красными (1921).

⁴³ **Соламахин Михаил Карпович** — р. 9 июля 1888 г., казак ст. Некрасовской ККВ. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище

(1911), ускоренные курсы академии Генштаба (1917). В 1911—1918 гг. офицер 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, в Великой войне орден Святого Георгия 4-й ст. (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кубанского Партизанского конного полка (1919). В эмиграции в Югославии, начальник штаба ККВ, Генерального штаба генерал-майор, начальник Казачьего военного училища, в мае 1945 г. выдан в Лиенце, отбыв 10 лет лагерей, проживал на Кубани, умер в 1967 г.

⁴⁴ **Сидорин Владимир Ильич** — р. 3 февраля 1882 г., казак ст. Есауловской ВВД. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1902), офицером 2-го Восточно-Сибирского батальона участвовал в Русско-японской войне. Окончил академию Генштаба (1910), офицерскую воздухоплавательную школу (1910). В Великой войне и. д. начальника штаба 102-й пехотной дивизии (1915—1917), Георгиевское оружие (4 июля 1915 г.), орден Святого Георгия 4-й ст. (26 августа 1916 г.), полковник (15 августа 1917 г.), начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса (до сентября 1917 г.). Начальник штаба походного атамана ВВД (с декабря 1917 г.), участник Степного похода (февраль 1918 г.), генерал-майор (май 1918 г.), командующий Донской армией (февраль 1919 г. — март 1920 г.), генерал-лейтенант (февраль 1919 г.), командир Отдельного Донского корпуса (март—апрель 1920 г.). В эмиграции в Чехословакии, Германии, умер в Берлине 20 мая 1943 г.

⁴⁵ **Науменко Вячеслав Григорьевич** — р. 25 февраля 1883 г., казак ст. Петровской ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1901), сотню Николаевского кавалерийского училища (1903), академию Генштаба (1914), офицер 1-го Полтавского кошевого атамана Сидора Белого полка ККВ. В Великой войне старший адъютант, и. д. начальника штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, Георгиевское оружие, Генштаба подполковник (2 апреля 1917 г.). Начальник Полевого штаба командующего войсками Кубанской области (28 ноября 1917 г.), первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир Корниловского конного полка (8 июня 1918 г.), начальник 1-й Конной дивизии (19 ноября 1918 г.), генерал-майор (8 декабря 1918 г.), зачислен в Генштаб (25 января 1919 г.), походный атаман ККВ (1 февраля 1919 г.), командир 2-го Кубанского конного корпуса (11 октября 1919 г.), в Русской Армии командир конной группы (1920), о. Лемнос. Кубанский войсковой атаман (1920—1958), член Главного Управления Казачьих Войск (1944—1945), умер в Нью-Йорке 30 октября 1979 г.

⁴⁶ **Расторгуев Александр Григорьевич** — из казаков ККВ, первопоходник, капитан, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-й Кубанской казачьей батареи, полковник (1919), в Русской Армии, о. Лемнос, командир 2-го Кубанского артиллерийского дивизиона (1921), генерал-майор. Умер в Югославии.

⁴⁷ На 11 февраля 1920 г. 2-й Лабинский полк в 400 шашек с пулеметной командой под командованием полковника Кротова состоял в ди-

визии; в 1-м Лабинском полку — командир полковник Елисеев — находилось в строю 550 шашек и 8 пулеметов (*Елисеев Ф.И.* Лабинцы и последние дни на Кубани. Нью-Йорк, 1962, ротатор, бр.1, с. 30).

⁴⁸ **Косинов Георгий Яковлевич** — р. 9 августа 1871 г., казак ст. Ладожской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великой войне помощник командира 2-го Екатеринодарского полка ККВ (1915), полковник, командир 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кубанского полка (1918), начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (1919). Плен (апрель 1920 г.), лагеря, расстрелян в Ростове в 30-х годах.

⁴⁹ В.Г. Науменко командовал Корниловским конным полком, взявшим Екатеринодар 2 августа 1918 г. Затем командир бригады, генерал-майор за боевые отличия по представлению генерала Врангеля, начальник 1-й Конной дивизии в декабре 1918 г. В это же время избирается походным атаманом ККВ, ему в строевом отношении подчинялись все части войска.

⁵⁰ **Романовский Иван Павлович** — р. 16 апреля 1887 г. в Луганске. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899), академию Генштаба (1903), офицер Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. В Великой войне генерал-майор, георгиевский кавалер, генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего (1917). Начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии (декабрь 1917 г.), первопоходник, начальник штаба Добровольческой армии (февраль 1918 г.), генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.), начальник штаба, помощник главнокомандующего ВСЮР (январь 1919 г. — март 1920 г.). Убит в Константинополе 5 апреля 1920 г.

⁵¹ С 16 февраля по 25 марта включительно 2-й Кубанский корпус отходил к Черноморскому побережью с боями. (*Елисеев Ф.И.* Лабинцы и последние дни на Кубани. Н.-Йорк, 1962, ротатор).

⁵² **Абашкин Петр Степанович** — р. 19 декабря 1868 г., казак ст. Лабинской ККВ, сын офицера. Окончил Александровское Кубанское реальное училище, в службе с 1887 г. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), Офицерскую кавалерийскую школу, командир дивизиона 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ в Персидском походе (1909—1912). В Великой войне полковник, командир Ейского (на апрель 1917 г.), 1-го Лабинского генерала Засса (на 24 июня 1917 г.) полков ККВ. Атаман Баталпашинского отдела ККВ (1918—1920), генерал-майор (8 сентября 1919 г.). Плен, лагеря (1920—1922), умер в Ростове 7 января 1934 г.

⁵³ Не получив никаких распоряжений из Екатеринодара на случай отступления, генерал Абашкин с семьей отправился вслед за Кубанской армией, естественно, через горные перевалы. Остаться «на посту», когда вся армия ушла к Черному морю, означало дожидаться прихода красных и попасть им в руки. Что ожидало в этом случае генерала-атамана отдела с

семьей — представить не трудно. Спустя два месяца, когда армия капитулировала, вернулись (архив составителя).

В своем дневнике, ниже, М.А. Фостиков «при приближении фронта... и большевиков... имеет цель присоединиться к отступающей армии», а затем уходит в Теберду.

⁵⁴ **Гречкин Илья Георгиевич** — р. в 1881 г., из казаков ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище. В Великой войне подьесаул 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, орден Святого Георгия 4-й ст., полковник (на ноябрь 1917 г.). Во ВСЮР командир 1-го Таманского полка ККВ (1919), помощник атамана Баталпашинского отдела ККВ (1920).

⁵⁵ Утверждение Фостикова о том, что полковник Гречкин сдался красным, документально не подтверждено.

⁵⁶ **Крым-Шамхалов Мурза-Кула**, князь — полковник, командир Карачаевского конного полка Сводно-Горской дивизии (с 11 декабря 1918 г.), начальник горских отрядов восставших против большевиков на Кубани (1920).

⁵⁷ **Гагарин Глеб Григорьевич**, князь — р. 8 ноября 1887 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, сельскохозяйственную академию, офицером с 1910 г. В Великой войне ротмистр, начальник пулеметной команды Кавалергардского полка. Во ВСЮР, командир дивизиона Кавалергардского полка, полковник. Умер во Франции 29 августа 1934 г.

Возможно, **Гагарин Владимир Николаевич**, князь — р. в 1877 г., офицером с 1897 г., полковник гвардии. Во ВСЮР, в 1920 г. отходил через Грузию.

⁵⁸ **Донсков Василий Ануфриевич** — казак ст. Кармалиновской ККВ, георгиевский кавалер, подхорунжий (1920), вестовой генерала Фостикова. В эмиграции провел с семьей генерала 22 года, умер в Белграде в 1970 г.

⁵⁹ Со своей женой Верой Владимировной, тогда гимназисткой, М.А. Фостиков познакомился в госпитале в Ставрополе, где находился после тяжелого ранения под Царицыном. Как сестра милосердия, она помогала раненым бойцам. При отступлении армии он вывез ее из города и взял с собой.

⁶⁰ Генерал-майор П.С. Абашкин уже в 30-х годах в Ростове после неоднократных арестов и допросов «с пристрастием» был отпущен домой, где и скончался 7 января 1934 г.

⁶¹ **Старицкий Владимир Иванович** — р. 19 июня 1885 г., казак ст. Мекенской ТКВ. Окончил Астраханское реальное и Киевское военное училища (1906), Офицерскую стрелковую школу, офицер 1-го Волгского полка ТКВ. В Великой войне Георгиевское оружие, помощник командира 2-го Волгского полка, войсковой старшина (с 14 декабря 1916 г.). Участник Терского восстания, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-го Волгского полка (с 17 марта 1919 г.), 2-й бригады 1-й Терской казачьей дивизии (февраль 1920 г.), в восстании с генералом Фостиковым, в Русской Армии в Крыму генерал-майор. В эмиграции в

Югославии, в Русском Корпусе офицер 1-го Казачьего полка, затем фельдфебель и начальник «охотничьей команды» полка, после войны в США член правления Союза чинов Русского Корпуса, атаман Терского казачьего войска (4 апреля 1970 г. — 1 марта 1973 г.), умер в Дорчестере (США) 18 мая 1975 г.

⁶² **Балахонов Яков Филиппович** — р. в 1892 г., из крестьян Кужорской станицы ККВ. В Великой войне прапорщик (1917). Командир 2-го Кубанского революционного отряда (1918), командир кавалерийской бригады 33-й стрелковой дивизии (1919), 16-й кавалерийской дивизии (с августа 1921 г.). Репрессирован в 1935 г.

⁶³ **Поперека** — из казаков ККВ, есаул, командир 1-го Лабинского полка в армии генерала Фостикова, убит под городом Хоста на Черноморском побережье в 1920 г.

⁶⁴ **Ковалев** — казак ст. Бесстрашной ККВ, из урядников, во ВСЮР командир сотни 1-го Лабинского полка ККВ (1920), полковник, погиб на Кубани в 1923 г.

⁶⁵ **Ларионов Петр** — из казаков ККВ. Окончил 4 класса Михайловского Воронежского кадетского корпуса. В Великой войне Георгиевский крест 4-й ст. Окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), сотник 3-го Кавказского полка ККВ (с 14 февраля 1917 г.), есаул (1920).

⁶⁶ **Маслов Павел Максимович** — см. предисловие.

⁶⁷ **Лычев Дмитрий Иванович** — из казаков ККВ, в Великой войне за боевые отличия произведен в прапорщики, хорунжий 2-го Лабинского полка ККВ (на 1 января 1917 г.), есаул (1920).

⁶⁸ **Маслюк** — во ВСЮР хорунжий 1-го Кубанского полка 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Фостикова.

⁶⁹ **Федюшкин Николай Кузьмич** — р. 26 июля 1867 г., казак ст. Червленной ТКВ. Окончил Ставропольскую гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1888), во 2-й Терской казачьей батарее (с 1903 г.), войсковой старшина, командир 4-й Кубанской казачьей батареи, 2-го Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (1910). В Великой войне полковник, командир 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ (1915—1916), командир 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии (до 21 июля 1917 г.). Участник Терского восстания (1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник штаба, командующий войсками ТКВ (1918), генерал-майор (1919), представитель ТКВ при главнокомандующем ВСЮР.

⁷⁰ **Живцов Аким Петрович** — из казаков ККВ, в Великой войне за боевые отличия произведен в прапорщики, сотник 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ (на декабрь 1916 г.), войсковой старшина (1920).

⁷¹ **Фартухов Александр Акакиевич** — из казаков ККВ, в Великой войне Георгиевские кресты 2-й, 3-й, 4-й ст., за боевые отличия произведен в прапорщики, хорунжий 2-го Линейного полка ККВ (на декабрь 1916 г.), войсковой старшина (1920).

⁷² **Гридин Иван Никитич (Никифорович)** — р. в 1881 г. в ст. Новорождественской ККВ. Окончил Киевское пехотное училище (1908), адъютант 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (до 1915 г.). В Великой войне войсковой старшина Екатеринославского (2-го Сводно-Кубанского) полка на Персидском фронте (на 1917 г.). Во ВСЮР (октябрь 1918 г. — май 1920 г.), участник восстания генерала Фостикова, полковник, плен в Москве, Екатеринбург (1920). Начальник оперативного отдела штаба Приволжско-Уральского военного округа (май 1921 г.), технический руководитель Уралплана (1921). Арестован НКВД в 1938 г., умер 23 сентября 1938 г. (данные после 1920 г. — Курепин Ю.Г.).

⁷³ **Тимченко Федор Никитович** — из казаков ККВ, в Великой войне хорунжий, начальник команды связи 2-го Линейного полка ККВ (на декабрь 1916 г.), есаул (1920).

⁷⁴ **Султан-Келеч-Гирей** — из черкесов Кубанской обл. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. В Великой войне офицер Черкесского конного полка Кавказской конной (Туземной) дивизии, полковник. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник Черкесской конной дивизии (с 8.12.1918 г. по 1920 г.), генерал-майор (1918). В конце Второй мировой войны возглавил Северо-Кавказскую горную дивизию вермахта, выдан англичанами большевикам (1945), казнен в Москве 16 января 1947 г.

⁷⁵ **Дьяченко** — в Великой войне прапорщик 2-го Лабинского полка ККВ (на декабрь 1916 г.), сотник (1920).

⁷⁶ **Семенухин Гавриил Захарович** — из казаков ККВ. Окончил Лабинскую гимназию, Оренбургское казачье училище (1913). В Великой войне подесаул 3-го Таманского полка ККВ (8 февраля 1917 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (1920).

⁷⁷ **Иванис Василий Николаевич** — первопоходник, подпоручик, председатель Кубанского правительства (с января 1920 г.), и. д. Кубанского атамана (апрель—декабрь 1920 г.). В эмиграции в Сербии.

⁷⁸ **Арпсгофен Андрей Владимирович**, барон — р. в 1854 г. Окончил академию Генштаба, офицер Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригады, генерал-майор (1917). Во ВСЮР, в резерве чинов при штабе главнокомандующего, генерал-лейтенант, начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии (13 июля 1919 г. — март 1920 г.), в Русской Армии в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокома до эвакуации из Крыма. В эмиграции в Румынии (на 1932 г.).

⁷⁹ **Машуков Николай Николаевич** — р. в 1889 г. Окончил Морской корпус (1908). В Великой войне офицер линкора «Гангут». В Добровольческой армии и ВСЮР, командир тральщика «Ольга» (1918), командир отрядов кораблей Черноморского флота, крейсера «Алмаз» (1919), капитан 1-го ранга, командир отряда кораблей, участвующих в спасении войск с Черноморского побережья в Крым (март 1920 г.), в Русской Армии контр-адмирал, начальник штаба Черноморского флота (17 октября 1920 г.). После прибытия флота в Бизерту выехал во Францию, про-

фессор Высшего Технического института в Париже (1932—1965), умер 12 октября 1968 г.

⁸⁰ Болиндер — баржа, усиленная броневым листом.

⁸¹ Подводные лодки Черноморского флота «Утка» и «Тюлень».

⁸² **Лебедев Олег Иванович** — р. 11 января 1892 г. в Екатеринодаде, казак ст. Роговской ККВ. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1911). В Великой войне подесаул 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка ККВ, Георгиевское оружие (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, помощник командира 1-го Екатеринодарского полка ККВ (сентябрь 1918 г.), полковник (1919), в Русской Армии генерал-майор (1920), о. Лемнос. В эмиграции начальник Кубанского Алексеевского военного училища (1921—1925), офицер-воспитатель Кадетского корпуса имени Императора Николая II в Версале, Франция (1946), умер в Нью-Йорке 15 ноября 1973 г.

⁸³ Генерал Бабиев погиб 30 сентября 1920 г. Генерал Науменко командовал конным корпусом еще 26 сентября, 28-го под Никополем горит тылы красных и берет большие трофеи (*Воспоминания* генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 2. С. 365—366).

⁸⁴ Генерал-майор Науменко, командовавший в те дни Кубанским конным корпусом, оставил следующие записи: «1-го октября. В этом бою я был ранен ружейной пулей в правую ногу и чуть не попал в плен. Спасибо, крепкий конь вынес!

4-го октября. ...Мне нога не позволяет сесть на коня, ввиду чего завтра еду через Мелитополь в Крым. Тяжело. Уезжать надо, но в такое время очень тяжело» // Архив Кубанского Атамана генерала В.Г. Науменко. Дневники. 10 июня 1920 — 17 апреля 1921 гг., машинопись.

Дочь генерала, Н.В. Назаренко-Науменко, пишет: «...лишенный возможности оставаться в седле, он выбыл из конного строя. От него знаю, что, попав в окружение и мчась на лошади, слышал за собой крики «держи командира корпуса!» и ушел он, сбросившись вместе с конем, с высокого берега в реку — преследователи же остановились, посылая пули вдогонку! Это был последний бой в его жизни» (архив составителя).

⁸⁵ **Венков Василий Кузьмич** — р. в 1872 г., казак ст. Чамыкской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне есаул 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, на Персидском фронте войсковой старшина Ставропольского (4-го Сводно-Кубанского) полка (1917). Во ВСЮР и Русской Армии, полковник, командир 1-й бригады (корниловцы и кавказцы) 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919), генерал-майор (1920). На о. Лемнос командир 1-го Сводно-Кубанского полка. В эмиграции в Югославии, умер в Нише 28 июля 1931 г.

⁸⁶ **Абрамов Федор Федорович** — р. 23 декабря 1870 г. в ст. Митякинской ВВД. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1891), академию Генштаба (1898), офицер Л.-Гв. 6-й Донской казачьей батареи. В Великой войне генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. Первопоходник, на-

чальник 1-й Донской конной дивизии (1918), генерал-лейтенант (26 августа 1918 г.), в Русской Армии командир Донского корпуса (с 5 мая 1920 г.), командующий 2-й армией (с 10 октября 1920 г.), орден Святого Николая Чудотворца 2-й ст., о. Лемнос, командир Донского корпуса (с 12 декабря 1920 г.) В эмиграции в Болгарии, Югославии, начальник РОВС (22 сентября 1937 г. — 23 марта 1938 г.), умер в Лейквуде (США) 8 марта 1963 г.

⁸⁷ **Коновалов Герман Иванович** — р. в 1882 г. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище, академию Генштаба (1914). В Великой войне подполковник, в отделе генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта (1917). Во ВСЮР, полковник, начальник оперативного отдела штаба Крымско-Азовской армии, начальник штаба отдельного корпуса (1919), генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Русской Армией, генерал-майор (1920). В эмиграции в Болгарии, Румынии, умер в Ключе (Румыния) 31 марта 1936 г.

⁸⁸ **Цыган(ков)ок Спиридон Филимонович** — р. в 1875 г., казак ст. Поповичевской ККВ. В Великой войне войсковой старшина. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 9-го Кубанского пластунского батальона (9 ноября 1918 г.), полковник, начальник 3-й Кубанской пластунской бригады (28 ноября 1919 г.), в Русской Армии генерал-майор (1920), о. Лемнос, начальник 2-й Кубанской стрелковой дивизии, командир 2-й бригады Кубанской казачьей дивизии (1921). В эмиграции в Югославии, умер 19 марта 1935 г.

⁸⁹ **Барбович Иван Гаврилович** — р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ., сын офицера. Окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1896). В Великой войне полковник (1916), георгиевский кавалер, командир 10-го гусарского Ингерманландского полка (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир кавалерийского отряда (1918), 2-го конного генерала Дроздовского полка (с 1 марта 1919 г.), начальник 2-й кавалерийской дивизии, генерал-майор (11 декабря 1919 г.), в Русской Армии начальник 1-й кавалерийской дивизии, командир Сводного корпуса (с 7 июля 1920 г.), орден Святого Николая Чудотворца 2-й ст., генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.), в Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции в Югославии, начальник 4-го отдела РОВС (21 января 1933 г.), умер в Мюнхене 21 марта 1947 г.

⁹⁰ **Дейнега Лев Минич** — р. в 1981 г., казак ст. Черниговской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1912). В Великой войне подесаул 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ, командир партизанской сотни, Георгиевское оружие (7 января 1916 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, командир полка, затем полковник, командир Линейной бригады (1920), в Русской Армии генерал-майор, о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, умер 20 апреля 1947 г.

⁹¹ Е.И.В. Великая Княгиня Анастасия Михайловна — дочь генерал-фельдмаршала и заместника на Кавказе, Великого Князя Михаила Нико-

лаевича, брата Императора Александра II. Шефство 1-му Хоперскому полку ККВ было даровано 12 января 1879 г.

⁹² Драгунские полки: 16-й Тверской Е.И.В. Наследника Цесаревича, 17-й Нижегородский Его Величества и 18-й Северский Короля Датского Христиана IX.

⁹³ Черные гусары или «Гусары Смерти» — 2-й Лейб-Гусарский Королевы Виктории Прусской полк, старшинство с 9 августа 1741 г., носил на шапках изображение «мертвой головы». Входил в бригаду (вместе с 1-м Лейб-Гусарским полком) 17-го корпуса 8-й армии германских вооруженных сил.

⁹⁴ **Ильин Федор Козьмич** — р. в 1884 г., из казаков ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне есаул 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5 марта 1917 г.), Георгиевское оружие.

⁹⁵ **Ларионов Георгий Григорьевич** — р. в 1893 г., из казаков ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1910), сотню Николаевского кавалерийского училища (1912). В Великой войне подесаул 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5 марта 1917 г.), расстрелян красными в Батаалпашинском отделе в 1918 г.

⁹⁶ **Шарпантье Николай-Клаус-Густав Робертович** — р. в 1858 г., офицером с 1879 г., ротмистр Гвардейской кавалерии (1888), генерал-лейтенант (1910). В Великой войне начальник Кавказской кавалерийской дивизии (до 1916 г.).

⁹⁷ **Толмачев Козьма Александрович** — р. в 1869 г., из казаков ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, в Великой войне войсковой старшина 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5 марта 1917 г.), Георгиевское оружие. Полковник (на 1920 г.), умер в Югославии.

⁹⁸ **Фредерикс Владимир Борисович, граф** — в службе унтер-офицером Л.-Гв. в Конном полку на правах вольноопределяющегося (1856), генерал-майор, командир Л.-Гв. Конного полка (1879), генерал-адъютант (1896), министр Императорского Двора, командующий Императорской Главной Квартирой (1898), генерал от кавалерии, граф (1913). В эмиграции с 1924 г. в Монрепо (Финляндия), умер в 1927 г.

⁹⁹ **Волович Ефим Андреевич** — р. в 1880 г., из урядников ККВ. В Великой войне произведен за боевые отличия в прапорщики (1915), хорунжий 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5 марта 1917 г.).

¹⁰⁰ **Белосельский-Белозерский Сергей Константинович, князь** — р. 13 июля 1867 г. Окончил Пажеский корпус (1888), офицер Л.-Гв. Конного полка. В Великой войне командир 1-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, начальник Кавказской кавалерийской дивизии (с 3 февраля 1916 г.), генерал-лейтенант (10 марта 1916 г.). С 1917 г. в Финляндии, в штабе генерала Маннергейма, в Северо-Западной армии (1919). В эмиграции, умер в Англии 20 апреля 1951 г.

¹⁰¹ **Успенский Николай Митрофанович** — р. в 1875 г., казак ст. Каладжинской ККВ. Окончил Ставропольскую гимназию (1894), Михайловское артиллерийское училище (1897), академию Генштаба (1905), офицер 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Великой войне полковник (декабрь 1914 г.), командир 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии (24 января 1917 г.), командующий Кубанской казачьей отдельной бригадой на Персидском фронте (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, генерал-майор (18 декабря 1918 г.), начальник 1-й Конной дивизии (23 мая 1919 г.), врид командира 4-го Конного корпуса (с июня 1919 г.), с 23 октября 1919 г. в распоряжении кубанского атамана, член Кубанского правительства, преподает в Александровском военном училище, Кубанский войсковой атаман в конце 1919 г. Умер от тифа в Екатеринодаре 17 декабря 1919 г.

¹⁰² **Супрунов Антоний Яковлевич** — р. в 1895 г. в ст. Бекешевской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1916). В Великой войне сотник 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (1917).

¹⁰³ **Бабенко Борис** — р. в ст. Кардоникской ККВ, урядник Собственного Е.И.В. Конвоя.

¹⁰⁴ **Говорухин (Говоруха)** — казак ст. Кардоникской ККВ, в Великой войне хорунжий 3-го Хоперского полка ККВ (1917).

¹⁰⁵ **Борисенко Василий Федорович** — из казаков ККВ, в Великой войне окончил Оренбургское казачье училище, хорунжий 2-го Хоперского полка ККВ (к 1 февраля 1917 г.).

Возможно, **Борисенко Андрей Васильевич** — казак ст. Баталпашинской ККВ, из урядников, в Великой войне хорунжий 2-го Хоперского полка ККВ (к 1 февраля 1917 г.).

¹⁰⁶ **Козликин Дмитрий Максимович** — р. в 1880 г., из казаков ККВ. Великую войну начал подхорунжим 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, произведен в офицеры за боевые отличия (1915), сотник того же полка (на 5 марта 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, подьесаул, командир 1-го Хоперского полка в отряде Шкуро (1918), войсковой старшина, командир дивизиона 1-го Лабинского полка (март 1920 г.).

¹⁰⁷ **Солоцкий 1-й** — казак ст. Владимирской ККВ. Окончил университет за границей. В Великой войне подьесаул 2-го Лабинского полка ККВ. После большевистского переворота член «Общества Спасения Кубани», вступившего в вооруженную борьбу с красными, руководитель восстания в Лабинском отделе, есаул, командир Лабинской бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии Шкуро, погиб под Ставрополем летом 1918 г.

¹⁰⁸ **Бреус Василий** — из казаков ККВ. Окончил Баталпашинское городское училище, Чугуевское пехотное училище. В Великой войне подьесаул 1-го Запорожского Императрицы Екатерины Великой полка ККВ, начальник дивизионной конно-саперной команды (на 1 декабря 1916 г.).

С весны 1918 г. в отряде Шкуро, есаул, в Добровольческой армии, командир 2-го Хоперского полка ККВ, войсковой старшина, убит в бою 14 сентября 1918 г.

¹⁰⁹ Здесь Маслов ошибается.

Удовенко Константин Яковлевич — р. в 1862 г., из казаков ККВ, в службе с 1879 г. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1884). В Великой войне командир 3-го Уманского полка ККВ (Выс. приказ 15 ноября 1915 г.), полковник (14 февраля 1916 г.). В отряде Шкуро (июнь 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, старший адъютант штаба 3-го Кубанского корпуса (с мая 1919 г.), Сводного корпуса (март 1920 г.).

¹¹⁰ **Гамалий Василий Данилович** — р. 1 мая 1884 г., казак ст. Переяславской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911). В Великой войне командир сотни 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ, орден Святого Георгия 4-й ст. за рейд в Месопотамию (1916), подьесаул, командир партизанской Георгиевской сотни. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кабардинского конного (1918), 3-го Уманского ККВ (1919) полков, в Русской Армии, на Перекопе командир конной бригады — уманцы и корниловцы (1920). В эмиграции в Королевстве СХС, Франции, умер в Лейквуде, Нью-Джерси (США) 22 ноября 1956 г.

¹¹¹ **Филимонов Федор Петрович** — р. в 1862 г., казак ст. Григорополисской ККВ, в службе с 1879 г., офицером с 1881 г. В Великой войне генерал-майор, командир 2-й бригады 3-й Кавказской казачьей дивизии, командующий 4-й Кавказской казачьей дивизией (25 августа 1916 г.). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в резерве чинов ККВ (1918), командир бригады — 3-й Уманский и 3-й Запорожский полки ККВ (1919). В эмиграции в Югославии, умер в Панчеве 14 января 1940 г.

¹¹² **Филимонов Александр Петрович** — р. 14 сентября 1866 г., казак ст. Григорополисской ККВ. Окончил Киевский Владимирский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Александровскую военно-юридическую академию (1904), двухлетний курс археологического института и двухлетние курсы русской истории проф. С.Ф. Платонова. Атаман Лабинского отдела ККВ (июль 1911 г.), полковник. Председатель Кубанского правительства (май 1917 г.), Кубанский войсковой атаман (12 октября 1917 г. — 10 ноября 1919 г.), первопоходник, генерал-лейтенант (1918). В эмиграции в Югославии, председатель Союза участников 1-го Кубанского похода, умер в Осеке (Хорватия) 4 августа 1948 г.

¹¹³ **Хлаус Александр Георгиевич** — казак ст. Новолеушковской ККВ, в Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918). В эмиграции войсковой старшина, в Нью-Йорке (на 1959 г.).

¹¹⁴ **Астахов Иван** — казак ст. Вознесенской ККВ. В Великой войне урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. Первопоходник, в Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918).

¹¹⁵ **Ишутин Андрей** — казак ст. Ильинской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, начальник команды связи Корниловского конного полка (1918), в штабе 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919).

¹¹⁶ **Постников Николай Николаевич** — сын сенатора. Окончил лицей Цесаревича Николая, Новочеркасское казачье юнкерское училище, кавалерийский офицер, переведен в 1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ, подьесаул (1914), в Великой войне командир сотни, войсковой старшина, помощник командира 3-го Кавказского полка ККВ (на декабрь 1916 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, помощник командира 3-го Уманского полка ККВ (1919). В эмиграции в США (на 1938 г.).

¹¹⁷ **Бугай Федор** — из казаков ККВ, в Великой войне подхорунжий, вахмистр сотни 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ, за боевые отличия произведен в прапорщики (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 3-го Уманского полка ККВ (1919).

¹¹⁸ **Ажигоев Пшемаф** — р. ок. 1890 г., из черкесских дворян. Окончил Майкопское техническое училище. В Великой войне корнет Черкесского конного полка. Во ВСЮР полковник 2-го Черкесского конного полка (1920). В эмиграции во Франции, умер в Париже 10 сентября 1963 г.

¹¹⁹ **Данилов Федор Владимирович** — р. 17 февраля 1885 г., казак ст. Тенгинской ККВ. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. В Великой войне полковник. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, атаман Майкопского отдела ККВ (1919—1920), генерал-майор. В эмиграции в Югославии, председатель Кубанского правительства (1942), начальник русского белого лагеря в Кемптене (Германия), умер в госпитале под Мюнхеном 24 февраля 1949 г.

¹²⁰ **Миронов Евгений Васильевич** — р. в 1862 г. на хут. Павловском ККВ. Окончил Кубанскую учебную семинарию, Ставропольское казачье юнкерское училище (1884), Офицерскую кавалерийскую и Офицерскую стрелковую школы, офицер 1-го Полтавского кошевого атамана Сидора Белого полка ККВ, войсковой старшина, помощник командира 1-го Екатеринодарского, 1-го Кавказского полков ККВ. В Великой войне полковник, командир 2-го Лабинского полка ККВ (декабрь 1916 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Кубанского конно-учебного дивизиона, генерал-майор (6 августа 1919 г.), в Русской Армии (1920). В эмиграции в Болгарии, вернулся в Советскую Россию в 1924 г.

¹²¹ **Бабиев Гавриил Федорович** — р. 18 марта 1860 г., казак ст. Михайловской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1882), Офицерскую кавалерийскую школу (1894), сотник Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона (1883—1892), помощник командира 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (26 февраля 1911 г.), полковник (26 августа 1912 г.), командир 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка (с мая 1913 г.). В Великой войне Георгиевское оружие (1914), генерал-майор (ноябрь 1915 г.), командир 1-й бригады

1-й Кубанской казачьей дивизии (июнь 1916 г.). Перв. хорунжий, в резерве чинов ККВ (август 1918 г.), генерал-лейтенант. Умер на о. Лемнос 6 февраля 1921 г., перезахоронен в Вранье (Югославия).

¹²² **Маневский Георгий Константинович** — казак ст. Царской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1900), сотню Николаевского кавалерийского училища (1902). В Великой войне войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Линейного полка ККВ (6 марта 1919 г.), командир Линейной бригады 1-го Кубанского конного корпуса, вр. начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, смертельно ранен в бою на Мангыче 28 апреля 1919 г. Приказ о производстве в чин генерал-майора застал его в день смерти.

¹²³ **Ратимов Александр** — из казаков ККВ, в Великой войне войсковой старшина 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ (июнь 1917 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 3-го Запорожского полка ККВ (1919).

¹²⁴ **Кравченко Афанасий Иванович** — казак ст. Гиагинской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911), вышел хорунжим в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великой войне подьесаул того же полка (на 1 декабря 1916 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командующий 1-м Запорожским полком ККВ (ноябрь 1918 г.), полковник (27 января 1919 г.), командир 1-го Кубанского полка ККВ (ноябрь 1919 г. — апрель 1920 г.).

¹²⁵ **Черешнев Вячеслав Васильевич** — р. в 1895 г. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил 1-й курс юридического факультета Московского университета, Павловское военное училище (1915), курс подрывного класса при Николаевском инженерном училище. В Великой войне офицер саперного батальона. Первопоходник, войсковой старшина, командир 1-го Запорожского полка ККВ (1919), эвакуирован из Новороссийска в Египет (март 1920 г.), вернулся в Крым, полковник. В эмиграции в Турции, США (1923). Окончил юридический факультет Пенсильванского университета, после Второй мировой войны помогал переезду казаков в США, умер после 1964 г.

¹²⁶ **Растегаев Михаил Петрович** — казак ст. Некрасовской ККВ. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, офицер Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона, подьесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Партизанского полка ККВ, генерал-майор (1919), командир бригады (март 1920 г.), в Русской Армии, галлиполиец. Умер в Париже 6 июля 1961 г.

¹²⁷ **Помазанов Дмитрий** — из казаков ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911), офицер 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ. В Великой войне командир сотни 2-го Сводно-Кубан-

ского (Екатеринославского) полка на Персидском фронте, подесаул. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в войсковой автомобильной сотне (1919).

¹²⁸ **Скрябин Федор** — казак ст. Кавказской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911). В Великой войне подесаул, командир сотни 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 1 января 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, в войсковой автомобильной сотне (1919).

¹²⁹ **Бабаев Василий Терентьевич** — казак ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Майкопское техническое училище, Оренбургское казачье училище (1908). В Великой войне есаул 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ, орден Святого Георгия 4-й ст. (на 1 января 1917 г.). В августе 1920 г. в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников сослан на Соловки.

¹³⁰ **Косякин Петр Иванович** — р. 4 октября 1842 г., из дворян ККВ, в службе с 1859 г. канониром конно-артиллерийской бригады ККВ, хорунжий за отличия (март 1863 г.), орден Святого Георгия 4-й ст. (август 1863 г.), полковник, командир 1-го Кубанского конного полка (апрель 1889 г.), атаман Темрюкского (1897), Майкопского отделов, генерал-майор (1899), старший помощник начальника Кубанской области и наказного атамана ККВ (с 20 января 1907 г.).

¹³¹ **Бабьч Михаил Павлович** — р. 22 июля 1844 г. в ст. Нововеличковской ККВ, из потомственных дворян ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, юнкер Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка, отчислен в полки ККВ. В Кавказской войне Георгиевский крест 4-й ст., произведен в прапорщики (1864), участник Русско-турецкой войны (1877—1878), Ахал-Текинской экспедиции (1880—1881), командовал армейскими полками, генерал-майор (6 мая 1899 г.), военный губернатор Карской области (1906—1908), генерал-лейтенант (22 апреля 1907 г.), начальник Кубанской области и наказной атаман ККВ (1908—1917), генерал от инфантерии (17 ноября 1914 г.). Зарублен красными под Кисловодском 20 октября 1918 г. В апреле 1919 г. перезахоронен в Екатеринодарском войсковом соборе.

¹³² **Павличенко Иван Диомидович** — р. в 1889 г., казак ст. Шкуринской ККВ, в службе казаком в 1-м Запорожском Императрицы Екатерины Великой полку ККВ, урядник конвоя наместника на Кавказе. В Великой войне георгиевский кавалер. Окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), сотник 1-го Запорожского полка (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир того же полка (20 апреля 1919 г.), командующий 2-й бригадой 1-й Конной дивизии, генерал-майор (2 июля 1919 г.), начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, Перу, умер в Бразилии 9 августа 1961 г.

¹³³ **Миргородский Павел Григорьевич** — казак ст. Брюховецкой ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Вели-

кой войне полковник, командир 3-го Екатеринодарского полка ККВ (1917).

¹³⁴ Кубанский Календарь, изд. Войсковой канцелярии. Белград (Югославия), 1931, с. 53.

¹³⁵ **Шатилов Павел Николаевич** — р. в 1881 г. Окончил Пажеский корпус, Академию Генштаба (1908), вышел в Л.-Гв. Казачий Его Величества полк, в Русско-японской войне в 4-м Сибирском казачьем полку. В Великой войне полковник (6 декабря 1915 г.), командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (с 16 декабря 1916 г.), орден Святого Георгия 4-й ст., генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии, генерал-майор (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 1-й Конной дивизии, командир 4-го конного корпуса, генерал-лейтенант (май 1919 г.), начальник штаба Кавказской армии (июнь 1919 г.), орден Святого Георгия 3-й ст. (3 ноября 1918 г., за отличия в Великой войне), помощник главнокомандующего Русской Армией (22 марта 1920 г.), начальник штаба Русской Армии (21 июня 1920 г. — 1922 г.). Генерал от кавалерии, начальник 1-го отдела РОВС во Франции (1924—1934), умер под Парижем 5 мая 1962 г.

¹³⁶ *Врангель П.Н.* Записки: В 2 ч. // [Сб.] Белое Дело: Летопись Белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 5. С. 141.

¹³⁷ Там же. С. 134.

¹³⁸ **Топорков Сергей Михайлович** — р. 25 сентября 1881 г., казак ст. Акинтьевской Забайкальского казачьего войска, подхорунжий, произведен в офицеры (1904) в Русско-японской войне. В Великой войне полковник (20 сентября 1917 г.), командир Чеченского, Татарского полков Туземной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-й бригады 1-й Конной дивизии, генерал-майор (ноябрь 1918 г.), командир 1-й Терской казачьей дивизии, 4-го, затем 2-го Кубанского корпуса, генерал-лейтенант (1919), в Русской Армии, командир Сводного корпуса в Крыму (1920). В эмиграции в Сербии, умер в Белграде 13 февраля 1931 г.

¹³⁹ *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты: В 5 т. // Париж—Берлин, 1926. Т. 5. С. 76 и 77.

¹⁴⁰ **Шифнер-Маркевич Антон Мейнгардович** — р. 4 июня 1887 г. Окончил Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), академию Генштаба (1913), офицер Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. В Великой войне подполковник, начальник штаба 34-й пехотной дивизии, и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В Добровольческой армии (с 7 августа 1918 г.), начальник штаба партизанской бригады Шкуро, 1-й Кавказской казачьей дивизии, начальник той же дивизии (с мая 1919 г.), генерал-майор, начальник штаба 3-го Кубанского корпуса (сентябрь 1919 г. — март 1920 г.), в Русской Армии начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии и отряда в десанте на Кубань (август 1920 г.), начальник 2-й кавалерийской дивизии (сентябрь 1920 г.). Умер в Галлиполи 21 января 1921 г.

- ¹⁴¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 76, 77, в примечании.
¹⁴² Егоров А.И. Разгром Деникина в 1919 году. М. С. 85.
¹⁴³ Деникин А.И. Указ. соч. С. 106. Разрядка автора.
¹⁴⁴ Архив Русской революции: В 18 т. // Берлин, 1926. Т. 4. С. 90, 91.
¹⁴⁵ Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 140 и 141.
¹⁴⁶ Там же. С. 149.
¹⁴⁷ Там же. С. 151.
¹⁴⁸ Деникин А.И. Указ. соч. С. 108.
¹⁴⁹ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 108.
¹⁵⁰ Там же. С. 160.
¹⁵¹ Там же. С. 163.
¹⁵² Там же. С. 170.
¹⁵³ Деникин А.И. Указ. соч. С. 107.
¹⁵⁴ Там же. С. 122.
¹⁵⁵ Егоров А.И. Указ. соч. С. 121.
¹⁵⁶ Там же.
¹⁵⁷ Трагедия Казачества. Т. 3. С. 275.
¹⁵⁸ **Агоев Владимир Константинович** — р. 4 апреля 1885 г., казак ст. Новоосетинской ТКВ. Окончил реальное училище приюта принца Ольденбургского, Алексеевское военное училище (1906). В Великой войне награжден Георгиевским оружием, полковник, командир 1-го Волгского Е.И.В. Наследника Цесаревича полка ТКВ (1917). В Терском восстании против большевиков начальник Пятигорской линии (июнь 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, генерал-майор (29 июня 1919 г.), начальник 1-й Терской казачьей дивизии (с 22 июля 1919 г.), в Русской Армии начальник 3-й конной и 1-й кавалерийской дивизий (1920), погиб в бою севернее Серагоз (Таврия) 12 августа 1920 г.
¹⁵⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 109.
¹⁶⁰ Там же. С. 123.
¹⁶¹ Там же, линия фронта по карте. С. 121.
¹⁶² Там же. С. 118.
¹⁶³ Там же, в примечании.
¹⁶⁴ Там же. С. 126.
¹⁶⁵ **Губин Александр Александрович** — р. в 1873 г., в службе с 1890 г., офицером с 1892 г. В Великой войне генерал-майор, начальник Уссурийской казачьей дивизии 3-го Конного корпуса (октябрь 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии (с 21 марта 1919 г.), начальник Сводно-Горской дивизии (с 27 марта 1919 г.), начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (14 мая — 10 октября 1919 г.), в распоряжении Кубанского атамана (с января 1920 г.), эвакуирован из Новороссийска (25 марта 1920 г.), в августе 1920 г. в Константинополе. В эмиграции во Франции, умер в Париже в 1959 г.
¹⁶⁶ **Беломестнов Петр Константинович** — р. в 1867 г., в службе с 1885 г. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1887). На

Великую войну вышел помощником командира 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, войсковой старшина, на Персидском фронте командующий 4-м Сводно-Кубанским полком ККВ (1915—1916), затем командующий 1-м Таманским генерала Безкровного полком ККВ (с 7 декабря 1916 г.), полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР, в бригаде Шкуро (сентябрь 1918 г.), командир 2-го Хоперского полка в 3-м Конном корпусе, генерал-майор (12 января 1919 г.), убит под г. Усмать в октябре 1919 г.

¹⁶⁷ **Ассиер (Асьер) Георгий (Юрий) Александрович** — из обрусевших французов, приписанных в XIX в. к ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус и Оренбургское казачье училище (1914). В Великой войне во 2-м Хоперском полку ККВ, командир сотни в Кубанском отряде особого назначения Шкуро. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-го Хоперского полка, смертельно ранен под Старым Осколом в ноябре 1919 г. Посмертно произведен в генерал-майоры.

¹⁶⁸ Трагедия Казачества. Т. 3. С. 277.

¹⁶⁹ Егоров А.И. Указ. соч. С. 178.

¹⁷⁰ Там же. С. 178.

¹⁷¹ Там же. С. 179.

¹⁷² Трагедия Казачества. Т. 3. С. 400.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. С. 290, 291 и 400.

¹⁷⁵ **Секретев Александр Степанович** — р. 8 августа 1881 г., казак ст. Нижне-Чирской Войска Донского, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1899), сотню Николаевского кавалерийского училища (2001), вышел в Л.-Гв. Атаманский полк, офицер 15-го Донского казачьего полка (1911). В Великой войне полковник, командир 24-го Донского казачьего полка (1917). Командир 1-го конного полка Донской армии (1918), генерал-майор, командир бригады, 2-го Донского корпуса, конной группы, начальник 9-й Донской конной дивизии (1919), командир 4-го Донского корпуса, конной группы (март 1920 г.), генерал-лейтенант. В эмиграции в Болгарии, в 1922 г. вернулся в СССР, арестован в 1930 г., расстрелян по делу «Казачьего блока» в Москве 8 мая 1931 г.

¹⁷⁶ Трагедия Казачества. Т. 3. С. 400.

¹⁷⁷ Егоров А.И. Указ. соч. С. 181.

¹⁷⁸ Там же. С. 182 и 183.

¹⁷⁹ Трагедия Казачества. Т. 3. С. 415.

¹⁸⁰ **Ревшин Александр Петрович** — р. 11 декабря 1870 г. в Харьковской губернии, из дворян. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1889), Николаевское кавалерийское училище (1891), вышел офицером в 25-й драгунский Казанский полк. Окончил академию Генштаба (1904), годичный курс Офицерской кавалерийской школы (1905). В Великой войне полковник, начальник штаба 3-й Донской казачьей дивизии (1914), 16-й кавалерийской дивизии (1915), Георгиевское оружие (9 марта 1915 г.), командир Крымского конного полка (24 января

1916 г.), начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса (с 3 сентября 1917 г.), генерал-майор (29 сентября 1917 г.), начальник 3-й «Сердюцкой» дивизии (декабрь 1917 г.). В гетманской армии (1918), во ВСЮР и Русской Армии, начальник Чеченской конной дивизии (с мая 1919 г.), группы войск (с сентября 1919 г.), 3-й конной дивизии в Крыму (1920), взят в плен в дер. Ново-Михайловке 27 мая 1920 г.

¹⁸¹ **Плющевский-Плющик Юрий Николаевич** — р. 2 июня 1877 г. Окончил Александровский кадетский корпус (1895), Константиновское военное училище (1898), вышел офицером Л.-Гв. в 1-ю артиллерийскую бригаду. Окончил академию Генштаба (1905). В Великой войне полковник, 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главного командующего. Первопоходник, генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с 27 ноября 1918 г.), штаба ВСЮР (с января 1919 г.), генерал-майор (13 февраля 1919 г.). В эмиграции в Югославии, Франции, умер в Париже 9 февраля 1926 г.

¹⁸² **Слащов Яков Александрович** — р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге, сын офицера. Окончил реальное училище (1903), Павловское военное училище (1905), академию Генштаба (1911), офицер Л.-Гв. Финляндского полка. В Великой войне Георгиевское оружие (1915), орден Святого Георгия 4-й ст. (1916), полковник (12 ноября 1916 г.), командир Л.-Гв. Московского полка (июль 1917 г.). В Добровольческой армии (с 18 января 1918 г.), начальник штаба отрядов Шкуро (июнь 1918 г.), начальник 1-й Кубанской отдельной пластунской бригады (15 ноября 1918 г.), начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, во ВСЮР генерал-майор (апрель 1919 г.), начальник 5-й, 4-й пех. дивизий, командир 3-го армейского корпуса (ноябрь 1919 г.), командир 2-го армейского корпуса, генерал-лейтенант (март 1920 г.). В эмиграции в отставке (декабрь 1920 г.), вернулся в Советскую Россию (3 ноября 1921 г.), служил в Красной армии, убит в Москве 11 января 1929 г.

¹⁸³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 234.

¹⁸⁴ Там же. С. 234, 335.

¹⁸⁵ Переключка. Орган Об-ва Галиполийцев. Нью-Йорк, июль 1961, № 116.

¹⁸⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С. 235.

¹⁸⁷ Там же. С. 118.

¹⁸⁸ Буденный С.М. Пройденный путь. С. 256.

¹⁸⁹ Там же. С. 269 и 271.

¹⁹⁰ Там же. С. 272.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. С. 273.

¹⁹³ Там же. С. 273, 274.

¹⁹⁴ Там же. С. 276.

¹⁹⁵ Буденный не был сверхсрочным унтер-офицером: начал службу в Приморском драгунском полку в 1904 г., уволился в запас в 1908 г. С началом Великой войны был призван по мобилизации.

Из его Георгиевских крестов (знаков отличия военного ордена) установлены два: 4-й ст. № 643701 за 21 мая 1916 г. и 3-й ст. № 203480. Других наград не найдено (по данным Курепина Ю.Г.).

¹⁹⁶ Буденный С.М. Указ. соч. С. 277.

¹⁹⁷ Егоров А.И. Указ. соч. С. 188.

¹⁹⁸ Буденный С.М. Указ. соч. С. 278.

¹⁹⁹ Там же. С. 279.

²⁰⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 233.

²⁰¹ Там же. С. 236.

²⁰² Буденный С.М. Указ. соч. С. 265.

²⁰³ Егоров А.И. Указ. соч. С. 226.

²⁰⁴ Чавдарь Э. 1919-й год. // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 20 августа 1959 г.

²⁰⁵ Там же, от 18 августа.

²⁰⁶ **Бочаров Павел Григорьевич** — р. в 1869 г., казак ст. Усть-Джегутинской ККВ. Окончил Баталпашинское городское училище, Ставропольское казачье юнкерское училище (1891). В Великой войне помощник командира 2-го Хоперского полка ККВ (на 1 февраля 1917 г.), полковник (4 марта 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Хоперского полка, 1-й Хоперской бригады (май 1919 г.), 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии (с 22 ноября 1919 г.), в Русской Армии, на о. Лемнос, генерал-майор. В эмиграции, в составе Кубанского офицерского дивизиона в Югославии (1925), до Второй мировой войны там же.

²⁰⁷ **Ковалев Николай Филиппович** — казак ст. Бекешевской ККВ, урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. В Великой войне произведен в прапорщики за боевые отличия, младший офицер 6-й сотни 2-го Хоперского полка ККВ (к 1 февраля 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, командир сотни 2-го Хоперского полка (1919).

²⁰⁸ **Галкин (Корсов) Александр Семенович** — р. ок. 1898 г., казак ст. Баталпашинской ККВ, сын офицера. Окончил Владикавказский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1 октября 1917 г.). С весны 1918 г. в составе отрядов, затем 1-й Кавказской казачьей дивизии Шкуро, в Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, командир сотни, адъютант 2-го Хоперского полка ККВ (1919). В начале 20-х гг. в Иностранном легионе, в эмиграции во Франции (1925), в группе джигитов Елисеева, проживал в Голландии (на 1961 г.).

²⁰⁹ **Якушев Григорий** — в Великую войну вступил офицером 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (1914), есаул, командир сотни Ставропольского полка ККВ на Персидском фронте (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник 2-го Хоперского полка (1919).

²¹⁰ **Булавинов Леонтий (Леонид)** — р. ок. 1892 г., казак ст. Суворовской ККВ. Окончил Кубанское реальное училище, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великой войне командир сотни 3-го Линей-

ного полка ККВ, сотник (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковой казначей 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции, умер в США 12 июня 1934 г.

²¹¹ **Борчевский Юрий Николаевич** — в Великой войне подъесаул 4-й Кубанской казачьей батареи. Участник совместного десанта с немцами на Тамани (1918), во ВСЮР офицер 10-й Донской казачьей дивизии (1919). В эмиграции в Чехословакии (на 1933 г.).

²¹² **Перегятыкин Владимир** — из казаков ККВ. Окончил Темрюкское городское училище, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне полковник 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1917). Возглавлял казаков в совместном десанте с немцами на Тамани (1918), расстрелян большевиками весной 1920 г.

²¹³ **Постовский Владимир Иванович** — р. в 1886 г., в Великой войне войсковой старшина, командир 22-го Кубанского пластунского батальона (16 сентября 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку (1918), в Донской армии начальник отрядов (октябрь—ноябрь 1918 г.), генерал-майор, командир пехотной бригады — 2-й Дроздовский и Самурский полки (октябрь 1919 г.), в отставке (28 апреля 1920 г.). В эмиграции в Париже, после Второй мировой войны председатель общества сопатриотов на Юге Франции, вернулся в СССР в 1947 г.

²¹⁴ **Слюсарев Максим Михайлович** — из казаков ТКВ, в Великой войне хорунжий 2-го Горско-Моздокского полка ТКВ (на 28 ноября 1914 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, подъесаул, врид (временно исполняющий должность) начальника штаба пехотной бригады — 2-й Дроздовский и Самурский полки (октябрь 1919 г.).

²¹⁵ Буденный С.М. Указ. соч. С. 313.

²¹⁶ **Краморов** — из казаков ККВ, в Великой войне подхорунжий, вахмистр сотни 2-го Лабинского полка ККВ, за боевые отличия произведен в прапорщики (1916), хорунжий (4 марта 1917 г.). В первых отрядах Шкуро на Кубани (1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, помощник командира 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции в Париже на 1949 г.

²¹⁷ **Дубков Владимир** — казак ст. Суворовской ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1 октября 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, начальник пулеметной команды 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции во Франции, шофер такси в Париже, во Второй мировой войне был мобилизован немцами со своей машиной в транспортную колонну, погиб во время американской авиабомбардировки в 1944 г.

²¹⁸ Буденный С.М. Указ. соч. С. 300.

²¹⁹ **Соколовский Василий Иоанникович** — окончил академию Генштаба (1915), подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник штаба 1-й Конной (Кубанской) дивизии (23 октября 1918 г.), 1-го Конного корпуса (с 11 ноября 1918 г.), армейской группы генерала

Врангеля (с ноября 1918 г.), 3-го Кубанского корпуса генерала Шкуро (май 1919 г.), 1-й Кавказской казачьей дивизии (октябрь 1919 г.), полковник, в Русской Армии, Галлиполи. В эмиграции во Франции, начальник Константиновского пехотного училища, умер в Париже после 1933 г.

²²⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 236, примечание.

²²¹ Егоров А.И. Указ. соч. С. 188.

²²² Там же. С. 193, схема № 21.

²²³ Буденный С.М. Указ. соч. С. 312.

²²⁴ Там же. С. 312 и 313.

²²⁵ Трагедия Казачества. С. 453.

²²⁶ **Проценко Яков Иванович** — из казаков ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1914). На Великую войну вышел во 2-й Хоперский полк ККВ, командир сотни в Кубанском отряде особого назначения А.Г. Шкуро, подъесаул (1917). В марте 1918 г. по возвращении с Персидского фронта на станции Кавказская (область Кубанского войска) арестован военно-революционным трибуналом и расстрелян.

²²⁷ **Стасиков** — во ВСЮР, подпоручик, вр. командир сотни 2-го Хоперского полка ККВ (ноябрь 1919 г.). В эмиграции во Франции, служил шофером (на 1928 г.).

²²⁸ Буденный С.М. Указ. соч. С. 319.

²²⁹ Егоров А.И. Указ. соч. С. 197.

²³⁰ **Образцов Дмитрий Васильевич** — из студентов, в Великой войне доброволец 14-го пехотного полка, полный бант Георгиевских крестов, произведен в офицеры (1915), командир батальона, штабс-капитан (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в 3-й роте 1-го Офицерского батальона (с 3 января 1918 г.), адъютант 1-го Офицерского Марковского полка (июль 1918 г.), командир офицерской роты того же полка, капитан (с 14 марта 1919 г.), командир 4-го батальона 1-го Марковского полка (с 7 июля 1919 г.), помощник командира 2-го Марковского полка (июль 1919 г.). Убит под Касторной 2 ноября 1919 г., полковник (посмертно).

²³¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 236.

²³² Буденный С.М. Указ. соч. С. 357.

²³³ Как указано в биографической справке П.В. Чеснакова (см. выше), генерал в эмиграции жил в Югославии и умер в 1948 г.

²³⁴ Буденный С.М. Указ. соч. С. 356.

²³⁵ **Рудько Вениамин Исаевич** — из казаков ККВ. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, вышел в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великой войне есаул, командир сотни того же полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Запорожского полка ККВ (с 23 октября 1919 г.), командир 2-й бригады 4-й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии командир Запорожского полка (с апреля 1920 г.), о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, командир 2-го Сводно-Кубанского полка (1921), умер в Нише (Югославия) 9 апреля 1941 г.

²³⁶ **Ка(у)лабухов Владимир Николаевич** — р. 14 июня 1890 г., казак ст. Новопокровской ККВ. Окончил Екатеринодарское реальное (1910) и Елисаветградское кавалерийское (1912) училища, вышел в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великой войне командир сотни (1916), полковой адъютант 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-го Кавказского полка ККВ (1919), старший адъютант атамана Баталпашинского отдела. Умер от тифа в декабре 1919 г., похоронен в ст. Новопокровской в ограде Николаевской церкви.

²³⁷ **Егоров Афанасий Ефимович** — р. в 1881 г., сын вахмистра. Окончил Черниговское городское училище, Черниговское пехотное юнкерское училище (1901), академию Генштаба (1912). В Великой войне старший адъютант штаба 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник штаба 3-й Кубанской казачьей дивизии (с 10 марта 1919 г.), 2-го Кубанского корпуса (с 6 ноября 1919 г.), в Русской Армии начальник штаба Сводного (Конного) корпуса (28 апреля 1920 г.), 1-го армейского корпуса, генерал-майор. В эмиграции, в Русском Корпусе командир 2-го полка (23 октября 1941 г. — 4 января 1942 г.), умер в 1957 г.

²³⁸ **Кравченко Георгий (Юрий)** — окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1911), вышел хорунжим в 1-й Лабинский генерала Засца полк ККВ. В Великой войне подесаул того же полка (март 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир родного полка (1919), погиб в Северном Донце в ноябре 1919 г.

²³⁹ *Буденный С.М.* Указ. соч. С. 319 и 320.

²⁴⁰ *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 236.

²⁴¹ Трагедия Казачества. Т. 3. С. 629.

²⁴² **Кулабухов Алексей Иванович** — р. 15 марта 1880 г., казак ст. Новопокровской ККВ. Окончил Ставропольскую духовную семинарию (1901), учился в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете, священник, член Кубанской рады (1917—1919). Первопоходник, член Кубанского правительства по внутренним делам (1918), член делегации на Парижской мирной конференции (1918—1919), повешен генералом Покровским в Екатеринодаре 7 ноября 1919 г. за якобы подписанный договор с горскими народами. В действительности был подписан лишь проект договора, предусматривающий совместные действия ККВ и горцев против большевиков в случае ухода Добровольческой армии с Кубани и Кавказа.

²⁴³ **Тарарькин Иван Иосифович** — р. ок. 1890 г., казак ст. Келермесской ККВ, урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. В Великой войне окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1915), младший офицер 2-го Линейного полка ККВ, особого отряда штаба 9-й армии (1916), в партизанском отряде Бичерахова на Персидском фронте (1917) и под Баку (1918), есаул, орден Святого Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие.

Во ВСЮР полковник, помощник командира 2-го Хоперского полка (1919), командир 1-го Черноморского полка (март 1920 г.). В эмиграции, в Русском Корпусе, умер в США в мае 1961 г.

²⁴⁴ **Ольшанский** — окончил Николаевское кавалерийское училище (1915), вышел корнетом в гусарский полк. В отряде Шкуро (1918), ротмистр, командир сотни 2-го Хоперского полка ККВ (1919). В эмиграции в США, умер в Нью-Йорке в 1949 г.

²⁴⁵ **Мальцев Павел Васильевич** — р. ок. 1890 г., казак ст. Келермесской ККВ. Окончил Кубанскую учебную семинарию, Оренбургское казачье училище (1911), вышел в 1-й Екатеринодарской кошевого атамана Чепеги полк ККВ. В Великой войне офицер 2-го Екатеринодарского полка, начальник особого отряда штаба 9-й армии, Георгиевское оружие (1916), есаул (1917). Первопоходник, комендантский адъютант Екатеринодара (1918—1919), войсковой старшина, командир 2-го Хоперского полка (1920).

²⁴⁶ **Мельников** — из казаков ККВ, хорунжий 1-го Хоперского полка ККВ (1919), после капитуляции в апреле 1920 г. Кубанской армии под Адлером—Сочи сослан в Холмогоры Архангельской губернии. Бежал за границу, в эмиграции во Франции (на 1933 г.).

²⁴⁷ **Тимановский Николай Степанович** — р. в 1889 г., гимназист-доброволец в Русско-японскую войну, георгиевский кавалер, офицерский экзаме́н (ок. 1906 г.). В Великой войне в 13-м стрелковом полку 4-й «Железной» стрелковой бригады, орден Святого Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие (1916), полковник, командир Георгиевского батальона в Ставке (1917). Первопоходник, командир 1-го Офицерского Марковского полка (с мая 1918 г.), генерал-майор (12 ноября 1918 г.), командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, начальник Отдельной бригады в Одессе, Румынии (январь—апрель 1919 г.), начальник 1-й пехотной дивизии (2 июня 1919 г.), генерал-лейтенант, начальник Марковской дивизии (10 ноября 1919 г.), умер от тифа на ст. Чернухин Херсонской губ. 18 декабря 1919 г., похоронен в усыпальнице Екатерининского собора в Екатеринодаре.

²⁴⁸ **Гейман Александр Александрович** — р. 26 августа 1866 г., казак ст. Геймановской ККВ. Окончил Тифлиссский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Офицерскую стрелковую школу (1912). В Великой войне полковник, командир 14-го, 8-го, 2-го Е.И.В. Великой Княжны Ольги Николаевны Кубанских пластунских батальонов, генерал-майор (1916), начальник 3-й Кубанской отдельной пластунской бригады (1917). Во ВСЮР и Русской Армии, командир Майкопского отряда, начальник 2-й Кубанской отдельной пластунской бригады (с 15 ноября 1918 г.), генерал-лейтенант (1918). В эмиграции, умер в старческом доме в Великой Киекинде (Югославия) в 1939 г.

²⁴⁹ **Флейшер Николай Алексеевич** — казак ст. Дондуковской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне есаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1916). В Добровольчес-

кой армии и ВСЮР, полковник, комендант Майкопа, расстрелян красными в Армавире в 1920 г.

²⁵⁰ **Бабаев Иван Терентьевич** — казак ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне войсковой старшина 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, в комиссии «офицерской чести» (1918). В эмиграции, умер в Греции после 1950 г.

²⁵¹ **Некрасов Александр Семенович** — р. в 1891 г., казак ст. Николаевской ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1911), сотню Николаевского кавалерийского училища (1913). В Великой войне подьесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на январь 1917 г.). В эмиграции в Югославии, войсковой старшина, в Русском Корпусе, умер в Германии в 1950 г.

²⁵² **Сейделер Мстислав Николаевич** — р. 12 июня 1886 г. в Тифлисе, сын полковника. Окончил Михайловское артиллерийское училище (ок. 1907 г.). В Великой войне капитан гвардии. Весной—летом 1918 г. начальник артиллерии отрядов Шкуро, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кубанского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (октябрь 1918 г.), командир Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (1919). В эмиграции во Франции, умер в Париже 22 ноября 1939 г.

²⁵³ **Врангель П.Н.** Указ. соч. Т. 5. С. 274, примечания.

²⁵⁴ **Деникин А.И.** Указ. соч. Т. 5. С. 266.

²⁵⁵ Там же. С. 262.

²⁵⁶ Там же. С. 273—275.

²⁵⁷ Там же. С. 118.

²⁵⁸ **Драгомиров Абрам Михайлович** — р. 21 сентября 1868 г. в С.-Петербурге, сын генерала. Окончил Пажеский корпус (1887), академию Генштаба (1893), вышел в Л.-Гв. Семеновский полк, командир 9-го гусарского Киевского полка (с 1910 г.). В Великой войне начальник Сводной кавалерийской дивизии, командир Сводного кавалерийского корпуса (ноябрь 1914 г.), ордена Святого Георгия 3-й и 4-й ст., командир 9-го армейского корпуса (1915), командующий 5-й армией (1916), главнокомандующий армиями Северного фронта (1917). Председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (октябрь 1918 г. — сентябрь 1919 г.), командующий войсками Киевской области (сентябрь—декабрь 1919 г.), председатель кавалерской думы ордена Святого Николая Чудотворца (с 19 сентября 1920 г.). В эмиграции в Югославии, Франции, умер в Гань под Парижем 9 декабря 1955 г.

²⁵⁹ **Драценко Даниил Павлович** — р. в 1876 г. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академию Генштаба (1908), вышел в 37-й пехотный Екатеринославский полк, в Русско-японской войне. В Великой войне полковник, начальник разведывательного отделения поле-

вого штаба Кавказской Отдельной армии, орден Святого Георгия 4-й ст. (1916), начальник штаба 39-й пехотной дивизии (март 1916 г.), генерал-майор (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник группы войск в Чечне, заставившей капитулировать части Красной армии и чеченцев под Алхан-Юртом (март 1919 г.), начальник 1-й Конной дивизии, командующий группой войск Астраханского направления (1919), представитель главнокомандующего ВСЮР в Батуме (1920), в Русской Армии начальник штаба в десанте на Кубань (август 1920 г.), командующий 2-й армией (сентябрь—октябрь 1920 г.), генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, командир 1-й бригады в Русском Корпусе (11 мая 1942 г.), умер в 40-х годах.

²⁶⁰ **Деникин А.И.** Указ. соч. Т. 5. С. 230.

²⁶¹ Там же.

²⁶² **Кубанский** календарь. Белград. 1931. С. 54.

²⁶³ **Туненберг Ростислав Михайлович** — из дворян, командир роты Киевского военного училища, капитан. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кубанского стрелкового полка, полковник (1918), командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка (с 11 марта 1919 г.), генерал-майор (с 15 июня 1919 г.), начальник участка на Перекопе (март 1920 г.), в Русской Армии командир бригады 34-й пехотной дивизии (май 1920 г.). Умер в Советской России в 1920 г.

²⁶⁴ **Бредов Николай Эмильевич** — р. в 1873 г., из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1889), Константиновское военное училище (1891), академию Генштаба (1901). В Великой войне командир 21-го армейского корпуса, генерал-лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР, в Киевском центре (с 25 ноября 1918 г.), с июля 1919 г. по март 1920 г. — начальник 7-й, 15-й пехотных дивизий, командующий войсками в Киеве, Одессе, командующий Отдельной Русской добровольческой армией в походе из Одессы в Польшу (январь—февраль 1920 г.). В эмиграции в Болгарии, в 1945 г. выдан в СССР.

²⁶⁵ **Деникин А.И.** Указ. соч. Т. 5. С. 126.

²⁶⁶ **Краснов Петр Николаевич** — р. 10 сентября 1869 г. в С.-Петербурге, казак ст. Каргинской ВВД, сын генерала. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерскую кавалерийскую школу, вышел хорунжим в Л.-Гв. Атаманский Наследника Цесаревича полк, полковник (19 марта 1910 г.), командир 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича полка СибКВ (23 июня 1911 г.). В Великой войне командир 10-го Донского казачьего полка, генерал-майор (2 ноября 1914 г.), командир 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии (с 1 апреля 1915 г.), командующий 2-й Сводной казачьей дивизией (16 сентября 1915 г.), 1-й Кубанской казачьей дивизией (10 июня 1917 г.), 3-м кавалерийским корпусом (24 августа 1917 г.), орден Святого Георгия 4-й ст. (30 декабря 1915 г.). Войсковой атаман ВВД (4 мая 1918 г. — 2 февраля 1919 г.), генерал от кавалерии

(26 августа 1918 г.), в Северо-Западной армии (22 июля 1919 г.). В эмиграции в Германии, Франции, во Второй мировой войне начальник Главного Управления Казачьих Войск (31 марта 1944 г. — май 1945 г.), выдан в СССР, казнен 16 января 1947 г.

²⁶⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 268.

²⁶⁸ Там же. С. 264.

²⁶⁹ По установлению советской власти, станица Уманская, как и многие другие на Кубани, в 1932 г. была занесена на «черные доски». Это означало немедленное прекращение подвоза товаров, всякой торговли — с закрытием магазинов и вывозом из них всего «до последнего гвоздя», взъискание «всех долгов». Станицы окружались войсками Красной армии и ОГПУ, превращались в резервации (никого не впускали и не выпускали) и обрекались на голодомор. В дальнейшем станицы заселялись красноармейцами и сотрудниками НКВД.

Дабы стереть всякую память о казачестве, станицы переименовывались. Уманская до сих пор носит имя Ленинградская. По подсчетам командования германских войск, пришедших в 1942 г. на Кубань, казаков там считывалось лишь 10 процентов.

²⁷⁰ Гурбич — казак ст. Павловской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка, есаул (1919).

²⁷¹ Троян Иван Николаевич — казак ст. Вознесенской ККВ, в Великой войне урядник конвоя заместника на Кавказе. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник Корниловского конного полка (1919).

²⁷² Полтавский Илья — р. ок. 1892 г., казак ст. Ессентукской ТКВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1913). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-й Терской казачьей дивизии 3-го Кубанского конного корпуса (1919). В эмиграции в США.

²⁷³ Коноков Степан — р. ок. 1892 г., казак ст. Ессентукской ТКВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1913). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-й Терской казачьей дивизии 3-го Кубанского конного корпуса (1919). Умер в Константинополе в 1921 г.

²⁷⁴ Булавинов Евграф Васильевич — р. в 1889 г., казак ст. Суворовской ККВ, в службе с 1910 г., старший урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. В Великой войне окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1915), хорунжий 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (1 февраля 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции, умер в Касвиле под Нью-Йорком (США) в 1957 г.

²⁷⁵ Колков Георгий Иванович — р. в 1882 г., из казаков ККВ. В Великой войне окончил Тифлисское военное училище (4 месяца), прапорщик 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5 марта 1917 г.). С весны 1918 г. в составе отрядов Шкуро, есаул, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир «Волчьего дивизиона» 1-й Кавказской казачьей дивизии (1919), затем в составе в 3-й Кубанской казачьей дивизии, полковник (1920). В Русской Армии командир «Волчьего» полка,

переименованного в Крыму, после гибели генерала Н.Г. Бабиева, в 1-й Лабинский генерала Бабиева полк ККВ (октябрь 1920 г.).

²⁷⁶ Штандарт 2-го Хоперского полка ККВ хранится в музее Кубанского войска в Хоуэлле (США).

²⁷⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 76 и 77.

²⁷⁸ Колесник Евдокия Николаевна — казачка ст. Суворовской, старшая сестра милосердия 2-го Хоперского полка ККВ (1919). В эмиграции жена есаула Е.В. Булавина, умерла в Касвиле под Нью-Йорком (США) в 1952 г.

²⁷⁹ Елисеев Андрей Иванович — казак ст. Кавказской ККВ. В Великой войне георгиевский кавалер (1915), окончил Телавскую школу прапорщиков, хорунжий 3-го Кавказского полка ККВ (на декабрь 1916 г.). Участник восстания казаков в Кавказском отделе ККВ (март 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина 1-го Кавказского полка ККВ (1920), в апреле 1920 г. при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи попал в плен. В лагерях, расстрелян красными вместе с сыном в 30-х гг.

²⁸⁰ Елисеев Георгий Иванович — р. в 1896 г., казак ст. Кавказской ККВ. В Великой войне вольноопределяющийся 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1916), окончил Тифлисское пехотное военное училище (1917), хорунжий 2-го Черноморского полка ККВ в Персии. Участник восстания казаков в Кавказском отделе ККВ (март 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, сотник Корниловского конного полка (1919), в Русской Армии, есаулом того же полка погиб в Таврии в июле 1920 г.

²⁸¹ Толстов Василий Григорьевич — р. 24 декабря 1857 г., казак ст. Темижбекской ККВ, окончил Кубанскую войсковую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище (1878), офицер 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны и 1-го Кубанского полков ККВ, командир 2-го Кубанского полка, генерал-майор, атаман Кавказского отдела ККВ (1914—1917). В 1920 г. в Крыму, о. Лемнос, эмигрировал в Югославию. В чине есаула написал исторический очерк (1896), затем фундаментальное исследование «История 1-го Хоперского полка ККВ» (1901), «Памятку 1-го Кубанского полка» (1914). Повторно в 1932—1934 гг. написал «Историческую памятку Хоперского полка ККВ» и «Краткую историческую памятку Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ», служил псаломщиком в монастыре в Хопове, умер 25 ноября 1935 г.

²⁸² Гулыга Иван Емельянович — р. 26 августа 1857 г., казак ст. Незамаевской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1877), академию Генштаба (1899), атаман Кавказского отдела ККВ, генерал-майор (6 декабря 1912 г.). В Великой войне начальник 2-й, затем 1-й Кубанских отдельных пластунских бригад, Георгиевское оружие (1915), командир Терско-Кубанского пластунского корпуса, генерал-лейтенант (1 октября 1917 г.). Командующий Кубанской армией (17 янва-

ря — 14 февраля 1918 г.), первоходник, во ВСЮР врид начальника 8-й Донской казачьей дивизии (1919), в резерве офицеров Генштаба (1920). В эмиграции, умер в Югославии в июне 1936 г.

²⁸³ Абазинцы, абазины — народ Северного Кавказа, известный по русским летописям XII в., ныне проживающий на территории Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Адыгеи и Кабардино-Балкарии.

²⁸⁴ **Короленко Прокофий Петрович** — р. 5 июля 1834 г., казак ст. Павловской Черноморского войска. В службе казаком 6-го конного полка ЧКВ (5 июня 1851 г.), за отличие в делах против горцев урядник (1852), помощник старшего адъютанта войскового дежурства (март 1866 г.), архивариус войскового архива (январь 1893 г. — май 1902 г.), автор более 30 трудов. Умер в Ставрополе 6 февраля 1912 г.

²⁸⁵ **Мистулов Эльмурза Асланбекович** — р. 16 сентября 1869 г., из казаков-осетин ст. Чернойрской ТКВ, сын ротмистра, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), вышел в 1-й Волгский полк ТКВ, участник военной экспедиции в Китай (1900), Русско-японской войны в составе Терско-Кубанского полка, Золотое (Георгиевское) оружие и орден Святого Георгия 4-й ст. (25 февраля 1907 г.), командир 2-го Сунженско-Владикавказского полка ТКВ в Персидском походе (1913), полковник (6 мая 1914 г.). В Великой войне командир 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (31 марта 1916 г.), командир 2-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (20 декабря 1916 г.), генерал-майор (январь 1917 г.), командир Отдельной Кубанской казачьей бригады в Персии (ноябрь 1917 г.). Командующий войсками Терского войска (8 июля 1918 г.), погиб (застрелился) в ст. Прохладной 9 ноября 1918 г.

²⁸⁶ **Короленко П.П.** Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска 1696—1896 гг. Харьков, 1896. С. 24.

²⁸⁷ **Стояновский Константин Никитич** — из казаков ККВ, генерал-майор (14 мая 1911 г.), перед Великой войной в отставке с чином генерал-лейтенанта. В Великой войне принят на службу генерал-майором (22 октября 1914 г.), начальник 3-й Забайкальской отдельной казачьей бригады (до 30 декабря 1915 г.), затем переведен в резерв чинов при штабе Кавказского военного округа.

²⁸⁸ Имеется в виду 1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ. В Великой войне входил в Закаспийскую отдельную казачью бригаду (до осени 1915 г.), затем в состав 5-й Кавказской казачьей дивизии.

²⁸⁹ **Погто Александр Васильевич** — сын генерала. В Великой войне полковник, командир 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (с 2 июля 1914 г.), генерал-майор.

²⁹⁰ **Ларионов Григорий Антипович** — р. в 1868 г., из казаков ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую стрелковую школу. В Великой войне войсковой старшина, помощник коман-

дира 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ. В эмиграции, умер в Югославии.

²⁹¹ **Погто Василий Александрович** — р. 1 января 1836 г., из дворян Тульской губ., воспитывался в Тульском Александровском, Орловском Бахтина кадетских корпусах и в Дворянском полку. Произведен в прапорщики в Новороссийский драгунский полк (1855), участвовал в блокаде и взятии Карса, в польской кампании (1863), капитан, преподаватель Николаевского кавалерийского училища (1866), переведен штабс-ротмистром в Л.-Гв. Уланский полк с оставлением при училище, начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища (октябрь 1870 г. — декабрь 1881 г.), переведен в Л.-Гв. Уральский казачий эскадрон с оставлением начальником училища, полковник (февраль 1877 г.), генерал-майор, начальник военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа (1899), автор многих трудов по военной истории, генерал-лейтенант, умер 29 ноября 1911 г.

²⁹² Подъесаул Фостиков был представлен к Георгиевскому кресту 4-й ст. за бой 14—15 августа 1917 г. при занятии высоты у озера Зеребар, к Георгиевскому кресту 3-й ст. — за бой 25—26 сентября 1917 г. у сел. Мириван (по данным Курепина Ю.Г.).

²⁹³ Кубанец. Нью-Йорк, ноябрь 1981, № 40, с. 13.

²⁹⁴ Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 192, оп. 3, д. 1063, л. 28.

²⁹⁵ РГВА. Ф. 192, оп. 3, д. 1063, л. 31.

²⁹⁶ Там же. Д. 1064, л. 38.

²⁹⁷ Там же. Л. 39.

²⁹⁸ Там же. Д. 1050, л. 3.

²⁹⁹ Там же. Л. 5, 5об. и 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА М.А. ФОСТИКОВА

<i>Глава 1. МОЕ УЧАСТИЕ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ</i> (1 марта 1918-го — 1 марта 1920 года)	
Бегство из Петербурга на Кубань	15
Ставропольская операция	18
Операции у села Петровского	27
Тяжелые бои у реки Маныч (1)	34
Операции у реки Маныч (2)	46
Поход на Царицын	53
Неудачи Добровольческой армии в Заднепровском бассейне, отступление	67
Новые формирования военных частей на Кубани	74
<i>Глава 2. МОЕ ВОССТАНИЕ НА КУБАНИ</i> (март—октябрь 1920 года)	
Крах Белого движения на Южном фронте в Кубанской области	80
Поведение большевиков на Кубани до восстания	84
Подготовка к восстанию, жизнь в горах Карачая	85
Организация отряда и первые походы	89
Дальнейшие действия повстанческой армии	105
Отступление отряда через горы в Грузию и эвакуация в Крым	134
<i>Глава 3. ОКТЯБРЬ 1920 ГОДА В КРЫМУ</i>	
Крушение Белой армии и эвакуация за границу	165

ХОПЕРЦЫ В ДВУХ ВОЙНАХ

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА-ХОПЕРЦА П.М. МАСЛОВА	
1-й Хоперский полк на Западном фронте	181
Кавказский фронт	185

НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ

Царский смотр. В Персии. Хаос	188
Начало борьбы с большевиками	193
Послесловие через полвека	207

Ф.И. ЕЛИСЕЕВ. С ХОПЕРЦАМИ

Тетрадь первая	
В 3-м Уманском полку. Полковник Гамалий	208
В своей станице	210
Урядник Сальников. Подпоручик Астахов	211
В Майкопе. Черкесы	214
Инспекция Походного Атамана. Генерал Бабиев	217
На могиле генерала Маневского	222
В Екатеринодаре. «Гадалка»	224
Пленные красноармейцы	227
Кубанские части на фронте летом 1919 года	230
Боевые картинки кубанских частей на фронте	233
На фронт — к Воронежу	238
В Воронеже. Генерал Шкуро	241
«Казачий пеший батальон корпуса»	245
Тетрадь вторая	247
На фронте Донской армии под Воронежем	248
Конный корпус Буденного	250
Неожиданные события в тылу. Восстание Махно	251
Что пишет Буденный	255
Необходимое уточнение. Одно свидетельство	259
Неожиданная встреча с донцами	263
Воронежские крестьяне	266
Во 2-м Хоперском полку. Первые дни	272
Боевой состав полка	274
«С Дона выдачи нет»	276
«Волчий дивизион»	277
Хорунжий Борисенко. Встреча с марковцами	278
У генерала Постовского	280
Пополнение полка	282
Тетрадь третья	284
«Алла-верды»	285
Первый бой под Касторной	288
Недопустимые неточности	291
Неприятный бой у села Алисы	293
Молодецкая конная атака полка	296
Сдача Касторной. Результат нашей атаки	304
Полк в арьергарде дивизии	308
Гибель полковника Юрия Ассиера	312
Хоперцы и кавалеристы князя Гагарина	315
Мамантов, Шкуро, Шифнер-Маркевич	319

СОДЕРЖАНИЕ

Новое молодецкое дело хоперцев	321
Апофеоз	324
Тетрадь четвертая	
Мы отступаем. Метель	325
Одна казачья история	327
Драматические картинки при отступлении	330
Сводно-кавалерийская дивизия	334
Встречи — генерал Науменко и полковник Рудько	336
Странные строки Буденного	340
Полковники Гамалий и Тарарыкин, ротмистр Ольшанский	342
Драма в нашей дивизии	345
Трагедия дроздовцев	348
Под Дебальцевом	349
Приказ генерала Улагая	352
Мы идем на Кубань	354
В Батайске	357
Тетрадь пятая	
Соотношение сил — добровольческих и казачьих	361
Отход дивизии по Кубани	365
В станице Павловской	368
Неожиданное пополнение в дивизию	370
Дивизия в Тихорецкой	372
В Новолеушковской. Полковник Кравченко	375
Неутешное горе в одном казачьем семействе	376
2-й Кубанский конный корпус	378
Настроение хоперцев. В Невинномысской	380
Приезд генерала Шкуро	382
Полковник Соламахин и 1-й Хоперский полк	384
Штандарт 2-го Хоперского полка	385
Мой отъезд из полка	387
О наградах (заключение)	391
О наших начальниках: генералы Шкуро, Шифнер-Маркевич, Соколовский	394
Краткая «История Хоперцев»	397

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1.</i> Краткая записка о службе генерал-лейтенанта Фостикова	407
<i>Приложение 2.</i> Кубанское казачье войско. Военно-административное деление	410
<i>Приложение 3.</i> О полковой песне 1-го Хоперского полка	413
<i>Приложение 4.</i> Секретные документы Кавказского фронта красных	416
Комментарии	423

ISBN 5-9524-0731-5

Научно-просветительное издание

ДНЕВНИКИ КАЗАЧЬИХ ОФИЦЕРОВ

*Составление, научная редакция, предисловие,
приложения, комментарии, подбор иллюстраций
П.Н. Стрелянова (Калабухова)*

Ответственные редакторы В.А. Благово и С.А. Сапожников

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректор Д.Б. Соловьев

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.11.2003.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0.
Уч.-изд. л. 29,48 + 3 альбома = 32,12.
Тираж 3 000 экз. Заказ №2171

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

ГУП Московская типография № 2
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (МПТР России).
Тел. 282-24-91. 129085, Москва, пр. Мира, 105